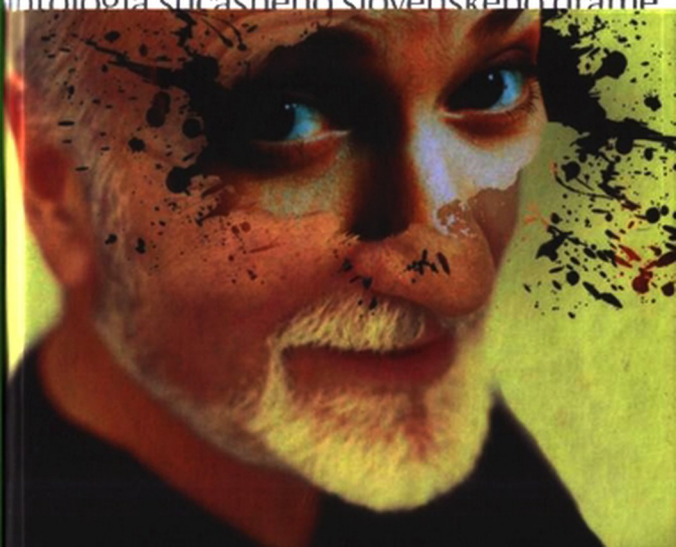
Антология современной словацкой драматургии

АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Новое Литературное Обозрение



Антология современной словацкой драматургии

Иван Буковчан, Освальд Заградник, Ондрей Шулай, Рудольф Слобода, Станислав Штепка, Вильям Климачек, Додо Гомбар, Карол Горак, Яна Юранёва, Ивета Горватова, Душан Вицен, Михаил Дитте, Лукаш Брутовски, Михаэла Закутянска

Аннотация
Антология современной словацкой драматургии
Предисловие
Иван Буковчан. Страусиная вечеринка
  Действие 1
  Действие 2
Освальд Заградник. Соло для часов с боем
  Действие первое
  Действие второе
  Действие третье
Ондрей Шулай. Помощник
  Часть I
  Часть II

Ондрей Шулай. Фила ловит иволгу
Пьеса в 20 картинах
Рудольф Слобода. Мачеха
Действие первое
Действие второе
Станислав Штепка. Десять заповедей
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Вильям Климачек. Гипермаркет
1. Зал гипермаркета
2. Секция аудиодисков
3. Секция парфюмерии
4. Морозильник
5. Дубляж
6. Видеосъемка
7. Квартира Йена и Карин
8. Вылетная магистраль
9. Кафе

10. Зал гипермаркета
11. Карин дома
12. Квартира Анны
13. Квартира Петера
14. Гостиничный лифт
15. Квартира Анны
16. Карин переезжает
17. Интервью Петера
18. Зал гипермаркета
19. Аэропорт
Додо Гомбар. Третья эра
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

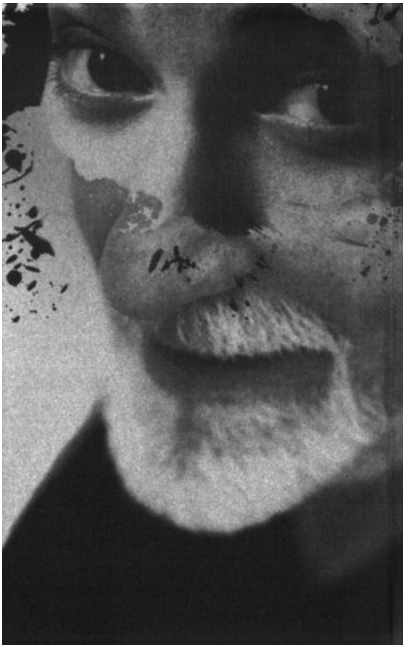
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
Карол Горак. Бабло, гулянка и вечный свет
Яна Юранёва. В мире реалити-снов
Явление 1
Явление 2
Явление 3
Явление 4
Явление 5
Явление 6
Явление 7
Явление 8
Явление 9
Явление 10
Явление 11
Явление 12

Явление 13
Явление 14
Явление 15
Явление 16
Ивета Горватова. Семейный блюз
I. Блюз матери
II. Блюз отца
III. Блюз дочери
IV. Блюз сына
V. Семейный блюз
Душан Вицен. Хищники и слизняки
Михаил Дитте. Собачья жизнь
Лукаш Брутовски. О вони терпимости и о лоне
Михаэла Закутянска. Сортирологии

Аннотация

В антологии представлены драматургические произведения, выдержавшие испытание сценой. За исключением двух пьес (О. Заградника и И. Буковчана), которые уже стали национальной и мировой классикой, и двух драматизаций известных авторов (Л. Баллека и В. Шикулы), осуществленных О. Шулаем, это пьесы современные. Они различны по стилю: одни написаны в русле библейских традиций, другие могут служить примером авангардных экспериментов, третьи — вполне традиционны. Время их создания — конец 1990-х—2000-е годы. Все пьесы (кроме О. Заградника) переведены на русский язык впервые. Состав книги дает представление о современном состоянии словацкой драматургии и театра, о жизни Словакии наших дней, где после распада в 1993 году Чехословакии произошли изменения не только в политической, экономической, культурной сферах, но и в образе жизни, отношениях между людьми.

Антология современной словацкой драматургии



Предисловие

Предлагаемая вниманию читателей книга имеет целью познакомить их с богатым и интересным миром современной словацкой драматургии, показать ее традиционный и сегодняшний облик. По содержанию «Антологии» можно проследить этапы и логику развития драмы в Словакии последних десятилетий, во многом перекликающиеся с процессами, происходящими в эти годы и в русской драматургии. Важно и то, что пьесы, основанные на самом разном жизненном материале, в совокупности дают некоторое, пусть даже самое общее, представление о повседневности и традициях словаков, о событиях прошлого и о сегодняшнем состоянии словацкого общества. Здесь можно найти упоминания о таких реалиях национальной истории, как первая Словацкая республика (1939–1945), антифашистское Словацкое национальное восстание 1944 г., период коммунистического режима с репрессиями и «железным занавесом», а затем — его крушение, «бархатная революция» 1989 г. и распад Чехословацкой Республики в

1993 г. В пьесах последних лет российский читатель встретит узнаваемые картины и характеры постсоциалистического общества начала 2000-х.

Словацкий и российский театры связывают давние традиционные отношения. На сценах российских театров с успехом шли спектакли по пьесам таких словацких авторов, как Петер Карваш («Полуночная месса», «Антигона и другие»), Освальд Заградник («Соло для часов с боем», «Сонатина для павлина», «Долетим до Милана») и др. В Словакии неизменным остается интерес к русской драматургии и инсценировкам произведений русской литературы, прежде всего — классической, дающей современным режиссерам богатые возможности для интерпретации и сценического воплощения. В текущем репертуаре словацких театров мы находим спектакли по романам Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (Словацкий национальный театр, реж. Р. Полак) и «Идиот» (театр «Асторка — Корзо'90», реж. М. Кробот), Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (Словацкий национальный театр, реж. Р. Полак), пьесы А. П. Чехова «Платонов» и «Три сестры», «Месяц в деревне» И. С. Тургенева (реж. Р. Полак), «Бесприданница» А. Н. Островского (Театр им. А. Багара, реж. М. Вайдичка), «Женитьба»

(Театр им. Й. Заборского, реж. С. Спрушански) и «Игроки» (Словацкий национальный театр, реж. Л. Вайдичка) Н. В. Гоголя. Заметен в Словакии интерес и к российской драматургии XXI века: были поставлены спектакли по пьесам О. Мухиной, И. Вырыпаева, В. Сигарева, издан сборник «Русская драма» (в серии «Новая драма»), куда вошли переведенные на словацкий язык пьесы пяти молодых российских авторов[1].

При этом знакомство российского читателя и зрителя с оригинальным и многообразным миром современной словацкой драмы, к сожалению, оставляет желать лучшего: если О. Заградника у нас знают и любят благодаря сохранившейся телевизионной записи мхатовского спектакля «Соло для часов с боем», то имена и произведения талантливых авторов более молодого поколения в России почти не известны. Восполнить этот пробел представляется и закономерным, и полезным.

В книгу вошли лучшие образцы словацкой драматургии последних лет; здесь можно познакомиться как с традициями психологической драмы, так и с новыми тенденциями драматур-

---

[1] Примечания: 1

Ruska drama. Bratislava: Divadelny listav, 2008.

гии XXI века, увидеть ее стилевую палитру.

О двух первых пьесах, открывающих «Антологию», с полным основанием можно говорить как о контексте современной литературы, поскольку они представляют гуманистическую линию в развитии словацкой драматургии, показавшую свою художественную состоятельность и плодотворность.

В пьесе Ивана Буковчана (1921–1975) «Страусиная вечеринка» (книжное издание 1968 г.) многое традиционно, соблюдено даже классическое триединство времени, места и действия: это вечер встречи старых одноклассников. Характеры действующих лиц угадываются по их школьным прозвищам, диалоги поначалу неспешны и преисполнены ностальгии по далекому детству. Кульминацией же становится острый спор и взаимные обвинения в позорном компромиссе с собственной совестью — каждый из бывших приятелей «прячет голову в песок», думая о собственном благополучии и предавая старого гимназического учителя, преследуемого властями за мнимое «вольнодумство». Завязка и обстоятельства действия (встреча школьных друзей) могут напомнить русскому читателю пьесу В. Розова «Традиционный сбор» (1966). Однако у

Буковчана нравственный конформизм приобретает всеобщий характер, кроме того, автор одним из первых поднимает запретную в прежние годы тему политических репрессий.

Пьеса Освальда Загрядника (р. 1932) «Соло для часов с боем» (1973) — единственная из представленных — была переведена и опубликована ранее. Замечательная и сама по себе, она прославилась у нас в стране благодаря постановке МХАТа с участием легендарной «старой гвардии» народных артистов: Михаила Яншина, Алексея Грибова, Ольги Андровской, Марка Прудкина, Виктора Станицына (режиссеры О. Ефремов и А. Васильев, тогда еще режиссер-стажер). Конфликт пожилых людей и молодежи, «отцов и детей», основанный на различном понимании жизненных ценностей, перемещается в пьесе в духовную сферу, приобретает общечеловеческий характер. Это уже не конфликт поколений, постепенно сглаживающийся к финалу, а драматическое столкновение мечты и действительности. Молодые герои переносятся в своих мечтах в будущее, пожилые грезят своим прошлым, приукрашенным фантазиями и ностальгическими воспоминаниями о невозвратной молодости. Аналогию с русской драматургией того же пе-

риода можно провести, вспомнив героев пьес А. Вампилова — сложных, переменчивых, с драматическими поворотами судеб. В свою очередь, словацкий театровед Д. Подмакова видит типологическую схожесть творческой манеры О. Заградника и А. П. Чехова, обусловленную «не только своей минорной тональностью, но, что главное, — и своим гуманизмом и эмоциональностью»[2].

Две инсценировки литературных произведений представлены в «Антологии» современным переложением Ондрея Шулая (р. 1949) на язык драматургии романов Ладислава Баллека «Помощник» (1977) и повести Винцента Шикулы «Иволга» (1978). В драматической версии «Помощника» сохранена центральная сюжетная линия романа и выделен его основной конфликт — столкновение носителя патриархальных нравственных устоев с новыми послевоенными реалиями, иной социально-этнической средой и иными представлениями о морали. Психологический портрет персонажей вырисовывается не только в прямом действии и репликах, но и в речевой характеристике, для чего автор широко

[2] Примечания: 2

Подмакова Д. Освальд Заградник и его предшественники. Долгая предыстория спектакля «Соло для часов с боем». М., 2008. С. 47.

использует и словацкие диалектные формы, и элементы венгерского языка.

Оригинальную писательскую манеру В. Шикулы передает пьеса «Фила ловит иволгу». Центральные персонажи — Фила и ее муж Яно — неизменно мечтательны и непрактичны, они живут сегодняшним днем; напротив, пара отрицательных персонажей по ходу действия (и словацкой истории) меняет личины и выступает то как сварливые деревенские родственники Филы, то как безжалостные «гардисты»[3], то как авторитетные «товарищи» из местного парткомитета.

Библейские мотивы, в целом характерные для словацкой литературы, являются — правда, в весьма переосмысленном виде — важными конструктивными и идейными элементами пьес Рудольфа Слободы (1938–1995) «Мачеха» (1995) и Станислава Штепки (р. 1944) «Десять заповедей» (2006). При этом между ними много и различий, прежде всего — жанровых. Первая пьеса представляет собой своего рода ироническую мелодраму, в которой Люцифер предпринимает неудачную попытку заполучить душу набожной

[3] Примечания: 3

Глинковская гарда (гвардия) — нацистская военизированная организация самообороны в Словацкой Республике (1939–1945).

самоотверженной женщины, матери трех приемных дочерей-инвалидов. Его посыльный, черт, расставляет ей сети, создает череду фантасмагорических ситуаций, однако в финале пасует перед красотой и благородством «мачехи» и сам становится человеком под напутственные слова резонера и моралиста Архангела Гавриила.

С. Штепка написал свою пьесу в традиционном для себя и руководимого им театра[4] жанре комедии, сопровождаемой исполнением пародийно-сатирических зонгов. Каждая из десяти заповедей иллюстрируется комическим диалогом, привязанным к той или иной бытовой ситуации, когда заповедь нарушается и при этом открываются смешные, наивные, а порой и неприглядные черты «маленьких людей».

Драматургом, режиссером и душой еще одного интересного словацкого театра — «GUnaGU» является Вилиам Климачек (р. 1958), автор поэтических сборников, романов, десятков пьес, одна из которых, «Гипермаркет» (2005), включена в предлагаемую вниманию читателей книгу. На фоне символизирующих культ потребительства

---

[4] Примечания: 4

Радошинский наивный театр (Братислава) существует уже 50 лет; С. Штепка является его основателем, руководителем и постоянным автором.

торговых площадей и тележек, нагруженных товарами, разыгрывается драма человеческих отношений, оттеняемая присущим автору юмором, порой с едким оттенком сарказма. Характеры персонажей при всей их заданной типичности (педантичный менеджер, капризная актриса, взбалмошная девица, суровый охранник, любящая мать) по ходу действия раскрываются драматургом своими неожиданными сторонами. Этому в немалой степени способствуют многочисленные развернутые авторские ремарки, уточняющие как обстоятельства действия, так и психологический рисунок роли. Кровавая развязка приобретает символическое звучание в финальной сцене пьесы, когда брошенная актриса оказывается одна в море торговых тележек.

Разными способами трактуются проблемы человеческой разобщенности в современном мире, распада семей, взаимного непонимания близких людей, формализации отношений в пьесах «Третья эра» (2002) Додо Гомбара (р. 1973), «В мире реалити-снов» (2010) Яны Юранёвой (р. 1957) и «Семейный блюз» (2010) Иветы Горватовой (р. 1960). Основные действующие лица в драме Гомбара сгруппированы по парам, схожим до двойничества: это пожилые супруги, их сын

с партнершей, его друг с молодой женой, двое старых богемных пенсионеров. Каждый не удовлетворен и самим собой, и своими близкими. Молодые — рутинной работой и запутанными отношениями, пожилые — отсутствием любви и надежды на будущее. Автор использует в пьесе как традиционные формы высказывания — диалоги и развернутые монологи, так и своего рода исповеди от третьего лица в сценах, когда у героев, по словам одного из них, открывается «нижний уровень подсознания».

Гендерный аспект темы отчуждения и поисков путей сближения мы видим в пьесе Яны Юранёвой[5]. Ее героини — Мать, Старшая и Младшая дочери, сестра матери Божка (только у нее есть собственное имя, да и то с оттенком метафоры) — все они живут в замкнутом мире, напоминающем телевизионное шоу или латиноамериканский сериал. Авторские ремарки при этом относятся не столько к психологическим деталям, сколько к сценографии: подробно описывается интерьер с многочисленными и многофункциональными

[5] Примечания: 5

Я. Юранёва — писательница, публицист, одна из руководителей и соучредителей словацкой феминистской организации «Аспект», занимающейся культурно-просветительской и издательской деятельностью.

дверями, в которые не только входят и из которых выходят действующие лица, но и заглядывают олицетворенные комплексы Матери, возникают параллельные пространства, в которых Мать с пультом в руках просматривает сцены неспокойной семейной жизни дочерей. Мужчины играют при этом второстепенную, вспомогательную роль, поэтому все три мужских персонажа по воле автора представляет один актер, а роль виртуального покойного отца семейства выполняет вешалка с мужской одеждой. Хеппи-энда не предполагается, хотя в финальной сцене все четыре женщины выходят из своих мирков и воссоединяются в общем речитативе о смысле жизни.

И. Горватова ведет свой «Семейный блюз» голосами четырех персонажей, у которых также условные имена — Мать, Отец, Сын и Дочь. Постаревшие родители уже не находят общего языка ни друг с другом, ни с взрослыми детьми. Члены семьи постоянно ссорятся, общаясь более или менее мирно только на расстоянии — через «Skype» или по мобильному телефону, ставшему (особенно для Дочери) не только каналом связи с миром, но и своего рода идолом. Поэтому общее примирение и блюз семейной любви в финале воспринимается скорее как несбыточная мечта,

подобие катарсиса.

В книге представлена и монодрама — это сатирическая пьеса Карола Горака (р. 1943) с красноречивым названием «Бабло, гулянка и вечный свет» (2005), в которой все роли предназначены для одного актера. Перевоплощаясь или «мимикрируя», он произносит монологи пяти закадычных приятелей. Это однозначно отрицательные типажи, чей род занятий и характер выражены в их кличках — Гробовщик, Грабитель, Игрок, Нищий, Киношник. Главными ценностями их далекой от духовности жизни давно стали деньги («бабло») и развлечения. Даже «вечный свет», как выясняется в последнем монологе Гробовщика, произнесенном им перед случайной гибелью во время попойки с друзьями, — это не спасительный божественный свет, а фонарь — новинка в сфере похоронных принадлежностей, привезенная из Америки. Действие в пьесе сведено к минимуму, зато монологи содержат развернутые рассказы о случаях из жизни героев; при этом автор использует в их речевых характеристиках язык, изобилующий просторечными и сленговыми выражениями.

Иными средствами драматургии пользуется Душан Вицен (р. 1966) в соавторстве с артистами

своего театра «SkRAT»[6], затрагивая в своей пьесе «Хищники и слизняки» (2011) схожую проблему бездуховности, формализованности и регламентированности отношений между людьми. Здесь нет последовательного действия с завязкой, кульминацией и развязкой; сюжет построен на чередовании отдельных картин из жизни «офисного планктона» некоего абстрактного предприятия. Точные и развернутые авторские ремарки определяют не только сценическое, но и музыкальное, шумовое, световое оформление каждой из восемнадцати картин; его повторяющиеся элементы создают впечатление монотонной и бессмысленной деятельности, что подтверждают и диалоги персонажей. Действующие лица названы условно (на самом деле это имена актеров), они меняются ролями, представляя модели коммуникации двух типов характеров — активно-агрессивных и слабых, лабильных, произвольно их перемешивая. Автор применяет в ряде сцен прием шока («убийство», «кровь» на сцене, копирайтеры с «актуальным» фирмен-

[6] Примечания: 6

Авторский театр (Братислава); в названии обыгрывается слово «skrat» (короткое замыкание) и sk — обозначение доменной зоны Словакии.

ным слоганом «Arbeit Macht Frei» (нем.)[7] и т. д.), использует аллюзии — например, в последней картине с названием «Чехов» происходит ритуальная рубка «вишневого сада».

Эти и другие экспериментальные художественные приемы, в том числе касающиеся сценического языка, и сам по себе отстраненный, иной раз безжалостно-жесткий взгляд на современную действительность — все это отличает пьесы молодых словацких авторов, творчество которых развивается в русле «новой драмы»[8] — течения конца 1990-х — начала 2000-х гг., яркие образцы которого мы можем видеть и в русской, и в мировой драматургии.

Пьеса Михаила Дитте (р. 1981) «Собачья жизнь» (2011) отражает реалии современной Словакии после распада Чехословацкой Республики, связанные с проблемами безработицы, нищеты, убогих условий существования определенной части ее населения. Однако мы имеем дело не с

[7] Примечания: 7

«Труд освобождает» — нацистский лозунг, надпись на воротах Освенцима.

[8] Примечания: 8

В Словакии с 2005 г. проходит ежегодный театральный конкурс-фестиваль «Новая драма», лауреатами которого в разное время становились авторы, представленные в этой книге (И. Горватова, В. Климачек, К. Горак, Д. Гомбар, Д. Вицен, Л. Бруновски, М. Закутянска). Фестиваль современной пьесы с таким же названием проводился и в России.

сухой фактографией «физиологического очерка», а с образом конкретных судеб, в которой социология уступает место художественному обобщению. Автор в нескольких сценах прослеживает стадии деградации бедной провинциальной семьи, отражая этот процесс в изменении способа общения родителей и детей, в переходе от простой бытовой лексики к вульгарной и даже обсценной, а на уровне сценографии — в нагнетании через авторские ремарки мотива бытовой (и нравственной) грязи, постепенно засасывающей людей. Картина общего разложения и отупения заканчивается фантасмагорическим образом — санацией трущоб и принудительной эвакуацией его обитателей, которую осуществляет таинственный спаситель бедняков в белоснежном костюме, с замашками ответственного чиновника и с тем же лозунгом «Arbeit Macht Frei».

В поэтике «новой драмы» написаны и пьесы самых молодых из представленных драматургов — «О вони терпимости и о лоне» Лукаша Брутовского (р. 1988) и «Сортирологи» Микаэлы Закутянской (р. 1987)[9]. Пьеса Брутовского, по авторскому определению — «коллаж», несет на

[9] Примечания: 9

Тяготение к экспериментальным формам и Л. Брутовский, и М. Закутянска сочетают с профессиональным интересом к русской классике.

себе явные признаки буффонады с элементами абсурда. Женские персонажи действуют на сцене в параллельных пространствах, сходясь лишь в финале и иллюстрируя три значения любви, три связанные с ней проблемы. Эффектен контраст лирики и гипернатурализма: в эмоциональных репликах нагнетается тема смрада, после тура вальса из дамских туфелек льется кровь, одна из героинь в отчаянии таскает по сцене гигантский вибратор.

Пьеса М. Закутянской «Сортирологи» напоминает по своей стилистике документальный театр с его техникой вербатима (Verbatim) — дословного воспроизведения рассказов обычных людей на определенную тему. В данном случае это «неудобная» и «неэстетичная» тема женской физиологии, которую решаются обсудить четыре женщины разного возраста и занятий. Сидя в туалетных кабинках, они по очереди произносят монологи, в которых повествуют о драматических случаях, произошедших с ними в этой сфере. Своеобразная групповая психотерапия завершается для ее участниц освобождением от душевных травм и комплексов.

Многие из современных драматургов, с произведениями которых знакомит данная книга, являются не только авторами, но и театральными режиссерами, а некоторые — и артистами театров, где ставятся их пьесы. Поэтому при восприятии текстов нужно учитывать их особый интерактивный характер, а в целом — специфику драматургии как рода литературы, предполагающего сценическую реализацию и интерпретацию. Хочется надеяться, что представленные произведения привлекут внимание российского читателя, а возможно — и будущего зрителя своими художественными достоинствами, близостью и узнаваемостью ситуаций и характеров, обусловленной, помимо их общечеловеческого содержания, еще и славянской родственностью и схожим по своему драматизму историческим опытом.

Людмила Широкова

Иван Буковчан
Страусиная вечеринка

(Трагикомедия)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАРЕК.
ШЕРИФ.
МОНИКА.
ДОКТОР.
ЛУПИНО.
БЛАНКА.
ФИЛИПП.
СВЕТАК.
СИРИУС.
ДЕВУШКА.

Перевод А. Машковой
Ivan Bukovčan. Pštrosí večierok (tragikomédia)
© Наследники Ivan Bukovčan / LITA, 2014

Действие 1

Перламутрово-матовыми красками светятся круглые стеклянные знаки зодиака: Рак, Лев, Скорпион, Дева, Козерог, Стрелец, Овен, Рыбы, Близнецы, Телец, Водолей и Весы — художественное оформление современного интерьера. В пастельно-светло-сером пространстве виднеются восемь черных пятен — восемь фигур в темных вечерних одеждах. Одетые в форму, они неподвижно стоят на рампе, молча глядя перед собой.

ШЕРИФ. Как далеко сегодня видно!..

ДОКТОР. Наш старый город… и наша старая река…

БЛАНКА. Все такое близкое… и такое далекое…

ФИЛИПП. Девять километров. Или двадцать пять лет!

СИРИУС. По реке плыли плотогоны… Вода была чистая, а после купания мы легли под ольху.

ЛУПИНО. Говорят, две тысячи лет тому назад там восседал этот… *(Доктору.)* Ну, тот, как его звали…

ДОКТОР. Цезарь Марк Аврелий[10].

БЛАНКА. Боже мой, и туда, наверх, сколько раз мы ходили!.. Тогда здесь еще совсем ничего не было… только густой ельник, под которым краснели рыжики…

ШЕРИФ. А там, на теплых скалах, было полно гадюк…

СВЕТАК.[11] Теперь здесь асфальт… гостиница… мотель… А в здоровом горном воздухе приятно пахнет высокооктановым бензином.

ФИЛИПП *(к Лупино).* Приятель, а тебя в горы как-то совсем не тянуло!

ЛУПИНО. Мотор немного перегревается, а вообще-то нет ничего лучше «Волги». Ездит как танк.

СВЕТАК. Хотел бы я иметь ваши заботы, ребята!

ЛУПИНО. У тебя есть машина?

СВЕТАК. Нет. Я коплю на вертолет.

МОНИКА *(нетерпеливо).* Послушайте… Послушайте же! *(В наступившей тишине слышится нежный приближающийся звук колокольчика идущего стада. Моника, как зачарованная, слу-*

---

[10] Примечания: 10

Цезарь Марк Аврелий Антонин Август (121–180) — римский император, философ (здесь и далее примечания переводчиков).

[11] Примечания: 11

Светский человек, пижон (сл. sveták).

шает.)

МОНИКА. Не знаю, поверите ли вы мне… Я уже, наверное, года три не видела корову! *(Тишина. Все слушают звон колокольчиков.)*

ШЕРИФ Это одна из самых старых мелодий, которую мы забываем… *(Тишина, слышен только чистый разливающийся звон колокольчиков.)*

ДОКТОР *(цитирует),* «…тот, как видишь, позволил моим коровкам бродить, а мне на полевом стебельке песню играть…»

ЛУПИНО. Марк Аврелий?..

ДОКТОР. Вергилий[12].

ЛУПИНО *(бормочет).* Стебелек… Стебелек… (*Доктору*.) А как на латыни будет, например, «офсайд»?

БЛАНКА. Ах, Лупино, ты знал на латыни только одно слово! Servus!.. Я как сейчас вижу… ты медленно тащишься к доске… да, ты сидел здесь… за изрезанной партой передо мной… *(Изображает в пространстве старый класс.)* Здесь был проход, а там — кафедра…

СИРИУС. Там, наверху, висел крест…

ДОКТОР. Здесь стояла печь… там была раздевалка…

---

[12] Примечания: 12

Марон Публий Вергилий (70–19 до н. э.) — римский поэт.

МОНИКА. Зимой на одежде таял снег… От нее пахло сыростью, как будто она тлела…

СВЕТАК. На географии под этой одеждой хорошо дремалось.

ШЕРИФ. А здесь находились четыре окна… За месяц перед выпускными экзаменами вынуждены были их завесить…

БЛАНКА. А под ними благоухали липы…

МОНИКА. Когда дул ветер… липовый дождь медленно падал в реку. *(Тишина. Слышны звуки колокольчиков, доносящиеся от идущего стада. Одноклассники как будто что-то старались прочувствовать, что-то вдохнуть в себя, словно хотели уловить неуловимое.)*

СВЕТАК. Гимназию уничтожили — санация. И липы ликвидировали. Вырубили всю набережную и проложили реку. Теперь она течет прямо, как доска.

ШЕРИФ *(возле «окон»).* Не странно ли это?.. Я еще чувствую аромат тех лип… Он у меня в носу… тот старый, медовый липовый запах… возможно, это связано с памятью ощущений или с…

ФИЛИПП. Кордош! Не разглагольствуй!.. И сядь!.. *(Сидя за «кафедрой», пародирует слегка хрипловатым голосом.)* Класс, садиться! *(Официальным тоном.)* Садитесь, уважаемые! И

точно так, как двадцать пять лет тому назад! *(Одноклассники послушно садятся за «парты», стараясь сохранить старый порядок. Некоторые не могут вспомнить свое место и беспомощно мечутся.)*

БЛАНКА. Не туда, Моника! Ты ведь не сидела около окна!

МОНИКА. Конечно, около окна. Я помню, как зимой там гудел ветер!

ДОКТОР. Да нет же, Бланка права! Ты сидела возле прохода! Так что мы могли заглянуть тебе под юбку!.. *(Смех, переполох, все «рассаживаются».)*

ФИЛИПП *(пародирует, пощипывает свои невидимые усы).* Тишина, пожалуйста! И прошу вас, не сутультесь, пожалуйста!.. Весь класс — сидеть прямо! Это относится и к тебе, Кордош! *(Показывает на Шерифа.)* Выпрямись, парень, вот сгорбишься и станешь похож на неандертальца!

БЛАНКА. Точно! Оригинал был этот Сумец!.. *(Остальным.)* Неандертальцы — это было его излюбленное ругательство.

ФИЛИПП *(на гражданский манер).* А теперь — всем внимание! Я покажу вам фокус!.. *(Как по мановению волшебной палочки, достает бокалы и бутылку шампанского. Взрыв. Класс шумит*

с обязательным удивлением: о-о-о! Филипп разливает.)

Как видите, фокус удался! *(Стоит за «кафедрой» и, как бы совершая обряд, поднимает бокал.)* Милые одноклассники!.. Вы, голодранцы, у меня такое ощущение, что я вижу перед собой совсем чужих, малоприятных людей! Честное слово: что мы теперь знаем друг о друге? Запустили нас на разные орбиты, и мы летим, летим… время от времени подмигнем друг другу, привет, целую ручки, честь имею, как поживаешь, старый остряк, и — летим дальше, а за нами — огненный шлейф! Огненный шлейф времени, желаний, но сегодня вечером мы всё исправим: сегодня вечером мы остановимся!.. *(Проходит с подносом между «лавками», наливает шампанское.)*

ШЕРИФ. Сегодня вечером мы остановим время!.. Предлагаю принять резолюцию, единогласно и без возражений…

МОНИКА. Как обычно…

ШЕРИФ. …принять резолюцию по поводу того, что мы стали на двадцать пять лет моложе! Кто согласен, поднимите руку!.. *(Фигуры в черном дружно поднимают правые руки. Все, кроме Светака.)*

БЛАНКА. На двадцать пять лет!.. Ах, с этим,

однако, трудно не согласиться, Шериф!

СВЕТАК. Я воздержался от голосования. Но, если надо… *(Дисциплинированно поднимает руку.)* За все, что угодно… и против чего угодно.

ШЕРИФ. Бланка, ты еще помнишь, как меня зовут? Шериф!.. *(Обрадованный вспоминает.)* А это был Светак… или нет? Вино, женщины, пение — мир прекрасен! Любопытно, что осталось от этого… Дежко!

СВЕТАК *(сухо).* Тысяча четыреста двадцать крон и неоплачиваемые переработки. *(Пьет.)* И не зови меня Дежко. Полагаю, что меня зовут Эмиль.

ШЕРИФ. Ах, Эмиль! Извини, право, я… Это был ведь Сириус! Наш астроном! Небесное созвездие Гончих Псов!..

ДОКТОР. Он любил Млечный Путь и одноклассницу Монику. К сожалению, и то и другое было недосягаемо.

ЛУПИНО *(Монике).* Однажды я сообщил ему, что ты уже не девственница. Знаешь, что он сделал?.. Бросил в меня красный бильярдный шар, но попал в старого Имре, который как раз нес восемь порций супа из рубца четырем совершенно

пьяным гардистам![13]

СИРИУС. Действительно жаль, что я не попал тогда в тебя!

МОНИКА. А я ни о чем не знала *(Сириусу.)* Ты был в меня влюблен?..

СИРИУС молчит, улыбается.

ЛУПИНО. Как конь!

ФИЛИПП *(отпивает).* Да здравствуют старые времена! Да здравствуют наши старые ученические влюбленности!.. Вспотевшие ладони и темные скамейки в парке! К черту — да здравствует наша молодость!..

ШЕРИФ *(допивает).* Моника была наша всеобщая любовь, ангел класса, наша вечная и недоступная Дева!

МОНИКА. Между прочим, я уже трижды разведена.

БЛАНКА. Трижды?.. *(Ужасается.)* Бога ради, что ты творишь, Моника?

МОНИКА. Система. Сначала выхожу замуж, потом — развожусь. А в свободное время немного перевожу. Три мужа и восемь книг. Переводы у

---

[13] Примечания: 13

Гардист (гвардеец) — член Глинковской гарды, фашистской организации в период существования первой Словацкой Республики (1939–1945).

меня получаются, мужья — нет.

ДОКТОР. Моника у меня перманентно разводится. С ней легко: никаких скандалов, безобразий, Моника — интеллигентка.

МОНИКА. Ты думаешь? Мои мужья придерживались обратного мнения.

ФИЛИПП *(поднимает бокал).* Да здравствует Лупино! Боже мой, вот это был экземпляр!.. Он регулярно писал слово «лиса» через «ы», а такие слова, как «сыр» или «рыба», через «и»!.. Вы помните, как его показывали школьным инспекторам!..

ЛУПИНО *(смеется).* Что было, то было… Сейчас я — ассистент на факультете!

ДОКТОР. Однако потом… потом его показывали переполненным стадионам! И народ хлопал его гениальным ножкам!

ЛУПИНО *(скромно).* Не всегда. Иногда и ругали, свистели, протестовали… Но случалось, после матча выносили на руках…

СВЕТАК. Или на носилках.

ЛУПИНО. Здорово было… *(Светаку.)* Понимаешь, травмы — это еще не самое страшное… Страшнее, когда приходят они… Когда приходят молодые…

МОНИКА. Тогда — конец. Но ведь это нормаль-

но, Лупино.

ЛУПИНО *(покорно).* У них все другое, другие легкие-другое дыхание, и как только они придут — собирай манатки… Повесишь бутсы и… Вдруг ты — пустое место… Никаких фотографий… никаких интервью… Всего один миг — и ты как бы не существуешь…

ШЕРИФ *(деловито).* Это зависит от того, чем человек занимается.

МОНИКА. А ты не боишься молодых, Шериф?

ШЕРИФ *(добродушно).* Что я — футболист?

ЛУПИНО. Между прочим, игрок хотя бы знает, когда надо уходить… когда он уже не нужен… *(Шерифу.)* У нас это трудно распознать! *(С горечью.)* Но это несправедливо… Лучшие годы человек проведет на газоне, бегает, забивает, ломает ноги, свои и чужие, и вдруг даже ни один пес о тебе не вспомнит! *(Пьет.)* Сейчас воскресные дни проводим спокойно. Садимся с детьми в машину и едем собирать камешки для аквариума.

БЛАНКА. У тебя такие маленькие детки?..

ЛУПИН *(смеется).* Хороший футболист сначала выдает результаты. А уже потом — детей.

Сразу становится тихо. Никто не смеется. Разговор вязнет.

В чем дело?.. Ведь я пошутил.

МОНИКА *(Бланке).* У тебя сколько детей? Один… два… три?..

БЛАНКА. Два красавца… вот такие! *(Показывает выше головы. Затем).* Откуда у тебя этот материал, Моника?

МОНИКА. Я уже и не помню.

Снова тишина.

ШЕРИФ. Но… нас как-то мало собралось!

СВЕТАК. Ровно столько для того, чтобы приятно поскучать.

ШЕРИФ *(Филиппу).* Как ты все это организовал, приятель?..

ФИЛИПП. Дело обстоит таким образом, что некоторые прийти уже не могут, потому что… *(Жесты.)* Последним нас покинул Самко Цабан… бедняга, говорят, упился до смерти…

БЛАНКА. Да, я знаю его жену, мы встретились на похоронах. *(Пауза.)* Она выглядела очень отдохнувшей…

СВЕТАК *(иронично).* В самом деле?..

ФИЛИПП *(оживленно).* А те, которые смогли… *(Он достает какую-то бумажку.)* Десять человек вообще не ответили, свиньи! Конечно, в их числе и пан лауреат Янко Чечман!

МОНИКА. Вероятно, он не мог преодолеть

свое негативное отношение к неоплачиваемому труду.

ФИЛИПП. Семеро откликнулись, приветствуют, сожалеют, не могут и тому подобное. Йожо Фурдик оформил страхование жизни и сразу же тяжело заболел, Мелеговы как раз переселяются… Карчи Богуш купил списанную служебную машину, он сердечно приветствует вас из больницы… Еленка Тиха снова рожает. Одним словом… Сплошные отговорки.

МОНИКА. Елена?.. После сорока? Господа, вот это старательность!

СИРИУС. Алхимик… Алхимик не откликнулся?

ФИЛИПП. Алхимик прислал телеграмму. *(Достает из кармана и читает с выражением.) Я* не приду. Я не переношу идиотские вечеринки. Подпись: Марек.

БЛАНКА. Какие вечеринки?..

ФИЛИПП. Идиотские, душенька.

БЛАНКА. И как только это у него приняли на почте!

МОНИКА. Наверное, не поняли. «Идиот» — это иностранное слово, которое у нас редко употребляется.

ДОКТОР. Марек не изменился. Он всегда говорил то, что думал!

ШЕРИФ *(весело).* Наш Алхимик! Он всегда что-то смешивал, испытывал, искал — все ночи напролет он проводил на кухне! *(К Лупино.)* Ты помнишь, когда он смешал новый проявитель собственного изобретения?.. *(Остальным.)* А мы с Лупино ему в этот проявитель — прошу прощения — втайне от него немного написали!

ЛУПИНО. Знаете, что я вам скажу?.. У него получились тогда отличные фотографии, он даже послал их на выставку!

ФИЛИПП. А когда мы выбросили его мебель и в пустую мансарду притащили сантиметров тридцать земли?..

ДОКТОР. Он вернулся из кино и обнаружил японский сад!.. Цветы… дорожки и даже маленькое озерцо с пробковым лебедем!

ФИЛИПП *(смеясь). А* посреди мансарды сидел зеленый гномик, которого мы сперли у начальника станции!

МОНИКА *(успокоившись).* Все мы были немножко чокнутые, весь класс. А он был чокнутый как-то иначе, по-другому, не так нормально, как все мы.

ШЕРИФ. Марек Алхимик!.. Послушайте, эти наши старые школьные имена… в них было всякое… фантазия и характер… какое-то предуга-

дывание, предсказание…

ДОКТОР. Что касается меня, то вы дали маху! Вы звали меня Доктор, потому что моя семья хотела иметь своего ветеринара, а я…

МОНИКА. …а ты стал судьей по разводным делам. Разве это не одно и то же?

СВЕТАК. А у меня получилось!.. Светак!.. *(Саркастически.)* Вам это удалось!.. Весь мир — вот такой!.. *(Жестом вырезает небольшой прямоугольник.)* Не вижу неприятных лиц. Вижу только пальцы! Одни ногти… ногти… ногти!.. Грязные, обгрызенные, покрытые лаком, отвратные, мерзкие ногти!.. В течение восьми часов — ногти… а после — промозглый панельный дом и особа, с которой я живу… *(С отвращением допивает. Мучительная тишина.)*

БЛАНКА *(быстро говорит).* Меня это не коснулось. Собственно, у меня… никогда и не было имени…

СВЕТАК *(неподвижно глядя в бокал).* Такие большие… садовые ножницы… Взять и остричь эти ногти вместе с пальцами! *(Пьет и смеется.)* Светак!.. И пани Светачка!.. Поздравляю!..

ФИЛИПП (*Светаку*). Жалобы на супругов — после ужина, не на голодный желудок! *(Мужчинам.)* Думаю, единственного, кого из нас уберегла судь-

ба, — так это Сириуса! *(Сириусу.)* Почему ты не женился, ты, трус?

СИРИУС. А что, это наказуемо?

ДОКТОР. Конечно! Ты портишь статистику популяции. А это будет наказываться как предательство родины!

ФИЛИПП. Замаскировался и исчез… попросил природу-мать об убежище, на нас сыплется пепел и пыль, а он сидит себе под звездами, разговаривает на «ты» с горными козлами и лишайниками — наш приятель Сириус. Созвездие Гончих Псов, первый социалистический отшельник, подобие святого Франциска из Ассизи![14]

МОНИКА. Отшельник — это звучит не только гордо, но и в целом разумно.

СИРИУС. Турбаза на Ястрабиной вершине[15], пожалуйте, друзья! Но только не будьте ленивыми: три часа вверх вдоль долины!

ЛУПИНО. Не сходи с ума! Пешком?.. А что там делать?..

СИРИУС. Что угодно. Например, слушать тишину.

---

[14] Примечания: 14

Святой Франциск Ассизский (1182–1226) — католический святой. Учредитель названного его именем ордена.

[15] Примечания: 15

Вершина в Высоких Татрах.

БЛАНКА. Слушать тишину?..

СИРИУС. Там хорошо… Тихо и чисто… *(Пьет.)* В городе у меня такое ощущение, будто я… будто я задыхаюсь…

ШЕРИФ. Может, я когда-нибудь и приду поохотиться на оленя. Но ты должен обеспечить мне четырнадцатилетнего!..

СВИТАК *(поднимает бокал).* За твоего четырнадцатилетнего, Шериф!.. За всех оленей, серн, кабанов и фазанов, которых учтиво пригнали под твое ружье! *(Остальным.)* С Шерифом у нас получилось, нет так ли?.. Он был нашим шерифом и оказался среди шерифов! *(Вызывающе чокается с ним.)* За твою карьеру шерифа, Шериф! *(Пьет, заносчиво.)* Скажи мне… Каково это ощущение? Когда все у тебя получается… и ты всегда прав, и люди тебя боятся… лебезят перед тобой… потеют… улыбаются… как будто все в одно мгновение стали голубыми?..

ШЕРИФ *(простодушно).* Ну что, Светак, шампанское нам пришлось кстати?

МОНИКА *(Светаку).* Довольно приятное ощущение, Эмиль. Хотя приятные ощущения, к сожалению, никогда не длятся долго.

ФИЛИПП *(строго).* Ведите себя прилично, или я откажусь от эксперимента! *(Достает следую-*

щую бутылку — хлоп!) А теперь мы будем петь! Посмотрю, что вы еще помните из латыни!.. *(Начинает торжественно.)* Gaudeamus igitur... *(Старая песня звучит мощно и красиво: среди одноклассников есть хорошие певцы, хорошие голоса, Филипп во время пения доливает.)*

Все вместе поют:

«...iuvenes dum sumus»
Post iucundam iuventutem
Post molestam senectutem
Nos habebit humus
Nos habebi
Hu... u... mus...

Вспышка фотоаппарата освещает пространство; поющие одноклассники только теперь сознают, что кто-то стоит за ними.

БЛАНКА. Боже, Марек!..

СИРИУС. Алхимик!..

МАРЕК *(закрывает аппарат).* Появится в газетах. Или в альбоме преступников. Добрый вечер всей компании!

БЛАНКА. Привет, Марек! *(Весело.)* И все же тебе захотелось заглянуть на нашу... идиотскую

вечеринку?

МАРЕК. Целую ручки, Бланка.

ЛУПИНО. Давайте его качать на руках за ту телеграмму!

ДОКТОР. Взгляните: живая реклама сохранения молодости!

ШЕРИФ. Факт! Как это тебе удается, дружище?..

МОНИКА. Он посылает нам дурацкие телеграммы и тем самым сохраняет себе детство.

МАРЕК. Ты — потрясающая, Моника. Налей мне!

МОНИКА. Шампанского или купороса?

МАРЕК *(торжественно поднимает бокал).* Выпьем за нашу встречу… за успехи, которых мы достигли… за наши лысины, диоптрии, зубные протезы, инфаркты, полнеющие животики, дряблые мускулы…

ФИЛИПП. И за наш… роз?!

МАРЕК. Какой роз…?

ФИЛИПП. Склероз!..

МАРЕК Я пью за наш прекрасный 21/22 год рождения!.. Ура! Виват! *(Пьют и сразу же протестуют.)*

ШЕРИФ. Какие лысины, скажите, пожалуйста? И где ты видишь склероз?..

ФИЛИППП. Класс «Б», между прочим, мужественно сопротивляется дурным веяниям времени! *(Женщинам.)* Ну, что скажете, девчата?

БЛАНКА. Вы — красавцы! А те, из другого класса!.. *(Пренебрежительный жест.)* Кошмар!..

ЛУПИНО. Они раскисли. И превратились в кругленьких старичков.

МОНИКА. Они уже в младенчестве были старичками!

ДОКТОР. Доносчики, трусы и болваны!..

СВЕТАК. Трусы!.. И неандертальцы!..

ШЕРИФ *(поднимает бокал). А* я спрашиваю вас: кто не боялся никого и ничего? Кто умел отлынивать? Где были бунтари и второгодники?..

ВОЗГЛАСЫ. В классе «Б»[16]! Только в нашем классе!.. *(Пьют, чокаются, смеются.)*

ЛУПИНО. Вот это был класс! Сплошные хорошие мальчики!.. *(Вскакивает.)*

Командуй, Шериф, давайте!.. *(Рассаживаются на «лавки» как во время уроков, ждут.)*

ШЕРИФ *(расслабленно).* Не сходи с ума, Лупино!

ЛУПИНО. Без разговоров! Давайте!..

ШЕРИФ *(допивает, как бы взвешивает. Вдруг*

---

[16] Примечания: 16
Речь идет о выпускном классе гимназии (Oktáva B).

резко, вполголоса). Шаг-о-о-ом… марш!

Восемь пар ног под «школьными лавками» начинают маршировать – сразу же и четко.

ЛУПИНО. Вы помните?.. *(Вскакивает на «кафедру», живо изображает.)* Сумец[17] сначала не верит собственным ушам… Сидит за кафедрой с повисшими усами… сгорбленный, съежившийся, как настоящий сом на дне…

Восемь неподвижно сидящих одноклассников маршируют резко и четко. Раз-два… раз-два… Как 25 лет тому назад.
СУМЕЦ вскакивает… передние парты моментально стихают… задние продолжают… СУМЕЦ пробегает по проходу… сзади стихают, а передние вновь начинают… СУМЕЦ летит обратно… передние затихают, сзади переполох… он носится по проходу, взад-вперед, взад… никого не может поймать… а мы шагаем и шагаем, а он носится по проходу, будто пес возле хозяйственного магазина!..
Восемь пар ног продолжают маршировать. Четко и неутомимо. Как раньше.
Потом он смиряется… Запыхавшийся… разъяренный…. шокированный. Его усы злобно трясутся… и слышно, как звенят его нервы! Ритм марша непроизвольно нарушается, становится

---

[17] Примечания: 17
Sumec — сом (словац.) — прозвище преподавателя Мразика.

более редким.

ЛУПИНО *(растерянно).* И вдруг… вдруг он начал маршировать с нами. *(Изображает немецкий «Парадный марш».)*

ШЕРИФ. Это нас потрясло!

ДОКТОР. Потом он читал нам о царе Клавдии[18], у которого голова стала тыквой…

МОНИКА. После выпускных экзаменов я встретила его только один раз. Он покупал себе новую шляпу… его как раз выпустили из тюряги. Ну так мы пошли отпраздновать это событие в кондитерскую… Новую шляпу… и свободу…

Сразу становится тихо. Внезапно и надолго. Одноклассники остолбенели, будто их что-то осенило.

ЛУПИНО. Это факт, Сумецу не везло! Ему всегда кто-то свистел офсайд…

МОНИКА. Он заказал наполеоны и пюре из каштанов. Я обратила внимание, что он достал последние гроши.

СИРИУС. Ты ему одолжила?

МОНИКА. Шестьдесят талеров. На троллейбус — больше он не хотел.

---

[18] Примечания: 18

Тиберий Клавдий Цезарь Август Германии (4–41) — римский император.

ДОКТОР. Да, Сумецу не везло… *(Пьет.)* Начиная с Восстания[19] и до конца войны он просидел в тюряге, после войны — снова… Сначала немцы, потом…

МАРЕК. Потом — для разнообразия — мы!

МОНИКА. Кто — мы?.. Ты не мог бы выражаться немного яснее?

ФИЛИПП. Ты сразу поняла, что он невиновен?..

МОНИКА. Но ведь я же знала его!

ШЕРИФ. Мы все знали его, Моника! И мы все знаем, что это был за человек — величина, авторитет, педагог старой закалки, но наши!..

МОНИКА. Так что, собственно говоря, наши арестовали нашего. Наши отправили в заключение своего. Свои вешали своих и так далее. Оказывается, не просто разобраться в нашей родной грамматике.

ДОКТОР. Когда Гитлер напал на Польшу… вы помните? *(Цитирует.)* «…огромный страх потусстороннего мира, лежащий в кровавой пещере на полуразложившихся костях, вечным ревом страшит бескровные тени…» *(Пауза.)* Сумец как бы «случайно» всегда выбирал эти стихи…

---

[19] Примечания: 19

Антифашистское Словацкое национальное восстание — август-октябрь 1944 г.

ЛУПИНО. ...в кровавой пещере на разложившихся... *(Понимающе.)* Боже правый, что у вас за головы!

СИРИУС. Или когда он читал приказ, где было написано, что нашим приветствием является «На страже!»[20], а наше обращение: «сестра» и «брат»[21]...

МАРЕК. Тогда он сказал, что не настаивает на том, чтобы мы называли его «*брат* профессор». Достаточно, если мы скажем — «пан профессор».

ШЕРИФ *(оживленно).* И если бы не Сумец, нам бы не сдать выпускные экзамены! Или мы бы их сдали уже потом, после войны!..

ФИЛИПП. Ах, это была работа Лупино!

СВЕТАК. Да здравствует герой последней школьной прогулки!.. *(Чокается с Лупино.)* Да здравствует наш заслуженный и сознательный одноклассник... *(Смех, как при рассказе старого, хорошего анекдота.)*

ФИЛИПП. Я думал, что он внезапно сошел с ума... *(С помощью жестов вспоминает.)* Вы ведь помните... мы пошли покурить на заднюю пло-

---

[20] Примечания: 20

Приветствие словацких гардистов.

[21] Примечания: 21

Приветствия, которыми пользовались представители Глинковской гвардии и Глинковской молодежи.

щадку, чтобы Сумец нас не видел… поезд гудит… приближается туннель… туннель охраняют два солдата и два гардиста… А тут Лупино вдруг стремительно снимает брюки, поворачивается спиной и показывает им… в том туннеле вдруг забелело…

ЛУПИНО *(невинно).* От удивления мне один даже отдал честь! *(Смех. Удивление. Новые воспоминания.)*

ДОКТОР. Но когда мы вернулись, в школу пришли тайные агенты, и директор грозился, что не допустит нас до выпускных, если не найдется виновный.

ШЕРИФ. Сумец объявил, что он ни о чем не знает. И тем следакам даже учтиво предложил, чтобы они лично убедились, именно ли то… *анальное* отверстие принадлежит кому-то из нас!.. *(Пауза.)* Анальное отверстие, он так и сказал, вы помните, Сумец в жизни ни разу не употребил грубое слово!

ДОКТОР. Злоумышленник так никогда и не нашелся. А класс «Б» прекрасно сдал выпускные экзамены.

СИРИУС. Заплатил за все это только Сумец. Сначала дисциплинарным взысканием, а потом его отправили куда-то на восток… в словацкую

Сибирь…

ЛУПИНО *(между прочим).* А в квартире директора потом кто-то выбил окна… И не успел пан директор позвать стекольщика, ему снова и снова выбивали… пока он не исчез из города!

БЛАНКА *(удивленно).* Бога ради, это делали вы?!..

МАРЕК. Тогда мы знали, что надо делать!..

ШЕРИФ. Марек, а после войны?.. *(Простодушно.)* Кому мы должны были разбить окна… после войны?

МАРЕК. Я не знаю! Если уж говорить правду, то мы ничего не сделали — совсем ничего…

ФИЛИПП. Совсем ничего?.. *(Внимательно.)* Что ты имеешь в виду?

МОНИКА. Мы звали его Алхимиком… *(Глядя на Марека, смеется.)* Все алхимики были немножко чокнутые: искали, но никогда ничего не могли найти…

МАРЕК *(оживленно).* Нам было восемнадцать, когда мы сидели за этими партами, но мы были…

ШЕРИФ. …мы были глупые, Марек!

МАРЕК. Возможно, и глупые! Но не трусы!

БЛАНКА *(миролюбиво).* Когда профессора посадили наши… ну… ведь было такое время!

МАРЕК. А мы?.. Где были мы?.. На луне?..

ФИЛИПП. Мы никого не сажали!

МАРЕК. Мы всего лишь немножко вмешались в эту игру! *(Пауза.)*

ШЕРИФ. Может, если бы он не признался…

ЛУПИНО. Признался… он, вероятно, валял дурака!

ДОКТОР. Признался, потому что он презирал их… *(Пауза.)* Благонадежный, прошедший специальную проверку, униженный в профессиональном отношении профессор Мразик наконец признается, что в течение многих лет он переписывался с неким итальянским профессором… признается, что знаком и с другими лицами… включая Сенеку, Вергилия, Марка Аврелия…. но что с указанными он, к сожалению, лично не общался…

БЛАНКА. Он должен был признаться!.. Он их и в самом деле отлично знал!

СВЕТАК *(пьет).* Со своими поэтами и философами он, ручаюсь, провел больше ночей, чем с собственной женой!

МОНИКА *(тихо).* «Человек подобен собаке, которая прочно привязана к едущей телеге…» У собаки, в сущности, есть только две возможности… Сопротивляться и рисковать быть

задушенной веревкой. Или послушно бежать за телегой. Веревка ослабнет, и у собаки появится ощущение некоторой свободы… *(Достает из сумки таблетку.)* «Зло — это только представление… боль переносима, потому что ее, собственно, не существует…» *(Глотает таблетку, запивает.)* Я скажу вам: Сенека лучше, чем лекарство!

ДОКТОР *(деловито).* К сожалению, образовательная программа работников госбезопасности не предусматривала знания античной философии.

МОНИКА. Нет… философии точно — нет!

ФИЛИПП. Тогда ведь за границу не выпускали даже мышку… А он ясно высказался!

ДОКТОР. Написал, что, возможно, вернется — и это все! *(Пауза.)* А ему доказали, что он хотел сбежать. Доказали, что это — умысел…

МОНИКА. Доказывать умысел — это, должно быть, интересная работа!

МАРЕК *(вдруг Доктору).* Мне кажется, что ты знаешь это очень хорошо!

ДОКТОР *(деловито).* На суде об этом много говорили… *(Пауза.)* О тех двух старых господах, которые через железный занавес обменивались какими-то таинственными, зашифрованными бумагами на каком-то непонятном языке… На-

конец обнаружилось, что это латинский язык и что эти числа не являются шифром, а всего лишь обозначают стихи. Однако запущенный механизм продолжает работать: канцелярия госбезопасности наполняется поэзией и мыслями умерших философов, знатоки переводят каждый стих, а другие знатоки в каждом стихе отыскивают скрытые наказуемые деяния…

ШЕРИФ *(искренне).* Не хочется даже верить, какие глупости творились!..

МОНИКА. Глупости?.. *(Улыбается.)* Как красиво ты это сказал!

ФИЛИПП. Оставьте в покое то, что было, наплюйте на это! *(Доктору.)* Даже супруги не могут бесконечно ругаться!.. Или они разведутся, или подведут черту подо всем и — баста!

МАРЕК. Ты полагаешь, что уже настало время подвести черту?..

ФИЛИПП. Я?.. *(Удивленно.) Я* вообще ничего не полагаю!..

МАРЕК *(настойчиво).* Человеку нужна хоть какая-то… уверенность!

ФИЛИПП *(как бы забавляясь).* Уверенность?.. Как она выглядит?.. Я уже не помню!.. *(Улыбка и легкая тональность скрывают усталость.)* На что мне уверенность, приятель? У меня есть дом,

но нет уверенности, что в нем я буду когда-нибудь жить… Я работаю уже тридцать лет — и у меня нет никакой уверенности в том, какая у меня будет пенсия… А если мне в канцелярии упадет на голову люстра, я совсем не уверен, что… юрист нашего предприятия на суде докажет, будто это случилось только потому, что я требовал компенсацию и потому навредил нашему обществу…

ШЕРИФ. Не кажется ли тебе, что наше столетие знает и другую… неуверенность?! Если бы вот так вдруг разгорелась война, то тебе, может быть, было бы все равно, какая у тебя будет пенсия!

ФИЛИПП. Ну хорошо… хорошо… Скоро будет отличный ужин… я надеюсь, что хотя бы в этом мы уверены…

ЛУПИНО. И в самом деле отличный?..

ФИЛИПП. Вы будете удивлены: здесь кормят номенклатуру! *(Практично.)* А если дадите мне еще по пятнадцать крон, будет вам и форель!

ШЕРИФ *(спокойно оглядывается).* Ты, вообще-то, хорошо выбрал, Филипп!

ФИЛИПП *(обрадованный похвалой и переменой темы, оживленно).* Сюда ходят одни только большие господа… В прошлом году здесь был какой-то министр, который никогда прежде не ел оште-

пок[22]. Оштепка, конечно, не было. Шестьсот тройка[23] неслась по крутому склону вверх на салаш[24], даже амортизаторы полетели, а этот самый оштепок товарищу министру совсем не понравился! *(Пауза.)* С тех пор здесь есть все… оштепки и… — новый шеф! Он пообещал мне королевский ужин за реальную цену!

МАРЕК *(между прочим, деловито).* И в самом деле жаль, что мы не пригласили профессора…

Тишина. Одноклассники молча смотрят на МАРЕКА.

ШЕРИФ. Ты думаешь, мы должны были его пригласить?..

МАРЕК. А ты не думаешь?..

ЛУПИНО. О старике мы совсем забыли — это факт…

ФИЛИПП. Но ведь мы договорились: никаких родственников, никаких профессоров!..

СВЕТАК. И правильно! Та пани, с которой я живу, она мне, между прочим, совсем здесь не

---

[22] Примечания: 22

Оштепок — копченый овечий сыр.

[23] Примечания: 23

Имеется в виду в прошлом правительственная машина «Татра-603».

[24] Примечания: 24

Салаш — овчарня, место, где содержатся овцы и производится продукция из их молока.

нужна… *(Спокойно пьет.)*

ФИЛИПП. Кроме того, я не знаю его адрес! Пока он сидел, его жену выселили, она уехала куда-то в деревню, к дальней родственнице…

ДОКТОР. У него отобрали не только квартиру, но и работу… Его уже больше никогда не допустили на кафедру… считали преступником…

ФИЛИПП *(Мареку).* Мы видим, что Доктор знает все! А я не имею представления, где он и что с ним!

ДОКТОР. Когда его выпустили из заключения, он пытался узнать, сможет ли он преподавать. Юридическое разрешение у него было, но преподавать ему не позволили… *(Пьет.)* Зато ему разрешили работать кладовщиком…

МАРЕК. Наша специфика: профессора работали кладовщиками. А кладовщики — профессорами!

МОНИКА. Мы сделали демократичнее образование и немного интеллектуальнее складское дело. *(Пауза.)* Ну что ж, хотя бы какое-то развитие…

ДОКТОР. В конце концов он обосновался в какой-то свадебной канцелярии. Заказывал букеты, такси и оформлял свадебные приглашения. Нумеровал свадебное счастье и высчитывал его в процентах.

БЛАНКА. Бедняжка… Вероятно, это было для него ужасно…

ДОКТОР. Тысяча двести крон плюс премиальные.

СВЕТАК. Ужасно, ужасно… Почему ужасно?.. *(Пьяно, заносчиво.)* Отвяжитесь… Я всю жизнь облизываю марки, экспрессы, заказные… Ну и… Что случилось?.. Позвольте, товарищи, показать вам мое средство производства… *(В состоянии аффекта высовывает язык.)*

МОНИКА *(деловито).* Приятель, а у вас там не губка случайно?

СВЕТАК *(показывает).* Этот язык владеет четырьмя иностранными языками!.. И устно, и письменно, пожалуйте!.. А я облизываю им почтовые марки! Океаны… пальмы… параллели… через окошко вшивой провинциальной почты я облизываю земной шар… и… и гляжу на засранные ногти… *(Со злостью пьет.)*

ФИЛИПП *(доброжелательно).* Осторожно, старик, не отдай концы перед ужином, ты уже заплатил за него! Налей ему воды, Бланка!

СВЕТАК. Облизывать… — Может и корова… Bonjour, monsieur! A votre service, madame… *(В отчаянии.)* Но кому, бога ради, кому?!

ШЕРИФ *(сердечно).* Эмиль, а почему ты не при-

дешь ко мне?.. Для старого друга всегда найдется что-нибудь хорошее! *(Бодро.)* Правда, тебе не следует столько пить, приятель!

СВЕТАК *(ядовито).* А что еще я не должен?.. Что еще?! Я бы должен был, например, поцеловать твою любезную руку?!

ШЕРИФ *(более холодно).* Я ничего плохого не имею в виду. Просто сегодня нам нужно иметь нормальные головы…

СВЕТАК *(взрывается).* А почему до сих пор вам не нужно было?! *(Злой, пьяный, но с достоинством.)* Нет, Шериф, покорно благодарю… Целую ручки… С Божьей помощью я буду облизывать до самой пенсии…

ШЕРИФ *(пожимает плечами, холодно).* Как хочешь. Корчить из себя мученика — это самое простое дело! Когда тебе это надоест, приходи!

БЛАНКА *(Светаку).* И почему ты такой… *(Наливает ему воды.)* Ведь он хочет тебе помочь! Ведь люди должны помогать друг другу… не так ли?

МОНИКА. Конечно! Это по-христиански.

ШЕРИФ. И по-социалистически, Моника!

МОНИКА. К сожалению, не всегда так получается на практике.

БЛАНКА. Я, например, и в самом деле хотела Сумеду помочь… Мой шурин работал в образова-

нии, я ходила к нему… *(Безрадостно улыбается. Отпивает.)* У того есть один железный принцип: оставьте его в покое — и у вас будет покой!

МОНИКА. Я люблю мужчин с принципами. Но не следует на них настаивать.

ФИЛИПП *(оживленно).* Прекрати, Моника — ты не понимаешь…

МОНИКА. Что не понимаю?..

ФИЛИПП. Совсем ничего!.. Ты *тогда* нигде не работала, поэтому молчи!

МОНИКА. Ты полагаешь, что я кормилась своим телом?.. *(Пауза.)* Впрочем, это была бы нелегкая работа!

ФИЛИПП. Ты сидела тогда дома и спокойно переводила… А мы служили! *(Рассерженно.)* Маленькие служащие большой эпохи, если изволишь… К примеру, я в то время был всего лишь обычным маленьким референтом… слугой всех господ… мальчиком для битья…

МОНИКА. И у тебя был совсем обычный страх маленького референта. *(Приветливо.)* И тем не менее я тебя понимаю, Филипп!

ФИЛИПП. Страх?.. Нет, Моника! Только ответственность! Ответственность за других!.. *(Абсолютно уверенный в своей правоте.)* Что ты об этом знаешь?.. Ты ни о ком не заботишься…. А

я должен думать о шестерых…

ЛУПИНО *(неожиданно).* Не говори! Каждый называет это иначе, а это всего лишь страх… *(Пауза.)* Он въедается тебе в кости… как ревматизм, и ты сразу начинаешь хромать…

МОНИКА *(с интересом).* И у тебя «ревматизм», Лупино?

ЛУПИНО. Черт подери, на поле я не боялся самого большого грубияна… а вот перед управдомом ощущал адский страх… *(Качает головой, задумывается и вдруг смеется.)* На одной учебе нам говорили, что у футбольного мяча нет души… что «душа» — это, мол, понятие идеалистическое… вот так… *(Обиженно.)*

ДОКТОР. Категория.

ЛУПИНО. А когда мы ездили за границу, нас всегда сопровождал молчаливый ангел-охранник… *(Пьет.)* Действительно, страх — это ужасное, отвратительное чувство…

МОНИКА *(сердечно).* Я и не подозревала, что даже футболист способен на чувства.

ЛУПИНО. Потом уже начинаешь бояться… даже товарища… даже собственной тени… *(Пауза. Вдруг искренне.)* Сегодня я уже не удивляюсь, что испугался тогда старого пана!

Тишина.

СИРИУС. Сумеца?..

ЛУПИНО *(взвешивает, потом быстро, словно хочет выдавить из себя что-то мучительное, нечистое).* Мы оттачивали технику, небольшая тренировка перед поездкой, с какими-то деревенскими любителями футбола… и в перерыв в раздевалке появился он…

ШЕРИФ. На футболе?.. Не верю!

МАРЕК *(напряженно).* И что хотел?..

ЛУПИНО *(поспешно).* Он обратился ко мне на «вы» и дал мне такой небольшой сверток… И письмо… Профессору Черетти, Рим, название улицы я уже не помню… Он попросил, чтобы я перевез это через границу.

СИРИУС. А ты?..

МАРЕК. Что ты с этим сделал?

Тишина .

ЛУПИНО. Я никогда не забуду второй тайм! Сверток я спрятал в раздевалке, письмо в тренировочные штаны, оно жгло мне задницу, как нарыв… Вдруг я почувствовал, что у меня такие… деревянные ноги… Мечусь по траве, и все мимо и мимо мяча, а эти засранцы как раз выровняли счет… Играй, Лупино, злились ребята, не прогуливайся, ты, примадонна!.. А я думал

только о Сумеце… Как он узнал, что мы сегодня будем здесь? И что вообще мы сегодня играем?.. Как узнал, что мы едем за границу? И зачем я пообещал ему, что захвачу, а потом там брошу в почтовый ящик? *(Пьет.)* Когда я пришел домой… «Ты в своем уме? — спросила меня жена. — Отнеси в госбезопасность».

Тишина.

МАРЕК. И ты отнес?..

ЛУПИНО *(измученно).* Вы не понимаете?.. Я испугался профессора… Я начал взвешивать… *(Монике.)* Ведь и у футболиста есть голова, а не только ноги… Все было… так загадочно, подозрительно… Его выпустили из заключения… может, он меня провоцирует, может, его выпустили не просто так… может, он — провокатор…

БЛАНКА. Кто?..

ЛУПИНО. Ну, провокатор, доносчик или что-то в этом роде… Я боялся, что меня с этим свертком сцапают… и уже потом никогда не пустят за границу… *(Взвешивает.)* Вообще-то я тот сверток…

МОНИКА. Отнес?..

ЛУПИНО. Сжег. И сверток, и письмо… — всё!

Тишина. ЛУПИНО растерянно стоит среди молчащих одноклассников.

Я боялся! *(Филиппу.)* Поэтому не разглагольствуй, приятель! У нас у всех был страх…

ДОКТОР. Лучше бы ты отнес это в госбезопасность! Он не сказал тебе, что в этом свертке?

ЛУПИНО. Я ему не поверил… Я боялся, что он меня выдаст…

ДОКТОР *(беззлобно, по-деловому).* Ты сжег четыре года его труда! Рукопись о Сенеке, ты, балда!.. *(Тишина.)*

ЛУПИНО *(ко всем, тихо). Я* знаю… мне неприятно… *(Вдруг к Доктору.)* А ты не очень-то выпендривайся, Доктор! Это ты присутствовал на суде, а не я!..

ДОКТОР. Что ты хочешь этим сказать?..

ЛУПИНО. И *тогда* ты участвовал только в бракоразводных процессах?..

ДОКТОР. Нет! *(Спокойно.)* Но и тогда я делал только так называемые «легкие» статьи! Кражи, убийства, растраты — обычные преступления, если это тебя так интересует…

МАРЕК. Легкие статьи! *(Почти забавляясь.)* Крестьянин, в тайне от властей, забил свинью, а вы влепили ему столько, сколько положено за убийство человека, если не больше…

МОНИКА *(как бы между прочим).* Из чего вытекает, что человеческая жизнь в то время имела

приблизительно ту же цену, что и жизнь одного важного с точки зрения народного хозяйства животного.

ЛУПИНО *(Доктору, наступательно).* А кто придумывал эти «нелегкие» статьи?.. Эти судьи… прокуроры… ведь это были твои коллеги! Так почему же ты молчал?.. Почему не сказал им, что…

ДОКТОР *(резко).* Они ведь знали, что профессор не виновен… Не будь наивным, Лупино! Что я должен был им сказать?.. И кому?.. Тем паяцам, что исполняли роль судей?..

МОНИКА. А где они работают сейчас? *(С интересом.)* В юстиции или в цирке?..

ШЕРИФ. Ты — шутница, Моника! Какие мы теперь все мудрецы… И так отлично мы умеем все упростить… *(Внушительно, убедительно.)* А тогда… Сама справедливость должна была быть более суровой, потому что общая ситуация…

МАРЕК. Сейчас мы говорим о Сумеце, товарищ Кордош!

ФИЛИПП *(лукаво, дипломатически).* Минуту! Никакого товарища Кордоша! Здесь только Шериф! И у нас сейчас выпускная вечеринка… *(Обескураживающе.)* Так что не надоедайте и молчите!

МАРЕК *(с горечью).* В том-то и дело. Что все мы

молчали, как вши под коростой!

СВЕТАК. Пссс!.. *(Пьяно, таинственно.)* Оказывается, что у людей и у вшей намного больше общего, чем предполагалось. *(Пьет за всех.)* Так что за здоровье, товарищи молчуны!..

МОНИКА. Статистика показывает, что свой откликнется только тогда, когда покушаются на его желудок… или кошелек. Денежная реформа или отсутствие в продаже лука.

МАРЕК. Да, тогда люди не молчат!

ШЕРИФ. А ты откликнулся? Конкретно! Что сделал ты для старика?..

МАРЕК. То же, что и вы! *(Зло.)* То есть — ничего! *(Пауза, бессильно.)* Я зашел за Яном Чечманом… Но инженер человеческих душ прилежно работал… он как раз писал ту самую толстую книгу, и у него не было времени!

ШЕРИФ *(авторитарно).* Это была хорошая и полезная книга… А что ему оставалось делать?.. Не писать?.. *(Как бы предпринимает контратаку.)* Ты тогда не работал? Чем ты питался, воздухом?.. Твои сияющие портреты доярок, шахтеров и ударников труда улыбались с каждого календаря!

МОНИКА *(по-деловому).* Особое впечатление на меня произвело художественное изображение увеличенного массируемого вымени.

МАРЕК *(Шерифу).* Фотографировать можно только действительность, а вот писать… писать можно обо всем! К примеру, о значении трехпроцентной правды… И о врагах там, где их не было… *(Внушительно, с самозащитой.) Я* фотографировал только действительность!..

МОНИКА. Улыбки во время сбора винограда… улыбки над вспаханной межой… *(Задумчиво.)* А там, на той меже, возможно, росла дикая груша… А может, на ней повесился отчаявшийся хозяин…

ШЕРИФ *(удивленно*). Ты хочешь сказать, что эти межи не надо было пахать?..

МОНИКА. Я в этом не разбираюсь… Я только хотела сказать, что существует…. Много вариантов действительности…. *(Мареку.)* Двадцать пять лет тому назад… Это тоже была действительность… а мы были такие смешные… Помнишь? Ты все просил, чтобы я позволила тебе сфотографировать меня голой…

МАРЕК *(обманывает).* Не помню…

МОНИКА. И что однажды… однажды ты сказал, что сфотографируешь и… голую правду… *(Пауза.)* Тебе это удалось, Марек?

МАРЕК. Пошла к черту, Моника! *(Пьет.)*

ШЕРИФ. Возможно, у него не было хорошего

проявителя! *(Улыбается, старается обратить все в шутку.)* Что скажешь, Лупино — может, опять… немножко поможем ему?..

МАРЕК *(оживленно).* Лучше бы ты помог Сумецу! У тебя из всех нас было больше возможностей и…

ШЕРИФ *(прерывает, еще улыбаясь).* Да… да… И с огромной радостью я не сделал совсем ничего… *(Мареку, выразительно.)* Какие такие возможности, черт побери?.. Что ты знаешь об этом… Это я сидел на противоположной стороне, а не ты!

МАРЕК. Ну и не сидел бы там! Взял бы да любезно советовал…

МОНИКА. По состоянию здоровья… Мол, тебе много сидеть вредно.

ШЕРИФ *(спокойно, с превосходством).* А не кажется ли вам, что он и в самом деле *кое-что высидел*?.. Конечно, не сразу, немного подождав, как в срочной химчистке… Но сегодня… сегодня история профессора уже не может повториться… Сегодня уже ни один невиновный человек не может быть…

МАРЕК. И это такое уж большое достижение?..

ШЕРИФ. Это был лишь первый шаг!

МАРЕК. А второй шаг?.. Почему он не мог преподавать?.. Почему не имел права встать за свою

кафедру?..

ШЕРИФ. Нельзя все сразу!

МАРЕК. Нельзя или *не хотели*?..

МОНИКА *(Бланке).* Когда господа договорятся, разбуди меня, пожалуйста! *(Удобно устраивается в своем кресле.)*

ШЕРИФ *(Мареку).* Да, всякое случалось!.. *(С превосходством, нехотя.)* Но тот, кто о тех старых… ошибках толь-к о говорит, тот мне напоминает попугая, который ничего другого не знает, кроме пары неприличных слов! Ты только задаешься, а мы… мы эти ошибки исправляем!..

МАРЕК. А кто их должен, черт возьми, исправлять?.. *(Возмущенная пауза.)* И как ты вообще собираешься исправить случайно испорченную жизнь? *(С горькой иронией.)* Ты не заметил, что жизнь… что у человека всего одна жизнь?..

ШЕРИФ. Я заметил, что у человека две жизни. Одна — для себя, а другая — для всех остальных. Как ты думаешь, какая из них важнее?..

ФИЛИПП *(учтиво).* Милые одноклассники, когда я задумаю в следующий раз организовать нашу встречу, сразу же приглашайте психиатра!

МАРЕК. Ах, Филипп, извини… Ты прав, не сердись… Давайте не будем портить вечеринку! Да здравствует наша вечеринка!.. *(Поднимает*

бокал.) Gaudeamus igitur!.. Итак, давайте радоваться!.. Будем радоваться тому, как мы умеем прятать головы в песок!..

СВЕТАК *(с радостью добавляет).* И не только в песок.

БЛАНКА. В песок?.. *(Мареку.)* Что ты хочешь этим сказать?

МОНИКА *(деловито).* Что мы — страусы, душечка. Мне знакомы и более крепкие выражения, ведь я трижды была замужем.

МАРЕК. Итак, да здравствует песок — наш родной край! Да здравствуют отличные ребята!.. И да здравствует старый Сумец, на которого мы так дружно наплевали!.. *(Пьет.)*

СИРИУС. Это не правда!

МАРЕК *(резко).* Что не правда?..

СИРИУС. Я бы никому не пожелал оказаться тогда в моей шкуре… *(Взвешивает, потом с напором.)* Однажды он пришел на турбазу… — вероятно, ему уже некуда было идти… Я поселил его в самую хорошую комнату… на юг, солнечную… Он спросил меня, может ли он немного одолжить у меня… *(Пауза.)* А потом он начал пить…

ЛУПИНО. Не сходи с ума!

СИРИУС. Он пил целую неделю. А в пятницу… в пятницу он перерезал себе вены.

БЛАНКА. Господи!..

МОНИКА *(потрясенная).* Сумец — и самоубийство?..

СИРИУС. В горячей воде… На руках и на ногах… *(Тишина.)*

БЛАНКА. Еще счастье, что… *(Обиженно.)*

МАРЕК *(резко).* Счастье, что?..

БЛАНКА. Ну… что… что ничего…

МАРЕК. Откуда ты это знаешь?..

БЛАНКА обиженно замолкает.

ФИЛИПП *(с жестом на Сириуса).* Но ведь тогда бы он не позволил нам говорить о мертвом человеке!

СИРИУС. Я был у него в больнице… Он лежал вместе с теми, у кого были производственные травмы… *(Пауза.)* Он попросил меня, чтобы я об этом не говорил… и…

ФИЛИПП *(видно, что ему уже надоело).* Главное, что ты сдержал…

СИРИУС *(проигнорировав, что его прервали)*….и еще он попросил, чтобы я больше к нему не приходил, что все в порядке… что у него все есть… *(Пауза.)* Сначала мы уничтожим человека, а потом заботимся о нем….

МОНИКА *(сухо).* В обоих случаях совершенно

бесплатно. *(Внезапная тишина, слышны лишь нервные шаги Моники.)*

СИРИУС. Постояльцы протестовали… Не хотели мыться… *(Пауза.)* Ту ванну я вынужден был выбросить и купить новую…

ШЕРИФ. Ну, слава богу. *(Раздраженно.)* Прошу тебя, Моника, ты не можешь сесть? *(Сириусу.)* Слава Господу, что все так закончилось! *(Мареку.)* И что нашелся хоть один из нас, кто ему помог! *(С иронией.)* Предоставил ему солнечную комнату… И кредит на выпивку! А потом купил новую ванну!..

СИРИУС *(ошеломленно).* А что мне оставалось делать?.. И вообще, что я мог сделать?..

ШЕРИФ. Ты не должен был давать ему пить… *(Выразительно, обвиняюще.)* А если ты видел, что с ним происходит, тебе надо было что-то предпринять…

МАРЕК *(Шерифу).* Скажи еще, что он должен был позвонить на телефон доверия!

СИРИУС *(тихо).* Он заперся в ванной, я слышал, как он включает воду… Господи, откуда я мог знать, что он там не моется! *(Пауза.)* Может, это… и в самом деле… моя вина. *(Вдруг резко к Шерифу, возбужденный его иронией.)* Но я… я его в эту ванную не тащил!.. Я не отбирал у него работу…

и свободу тоже… И не я выгнал его из квартиры и из школы… *(Кричит.)* А ту ванну… ту ванну мне потом предприятие дало вместо премии… Потому что старую, окровавленную ванну, в которой чуть не погиб человек, надо было как следует дезинфицировать…

БЛАНКА *(выдыхает).* Дезинфицировать?..

МАРЕК *(саркастически).* Ванна от предприятия — это важнее всего на свете.

МОНИКА. Прекратите, в конце концов!.. *(Потрясена, Мареку.)* Как ты можешь теперь… *(В ней как бы зреет какое-то понимание.)* Разве вы не понимаете, что произошло?.. Сумец… Сумец предал… *(Пауза.)* Самого себя… свои принципы… вдруг для него все рухнуло… Всю свою жизнь он верил старым философам… «Блаженство и покой — это естественное состояние человека…» Он верил в свободу человека, даже если тот — раб… и что нищий является богачом… *(Оживленно.)* Те его старые мудрецы презирали самоубийство! И только в одном случае они советовали, чтобы… чтобы человек «добровольно ушел из жизни»… если он не может служить добродетели и не может жить праведно…

МАРЕК. Он не предал… Просто он был последователен! Он не мог служить добродетели. И не

мог жить нравственно.

ШЕРИФ. Что значит — *не мог*?.. Кто ему не давал?.. *(Наступательно.)* Ты хочешь сказать, что мы были безнравственны, или как?

МАРЕК. Мы — нет. *(Спокойно.)* Безнравственны всегда те, другие. Те — остальные… То — остальное. То *время*, те годы… Мы — никогда!

ШЕРИФ *(Монике).* Он верил!.. *(Мареку.)* И мы верили! Мы и теперь продолжаем верить в хорошее… *(С искренним возмущением.)* Верить, я надеюсь, — это еще не безнравственно!

МАРЕК. Тогда все в порядке… *(Устало.)* У нас… чистая совесть. Всеобщая дезинфекция… в массовом масштабе! *(Пауза.)* Мы можем каждому смело смотреть в глаза!.. Надеюсь, и нашему профессору тоже!..

ФИЛИПП *(взрывается).* Дай мне его адрес!.. К черту, где он… где он?.. *(Рассерженные жесты.)* Ну так… ну так я доставлю тебе его на руках, мы посадим его во главе стола… и целый вечер будем… вот так… смотреть ему в глаза!..

МАРЕК. Где он?.. Вы не обратили внимание?.. *(Пауза.)* Ведь он здесь…

Тишина.

И весь вечер ждет…

БЛАНКА. Ждет?.. *(В замешательстве.)* Что ты имеешь в виду, Марек?..

МАРЕК. Может, я и ошибаюсь. Может, он уже и не ждет… может, он не хочет, чтобы мы это сказали.

ЛУПИНО. С ума сойти — ты не можешь говорить нормально?.. Что мы должны сказать?..

МАРЕК. Только одну фразу. *(Пауза.)* Пан профессор, простите.

Тишина.

ФИЛИПП. Это произносится до ужина или после?.. И — как закуска или как сладкое?

МАРЕК. Как собачья обязанность!

ФИЛИПП. Ну вот, пожалуйста! *(С сарказмом.)* Простите… простите!.. Я должен неожиданно расплакаться?..

ШЕРИФ *(Мареку).* Но за что, приятель, за что?.. За себя или за кого-то другого?..

МАРЕК. Да. И за себя тоже!.. И за то *время*, если тебе угодно!.. Господи, однажды ему кто-то должен это сказать!..

БЛАНКА. Я тебя уже понимаю, Марек… *(Пауза, медленно.)* Но мы… мы… ведь мы не имеем никакого отношения к истории Сумеца…

МАРЕК. Никакого, Бланка. Совсем никакого.

Вот только… Сумец — это не история. Сумец — это наша юность… *(Покорно.)* Все, чего мы когда-то хотели… И чего… достигли…

ШЕРИФ. Достигли?.. *(Настороженно.)* А чего, собственно говоря, мы достигли?..

МАРЕК. Ну, например, себя.

ШЕРИФ. Итак… поколение неудачников! *(С иронией.)* Или потерянное поколение… так ведь? Ну, это для меня новость… Ужасно — поздравляю!.. *(Взрывается.)* А тебе не кажется, что это поколение — *между прочим* — кое-что сделало?! То, за что нечего стыдиться!.. И за что нечего просить прощения! А может, оно этого и не знает!..

МАРЕК *(устало).* То, что было сделано, — об этом уже чирикают воробьи на крыше. И все учебники об этом твердят… *(С тревогой.)* Только вот дети… нашим детям хочется знать о том, что мы *не сделали*… И они спрашивают, почему… *(Пауза.)* Как и то… что мы талантливые, когда речь идет о спасении и счастье всего мира… и такие бездарные, когда речь идет о человеке?..

ШЕРИФ. Это неправда! Человек ведь…

МОНИКА. …оказывается на последнем месте во всех наших деяниях… *(Как бы укоряюще.)* Фу, Шериф, это все фразы!..

ШЕРИФ. Не на последнем месте, а на первом!..

Этот порядок слов уже изменился! Не видите?.. *(Рассерженно Мареку.)* Честное слово, я и в самом деле не знаю, чего ты хочешь! Пан профессор — извините! Сейчас?.. Ведь его же отпустили… реабилитировали… заплатили — все уже давным-давно в порядке!

МАРЕК. Мы… мы еще не в порядке!

ФИЛИПП. Мы?..

МАРЕК *(оживленно).* Как вам нравится физиономия, которую вы каждое утро видите в зеркале…?

ШЕРИФ молчит.

МАРЕК. Ну, нравится вам? Мне — нет!..

МОНИКА. Вероятно, Шериф не смотрит в зеркало.

ШЕРИФ. Ты права… Я больше смотрю *вокруг* себя… *(Резко к рампе.)* Посмотрите… там внизу светится наш старый город!.. И вы не видите, что с ним случилось?.. *(Мареку.)* Разве вы не видите, как он изменился?.. И *это* тоже нужно замечать.!.. А не только одного отдельно взятого человека… одну ложь…

МАРЕК *(с ужасом).* Одного отдельно взятого человека?.. Одну ложь?..

ШЕРИФ. Пусть даже тысячу… двадцать тысяч…

да хотя бы и сто тысяч!.. Это все пустяки!.. Неизбежные потери на нашем…

МАРЕК *(кричит).* Человек — это не пустяк!.. *(Покорно.)* Человек — это человек!.. И это — не ответ… это не ответ!.. Гляньте! Море новых домов! А как быть с ними?.. С теми *новыми* людьми в тех новых домах?.. Жилплощадь уже вычислили на квадратные сантиметры. А сколько сантиметров им еще разрешат — для совести?..

МОНИКА *(сдержанно).* Ровно столько, чтобы не было сверх положенного.

МАРЕК. Сумецу осталось место только в ванне. А свобода для него означает возможность перерезать себе вены!

ШЕРИФ *(возмущенно).* Ты хочешь сказать, что это наша вина?..

ФИЛИПП. Кого ты, собственно, обвиняешь, приятель?..

МАРЕК *(молчит, потом медленно, бессильно).* Сразу вдруг… сразу вдруг не стало виноватых… Они исчезли, испарились… И некому уже, собственно говоря, прощать… *(Филиппу.)* Я никого не обвиняю… только у меня такое ощущение… что класс «Б» сбежал с одного урока… с совсем не обязательного урока… *(Покорно.)* Поэтому мы делаем вид, что профессора нет… поэтому мы не

хотим сидеть с ним за одним столом… Потому что мы сбежали и головы попрятали в песок…

ШЕРИФ *(не владея собой).* Ну так мы сбежали, пусть будет по-твоему… И что случилось?.. Что мы потеряли?.. Кого?.. Наш пан профессор… «Зло не существует, зло — это всего лишь видимость…» *(Кричит.)* А концлагеря?.. Они-то были, или это тоже мираж?.. А война… фашизм!.. Да, старого Сумеца списали, потому его мир умер!.. Спокойствие и блаженство!.. К черту, но для кого все это?! Все это пропахло нафталином, как старый халат в шкафу… и у этой старой, дешевой морали есть один минус: это вовсе не мораль!.. *(Тишина.)*

МАРЕК *(поднимает бокал).* Итак, давайте-ка выпьем! За эту твою мораль, Шериф! За мораль, у которой нет никаких изъянов!

ШЕРИФ *(как бы опомнившись).* Ну и ладно, думай, что хочешь! Мне наплевать на эти устаревшие, фаталистические бессмыслицы… *(Цитирует с пренебрежением.)* «Человек напоминает собаку, привязанную к едущей телеге…» *(Взрывается.)* Благодарствую… не хочу!.. Я — не собака, которая бежит за телегой!.. Я эту самую телегу тяну!..

МАРЕК. А может, ты только сидишь на этой телеге… Едешь, стегаешь хлыстом… И смотришь,

как ее тащат другие!

Мучительная тишина. ШЕРИФ кладет сигарету. Подходит к МАРЕКУ.

ШЕРИФ. А ну-ка повтори!

МАРЕК. Мне кажется, что ты хорошо расслышал.

Стоят друг против друга, как мальчишки перед дракой.

ШЕРИФ. Повтори еще раз, Марек, и…

МАРЕК *(спокойно).* Ну, ударь, товарищ дипломат.

ЛУПИНО *(сдерживает Шерифа).* Что вы делаете… не сходите с ума! Вы ведь не на футболе…

ШЕРИФ. Пусти!.. *(Кричит.)* Еще каждый посланник!.. Еще каждый *товарищ* посланник!.. Как старый друг я тебе сейчас дам в морду!..

МОНИКА. Браво, Шериф! В морду — это самый лучший аргумент!

ЛУПИНО держит ШЕРИФА, ДОКТОР — МАРЕКА, БЛАНКА кричит.

БЛАНКА. Господи ты боже мой! И вот это наша выпускная вечеринка!..

Вдруг появляется молоденькая нежная ДЕВОЧКА, будто явление с того света… ушедшая юность… невинность… звучит тонкий,

серебристый голосок.

ДЕВОЧКА. Товарищи, пожалуйста, ужин подан!

ЛУПИНО сразу же отпускает ШЕРИФА. Все и всё сразу выглядит нормально. Виновато-нормально. Но никто не двигается. Маленькая официантка идет впереди.

Прошу вас, милые гости...

СВЕТАК *(первый приходит в себя).* Ну так пойдемте, милые гости... *(С нетрезвым кавалерским жестом предлагает обеим женщинам руки.)* Mesdames... messieurs!.. Bon appétit!

СВЕТАК с МОНИКОЙ и БЛАНКОЙ выходят первые. Остальные медленно идут за ними, механически и растерянно. Пространство понемногу пустеет, становится темным.

Действие 2

Темно. Через минуту зажигается свет… ДЕВУШКА-официантка зажигает свечку. Потом — другую… третью… четвертую… Из темноты постепенно — и немного устрашающе — появляются знаки зодиака… Скорпион… Дева… Козерог… близнецы… Мигающие огоньки свечей создают слегка мистическое настроение — как будто они освещают могилы усопших. Со смехом, возбужденные возвращаются одноклассники. Они сытые и умиротворенные. Алкоголь и хороший ужин сделали свое дело: кто-то досказывает какую-то шутку, остальные смеются, кто-то насвистывает Gaudeamus, СВЕТАК держит в руке бутылку коньяка.

ФИЛИПП. Когда же наконец будет свет? *(Весело.)* Или свет, или ты должна будешь играть с нами в прятки!

ДЕВУШКА. Извините, я не знаю, что случилось, может, это короткое замыкание.

БЛАНКА. Хорошо еще, что он не погас, когда мы ели форель…

ШЕРИФ. А мне, между прочим, это нравится! *(Оглядывает помещение, свечки, делает вид, что он взволнован.)* Я люблю свечки… Это выглядит

вполне элегантно!

СВЕТАК *(рыгает).* Пардон!

ДЕВУШКА. Я все принесла — и кофе тоже, как вы желали. Еще что-нибудь нужно?

СВЕТАК. Конечно! *(Наливает себе.)* Рукомойник!

ДЕВУШКА. Рукомойник?..

СВЕТАК. Да. Знаете — рукомойник Пилата[25]. *(Пьет.)* Он есть у вас?

ДЕВУШКА. Не знаю… *(Любезно.)* Спрошу у товарища директора. *(Убегает.)*

ДОКТОР *(зажигает свечку на своем столе).* Это и правда элегантно… Доверительный и элегантный реквием в честь нашей молодости…

Сидят, помешивают кофе. Слышится джазовое исполнение на гитаре мелодии Geudeamus.

МОНИКА *(с низким почтительным поклоном).* Позволите?

СИРИУС *(смущенно).* Я?..

ЛУПИНО. Ты лучше всех танцевала!

БЛАНКА *(охотно встает).* Боже ты мой, я уже

---

[25] Примечания: 25

Понтий Пилат — римский прокуратор Иудеи (26–36). Согласно новозаветной традиции он приговорил к смерти Иисуса Христа. По евангельскому рассказу, при этом он взял воды и умыл руки перед народом, использовав старинный иудейский обычай, символизирующий невинность в пролитии крови; отсюда — «умыть руки».

не танцевала сто лет!..

Обе пары начинают танцевать медленно, в ритме танго. СВЕТАК пьет и кричит.

СВЕТАК. Когда-то… когда-то он ее любил… а она об этом не знала… *(Жестикулирует в сторону Моники и Сириуса, потом Бланки и Лупино.)* …а она ужасно любила другого… но он не имел об этом ни малейшего представления… *(Пьет.)* А что вы чувствуете сейчас?.. Признайтесь… я никому не скажу… Вы чувствуете что-нибудь?..

БЛАНКА *(улыбается в объятиях Лупино). Я* чувствую, что мне жмут новые туфли!

МОНИКА *(тихо).* А ты?

СИРИУС *(смущенно).* Эмиль много пьет…

МОНИКА. Когда мне было восемнадцать… это майское дерево[26]… такое высокое… аж до третьего этажа… В городе, на главной улице, как-то несуразно!..

СИРИУС *(быстро, как бы защищаясь).* Ты хотела, чтобы я показал тебе ту звезду…

МОНИКА. Потом!.. *(Напряженно.)* Ты бы еще су-

---

[26] Примечания: 26

Ствол молодой ели, имеющий вверху ветви, к которым прикреплялись цветные ленты. В прошлом ставились на 1 мая парнями перед домами, где жили девушки на выданье. Сегодня ставят на площадях в городах и селах Словакии как символ красоты и женственности.

мел… соорудить такое высокое майское дерево?..

СИРИУС молчит, медленно танцует.

МОНИКА. Мог?..

СИРИУС. Уже нет, Моника… *(Устает танцевать, показывает на небо.)* Посмотри… вот та белая — это Сириус… в созвездии Ориона, самая яркая неподвижная звезда… В старые времена верили, что она приносит засуху и бешенство.

МОНИКА *(быстро поворачивается к остальным).* Ну так продолжайте, мальчики, ругайтесь, грызитесь! А кто хочет, может и сойти с ума!

ФИЛИПП *(грозит ей).* Прими свои таблеточки, Моника, и не провоцируй! *(Делает жест в сторону Марека и Шерифа.)* Тебе неприятно, что эти два неандертальца уже пришли в себя? *(Всем.)* Если кто-то опять начнет, мы его сразу оштрафуем! Три бутылки коньяка, ясно?

СВЕТАК. Правильно! Madonna mia… Очень разумно… *(Вскакивает и начинает танцевать — в странном одиноком танце он кружится возле обеих пар.)*

ШЕРИФ *(примиряюще, благожелательно).* Как он на меня набросился… На старого приятеля! И еще обругал меня посланником! *(Мареку.)* Бывший приятель, бывший. *(Наливает себе.)* Утром

проснешься — и у тебя новая должность, сам не знаешь откуда… А потом вдруг — нет ее… вдруг тебя лишают этой должности… и опять не знаешь почему…

СВЕТАК *(танцует, кружится по пространству и кричит).* Не бойся, Шериф! Сгоришь на одном месте, это — ничего! Ты — птица феникс[27]… Сгоришь и опять подымешься из пепла… и снова сядешь на другое дерево… может, на более высокую ветку… *(Вдруг начинает хлопать в ладоши, кричать.)* Changez les dames[28]!..

По этой команде танцующие меняются дамами, словно совершают обряд.

ШЕРИФ. Servus, Марек! Ты — замечательный! *(Пьет.)* Только прекрати заниматься спиритизмом, приятель!

МАРЕК. Возможно, ты и прав…

ШЕРИФ. Я думаю! Жизнь такая короткая штука… И прекрасная, черт побери!

МОНИКА. Мир Шерифа окрашен в семь цветов

---

[27] Примечания: 27

От греческого — пурпурный, багряный. Мифологическая птица, обладающая способностью сжигать себя и затем возрождаться; символ вечного обновления.

[28] Примечания: 28

Changez les dames *(фр.)* — выбираете дам.

радуги. *(Из объятий Лупино.)* Зачем ты портишь его радугу, Марек?..

ЛУПИНО. Радугу? С ума сойти, с тобой становишься сумасшедшим!

МОНИКА. Это цитата, Лупино. *(Поглаживает его во время танца.)* Думать чужой головой удобно. А не думать вообще — это идеально. Не думать и не существовать…

ЛУПИНО *(сердечно).* Золотко, я уже не удивляюсь, что твои мужья не выдержали!

СВЕТАК *(примиряюще, танцует свой странный одинокий танец).* Не существовать?.. Это, между прочим… рационализаторское предложение!.. Возможно, и та пани… с которой я живу… не существует… *(Пьяно смакуя.)* Мы, собственно… под одной крышей… но только мы как бы *не существуем*… ни я, ни та пани, ни тот па… панельный дом, ни эти ногти… Ничего… ничего не существует!.. O lala, quelle delicatesse!.. *(Сделав короткий пируэт, падает в кресло и пьет.)*

ШЕРИФ *(дружески).* Ах, Марек, когда-то у нас были не только одинаковые взгляды, но и одинаковый вкус!

МАРЕК *(улыбаясь).* Ее звали Термина…

ДОКТОР. Нет, Гермелина!

ФИЛИПП. И этот бледный францисканец[29] волочился за ней…

Одноклассники смеются мужским озорным смехом посвященных.

МАРЕК. А Илона — Илону вы помните, ребята? СВЕТАК *(религиозно).* О, Илона… Илона… Она — не существовала… *(Выскакивает.)* И все… все мы были… родственники… Но меня, меня она любила больше всех… Даже коня мне купила… *(Горячо.)* Большого, желтого… медового коня. *(Пьет, усмехаясь.)* За здоровье, родственнички… Вам она ничего не купила!

ФИЛИПП. Вот это были времена!.. Привет, парни!.. Давайте выпьем! *(Пьют.)*

СВЕТАК *(внезапно становится грустным).* Но потом… потом она отгрызла голову…

ФИЛИПП. Тебе или тому коню?

Смеясь, ШЕРИФ запевает мощным голосом.

ШЕРИФ. Загудели горы, загудели леса…

Все присоединяются, пары перестают танцевать. СВЕТАК «дирижирует». Только МОНИКА стоит в одиночестве возле

---

[29] Примечания: 29

Францисканец — представитель католического монашеского ордена, основанного в 1208 г. Франциском Ассизским. Основа его учения — бедность как высшая степень смирения: «Не может человек владеть, ибо владеет только Бог».

портала, вглядываясь в ночное небо.

ВСЕ.

…куда ж пропали… куда ж пропали…
наши молодые годы…
Наши молодые годы канули в воды,
наши золотые времена не вернутся никогда…
Юность моя, юность
изменилась в суетность,
изменилась в суетность
за мою бездумность…

ФИЛИПП *(выпивает).* Да здравствует класс «Б»! За здоровье, друзья! До свидания через пять лет!

Чокаются, звон бокалов и хорошее настроение — вечеринка спасена.

МОНИКА *(возле портала).* Через пять лет нам стукнет пятьдесят…

ЛУПИНО. Это будет наш последний тайм! Черт возьми — как в хоккее!

ШЕРИФ *(оживленно, энергично).* Ах, Моника, пятьдесят лет — разве это годы?.. Маленькая неприятность в календаре… Ты и потом не

бросишь работать… любить… ненавидеть… радоваться и делать глупости… нет, нет… это пустяк… для настоящего мужчины пятьдесят — ничего не значат! *(Филиппу.)* Но если через пять лет мы опять встретимся, надо будет все организовать по-другому! Должны прийти наши жены… дети… да даже, может быть, и внуки… ну а кто захочет, может пригласить и подругу, черт возьми, пусть весь мир видит, какие мы соколы! *(Мареку.)* А кто пожелает, пусть позовет и профессора Мразика! Я совсем не против!

ФИЛИПП. Осторожно, Шериф, осторожно…

СВЕТАК. Закажи коньяк, Марек! Можешь французский!

МАРЕК. Я? Я ничего не сказал!

ШЕРИФ *(Филиппу).* Я заплачу за этот коньяк! В одном Марек прав: сегодняшний вечер Сумец мог бы провести с нами. Честное слово: все бы выглядело совсем иначе!

МАРЕК. Он сказал, что на нашу следующую встречу обязательно пришел бы!

Тишина.

БЛАНКА. Он сказал?

ШЕРИФ *(обиженно).* Ты с ним говорил?..

МАРЕК. Да. *(Деловито.)* Он сердечно всех вас

приветствует!

ФИЛИПП. А откуда он узнал, что мы устраиваем вечеринку?

МАРЕК. От меня. *(Лупино.)* Ту книгу, которую ты сжег, он снова пишет… В нем есть что-то, что совсем не устаревает… И о тебе он вспомнил, Моника, о своей самой любимой ученице…

МОНИКА *(скрывая, что она тронута, шутит).* Обо мне все вспоминают только по-хорошему. Конечно, кроме моих бывших мужей.

СИРИУС *(непонимающе).* Так почему же ты его не привел… почему не позвал, приятель!..

СВЕТАК. Коньяк! *(Радуется.)* Будет коньячок!..

БЛАНКА *(сердечно).* Что он делает, как поживает?.. Ведь он уже на пенсии, не так ли?

МАРЕК. Нет. *(Как бы взвешивая.)* Он в заключении.

Тишина.

ФИЛИПП. Ты шутишь?

МАРЕК *(возбужденно).* Он сидит в камере предварительного заключения… ему разрешили короткое свидание.

Пауза.

ШЕРИФ *(рассерженно).* Если это правда, Ма-

рек… если это правда… и ты это знал и целый вечер молчал… *(Взрывается.)* В таком случае ты — негодяй!

МАРЕК *(резко).* Прошу тебя, будь любезен! Так я — негодяй… Или сумасшедший… А может, и то и другое…

ШЕРИФ *(лаконично).* Когда ты узнал?

МАРЕК. Вчера!

БЛАНКА *(в ужасе).* А почему же ты не сказал?

МАРЕК *(с иронией).* Я не хотел никому портить аппетит… *(Уклоняется от Филиппа.)* …на этом торжественном ужине!

ФИЛИПП. А теперь ты раструбил…

ШЕРИФ. Негодяй! Позер!

МАРЕК. А вас совсем не интересует… что он сделал… почему сидит?! Или… или вы это знаете?.. Возможно, знаете… и целый вечер молчите.!.. И потом… потом я — не единственный негодяй среди вас!

ШЕРИФ. Ты действуешь мне на нервы! Откуда мне знать, что случилось…

ФИЛИПП *(достает из кармана телеграмму).* Прежде всего ты не любишь идиотские вечеринки… *(Будто фехтует телеграммой.)* Ну так чего же ты пристаешь?.. Чего, собственно говоря, ты хочешь?.. Господи, зачем ты пришел?..

МАРЕК *(молчит, потом тихо, как бы обессилев). Я* пришел передать вам привет от Сумеца!

ФИЛИПП. Нет… нет… *(С ненавистью.)* Ты явился, потому что ты и в самом деле…

СИРИУС. Замолчи!

ДОКТОР. В чем его обвиняют?

МАРЕК *(взвешивая).* Попытка нелегального пересечения границы…

Тишина. Долгая и ошеломляющая. Словно они не верят собственным ушам.

СИРИУС. Что?..

ДОКТОР. Нелегальное пересечение границы?..

МОНИКА. И снова ему «доказали» умысел?

МАРЕК. На этот раз ему доказали реальность его намерений.

ШЕРИФ. Когда?..

МАРЕК. Где-то с месяц назад.

БЛАНКА. Бога ради, не хочешь ли ты сказать, что он на старости лет решил переползти через границу!..

СВЕТАК. Пссс… Не переползал…. Не переползал… *(Таинственно.)* Он… вероятно, перелетал… *(Изображает пьяный птичий жест.)* Над патрулями… автоматами… пограничными вышками… Высоко… высоко-о-о взлетел он над колючей

проволокой и…

ДОКТОР *(прерывает).* Ты отправился за ним. За тем итальянским профессором?..

МАРЕК. Конечно. *(С грустным юмором.)* Все дороги ведут в Рим…

СИРИУС. Я вообще ничего не понимаю! Сегодня ему вполне могли бы выдать паспорт!

СВЕТАК. Паспорт?.. Это что такое?..

МАРЕК. Он пытался это сделать три года тому назад… *(Пауза.)* Я думал, вы об этом знаете…

Тишина. Никто не отвечает.

Он очень долго и терпеливо ждал, пока придет ответ… к сожалению, отрицательный.

ДОКТОР. А основания?..

МАРЕК *(пожимает плечами, неопределенно).* Ведь мы живем… в век информации…

МОНИКА. К сожалению, слишком большой информации!

СИРИУС. Боже мой, сколько людей уже ездило! Они вернулись — и ни с кем ничего не случилось…

МОНИКА. В этом-то вся и разница! Тех, кому это *не удалось*, сажают в тюрьму, а тех, кому *удалось*, показывают по телевизору! А потом, когда они соизволят вернуться, приветствуют как лучших

патриотов…

СИРИУС *(не слушает, энергично).* Мы должны вытащить его оттуда… *(Доктору.)* Ты свяжешься с прокурором… изучишь его труды… *(Шерифу.)* А ты — поможешь, ты ведь лучше всех знаешь, как это делается… И давайте сложимся на хорошего адвоката…

ЛУПИНО. Ясно! Обалдеть можно — ведь не оставим же мы его в беде!

ШЕРИФ. Конечно нет… *(Рассудительно.)* Но… это не так-то просто, друзья!

ФИЛИПП. Уважаемые, все это надо хорошенько обдумать! Подобные дела не решаются во время пьянки! *(Мареку угрюмо.)* А ты закажи-ка коньяк, приятель!

ДОКТОР *(старается быть объективным, как бы констатируя).* На сей раз он невиновен… Он нарушил закон, совершил наказуемое деяние. Нашим старым дротарам[30] было намного легче — они могли обойтись без всяких бумаг. Такие законы в те времена еще не существовали, что, мол, дротар не может ходить по миру.

СИРИУС. Ты хочешь сказать, что ничего нельзя

---

[30] Примечания: 30

В прошлом ремесленники, которые ремонтировали кухонную посуду, продавали изделия из проволоки и металла. Беспрепятственно ездили по Центральной и Южной Европе.

сделать?..

МАРЕК *(доктору).* Ты прав! Теперь он *виновен* — и поэтому мы не будем ничего делать… Даже когда он был *невиновен*, и тогда мы ничего не сделали… Мы не могли — такое было *время*… *(С горечью.)* Мы уже так привыкли — и пальцем не пошевельнуть ради другого человека. Так что, если *то время*, не приведи господи, когда-нибудь вернется… в синем, розовом… или желтом… мы будем в первых рядах тех, кто снова не сделает абсолютно ничего…

ДОКТОР *(деловито).* Я только хотел сказать, что мы еще не знаем подробностей… смягчающих обстоятельств… и…

СИРИУС. Смягчающие обстоятельства… Я видел его с перерезанными венами! Я выломал дверь и выпустил горячую воду, красную воду из ванны… Ничего больше я для него не сделал… И никто из нас… *(Выкрикивает.)* Так что же еще тут не ясно?.. Или мы поможем ему хоть раз — или все мы — ничтожества!

Тишина.

МАРЕК *(неожиданно).* Думаю, что мы ему уже помогли!

СИРИУС. Помогли?.. Как помогли?..

МАРЕК. Я опасаюсь… что в эту тюрьму…

СИРИУС. Кто?.. Мы?..

МАРЕК. Класс «Б»! Во всяком случае, некоторые из нас…

СИРИУС *(с опаской).* Ты думаешь, что, например, и я тоже?..

МАРЕК. Не знаю. Может, и ты!

СИРИУС. Марек! Не шути так со мной… *(Хватает его за пальто.)* Я не Шериф… Я тебе и в самом деле могу дать в морду…

МАРЕК. Отпусти!.. *(Вырывается.)* Ты, говорят, любишь слушать тишину! Ну так слушай. Слушай… Ты услышишь, как мы красиво молчим?.. Класс «Б» мужественно молчит… Образцово и коллективно!

ШЕРИФ. Зато ты говоришь *слишком* много!

МАРЕК. Я не хотел! Весь вечер я держал это в себе… И что-то мне подсказывало… молчи, молчи, и ты молчи, ты, ненормальный… *(Оживленно.)* Я хотел… но не могу…

ШЕРИФ. Ты, случайно, не шизофреник? *(Взрывается.)* Мой младший сын сейчас бы спросил… так что, собственно говоря, ты несешь, приятель?..

МАРЕК. Всего лишь самую обычную вещь… *(Уже не выдерживает.)* Какую *информацию* по-

лучили соответствующие органы о гражданине Мразике… от сограждан гражданина Мразика… только это и *несу* — и ничего более!

Тишина.

ЛУПИНО *(в смятении).* От каких сограждан?

МАРЕК. Например, от нас! *(Быстро, безудержно.)* Этот старый наивный пан, который уже однажды отсидел из-за совсем невинной переписки со своим итальянским коллегой, этот старый, непрактичный пан не перестает мечтать о большом путешествии… три года тому назад он хотел лишь немного подстраховаться… и поэтому сам потребовал от соответствующих учреждений, чтобы они обратились к его бывшим ученикам… Наши имена… наши подписи… и наша гражданская безупречность — всё это должно было стать гарантией того, что его пустят!

Тишина.

МОНИКА. Когда это было?.. Три года назад… *(Задумывается.)* Нет, я не помню!

СИРИУС. И мне ничего не приходило…

МАРЕК *(прерывает, к остальным).* И вы тоже ничего не получали?.. *(Иронично.)* Или уже не помните?!

ШЕРИФ. Расследование… Или исповедь? Не переношу, Марек!

ФИЛИПП *(Мареку).* Ты получал?..

МАРЕК *(взвешивает).* Да. Я получал!

ШЕРИФ. Отлично! И представь… представь себе, что меня это совсем не интересует!

ДОКТОР. И в самом деле, Марек, тебе не кажется, что ты суешь нос в чужие дела?

ФИЛИПП *(возмущенно).* По какому праву, приятель?..

МАРЕК. Извините… *(Тихо). Я* не спал всю ночь… У меня было… такое… странное чувство… Он сидит… а у нас здесь вечеринка… *(Пьет.)* Утром я решил, что приду… *(Живо.) Я* должен был избавиться от этого… А может… то, что он сидит там… и… *(Пауза.)* Это заслуга тех… самых хороших ребят!

ФИЛИПП. Не мучайся, приятель! *(Саркастически.)* Знаешь что?.. Купи себе полицейскую собаку! Она все выяснит!

СВЕТАК *(вскрикивает).* Постой, ничего не покупай… *(Пьяным жестом сдерживает Марека.)* Лучше пропьем эту собаку… Я признаюсь! Добровольно… *(Ударяет себя в грудь.)* …*я* здесь — единственный, у кого есть характер… Я прекрасно написал об этом… И очень лаконично… *(Ко всем.)*

Знаете, что я написал?.. *(Смакует паузу.)* Ничего… Совсем ничего… Ничегооо… *(Мареку.)* Etes-vons satisfait, monsieur?

МАРЕК *(с благодарностью).* Не пей столько, Эмиль!

СВЕТАК. Я совсем не пью… *(Выпивает и бормочет.)* Я… обыкновенный… мелкий почтовый работник… Но — *сильный* характер! Не ангел-хранитель… Не свинья… Я не буду писать, чтобы его не выпустили!.. И не напишу, чтобы его выпустили… Bon giorno, signorina… Чао, бамбино… Дерьмо!.. *(Вдруг разъяренный.)* Я — не сумасшедший… И я не свинья… Я всегда был ничем, ну так что?.. *(Насмешливо, хрипло затягивает.)* Никогда не вернется сказка юности, которая всех сказок… *(Моника быстро доливает ему, чем прерывает его пение. Светак пьет, икает и продолжает.)* …та самая красивая… Почему судьба дает так… так мало… мало… *(Обиженно.)* Так мало чего?.. *(В отчаянии.)* Как там дальше?..

Никто не отвечает.

БЛАНКА. Однажды к нам пришел такой красавец… Очень любезный… И расспрашивал о Сумеце, как будто он был его родственником! Как тот живет с женой… и прочее… Об этом я, конеч-

но, ничего не знала. *(Мареку.)* Но в остальном… я вспомнила обо всем, что говорило в его пользу!

ДОКТОР *(с нетерпением).* Никто тебя не заставляет это рассказывать!

БЛАНКА. А почему бы и нет… *(Деловито.) Я* предложила ему кофе… а мой муж достал бутылку, но он от всего отказался… и… *(Пауза.)* Вдруг спросил меня, что я думаю, профессор вернется обратно из-за границы… *(Замолкает.)*

СИРИУС *(с напряжением).* А ты?.. Что ты подумала?

БЛАНКА. Почему бы ему не вернуться — я именно это и хотела сказать, но… Но в этот момент он мне подмигнул…

МОНИКА. Кто?.. Тот красавец?..

БЛАНКА. Нет, мой муж… Милан мне вдруг начал подмигивать и… *(Пауза.)* Поэтому я сказала, что…

СИРИУС. …что он не вернется?

БЛАНКА. Нет, нет! Я это не говорила! Я сказала только… что не знаю… Что я просто не могу этого знать… *(Мареку.)* Ничего другого я не сказала!

ШЕРИФ. Я думаю, это было разумно!

МАРЕК *(с горькой иронией).* Какое счастье, что мы такие разумные!

БЛАНКА. Не думай, что мой муж… *(Искренне.)*

Милан хороший человек! И очень хороший отец… Тогда он как раз ждал повышения… ему так долго не давали майора… *(В замешательстве.)* Все так дорого… И дети растут как грибы после дождя… *(Вьет, пауза, вдруг.)* Я… люблю, когда в доме спокойно…

МАРЕК. Скажи пану майору, чтобы он не моргал… Этот профессор обязательно бы вернулся!

ШЕРИФ. Так почему же он попытался бежать?.. Это говорит о том, что…

МОНИКА *(прерывает).* Только о том, что, когда люди не могут вести себя нормально, они начинают вести себя ненормально…

ФИЛИПП *(Монике).* Что такое нормально и что такое не нормально?.. Я не понимаю… *(Рассерженно.)* Сегодня они скажут тебе, что *белое* — это то, что вчера было *нормально* черное, и наоборот! Оставьте меня в покое… Из-за этих премудростей человек однажды превратится в дурака.

МОНИКА. Сделай себе маленький гражданский барометр, Филипп!

ФИЛИПП *(нервно).* Какой еще барометр?..

МОНИКА. Обычную банку для консервирования огурцов… а в нее положи — зеленую лягушку… Ты будешь ловить для нее мух, а жаба заранее сообщать тебе обо всех переменах

погоды!..

ФИЛИПП. Благодарю за хороший совет, Моника!

ШЕРИФ. Нормально… ненормально… — это все слова! *(Раздраженно Монике.)* Речь идет о том, как ведут себя люди: *нравственно* или нет!

МАРЕК. Он хотел посетить своего близкого друга… Это безнравственно? *(Шерифу.)* А запретить… — это, по-твоему, более нравственно?! *(Пауза.)* А ты… ты бы не поехал?

МОНИКА. У Шерифа, вероятно, нет хорошего друга…

ШЕРИФ *(Мареку).* Я бы поехал… Но не так, как он!

ДОКТОР. Это был его последний шанс! Встретиться с другом, которого никогда не видел… прочитать книги, которые еще не читал… поработать в библиотеках, где находятся оригиналы… Огромное искушение… и я бы не удивился, если бы он там остался…

МАРЕК *(обиженно).* Это означает, что ты его поездку…

ДОКТОР. Какое твое дело?.. *(Более миролюбиво.)* Я ненавижу характеристики! А поскольку я должен был их писать, у меня всегда было такое грязное чувство, что я стираю чужие штаны…

Черт возьми, для этого ведь существует химчистка…

СИРИУС *(разочарованно).* Сумец не стоил того, чтобы ты был так любезен и… боролся со своими ощущениями?

ДОКТОР *(не сердится).* Я написал самое лучшее поручительство, которое только мог… Только вот я не пойму, почему я должен кричать об этом на весь мир!

ФИЛИПП *(недоверчиво).* И ты не боялся, что он не вернется?

ДОКТОР. Плевал я на это! Ведь это, в конце концов, его дело…

ФИЛИПП. Нет, это и твое дело тоже… Республика — это тебе не голубятня, у каждого государства есть свои законы… и… *(Моника в упор смотрит на рассерженного Филиппа, тот нервно.)* Что ты так смотришь на меня?..

МОНИКА. Я представляю тебя голубем, Филипп!

ФИЛИПП. Голубем?..

МОНИКА. К голубям ведь никто не предъявляет претензий, если они залетят в чужой двор, где больше зерна!

ШЕРИФ. Черт побери, мы же живем не только для того, чтобы как следует *наклеваться*!..

МОНИКА. И не для того, чтобы разбогатеть!

ШЕРИФ. Моника, я перед каждой зарплатой, вероятно, как и ты, нищенствую!

ФИЛИПП *(Монике).* В любом случае я бы из того, чужого, двора вернулся… *(С достоинством.)* И голубятня, Моника, у каждого голубя только одна…

СВЕТАК. Пссс!.. *(Делает таинственные птичьи движения.)* Я не говорю, что он летал… Сумец — это не Сумец… Пссс!.. Сумец — это голубь… Почтовый голубь… И… каждое зернышко необходимо… записать… учесть… инвентаризовать… Каждое перышко… крылья… клюв… коготки… все! Дважды… Трижды… И равносильно присяге… Пссс!..

Никто не обращает внимания на пьяного.

ШЕРИФ *(Монике и Доктору).* Нет, мы уже перестали понимать друг друга… *(С горечью.)* Как можно… Один класс… одно поколение… Мы так давно знаем друг друга… мы живем в одном мире… И вдруг — перестали понимать…

Тишина. В этот момент раздается сильный, требовательный телефонный звонок. Все с напряжением поворачиваются в сторону звука.

СИРИУС *(выдыхает).* Это он… *(Торопливо ухо-*

дит со сцены к телефонному аппарату.) Слушаю. Алло? Междугородний? *(Разочарованно.)* Да, здесь, передаю. *(Возвращается.)* Шериф, это тебя!

ШЕРИФ идет к телефону, Светак бормочет, сонно напевает какую-то мелодию. Тотчас же раздается энергичный голос ШЕРИФА.

ШЕРИФ. Кордош слушает! Что?.. Завтра утром в аэропорте?.. Но я ведь не могу быть все время в твоем распоряжении... Да, понимаю... только поприветствовать и поучаствовать в долгом сердечном разговоре, ясно! *(Невнятно, требовательным голосом.)* Нет, к сожалению, не могу... Да, вечер одноклассников! Да, представь себе, товарищ, всего лишь одноклассники!.. Я уже не успею! Черт возьми, пусть хоть раз улыбаться и приветствовать пойдет кто-нибудь другой... Доброй ночи! *(Быстро кладет телефонную трубку, возвращается возбужденный.)*

МОНИКА. Как всегда, незаменим. Я предполагала, что ты убежишь!

ШЕРИФ *(не обижается).* Моника, я стоял против немецких танков... а не ты! Вот так... глаза в глаза!.. И я *не убежал*, даже тогда, понимаешь?..

МОНИКА *(любезно).* Прости, я не хотела тебя обидеть... Просто я рада, что ты не покидаешь

нас.

МАРЕК. И правда останешься? Не пойдешь приветствовать?

ШЕРИФ. Пошел к черту! Мне не зачем убегать, Марек! *(Иронично.)* В «долгом, сердечном» разговоре ты можешь принять участие и здесь!

Пауза.

СИРИУС. Я думал, что звонил Сумец…

ЛУПИНО. Не сходи с ума! Как он может звонить, если он — в тюряге?

СИРИУС. Не знаю, но… *(Как бы в раздумье.)* Часто мне снятся такие странные сны… Он лежит в той ванне… Но не в воде… не в крови… Ванна полна… сухой глины… и из краников течет… сплошная глина… он лежит уже засыпанный… но еще живой… улыбается… и экзаменует меня… Я стою возле ванны с книжкой в руке и перевожу Марка Аврелия… *(Тихо, отсутствующим голосом.)* «Человек, который умирает, подобен зрелой оливе, падающей с куста, благодарный земле и дереву, которые ее взрастили…» *(Пауза.)* Обычно я путаюсь, и тогда Сумец выскакивает из глины и…

ФИЛИПП *(разбивает бокал о землю).* Черт подери! Я уже сыт по горло!.. Чего вы хотите?.. Какие

страшилки вы еще придумали?.. *(Сириусу, зло.)* Какое мне дело до того, что тебе снятся идиотские сны?..

МАРЕК *(тихо).* Чего ты боишься, Филипп?

ФИЛИПП *(не владея собой).* Я не боюсь! Я был убежден, что он не вернется, — так я и написал… *(В отчаянии кричит с упреком.)* Никто не имеет право втягивать других в подобные вещи!.. И за меня никто никогда в жизни не поручился!.. А для меня… для меня речь не шла о поездке в Италию… для меня речь шла о собственной шкуре! Я терпеть не могу неприятностей… у меня на то есть свои причины!..

МАРЕК. Твоя причина — это страх!

ФИЛИПП. Это не страх! *(В отчаянии.)* Это позиция! Это… опыт!.. Почему вы думаете, что именно я должен осложнять себе жизнь?..

МОНИКА *(деловито).* Не хочешь чего-нибудь успокоительного, Филипп? *(Лезет в сумочку.)* На, выпей…

ФИЛИПП. Что вы знаете… что вы вообще знаете! *(Пауза.)* От отцовской лесопилки… остались одни опилки… и *опилочное* классовое происхождение! Мой брат… мой брат получил кучу металла… к сожалению, он не стрелял в немцев на Дукле, а где-то в Сахаре… А моя сестра…

МОНИКА. Ради бога, хватит!.. Я надеюсь, она не была монашкой!

ФИЛИПП. Моя сестра после войны вышла замуж за коллаборациониста! *(Возбужденно показывает.)* Вот столько… вот столько бумаг они собрали об этой уважаемой и оклеветанной семье… Все эти бумаги уже не помещались на полках… они вынуждены были отнести их наверх, на чердак… *(Пьет.)* Да, теперь тишина, а вот несколько лет тому назад… несколько лет тому назад эти бумаги меня почти похоронили… А что будет завтра?.. *(Вскрикивает, в отчаянии и бессилии.)* Я хочу покоя… покоя… покоя… Я не хочу, чтобы однажды их опять *достали* с чердака…

Молча, опешив, с некоторым участием одноклассники смотрят на возбужденного ФИЛИППА. ФИЛИПП молчит, сразу делается тихим, несчастным.

Это было такое… ужасно глупое ощущение… Произнести эти слова… что я не верю Сумецу… сто раз мне хотелось… наплевать на свою собственную подпись… *(Пауза.)*

ЛУПИНО *(колеблясь).* У каждого бывают… какие-то неприятные ощущения… *(Тишина.)* Однажды я ударил ногой лежащего вратаря… Его унесли с сотрясением мозга и выбитыми

зубами… *(Пауза.)* И когда я сжег ту несчастную книгу Сумеца… тогда тоже… было ужасно неприятное ощущение. Будто я старого пана ударил в лицо… *(Пьет.)* И к нам приходил тот… *(Бланке.)* …как ты его называешь… *красавчик*… спрашивал, мол, знаю ли я профессора Мразика и тому подобное. Ясное дело, тогда меня осенило, что, мол, возможно, Сумец и не вернется… возможно, будут неприятности… *(Филиппу.)* Никто не любит лишних осложнений!

ФИЛИПП *(с нетерпением).* И что ты сказал?..

ЛУПИНО *(пьет).* У меня дома есть старая спортивная форма, в которой я играл в последнем матче… Тому красавцу я сообщил, что ручаюсь за Сумеца… и что готов съесть эту старую пропотевшую футболку, если он не вернется… *(Тишина, облегчение.)* Черт побери, я уже не хочу никаких неприятных ощущений…

ШЕРИФ. На здоровье! А по поводу твоей футболки — я желаю тебе приятного аппетита!

ЛУПИНО. Большое спасибо! *(Чувствует иронию, улыбается.)* К сожалению, ее уже съели моли, Шериф!..

МОНИКА *(сосредоточенно размышляет). Я* вспоминаю… я думала, что он пришел ремонтировать телевизор… *(Пауза.)* Когда выяснилось, о

чем идет речь, я его выгнала!

БЛАНКА. Выгнала?..

МОНИКА. Я тогда в очередной раз собиралась разводиться… в нашей семье было очень «весело».

ДОКТОР. И он позволил себя выгнать?..

МОНИКА. Он понял ситуацию и любезно покинул нас… Да, я вспоминаю… Сказал, что еще придет… или чтобы я написала об этом… *(Пауза.)* Но потом он уже больше не приходил.

СИРИУС. А ты написала?..

МОНИКА. Нет. Забыла. *(С наступательной искренностью.)* У меня такая… дырявая голова, я не виновата!

СИРИУС *(разочарованно).* Тебя он любил больше всех из класса…

МОНИКА. Мне неприятно. И я его любила. Я бы помогла ему. *(Поводит плечами.)* Я забыла.

МАРЕК *(без упрека).* Ах, Моника, ты не поможешь даже сама себе…

МОНИКА. Так помоги мне ты. *(Тронутая сочувствием, почти ни к кому не обращаясь.)* Помоги мне, чтобы я могла спать. Придумай какие-нибудь хорошие лекарства для моей дырявой больной головы… Или сделай мне ребенка. Марек… Моим бывшим мужьям это пока не удавалось… такая

маленькая… трагедия переводчицы… Ничего не могу родить… ни в литературе, ни в жизни… *(Находит в сумке и пьет таблетку. Отсутствующе.)* Ребенком я больше всего любила ореховое мороженое… *(Мареку.)* И мне страшно *(кивает на Филиппа)* намного больше, чем ему. *(Пауза.)* Страх за себя… *(Пьет.)* Если бы я не забыла, я бы обязательно написала!

ФИЛИПП *(тихо).* Это означает, что я… я, собственно, единственный дурак… Одна-единственная паршивая овца среди вас… *(Пауза.)* Ну что?.. Чего вы так смотрите?.. Вы никогда не видели дураков?.. *(В отчаянии.)* *Я* не родился таким… Меня этому научили…

ШЕРИФ. Опомнись, приятель… *(Независимо.)* Твоя позиция была правильной… Честной и разумной… *(Не может не поддержать конформизм Филиппа.)* В той ситуации… в той ситуации я занял бы точно такую же… *(Мареку.)* Надеюсь, тебя это не удивляет…

МАРЕК. Абсолютно нет! *(По-деловому, без иронии.)* Никто не может переступить через свою тень… Ни ты, ни я… А ты… ты тащишь за собой… слишком успешную тень!

ШЕРИФ. В любом случае я ему не навредил! Я подчеркнул, что это порядочный человек… хо-

роший специалист… антифашист… что он сидел во времена Гитлера… и что это было ошибкой, когда его посадили наши… Все, что в коротком телефонном разговоре можно было сказать, все положительное я сказал! *(Пауза.)* Естественно, эту его поездку я не рекомендовал.

ЛУПИНО. Вот это — самое главное!

ДОКТОР. Люди уже путешествуют по космосу — я не знаю, почему наш профессор не имел права заглянуть за пределы собственного гумна.

ШЕРИФ *(с Соломоновой мудростью).* А почему бы тому итальянскому профессору не приехать сюда?.. И здесь есть библиотеки, и здесь есть условия для исследований, и у нас ведь тоже можно работать!

МАРЕК. Ты такой наивный — или такой циничный?.. *(Резко.)* Поездка в Италию — это была его мечта!.. Всю свою жизнь он мечтал о том, что однажды посетит места, которых касались запыленные сандалии его поэтов и философов…

ШЕРИФ. Вероятно, люди слишком много мечтают!

МОНИКА. Может, они вообще не должны мечтать… *(Поглаживает дремлющего Светака.)* Может, и это надо запретить… *(Шерифу.)* Но как?.. Как ты хочешь запретить мечты?..

ШЕРИФ. Я ничего не запрещаю!.. Просто я не хотел ручаться за человека, в котором не был уверен, что он вернется!.. *(Лупино.)* Я не хотел *есть* футболку — и это все!..

МАРЕК. Но этот человек… этот человек теперь сидит!..

ШЕРИФ. Это не моя вина… Это он нарушил закон, а не я… Я…

МАРЕК. А ты всего лишь не верил!.. Это не наказуемо! Это все еще поощряется!..

ШЕРИФ. Ты — ясновидящий или как?.. Как ты можешь знать, что он бы вернулся?..

МАРЕК. Потому что я его знаю! Он даже мне это сказал! Вчера, там, в тюремной камере! Он сказал, что обязательно вернулся бы… *(Как бы взвешивая.)* Что… что он не любит макароны!

ШЕРИФ. Поэтому я должен кому-то верить?.. Что тот не любит макароны?..

МОНИКА. Уже и в этом нельзя людям верить?..

ШЕРИФ. Вы сошли с ума! Макароны!.. А я не люблю щи из квашеной капусты!.. *(Мареку.)* Этот человек сидит в камере предварительного заключения, потому что хотел убежать, предать… наплевать на свою родину, а ты мне тут болтаешь о макаронах!..

МОНИКА. Иногда случается и наоборот: иногда

сначала родина плюет на человека!

ДОКТОР *(Шерифу).* В любом случае — что тебе, собственно говоря, до того, вернулся бы он или нет?.. Ты что — его жена или кто?

ШЕРИФ *(холодно).* Ты позволишь мне иметь на *принципиальные* вещи принципиально иное мнение?..

ДОКТОР. Только речь идет о таком пустяке, как правильное ли это мнение!

ШЕРИФ. Это, к счастью, решаешь не ты!

МАРЕК. А кто?.. Почему бы и не он?.. Я… или она!.. Почему ты думаешь, что обладаешь патентом на правильное мнение?.. А те, другие, не смеют пускать в ход — с позволения сказать — собственные мозги?..

ШЕРИФ *(резко).* Будь любезен, тебе никто не возбраняет! *(К Доктору, Лупино и Мареку.)* Вы втроем поручились… пожалуйста… это ваше дело! *(Филиппу.)* А мы двое — нет, и это уже наше дело!

МАРЕК *(молчит, потом вдруг).* Откуда ты знаешь, что… что я это сделал?..

ШЕРИФ *(смущенно). А* ты не сделал?..

Все, кроме дремлющего СВЕТАКА, смотрят на молчащего МАРЕКА.

ФИЛИПП *(понимающе).* Он это не сделал!.. И

тот это не сделал!..

БЛАНКА *(с ужасом).* Марек?..

МАРЕК *(тихо).* Я написал все, что было нужно… *(Пауза.)* А потом я раздумал!

ДОКТОР *(в ужасе). Раздумал*?.. Что ты раздумал?

МАРЕК *(несчастно, быстро Доктору).* Я раздумал и решил не посылать!.. Решил на все наплевать!..

ШЕРИФ. Наш алхимик отыскал философский камень — он просто наплевал на все! *(Торжествующе.)* Ты — наш апостол!.. Совесть класса «Б»!.. Божья овечка, у которой нет грехов!.. С позволения сказать, ты все решил собственными мозгами!.. Так какая же между нами разница, приятель?..

МАРЕК. Возможно, никакой… *(Бессильно.)* Эта *великая* эпоха, полная страха… эта наша *великая* отговорка, что она уже позади… и все же мы боимся… Страх, он так просто из человека не испаряется… *(В отчаянии Шерифу.)* Если бы ты только знал, как я не хочу походить на тебя… и я боюсь, что я уже такой же, как и ты… Все… все мы какие-то… похожие… заменяемые… *(Пауза.)* Как сардинки в банке!..

ШЕРИФ. Но ты ошибаешься!.. У меня нет стра-

ха! Мне нечего бояться!..

МАРЕК. Ты боишься того, что твое время уже кончилось. А я боюсь, что — нет.

МОНИКА. Как видно, наш страх имеет два направления. *(Пауза.)* Это прекрасное, отважное столетие немного… немного испуганно!

МАРЕК. Все дни я носил эту бумагу в кармане!.. Сто раз я направлялся к почтовому ящику… и…

ФИЛИПП. И не бросил… не бросил!.. *(Повторяет с облегчением.)* Раздумал!..

СИРИУС. Я этого никогда не пойму!

МАРЕК *(молчит, внезапно).* Мой мальчик… *(Запинаясь, видно, что ему тяжело.)* Тогда он был в Татрах на экскурсии… Последние каникулы перед выпускными экзаменами… Они перешли польскую границу… хотели добраться до моря…

БЛАНКА *(матерински, с пониманием).* Что случилось?..

МАРЕК. Когда человеку восемнадцать, может случиться все, что угодно… Его друзья вернулись, а мой мальчик пошел дальше… Он поспорил с ними, что дойдет аж до… полярного круга…

ЛУПИНО. С ума сойти!..

МАРЕК. Его поймали на пристани, когда он тайно хотел переправиться в Швецию…

ШЕРИФ. В Швецию?..

МАРЕК. Я не виноват, что полярный круг находится не в Шаморине… Он дал слово друзьям… И хотел увидеть полярное сияние…

МОНИКА. Хотела бы я иметь такого сына…

МАРЕК. В конце концов ему грозило то же самое, что и когда-то нам, — его не хотели допустить до выпускных экзаменов… Все… все в жизни… как бы… повторяется… Директор настаивал на показательном наказании… Это была образцовая школа, возможно, он боялся, что ее ученики упорхнут за полярный круг…

БЛАНКА. И он сдал экзамены?

МАРЕК *(как-то бесцветно).* Мальчика я спас, а вот Сумеца я подвел.

ФИЛИПП *(сердечно).* Но ведь это по-человечески, Марек… Совершенно нормально!.. Нет, между нами нет никакого различия, слава богу!

МАРЕК *(тихо).* Только вот… мы хотим замалчивать то, о чем нужно говорить. Я уже не хочу! Хотя я ту бумагу и не отправил… а только бродил по улицам… И эти почтовые ящики… эти почтовые ящики усмехались… ты трус… ты маленький, невинный хорошо откормленный трус… *(В нем как бы светится нарастающее сияние.)* Не хочу… не могу. *(С большой нежностью.)* Мой сын… пошел… за полярной звездой…

Долгая тишина.

МОНИКА *(возле портала).* И у нас была полярная звезда… *(Неподвижно смотрит в ночное небо.)* Или это были не мы?..

МАРЕК *(тихо).* Когда, собственно говоря, это произошло?.. Где те соколики… те самые хорошие ребята?..

СИРИУС. А когда-то… когда-то они разбивали окна…

ЛУПИНО. Украли школьный скелет…

ДОКТОР. И прислонили его к двери доносчика…

БЛАНКА. Боже, и это сделали вы?..

МАРЕК. Те, другие… те, самые хорошие ребята…

ФИЛИПП. Те, что еще не боялись…

ДОКТОР. Пели запрещенные песни…

СИРИУС. А потом… стреляли.

Тишина.

МАРЕК. Не боялись чужих, чтобы потом… бояться своих…

ШЕРИФ. Тогда все было иначе!.. Просто и понятно!.. Это — враг… а вот это — свои!.. Никто не боялся, потому что никто не *соглашался*… Мы хорошо знали, что без свободы не стоит жить… и

что однажды наступит другое время!..

МАРЕК. И когда наступит… когда потом наступит это время… вот тогда стоит жить, человек уже *согласится… (Пересиливает стыд и злость.)* Самые хорошие… не соколики… страусы… уже имеют свой песок… свои тихие приусадебные участки, полные нежного, теплого песка… стоит наклонить голову… и уже ничего не знаешь, не видишь, не слышишь… голова в сыпучей безопасности… а над песком торчит лишь вздернутый одеревенелый страусиный копчик!.. *(Взрывается.)* Мы мечтали летать!.. Как могут страусы летать?.. Это единственная… единственная птица… у нее есть крылья, но она не может… не умеет летать!.. У нее есть крылья, но не сердце!..

СВЕТАК. Тсс!.. Тссс!.. Не кричи! Испугаешь!.. *(Встает, пошатываясь.)* Не видишь?.. Они — здесь!.. Здесь… они размножаются и жужжат… жужжат как мухи… *(Таинственно, с пьяными жестами.)* Повсюду одни головки… засунутые в песок… а над песком одни только… невинные… равнодушные… отвратительные страусиные попки! Они смотрят в небо… и просят… и просят, чтобы им наподдали!..

Внезапно пространство озаряется ярким светом. И в этом резком насыщенном свете одноклассники стоят неподвижно, они

как будто голые.

Тссс!.. Свет!.. Вы видите?..

Тишина. Одноклассники, словно зачарованные, смотрят на пьяного.

Неполадки устранены!.. Неполадки находятся не в вашем приемнике!.. Или в нем?.. Мне-то это до лампочки!.. У меня нет экрана… ничего… ничего… ничего!.. Есть только та пани, с которой… Я — всего лишь обыкновенный… Но все… вы все можете мне завидовать! *(Словно провидящий.)* Вам известно, что такое тайна переписки? О-го-гооо! Это… святая вещь!.. А я… я больше… чем епископ!.. Не исключено, что… что и больше, чем бискуп!.. И… и они выдумали… искусственные ногти!.. Человек купит себе искусственные ногти и не дерет свои собственные… Алло… сто грамм, пожалуйста!.. *(Таинственно, пьяные жесты.)* Пссс!.. И раз-два… и придумают и… искусственную совесть, нейлоновую!.. Люди выдумают все, что практично!.. *(Вдруг рассерженно.)* Ну что?.. Вы меня еще никогда не видели?.. *(Поднимает бокал.)* За здоровье, друзья!.. Будьте здоровы, успешные идиоты!.. Будьте счастливы… лакеи в чистых перча… перчатках!.. Да здравствует класс «Б»… класс «Б»… Бе-е! *(Теряет равновесие и*

отчаянно блеет.) Бе-е!

МОНИКА *(протягивает ему какую-то таблетку, по-деловому).* На, это от блеяния, запей водой!

СВЕТАК. Водой?.. Фу!.. *(Отпивает из бутылки.)* За здоровье... за здоровье, хорошие мальчики!.. *(Пьет из бутылки, долгим, отчаянным глотком.)*

МОНИКА передвигается в пространстве, постепенно свет гаснет.

МОНИКА *(отсутствующе).* Электроэнергии... *(Задувает свечку.)* У нас сегодня в четыре с половиной раза больше... *(Следующая свечка.)* Чем двадцать пять лет тому назад... *(Следующая свечка.)* И ее потребление в наших домах минимум в десять раз больше, чем двадцать пять лет тому назад... *(Свечка.)* Естественно, и производство свечек намного больше, чем до сих пор... *(Последняя свечка.)* И мы... мы, в конце концов, на двадцать пять лет старше... *(Задувает.)* Чем двадцать пять лет тому назад... *(Пауза, затем как-то бесцветно.)* Разве это не потрясающе?..

Тишина.

БЛАНКА *(грустно).* Я так ждала этого вечера...

За одноклассниками появляется ДЕВУШКА, на руках она приносит белый старинный фарфоровый рукомойник. ДЕВУШКА

ступает осторожно, чтобы не разлить воду; она производит впечатление очаровательного достоинства.

ДЕВУШКА. Извините, пожалуйста, но другого рукомойника у нас нет... *(Осторожно кладет фарфоровый рукомойник на свободный столик, улыбается.)* Товарищ директор подумал, что этот пан, вероятно, пошутил... *(Замечает Светака.)* Ах, он спит...

СВЕТАК *(заерзал).* Не сплю! И никогда не шучу!.. И я вовсе не пан!..

ДЕВУШКА. Извините, я имела в виду... *(В сомнении.)* Этот свет, понимаете... там сгорел трансформатор... но теперь уже все в порядке...

Никто не отвечает. Маленький белый рукомойник как бы тревожно светится в пространстве, притягивая взоры одноклассников.

ДЕВУШКА. Пожалуйста, желаете еще что-нибудь?.. Минеральную воду, сигареты... свежий поджаренный миндаль?..

Снова никакого ответа. Одноклассники стоят молча, неподвижные и словно окаменевшие. Они будто пришли в ужас при виде белого пятна рукомойника.

Тогда — приятного вечера, милые гости!.. *(Кла-*

няется и мило уходит.)

Все провожают ее долгим взглядом, смотрят вслед, будто на что-то нереальное.

БЛАНКА *(бессильно к чему-то призывая).* Но ведь… это должно было быть… ведь здесь была доска, а здесь кафедра…

СИРИУС. Там, наверху, висел крест…

ДОКТОР. Тут стояла печь… там была раздевалка…

МОНИКА. Зимой на одежде таял снег…

ШЕРИФ. А здесь находились четыре окна… с затемнением…

БЛАНКА. И когда их открывали… под ними благоухали липы…

Тишина.

МОНИКА *(с горечью).* Да… все было именно так.

Все стоят тихо и покорно, словно хотят вдохнуть, поймать что-то неуловимое, что существует уже вне их, вне пространства и времени. Все медленно погружается в темноту.

Конец.

Освальд Заградник
Соло для часов с боем

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ФРАНТИШЕК АБЕЛЬ — лифтер на пенсии.
ПАВЕЛ ЕСЕНСКИЙ — его внук.
ДАША ВЫСОЦКАЯ — девушка Павла.

РАЙНЕР —.
ПАНИ КОНТИ — друзья Франтишека Абеля из Дома для престарелых.
ХМЕЛИК —.

ИНСПЕКТОР МИЧ — старик из Дома для престарелых.
ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ.
ВРАЧ.
ПЕРВЫЙ САНИТАР.
ВТОРОЙ САНИТАР.

Перевод Ю. Айхенвальд
Osvald Záhradník. Sólo pre bicie (hodiny)
© Osvald Záhradník / LITA, 2014

Действие первое

Гостиная в старом доме. Две лестницы, широкая, «главная» и узкая, «для домашних», выходят в коридор, ведущий в прихожую. Декорация может быть решена и так, что комната находится в полуподвальном помещении. Обставлена она, как во времена наших бабушек было принято обставлять столовую. Хотя отдельные предметы обстановки производят впечатление зажиточности, все в целом свидетельствует о бедности. Особенно это видно по обивке кресел и дивана. На сравнительно новой модной лампе явно самодельный абажур. На буфете стоит большая безвкусная китайская ваза с несколькими запыленными темно-красными и темно-зелеными розами из перьев. Рядом с вазой — старый, приблизительно двадцатых годов, телефонный аппарат. Странным, аляповатым, контрастным пятном в этой обстановке кажутся две цветные репродукции, вероятно из иллюстрированного журнала. На одной из них богатырски размахивает микрофоном Том Джонс, на другой непринужденно позирует в бикини Брижит Бардо. На потертом, просиженном диване лежит ПАВЕЛ, без особого интереса перелистывает цветной журнал большого формата. АБЕЛЬ торопливо вытирает пыль. На нем праздничные брюки, белая рубашка, жилетка, пиджак переброшен через спинку

стула. АБЕЛЬ отбрасывает тряпку, прячет в шкаф будильник, затем часы с гирями и наконец с трудом втискивает в шкаф большие стоячие часы. Перенося часы, он задевает ими вытянутые ноги ПАВЛА и спотыкается на свою хромую ногу.

ПАВЕЛ *(не отрываясь от журнала).* Еще одна такая эвакуация, и я без ног, без рук.

АБЕЛЬ *(тяжело дыша, старается засунуть часы в шкаф).* Вот и помоги, пока руки-ноги целы.

ПАВЕЛ *(нехотя встает).* Ну давай.

ПАВЕЛ. Интересно, что бы ты делал, если 6 этот гроб с музыкой оказался на пару сантиметров выше.

АБЕЛЬ. Не с такими делами справлялись!

ПАВЕЛ *(иронически).* Еще бы! Например, на фронте.

АБЕЛЬ. И на фронте тоже. Да и здесь бывали дела. (*Подходит к окну, смотрит на улицу.)* Ты вроде собирался к Даше?

ПАВЕЛ. Считай, что меня уже нет. Не смею больше беспокоить. А вообще-то, когда марширует твой зверинец, глаза бы мои не глядели: и смех и слезы. *(В незашнурованных ботинках подходит к шкафу и осторожно вытаскивает оттуда спортивную куртку.)* Так! Осторожность и внимание! А то придется надевать вместо куртки ходики,

а вместо галстука — гирьку на цепочке. *(Поворачивается к шкафу спиной, ловко захлопывает дверцы ударом каблука.)*

АБЕЛЬ. У тебя до того праздничный «циферблат», что таких мелочей никто не заметит.

ПАВЕЛ *(внимательно разглядывая свое лицо в зеркале).* Ты что-нибудь имеешь против моего «циферблата»?

АБЕЛЬ. Против «циферблата» ровно ничего. Другой с таким лицом мог бы высоко подняться.

ПАВЕЛ *(иронически).* Как ты, например. Ты вон куда взлетел! К восьмому этажу и обратно! Нажимать кнопки, открывать двери, кланяться, кланяться — вот карьера! «Покорнейше благодарю!», «Премного благодарен!». Можешь свою карьеру оставить при себе!

АБЕЛЬ *(глубоко униженный, изо всех сил стараясь себя сдержать, потом шепотом).* Убирайся!

ПАВЕЛ. Что-нибудь не так?

АБЕЛЬ *(возмущенно).* Убирайся вон, а то плохо будет!

ПАВЕЛ *(агрессивно).* И так хуже некуда. Еще когда я на свет родился, хуже некуда было. Я просил кого о такой жизни? Я, что ли, заказал крушение поезда, чтобы остаться без родителей? Приюты, детские дома… А теперь… теперь этот музей на

мою голову! *(С отчаянием оглядывается вокруг.)* Нечего сказать, счастье — быть внуком отставного лифтера!

АБЕЛЬ *(неожиданно быстрым движением хватает маленькую вазочку, швыряет ее в Павла).* Вон!

ПАВЕЛ подбирает осколки.

(В изнеможении садится.) Да, я школу не кончил... Но зато в шестом классе у меня были одни пятерки. *(Хромая, идет к буфету, достает из маленькой деревянной коробочки школьный табель и сует его в лицо Павлу, продолжающему, стоя на коленях, подбирать осколки.)* На! Сам проверь!

ПАВЕЛ *(примирительно).* Ладно, ладно, знаю.

АБЕЛЬ. А когда ты учился на одни пятерки, ну скажи, когда?

ПАВЕЛ *(неохотно).* Никогда!

АБЕЛЬ. А я ведь сам пробивался. Эх, если б у меня тогда был дед, хоть какой-нибудь, хоть лифтер на пенсии... Только никого у меня не было. Понял? Никого!

ПАВЕЛ. Ну, хватит, дед, не сердись. Извини, пожалуйста. Может, валидольчика принести?

АБЕЛЬ. Он на кухне.

ПАВЕЛ идет на кухню.

(Складывает школьный табель, прячет его в буфет. Про себя.) Твоя правда. Я кланялся. Столько кланялся, что некоторых гостей и в лицо-то почти не помнил, только по ботинкам и узнавал, по ботинкам даже лучше, чем в лицо, а ты мне еще чемоданы припомнить забыл. Я их столько за всю жизнь перетаскал, что хватило бы нагрузить товарный поезд. Теперь что! Чемоданишки! А раньше, бывало, дама, и чемодан при ней — контейнер, страшилище. Налегке-то не ездили, как теперь. Стоит, бывало, такой чемоданище, чудо-юдо, и как к нему подступиться, не знаешь. Несешь — руки отрываются. А душа рада: чем он тяжелее, тем чаевые больше… И радовался же я этим чаевым! Я на них покупал одному чумазому мальчугану игрушки и конфеты, посылал ему все в детский дом.

Пауза. ПАВЕЛ возвращается с лекарством и стаканом воды.

ПАВЕЛ. Возьми, дед. Сбегаю в магазинчик за чаем?

АБЕЛЬ молчит.

Что же у вас сегодня к чаю? Какая программа?

АБЕЛЬ. Не знаю.

ПАВЕЛ. А я когда-нибудь дождусь приглаше-

ния?

АБЕЛЬ. Поживем — увидим.

Звонок в прихожей. Появляется пани КОНТИ, причудливо одетая старая дама. На голове шляпа, фасон которой, пожалуй, слишком смел для женщины ее возраста. Вокруг шеи у нее болтается нечто элегантное, но облезлое, напоминающее мех куницы. Обращают на себя внимание тщательно имитированные мордочки; пасти открыты, зубы оскалены, стеклянные глаза блестят. В руках у дамы закрытый зонтик от солнца с длинной ручкой.

КОНТИ. Добрый день!

Сразу же вслед за ней входит ХМЕЛИК, старик с большим чемоданом в руках. Ставит чемодан, вытирает лоб.

ХМЕЛИК. Добрый день!

АБЕЛЬ. Здравствуйте, милости просим. Проходите, пожалуйста.

ХМЕЛИК вопрошающе смотрит на КОНТИ. КОНТИ показывает зонтиком на буфет.

ХМЕЛИК. Сию минуточку! *(Ставит чемодан около буфета.)*

КОНТИ. Не туда. Правее, чтобы не мешал. *(Абелю.) Я* немного опоздала. Не удалось освободиться

пораньше. Звонила сыну и задержалась на почте. Просто ужас! Приходится целую вечность ждать, пока соединят!

ПАВЕЛ с любопытством разглядывает КОНТИ, зашнуровывая в то же время ботинки.

АБЕЛЬ *(любезно).* Что слышно нового? Как поживает пан сынок?

КОНТИ. Когда я звонила, он как раз оперировал. Целый час пришлось ждать.

АБЕЛЬ *(сочувственно).* Наверное, вам это стоило кучу денег: международный разговор.

КОНТИ *(в явном смятении).* Да… Конечно… *(Смотрит на Хмелика, как бы ожидая от него помощи.)* Это… конечно…

ХМЕЛИК *(спасая положение).* Пани Конти не ждала на проводе. Она позвонила еще раз после операции.

КОНТИ *(взглянув с благодарностью на Хмелика).* Да! *(Снова обретая почву под ногами.)* Эти разговоры стоят денег. Но все оплачивает мой сын. При моих теперешних доходах я бы, конечно, не могла себе этого позволить.

АБЕЛЬ *(помогая Конти).* Еще бы! Клиенты у нас в гостинице тоже, бывало, таким способом звонили. Иногда эти разговоры я сам для них

заказывал. Сейчас, кажется, такой разговор называется «за счет вызываемого». Так? (*Смотрит на Павла.)*

ПАВЕЛ. «За счет вызываемого». Так. *(Конти.)* А ваш сын где?

КОНТИ *(гордо).* Мой сын в Швейцарии. Мой сын — ассистент профессора Обвегессера, если, конечно, вам что-нибудь говорит это имя.

ПАВЕЛ *(охотно использует возможность понасмешничать, прикидывается простачком).* Ничего не говорит. Имя как имя.

КОНТИ *(не замечая притворства Павла).* Он оперирует глаза.

ПАВЕЛ *(в прежнем тоне).* Как, вы сказали, его фамилия?

КОНТИ *(медленно, внятно).* Обвегессер.

ПАВЕЛ. Да нет, этого я знаю, я про вашего сына.

КОНТИ. Ах, вот что!.. Ну, естественно, Конти.

ПАВЕЛ. А имя у него тоже есть?

КОНТИ *(после мгновенного колебания).* Его зовут Губерт. Губерт Рохус Конти.

ПАВЕЛ *(иронически).* Ах, вон что! *(Выдержав паузу.)* Нет, такого я не знаю.

КОНТИ *(начинает подозревать Павла, пытается найти выход из создавшегося положения).* С

этим молодым человеком *(разглядывает Павла в лорнет)* я, кажется, не имела чести быть знакомой. *(Абелю.)* Видимо, это ваш...

АБЕЛЬ *(сердито и предупреждающе смотрит на Павла).* Это мой внук Павел.

КОНТИ протягивает ПАВЛУ руку, высоко ее держа, явно для поцелуя.

ПАВЕЛ *(хватает протянутую руку, трясет ее с преувеличенной сердечностью, по-спортивному, чуть не вырывая руку из сустава).* Очень приятно, очень приятно.

КОНТИ *(стремясь заставить Павла принять предложенный ею стиль поведения, расстегивает свои «меха» и со сладкой улыбкой подает их Павлу).* Будьте добры, помогите даме!

ПАВЕЛ *(продолжая дурачиться, изображает страх, еще не коснувшись куниц, вздрагивает).* А они не кусаются? КОНТИ (*подозрительно).* Ну что вы.

ПАВЕЛ решительно хватает куницу за шею, отходит, за спиной подносит оскаленные мордочки близко к лицу и сам воинственно скалит зубы.

(Абелю.) Какой милый мальчик!

АБЕЛЬ *(извиняющимся тоном).* Немного невос-

питанный… Теперешняя молодежь, сами знаете… *(Старается обойти Конти, за ее спиной делает знаки Павлу, чтобы он проваливал.)*

КОНТИ *(церемонно снимает перчатки, но, примиряясь с ситуацией, больше не пытается подчинить Павла своему стилю поведения, а энергичным жестом подает перчатки Хмелику).* Что поделаешь, все меняется — и люди, и времена.

ПАВЕЛ *(делая вид, что не замечает знаков Абеля, приближается к Конти).* Пани…

ХМЕЛИК (*услужливо*). Конти…

ПАВЕЛ *(с напускным простодушием).* Пани Конти, можно вас спросить?

АБЕЛЬ грозит ему из-за спины КОНТИ.

КОНТИ (*которой Хмелик услужливо придвигает стул, садится).* Пожалуйста, мой дорогой, спрашивайте.

ПАВЕЛ. Пани Конти, что у вас в этом чемодане?

Мучительная пауза.

КОНТИ (*смущена, теряет уверенность в себе).* Несколько странный вопрос. А почему вас это интересует, мой милый?

ПАВЕЛ *(с невинным видом).* Я просто подумал,

может, вы к нам переезжаете?

КОНТИ. Ах, нет, можете не беспокоиться… Этот чемодан я повсюду ношу с собой.

ПАВЕЛ. А мне показалось, что это он его носит. *(Показывает на Хмелика.)*

ХМЕЛИК *(с готовностью кланяется).* Хмелик. Рассыльный. Собственно говоря, отставной рассыльный.

КОНТИ *(смутившись).* Чемодан носит пан Хмелик. Но принадлежит он мне.

ПАВЕЛ *(дурачится).* Пан Хмелик?

КОНТИ *(растерянно).* Нет, чемодан.

ПАВЕЛ. А почему вы его не носите сами?

КОНТИ. Что вы говорите! Он слишком тяжел для меня!

ПАВЕЛ *(в прежнем тоне).* Да, вы правы… А для него не слишком?..

ХМЕЛИК *(спасая положение).* Что вы, что вы! Это у меня такая привычка — всегда что-нибудь таскать. Я всю жизнь что-нибудь переносил с места на место. Иногда доставались открыточки с целующимися голубками, а иной раз попадали посылки куда тяжелей этого чемоданчика.

КОНТИ *(вновь обретая уверенность в себе).* Пан Хмелик просто к этому привык. Понимаете? Как скрипач к своей скрипке. Уже не говоря о том, что

я хорошо плачу! *(Демонстративным жестом открывает сумочку, достает банкноту, протягивает Хмелику.)*

ХМЕЛИК *(кланяясь).* Премного благодарен, милостивая пани!

ПАВЕЛ *(с явной симпатией к Хмелику).* Что же вы стоите? Садитесь!

ХМЕЛИК неуверенно смотрит на КОНТИ. КОНТИ кивает в знак согласия.

ХМЕЛИК *(скромно садится на краешек стула).* Спасибо.

АБЕЛЬ *(Павлу, многозначительно).* Тебе не кажется, что ты сильно опаздываешь?

ПАВЕЛ. Какая же все-таки у вас на сегодня программа? Проблемы долгожительства в третьем мире? Или влияние муравьиной кислоты на окисление земной оси?

АБЕЛЬ. Ты определенно опоздаешь.

ПАВЕЛ *(торопливо подходит к шкафу, где запрятаны часы, открывает дверцы, заглядывает в шкаф).* Опаздываю. Факт. *(Берет свою спортивную курточку.)* До свиданья! *(Проходя мимо Конти, вежливо кланяется.)* Целую ручки! *(Уходит.)*

После его ухода все испытывают облегчение.

АБЕЛЬ *(торопливо застегивая жилетку, Конти).* Простите, совсем забыл… *(Быстро застегивается.)*

КОНТИ. Нельзя ли открыть окно? Что-то здесь душно.

ХМЕЛИК тут же бежит открывать окно.

АБЕЛЬ. Вы совершенно правы.

КОНТИ *(обмахиваясь кружевным носовым платком).* Хоть немножко свежего воздуха!

Входит ДАША.

ДАША. Здравствуйте. Павел дома?

АБЕЛЬ. Добрый день, Дашенька. Только что ушел.

ДАША. Извините, пожалуйста. *(Уходит.)*

КОНТИ. Какая милая девочка!

АБЕЛЬ. Последнее увлечение моего Павла. Пойду заварю чай. *(Идет на кухню, тут же возвращается.)* Видно, у Павла были гости. Ни крошки чая. Схожу куплю.

КОНТИ *(смотрит на Хмелика).* Не беспокойтесь.

ХМЕЛИК *(вскакивает).* Китайского? Грузинского? Русского?

АБЕЛЬ *(Конти).* Какого чая желает милостивая

пани?

КОНТИ. Я предпочитаю цейлонский, но его уже три года нигде нет.

АБЕЛЬ. Тогда, пожалуй, грузинского. *(Протягивает Хмелику деньги.)*

КОНТИ *(королевским жестом дает Хмелику банкноту).* И бутылку токайского.

ХМЕЛИК *(идет).* Целую руки!

КОНТИ *(тоном приказа).* Но только побыстрей!

ХМЕЛИК. Как прикажете. *(Торопливо уходит.)*

КОНТИ. Ах, цейлонский чай! Нет лучше чая, чем цейлонский! Настоящий цейлонский чай всегда можно было достать в наших гостиницах. Вы могли посетить «Континенталь» в любом уголке мира. В Африке, на Южном полюсе, зимой и летом, днем и ночью вы могли иметь настоящий Цейлон… А теперь? Кругом одни отели для интуристов. А где тот, где прежний цейлонский чай? Его нигде больше нет. Везде сплошной обман. А ведь еще наш дед покупал цейлонский чай оптом у «Майнла». Как по-вашему, сколько еще людей помнит фирму Майнла?

АБЕЛЬ *(погружаясь в воспоминания).* У них еще был филиал, магазинчик под башней… Как там все благоухало!.. Корица, гвоздика, ваниль,

миндаль…. И такая большая машина для поджаривания кофе… Там все время стоял аромат свежего, только что поджаренного бразильского кофе. Я это как сейчас помню. Еще мальчишкой я туда бегал за ветчиной для пана директора. Сто пятьдесят граммов пражской ветчины каждый день в половине десятого… А прилавки… Толстенные шлифованные стекла в полированных рамах, прозрачные как слеза, на полках — белые эмалированные таблички, и на каждой надпись готическим шрифтом… А в витрине стояла шоколадно-коричневая негритянка… Совсем без ничего, в одной тростниковой юбочке, в соломенной шляпке, у нее были такие маленькие острые грудки… Целыми часами можно было стоять перед такой витриной! Оливки, финики, фиги!..

КОНТИ *(продолжая, как загипнотизированная).* …изюм… арахис… мандарины… *(Вдруг начинает тихонько плакать.)*

АБЕЛЬ *(обеспокоенно).* Что-нибудь случилось?

КОНТИ. Нет, ничего. *(Пауза.)* Мандарины и сейчас продаются, а молодость уже прошла…

Звонок в прихожей. АБЕЛЬ уходит, возвращается с ХМЕЛИКОМ.

ХМЕЛИК. Сию минуту будет чай. *(Шарит в кармане, возвращает Абелю сдачу. Со значением.)* А

сегодня даже с лимончиком!

АБЕЛЬ *(отдает мелочь Хмелику).* Спасибо. Это вам.

ХМЕЛИК, возвращает сдачу КОНТИ, которая в свою очередь дает ему чаевые.

(Смотрит вслед Хмелику, бодро отправившемуся на кухню ставить чай.) Все еще выглядит молодцом. До сих пор походка как у танцора. *(Садится.)*

КОНТИ. Привычка. Всю жизнь был на побегушках, а теперь остановиться не может. Он и у нас минуты спокойно не сидит. А когда ему уже совершенно нечего делать, идет в котельную, истопнику помогать. Или на кухню. Всегда в хлопотах, всегда занят. И умереть-то ему будет некогда.

Звонок в прихожей. АБЕЛЬ встает.

ХМЕЛИК *(вбегая).* Сидите, не беспокойтесь, я открою. *(Выходит.)*

В прихожей шум, голоса. Слышен голос ХМЕЛИКА: «Успокойтесь, пожалуйста, только успокойтесь!»

ХМЕЛИК возвращается в комнату. Вслед за ним врывается РАЙНЕР, в руках которого потертый старомодный саквояж, из

тех, какие прежде носили врачи. РАЙНЕРА подталкивает инспектор МИЧ — старик в полицейской фуражке довоенного образца.

РАЙНЕР *(сердито). Я* протестую! Я вам не хулиган! Нечего меня хватать и толкать!

КОНТИ. Боже мой, пан Райнер, что произошло?

МИЧ *(Райнеру).* Вы наконец успокоитесь, вы перестанете эту комедию ломать или нет?

АБЕЛЬ. Что, собственно, случилось?

РАЙНЕР. Обращаются с честным человеком как с убийцей!

МИЧ. Он на стенку полез, а у самого даже документов не было! *(Оглядывает присутствующих.)* Вы знаете этого гражданина?

КОНТИ. Конечно, это же пан Райнер!

МИЧ. Стоп! Ни слова больше! *(Абелю.)* А вы знаете этого гражданина?

АБЕЛЬ. Конечно, знаю, это же пан…

МИЧ. Стоп! Ни слова больше! Я вас спрашиваю: вы знаете этого гражданина?

АБЕЛЬ. Это же пан…

МИЧ. А я вас не спрашиваю, что это за пан. Я вас спрашиваю, знаете ли вы этого пана или нет. Таков порядок. Сначала вы мне должны ответить, знаете ли вы этого гражданина или нет. А

потом вы мне назовете его имя. Знаете вы этого гражданина или нет?

АБЕЛЬ. Конечно, знаю. Но вы же хотели, чтобы мы удостоверили личность пана Рай…

МИЧ. Стоп! Опознание личности проводится по особым правилам. Будете подходить ко мне по одному и потихоньку, на ухо, шептать имя гражданина, которого следует опознать. То, что вы скажете, — это свидетельские показания. Дача ложных показаний карается законом. Так что смотрите!

РАЙНЕР *(возмущенно).* Цирк! Тоже мне Шерлок Холмс!

МИЧ. Помалкивайте! *(Остальным.)* Граждане, прошу в порядке очередности.

ХМЕЛИК. Если позволите, пан инспектор…

МИЧ. Придет и ваша очередь.

ХМЕЛИК. Если позволите, в кухне чайник…

МИЧ. Не положено. Придет и его очередь. Прежде всего, я должен закончить опознание.

РАЙНЕР *(словно его укололи шилом).* Опознание! Что я вам — неизвестный утопленник из Дуная?

МИЧ. Не нарушайте законных действий властей при исполнении служебных обязанностей. Оштрафую!

РАЙНЕР *(агрессивно).* Вам бы только штрафовать! А у самого нет бумаги даже для…

КОНТИ *(возмущенно его прерывает).* Довольно, довольно, мой дорогой! Мужчина в любых обстоятельствах должен собой владеть.

РАЙНЕР. И все-таки у него нет бумаги даже для…

МИЧ *(непреклонно).* Гражданин, предупреждаю в последний раз. Давайте не будем нарушать общественный порядок. Оштрафую. Прошу свидетелей. *(Хмелику.)* Вы, кажется, торопитесь? Вы узнаёте этого гражданина? *(Показывает пальцем на Райнера.)*

ХМЕЛИК. Конечно, узнаю. Мы с ним давно знакомы. Живем в одном и том же Доме для престарелых. Его зовут пан Райнер.

МИЧ. Стоп! *(Прикладывает ухо почти к самому рту Хмелика.)* Имя и фамилия. Полностью.

ХМЕЛИК шепчет.

Правильно. Можете сесть.

ХМЕЛИК. Мне бы в кухню…

МИЧ. Можете в кухню.

ХМЕЛИК выходит.

(Плотно закрывает за ним дверь, как того

требует полицейская бдительность. Абелю.) А теперь вы.

АБЕЛЬ шепчет.

Правильно. Садитесь!

АБЕЛЬ *(Конти).* Смотрите, как втирается!

РАЙНЕР. Смех и позор!

КОНТИ *(Абелю).* В который раз втирается!

МИЧ *(игнорируя это замечание).* Теперь ваша очередь, пани.

КОНТИ *(надменно).* Не потрудитесь ли вы подойти ко мне?

МИЧ. Я при исполнении обязанностей. Потрудиться придется вам.

КОНТИ *(в прежнем тоне).* Но позвольте! Я пожилая дама, у меня больные ноги. И мне достаточно хорошо известны не только мои гражданские обязанности, но и мои права. Я знаю, что я обязана и чего не обязана делать. Раз вы, как официальное лицо, нуждаетесь в моих показаниях, а я в этих показаниях нисколько не нуждаюсь, вы, пан инспектор, обязаны принять во внимание мои личные обстоятельства, в частности состояние моего здоровья. Или вы, может быть, думаете, что если бы вы пришли допросить меня в больницу, то я из-за этого прямо так бы и

вскочила с постели? Здесь не больница, но ведь и я сижу, а не лежу.

МИЧ *(сбитый с толку, медленно, как загипнотизированный, приближается к Конти).* Ну зачем уж вы так!

КОНТИ, наслаждаясь одержанной победой, рассматривает инспектора в лорнет и, не торопясь, лишь по прошествии некоторого времени, что-то ему шепчет.

Все в порядке. *(Записывает что-то в блокнот. Райнеру.)* Можете быть свободны.

Входит ХМЕЛИК.

ХМЕЛИК. А вот и чаек готов! *(Вносит на подносе чайник и подстаканники без стаканов. Разливает «чай».)*

Все делают вид, что пьют этот воображаемый чай с большим удовольствием.

КОНТИ. Чем же провинился наш уважаемый друг пан Райнер?

МИЧ. Безобразничал. Лез на стену без сопроводительных документов и удостоверения личности.

РАЙНЕР. Еще неизвестно, кто из нас безобразничал!

МИЧ. Опять нарушаете? *(Остальным.)* А если бы он разбился?

АБЕЛЬ *(спасая положение).* Не желаете, пан инспектор, с нами чайку попить?

МИЧ. Я при исполнении служебных обязанностей.

КОНТИ. Поскольку чай — это даже не пиво, то при исполнении служебных обязанностей его разрешается употреблять. Присаживайтесь, мой дорогой!

МИЧ *(совершенно сбитый с толку, садясь).* Ну, раз вы так считаете…

КОНТИ *(едва сдерживая смех).* Пан Хмелик, пан инспектор хотел бы снять свою «бригадирку». Если я не ошибаюсь, именно так называется то, что у вас на голове?

МИЧ *(поспешно снимает фуражку).* Так точно. *(Подает фуражку Хмелику.)*

РАЙНЕР резко отодвигает свой подстаканник и демонстративно отходит от стола.

КОНТИ. Что с вами, пан Райнер?

РАЙНЕР. Не сяду с полицейским за один стол! А тем более с бывшим полицейским. Сыт по горло.

КОНТИ. Ну что вы! Этот пан — наш гость. Полицейский — он у нас в богадельне.

РАЙНЕР. Правильно. Гость. Но ваш, а не мой! *(Сосредоточенно роется в саквояже, вынимает оттуда будильник и инструменты часовщика.)*

АБЕЛЬ. Извините, пожалуйста, пан инспектор. Пан Райнер очень рассержен.

КОНТИ. При случае он извинится перед вами… Когда немножечко остынет.

РАЙНЕР. Я не остыну никогда! *(Начинает разбирать будильник.)*

АБЕЛЬ. Что же он такого натворил, наш пан Райнер?

МИЧ. Я же вам говорил: полез на стену. У всех на глазах. В самый час пик.

КОНТИ. Вы, наверное, шутите?

МИЧ. Нисколько не шучу. Полез на стену нашей городской башни. Рискуя жизнью, я его оттуда снял. Он лез с уступа на уступ и забрался уже довольно высоко.

АБЕЛЬ *(неуверенно).* Ну… это действительно… несколько странно.

МИЧ. Странно?! Это невиданно и неслыханно! Старый человек, а лезет по стенке, как обезьяна!

РАЙНЕР. Это еще что!

МИЧ *(непреклонно).* А разве не так?

РАЙНЕР. Почему сразу — как обезьяна? Почему, например, не как артист?

МИЧ. А разве вы артист?

РАЙНЕР. А что же я, обезьяна, по-вашему?

КОНТИ. Нет, пан Райнер — часовщик и ювелир.

МИЧ. Вот, пожалуйста! Для чего же ювелиру лезть по стене на башню в самый час пик? Даже если бы вы были артистом, вам надо было бы иметь особое разрешение.

РАЙНЕР. Если бы я был артистом, я должен был бы иметь особое разрешение. Тут я не спорю. Но…

АБЕЛЬ *(делая вид, что старается замять эту тему).* Прошу вас, не желаете еще сахарку?

МИЧ. Спасибо.

Пауза.

КОНТИ *(стремясь начать нейтральный разговор).* Вы давно служите в полицейском корпусе?

МИЧ. Я служу в городской инспекции по охране чистоты и порядка.

РАЙНЕР *(копаясь в будильнике, как бы между прочим).* То-то у нас по всему городу грязь и вонь.

ХМЕЛИК *(наливает воображаемый чай, подносит Райнеру).* Прошу вас, я уже положил два кусочка.

РАЙНЕР механически достает из кармана деньги и дает Хмелику чаевые.

Премного благодарен!

МИЧ. Спасибо за угощение. *(Встает.)* Мне пора идти.

КОНТИ. Нам было очень приятно! Пан Хмелик! Пан инспектор уходит!

ХМЕЛИК *(с готовностью подает фуражку).* Пожалуйста!

ИНСПЕКТОР, совсем сбитый с толку, тоже лезет в карман и дает ХМЕЛИКУ чаевые.

(Удивленно.) Спасибо.

МИЧ. До свидания! *(Уходит.)*

Пауза. ХМЕЛИК идет на кухню и приносит настоящий чай, разливает его.

АБЕЛЬ *(Райнеру).* Не присоединитесь ли теперь к нам?

РАЙНЕР, делая вид, что не слышит, продолжает работать.

КОНТИ. Ну что же вы, что это такое, мой милый? Надеюсь, вы на нас не обиделись?

АБЕЛЬ. Идите к нам.

КОНТИ. Зачем же вы так? Неужели вы хотите,

чтобы дама приглашала вас дважды?

РАЙНЕР неохотно, как упрямый ребенок, встает со своего места. ХМЕЛИК услужливо хочет ему помочь.

РАЙНЕР. Не трогайте, пожалуйста, моих часов! Вас касается только чай!

ХМЕЛИК. Не извольте беспокоиться! *(Ловко переставляет чай.)*

РАЙНЕР *(сосредоточенно собирает свои инструменты и переносит все на стол, где пьют чай).* Особое разрешение! Ишь, чего выдумали!

ХМЕЛИК доливает чай РАЙНЕРУ. Пауза.

(Снова погружаясь в починку будильника.) Вы думаете, что я сумасшедший? Не так ли?

КОНТИ. Ну что вы, что вы!

РАЙНЕР. Я-то знаю, что думаете… Иногда я и сам так думаю. *(Привычным жестом поднимает очки на лоб и вставляет часовую лупу.)* Мне не повезло, что я вообще думаю… Иной раз даже больно… Но не здесь *(стучит пальцем по темени),* как можно было бы ожидать, а вот тут. *(Указывает на сердце.)* Например, этот полицейский… *(После некоторого раздумья.)* Он меня сюда тащил через весь город. Лез из кожи вон, чтобы я не взобрался на эту башню. Но за

все время так и не спросил, зачем я туда полез. Таким людям всегда все ясно. Для них я старый сумасшедший — и точка. Тронутый старик, вызывающий у всех возмущение.

ХМЕЛИК. Почему же вы не объяснили ему, в чем дело?

РАЙНЕР *(иронически).* И он бы эти башенные часы положил прямо к моим ногам? Так, что ли? *(Помолчав.)* Разве его может интересовать какой-то чокнутый старик? Чего мне было ждать от него, если даже вы вот уже несколько лет прячете от меня все часы? Боитесь за них.

АБЕЛЬ *(неуверенно защищается).* Я просто не хотел, чтобы эти часы отвлекали ваше внимание от нашей компании.

РАЙНЕР. Если бы вы в свое время потерпели еще несколько месяцев, мне бы это действительно удалось.

АБЕЛЬ. Но вам это не удавалось! Вы сидели среди нас, но были не с нами.

РАЙНЕР. Нет, удавалось! Однажды в мастерской я добился своего: все-таки согласовал ход шести часов тютелька в тютельку, до десятой доли секунды. Ушло на это почти четыре года. Но ведь в конце концов я добился!

КОНТИ. Я никогда не понимала, почему вы

так об этом заботитесь. Не вижу в этом никакого смысла. Какая разница — секундой позже, секундой раньше…

РАЙНЕР. Что ж тут непонятного? Все дело в принципе. Один император, как же его звали… Кажется, Максимилиан… Так он столько времени этого добивался, что под конец совсем тронулся. Понимаете? Он спросил себя: как же можно управлять действиями миллионов людей, если он бессилен согласовать между собой две дюжины самых обыкновенных часов? Вот тут он и споткнулся. Говорю вам, все дело в принципе.

КОНТИ. А если все часы на свете будут тикать друг другу в такт, секунда в секунду, вы думаете, людям от этого будет лучше?

РАЙНЕР. Уж не знаю, лучше или хуже, но что-нибудь от этого изменится.

КОНТИ *(задумчиво).* Странная мысль…

РАЙНЕР. Сейчас у одних часы отстают, у других спешат, у третьих вовсе останавливаются…

АБЕЛЬ *(перебивая).* Так вы говорите, что император на этом деле спятил?

РАЙНЕР. Да. По крайней мере, так утверждают историки.

АБЕЛЬ *(серьезно).* Но нам бы не хотелось, чтобы вы сошли с ума!

РАЙНЕР. Не беспокойтесь. Он всего лишь император, а я часовщик. *(Внезапно открывает шкаф со спрятанными часами, Абелю.)* Вот что вы делаете! Дело не в том, что вы прячете от меня часы. Дело в том, что мы с вами выпили целую цистерну чаю, а вы до сих пор меня не понимаете. Ведете себя словно маленький мальчик. А ведь вы человек, который мог бы стать космонавтом!

КОНТИ. Пан Райнер, опомнитесь! Мы договорились, а вы все выболтали. Тоже мне конспиратор!

ХМЕЛИК. Часовщик — и минуточку не мог подождать!

Пауза.

(Спасая положение, как ни в чем не бывало.) О каком космонавте здесь идет речь?

РАЙНЕР. О каком? *(Указывая на Абеля.)* Да вот об этом! В течение сорока лет пан Абель поднимался каждый день на четвертый или даже на восьмой этаж. Приблизительно по одному рейсу каждые четыре минуты. Я взял на себя труд все посчитать. Вычел за сорок шесть лет все воскресенья — по пятьдесят два воскресенья в год, — праздничные дни и двухнедельные отпуска. Получилась фантастическая высота. Пан

Абель, за эти годы вы преодолели расстояние от Земли до Луны.

КОНТИ *(с любопытством смотрит на Абеля в лорнет).* Нет, это невозможно.

РАЙНЕР. И тем не менее это уже произошло. А расстояние на самом деле вышло побольше. Когда на эту высоту поднялись другие, у всего мира от удивления перехватило дыхание. Назовите их имена здесь или в Центральной Африке — повсюду знают этих славных парней, за короткое время долетевших до Луны. И нет ничего удивительного, что за сорок шесть лет честной работы наш пан Абель поднялся даже еще и повыше.

АБЕЛЬ *(взволнованно).* Я, значит, вполне могу считаться космонавтом! *(Начинает ходить по комнате, чтобы преодолеть волнение. Он хромает, и это трагически-гротескно контрастирует с его «звездной» мечтой.)* Если к одной маленькой высоте прибавить другую маленькую высоту и делать это каждый день по многу раз, то ведь и получится высота до Луны. Или почти до Луны. Выходит, можно высоко подняться... *(Погружается в эту грезу.)* Как же мне самому это в голову не пришло!

КОНТИ *(Хмелику, который с наивным восхищением смотрит то на Абеля, то на Райнера).* Не

пора ли принести токайское?

ХМЕЛИК *(опомнившись).* Конечно, конечно! *(Уходя, еще раз, как завороженный, оглядывается на Абеля.)*

КОНТИ. Будьте моими дорогими гостями!

АБЕЛЬ *(все еще пораженный своей неожиданной судьбой, вежливо, но как бы между прочим).* Да, конечно. Вы очень любезны.

ХМЕЛИК *(входя с откупоренной бутылочкой, вынимает из буфета бокалы).* Сию минуточку все будет.

АБЕЛЬ *(взволнованно).* Не эти! *(Хромая, подходит к буфету и вынимает бокалы из красного стекла с золотым рисунком, слишком красивые и дорогие для квартиры Абеля.)* Сегодня пьем из рубиновых.

ХМЕЛИК *(открывает ящик буфета, вынимает салфетку из тонкого полотна, ловко ее складывает, перебрасывает через руку, как это делают официанты, подходит к гостям с правой стороны и элегантным, привычным жестом наливает вино в бокалы).* Прошу!

РАЙНЕР откладывает лупу, сосредоточенно и медленно надевает очки.

КОНТИ *(торжественно встает, поднимает*

бокал на высоту глаз). За нашего дорогого космонавта!

АБЕЛЬ с трудом преодолевает волнение. Руки у него заметно дрожат.

РАЙНЕР. За наши звездные мгновения!
ХМЕЛИК *(взволнованно).* За бледную Луну!
АБЕЛЬ. За жизнь, погибшую в шахте лифта!

Действие второе

Та же комната в квартире АБЕЛЯ. Входят ПАВЕЛ и ДАША. ПАВЕЛ идет к шкафу, открывает дверцы.

ПАВЕЛ. Смотри!

ДАША. Это что такое?

ПАВЕЛ. Аттракцион номер один. У старика вчера были гости.

ДАША. Они что, чокнутые?

ПАВЕЛ. С приветом! *(Открывает створки буфета, выдвигает ящики стола, отовсюду достает спрятанные Абелем часы.)*

ДАША смеется.

Каково? Дед прячет часы от одного часовщика, пана Райнера. Еще тот крокодил! Дед прямо молится на него, какой он специалист!

ДАША. Зачем же тогда пан Абель прячет часы?

ПАВЕЛ. А у пана Райнера такая дурацкая привычка: любит ораторствовать. Иногда так разойдется, что швыряет на пол все, что под руку попадает.

ДАША. Ну и чудище!

ПАВЕЛ. Еще не все! Ходит сюда одна старуха…

пани Конти… Провалиться, если вру! Сама как будто аршин проглотила, на голове шляпа, как у д'Артаньяна, а сзади слуга.

ДАША. Слуга? С ума сойти!

ПАВЕЛ. Я тебе говорю — слуга. Отставной рассыльный пан Хмелик со старухиным чемоданом. Чемодан в полтонны, чудак пыхтит, но тащит.

ДАША. Держите меня, а то упаду.

ПАВЕЛ. Аттракцион номер два! *(Снимает со шкафа старый граммофон.)*

ДАША. О! Настоящий «джезбокс». Стерео-видео. Модель «две тысячи».

ПАВЕЛ. Как, по-твоему, играет этот дед?

ДАША. Если да, то я — троллейбус!

ПАВЕЛ. Пари?

ДАША. Давай. *(Подает руку.)* Люблю беспроигрышные пари!

ПАВЕЛ. Поцелуй.

ДАША. Два поцелуя.

ПАВЕЛ. Согласен. *(Заводит граммофон, налегает на ручку всем телом, словно заводит трактор, вытирает пот с лица.)* У-уф-ф! Надо отдохнуть…

ДАША *(смеется).* Хочешь колу? Свеженькая кола!

ПАВЕЛ. Глоток тонизирующего напитка меня

спасет.

ДАША *(идет к буфету, достает из него бутылку колы, пьет сама, дает Павлу).* Для Павлушки пепси-кольчик, для дедушки — алкогольчик. Пей до дна!

ПАВЕЛ *(пьет).* Минутку! *(Бежит к граммофону, льет в трубу из бутылки.)* Пей до дна, дед! *(Включает ногой спрятанный магнитофон.)*

Раздается громкая музыка.

ДАША *(видит спрятанный магнитофон, смеется).* Ясно. Обман. А это чей магнитофон?

ПАВЕЛ. В данную минуту мой — я его ремонтировал.

ДАША. Эх, если бы все, что ты отремонтировал, стало твоим! Классно звучит! Соседи сойдут с ума!

ПАВЕЛ. А нам без разницы! *(Идет к Даше, целует ее.)*

ДАША. Еще!

ПАВЕЛ целует еще раз.

Держи меня, а то упаду! *(Падает в объятия Павла.)*

ПАВЕЛ. Аттракцион номер три. *(Снова целует Дашу.)*

ДАША. А не поставишь ли ты часы на место? Без них как-то неуютно.

ПАВЕЛ и ДАША переносят часы на место.

Тяжелые часы!

ПАВЕЛ. Мы себе купим транзисторные.

ДАША. Не знаю. Не видела.

ПАВЕЛ. Я знаю. Батарейка с монетку величиной, а идут круглый год.

ДАША *(с удовольствием начинает игру).* А что мы еще купим?

ПАВЕЛ. Все!

ДАША. Цветной телевизор.

ПАВЕЛ. Двенадцать штук. По числу месяцев в году. ДАША. По одному в каждую комнату.

ПАВЕЛ. А остальные себе на голову.

ДАША. Двенадцать комнат и небольшой холл. Тридцать шесть на тридцать шесть.

ПАВЕЛ. Сто шесть на сто шесть. И пани Даша с утра до вечера полы моет!

ДАША. А мы на них ковры!

ПАВЕЛ. Ковры-самоходы!

ДАША. Пылесос!

ПАВЕЛ. Кибернетический отсасыватель пыли!

ДАША. Эр-кондишен на все сезоны!

ПАВЕЛ. И всю твою кибернетику в подвал, к

чертовой матери!

ДАША. А где хранить вино?

ПАВЕЛ. В водопроводных трубах.

ДАША. А вода?

ПАВЕЛ. В бассейне.

ДАША. А бассейн?

ПАВЕЛ. В саду?

ДАША. А в саду?

ПАВЕЛ. Золотые рыбки и на пальмах дрессированные шимпанзе.

ДАША. Сам ты шимпанзе. Десять тысяч разноцветных колибри!

ПАВЕЛ. А кошкам будет вход воспрещен.

ДАША. А почему кошкам будет вход воспрещен?!

ПАВЕЛ. А чтобы кошки не сожрали колибри!

ДАША. А дети?!

ПАВЕЛ. Правильно. Малюсенькие, кудрявые, с попочками как персики.

ДАША. Сколько?

ПАВЕЛ. Полно. Старший будет олимпийским чемпионом по прыжкам на голове. Он будет привозить нам золотые медали.

ДАША. И подарки.

ПАВЕЛ. Второго мы сделаем директором космофлота.

ДАША. Членам семьи билеты со скидкой на пятьдесят процентов. К Рождеству слетаем за дефицитом.

ПАВЕЛ. Купим на Марсе собачек с антеннами.

ДАША. На что собачкам антенны?

ПАВЕЛ. Чтобы только у тебя были с антеннами.

ДАША. Симпатично.

ПАВЕЛ. А третьего муштруем на укротителя!

ДАША *(шокирована).* Циркач?! Исключено!

ПАВЕЛ. Должен же быть в нашей семье хоть один человек искусства! Для статуса!

ДАША. Тогда лучше папа римский.

ПАВЕЛ. Папа римский? Исключено! У тебя не будет законных внуков!

ДАША. Хватит внуков от чемпиона. А девочки?..

ПАВЕЛ. Две. С девчонками хлопот не оберешься. Пять человек — и на этом остановимся.

ДАША. Отлично. *(Пауза. Затем испуганно.)* Ах ты, боже мой!

ПАВЕЛ. Что случилось?

ДАША. Да ведь это же будет стоить целую кучу денег!

ПАВЕЛ. Ну и что?

ДАША. Где мы их возьмем?

ПАВЕЛ *(молниеносно направляет на Дашу указательные пальцы, изображая пистолеты).* Ограбим банк!

ДАША *(твердо).* Нет! Не желаю быть вдовой гангстера, попавшего на электрический стул. *(Как бы в предчувствии будущего.)* И пятеро нищих сироток на шее!

ПАВЕЛ *(разочарованно).* Жаль. Придется зарабатывать честным трудом.

ДАША *(не соглашается).* По-честному до самой смерти столько не заработаешь!

ПАВЕЛ. Это почему? Буду изобретателем и новатором. Буду обслуживать сразу пятьдесят два токарных станка и работать не то что две — четыре смены!

ДАША. Откуда же у нас возьмется столько детей, если ты круглые сутки будешь работать?

ПАВЕЛ *(подражая лектору).* Проблемой прироста населения мы будем заниматься по субботам и воскресеньям.

ДАША *(разочарованно).* Только?

ПАВЕЛ. Тогда решай, любимая: или деньги, или прирост.

ДАША. Я могла бы тоже трудиться на фабрике.

ПАВЕЛ *(мужественно).* Не годится!

ДАША. Тогда буду продавать парики. Парики

— это бизнес будущего!

ПАВЕЛ *(тоном приказа).* Атомная физика — вот это бизнес. Будешь ученой-атомщицей — и баста. По пятницам приносишь нерасщепленные атомы в кошельке, а я помогаю их расщеплять в субботу и воскресенье. Чтобы ты получала большие премии.

ДАША. Мы же договорились, что по субботам и воскресеньям будем заниматься…

ПАВЕЛ *(прерывает).* До девяти вечера будем расщеплять атомы, а потом…

ДАША *(подхватывает).* Ты будешь смотреть по телевизору «Новости спорта».

ПАВЕЛ. Тогда будем колоть атомы до семи. Не забывай о жизненном уровне нашей семьи.

ДАША. До пяти.

ПАВЕЛ. Согласен.

ДАША. Но только после свадьбы.

ПАВЕЛ. А после помолвки?

ДАША. Я уже сказала. Только после свадьбы. *(Пауза. Без видимой связи с предыдущим.)* А сумел бы ты сделать колыбель?

ПАВЕЛ. Из металла хоть за два дня.

ДАША. Я же не о контейнере тебя прошу, а о колыбели. Колыбель должна пахнуть сосной. А куда мы ее поставим? *(Осматривается.)* В этот

угол. Чтобы днем ее грело солнце, а ночью падал лунный свет.

ПАВЕЛ. Но пока у нас нет своего угла… Поставим у ваших?

ДАША. Нас там знаешь сколько? Как китайцев в Китае и плюс еще я. *(Оглядывает комнату.)* А может, здесь? Давно не красили?

ПАВЕЛ. Лет семь.

ДАША *(задумчиво).* Уже давно в моде обои. И не особенно дорого. *(Кончиком туфли откидывает ковер.)*

ПАВЕЛ. А где будет жить дедушка?

ДАША. Пол у вас совсем плохой. Паркет дорог, да и не достанешь.

ПАВЕЛ. Не можем же мы жить втроем в одной комнате.

ДАША. Конечно, не можем. Линолеум дешевле и отмывается легко. Но некрасиво. Как в больнице.

ПАВЕЛ. Паркет трудно мыть.

ДАША. Ничего, я и с паркетом справлюсь, лишь бы достать. А почему бы пану Абелю не переехать на кухню?

ПАВЕЛ. Ты ведь знаешь, у него больная нога.

ДАША. Что же ты придумал?

ПАВЕЛ. Ума не приложу.

ДАША. А почему бы твоему деду не переселиться в Дом для престарелых?

ПАВЕЛ. В богадельню? Ты с ума сошла! У меня язык не повернется ему это сказать.

Появляется АБЕЛЬ.

ДАША. А ты в шутку.

ПАВЕЛ молчит.

Так, между прочим…

ПАВЕЛ молчит.

Ну что ты молчишь? (*Нервничая, передвигает мебель.*) Я же не настаиваю. Я ничего такого не говорю. Как хочешь, так и делай. Хочешь — пусть останется, пусть живет на этом складе старого барахла!

АБЕЛЬ спокойно проходит на свое место.

(Смущенно.) Добрый день, пан Абель!

ПАВЕЛ. Ты уже вернулся?

АБЕЛЬ *(спокойно).* Как видишь. Что, переставляете-обновляете?

ПАВЕЛ *(неуверенно).* Мы просто так… Обсуждали, как бы мы это… если бы мы поженились… понимаешь?

АБЕЛЬ. Если бы вы поженились, говоришь?

ПАВЕЛ *(неуверенно).* Да.

АБЕЛЬ. Хорошая идея. А где собираетесь жить?

ПАВЕЛ. Ты же сам слышал. Наверно, здесь.

АБЕЛЬ. Но, как я понимаю, Дашеньке здесь не нравится.

ДАША *(сама не своя).* Мы думали… Сперва мы подумали, что для начала… На время… Пока мы получим кооперативную…

АБЕЛЬ. А сколько надо ждать кооперативную?

ДАША. Лет шесть-семь.

АБЕЛЬ. А сколько нужно для первого взноса?

ПАША. Смотря какая квартира. Есть за три тысячи, есть за десять.

АБЕЛЬ. А вы за какую заплатили?

ДАША. Еще ни за какую не заплатили.

АБЕЛЬ. А говорите, что только на время… Что же будет со мной?

ПАВЕЛ. Мы еще об этом не думали.

АБЕЛЬ. Понимаю. У вас своих забот полон рот.

ДАША *(простодушно).* В том-то и дело!

ПАВЕЛ *(спасая положение).* По-моему, что-то надо придумать.

АБЕЛЬ садится в кресло, берет газету.

(Беспомощно.) Что ты посоветуешь?

АБЕЛЬ. В таких ситуациях трудно советовать.

ДАША *(нетерпеливо).* Но ведь у вас есть какое-нибудь мнение на этот счет?

АБЕЛЬ. Конечно.

ПАВЕЛ. Какое?

АБЕЛЬ. Например, что вы еще очень молоды.

ДАША. А что же, нам сперва состариться, а потом пожениться?

АБЕЛЬ. Ни в коем случае. А то, пока будете ждать, как бы не раздумали…

ПАВЕЛ. Не раздумаем.

ДАША. Мы любим друг друга.

АБЕЛЬ. Рад слышать. Любовь — это уже много. А что еще у вас есть?

ДАША. Ничего. Но будет. Все. Прекрасный дом. Автомашина. Телевизор. Собака…

АБЕЛЬ. Так что, собственно говоря, все в порядке.

ПАВЕЛ. Да нет…

АБЕЛЬ. Нет? А почему?

ПАВЕЛ. Потому, что это всё у нас только будет. А сейчас мы даже не можем снять комнату.

ДАША. Поэтому мы думали…

ПАВЕЛ. Дед, а не могли бы мы для начала пожить здесь?

АБЕЛЬ. Втроем в одной комнате?

ДАША *(растерянно).* Я не знаю, это, наверное, было бы нехорошо… И кроме того…

ПАВЕЛ *(с надеждой).* А если бы ты немного пожил на кухне?

АБЕЛЬ. Мне бы хотелось вам помочь, но такой вариант не годится. Там каменные плиты, а с моей искалеченной ногой… Потом, там вообще очень холодно…

ПАВЕЛ. Но кухня маленькая, ты же знаешь. А нас все-таки двое…

ДАША. И нам пришлось бы ходить через вашу комнату.

АБЕЛЬ. Если б я жил на кухне, то через вашу комнату пришлось бы ходить мне.

ДАША *(простодушно).* Но вы уже старик и рано ложитесь спать.

АБЕЛЬ. Вы правы, Дашенька, я старик… Но там каменные плиты…

ДАША *(оглядываясь).* Может, перегородить эту комнату?

ПАВЕЛ *(резко).* Нет, Даша! Я об этом думал. Комната слишком маленькая.

ДАША. Решение здесь, в этой квартире… единственное решение. Но все зависит от тебя. *(Смотрит на Павла.)*

АБЕЛЬ. Я вас слушаю.

ПАВЕЛ *(неуверенно).* Мы подумали… может, ты нам уступишь всю квартиру?

АБЕЛЬ. Всю? А я где буду жить?

ДАША *(помогая Павлу).* Мы подумали, может, вам будет лучше, если вы переедете…

АБЕЛЬ. Если вам это поможет. А что вы для меня придумали?

ДАША. Замену. Равноценный вариант. Даже получше, чем равноценный: центральное отопление. Никаких забот с углем. Золу выносить не надо. Тепло и чисто… Друзья ваши рядом. И пятницы будут у вас семь раз в неделю.

АБЕЛЬ. Спасибо. *(Взволнован, быстро подходит к буфету, вынимает из ящика две сберегательные книжки.)* Видите? Я на них много лет подряд откладывал из моей нищенской пенсии… Самое меньшее — пятьдесят крон в месяц на каждую. На одну книжку откладывал себе на похороны. На другую — откладывал вам на свадебный подарок. Я всегда надеялся до этого дожить. Не хотелось идти на вашу свадьбу с пустыми руками. На каждой книжке — по четыре тысячи шестьсот восемьдесят. Всего — девять тысяч триста шестьдесят. *(Протягивает сберегательные книжки Павлу).* Бери. Можете их взять обе. Хотелось, чтобы хоть похоронили по-человечески, да ведь под

забором, наверное, меня и так не бросят. Внесите пай в кооператив. Или делайте с ними что хотите. Они ваши.

ДАША *(сдержанно).* Не беспокойтесь, пан Абель, мы уж как-нибудь обойдемся.

АБЕЛЬ. Я понимаю, Дашенька… Я понимаю… *(У него беспомощно опускаются руки со сберегательными книжками. Растерянно оглядывается по сторонам.)* Не нуждаетесь вы ни в моем сочувствии, ни в моих деньгах, ни в моем барахле.

ПАВЕЛ *(растерянно).* Дед, подожди…

АБЕЛЬ. Я знаю… Для вас все это — старая рухлядь. Только эта рухлядь не всегда была такой старой. Я годами откладывал гроши, чтобы хоть что-нибудь купить… И я так радовался, всей душой радовался, когда мне это удавалось! А до этого я ходил смотреть в витрине… Любовался, смотрел… Люди покупали, а я смотрел… *(Делает несколько бесцельных, неуверенных шагов.)* Кусок моей жизни — это барахло. Может, вся моя жизнь — такое же барахло. Но это была *моя* жизнь.

ПАВЕЛ *(примирительно).* Да ведь мы…

АБЕЛЬ *(почти сдавшись).* Вы это поймете лет через шестьдесят, если вообще поймете…

ДАША. Боюсь, что не поймем. Мы будем другими. И мир будет другим. *(Едва сдерживая слезы.)*

И жилищный кризис не вечен! Будет достаточно квартир для всех... Прекрасных квартир, солнечных квартир, в которых будет полно зеркал... Кафельные ванные с цветочками... Кухня с автоматическими линиями... Электрические стиральные машины... Что еще? Кондиционеры, зеленые сады, детские площадки... *(Внезапно убегает.)*

ПАВЕЛ *(бежит за ней).* Даша! Даша! Постой, Даша!

АБЕЛЬ сосредоточенно и долго протирает очки. Он тоже того и гляди расплачется. Возвращается ПАВЕЛ, резко хлопает дверью.

ПАВЕЛ. Большое тебе спасибо.

АБЕЛЬ молчит.

(Агрессивно.) Я знаю, почему ты это сделал.

АБЕЛЬ. Ничего ты не знаешь.

ПАВЕЛ. Знаю. Отлично знаю. Ты ненавидишь нас.

АБЕЛЬ *(удивленно).* Кого?

ПАВЕЛ. Дашу, меня, всех!

АБЕЛЬ. Перестань нести чушь. Почему бы мне вас ненавидеть?

ПАВЕЛ. Потому, что, если бы ты взял нас к себе, кончились бы твои пятницы. Негде тебе было бы

встречаться с пани Конти (*ехидно, но в прежнем агрессивном тоне),* отец которой основал компанию «Отели „Континенталь“».

АБЕЛЬ. Не отец, а дед.

ПАВЕЛ *(едва владея собой).* Ты сам не веришь, что она внучка или там дочка этих отелей. Ты не хуже меня знаешь, что название «Континенталь» произошло не от фамилии «Конти», а от слова «Континент». Континент — это часть света. Твоя пани Конти!! Сюда бы не мог ходить *(насмешливо)* пан Райнер. Чокнутый болтун с энциклопедической эрудицией. Великий философ и оратор. Безнадежный псих, который лезет на стену, только чтобы обратить на себя внимание прохожих в часы пик.

АБЕЛЬ. А вдруг у него совсем другая цель?

ПАВЕЛ. Какая, если не секрет?

АБЕЛЬ. А тебе никогда не хотелось забраться куда-нибудь высоко? Чтобы оттуда посмотреть хотя бы на прошлое.

ПАВЕЛ. Никогда. Я не нуждаюсь в мечтах о прекрасном прошлом, когда все было лучше, красивее и чище, чем теперь!

АБЕЛЬ. Потому что легче всего мечтать о будущем. *(С отвергающим жестом.)* Квартиры, полные солнца, кухни с автоматическими робо-

тами, где уже не нужно стоять у плиты…

ПАВЕЛ *(фанатически).* Все это когда-нибудь будет, будет!

АБЕЛЬ. Может, и будет. Я только спрашиваю — когда?

ПАВЕЛ. Не знаю, но будет.

АБЕЛЬ *(задумчиво).* Мне жаль тебя.

ПАВЕЛ *(запальчиво).* А Райнера не жаль?

АБЕЛЬ. Нет. Я им восхищаюсь.

ПАВЕЛ. Вот в этом вся суть! Заговариваете друг друга сказками, задуриваете себе голову до того, что сами в эти сказки верите. А потом восхищаетесь друг другом.

АБЕЛЬ. Возможно, ты и прав. Но все равно ты так ничего и не понял.

ПАВЕЛ. Ну конечно. Я отроду непонятливый.

АБЕЛЬ. Это иногда меня даже беспокоит.

ПАВЕЛ. Небось о пане Райнере ты не беспокоишься.

АБЕЛЬ. Угадал.

ПАВЕЛ. Если не секрет, почему?

АБЕЛЬ. Слова, полные любви, и две пары босых ног под одной периной — маловато для мужчины. И уж совсем просто — выгнать старика в приют для престарелых и выбросить вон его барахло.

ПАВЕЛ *(иронически).* Лучше карабкаться на

башню и болтать.

АБЕЛЬ. Ты никуда не карабкаешься, а только болтаешь. Надо бы тебе попробовать! Попробуй взобраться на эту башню — и я буду восхищаться тобой. Да разве дело в башне — пусть будет что угодно, но попробуй!

ПАВЕЛ *(с ощущением своего превосходства).* А какая польза будет для людей, если пан Райнер заберется на эту башню? Он что, будет оттуда кричать? «Люди, люди, привет вам от пана Райнера»?

АБЕЛЬ. У них будут часы.

ПАВЕЛ *(не понимая).* Часы?

АБЕЛЬ. На башне.

ПАВЕЛ. Но ведь там уже есть часы.

АБЕЛЬ. Только эти часы уже восемь лет показывают двадцать шесть минут одиннадцатого. А когда Райнер одолеет эту башню и доберется до часов, время на них сдвинется. Отцы по ним будут учить детей узнавать, когда четверть, когда — половина. Каждые пятнадцать минут они своим боем будут отмерять всему городу время. Они не будут больше немыми. К ним вернется голос. Ты слышишь, к ним вернется голос!

Пауза.

ПАВЕЛ. Но почему пан Райнер не добирается к этим часам нормально, по лестнице в башне?

АБЕЛЬ. Потому, что он старый. Несколько лет назад он предложил починить часы. Ему сказали, что он стар. А когда он снова предложил свои услуги, ему сказали, что лестница прогнила и по ней нельзя ходить, иначе она рухнет.

ПАВЕЛ *(задумчиво).* Как ты думаешь, ему удастся?

АБЕЛЬ. Молю Бога, чтобы удалось.

ПАВЕЛ *(с сомнением в голосе).* А если нет?

АБЕЛЬ. Тогда он погибнет.

ПАВЕЛ. Разве это не ужасно?

АБЕЛЬ. Нет, это прекрасно.

Действие третье

Комната в квартире АБЕЛЯ. Часов по-прежнему нет на своих местах. Ясно, что они снова спрятаны: АБЕЛЬ ждет в гости РАЙНЕРА, а с ним ХМЕЛИКА и КОНТИ. Сейчас в комнате никого нет. Видны разбитые часы — отдельно корпус, отдельно механизм. Входит ХМЕЛИК. Оглядывается, замечает сломанные часы. Входит ПАВЕЛ с большой коробкой в руках.

ПАВЕЛ. Добрый день, пан Хмелик.

ХМЕЛИК. Добрый день, Павел. Дедушки еще нет дома? ПАВЕЛ. Он пошел за газетами. Сейчас вернется.

ХМЕЛИК *(внимательно разглядывая разбитые часы, механически).* Ага, за газетами.

ПАВЕЛ. Понимаете, у меня разбились часы.

ХМЕЛИК. А я-то подумал, пан Райнер пришел.

ПАВЕЛ. Часы отставали, и я хотел в них разобраться…

ХМЕЛИК. И что же теперь будет?

ПАВЕЛ. Попробую починить.

ХМЕЛИК. Ну-ну…

ПАВЕЛ. Не присядете?

ХМЕЛИК. Да я на минуточку забежал.

ПАВЕЛ. Извините. (Уходит с коробкой.)

Входит одетый по-праздничному, с хозяйственной сумкой и тщательно завернутым свертком РАЙНЕР.

РАЙНЕР. Всем — добрый день.

ХМЕЛИК. Добрый день. *(Услужливо принимает от Райнера сверток.)*

РАЙНЕР. Осторожно!

ХМЕЛИК *(помогает Райнеру снять пальто).* Позволите отгадать?

РАЙНЕР *(в приподнятом настроении).* Не более чем с трех раз.

ХМЕЛИК. Часы.

Входит ПАВЕЛ.

РАЙНЕР. Как это вы угадали? *(Подает Хмелику чаевые.)*

ХМЕЛИК. Спасибо. Сегодня не надо.

РАЙНЕР. То есть как это не надо?

ХМЕЛИК. Сегодня — нет.

ПАВЕЛ с интересом наблюдает за ними.

РАЙНЕР *(видит Павла).* А где хозяин дома?

ПАВЕЛ. Сказал, что пошел за газетами, а уже почти час, как его нет.

ХМЕЛИК. Ничего-ничего, пан Абель не поте-

ряется.

ПАВЕЛ. Можно мне посмотреть эти часы?

РАЙНЕР. При условии, если не разобьете.

ПАВЕЛ. Ясно.

РАЙНЕР *(медленно и осторожно развертывает пакет. Появляются прекрасные, искусно украшенные часы с малахитовыми колонками).* Ну, что скажете?

ПАВЕЛ. Первый класс!

ХМЕЛИК *(в восхищении).* На починку?

РАЙНЕР *(внушительно).* Да что вы! Идут безупречно. Теперь такого механизма днем с огнем не сыщешь… Разве только в музее часов в Женеве.

ПАВЕЛ. Сколько они могут стоить?

РАЙНЕР. Трудно сказать. Тут дело не в деньгах.

ХМЕЛИК. Ваши?

РАЙНЕР *(с гордостью).* Мои.

ПАВЕЛ. А как они к вам попали?

РАЙНЕР. Наследство. Еще отец моего деда был часовщиком!..

ПАВЕЛ. Стало быть, это он чинил песок в песочных часах!

РАЙНЕР *(оценив шутку).* Почти что так. *(Заводит часы, переводит стрелки, часы начинают мелодично отбивать время.)* Их хотел купить

управляющий.

ХМЕЛИК. Наш?

РАЙНЕР. Тот.

ХМЕЛИК. Сколько давал?

РАЙНЕР. А я и не спрашивал. Эти часы не продаются.

ПАВЕЛ. Жаль. На вашем месте я бы их!.. Если бы хорошо заплатили!

РАЙНЕР. Нет-нет… Есть вещи, которые не продаются.

ПАВЕЛ. И за десять тысяч вы бы их не продали?

РАЙНЕР. Столько бы, наверное, никто не предложил, даже коллекционер… Но все равно — нет… Нет.

ПАВЕЛ. Знал я одного пана, у него была собака. Эта собака стоила больше ста тысяч.

ХМЕЛИК *(попадается на удочку).* Больше ста тысяч? И нашелся, кто такую сумму предложил?

ПАВЕЛ. Нет, но другой пан предложил в обмен две кошки, по пятьдесят тысяч за каждую. Вот так! *(Уходит.)*

Пауза.

РАЙНЕР *(отдавая должное).* Это неплохо…

ХМЕЛИК. Между прочим, я застал сегодня

Павла за ремонтом часов. Я скоро, пан Райнер. *(Уходит.)*

РАЙНЕР. Любопытно… *(Осторожно переносит часы на буфет.)*

Снова входит ПАВЕЛ.

ПАВЕЛ. Пан Райнер, как вы считаете, те часы на башне еще не безнадежны?

РАЙНЕР *(удивленный, с осторожностью в голосе).* Почему безнадежны?

ПАВЕЛ. Ну, раз уж они так долго стоят!

РАЙНЕР *(с любовью смотрит на принесенные им часы, улыбается).* Починить можно любые часы… Мой дед починил королевские куранты. В Дании готовились праздновать какую-то годовщину… Можете себе представить юбилейный праздник под курантами, которые стоят? Тридцать один часовщик — все из лучших часовщиков Дании! — ничего не могли с ними поделать! По настоятельной просьбе самого короля Кристиана поехал дед. Иногда и королям приходится просить.

ПАВЕЛ. Хорошо заплатили?

РАЙНЕР. Получил мешок золота, орден и титул придворного часовщика.

ПАВЕЛ *(заинтересованный).* Это как в сказке.

Пауза.

РАЙНЕР *(идет к окну, отодвигает в сторону занавеску, смотрит в окно, потом, как бы сравнивая, внимательно смотрит на часы).* Как в сказке…

Входит ХМЕЛИК.

ХМЕЛИК. Пан Райнер, я сейчас шел по улице… вас ищет девушка из цветочного магазина у башни.

РАЙНЕР. Девушка у башни! Что вы об этом скажете? Спешу… Свидание, пан Хмелик! Свидание! *(Уходит.)*

ХМЕЛИК. Я хочу спросить, нельзя ли мне оставить на кухне пару гвоздик…

ПАВЕЛ. Ну конечно! А где они у вас?

ХМЕЛИК. За дверью. Я хочу, чтобы гвоздики были сюрпризом. *(Идет в прихожую, потом возвращается с большим букетом гвоздик.)* У пани Конти завтра день рождения.

ПАВЕЛ. Это вы называете «пара гвоздик»? Это же целое состояние!

ХМЕЛИК *(скромно).* По шесть крон за штуку.

ПАВЕЛ. Вы что, выиграли в лотерею, пан Хмелик?

ХМЕЛИК. Это на чаевые. Я их копил много лет.

Не растратил ни одного геллера. Еще позавчера я не знал, что с ними делать…

ПАВЕЛ *(берет букет, несколько растерян).* Поставлю их в воду. *(Уходит.)*

ХМЕЛИК идет к телефону, внимательно рассматривает его. Возвращается ПАВЕЛ.

Пан Хмелик, разрешите вас спросить…

ХМЕЛИК. Пожалуйста, Павел.

ПАВЕЛ. Вы ходите сюда давно, но сегодня вы у нас впервые без чемодана.

ХМЕЛИК. Привычка, знаете ли…

ПАВЕЛ *(прерывает).* Наверное… но то… что вам в вашем возрасте приятно таскать чемоданы…

ХМЕЛИК. Но я, собственно, даже и представить себе не могу пятницу без этого чемодана. Он неотделим от моих пятниц.

ПАВЕЛ. Скажите, пан Хмелик, это вас иногда не оскорбляет?

ХМЕЛИК *(удивленно).* Нет. А почему это должно меня оскорблять? Я, собственно, об этом даже не думаю. Наступает пятница, четыре часа дня, и я иду в женский павильон. Постучу в дверь пани Конти, возьму чемоданчик и иду. Чемодан всегда стоит у дверей. Не знаю, понимаете ли вы меня… Но без этого чемодана пятница для меня уже не

была бы пятницей. И, в конце концов, этот чемодан вовсе не тяжелый. Большой, но не тяжелый.

ПАВЕЛ. А что в нем?

ХМЕЛИК. Не знаю.

ПАВЕЛ. Не знаете?!

ХМЕЛИК. Нет.

ПАВЕЛ. А вам это не странно?

ХМЕЛИК. Что?

ПАВЕЛ. Ну то, что много лет подряд каждую пятницу таскаете этот чемодан и даже не знаете, что в нем.

ХМЕЛИК. Когда-то давно я об этом думал. Я уже и сам не знаю когда… Началось все это как-то незаметно. Даже не знаю как. Может быть, я сам предложил свои услуги… Может быть, этот чемодан она носила сама, и мне показалось, что ей это не подобает. Позднее, видимо, она меня об этом попросила, а еще позднее я начал носить сам, без ее просьб… Я не знаю, как бы это вам…

Пауза.

ПАВЕЛ. Я положу в воду несколько таблеток аспирина. Для срезанных цветов это хорошо.

ХМЕЛИК. Большое спасибо вам… *(Идет к телефону.)* Этот телефон действует?

ПАВЕЛ. Действует. Он, правда, помнит времена,

когда дед еще работал в гостинице, но действует.

ХМЕЛИК. Вообще-то, я не слышал, чтобы он когда-нибудь звонил.

ПАВЕЛ. Нам никто не звонит.

ХМЕЛИК *(нерешительно).* Мне нужно было бы… Я хотел бы вас кое о чем попросить, Павел… *(Решившись.)* Пани Конти уже несколько раз намекала мне, что у нее такое ощущение… Одним словом, что она в нашем обществе начинает плохо себя чувствовать. Ей кажется, что мы сомневаемся в существовании ее сына. Что, видимо, мы ей не верим. Это ее очень удручает.

ПАВЕЛ. Чем же я могу вам помочь?

ХМЕЛИК. Знаете, я думал, что раз у нее день рождения… Мне хотелось бы, чтобы она снова чувствовала себя с нами как раньше… Мне хотелось бы сделать ей приятное.

ПАВЕЛ. Но я не знаю, чем я смогу помочь?

ХМЕЛИК. Пустяк… маленький пустяк. Невинный обман, который вернул бы старой пани уверенность в себе. *(Испытующе смотрит на Павла.)* Я хотел вас попросить. Не сможете ли вы позвонить, то есть протелефонировать, сюда по вашему номеру. Около семи часов.

ПАВЕЛ. Мог бы, ну и что?

ХМЕЛИК. А не могли бы вы ее поздравить с

днем рождения от имени сына?

ПАВЕЛ. А что сказать, откуда я его знаю?

ХМЕЛИК. Позвоните просто как ее сын.

ПАВЕЛ. У него странное имя. Я даже не запомнил.

ХМЕЛИК. Это имя — Губерт. Губерт Рохус Конти.

ПАВЕЛ *(явно забавляясь).* Рохус… Грохус. Я, наверное, не выдержу и рассмеюсь.

ХМЕЛИК *(настойчиво).* Достаточно сказать «Губерт». *(Выжидательно.)* Могли бы вы это сделать?

ПАВЕЛ. Думаю, что смогу. *(Повторяет.)* Губерт. Губерт… Губерт… *(Уходит.)*

Звонок. В комнату входит РАЙНЕР с букетом роз.

РАЙНЕР. Что вы о них скажете?!

ХМЕЛИК. Прекрасно! *(Нюхает.)* Розы есть розы, ничто на свете не сравнится с их ароматом… Пани Конти будет рада… Это от той цветочницы!

РАЙНЕР. От меня. *(Церемонно достает из кармана маленький конверт, вынимает из него визитную карточку.)* Последняя. *(Читает.)* «Густав Райнер, ювелир и часовщик, присяжный судебный эксперт». До чего это было давно! *(Кладет визитную карточку в розы.)* Эта картонка

еще что-то помнит…

ХМЕЛИК. Поставим их на стол? Ваза здесь. *(Поправляет розы.)* Пан Райнер, кому первому пришла в голову мысль дарить цветы?

РАЙНЕР. Кому-то непрактичному.

ХМЕЛИК. Я еще на минуточку выйду. *(Смотрит на Райнера. Торжествующе, про себя.)* Так, значит, договорились!

РАЙНЕР *(не понимая, в чем дело).* О чем договорились?

ХМЕЛИК *(улыбаясь).* Как — о чем?! Договорились! *(Уходит.)*

РАЙНЕР подходит к окну, из кармана жилетки вынимает часы на нарядной цепочке, отодвигает занавеску в сторону, смотрит из окна, потом, как бы сравнивая, внимательно смотрит на свои часы.

Звонок. Входит с хозяйственной сумкой АБЕЛЬ.

АБЕЛЬ. Пан Райнер, добро пожаловать… Сегодня вы что-то рано?

РАЙНЕР. И без полицейского конвоя. «Инспектор» сегодня дежурит у нас по дому. А для гарантии я спрятал его «бригадирку».

АБЕЛЬ. Простите, я немного задержался… Пытался найти настоящий цейлонский чай. Обегал весь город…

РАЙНЕР. Напрасные старания.

АБЕЛЬ. Жаль. Пани Конти была бы рада. Думаю, больше, чем вот этому. *(Вынимает из хозяйственной сумки бутылку шампанского.)*

В комнату входит в новом костюме ПАВЕЛ.

ПАВЕЛ *(многозначительно).* Ну и живем… ну и живем…

АБЕЛЬ *(вынимает из кармана дорогую подарочную сигару, Райнеру).* А это для вас… Будете создавать аромат. В приличном обществе необходим аромат сигары.

РАЙНЕР. *(берет сигару, предвкушая).* О-о, вот это аромат, «Корронас»! Спасибо. Сделаю все, чтобы здесь была здоровая мужская атмосфера.

ПАВЕЛ *(Абелю).* Я тебе еще нужен?

АБЕЛЬ. Ты мне не нужен.

ПАВЕЛ. Тогда я пошел. *(Уходит.)* Пока…

РАЙНЕР. До свидания.

Пауза.

АБЕЛЬ *(идет к буфету, Райнеру).* Не помогли бы вы мне?

РАЙНЕР. С удовольствием.

АБЕЛЬ *(вынимает бокалы, чашки).* Там, внизу, маленькие тарелки…

РАЙНЕР *(помогает).* Совсем другое дело. Не то что пластмассовые черепки в нашей столовой.

АБЕЛЬ. Раз в год и в аду бывает праздник.

АБЕЛЬ и РАЙНЕР накрывают стол.

РАЙНЕР. У нас не ад, но с праздниками ничего не выходит.

АБЕЛЬ. Ни разу в год?

РАЙНЕР. Нет.

АБЕЛЬ. Я думал, что хотя бы на рождество…

РАЙНЕР. Даже и на Рождество… *(Пауза.)* Еды хватает… И вина дают. Но все как-то не то… Светло, тепло и елочку поставят, даже с электрическими свечками. Это трудно объяснить. Чего-то там не хватает… И подарки нам дают, даже хорошие, красиво завернутые в целлофан… Вы когда-нибудь служили в армии, были на рождество в казармах?

АБЕЛЬ. Нет… Раз в лазарете, а на другое Рождество был уже дома.

РАЙНЕР. Может, если припомните, Рождество в лазарете… Хотя и это не то. Человек был молод. А мы сидим вокруг стола, куча незнакомых людей… Друг друга знаем только по имени… Сидим плечо к плечу, а каждый одинок. Одну-единственную нашу пятницу я не поменял бы на три таких

Рождества.

АБЕЛЬ. Я думал, что молодые вас… что хотя бы на Рождество…

РАЙНЕР *(отвергающе).* Те?! Что вы! Последний раз я их видел в июне… Три года назад… *(Задумчиво.)* К тому времени я отдал им почти все. Можете себе представить? Настоящие «шафгаузенки», с двумя корпусами, инкрустацией… замечательные часы… Я был рад, что молодые приходили ко мне хотя бы иногда. Черт побери, все было и все прошло! В последний раз я подарил им «дукат», золотой Терезианский «дукат». Я хранил его больше сорока лет на счастье. Вот и все, что я мог им отдать. Отдал бы больше, да уж не из чего… В конце концов, чего можно было от них ожидать! Бежал от часового дела… *(С горечью и презрением.)* Снабженец! *(Разочарованно.)* Снабженец!.. Жалко, что нет цейлонского чая.

Пауза.

АБЕЛЬ. Пан Хмелик что-то задерживается.

РАЙНЕР. А сколько, собственно, исполнится пани Конти?

АБЕЛЬ. Не имею понятия. Я думал, что вы знаете.

РАЙНЕР. Уж скорее пан Хмелик.

Пауза.

АБЕЛЬ. Не выпьем по рюмочке?

РАЙНЕР. Спасибо, подождем остальных.

АБЕЛЬ *(замечает часы на буфете).* Разрешите спросить — что это?

РАЙНЕР. Часы!.. (*Накрывает часы куском материи.)* АБЕЛЬ. Ах так... *(Пауза. Направляется к шкафу.)* Не помогли бы вы мне? *(Открывает шкаф.)* Павел их снова спрятал. Куда же ходики запропастились? *(Отовсюду достает часы и расставляет их по местам.)*

РАЙНЕР *(помогает). Я* забыл сказать Павлу...

АБЕЛЬ *(примирительно).* Ничего... ничего...

АБЕЛЬ и РАЙНЕР с трудом вытаскивают из шкафа часы и несут их на прежнее место. Звонит телефон.

(Идет к телефону.) Франтишек Абель. Слушаю. *(Пауза.)* Алло, алло! *(Пауза.)* Кто-нибудь подшутил. *(Кладет трубку.)*

По главной лестнице поднимается пани КОНТИ с водителем такси. Водитель несет чемодан. Звонок в дверь.

Сегодня у нас как на бульваре. *(Идет открывать дверь.)*

Выходит празднично одетая КОНТИ с водителем такси. К этому

времени стол празднично накрыт.

РАЙНЕР *(кланяясь).* Целую ручки.

КОНТИ. Добрый вечер, пан Райнер. *(Водителю.)* Спасибо. *(Показывая на чемодан.)* Можете это поставить сюда.

ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ. Пожалуйста. *(Ставит чемодан.)* Что еще будет угодно пани?

КОНТИ. Благодарю вас. Можете идти.

ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ. Всего доброго. *(Уходит.)*

АБЕЛЬ *(входя из передней).* Что-нибудь случилось?

КОНТИ. Почему?

АБЕЛЬ. Вы без пана Хмелика?

КОНТИ. Ах вот что! Сама не понимаю, как это вышло, но он прислал за мной такси. Жаль, вы не видели, как все у нас глаза вытаращили! Инспектор Мич так обалдел, что даже отдал честь. Очень мило со стороны пана Хмелика. *(Рассматривая накрытый стол.)* А что у вас происходит? Вы кого-то ждете?

РАЙНЕР. Ждали.

КОНТИ. Разрешите узнать, кого?

АБЕЛЬ. Сейчас узнаете. Прошу за стол.

КОНТИ *(садится на свое обычное место).* Спасибо.

АБЕЛЬ. *Сегодня* не сюда. Ваше место здесь. *(Са-*

жает Конти на почетное место.)

КОНТИ *(с наигранным удивлением).* Не понимаю!

РАЙНЕР. А вы слушайтесь пана Абеля.

КОНТИ *(пересаживаясь).* Объясните же наконец! Я умру от любопытства!

АБЕЛЬ. Минуточку терпения. *(Делает знак Райнеру.)*

Оба подходят к КОНТИ.

РАЙНЕР. Уважаемая и милая пани Конти…

АБЕЛЬ. Милая и уважаемая пани Конти…

Звонок в передней.

АБЕЛЬ. Разрешите мне…

РАЙНЕР. Чтобы вам…

КОНТИ. Надо бы открыть.

РАЙНЕР *(сбившись, в прежнем торжественном тоне).* Нам надо бы открыть…

АБЕЛЬ торопливо открывает бутылку. Входит ХМЕЛИК, празднично одетый. С ним произошла какая-то перемена. Это уже не прежний ХМЕЛИК. Энергичным шагом он подходит к столу и ставит на него большую подарочную корзину прямо перед КОНТИ.

ХМЕЛИК. Вот.

КОНТИ *(не переставая удивляться).* Ради бога, пан Хмелик!

ХМЕЛИК. Успокойтесь, любимая пани, все в порядке. *(Быстро идет на кухню, возвращается с букетом гвоздик.)*

Все трое, торжественно встав в ряд, подходят к КОНТИ.

Наша дорогая пани Конти, разрешите нам от всего сердца поздравить вас с днем рождения...

АБЕЛЬ *(как эхо)*....рождения...

ХМЕЛИК. Большая честь и радость для нас, что мы составляем вам компанию в такой исключительно важный момент.

РАЙНЕР *(тихо).* Да, момент исключительно важный.

ХМЕЛИК. Примите от нас небольшой подарок. *(С неожиданной галантностью подает букет, целует руку.)*

РАЙНЕР *(целует руку).* Да, день совершенно исключительный. Один из «звездных» в моей жизни!

ХМЕЛИК тем временем ловко открывает бутылку с шампанским.

АБЕЛЬ. Присоединяюсь... Главное — крепкого здоровья и счастья!

КОНТИ. Спасибо. Спасибо вам от всего сердца. *(Плачет.)* Это все так удивительно… так мило с вашей стороны.

ХМЕЛИК. Зачем столько слов, когда полны бокалы? Я поднимаю первый бокал за здоровье нашей дорогой новорожденной! За ваше здоровье! Живио!

АБЕЛЬ и **РАЙНЕР** *(вместе).* Живио!

ХМЕЛИК. Многие лета!

АБЕЛЬ и **РАЙНЕР** (*присоединяются*). Многие лета! Многие лета! Многие лета! Живио!

ХМЕЛИК. До дна!

Все выпивают и садятся.

КОНТИ. Мне, вообще-то, нельзя, с моей гипертонией.

ХМЕЛИК. Забудьте вы об этой гортензии!

КОНТИ *(со смехом).* Гипертензия? А вы большой весельчак, пан Хмелик!

ХМЕЛИК. Да, смельчак! Конечно, я смельчак. Смелость — моя стихия. *(Наливает всем вино.)* Итак, за здоровье вашей внучки!

КОНТИ. Внучки?

ХМЕЛИК. Ну, гортензии этой, вернее — гипертензии.

КОНТИ. Мне действительно нельзя.

РАЙНЕР. Бокал хорошего вина — лучшее лекарство.

КОНТИ. Ну хорошо, еще один. На вашу ответственность!

РАЙНЕР. Готов отвечать.

КОНТИ *(решительно выпивает вино, видно, что когда-то она любила выпить).* Вот это да!

АБЕЛЬ. Пан Райнер, ваши часы! *(Берет часы, подносит их Конти.)* Новорожденной от пана Райнера.

КОНТИ. Каков подарок! Нальем еще!

ХМЕЛИК наливает.

Благодаря вам, именно благодаря вам мы можем поднимать эти бокалы! За здоровье нашего космонавта!

Все пьют.

АБЕЛЬ *(тронут).* Друзья, спасибо вам. *(Указывает на ветчину.)* Прошу вас, угощайтесь.

КОНТИ *(со знанием дела).* Пражская, фирменная. Я ее уже много лет не видела.

ХМЕЛИК. Экспрессом из Праги, специально для вас!

КОНТИ. Все шутки шутите, пан Хмелик.

ХМЕЛИК. Могу присягнуть!

КОНТИ. Ложная присяга — грех.

ХМЕЛИК. Ради вас мы готовы согрешить!

РАЙНЕР. Я так уже и не помню, когда грешил в последний раз.

КОНТИ. У вас плохая память, пан Райнер.

РАЙНЕР. У меня плохая память?

КОНТИ. А кого сюда на прошлой неделе привели полицейские?

РАЙНЕР. Не полицейские, а инспектор. Наш инспектор.

КОНТИ. А вы когда-нибудь видели, чтобы полицейские арестовывали святых?

РАЙНЕР. Только по недоразумению. Впрочем, нашему инспектору и море по колено.

АБЕЛЬ. Что же вы ничего не едите?

ХМЕЛИК. Я уж наелся, как мужик на Пасху. А вот выпить мы действительно забываем. *(Открывает новую бутылку, разливает по бокалам.)*

КОНТИ. У меня голова кружится. Я правда больше не могу.

АБЕЛЬ. Как же так? Мы ведь пьем за невинность пана Райнера.

РАЙНЕР. Вот так тост! *(Выпивает.)*

КОНТИ *(убеждая себя).* Мне нельзя. Нельзя мне больше ни капельки. Иначе за себя не ручаюсь. *(Встает со стула, словно загипнотизированная.)*

ХМЕЛИК. Пейте. А вашей гипертензии ничего не скажем. Слово мужчины.

КОНТИ *(выпивает стоя, беспомощно оглядывается).* Ах, все бы отдала за цыганскую музыку!

АБЕЛЬ *(быстро встает, вынимает из шкафа граммофон).* Это нам проще простого.

ХМЕЛИК охотно ему помогает. АБЕЛЬ заводит граммофон.

РАЙНЕР. Граммофон есть. Сейчас будет и музыка.

АБЕЛЬ *(вынимает из шкафа пластинки, выбирает одну, ставит ее).* Ну, музыка, не подведи!

Раздаются первые медленные такты темпераментного чардаша.

КОНТИ *(отбивает такт. Ее движения становятся по-цыгански выразительными).* Казино! *(Упоенно.)* Офицеры! Вино течет рекой… *(Бросает своих куниц на спинку стула.)*

ХМЕЛИК *(стремительным движением берет бокал, по-военному четко подходит к Конти и кланяется).* Разрешите представиться: поручик Хмелик. *(Подает бокал Конти.)*

КОНТИ *(залпом выпивает).* Очень приятно, пан поручик. *(Непринужденным движением бросает бокал через плечо, начинает танцевать с Хмеликом.)*

АБЕЛЬ *(с восхищением следит за танцующими, подкручивает граммофон).* Браво!

РАЙНЕР *(встает со стула, берет бокал и подходит к танцующим. Хмелику).* Разрешите?

ХМЕЛИК. Разумеется, пан капитан! *(Перестает танцевать.)*

РАЙНЕР *(по-военному кланяется).* Капитан Райнер. *(Подает бокал.)*

КОНТИ *(выпивает бокал в ритме танца).* Очень приятно, пан капитан! *(Бросает бокал и продолжает танцевать.)*

АБЕЛЬ и ХМЕЛИК хлопают в такт. Чардаш ускоряется. КОНТИ и РАЙНЕР выделывают сумасшедшие па. Звонит телефон. ХМЕЛИК продолжает хлопать в такт.

АБЕЛЬ *(подходит к телефону).* Да… Я вас плохо слышу… Пани Конти? *(Удивленно.)* Да, она здесь… *(Пауза.)* Да, минуточку… *(Зовет Конти.)* Вам звонят.

КОНТИ *(увлеченная танцем.)* Меня нет дома!

АБЕЛЬ *(растерянно).* Говорят, очень срочно…

КОНТИ. Сейчас ничего не может быть срочного! *(Райнеру.)* Не так ли, пан капитан?

АБЕЛЬ *(беспомощно).* Звонит пан Конти!

КОНТИ. Это исключено!

ХМЕЛИК *(спасая положение).* Но кто же тогда

еще?

КОНТИ *(недоверчиво берет трубку). Я* слушаю. (*Напряженная пауза.)* Кто? *(После краткой паузы.)* Губерт? Губерт! *(Хватается за сердце.)* Сыночек мой! *(Трубка падает у нее из руки.)*

КОНТИ медленно опускается на пол. ХМЕЛИК первый приходит в себя от потрясения, подбегает к Конти, осторожно поднимает ее голову.

АБЕЛЬ. Надо что-то делать.

ХМЕЛИК. Лекарство!

РАЙНЕР. «Скорую помощь»!

ХМЕЛИК. Позвонить к нам!

АБЕЛЬ. Да-да, «Скорую помощь»… *(Берет телефонную книгу.)*

ХМЕЛИК. Она всегда глотала такие маленькие таблеточки…

РАЙНЕР. Сумку, быстро! *(Хмелик роется в сумке.)* Есть?

ХМЕЛИК *(растерянно).* Нет…

РАЙНЕР. Нашли «скорую помощь»?

АБЕЛЬ *(листая телефонную книгу).* Сейчас, сейчас…

ХМЕЛИК. Вдруг таблетки в чемодане?

РАЙНЕР. Чушь! Кто носит таблетки в чемодане?

ХМЕЛИК. Но надо же что-то делать! Нельзя же сложа руки смотреть, как она умирает! *(Решительно открывает чемодан.)*

АБЕЛЬ *(беспомощно).* Не могу найти номера…

РАЙНЕР. На первой странице. Где милиция и пожарники.

ХМЕЛИК *(над открытым чемоданом).* Ничего нет…

РАЙНЕР. Пустой?

ХМЕЛИК. Только вот это. *(Достает панку писем, венок с фатой.)*

АБЕЛЬ *(торопливо набрав номер).* «Скорая помощь»?.. Алло! Соедините меня, пожалуйста, со «скорой помощью»! Ах, это «скорая помощь»? Скорей, пожалуйста, умирает пани Конти. *(Пауза.)* Да, у меня на квартире… Но позвольте…

РАЙНЕР *(Абелю).* Разрешите? *(Берет телефонную трубку.)* «Скорая помощь»? Срочный вызов, Франтишек Абель, старый город. Сукеницкая, семьдесят шесть… Да… *(Кладет трубку.)*

ХМЕЛИК. Надо позвонить к нам, надо позвонить к нам! *(Набирает номер.)* Дежурный?.. Соедините с управляющим!.. Что — «по какому вопросу»? Я вам говорю, соедините с управляющим. Пани Конти при смерти! *(Растерянно кладет трубку.)*

АБЕЛЬ *(взглянув на Конти, лежащую на полу).* Надо бы ее, пожалуй… *(Показывает на диван.)*

РАЙНЕР. Помогите мне.

Укладывают КОНТИ на диван. ХМЕЛИК, как лунатик, ничего не слыша, идет к чемодану, достает оттуда подвенечное платье. Это платье тоже было в чемодане.

ХМЕЛИК. Ведь только сейчас она танцевала… *(Ходит с подвенечным платьем в руках.)*

РАЙНЕР *(ищет пульс).* Жива… *(Считает пульс по часам)* Компресс, живо!

АБЕЛЬ. Да-да, сейчас…

ХМЕЛИК. Ведь только сейчас она танцевала… *(Ходит с подвенечным платьем в руках.)*

РАЙНЕР *(Хмелику).* Воды, пожалуйста!

ХМЕЛИК *(как эхо).* «Воды, пожалуйста»…. *(Идет за водой.)*

АБЕЛЬ. Это платье совсем… *(Бегло его осматривает.)* Похоже, что его никто и не надевал…

ХМЕЛИК *(ставит компресс Конти).* Ведь только сейчас она танцевала… Этого быть не может…

РАЙНЕР *(щупает пульс).* Что же они так долго?

АБЕЛЬ. Пойду навстречу, чтобы не искали. *(Уходит.)*

ХМЕЛИК. Жива?

РАЙНЕР. Как будто еще жива.

АБЕЛЬ *(возвращаясь).* Нет никого.

ХМЕЛИК *(беспомощно берет платье).* Этот телефонный звонок…

РАЙНЕР *(рассматривает платье).* Странно… Его и впрямь никто не надевал.

АБЕЛЬ. Я подумал… Она в нем венчалась…

ХМЕЛИК *(уносит платье).* Видно, собиралась… Пани Конти не была замужем.

АБЕЛЬ. Боже мой, куда они провалились!.. Каждую секунду может быть поздно…

ХМЕЛИК. Ведь только сейчас она танцевала…

В комнату вбегает МИЧ. Он без «бригадирки», одежда в беспорядке, он тяжело дышит.

МИЧ. Стоп! Спокойно! «Скорую помощь» вызвали? Вызвали… Воды принесли? Принесли? Лекарство дали? Дали. Почему же базар? А я говорю — базар! Пан Хмелик! Перестаньте сейчас же пачкать подвенечное платье пани Конти! Женщина всю жизнь его берегла. А вы? Смотрите: на подоле след большого пальца. Вы что, хотите, чтобы эта улика работала против вас? Там разберутся! А я говорю — разберутся! Стоп! Пан Абель, уберите руку с телефонной трубки! Теперь я понимаю, почему никак не мог к вам дозвониться, старый вы попрыгун! А вы, пан Райнер? Что вы

молчите, как утопленник из Дуная! Перестаньте ходить взад-вперед. Вы же не маятник! А я говорю, что маятник! Вот до чего доводят ваши пятницы! Посмотрите, как спокойна пани Конти, а ведь ей хуже, чем нам.

ХМЕЛИК. Пан инспектор, я прошу вас, я требую, чтобы вы немедленно замолчали, хотя бы из уважения к пани Конти!

МИЧ. Стоп! Как вы сказали? Как зовут пани?

ХМЕЛИК *(ошеломленно).* Пани Конти.

МИЧ. Стоп! Я надеюсь, вы понимаете, что начинается идентификация. Идентификация личности проводится по особым правилам. Будете подходить по одному и потихоньку, на ухо, шептать имя гражданина, которого нужно опознать, то, что вы скажете, — это свидетельские показания. Дача ложных показаний карается законом. Имя человека, которого следует опознать… Пани Конти… *(Плачет.)*

Пауза. АБЕЛЬ, РАЙНЕР, ХМЕЛИК глядят на него в изумлении.

АБЕЛЬ *(Хмелику).* Плачет.

ХМЕЛИК. Ради бога, успокойтесь, Мич.

АБЕЛЬ *(берет со стола бокал, протягивает Мичу).* Вода.

Пауза.

МИЧ *(постепенно приходит в себя, собирается с силами).* Который теперь час? *(Пауза.)* Как чисто били когда-то часы… нет-нет, это невозможно… Давайте допустим самое худшее. Представим себе, что пани Конти завтра уже не будет с нами… А мы? А наши пятницы?

В комнату быстро входит ВРАЧ и два САНИТАРА.

ВРАЧ. Добрый вечер! Ах, вот она. *(Бегло осматривает.)* Положите ее на носилки.

САНИТАРЫ подходят к дивану.

ХМЕЛИК *(словно желая уберечь Конти от неосторожного обращения).* Я помогу…

САНИТАР. Не надо. У нас в этом деле опыт. *(Вместе с другим санитаром укладывает Конти на носилки.)*

АБЕЛЬ *(с тревогой).* Жива?

ВРАЧ. Жива… Это ваша…

АБЕЛЬ. Нет, не моя жена, нет… Пани Конти была здесь в гостях.

ВРАЧ. Документы у нее при себе?

ХМЕЛИК. Пожалуйста, в сумочке. *(Берет сумочку и уходит вместе с санитарами.)*

РАЙНЕР, АБЕЛЬ и МИЧ тоже уходят следом за ВРАЧОМ. Все спускаются по главной широкой лестнице. В то же самое время

на черной лестнице появляются ПАВЕЛ и ДАША, еще на лестнице репетируют.

ПАВЕЛ. Обязательно перепутаю… *(Приводит в порядок букет.)*

ДАША. Да ну тебя… Это же совсем просто. Сперва всех поздравишь, подойдешь к ней и начнешь…

ПАВЕЛ. Как это… Ну, первые слова?

ДАША. Глубокоуважаемая пани Конти…

ПАВЕЛ. Ага! Вспомнил. Пошли. *(Быстро идет первым. Входит, удивленно оглядывает пустую комнату, накрытый стол, зовет Дашу, тихо.)* Иди сюда!

ДАША *(входя).* Никого нет?

ПАВЕЛ. Что-то непонятное… Почему же все-таки пани Конти бросила трубку?

ДАША *(уходит в кухню и возвращается).* Целый день голову ломали, как помириться со стариками. Пришли — а их уже нет.

ПАВЕЛ. Боюсь за деда, мы ссорились последнее время.

ДАША. А мы так хорошо подготовились. *(Снимает со спинки стула куниц пани Конти, накидывает их себе на плечи, садится на стул.)* Еще ничего не потеряно. У нас все впереди!

ПАВЕЛ. Да… да… у нас все впереди… Наверно,

они пошли проветриться. *(Берет букет, обращаясь к Даше.)* Глубокоуважаемая пани Конти! Разрешите мне скромно присоединиться к общему поздравлению… *(Даше, вполголоса.)* А дальше как?..

ДАША. И в этот торжественный и счастливый…

ПАВЕЛ. Точно. И в этот торжественный и счастливый час пожелать вам всего, чего только вы сами себе пожелать захотите…

ДАША *(церемонным жестом подает ему руку для поцелуя).* Спасибо, мой милый! Как это любезно с вашей стороны!

ПАВЕЛ галантно подает букет и целует протянутую руку.

(Обращаясь к воображаемому обществу.) Не правда ли, очень, очень милый молодой человек! *(Замечает венок с фатой.)* Батюшки! А это что?

ПАВЕЛ *(удивленно*). Венок?

ДАША *(в том же тоне).* Свадебный?

ПАВЕЛ *(не раздумывая, надевает венок с фатой на голову Даши, берет ее под руку и торжественно ведет по комнате; внезапно останавливается, торжественным голосом).* Спрашиваю вас, пан жених, согласны ли вы жениться на присутствующей здесь Даше Высоцкой добровольно

и по зрелом размышлении? *(После паузы.)* Да! Спрашиваю вас, Даша Высоцкая, согласны ли вы добровольно и по зрелом размышлении выйти замуж за присутствующего здесь Павла Есенского?

ПАВЕЛ наклоняется к ДАШЕ, поднимает вуаль, обнимает ДАШУ и целует. Медленно и нежно опускает ее на диван, с которого только что унесли КОНТИ. Присаживается рядом, снимает с ДАШИ венок и фату. Через открытое окно слышен медленный бой старинных башенных часов.

ПАВЕЛ. Слышишь?
ДАША. Что?

ПАВЕЛ напряженно вслушивается в мелодичный бой старинных часов на городской башне.

Конец.

Ондрей Шулай
Помощник

(По мотивам романа Ладислава Баллека «Помощник»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

РИЕЧАН.
РИЕЧАНОВА.
ЭВА.
ЛАНЧАРИЧ.
ФИЛАДЕЛЬФИ.
КУКИ.
НЕЛА.
ВИЛЬМА.
ДОБРИК.
ПОЛГАР.
БЬЕЛИК.

Перевод А. Машковой

Ondrej Šulaj. Pomocník (Na motívy prózy Ladislava Balleka Pomocník)
© Ondrej Šulaj / LITA, 2014

Часть I

Картина 1

Улица, на которой расположена мясная лавка. В мясной лавке.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Приветствую вас в Паланке, дорогой мой! Кто вы? Ради бога, зачем вы сюда приехали?

РИЕЧАН. Меня зовут Риечан. Я приехал на поезде и вот уже целый час блуждаю…

ФИЛАДЕЛЬФИ. Ага. Это хорошо… Человек блуждал здесь еще в каменном веке. А славяне заблудились тут почти два тысячелетия тому назад. На холме стояла крепость, а внизу тянулись караваны торговцев с севера Европы на юг. У дороги находилось поселение, а позже — город. Люди любили друг друга и размножались. Здесь велись войны, бушевали бури, были наводнения и чума… но ничто не отучило людей жить в этом проклятом краю. Так и мы здесь оказались, чтобы прожить эти короткие мгновения бесконечности… А как мы при этом важничаем.

РИЕЧАН. Я — участник Сопротивления[31] и погорелец. Штефан Риечан из Тайова. Я ищу…

ФИЛАДЕЛЬФИ. Ага. Мы все что-то ищем. Я еще не представился вам? Я — Филадельфи. Предупреждаю, что я никогда не имею одинаковой точки зрения на один и тот же вопрос, поэтому я бесполезен и опасен даже для самого себя. А теперь — к делу. Пойдем и постучим в окно к Неле Лауковой. Прекрасная женщина, скромная… этакая чистая душа.

РИЕЧАН. Прошу вас, я…

ФИЛАДЕЛЬФИ. Знаю, вы ищете местную управу.

РИЕЧАН. Да, да… а откуда вы знаете?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Не знаю. Просто угадал. Ступайте, мне с вами уже скучно. Идите прямо и — за угол. Вон как раз идет человек из местной управы…

РИЕЧАН *(встречает Добрика).* Добрый день.

ДОБРИК не замечает его.

Прошу вас, я — мясник… Мамаша мне сказали: ич так увидишь… Они там так говорят — ич, Штевко, на юг, до того Паланку, и только им по-

---

[31] Примечания: 31

Речь идет об антифашистском сопротивлении в Словакии во время Второй мировой войны.

вец, что ты нестау в цесте новей республики…

ДОБРИК. Кто вы?

РИЕЧАН. Прошу вас, я — мясник Риечан, участник Сопротивления и погорелец… это значит, что мой дом сожгли немцы, потому что я партизанам харч таскал… Прошу вас, я — Штефан Риечан из Тайова. Добрый день.

ДОБРИК. Добрый, добрый. Знаю, знаю, мне уже все известно. Вчера мне позвонили из района. Здесь бланки, гербовые марки… я уже нашел для вас дом с мясной лавкой на Торговой улице. Ну, что скажете?

РИЕЧАН. А что я могу сказать?

ДОБРИК. Вы же знаете, что в новой республике все учреждения закрыты. Ну как? Здорово, не правда ли? Все получится, если есть воодушевление и добрая воля. Вот так, а мясная лавка — ваша.

РИЕЧАН. Вы отдаете мне мясную лавку просто так, не моргнув глазом? Ни за что ни про что? Бог ты мой… такого здесь еще не бывало! Просто так, не моргнув глазом, нате вам — и мясная лавка моя! Как я вам благодарен, пан…

ДОБРИК. Добрик, меня зовут Добрик.

РИЕЧАН. А этот запах во всем городе, скажите, пожалуйста, это хлорка?

ДОБРИК. Да. Во время бомбардировок разрушили канализацию. От домов остались одни руины. Во всем Паланке — грязь и беспорядок, но ваша мясная лавка, пан Риечан… Вы будете удивлены!

РИЕЧАН. Я уже удивлен. Ой-ой-ой! Как я удивлен!

ДОБРИК. Но… есть одна загвоздка… Кохарый!

РИЕЧАН. Я не знаю его.

ДОБРИК. Вам и не надо знать. Это бывший владелец лавки. У него был помощник. Кохарый сбежал[32], а помощник не пошел за своим хозяином. Он хороший мясник, отлично работает ножом! Но… я помню, у него всегда были проблемы с жандармами, при всех режимах. Лично я могу вам посоветовать… избавьтесь от него! Сразу же!

РИЕЧАН. Как избавиться?

ДОБРИК. А это уж ваша забота. Я только вас предупредил. Подумайте, покумекайте и сами поймете, как вам это сделать.

В мясной лавке.

РИЕЧАН. Господи ты боже мой!

ДОБРИК. Я вас обманывал? Что скажете, пан

---

[32] Примечания: 32

Имеется в виду бегство части населения из страны сразу после окончания Второй мировой войны.

Риечан?

РИЕЧАН. Господи ты боже мой!

ДОБРИК. Это богатый край, и мясная лавка поможет нам подзаработать.

РИЕЧАН. Но ведь я здесь ничего не знаю. Ни города, ни его окрестностей. На первых порах мне нужен помощник.

ДОБРИК. Лично я, я бы вам посоветовал… Избавьтесь от него!

РИЕЧАН. Хороший помощник — это здорово.

Входит ЛАНЧАРИЧ, на плечах у него топор для рубки мяса.

ДОБРИК. Итак, пан Риечан, вы хотели помощника, он — к вашим услугам!

РИЕЧАН. Я прошу вас…

ЛАНЧАРИЧ. Mondja meg neki, hogy én itt nottem fel, úgyhogy innét nem mozdulok. Mondja meg neki, hogy hentes vagyok, éš ehez megvannek a megfelelo papírjaim. Ott akarok maradni![33]

РИЕЧАН *(пятится назад).* Что он такое говорит?

ДОБРИК. Что он здесь вырос… и что не двинется отсюда… что он — мясник, и что у него есть

---

[33] Примечания: 33

Скажите ему, что я здесь вырос и никуда отсюда не уйду. Скажите ему, что я мясник и у меня есть соответствующие бумаги. Я хочу остаться здесь! (*венг.*).

соответствующие бумаги, и что он хочет здесь остаться. Советую вам: выставляйте его! Мы вынуждены были его здесь терпеть, а вам он будет только мешать.

РИЕЧАН. Понимаете, я просто не знаю, как поступить. Я правда не знаю, что мне делать.

ДОБРИК. Мы не возражаем против него. Он ни в чем не провинился, только, поверьте, это не ваш человек.

РИЕЧАН. Извините меня, понимаете, ведь я просто не знаю… Я совсем никого здесь не знаю, я даже здешний язык не понимаю[34]. Ведь я просто не знаю… ведь вы понимаете, о чем я думаю. Если он жил здесь столько лет, так пусть уж остается. Потом увидим. Как вы думаете?

ДОБРИК. Пан Риечан, во-первых, с сегодняшнего дня это мясная лавка ваша. Во-вторых, вы здесь дома, поймите это, вы у себя дома, в своей республике! А по сему — действуйте, как вам заблагорассудится. Я повторяю: это отпетый негодяй. Свою обязанность самого информированного человека я выполнил. Больше я вам ничего не скажу.

РИЕЧАН. Мне кажется, что нет такого человека,

---

[34] Примечания: 34

Действие происходит на юге Словакии, близ венгерской границы, где значительную часть населения составляют венгры.

с которым бы я не ужился. Я уживчивый.

ЛАНЧАРИЧ. Ну и хорошо, коль так, я научусь и словацкой речи. А почему бы и нет?

ДОБРИК. Что вы себе позволяете? Где вы находитесь? Смотрите, чтобы эти ваши шутки не обернулись для вас боком. Берегитесь! Советую вам, Ланчарич, ведите себя так, как предписано законом, не то я позабочусь, чтобы вы отправились вслед за вашим Кохарым!

ЛАНЧАРИЧ. Пан учитель, я не хотел вас дурачить, я только намекнул этому новому мештерку, то есть, как это у вас говорят, хозяину, что могу говорить и по-словацки. Кохарый — это Кохарый, а моя фамилия, как вам известно, Ланчарич. Это сербское имя.

ДОБРИК уходит.

ЛАНЧАРИЧ. Терпеть не могу тех, кто любит приказывать.

РИЕЧАН. Меня зовут Риечан. Штефан Риечан.

ЛАНЧАРИЧ. Я подписываюсь Валент Ланчарич, а здесь меня все называют просто Волент. Вообще-то, я сирота. По отцу я — серб, поэтому балакаю по-нашему, по-сербски. Но лучше всего мне говорится по-венгерски. Ну и по-немецки, конечно, я кое-что шпрехаю, если понадобится.

Вот видите, я могу и по-словацки. Я служил в армии, поэтому и знаю.

РИЕЧАН. А меня только с третьего раза признали годным к военной службе. Сказали, что, мол, сердце слабовато. Я и в Восстании[35] участвовал. Пришла повестка, я и пошел. Когда немцы нас потом вытеснили, я не мог понять, что происходит, спустился, как баран, с гор вниз. Как же, пошел сам, по своей воле. Как приказал наш президент[36]. С самолетов сбрасывали листовки, что, мол, с нами ничего не случится.

ЛАНЧАРИЧ. И случилось?

РИЕЧАН. В быстрицкой[37] школе три дня нас лупцевали резиновыми шлангами. По почкам! Отец меня спас. У отца везде были знакомства.

ЛАНЧАРИЧ. Ваш отец был за Тисо?

РИЕЧАН. Да, немного. Он хорошо за меня заплатил.

ЛАНЧАРИЧ. Так вы говорите, была настоящая

---

[35] Примечания: 35

Антифашистское Словацкое национальное восстание, август-октябрь 1944 г.

[36] Примечания: 36

Йозеф Тисо (1887–1947) — президент профашистской Словацкой Республики (1939–1945 гг.).

[37] Примечания: 37

Город Банска Быстрица — центр Словацкого национального восстания.

война?

РИЕЧАН. Была.

ЛАНЧАРИЧ. А здесь поговаривали, что вы деретесь с немцами, но кто же знал, что вот так, взаправду. Ведь вы дружили[38].

РИЕЧАН. Да, немного.

ЛАНЧАРИЧ. И здесь было несладко. Сколько за эти годы отсюда дало деру! В конце войны, когда уже было ясно, что вернутся чешские жандармы и армия, полгорода ноги в руки и… Так драпали, что только пятки сверкали. Я всегда говорю, не надо впутываться в политику, там, где гатар, то есть граница, понимаете, там всегда, как говорится, опасно! Ну что ж, выпьем.

РИЕЧАН. Понимаете, у меня слабый желудок, я вино не пью. У нас пьют только сливовицу. Вино слишком кисловато для меня.

ЛАНЧАРИЧ. К вину надо привыкнуть, понимаете? Потому что здесь всегда пьют только вино… везде, и при торговых сделках тоже. Для начала сделайте себе фроч, то есть вино с содовой. У нас все пришлые так привыкают. Потом уже можете пить сколько угодно.

РИЕЧАН. А почему вы здесь остались?

---

[38] Примечания: 38

Имеются в виду союзнические отношения Словакии и Германии в период Второй мировой войны.

ЛАНЧАРИЧ. Когда мой бывший хозяин собрался тикать, он предложил мне бежать с ним. Что, мол, придут русские, потом чехи… и что нам будет фасолаш — всыпят, значит, по первое число за ту самую зиму, когда тут пугали словаками. А я остался. Сказал «нет» и остался. Я никого не подстрекал, никого не грабил, зачем мне бежать? Я живу здесь, на задворках, я могу остаться, правда?

РИЕЧАН. Ну да.

ЛАНЧАРИЧ. Помощник должен быть на месте, лавку сторожить, правильно? Разве нет?

РИЕЧАН. Вам лучше знать.

ЛАНЧАРИЧ. Вы будете моим мештером, то есть хозяином, а я буду для вас Волент. Вы скажете: «Волент, иди сюда!» А я отвечу: «Рёгтён — сейчас иду, мештер!» Вы мне будете говорить: «ты». А я вам «вы». Что скажете? Хорошо?

РИЕЧАН. Хорошо.

ЛАНЧАРИЧ. Ну и отлично. Мой бывший мештер мне говорил: «Айда, Волент, чехи придут, фасолаш будет». Заварушка значит! «А мне какое дело, отвечаю, придут так придут, они тоже мясо любят». Правильно я сказал?

РИЕЧАН. Правильно. Когда я шел с вокзала, то аж испугался… такой мертвый город. Я сказал

себе: зачем ты идешь? Кому ты здесь нужен?

ЛАНЧАРИЧ. Ай-ай, это поправится, мештер! Ничего не бойтесь. Все станет на свои места. Я это знаю. Пока я здесь, уже сменилось три режима, но ни один, насколько я помню, никому не запрещал торговать.

РИЕЧАН. Как здесь чисто, будто и не было бойни.

ЛАНЧАРИЧ. Пока не было другой работы, я навел здесь приличный ренд, то есть порядок. Кохарый, мой старый мештер, он хотел все это уничтожить, чтобы чехам не досталось. Понимаете, здесь и словаков зовут чехами.

РИЕЧАН. А я думал, что их зовут бутатот — глупыми словаками.

ЛАНЧАРИЧ. И так, и так тоже. Когда как. Мештерко, вы знаете анекдот про одного старого параста — крестьянина, значит, который пришел в курвагазу, то есть в бордель?.. Вошел он, попросил книгу с картинками, выбрал для себя этакую… Заплатил хозяйке, пошел наверх и видит, что та, ну, которую он выбрал, голая, в чем мать родила! Когда он увидел это, скажу вам прямо, страшно разозлился, да как заорет: «Ни в коем случае! Одевайся и тикай!»

РИЕЧАН. Ну ладно. Значит, клянусь Богом, мы

будем здесь вдвоем. А пока я поеду за семьей, ты здесь посторожи.

ЛАНЧАРИЧ. Я так и делал. Здесь, мештерко, ничего не пропадет, поверьте мне!

РИЕЧАН. Я вижу. Только вот не знаю, будет ли у нас с тобой для начала работа.

ЛАНЧАРИЧ. Меня вы даром кормить не будете, мештерко!

Картина 2

Улица, на которой расположена мясная лавка.

РИЕЧАНОВА. Боже милостивый, Штево, что здесь за люди? Им кажется смешным даже наш праздничный наряд. Ты видел, как они таращились на нас?

РИЕЧАН. Нет, они не смеялись. С чего бы им смеяться?

РИЕЧАНОВА. И над нашей Эвкой они тоже смеялись. Мы все для них — посмешище. Чем это здесь так воняет?

РИЕЧАН. Хлоркой.

РИЕЧАНОВА. Фу. Кто знает, сколько времени нам придется здесь бедствовать. И еще этот помощник! Мы будем кормить чужого человека!

ЭВА. Если бы хоть подружки могли мне сюда

писать. Ведь я им талдычила… Пишите! Пишите, все равно о чем, обо всем пишите, а то я умру с тоски.

РИЕЧАН. Не бойся, Эвка, все будет в полном порядке, а ради тебя я буду работать как вол. Я позабочусь о тебе… *(Хочет ее погладить.)*

ЭВА. Оставьте меня. Я устала.

РИЕЧАНОВА. Боже милостивый, Штево, куда нас занесло?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Добрый день, дамы! Приветствую вас в городе, через который промчалась омерзительная война. Она оставила здесь гору мертвых и множество негодяев. Женщин она превратила в истеричных кошек, а мужчин — в импотентов.

РИЕЧАН. Оставьте нас, пан Филадельфи.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Я вас обидел?

РИЕЧАН. Нет.

ФИЛАДЕЛЬФИ. В самом деле, я вас не обидел?

РИЕЧАН. Нет, правда нет.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Если я вас обидел, вы спокойно можете влепить мне пощечину.

ЛАНЧАРИЧ. Пошел отсюда, Филадельфи. Не надоедай, ты муха назойливая! Назойливая муха улетает! Я прощаюсь с вами, дамы!

ЛАНЧАРИЧ. Проходите. Я еле вас дождался.

Квартира РИЕЧАНА.

ЛАНЧАРИЧ. Я здесь немного покрасил… и мебель привел в порядок. Все недостающее я притащил из брошенных домов. Ну, мештерко, и вы, хозяюшка, и вы, барышня, садитесь и ешьте столько, сколько в вас влезет. *(Приподнимает шляпу.)* Итак, приветствую вас в Паланке! *(На голове у него лежит мешок.)* Ой-ой-ой… я совсем забыл. Вчера я разнес немного мяса знакомым… здесь ваш первый барыш. Немного серебра и пара золотых монет. Да, я уже знаю, что вы пьете только крепкие напитки, поэтому я раздобыл черешневую паленку. За ваше здоровье!

РИЕЧАНОВА. Что скажешь, Штево?.. Ну скажи же что-нибудь!

РИЕЧАН. А что я должен тебе сказать?

РИЕЧАНОВА *(Помощнику).* Ну что ж, благодарим. Вы производите впечатление расторопного торговца. У вас есть это… Как это говорят в городе?

ЛАНЧАРИЧ. Я не знаю, что вы имеете в виду, ну, да! Есть, конечно, есть! Посмотрите хорошенько на мою руку.

РИЕЧАНОВА. Да… мощная ручища. У нас говорят… такой лапой можно и вола убить!

ЛАНЧАРИЧ. Она у меня оттого такая сильная,

что с самого детства я должен был подавать ее бывшему мештеру. А он мне сжимал ее изо всех сил. Сколько раз я чуть было не потерял сознание, едва в обморок не упал. Но настала пора, и я смог сдавить ему руку так, что он даже вскрикнул: «Цццц, иии, вот дерьмо!» А после он уже все работы на бойне доверил мне!

РИЕЧАН. И я доверю. Обустраивай все, как ты считаешь нужным.

ЛАНЧАРИЧ. Вот… милостивый господин, ешьте. В Паланке с давних пор ели так, как в других местах молились: до потери сознания! А теперь я вам кое-что покажу. И вы смотрите, хозяин, я уже знаю, что вы — порядочный человек и что вы не выгоните меня отсюда. Итак, глядите хорошенько *(отодвигает крышку на полу).* Видите? Там — тюки с английской тканью, меха, табак, мештер… Табак! Серебряные приборы, швейные машинки «Зингер», дорогие картины, патефоны, чешские гранаты… то есть камни! И хромированная гармошка!

РИЕЧАН. Да ты богач.

ЛАНЧАРИЧ. Это все наше. Яму мы с Кохарым выкопали еще во время войны, на всякий случай. И видите, пригодилась. Что скажете? С этим уже можно начинать торговлю, черт подери!

РИЕЧАН. Я надеюсь, что все это ты не своровал?

ЛАНЧАРИЧ. Что? Ни в коем случае! Ну уж нет! Все — нет. Кое-что я выменял у солдат на паленку. Кое-что осталось от Кохарого, ну а остальное, признаюсь, я приволок из брошенных домов. У многих вещей уже нет хозяев. Ведь я старался не для себя: для вас и для вашей семьи. Мештерко, вы ведь знаете, какая сейчас обстановка? За деньги уже ничего не купишь, ведь какой дурак станет продавать за послевоенные бумажки?

РИЕЧАНОВА. Скажи что-нибудь, Штефан!

РИЕЧАН. Это... ну, я не знаю, что со всем этим делать...

ЛАНЧАРИЧ. Ладно, сделаю, что-нибудь придумаю. А теперь отдыхайте после дороги. *(Уходит.)*

ЭВА начинает канючить.

РИЕЧАНОВА. В чем дело? Что случилось?

ЭВА. Я как-то не могу здесь привыкнуть. Если бы я хоть знала, что мне напишут подруги... что там у нас нового.

РИЕЧАНОВА. Не бойся, напишут. И не канючь. Это отвратительно, когда канючат. Иди ложись.

ЭВА уходит.

РИЕЧАНОВА. Давай и мы ляжем. Что скажешь, Штевко?

РИЕЧАН. Самое время отдохнуть.

РИЕЧАНОВА *(начинает раздеваться).* Этот Волент, Штевко, как говорит твоя мамаша, наше спасение.

РИЕЧАН *(тоже раздевается).* Угу. Он в порядке. Однако нам следовало бы быть все же поосторожнее.

РИЕЧАНОВА. Ты за ним поглядывай, и я с него глаз спускать не буду. Но ведь такого человека днем с огнем не сыщешь. Ты видел?.. И гармонику для нас раздобыл. Хромированную!

РИЕЧАН. Знаешь, было бы лучше, если бы я своему помощнику был бы обязан и благодарен как можно меньше. Лучше бы наоборот.

РИЕЧАНОВА. И так хорошо, и этак! Я стану выращивать на окне бальзамин, и больше мне ничего не надо. Мы хорошо сделали, что подались сюда.

РИЕЧАН *(ложится в постель).* Ну… не говори гоп! Ведь мы еще не перепрыгнули.

РИЕЧАНОВА *(ложится в постель, старается перебраться через мужа. Но вдруг со смехом наваливается на него всем телом и закрывает его собой. С минуту на нем ерзает и страстно сме-*

ется, но постепенно утихает, замирает. Затем переваливается на свой край кровати и с упреком продолжает). Не бойся, раз уж мы сюда притащились, как-нибудь перепрыгнем. На одной ноге, как говорится! Ты стал какой-то не такой… с тех пор, как вернулся с гор.

РИЕЧАН. Какой не такой?

РИЕЧАНОВА. Ну, это самое… Как тебе сказать?

РИЕЧАН. Ты удивляешься? Меня били резиновой палкой по почкам. В быстрицкой школе. Это пришлепнуло бы даже быка, не то что мужчину.

РИЕЧАНОВА. В жизни всякое случается. Некоторые и не такое пережили, а все равно остались мужчинами. Не принимай ты все так близко к сердцу. Пройдет время, все забудется.

РИЕЧАН. Лучше бы у меня память отшибло… Хотя у меня ее и так нет! Никак не могу вспомнить, как звали того чиновника, который отдал мне эту лавку. У него была такая добрая фамилия.

РИЕЧАНОВА. Спи! Спи уж! И не храпи! Если будешь храпеть, я тебе двину кулаком меж глаз, вот увидишь!

Картина 3

Улица, на которой расположена мясная лавка.

ВИЛЬМА. Он обнял меня… да так прижал к себе, что у меня аж в глазах потемнело.

НЕЛА. Волент?

ВИЛЬМА. Ну да, Волент, ведь я тебе целый час толкую об этом. Я почувствовала его горячее дыхание с запахом вина и жареного мяса. Играли танго, и мы, как пьяные, кружились на паркете…

НЕЛА. Я не признаю танго! В общем-то да, но для этого я тоже должна немного выпить. А что ты перед этим говорила о мясе? Что оно полезно?..

ВИЛЬМА. Да, спроси у кого хочешь. В мясе больше всего витаминов. Сейчас всякие болезни ходят, лекарств нет, так хотя бы мясом отъесться!

Из мясной лавки выходит РИЕЧАН.

НЕЛА. В мясе витамины?.. Впервые слышу. Так вот почему мясники такие здоровые!

ВИЛЬМА. Да, поэтому-то они такие буйные. И у них такие хорошие манеры, поверь мне! Я раскусила этого Волента. Такой мясник слопает тарелку мяса, а потом раз-два — и хватается за нож… А еще — лезет под юбку! Мясник есть

мясник!

НЕЛА. А-а-а-а, доброе утречко, пан Риечан!

РИЕЧАН. Доброе утро.

НЕЛА. Вы слышали, что говорит Вильма?.. Что, мол, мясо полезно.

РИЕЧАН. Полезно так полезно. Говорят, что квашеная капуста еще полезнее. Но мяса у нас достаточно, сегодня каждому хватит. И вам тоже, барышня Нела.

НЕЛА. Я рада. Стою здесь с раннего утра. Пришла сюда еще затемно. Такой мороз, я прямо-таки окоченела!

РИЕЧАН. Да, мороз крепчает. Но если бы вы знали, какая зима у нас там, на севере… Там, коли мороз, так уж мороз. У меня до сих пор палец на ноге белый: отморозил. Если будут замерзать кончики пальцев, то вы сделайте руки так, как будто молитесь. И тихонько на них дышите. Вот так… *(Дышит Неле на кончики пальцев.)*

ФИЛАДЕЛЬФИ. Милые дамы!.. Я принес вам радостное известие. Близится конец света! На небе появляются знамения… Звезды с хвостиком, затмение солнца. А к тому же еще эти самоубийства, жестокое насилие, дети стали обращаться к родителям на «ты» и запросто их приветствовать: Servus! И что хуже всего… женщины носят брюки

и стригутся под мальчиков. Катастрофа!

НЕЛА. Шли бы вы домой, пан Филадельфи. Вы всю ночь развлекались, жена вас уже наверняка заждалась…

ФИЛАДЕЛЬФИ. Нела… Нелочка, улыбнись мне! Вечером я стучал в твое окошко. Стучал. Почему ты мне не открыла? Ведь все равно когда-нибудь ты мне откроешь!

РИЕЧАН. Пан Филадельфи, вам бы не следовало с женщинами так грубо… Не положено.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Я? Поймите, пан Риечан… обе мировых войны выиграли женщины. А что стало с мужчинами? Они превратились в дерьмо, посмешище без воли и характера.

РИЕЧАН. Ступайте уж в свою аптеку, пан Филадельфи, ступайте.

ФИЛАДЕЛЬФИ. А знаете, что больше всего плохо действует на мужчин? Политика! Гнусная политика! Известные изобретатели и правители превращаются в обычных политических болванов. И им уже вообще ничего не хочется, скоро даже женщины должны будут стелиться перед ними… Дабы чем-то заманить.

ЛАНЧАРИЧ *(входит).* Кези чоколом — целую ручки, милостивые пани! Я уже, это самое, будьте так добры, беспокоился, что вы не придете… ведь

такой холод. Я уже говорил себе: Волент, зачем ты, апикам, то есть папочка, вместе с ме-щерком приготовил это отличное мясцо, все равно никто не придет! Сейчас милостивые пани лучше всего чувствуют себя в тепленьких постельках! Вот там они порадуются! Что, разве я что-то не то сказал? Раз хорошо, значит, хорошо, правда? Ведь я не обманываю? *(Вдруг приподнимает Филадельфи.)* Так что, любезные пани, хотите целиком или порезать?

ФИЛАДЕЛЬФИ *(вырывается).* Ты досмеешься, Волентко, как только исполнятся пророчества Сивилл[39], вся спесь с тебя сойдет,

ЛАНЧАРИЧ. Исчезни, ты, чахоточный!

ФИЛАДЕЛЬФИ уходит.

ЛАНЧАРИЧ. Милостивые пани, когда я узнал, что вы здесь ожидаете мясцо, сразу надел свадебную рубашку, вот, поглядите… а потом так стал носиться и искать штаны, как тот мадьяр в кукурузе.

ВИЛЬМА. Послушай, Волент… сколько котлет ты слопал утром?

ЛАНЧАРИЧ. Семнадцать?.. Даже и не знаю, па-

---

[39] Примечания: 39

Сивиллы (Сибиллы) — в античной культуре пророчицы и прорицательницы, экстатически предрекавшие будущее, зачастую бедствия.

ни Вильма. А еще три отбивные и два половника феферонов. Ну и триста грамм вина, конечно!

ВИЛЬМА *(к Неле).* Ты слышала? Будь осторожна, смотри, чтобы он тебе под юбку не залез!

НЕЛА. Волентко… а для жарки у тебя что-нибудь найдется?

ЛАНЧАРИЧ. Для тебя у меня все найдется! Твой противень для мяса не останется пустым!

НЕЛА. Волент! Прекрати, я уже краснею.

ЛАНЧАРИЧ. Нела, я такое мясцо тебе дам, что, когда ты начнешь его жарить, в Будапеште будут крутить носами. Будут крутить и гадать… И что это та Нела Лаукова жарит? Что бы это могло быть? А-а-а. О-со-бо-е мясцо от пана Риечана! Кто мечтает о хорошем мясце, тот обязательно придет к Риечану, а кто не придет, тот пусть катится колбаской…

РИЕЧАН. Волент… открывай магазин, чтобы люди не стояли на морозе.

ЛАНЧАРИЧ. Как скажете, мештер. Пожалуйте, милостивые пани. Я с нетерпением жду, когда смогу вас обслужить.

Картина 4

Квартира РИЕЧАНА.

РИЕЧАНОВА *(повсюду раскладывает деньги). Я* думала, что не привыкну здесь, а видишь, Эвка, понемногу привыкаю. Этот Волент — торговец, на него можно положиться! Подай мне чемодан с деньгами, Эвка.

ЭВА достает из-под кровати чемодан.

Не этот, ты что, не видишь, он уже полный?

ЭВА *(вытаскивает другой чемодан).* Вам не кажется, что эти деньги какие-то…

РИЕЧАНОВА. Какие?

ЭВА. Какие-то нечистые.

РИЕЧАНОВА. Почему? Разве они пахнут?

ЭВА. Нет, но этот Волент имеет дело с такими странными людьми. Они совсем не похожи на приличных торговцев.

РИЕЧАНОВА. Откуда ты знаешь?

ЭВА. Я слышала, как он вам говорил о том, что что-то затевает с контрабандистами.

РИЕЧАНОВА. А я уж испугалась, что ты узнала об этом от отца. Он ничего не должен знать.

ЭВА. А для вас это не имеет значения?

РИЕЧАНОВА. Что, моя хорошая? Что для меня не имеет значения? Мне уже давно все известно о его делишках! Я знаю и держу язык за зубами… потому что это и для твоего счастья тоже, Эвка. А

в случае чего мы просто обе прикинемся дурочками! Что мы ничего не понимаем. Ясно? Ведь мы — всего лишь обычные женщины, мы не можем все понимать.

ЭВА. Поняла. А деньги сложим в чемодан?

РИЕЧАНОВА. Ага. Ровненько, стопками, чтобы сразу было видно. Понимаешь, с контрабандистами сейчас имеет дело каждый ловкий торговец, так почему бы и нам, Риечанам, отставать от них? Что, разве мы другой породы, что ли?

ЭВА. Нет, конечно. Думаешь, Волента не перестанет это интересовать, раз уж он делает это ради нас… а не для себя?

РИЕЧАНОВА. Не беспокойся, я сумею заинтересовать его, сумею! Он сам говорит, что у него такое чувство, будто он работает ради своей семьи. И ты воспринимай его как своего! Я ему время от времени простирну рубашку… и всякое такое. Да. Редкостный человек этот Волент. Когда даешь ему деньги для дела, он притащит две телки, а деньги возвращает. Или эти свиньи… десять поросят — и все даром!

ЭВА. А мне он сказал… Посмотрите, барышня, какой у этого хряка закрученный хвост.

РИЕЧАНОВА. А ты что?

ЭВА. Ничего. Засмеялась.

РИЕЧАНОВА. И над чем же ты смеешься?! Что смешного в этом хвосте?

ЭВА. Да так, смешной он был… такой закрученный, как ус.

РИЕЧАНОВА. Да ну тебя… *(Смеется.)* Как ус? *(Серьезно.)* Не бойся, Эвка, я хорошо тебя пристрою! Но ведь кроме приличного приданого тебе надо выглядеть как девушке из высшего света. Ты не должна смеяться над каждым хвостом… *(Смеется.)* Он и правда был как ус. *(Становится серьезной.)* Мы должны принарядиться и при этом, как говорится, корчить из себя господ. Помоги-ка мне с этим чемоданом.

КУКИ *(входит).* Добрый вечер! Не помешал?

РИЕЧАНОВА. Нет, нет, проходите. Мы вас ждали, пан Куки.

КУКИ. Меня немного задержал почтальон… Он вручил мне для барышни письмо… Будьте любезны, Эвка. Вы не сердитесь, что я стал послом… любви?

ЭВА. Это от подружек… Обещали написать, вот и написали.

РИЕЧАНОВА. Я оставляю вас одних. Пан Куки, порепетируйте немножко с моей девонькой, поупражняйтесь с ней! Видите, как она смущена. Боже, как я завидую этим вашим белым ручкам.

А когда вы бегаете пальцами по пианино… Боже! А как поживает ваш папочка, пан адвокат, хорошо?

КУКИ. Понимаете, он уже пожилой человек. Он хочет, чтобы я все время сидел дома. Он едва согласился, что я собираюсь давать уроки на пианино барышне. Я его долго уговаривал.

РИЕЧАНОВА. Да, да, осторожный человек, разумный человек! Ну, я пошла. А вы поупражняйтесь с Эвкой как следует, потому что она не занималась. Понимаете, конец недели, всякие проблемы с бухгалтерией. *(Уходит.)*

КУКИ. Сегодня я буду весь вечер играть вам вальсы, хорошо?

ЭВА. Ладно. Я только хотела спросить… как вам удается сохранить такие красивые белые руки?

КУКИ. Не знаю. Может, они белые потому, что я болен. Я даже не доучился из-за этого.

ЭВА. Да, я знаю. Мама говорили, что вы полгода лежали в Гагох…

КУКИ. Мама говорили?.. А почему это вы с мамой на «вы»? Ведь это просто смешно! *(Начинает играть на пианино сентиментальный вальс.)* Почитайте мне что-нибудь из вашего письма. У вас такой красивый голос. Такой чистый!

ЭВА. Но я не знаю, будет ли вам это интересно.

КУКИ. Читайте спокойно.

ЭВА *(читает).* ...а еще я хочу тебе сообщить, что твоя подруга Марка вышла замуж и уже ожидает маленького... и Анечка, та тоже собиралась замуж, представь себе, за Йожа, ты ведь его знаешь, но на него опрокинулась телега, он сломал себе ребра, и свадьбу отложили... а те, кто были в Германии в лагерях[40], уже вернулись, а Палё не вернулся... *(Перестает читать, сдерживает плач.)*

КУКИ. Что такое? Что случилось?

ЭВА. Ничего, ничего...

КУКИ. Это что за слезы?

ЭВА. Там, у нас, на севере, был ученик... Его звали Палько. Мы любили друг друга, он меня иначе как Эвичка и не называл. Он говорил мне... Эвичка, у тебя глаза как терновые ягоды. И его тоже немцы отправили в лагерь!

КУКИ. Гм... Эвичка! Эвча, и в самом деле у тебя глаза как терновые ягоды! Прости... я могу тебе говорить «ты»? И ты мне можешь.

ЭВА. Попробую.

КУКИ. «Сказки Венского леса»! Прекрасный вальс, не правда ли, Эвча?

---

[40] Примечания: 40

Имеется в виду возвращение словацких военнопленных из Германии после окончания Второй мировой войны.

ЭВА. У тебя такие белые руки, будто из слоновой кости.

Входит РИЕЧАН и с любопытством смотрит на молодую пару.

ЭВА. Что вам надо? Оставьте нас в покое! Здесь вам не лавка, вам здесь нечего делать… Разве вы не видите, что мы упражняемся на пианино?.. А вы входите в сапогах, как деревенский извозчик… Уходите прочь!

РИЕЧАН выходит на улицу.

Улица, на которой расположена мясная лавка.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Это странно, пан Риечан, правда, странно!

РИЕЧАН. Что именно, пан Филадельфи?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Ну… что когда темнеет, то на небе появляются звезды. Странно. Если бы вы посмотрели вверх, на эти звезды, вы обязательно бы спросили: «Сколько мне еще осталось жить? Что меня ждет?»

РИЕЧАН. Ага, мне иногда это тоже приходит в голову.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Господи ты боже мой, пан Риечан… И что только творится на этом свете?

РИЕЧАН. Что такое?..

ФИЛАДЕЛЬФИ. Вы не слышали? Парикмахера

нашли с простреленной головой… Если чего и можно было ожидать, так это того, что он перережет себе горло бритвой. А он застрелился. И Киралый тоже кончил жизнь самоубийством.

РИЕЧАН. Какой Киралый?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Ну, тот самый, Киралый! Ваш сосед, тоже мясник в Паланке. И это уже третий случай самоубийства за последний месяц. Что скажете, пан Риечан?

РИЕЧАН. Не знаю. Думаю, что все это судьба. Человек совершает то, что должен совершить. Я тоже никак не пойму, что происходит со мной в последнее время. Сердце как-то давит, сам не знаю почему.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Сердце! Ага, сердце… вот это да! Представьте себе, вчера вечером я постучал в окно к Неле Лауковой, и она чуть было… она его уже почти открыла!

РИЕЧАН. Оставьте Нелу в покое! И как только вы можете быть таким дерзким?.. У меня действительно слабое сердце.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Мир испорчен, пан Риечан. Всем правят люди из тайной организации, всем! А нам остается только беспомощно взирать на это.

РИЕЧАН. Военный врач на призывном пункте мне сказал… сердце — это всего-навсего мышца,

мышца — и ничего более. Да, странный, господи, какой странный! Слишком много всего странного. И то, что в моем доме играет пианино. Странная вещь!

ЛАНЧАРИЧ *(входит).* Мештерко, мне надо вам кое-что сообщить.

РИЕЧАН. Что именно, Волент?

ЛАНЧАРИЧ. Пойдемте-ка ко мне, устроим у меня один большой дебатшаг, то есть разговор. *(Хватает Филадельфи.)* Слушай, ты, Филадельфи, ступай-ка ты домой, выпей чашечку лимонада… ложись в постель и не будоражь уважаемых людей… Ступай!

ФИЛАДЕЛЬФИ. Домой? Меня уже опять мучает жажда. Пойду-ка я приземлюсь в ресторане «Централ». Вы мне здорово поднадоели, господа! Слышите? За мостом гудит поезд. Боже, как мне тоскливо! Поезд исчезает, гудит, мои глаза увлажняются от слез, и мысленно я читаю Байрона.

В мясной лавке.

РИЕЧАН. Ну, говори, что у тебя нового? Достал табак?

ЛАНЧАРИЧ. Достал. Но у меня есть кое-что и поинтереснее.

РИЕЧАН. Продать?

ЛАНЧАРИЧ. Перво-наперво я кое о чем спрошу вас, мештерко. Что сейчас делают все гентеши все мясники, значит, получше нас в Паланке?

РИЕЧАН. Не знаю. Богатеют?

ЛАНЧАРИЧ. Вот именно! Правильно, и это, я вам скажу, то, что нужно! Потому что и мы, слава богу, не должны ронять слезы. Так или не так? Многие сейчас переселяются на самые лучшие улицы, покупают самые что ни на есть лучшие дома. И нам никак нельзя от них отставать, потому как в один прекрасный день карты могут лечь иначе, мяса будет столько, что люди станут выбирать, копаться. А после они будут выбирать себе и мясника. Понимаете? Здесь, мештер, здесь каждый хочет разбогатеть, и притом — быстро и без труда. А потом — солидно выглядеть, мол, все это я добыл собственным трудом… Понимаете?

РИЕЧАН. Не понимаю.

ЛАНЧАРИЧ. Ну и ладно. Мештер, мы не должны ни в чем отставать, а я гарантирую вам, что если вы будете слушаться меня, то мы действительно станем первыми. Ну а теперь давайте-ка выпьем, потому что сейчас последует самое главное. *(Оба пьют.)*

РИЕЧАН. Ну, говори.

ЛАНЧАРИЧ. Вы хотели бы угодить пани Риеча-

новой и барышне Эвичке, не правда ли?

РИЕЧАН. Угодить? Может, и да.

ЛАНЧАРИЧ. Ну так у меня есть одно распрекрасное дельце, за которое вы будете меня благодарить.

РИЕЧАН. Что за дельце?

ЛАНЧАРИЧ. Старая Шелмешичка, что живет на Парковой, говорит, что она тут совсем одна, как дерьмо в траве. Она всегда так противно говорит. Говорит, что хотела бы переехать к керестланьке — крестнице, значит, в Венгрию. Но она, мол, не знает, как ей быть с имуществом.

РИЕЧАН. А чем мы можем ей помочь?

ЛАНЧАРИЧ. Вы уже видели ее дом? Нет? Ну, речь идет о том, что этот ее дом, мештерко, мог бы стать вашим.

РИЕЧАН. Волент, но ведь нам же есть где жить.

ЛАНЧАРИЧ. Мештер, не будьте дурачком! Ведь вы можете получить такой дом, ради которого другие отправились до менёрсагу, то есть на небеса!

РИЕЧАН. А где достать столько денег?

ЛАНЧАРИЧ. Столько всегда найдется.

РИЕЧАН. Я не могу ухнуть все свои деньги, потому что подвернулся этот дом.

ЛАНЧАРИЧ. Почему все?.. О чем это вы? Я отправился к этой вдове Шелмешичке только из-за того, что это нельзя больше откладывать. Я позвонил — ведь у нее в саду живет фаркаш кутуш — овчарка. Потом она вышла и спрашивает, чего, мол, я хочу? Я ей все и рассказал. Поначалу она раскричалась, что, мол, чеху дом не продаст, то есть вам, тут, мол, чехи словаков, понимаете… Но я пригрозил ей, что, мол, она ругает самого лучшего человека, которого я здесь знаю. Понимаете?

РИЕЧАН. Понимаю, понимаю, но что же такое ты ей, собственно говоря, сказал?

ЛАНЧАРИЧ. Я сказал ей, что, мол, слышал, что она не хочет оставаться здесь, что, мол, никого здесь у нее нет, да и за бугром не будут ей особенно рады, если она приедет ни с чем. Здесь у нее всего полно, но ей все равно не разрешат это с собой утащить. Она расплакалась, что, мол, не знает, как ей быть. Я ей говорю, что вот поэтому-то я и здесь, чтобы все уладить и чтобы она была спокойна.

РИЕЧАН. Я все никак не пойму, что ты хочешь сказать, Волент.

ЛАНЧАРИЧ. Вы, мештерко, когда она вас позовет, купите по дешевке этот дом. Задаром, понимаете, задаром! Остальное — моя работа. У

меня есть свои кореши, а у тех за бугром — свои. И они всё, что будет у старухи, переправят на ту сторону, там вручат ее крестнице, которую она так любит, потому что она у нее одна-единственная. Ну а вы как будто ни при чем…

РИЕЧАН. Волент, я боюсь таких дел.

ЛАНЧАРИЧ. Боитесь? Но ведь я сказал вам, что вы ничего не знаете. Мештер, да я потеряю сон, если не сделаю все для того, чтобы отблагодарить вас за то, что вы меня не выкинули. Что вы приняли меня как своего.

РИЕЧАН. Такой дом… Но как это сделать?

ЛАНЧАРИЧ. Да, я за вас это оптяпать не смогу. Но ведь вами здесь никто не интересуется. Бумаги у вас в порядке. Ваш отец был в гарде, вы — партизан! И вы не выступали против новой республики. Сдается мне, что дело в шляпе. Завтра я на пару дней уеду, а когда вернусь — скажу, что дом — ваш, и все тут.

РИЕЧАН. Мне все это надо переварить. Утром я скажу, что решил.

ЛАНЧАРИЧ. Спите спокойно, мештерко. Доброй ночи!

Картина 5

Квартира РИЕЧАНА.

РИЕЧАНОВА. Ну что?

РИЕЧАН. Что — что?

РИЕЧАНОВА. Ну, как там? Ну… чего ты решил с этим домом?

РИЕЧАН. Откуда ты знаешь? Кто тебе сказал?

РИЕЧАНОВА. Ой, ты так спрашиваешь, будто только что родился! Я его уже успела посмотреть. Ай-й-й-й, как я рада, боже мой! Такой дом! Этот Волент просто чудо! Вот это помощник!

РИЕЧАН. Ну да, как торговцу ему нет равных. Но иногда он не знает меры и с алкоголем перебирает, и в других делах тоже… Но в мясе он разбирается, согласен!

РИЕЧАНОВА. Я вот все думаю, Штево, хватит ли у нас места, если к нам приедут еще два человека.

РИЕЧАН. Какие еще два человека? О ком это ты?

РИЕЧАНОВА. Ну, ты же хотел взять ученика…

РИЕЧАН. Я?

РИЕЧАНОВА. По крайней мере, Волент так говорит. А мне нужна прислуга.

РИЕЧАН раздевается.

РИЕЧАНОВА. Ты слышал, Штево? В Паланк прибывают новые военные. Русские возвращаются домой, а республике нужно мощное войско. Уже оборудуют офицерские квартиры, и мы должны, как говорит Волент, подумать об их пропитании. Я имею в виду мясо, понимаешь.

РИЕЧАН. Ты уже лезешь в торговые дела, тебе этого делать не следует.

РИЕЧАНОВА. Не вешай сюда эти смердячьи извозчичьи тряпки! Меня от этой вони тошнит! И когда только ты станешь нормально одеваться? Ты что, не понимаешь, что ты живешь в городе?!

РИЕЧАН *(ложится в постель). Я* привык к этой одежде. Она мне нравится.

РИЕЧАНОВА. Нас ожидают дела, Штево, большие дела. В новом доме надо кое-что отремонтировать, достать материал, рабочих… До Рождества нам бы уже надо было переехать. Воленту нужна кровать получше и новая перина. Там, у нас, на севере, килограмм краски стоит 800 крон. Ох, напрасный разговор. У тебя ноги как лед. Штево, я так рада, что ты уговорил меня перебраться сюда. Штево. *(Наклоняется и что-то шепчет мужу.)*

РИЕЧАН нервно встает.

РИЕЧАНОВА. В чем дело?..

РИЕЧАН. Ничего. От всего от этого у меня нервы разошлись. Скажи мне по правде, почему наша Эва всегда отталкивает меня, как собачонку. Ты обратила внимание, что она смотрит на меня исподлобья. С тех самых пор, как я добровольно вернулся, ушел из партизан. С тех пор она сторонится меня. Ведь я сделал это из-за вас… Потому что наш президент сказал, что нам ничего за это не будет.

РИЕЧАНОВА. Не думай об этом, иди ко мне, ложись.

РИЕЧАН. Тебе легко говорить: не думай. А меня били резиновым шлангом по почкам! Меня, взрослого человека! Я не оправдал надежды, да… я должен был остаться в горах. Но ее… пренебрежение… обижает меня.

РИЕЧАНОВА. Не обращай внимания, Штево, это она все из-за Палё. Ведь ты же знаешь, как она его любила. Его немцы отправили в лагерь, а ты вернулся.

РИЕЧАН. Ну да, я вернулся, но ведь меня били резиновым шлангом. И если бы отец за меня не заплатил, меня бы увезли в лагерь. Как Палё.

РИЕЧАНОВА. Иди ложись!

РИЕЧАН. И почему только я такой доверчивый? Каждому иду навстречу, а самому себе не верю.

РИЕЧАНОВА. Не мучай себя, иди.

РИЕЧАН. Ага, я уже ложусь, но все-таки скажу тебе о том, что я чувствую. Этот мир болен!

РИЕЧАНОВА. Спи уж! Не болтай напрасно.

Улица перед окном НЕЛЫ ЛАУКОВОЙ.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Этот мир болен. И правда, болен! Это пациент, которого мы регулярно лечим, а главное — оперируем. Еще не кончилась одна операция, а уже начинается другая. А пациент никак не оправится от наркоза. Как все это действует людям на нервы. Каждый хочет быстро набить себе карманы, нагрести и завизжать от радости. Ведь нас уже ожидает очередная бойня! Ничего не меняется к лучшему, ничего! Как говорил Шекспир, одна только болтовня да детский лепет — никакого смысла. Эй, Нела… Открой! Пусти меня… или я сдохну здесь от тоски.

НЕЛА *(выходит).* Чего вы стучите, пан Филадельфи?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Я не стучу, это мое сердце бунтует. Нела! Ты еще долго будешь меня мучить? Твой фраер свалил, никто тебя не хочет, потому что ты — чистая душа. Ты не годишься для этого дикого

города. Я вижу, что тебе нужно излить душу.

НЕЛА. Ага, вы угадали. Иногда мне хочется кричать от тоски.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Пусти меня к себе. Я тебя выслушаю. Я — всего лишь несчастный аптекарь, который немножко разбирается в женском сердце. Ничего более.

НЕЛА. Идите домой, пан Филадельфи. Вас дожидается жена. *(Уходит.)*

ФИЛАДЕЛЬФИ. Подожди… я и в самом деле только хочу тебя выслушать. Прошу тебя, останься хоть на минутку. *(Филадельфи прикладывает ухо к Нелиной груди и молча слушает биение ее сердца.)* Как замечательно оно бьется, так чисто… великолепно!

НЕЛА. Ступайте домой, пан Филадельфи!

Картина 6

Квартира РИЕЧАНА.

ЭВА *(примеряет новое платье).* Вильма говорила, что она приехала сюда голая, совсем голая, как говорится, в одних трусах… Однако сумочка с косметикой — это да, та у нее была! А он, значит, с ней это… они поженились, мама… А когда он заметил, что у нее растет живот, так он на нее…

того… наплевал.

РИЕЧАНОВА *(учится ходить на высоких каблуках).* Потаскуха она, дочка, разве приличная девушка поедет за хахалем из самых Кошиц?

ЭВА. Из Жилины, мама!

РИЕЧАНОВА. Да нет же… Эва, а случаем, она не из Прешова?

ЭВА. Из Жилины!

РИЕЧАНОВА. Ага, из Прешова, нет, я подумала о другой. Но и та была, по-моему, из Штявницы. Так что, из Жилины? Приезжает сюда из такой дали, сама вешается на парня… На это способна только потаскушка!

ЭВА. Она истосковалась по парню… не могла дождаться… того…

РИЕЧАНОВА. Не говори все время так… Заладила: «Того!.. Того!» Над тобой смеяться будут. Вильма тебе уже говорила. Прикуси себе язык, когда это слово захочет с него сорваться.

ЭВА. Хорошо, хо-о-о-рошо, мама!

РИЕЧАНОВА. Потаскушка этакая! Приехала сюда брюхатая от другого! И что только эти молодые нынче себе позволяют… это… это… как его… ну! Как там Вильма говорит?

ЭВА. Скандальозно, мама-а-а!

РИЕЧАНОВА. Послушай, Эва, я бы тебе голову

оторвала, если бы ты спуталась с каким-нибудь проходимцем, поверь мне!.. Выпрямись! Голову держи прямо и не переваливайся из стороны в сторону, словно в кадке с капустой.

ЭВА. Тетя Валло посоветовала ему написать римскому папе… что, мол, он женился на ней, когда у нее уже было брюхо.

РИЕЧАНОВА. И что, написал?

ЭВА. Ну да.

РИЕЧАНОВА. И что, папа читает такие дурацкие письма? Он же святой человек… во всяком случае, так говорят. Да, скандальозно! А задница у меня не очень большая в этом платье?

ЭВА. Да ну тебя, мама, вот сейчас как шлепну. Мужчины заглядываются на тебя, разве ты не заметила? Когда ты идешь по улице, они кивают тебе даже с противоположной стороны.

РИЕЧАНОВА. Вот так, дочка, в городе проявляют уважение к женщинам. Умный мужчина всегда уважительный и внимательный…

Входит РИЕЧАН в нижнем белье.

РИЕЧАНОВА. Тем не менее за некоторых мужчин бывает стыдно!

РИЕЧАН. Жена, где моя одежда?

РИЕЧАНОВА *(показывает на новый костюм).*

Тут, где же ей быть?

РИЕЧАН. Это не моя одежда. После обеда, перед тем как вздремнуть, я повесил ее на стул… а сейчас ее там нет! Так где же моя одежда?

РИЕЧАНОВА. Говорю тебе, вот она!

РИЕЧАН. Нет… ага, вот она! *(Наконец находит ее. Одевается.)* Я надеюсь, вы не собирались ее сжечь?

ЭВА. Отец, вот ваш новый костюм, прямо под носом! Вы ходите как этакий, как тут говорят, голфойтош — голодранец. Как глупый Яно из Муоцы, на которого все собаки кидались. Я уже сто раз вам это повторяла. Ведь мы же — в городе!

РИЕЧАН. Эвка, не надо так злиться. Ты какая-то бледненькая. Подолгу засиживаешься с Куки в этом прокуренном «Централе», ложишься спать поздно. Будь осторожна, ведь раз-два — и схватишь какую-нибудь хворь.

РИЕЧАНОВА. Штево, не болтай! Последний раз тебе повторяю, следи лучше за собой, как мы с Эвой следим, а то плохо будет, вот увидишь! Мне уже надоели твои фокусы! Есть у тебя дело, вот и радуйся! Мне кажется, что ты испугался, что мы наконец счастливы, да?

РИЕЧАН. И ты называешь это счастьем, а я говорю: рано еще радоваться. Здесь, в Палан-

ке… да и вообще на свете. Разве человек может знать, что будет завтра? Я вот — нет. Так что не очень-то полагайся на это свое счастье, лучше полагайся на разум. Счастье — оно переменчиво, непостоянно… другие тоже его ждут, и им оно тоже перепадает. И еще вот что я тебе скажу. Кроме счастья бродит по свету и несчастье. Так что не задирай нос, Эва, не задирай его высоко! Кто понимает, что он смертен, тот, как говорит Волент, не обделается, если ему карта идет.

РИЕЧАНОВА. Не болтай языком, Штево, во имя Всевышнего, — не болтай! Я этого не люблю. Просто ты здешним в подметки не годишься! Потому-то и каркаешь. Ты сроду был как сыч. Где ты видишь здесь несчастье, где?.. Покажи! Разве только ты сам!

РИЕЧАН. Я только хотел сказать, что нечего всем показывать, как мы богатеем. Зачем?! Хорошо, радуйся своему счастью, но потихоньку. А мне не мешай следить за тем, как повсюду гуляет несчастье.

ЭВА. Отец, вы проспали время. У вас в голове гуляет горный ветер. Ух-ух-ууууууу! Так воет только глупый Яно из Муоцы. Здесь же звучат танго и фокстроты! *(Матери.)* Я пойду в свою комнату. Когда соберешься, скажи. *(Уходит.)*

РИЕЧАН. Она обращается к тебе на «ты»?

РИЕЧАНОВА *(сразу вдруг доверительно).* Меня это тоже немножко коробит. Но что поделаешь, раз она так начала. Мода, понимаешь ли, что тут скажешь?! Штево, мне так хочется, чтобы ты говорил мне ласковые слова, хотя бы иногда. Что-нибудь хорошее. Мне так этого не хватает. Понимаешь, я ни на что не жалуюсь… Но иногда ты бы мог со мной и пошалить, шепнуть, как тебе хорошо… ну и все такое, понимаешь.

РИЕЧАН. Хорошо.

РИЕЧАНОВА. Застегни мне, пожалуйста, молнию. *(Застегивает.)* Ой-й. Ты меня оцарапал. Покажи… у тебя сломался ноготь. Дай я его остригу ножницами.

РИЕЧАН. Не надо. Я его ножом…

РИЕЧАНОВА. Штево, прошу тебя, надень новый костюм и пойдем с нами. На курорте будет бал, танцы. Увидишь, ничего страшного. Поедем с нами на курорт, поедем. Штево… я тебя танго научу.

РИЕЧАН. Это не для меня. А Эве скажи, чтобы она не очень-то задирала нос. Вижу, что вы обе пустились во все тяжкие.

РИЕЧАНОВА *(резко).* Зато ты как был сычом, так и остался! Ни в лавке, ни в спальне от тебя

никакого толку! Ты понимаешь, что меня это обижает? Что я все время должна предлагать себя… что я уже стыжусь своих телесных желаний, которыми одарил меня Господь Бог. Не смотри на меня как теленок, здоровье у меня отменное, понимаешь, отменное! От тебя даже в кровати не услышишь ласкового слова, а мне так хочется говорить, говорить, говорить!.. И быть немного сумасшедшей, и посмеяться… Пошел прочь! Оставь меня! Иди и займись чем-нибудь, не стой здесь как соляной столп! Исчезни с глаз моих!

РИЕЧАН уходит.

Улица перед мясной лавкой.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Вы чем-то расстроены, пан Риечан? Опять сердце?

РИЕЧАН. Они одного не могут понять: почему я так дорожу этой одеждой. Я же не буду тыкать их носом и говорить, почему я такой суеверный. Как-то раз мне в голову пришла мысль, что если я от нее откажусь, то случится что-то нехорошее. И эта мысль меня постоянно преследует. Я не могу от нее избавиться.

ФИЛАДЕЛЬФИ. А вот меня преследует один и тот же сон… Нела Лаукова! Она уже почти открыла мне.

РИЕЧАН. Я должен носить костюм, к которому другие привыкли с детства? Мол, так будет лучше? Как же мне быть?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Вбейте в стену крюк, накиньте на горло петлю и… гоп! Это вам мой первый совет!

РИЕЧАН. Однако вы веселый парень, пан Филадельфи. Вы полагаете, что я из-за одежды должен…

ФИЛАДЕЛЬФИ. Какая еще одежда? Кто говорит здесь о несчастных тряпках? Я осознал это благодаря политике…

всеобщей коррупции. Вы считаете, что представители власти не обогащаются за счет населения, да? Все разворовали что только можно! А теперь уже разворовывают разворованное! А международная обстановка? Включите радио! От этого мирового бардака у вас сразу же расстроится приемник. Раз и — пук! Полная горсть аспирина и литр вина! Это вам мой второй совет!

РИЕЧАН. Что вы говорили… об этой Неле?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Я постучал, и она мне открыла. Еще немного, и я бы влез к ней. Такой уж я! Ничего святого…

РИЕЧАН. Боже правый, и куда только этот мир катится?

Конец первой части.

Часть II

Картина 7

В мясной лавке.

ЛАНЧАРИЧ. Мештерко, сегодня я угощу вас ужином.

РИЕЧАН. Меня ждут дома. Вы, наверное, что-то вкусненькое состряпали…

ЛАНЧАРИЧ. Не ждут. Я сказал им, что вы будете ужинать у меня. Мне нужно с вами обсудить одно дельце, иначе говоря, — дебатшаг.

РИЕЧАН. Я уже не поддамся на уговоры.

ЛАНЧАРИЧ. А мне ничего от вас и не надо. Так, разве что душевно потолковать. Мештерко, у меня получился замечательный ужин. Я смешал в этом блюде вкусы всех жителей Паланка, получилось — сказка! Ведь мы живем здесь, в этой навозной яме, как в Вавилоне! Считайте все вместе… словаки, венгры, потом еще чехи, сербы, хорваты, болгары… потомки переселенцев из Германии, России, Италии… я даже знаю две армянских семьи. А кондитер Беким? Он — албанец. Я перемешал все вкусы в этом блюде…

Попробуйте, мештерко!

РИЕЧАН *(пробует).* Замечательно! Здесь все вкусы, которые ты упомянул. Ты отличный повар. *(Продолжает есть.)* Хорошей едой и напитками может насладиться только рабочий человек.

ЛАНЧАРИЧ. Да вы что? Кто вам сказал эту глупость? Кохарый, тот не хотел палец о палец ударить, только просиживал в «Централе» да цыганам сотни приклеивал ко лбу. Но в хорошей еде и в вине он разбирался. Черт бы его побрал!

РИЕЧАН. Я если как следует потружусь, то чувствую на душе такое облегчение. Понимаю, что заслужил хорошо покушать.

ЛАНЧАРИЧ. Оставим это, мештер. Если бы ели только те, кто по-настоящему вкалывает, тогда мы не смогли бы продать столько мяса. А коль скоро я занимаюсь этим мясом… Я вот что вам скажу: ни одна лавка не обойдется без грузовичка. И наша тоже. Что скажете?

РИЕЧАН. Не начинай, Волент, я уже знаю, куда ты клонишь.

ЛАНЧАРИЧ. Мештер, можете меня не слушать, я только так, рассуждаю вслух. *(Делает вид, что заводит воображаемую машину, регулирует скорость, протяжно гудит и поворачивает руль.)*

РИЕЧАН. Ты что делаешь?

ЛАНЧАРИЧ. Мештер, сделайте вид, что мы играем… На какой машине поедем?

РИЕЧАН *(прислушивается к работе мотора).* Довоенная машина марки «Прага»?

ЛАНЧАРИЧ. Вы и в самом деле йош — иначе говоря, ясновидящий! Точно угадали.

РИЕЧАН. Ну да. Я так и слышу этот звук. Там, наверху, у одного богатого мясника тоже была «Прага». Великолепная. Я всегда мечтал о том, чтобы когда-нибудь заиметь точно такую.

ЛАНЧАРИЧ. Вы ничего не слышали?

РИЕЧАН. Нет, ведь ты знаешь, что я не очень-то общительный.

ЛАНЧАРИЧ. Некоторые мясники уже обзавелись машинами. Я знаю, о чем вы думаете. Что *я,* мол, всегда говорю: у тех уже имеется то да сё… Но я это потому говорю, что нам нельзя отставать. Понимаете? Мы всегда себе говорим, что мы не будем поступать по-свински, не будем зарабатывать на обмане, как это всякие прочие теперь делают, потому что мы, два, мештерко, мы — гентеши — мясники, значит. Не так ли?

РИЕЧАН. Так.

ЛАНЧАРИЧ. У нас, двоих, мештерко, своя дорога, чтобы было как можно больше хорошего мяса — и точка! И я могу его доставать. Нам везет.

Карта идет нам в руки. Но и другим тоже здорово фартит. Мы должны вытянуть еще лучшую карту и ударить ею по столу. Бац! Вот… Червонный туз! Но если у нас нет машины, чего вы добьетесь?

РИЕЧАН. Понимаешь, мне это не пришло в голову.

ЛАНЧАРИЧ. Нам нужна машинка, и как можно скорее, потому что вчера уже было поздно!

РИЕЧАН. Но в наше время достать хорошую машину — дело непростое.

ЛАНЧАРИЧ. Мештерко, я вас вот о чем спрошу… Вы знаете Фери Керешта… нет? Это автомеханик, у которого есть своя мастерская на Кладбищенской улице.

РИЕЧАН. На Кладбищенской? Нет, не знаю.

ЛАНЧАРИЧ. Не беда, зато я его знаю… Фери Керешта. А знаете, что у Фери есть дома? Угадайте. *(Делает вид, что включает скорость, и начинает изображать рев мотора.)* Ну?..

РИЕЧАН. «Прага»?

ЛАНЧАРИЧ. Хозяин, вы настоящий ясновидящий, как тот Ганусен. У Фери действительно есть старая «Прага»! Отличная машина, лучшей и не надо. Куда двинется этот Полгар на своей развалюхе?

РИЕЧАН. А ты хочешь состязаться и с Полга-

ром?

ЛАНЧАРИЧ. Хочу! Натянем ему нос! Этому Полгару! Пусть только хорошенько наберет скорость. У нас нет друзей в политике, как у него. Ему за копейку пригонят целый вагон свинины из чешского пограничья. Хорошо, нам плевать на всех политиков! У нас свои методы!

РИЕЧАН. Но ведь машина стоит больших денег.

ЛАНЧАРИЧ. Не всегда. Дело обстоит так: у цыганки Илоны есть мальчишка. И я знаю, что его ей нечаянно сделал наш Фери Керешт. Мы этого мальчишку возьмем к себе в ученики и еще к этому кое-что добавим Фери — какую-нибудь машинку «Зингер» или граммофон. И — машина наша… то есть — ваша!

РИЕЧАН. Гм. Ученик бы нам сгодился. Кишки мыть, бойню чистить… Ну да, нам и машина нужна.

ЛАНЧАРИЧ. Вот это идея! Машина нам нужна. Вы хорошо все придумали, мештер. Опрокинем еще по одной, ладно?

РИЕЧАН. Давай. *(Оба пьют вино.)*

ЛАНЧАРИЧ. Но этот Полгар не дает мне покоя, надо же, как ему все удается!

РИЕЧАН. Ну и пусть, все равно все это не так

просто… Кто знает, сколько мороки у него с этим? Наверняка эти политики держат его в кулаке. И сосут из него! Бог с ним.

ЛАНЧАРИЧ. Гей, мештер, вы все обдумываете, как какой-то попик. Вы не можете все время думать как это самое… хороший! Вы торговец… вы обделываете дела!

РИЕЧАН. А ты, разве ты плохой человек?

ЛАНЧАРИЧ. Я, значит, газембер, подхалим, каким и должен быть человек в торговле. Я — и вдруг хороший? На фиг! Мне если вдруг поповская мысль и придет в голову, я раз-два и скажу ей: брысь! Пошла вон, от тебя — одно зло! Хорошими могут быть только делишки в Ритьпалёвцах. Как у нас в Сербии говорят: когда делаешь добро, получишь пинка под зад.

РИЕЧАН. Не говори так, это отвратительно.

ЛАНЧАРИЧ. Как это отвратительно? Ведь это сказал один наш сербский патриот. Святая фраза… Как если бы ее произнес с амвона ваш Глинка[41].

РИЕЧАН. Так, по-твоему, хороших людей уже не существует?

ЛАНЧАРИЧ. Может быть, они где-то и живут,

---

[41] Примечания: 41

Андрей Глинка (1864–1938) — организатор (1918), руководитель клерикальной националистической Словацкой народной партии.

держу пари, существуют на свете и такие люди, которые уже не в состоянии ни есть, ни пить… и с женщинами не могут, а поскольку они уже ничего не могут, то им все равно… а потому они и могут быть хорошими. А когда они были в силе, они обделались, как те, что еще все могут.

РИЕЧАН. Ты, вероятно, никогда не хотел быть хорошим? Ни на минутку?..

ЛАНЧАРИЧ. Мештерко, это — один прибор… *(голова)…* Это — другой… *(живот),* а это — третий… *(пах).* И всем приборам что-нибудь да надо, поэтому я о них и забочусь! Что было бы, если бы у мужчины не было этих приборов? Я что-то не так говорю?

РИЕЧАН. А сердце?

ЛАНЧАРИЧ. Что сердце?

РИЕЧАН. Ну, сердце!

ЛАНЧАРИЧ. А я и забыл об этом. Ну что ж, и сердце будем считать прибором. Вот только куда мы его приделаем? Сюда?.. *(Пах.)*

РИЕЧАН. Волент, почему ты не женишься? Быть женатым лучше, не так ли?

ЛАНЧАРИЧ. Да?

РИЕЧАН. Думаю, что так.

ЛАНЧАРИЧ. У меня еще много времени, зачем спешить? Всегда подрастают новые барышни,

которых я могу, как я выражаюсь, положить под себя. И легче всего ложатся самые молоденькие. Когда им приспичит… так они уже не думают о морали. Они никогда не отговариваются, мол, нынче — нет, голова болит, у меня это самое… мигрень, поясница болит…

РИЕЧАН. Тебе бы надо жениться.

ЛАНЧАРИЧ. А-а-а-а… оставьте меня в покое! Стоит только один хомут надеть себе на шею, как уже никогда не узнаешь, что ты настоящий мужчина. Потому что замужняя уже не нуждается в хорошем мужике. Зачем? Ведь вы должны это знать лучше, чем я, ведь вы старше.

РИЕЧАН. Да… мужчина должен быть мужчиной. *(Уходит.)*

ЛАНЧАРИЧ. И к чему это он начал с этой женитьбой? Надеюсь, что он не собирается от меня избавиться? Мало я для тебя сделал… что ли?!

Картина 8

Новый дом РИЕЧАНА.

КУКИ. Когда ты сердишься, ты напоминаешь мне ягненка.

ЭВА. Почему ягненка?

КУКИ. Ты делаешься похожей на ягненка. Так

кротко, покорно сидишь… я бы даже сказал, что скучно. Тебя что-то беспокоит?

ЭВА. Сегодня мы были у врача.

КУКИ. Ой, с вами что-то случилось?

ЭВА. Ничего, ничего. Просто пошли показаться. Мама сказала, что теперь это модно, что так положено. Вот мы и пошли.

КУКИ. А мне прошлой ночью приснилась голая женщина! Она лежала в саду среди яблок, арбузов, красного перца… И грызла тыквенные семечки. Ты любишь тыквенные семечки?

ЭВА. Я больше люблю подсолнечные.

КУКИ. Мне всегда снятся такие необыкновенные сны. Если бы я тебе их рассказал, ты бы покраснела, как тот перец. Расскажи мне что-нибудь об этом Палё.

ЭВА. О каком?

КУКИ. Ну, о том, ученике… который тебя называл Эвчо.

ЭВА. Ага. Когда отец пошел в партизаны, то забрал его с собой. Они были вместе в горах. Когда мы сгорели, отец вернулся. Его закрыли в быстрицкой школе и там били…

КУКИ. Кого?

ЭВА. Но ведь я же говорю… отца били, и он потом лежал в амбаре. И вдруг он во тьме увидел,

что на него смотрят два знакомых глаза.

КУКИ. Это был Палё?

ЭВА. Да. Палько поймали немцы. Отец откупился… Дедушка заплатил за него. А Палько отвезли в лагерь. Оттуда он уже не вернулся. Кто знает, где он сейчас лежит. У многих такая участь, даже могилы своей не имеют… *(Расчувствовалась.)*

Входит РИЕЧАН и наблюдает за парочкой.

КУКИ. Мир отвратительный! Отвратительный и несправедливый. Разве я кому-то сделал что-то плохое, почему у меня больные легкие?

ЭВА. Почему ты не покажешься врачу?

КУКИ *(смеется).* Ты и в самом деле этакий ягненочек!

ЭВА. Как это? Ты смеешься надо мной?

КУКИ. Нет. Даю клятву всемогущему пенициллину, что я люблю тебя. У тебя глаза словно терновые ягоды, Эвча…

ЭВА. Когда мы вместе, у меня так кружится голова. (*Замечает отца.)* Что вам нужно? Чего вы все следите, как вонючий кучер?! Кто вас сюда звал? Исчезните… чтобы мои глаза вас не видели!

РИЕЧАН выходит на улицу.

Улица, на которой расположена мясная лавка.

Стоя на коленях, передвигается ФИЛАДЕЛЬФИ, будто собака, что-то ищет.

РИЕЧАН. Вы что-то потеряли, пан Филадельфи?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Да… потерял. Страшно важную вещь… пуговицу! Помогите мне ее найти.

Риечан наклоняет голову и учтиво помогает искать.

Мы пили в «Централе»… налакались до упаду. И Полгар, и этот албанский кондитер Беким. Потом мы начали о политике и по дороге домой подрались.

РИЕЧАН. Политика — худая вещь.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Худая?.. Это мерзкая гидра. Одну голову ей отрубишь, две вырастают. Мне-то вы можете поверить. Я пережил здесь пять режимов! Законы меняются здесь чаще, чем грязные рубашки… то же самое и языки в учреждениях, и названия улиц. Сносятся памятники и сразу ставятся новые… и за один и тот же проступок могут один раз арестовать, а в другой раз дать должность. Без конца меняются границы, гимны, стоимость коней и стоимость жизни. Что-то в Европе зашевелится, а здесь уже слышится свист кнута. А как только свистнет, остается две возможности — бежать прочь или поднять руки…

хенде хох, руки вверх!.. А-а-а-а, вот она! Нашел... Поздравляю тебя, моя дорогая, любимая пуговица! Ты застегиваешь воротник моей рубашки и делаешь из меня приличного человека. От всего сердца благодарю тебя.

РИЕЧАН. Вы — странный человек, пан Филадельфи.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Странный. Пойду постучусь к Неле Лауковой. Она пришьет мне пуговицу, и после я буду нашептывать ей в уши и уговаривать ее, чтобы она сотворила со мной самые гнусные вещи. Гнусные и смешные... и расчудесные! *(Уходит.)*

Картина 9

Дом РИЕЧАНА.

РИЕЧАНОВА. Штево! Штево, подойди сюда... быстро! У меня получилось. Здесь. Боже небесный, я сосчитала все, что мы приобрели, я все пересчитала, Штево, через наши руки прошел миллион! Мы — американцы... американцы!

РИЕЧАН. Зачем ты так кричишь? Не можешь потише?..

РИЕЧАНОВА. Штево, нам надо посоветоваться. Волент сказал, что настало время для того, чтобы

начать то, о чем он уже говорил… Ты должен решить, что и как. Ну, я думаю, что с тобой всегда можно договориться.

РИЕЧАН. О чем договориться?

РИЕЧАНОВА. Скажи-ка, Волентик, мастер интересуется.

ЛАНЧАРИЧ. Мештерко, я повторю только то, что уже говорил в конце зимы, когда мы забили последнего хряка из собственного… ну, это… свинарника. Я предлагаю арендовать старый хутор, что находится среди акаций.

РИЕЧАН. Постой… Давайте спокойно сядем и поедим.

Все садятся за накрытый стол и начинают обедать.

Ну, говори… какой хутор и для чего?

ЛАНЧАРИЧ. Ну, хутор. Среди акаций. Туда вообще никто никогда не заглядывает. Немножко поправим, а потом из двух амбаров сделаем свинарники. Достанем корм — ведь вы меня знаете… а еще раздобудем старого батрака, он станет за ними ухаживать и сторожить. Представляете, как мы на этом разбогатеем?.. В общем-то, все уже готово, только надо сказать «да».

РИЕЧАН. Никаких свиней! Никакого подпольного хозяйства! Я не хочу никаких преступле-

ний… Вы в своем уме? Вам все мало?

РИЕЧАНОВА. Боже правый, с тобой каши не сваришь.

РИЕЧАН. Чего ты злишься? По-моему, у тебя и так все есть! Так что… и не кричи всякие глупости!

РИЕЧАНОВА. Кто это кричит? Это ты орешь!

РИЕЧАН. Во сколько вы с Эвой вернулись с этого… курорта, а? С этого бала? Каждую неделю вы ходите на танцульки… и возвращаетесь под утро.

ЭВА. Отец, вы чавкаете.

РИЕЧАН. Что?

ЭВА. Чавкаете и прихлебываете.

РИЕЧАН *(пытается есть более прилично).* Я ничего не говорю, можно ездить на курорт, но не каждую же неделю?.. И до утра танцевать эти танго? И мне — ни слова!

РИЕЧАНОВА. А что мы должны тебе говорить? Мы что, должны обо всем трубить, что с Эвой делаем?

РИЕЧАН. Хоть бы сказали мне у-у-ух!

РИЕЧАНОВА. Хорошо, скажу тебе у-у-ух, а ты сразу вскочишь, как будто тебе выстрелили в задницу. У-у-ух! Подумаешь, немного развлеклись, не бойся, я за Эвкой присматриваю, со мной она

не пропадет. А ты посмотри на себя, кретин! Не ходить же ей вместе с тобой?

РИЕЧАН. Ладно, ладно… ходите, развлекайтесь, но только не всю ночь. Ведь ты знаешь, что я не против, ходите, ведь и на курорте тоже надо побывать.

РИЕЧАНОВА. Ну, так чего же ты хочешь?

РИЕЧАН. Я хочу, чтобы мы жили как когда-то.

РИЕЧАНОВА. Ну и как же? Как первобытные обезьяны, что ли? По-твоему, я должна нарядиться в сарафан и, как чокнутая, взвизгивать?[42]

РИЕЧАН. Я хочу, чтобы мы жили так, как прежде, достойно, чтобы про меня говорили… что, мол, этот Риечан честный торговец. А посему… никакого хутора в акациях не будет! Никакого свинства. Поняла? И ты, Волент, понял?

ЛАНЧАРИЧ. Раз говорите — «нет», значит, будет — нет!

РИЕЧАНОВА. Постой… Штефан, ты хочешь сказать, что Волент плохо торгует?

РИЕЧАН. Плохо? Я этого не говорил, но…

РИЕЧАНОВА. Это еще что за «но»?! А может, я плохо веду бумаги? Наши счета, мой дорогой, налоговый инспектор может вертеть-крутить —

---

[42] Примечания: 42

Имеются в виду звуки, которые обычно издаются во время словацкого национального танца.

хоть так, хоть этак — все равно ничего не найдет. Ведь я умею вести дела!

РИЕЧАН. Я ведь против этого не возражаю. Но если в один прекрасный день нас захотят подловить, они это сделают. То есть что-нибудь найдут… Волента поймают, кто-нибудь донесет — ведь таких сколько угодно… И мы сядем в лужу! К нашему дому подкатит машина, и начнется: это у вас откуда? А машина ваша?.. Дом, мол, стоит столько-то и столько, а доход у вас был такой-то и такой… И откуда это все у вас? А? Отберут у меня скот, придет пристав…

РИЕЧАНОВА. Так! Опять каркаешь. Штефан, если бы мы поступали по-твоему, так и сейчас были бы голы-босы, в чем мать родила. А ведь это не рай. Ведь это дерьмовая Словакия! Здесь все вверх тормашками… Но ведь с тобой каши не сваришь! Ты просто засранец с букетом, как говорит Вильма.

РИЕЧАН. Может, хватит? Тебе все мало? Хочешь с этими деньгами сдохнуть?!

ЭВА. Отец, вы опять чавкаете.

РИЕЧАН. Что?

ЭВА. Чавкаете и хлебаете!

РИЕЧАН старается есть приличнее.

Чавкаете! Хлебаете, как извозчик! А вообще-то, вы умеете есть прилично? Доколе я буду слушать это ваше чавканье и хлебанье?

РИЕЧАН встает и медленно уходит.

РИЕЧАНОВА. Что с ним? Чего это он обиделся?

ЛАНЧАРИЧ. Не знаю. Ведь мы его не торопили.

РИЕЧАНОВА. Разве я тебе не говорила, что он струсит. Ведь я знала, чем все это кончится. И теперь он только и будет что следить да стеречь.

ЛАНЧАРИЧ. Мне не хотелось проворачивать это дело без его ведома.

РИЕЧАНОВА. Засранец с букетом! Ему много не надо, было бы что поесть да где дрыхнуть. Сколько я его помню, он всегда был такой.

ЛАНЧАРИЧ. Но гентеш — мясник, по-вашему, — он, пани Риечанова, хороший.

РИЕЧАНОВА. Ну да, это говорили и там, на севере. Только как торговец… ужас один!

ЛАНЧАРИЧ. Для нашего дела годятся только очень бедные или такие напористые, как я! Или богатые говнюки, как Полгар. Остальные могут отправляться на тот свет.

ЭВА. У меня голова разболелась. Пойду лягу. *(Уходит.)*

РИЕЧАНОВА. Что скажешь о моей Эвке… правда, красавица?

ЛАНЧАРИЧ. Вы меня лучше не спрашивайте. Она для меня как икона Девы Марии.

РИЕЧАНОВА. Старый дурак!

ЛАНЧАРИЧ. Почему? Я что-то не так сказал?

РИЕЧАНОВА. Не ты, я о муже. Дурак. Ему наплевать, что у него такой помощник, как ты. Что, если уедешь? Кто тогда будет заниматься торговлей? Я не могу этого допустить!.. Вижу, рубашку, которую я тебе купила, ты все время носишь.

ЛАНЧАРИЧ. Ну да, в ней удобно.

РИЕЧАНОВА. На тебя легко подобрать.

ЛАНЧАРИЧ *(с минуту молчит).* Он хочет меня женить.

РИЕЧАНОВА. Кто?

ЛАНЧАРИЧ. Кто? Мештер, пан Риечан. Он уже несколько раз заводил про это… почему, мол, я не женюсь! Почему не найду себе какую-нибудь манечку… как это у вас говорят? Невесту, ну да, невесту. Не знаете, что он задумал?

РИЕЧАНОВА. Бог его знает. Может, ему было бы жалко, если бы ты остался, как говорится, в старых девках. Не ломай себе голову, это твое дело, тебе решать. Если женишься, жить есть где. Не бойся, я тебя поддержу, даже если Риечан

упрется рогом. Гм, сегодня ты благоухал.

ЛАНЧАРИЧ. Наодеколонился немного. Ладно, пойду я. Еще загляну в «Централ», меня там ждет Полгар. У него важный дебатшаг — разговор!

РИЕЧАНОВА. Ступай. Дела важнее всего, они не могут ждать.

Картина 10

Улица, летнее кафе перед рестораном «Централ».
В кафе сидят ВИЛЬМА с НЕЛОЙ, за другим столиком — КУКИ с ЭВОЙ, а дальше только одинокие гости: ПОЛГАР, АЛАВАР БЬЕЛИК и ФИЛАДЕЛЬФИ. Из здания ресторана доносятся звуки музыки. Мимо идет РИЕЧАН, останавливается и закуривает.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Пан Риечан, заходите, выпьем по сто.

РИЕЧАН. Не знаю… я не люблю здесь высиживать.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Ну хоть присядьте, а то я не выношу пить один, как пропойца.

РИЕЧАН *(присаживается).* Не грустите, пан Филадельфи, у всех свои заботы. У вас — болезнь, у меня что-то другое. Пройдет.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Черт возьми! Что пройдет?! Я с ума сойду от вас, пан Риечан. Когда я вижу ваше добренькое лицо, мне хочется удавиться.

РИЕЧАН. Да ну вас.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Я что? Я должен улыбаться, как вы? Сколько мне еще осталось? Пару месяцев — и догорел костер! Финито!

РИЕЧАН. Переживаниями не поможешь. Понимаете, я всю свою жизнь смотрю, как забивают скот, я продаю мясо. Поэтому мне иногда кажется, что я причастен к судьбе этих животных. А когда наваливаются проблемы, я и пальцем не пошевелю… Так только, гляжу и молча терплю.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Вы прямо-таки как фаталист Пишта! Вот только меня волнует перевоплощение. Меня манит далекое прошлое, я страстно вкушаю сегодняшний день, но и мечтаю заглянуть в ту самую тринадцатую комнату будущего. Короче, я обожаю жизнь! И лорда Байрона!

РИЕЧАН. Я знаю, что вы больше всего обожаете, пан Филадельфи! Вы все бегаете за Нелой Лауковой! Надоедаете ей, портите репутацию… а ведь дома у вас жена! Когда-нибудь я вас выдам!

ФИЛАДЕЛЬФИ. Нела Лаукова… Взгляните, вон она сидит с Вильмой. Позвать?

РИЕЧАН. Не надо.

ФИЛАДЕЛЬФИ. И вам она нравится, правда? Вот это женщина! А как благоухает. Боже! А на плечо ей кто-то посадил большой синяк! С ума сойти.

ЛАНЧАРИЧ *(приходит, на минуту останавливается возле Полгара, а затем подходит к Риечану).* Мештер, пан Полгар хочет с вами поговорить.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Пусть подождет, мы обсуждаем важную тему…

ЛАНЧАРИЧ. Брось! Мештерко, пошли. *(Оба подходят к Полгару.)*

ПОЛГАР. Приятного дня, пан Риечан. Ведь мы знакомы, правда?

РИЕЧАН. Ага, встречались.

ПОЛГАР. Я уже попробовал вашу колбасу… ну, скажу вам, потрясающе!

РИЕЧАН. Это потому, что мы мясо не рубим, а режем. Поэтому структура продукта сохраняется.

ПОЛГАР. Интересно. Моя колбаса, конечно, похуже, но я делаю ее из более дешевого мяса. Ну, давайте не будем о колбасе. Лучше перейдем к политике, что скажете?

РИЕЧАН. Можем и о политике, я не возражаю.

ПОЛГАР. Рад слышать. Ведь вы хорошо знаете, что должно произойти… выборы! Поэтому я хочу сообщить вам, кого я и все порядочные торговцы будут выбирать.

РИЕЧАН. Ну да, я знаю. Порядочные торговцы будут выбирать демократов.

ПОЛГАР. Правильно. Вижу, что в политике вы разбираетесь. Надеюсь, уважаемый коллега, что вы тоже относитесь к порядочным.

РИЕЧАН. Торговцы всегда держались вместе…

ПОЛГАР. У каждого рыльце в пушку, все мы кое-что друг о друге знаем, поэтому эти выборы очень важны. Мы, представители торговли, мы должны помочь демократам финансами.

РИЕЧАН. Хорошо, с удовольствием помогу, если это поможет.

ФИЛАДЕЛЬФИ *(назойливо присоединяется к беседующим).* А-а-а, посмотрим… три мясника на одном квадратном метре… Это называется счастье!

ЛАНЧАРИЧ. У нас важный разговор… исчезни!

ФИЛАДЕЛЬФИ. Понимаю, близятся выборы, подпирают. Не волнуйтесь, мясников защищают желудки людей. А еще вам на руки эта государственная неразбериха. Политические партии борются за власть… коррупция процветает, делится большая собственность, кругом спекуляция и воровство. Спешите, господа, этим надо воспользоваться, такая возможность предоставляется лишь однажды. Но осторожно, ибо речь идет и о национальном вопросе, пан Полгар, а это — чрезвычайно опасная штука… нужно его еще

больше раздуть, надо забивать мозги людям глупостями, потом уже не будет времени на таких мошенников из Паланка, как вы, господа…

ПОЛГАР. Прогони его, Волент!

ЛАНЧАРИЧ довольно грубо прогоняет ФИЛАДЕЛЬФИ. Мясники тихо продолжают беседовать. Спустя минуту ПОЛГАР прощается и уходит.

ФИЛАДЕЛЬФИ *(останавливается рядом с Бьеликом).* Пан Бьелик, вы — адвокат, мне хотелось бы услышать от вас всего лишь одну вещь… Наши законы еще можно улучшить или они — уже само совершенство?

БЬЕЛИК *(дает ему десять крон).* Вот вам… Пойдите и выпейте. Сегодня у меня нет настроения разговаривать с вами.

ФИЛАДЕЛЬФИ *(подвигается к Еве и Куки).* Приветствую вас, молодые люди… Наверняка вас интересует, почему я превратился в отбросы человечества? Не мучайтесь, я сам… каждая перемена в обществе, даже самая маленькая, порождает массу мне подобных. И не приведи господь, если эта перемена — революция, потому что каждая революция оставляет после себя горы отбросов человечества.

КУКИ с ЭВОЙ уходят танцевать. ФИЛАДЕЛЬФИ допивает их вино.

ДОБРИК (*входит, замечает Риечана с Волентом и присоединяется к ним). Я* случайно проходил мимо вашей мясной лавки, пан Риечан, и я должен вам сказать… вы здорово разбогатели.

РИЕЧАН. Потихоньку.

ДОБРИК. Надеюсь, вы не забыли, кому обязаны своей собственностью?

ЛАНЧАРИЧ собирается уйти.

ДОБРИК. Тебе следует остаться, Волент, мне хотелось бы услышать и твое мнение! Ведь ты понимаешь, что я имею в виду.

ВОЛЕНТ. Понимаю. Ты пришел агитировать за красных[43]. У меня нет времени. *(Уходит, по пути останавливается около Вильмы и подшучивает над ней.)*

ДОБРИК. Вчера мы агитировали на хуторе. Нам помогают ребята из гимназии. Мы пели «Аванти поло»… речей было!., трогательно. Однако нам нелегко. А вы, пан Риечан, кроме всего прочего, ведь вы — участник Сопротивления…

РИЕЧАН. Ага. Я знаю, кому обязан за почки, я все помню. У меня хорошая память. Я хотел бы вам помочь, пан Добрик, но не знаю, кому… это

---

[43] Примечания: 43

Речь идет о выборах 1946 года, на которых в стране победили коммунисты.

самое…

ДОБРИК. Переведите деньги чеком, прямо на секретариат партии. Пусть это будет прозрачно и адресно. Но я думал, что вы нам поможете еще и по-другому.

РИЕЧАН. Помогу, если нужно будет, помогу…

ФИЛАДЕЛЬФИ прерывает разговор, начинает петь опереточное танго. Подхватывает НЕЛУ, страстно танцует с ней.

Картина 11

Новый дом РИЕЧАНА.

РИЕЧАНОВА сидит на кровати, юбка спущена до половины бедер.

ЛАНЧАРИЧ *(входит).* Вы звали меня, хозяйка, я пришел.

РИЕЧАНОВА. Ну, так иди же, я жду тебя. Знаешь, зачем я тебя позвала?

ЛАНЧАРИЧ. Нет. Но это наверняка срочно, раз уж вы меня подняли вот так, поздно вечером.

РИЕЧАНОВА. Ага, срочно. Я позвала тебя сказать, чтобы к утру ты приготовил машину.

ЛАНЧАРИЧ. Вы куда-то собираетесь?

РИЕЧАНОВА. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

ЛАНЧАРИЧ. Мой дед говорил так: не держи

ящерицу за хвост: она останется в кулаке.

РИЕЧАНОВА *(смеется).* Насколько я тебя знаю, ты своей ящерки не упустишь. Любопытен ты, Волентко, любопытен. Но в торговле так и должно быть. Кстати, я хочу тебя спросить… когда ты собираешься организовать то самое хозяйство среди акаций, а?

ЛАНЧАРИЧ. Мештер не хочет.

РИЕЧАНОВА. Надо, хотя моему Штевке и не хочется.

ЛАНЧАРИЧ. Торговля перестала его интересовать.

РИЕЧАНОВА. Ага, перестала. Но тебя и меня — нет! Так что пусть не лезет!

ЛАНЧАРИЧ. Мне все равно… я могу все сделать. Начну — и дело в шляпе!

РИЕЧАНОВА. Подготовь к утру машину. Поедем на тот самый хутор среди акаций… вдвоем! Вместе все и провернем!

ЛАНЧАРИЧ. Хорошо. Подготовлю. *(Хочет уйти, но не уходит.)* А мештер где?

РИЕЧАНОВА. Он здесь не спит. Вчера перебрался в каморку возле лавки. Мештерко!.. Мештер испугался большой торговли. *(Смеется, ложится на перину, делает вид, что повалилась со смеху, и лежит.)* Торговля перестала его интересовать!

ЛАНЧАРИЧ *(ждет, что будет дальше. Тишина. Несколько раз украдкой смотрит на лежащую Риечанову. Снова собирается уйти, но не уходит. Начинает тихонько рассказывать).* Признаюсь, пани Риечанова… я уже давно жду, когда вы мне скажете: Волент, забудь о мештерко, давай сделаем это вместе! Сейчас вы это сказали. Уверяю вас, мы все обтяпаем. *(Тихо.)* У меня есть и другие планы… еще более смелые. Согласитесь, что я и так уже вам прилично подзаработал… теперь надо деньги по-умному… ну, это самое… пустить в дело! По моим планам… потому что я должен думать и о себе, ведь я не хочу всю жизнь быть помощником. *(Снова молчит и смотрит на лежащую Риечанову.)* Мой план таков: нашу лавку расширим и организуем еще одну. Ту возьмет себе зять — ведь мы должны Эву выгодно выдать замуж… выкупим старые дома и обе лавки, создадим небольшой заводик по производству мяса, а к нему добавим еще и морозильник, а потом — цех для консервирования. Прикупим машины, затем вагоны… На всем, и на консервах тоже, будет надпись: «Ш. РИЕЧАН и В. ЛАНЧАРИЧ», магазины, морозильники, цеха для консервирования. Все — как в Америке! Мы всем покажем, как надо торговать! А мештерке не надо будет и пальцем

шевелить, он может выращивать кроликов или просто так лежать… Пани Риечанова, что скажете, обтяпаем? *(Подходит ближе, кладет руку на ее бедро, с минуту прислушивается к ее дыханию. Не знает, что делать дальше, и медленно уходит.)*

РИЕЧАНОВА. Господи, я задремала. Уже уходишь?

ЛАНЧАРИЧ. Ухожу.

РИЕЧАНОВА. Не забудь, к утру надо приготовить машину.

ЛАНЧАРИЧ. Приготовлю.

РИЕЧАНОВА. А коль тебе до утра нечего будет делать, можешь сбоку машины написать белой краской: «Ш. РИЕЧАН и В. ЛАНЧАРИЧ», магазины и морозильники… *(Смеется.)*

ЛАНЧАРИЧ стоит обиженный, затем уходит, разозлившись сам на себя.

Улица, кафе перед гостиницей «ЦЕНТРАЛ». ФИЛАДЕЛЬФИ танцует с НЕЛОЙ, КУКИ — с ЭВОЙ, ВИЛЬМА сидит одна.

ЛАНЧАРИЧ приходит, садится к ВИЛЬМЕ.

ВИЛЬМА. Вижу, ты не в своей тарелке. Да?

ЛАНЧАРИЧ. Ага. В последнее время я стал какой-то слишком чувствительный и грустный…

ВИЛЬМА. Да, у тебя такой странный взгляд. Как у робкого студентика. Бедный ты мой сирота

из бойни!

ЛАНЧАРИЧ. Мне уже лучше! Как мальчишка, морозным утром я выпрыгнул из кровати, побежал растопить печь, а потом несколько часов держал конечности в ведре с ледяной водой. Тяжелая работа, суровые нравы мясников, эта спешка и крик, когда забивают скот… Все это сделало свое дело. Я стал равнодушным ко всему живому. И вот приезжает сюда этот Риечан со своим добреньким лицом, и я становлюсь чувствительным…

ВИЛЬМА. Если бы только чувствительный! В последнее время ты стал таким кротким. А я думаю, что все это из-за женщины. И я даже знаю какой.

ЛАНЧАРИЧ. Знаешь?.. Так чего ж ты пристаешь ко мне? Зачем провоцируешь? Однажды я не сдержусь, а после мне уже будет все безразлично.

ВИЛЬМА. Вот такой ты мне нравишься, когда ты злишься, когда ты буйный, как настоящий гентеш, то есть мясник! Давай взвали себе на плечо говяжью ляжку и беги с ней в парикмахерскую, как когда-то.

ЛАНЧАРИЧ. Ты еще помнишь?

ВИЛЬМА. Конечно, отлично помню! Ты выбил тогда дверь и ворвался внутрь. И бегал там с кро-

вавой ляжкой, между клиентками… Боже!

ФИЛАДЕЛЬФИ. Буйство и скандалы… вот оно! Этим сейчас измеряется человеческая значимость! Чем больший скандал, тем значимей человек!

ЛАНЧАРИЧ. Не кричи… или я не сдержусь.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Только бесхарактерные негодяи сейчас радуются всеобщему уважению…

ЛАНЧАРИЧ. Говорю тебе, не кричи!

ФИЛАДЕЛЬФИ. Если ты кого-нибудь не перекричал, то ты уже не принадлежишь к высшему обществу.

ЛАНЧАРИЧ подскакивает к ФИЛАДЕЛЬФИ, хватает его за воротник и бьет его, словно мешок с зерном. Прекращает, вновь возвращается к ВИЛЬМЕ и страстно ее целует. Взваливает ее себе на плечо, будто говяжью ляжку.

ВИЛЬМА *(визжит).* Вот теперь ты мне нравишься… теперь ты — мужик! *(Оба исчезают в «Централе».)*

НЕЛА *(помогает Филадельфи подняться).* Вставайте, пан Филадельфи… вы простудитесь.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Оставь меня. Я с утра на ногах, а когда вот так лягу, то хоть немножко вздремну.

Картина 12

Новый дом РИЕЧАНА.

КУКИ. Вечером я видел, как Волент выбегал из «Централа»… фыркал от злости и мчался, будто дикий зверь. Я понял, что дело плохо.

ЭВА. А что его так разозлило?

КУКИ. Не знаю. Он танцевал с Вильмой, потом они вбежали в гостиницу, закрылись в комнате… а потом — настоящий кошмар! Они разломали кровать. Он выбрасывал ее по частям в окно. Я видел даже, как он напал на жандарма.

ЭВА. Утром я была в парикмахерской, и там уже всем всё было известно. Даже то, что ночь он провел в жандармерии. И только я ничего не знала.

КУКИ. Я могу рассказать тебе все в подробностях… *(Рассказывает и сопровождает свой рассказ драматической импровизацией на пианино.)* Вечером Волент развлекался с женой парикмахера Вильмой… они разломали кровать и все равно продолжали развлекаться… Волент выбежал на улицу… как раз дул южный ветер… тяжелый и чувственный, как воскресенье в Паланке… фу-фу-фу-фууу… И в этот момент он заметил жандарма, который выходил с женой, Волент спрятался за

магазин, а когда они приблизились, выскочил из-за угла… и прямо, ни с того ни с сего, кинулся к ним… потом остановился перед ними… развязно расхохотался… ха-ха-ха-ха… пока жандарм раздумывал, что бы это значило… Волент ударил его, да так, что у того голова пошла кругом… Бу-у-ух!

ЭВА (*берет у Куки сигарету и затягивается).* Так вот почему мама погнала отца с корзинкой колбас… к жандарму! Чтобы загладить выходки Волента. Прекрасно!

КУКИ *(опереточно пародирует).* Старый пан Риечан с корзинкой, полной колбас, отправился к жандарму…

ЭВА *(выдыхает дым).* Я только сейчас обратила внимание, что у тебя голос такой же, как был у Палё… такой искренний. *(Целует Куки в губы.)*

РИЕЧАН *(проходит мимо них с полной корзинкой).* Эвка, ты куришь?

ЭВА. И что? Какое ваше дело? Заботьтесь лучше о себе, ладно? *(Уходит вместе с Куки.)*

РИЕЧАН беспомощно стоит. За его спиной раздается голос.

РИЕЧАНОВА. Ты почему это возвращаешься с полной корзиной, а?

РИЕЧАН. Жандармский начальник сказал мне: «Ни в коем случае!» А еще добавил, что повадился

горшок по воду ходить…

РИЕЧАНОВА. Прекрати! Ты сам горшок! Растяпа… Боже ты мой, и для чего только ты годишься?

РИЕЧАН. Он ясно мне сказал, что Волент нарушил закон… что слушание состоится в районном суде — и баста! Вот так. Вот мы и допрыгались. Мое имя теперь будут склонять во всех учреждениях, все обыщут, все перевернут с ног на голову… И все почему? Потому, что наш помощник вышел из себя… Из-за такой глупости! Мы должны ему как-то помочь.

РИЕЧАНОВА. Положись на меня… я уже кое-что предприняла. Сейчас сюда придет Аладар Бьелик.

РИЕЧАН. Это тот адвокат?

РИЕЧАНОВА. Да. Один из самых ловких. Так что изобрази испуг и не начинай болтать эту свою беспросветную чепуху.

РИЕЧАН. Какую еще чепуху? Все, что я до сих пор говорил…

РИЕЧАНОВА. Прекрати, прошу тебя, прекрати!

БЬЕЛИК *(входит вместе с Ланчаричем).* Добрый день! И вечный покой этой божьей лавке. *(Смеется над своей шуткой.)*

РИЕЧАНОВА. Приветствую вас! Я слышала о

вас много хорошего. Сплошные похвалы!

БЬЕЛИК. Сомневаюсь, пани Риечанова, сомневаюсь! Среди коллег у меня репутация паршивой овцы. А клиенты обо мне говорят, что я шкурник и коварный лис. Так в чем дело?

РИЕЧАНОВА. У нас большие неприятности с Волентом, поэтому-то мы к вам и обратились.

БЬЕЛИК. Большие неприятности? Это стоит больших денег.

РИЕЧАНОВА. Мы готовы.

РИЕЧАН. А можно узнать, о какой сумме…

РИЕЧАНОВА. Замолчи!.. Пан Бьелик, мы за вознаграждением не постоим, если нужно.

БЬЕЛИК. Отлично. Это мне подходит. Заблудшие овцы — это, между прочим, моя специальность. По крайней мере, есть за что ухватиться.

РИЕЧАН. Когда все по справедливости, тогда не нужны никакие знакомства и хитрости.

РИЕЧАНОВА. Ты прекратишь?! Понимаешь, я в судах совсем не разбираюсь, но я еще не слыхала о таком суде, где бы все было по справедливости. Такого суда никогда не будет! Так уж молчи… не встревай!

ЛАНЧАРИЧ. Я тоже не слышал о том, чтобы кто-то из чего-то выпутался только потому, что у него чистая совесть.

БЬЕЛИК. А у тебя ее и нет. Именно таких клиентов я больше всего люблю. Разыграем перед судом отличный театр.

ЛАНЧАРИЧ. Мне-то все равно, я могу изобразить все, что угодно.

БЬЕЛИК. Прекрасно. Давай посоветуемся, что ты там будешь говорить. *(Риечановой.)* А вас, пани Риечанова, я попрошу зайти ко мне. Обсудим разные детали и прочее. Само собой, не забудьте деньги.

РИЕЧАНОВА. Обязательно зайду. Ведь речь идет о нашей шкуре. Если позволите, я провожу вас. *(Воленту.)* А ты догоняй, чего замешкался. Два дня чтобы тебя не было в лавке *(Все трое уходят.)*

РИЕЧАН на некоторое время остается один. Достает из корзинки бутылку с паленкой и делает приличный глоток, чтобы успокоить душу.

ЭВА *(входит растрепанная, небрежно одетая и усталая).* Чего стоишь здесь, как святой за околицей?

РИЕЧАН. Эвка… тебе бы не следовало бродить по ночам. Нехорошо это.

ЭВА. Хорошо. Буду паинькой.

РИЕЧАН. У меня плохое сердце, ведь ты зна-

ешь, а когда я вижу тебя такой растрепанной… *(Гладит ее по волосам, видит, что она не сопротивляется, и целует ее.)* Эвка, тебе не следовало бы курить.

ЭВА. Это почему? Воняет табаком?

РИЕЧАН. Для меня это не имеет значения… но ведь у тебя слабые легкие.

ЭВА *(говорит без раздражения).* Это ведь не ваши легкие, не так ли? Захочу, повешу их на неделю в каптильню, и вам до этого нет никакого дела! Дайте мне жить так, как я хочу! Оставьте в покое мои легкие! Может, и ваше сердце я тоже украла! *(Уходит.)*

РИЕЧАН выходит на улицу.

Улица перед мясной лавкой.

РИЕЧАН. Это вы, пан Филадельфи? Вы, наверное, совсем не спите.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Иногда засыпаю, но потом сразу же просыпаюсь, потому что боюсь не проснуться. Я не шучу, с этим ощущением я живу уже несколько лет!

РИЕЧАН. Самое ужасное в моей жизни — это то, что во всех несчастьях виноват я сам. Во всех. Только бы мне знать, что еще свалится мне на голову…

ФИЛАДЕЛЬФИ. Подскажу вам, пан Риечан, ведь у меня репутация беспристрастного человека. Вас ожидает катастрофа… Вы будете выбирать демократов, потому что другие избираться не могут! Ох, скорблю, скорблю я о старой монархии. Включите радио, пан Риечан. Астрономы утверждают, что планеты выстроятся в один ряд и это страшное событие ударит по нашим лбам.

РИЕЧАН. Лучше скажите мне что-нибудь о Неле Лауковой, пан Филадельфи, все равно что!

ФИЛАДЕЛЬФИ. Когда-нибудь с ней приключится что-то очень плохое, наверняка.

РИЕЧАН. Откуда вы это знаете?

ФИЛАДЕЛЬФИ. Знаю. Я готовлюсь нанести ей удар.

Картина 13

Новый дом РИЕЧАНА.

ЛАНЧАРИЧ *(входит).* Не мешаю? Я так, на минутку зашел.

РИЕЧАНОВА. Входи. Я уже собралась ложиться. Совсем обалдела от этих дел. Ходила благодарить адвоката Бьелика.

ЛАНЧАРИЧ. И я тоже хочу вас отблагодарить, хозяйка.

РИЕЧАНОВА. Ради бога, не называй меня хозяйкой, как какую-то… ну, эту самую…

ЛАНЧАРИЧ. Я хочу вас поблагодарить за то, что вы мне помогли… что так заботитесь обо мне.

РИЕЧАНОВА. Слава Господу, что все закончилось. Штраф я заплатила, а эти три недели в здешней тюрьме, ведь это было для тебя как отпуск. Да еще с моей едой.

ЛАНЧАРИЧ. Готовите вы отлично!

РИЕЧАНОВА. Не меня надо благодарить. Адвокат Бьелик — вот это класс! Когда я вспоминаю, как он болтал на суде, как он всех смешил… ну, скандальозно смешно! А его речь? Настоящее представление! Выразительные жесты, приятный голос, элегантный шаг.

ЛАНЧАРИЧ. А сколько раз вы его посещали?

РИЕЧАНОВА. Гммм. Ровно шесть раз!

ЛАНЧАРИЧ. Я знаю Бьелика. Я хорошо его знаю… это настоящая свинья!

РИЕЧАНОВА. Эта свинья умеет себя вести, всегда отглаженный костюм, ухоженные руки и не пахнет лавкой!

ЛАНЧАРИЧ. Опустилась! Ты опустилась! Пала! Ты пала, боже! Точно!

РИЕЧАНОВА. Ага, не устояла. Так это называется… или нет? Все эти недели я даже была

влюблена в Бьелика. И сегодня я ходила его благодарить за то, что он вытащил тебя из дерьма.

ЛАНЧАРИЧ *(опускается на колени).* Ты пала!

РИЕЧАНОВА. Это был второй мужчина, с которым я согрешила, второй после Риечана, понимаешь?! Я сделала это и ради тебя… чтобы не потерять такого знатного помощника. Ты, негодяй!

ЛАНЧАРИЧ обнимает ей ноги, гладит ее.

Ну, наконец-то ты осмелел! Только осторожно с моими шелковыми чулками. Они дорогие.

Картина 15

Новый дом РИЕЧАНА.

Празднично накрытый стол.

РИЕЧАНОВА *(как будто рассказывала веселую историю).* Вчера у Волента произошла небольшая неприятность. Тебе бы следовало об этом знать, если вдруг…

РИЕЧАН. Что знать? Я ничего не хочу знать!

РИЕЧАНОВА. А надо бы. Я послала Волента по делам в Горнияки. Он поехал на машине, дельце было выгодное.

ЛАНЧАРИЧ. Очень выгодное.

РИЕЧАН. Я ничего не хочу знать!

РИЕЧАНОВА. Когда он ночью возвращался, два жандарма потребовали, чтобы он остановился. К счастью, ему удалось бежать. *(Воленту.)* Так?

ЛАНЧАРИЧ. Я воспользовался старым трюком… затормозил, выключил фары, а когда я приблизился к ним — нажал на газ. Они скакали перед машиной, как перепуганные зайцы! *(Риечану.)* Одним словом, выпутался. Но в случае чего, мештерко, я скажу, что вы о моей поездке ничего не знали, что, мол, я просто так поехал… разогреть мотор!

РИЕЧАНОВА *(смеется).* И правда, разогреть! Ты мастер на выдумки! А если спросят, почему ты не остановил?

ЛАНЧАРИЧ. Почему, почему?.. Скажу, что у меня в кабине была любовница, замужняя женщина… ну, это самое… супруга знаменитого паланчанина. И пусть лучше не спрашивают ее имя. Это крупный зверь, и если он узнает…

РИЕЧАНОВА *(мужу).* Ну что? Чего притих? Язык проглотил?

РИЕЧАН. Я говорю вам обоим: хватит! Хватит!

РИЕЧАНОВА. И это все? И опять ты в подштанниках.

РИЕЧАН. Не в подштанниках, а вот тут… *(Сту-*

чит себе по лбу.)

РИЕЧАНОВА. Там? Там у тебя ничего нет! Зато в штанах. Ой-ой-ой! Там ты иногда прилично навалишь! Беги в жандармерию и доноси! Это похоже на тебя. И во время Восстания ты потерял голову… Тоже побежал доносить!

РИЕЧАН. Чего болтаешь? Ведь меня в быстрицкой школе били резиновым шлангом… вся поясница была как кровяная колбаса.

РИЕЧАНОВА. Тебе насажали колбас, а других застрелили! И Палё ты не спас, поэтому-то тебя сегодня и гложет совесть. Ешь уж… Чавкаешь!

РИЕЧАН. Я говорю вам обоим: хватит! Закругляйтесь с этими делишками! Думаете, власти ничего не видят? Вам кажется, что торговля — это игрушки?

РИЕЧАНОВА. Чего болтаешь? Кто тут говорит об игрушках? Я только тебе напоминаю, что ты орешь. Боже милостивый! Он кричит и при этом даже пальцем не пошевелит, чтобы приумножить наше состояние, раз уж сейчас такое время, что деньги сами идут в руки!

РИЕЧАН. Тебе легко говорить. Всё на мне! Ты-то за что отвечаешь? Ни за что!

РИЕЧАНОВА. Меня удар хватит! Чего это все на тебе. Чего? Да ничего! О семье не думаешь,

даже о себе позаботиться не можешь, ходишь как извозчик, за дочерью тоже не следишь… Только чавкаешь да кричишь! Говорю тебе, орешь!

РИЕЧАН. Эва, у тебя в голове не пойми что, ты думаешь, что с жандармами можно вот так, шутки шутить, что власти ничего не замечают? Ты не видишь дальше своего носа!

РИЕЧАНОВА. И это ты говоришь мне? Ты, дурак этакий, чокнутый! Ты мне говоришь, что я не вижу дальше своего носа? Да что ты знаешь? Ничего! И со мной-то ты как следует никогда не мог. Сколько я ворочалась в постели… а ты? Да ничего! Меня это страшно бесило. В кровь бы тебя излупцевала… Только кричишь и чавкаешь, как извозчик!

РИЕЧАН. Ты совсем с ума сошла! Я даже думать не хочу, что за делишки вы здесь обделывали за моей спиной. Но вы оба уже допрыгались!

РИЕЧАНОВА. Что? Ты собираешься мне что-то запрещать? Антихрист этакий! *(Бьет его ладонью по голове.)*

РИЕЧАН молча встает и уходит.

ЭВА. Может, мне стоит пойти за ним?

РИЕЧАНОВА. Зачем?

ЭВА. Тебе не кажется, что ты сошла с ума? От-

носишься к отцу как к чужому?

РИЕЧАНОВА. Что заслужил, то и получил! И не смотри на меня ягнячьими глазами! Вижу, что ты знаешь больше, чем надо.

ЭВА. Знаю.

РИЕЧАНОВА. Говорю же, что заслужил, то и получил. Я права, Волентик?

ЛАНЧАРИЧ. Я в женские дела не лезу.

РИЕЧАНОВА. Ну, так что, Эва, пойдем к Вильме?

ЭВА. Мне даже противно с тобой идти. Пойду туда, куда захочу! *(Уходит.)*

РИЕЧАНОВА. Пройдет. Привыкнет. С сегодняшнего дня, Волентик, мы берем всю торговлю в свои руки. На Риечана начхаем.

ЛАНЧАРИЧ. Как скажешь.

РИЕЧАНОВА. Как скажу? Тебе опротивела торговля?

ЛАНЧАРИЧ. Торговля — это моя жизнь. Ничего другого я не умею.

РИЕЧАНОВА. Ну, так делай, что умеешь! Потому что Риечан этого не умеет, а мне нужен мужчина. Такова жизнь. Пойдем к Вильме?

ЛАНЧАРИЧ. Она меня не приглашала.

РИЕЧАНОВА. Я тебя приглашаю!

Картина 16

Новый дом РИЕЧАНА.

КУКИ играет на пианино.

ЭВА. Хорошо играешь.

КУКИ. Потому что я играю для тебя… Эвча.

ЭВА. Благодарю. В самом деле, ты хорошо играешь, неописуемо хорошо.

КУКИ. Лучше всего я играю, когда я один. Тогда я не волнуюсь.

ЭВА. А сейчас волнуешься?

КУКИ. Вначале перед каждым слушателем волнуюсь, но ведь это естественно. Некоторые музыканты говорят, что тот, кто не волнуется, тот никогда не будет хорошо играть. Знаешь, что это? «Песнь любви» композитора Сука[44].

ЭВА. Ты и ей это играешь?

КУКИ. Кому?

ЭВА. Не притворяйся… Я знаю о ней. Как ее зовут?

КУКИ. Клара.

ЭВА. Ты ее любишь?

КУКИ. Да. *(Ухмыляется.)*

---

[44] Примечания: 44
Йозеф Сук (1874–1935) — чешский композитор и скрипач.

ЭВА. Какая она?

РИЕЧАН входит и наблюдает за парочкой.

КУКИ. Такая же красивая, как и ты, Эвча, но плохая. Она совсем не заслуживает, чтобы ее любили.

ЭВА. Так почему же ты любишь ту, которая этого не заслуживает? Что она может тебе дать?

КУКИ. Ты сомневаешься, что она может мне дать что-то хорошее, да?

ЭВА. Сомневаюсь.

КУКИ. Я отношусь к нашей связи как к шутке. Я не знал, что она такая дремучая, еще дремучей, чем я. Я всегда считал, что нет испорченнее мира, чем мир Паланка, что нет более испорченного человека, чем я. Но я ошибался. И это меня тревожит. Отец говорит, что я сойду с ума.

ЭВА. Красивая и плохая?

КУКИ. Ага, таков этот послевоенный мир.

ЭВА. Как же ты тогда можешь ее любить… ой, ой!

КУКИ. Могу… ой, ой! Она такая испорченная, что я рядом с ней выгляжу благородным и честным, ой, ой!

ЭВА. Я люблю тебя. *(Целует его.)*

КУКИ. Я никогда тебя не забуду. Я всегда с удо-

вольствием бывал у вас.

ЭВА. Хватит сантиментов. Проваливай! Я тебе еще на дорожку сыграю. (*Играет озорной мотив.)*

КУКИ уходит. ЭВА перестает играть и сидит неподвижно.

РИЕЧАН. Эвка… мне надо с тобой поговорить. Серьезно.

ЭВА смотрит на отца отсутствующим взглядом. Затем начинает кулаками стучать по клавишам. РИЕЧАН выходит на улицу. Улица, на которой расположена мясная лавка.

РИЕЧАН. В моей жизни происходят какие-то странные вещи. Я всегда старался быть приличным человеком, а меня все ненавидят. Волент, жена… а больше всех, наверное, дочь. Не знаю почему, но люди, которые приносят мне несчастья, меня всегда притягивают.

ФИЛАДЕЛЬФИ. Пан Риечан, вы как фасоль… вам нужна подпорка, чтобы вы могли вокруг нее виться. *(Пьяно растопыривает руки и уходит.)*

РИЕЧАН. Нет ли у вас для меня какого-нибудь рецепта, пан Филадельфи?

ФИЛАДЕЛЬФИ *(возвращается и холодно говорит).* Ваша супруга, пан Риечан, спала с адвокатом Бьеликом… а теперь путается с вашим помощни-

ком! С Волентом Ланчаричем! *(Уходит.)*

РИЕЧАН сбрасывает с себя старую одежду и надевает костюм из дорогого материала. За ним начинают танцевать пары: ЭВА, КУКИ, РИЕЧАНОВА, ВОЛЕНТ… Они меняются партнерами, и музыка тоже меняется.

РИЕЧАН. Я ушел из Паланка. Я вернулся назад, на север, домой. В Гронцах я поступил работать на металлургический завод. Я работал там до революции[45], к которой я примкнул. О своей жене я почти ничего не знаю. Говорят, она где-то в Чехии, и от нее нет никаких известий. После моего ухода дочь возненавидела свою мать. Короче говоря, захотела быть плохой, испорченной и жестокой. Она перехватила у матери любовника. Волент был первым мужчиной, который видел ее нагое тело. Она забеременела, потому что Волент очень старался. У них родилось двое детей, две девочки… но жили они плохо. Через несколько лет я встретил в Поважьи своего бывшего помощника Волента Ланчарича. Он работал с заключенными, которые рыли канавы. Годы спустя я посетил Паланк. Разыскал Эву, у нее

[45] Примечания: 45
Имеются в виду февральские события 1948 года, в результате которых к власти пришли коммунисты.

был измученный вид, она постарела. Я забрал ее в родной дом в Горнияки, а для внучек стал выращивать кроликов… Когда дети начинали расспрашивать меня о моем прошлом, я говорил им: ничего особенного в моей жизни не было, ничего хорошего; как и другие, я ничего не нашел, но и ничего не потерял. И только в минуту слабости я им рассказал, что в моей жизни было нечто вроде сказки. Рассказал — и сам над этим рассмеялся. *(Пары продолжают танцевать, к ним присоединяется Риечан в новом костюме.)*

Конец.

Ондрей Шулай
Фила ловит иволгу

(По мотивам повести Винцента Шикулы «Иволга»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ФИЛА.
ЯНО.
ЙОЖО, позднее — ГАРДИСТ, потом — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.
БОРА, позднее — ТОВАРИЩ.
ГЕНЕРАЛ.

Действие происходит в период с конца Первой мировой войны до начала 1960-х годов.

Перевод Л. Широковой
Ondrej Šulaj. Fila chytá vlhu (Vol'ne podl'a prózy Vlha od Vincenta Šikulu)
© Ondrej Šulaj / LITA, 2014

Пьеса в 20 картинах

Картина 1

На винограднике.

ЯНО. Фьюлио! Фьюлио! Фьюлиолио!

ФИЛА. Кто это здесь так поет?

ЯНО. Фьюлиолио!

ФИЛА. Что этому свистуну нужно? Что это, интересно, за птичка такая?

ЯНО. Фьюлио! Фьюлиолио!

ФИЛА. Неужели она и вправду для меня поет? Со мной разговаривает? Почему в другое место не летит?

ЯНО. Фьюлио, фьюлио, фьюлиолио!

ФИЛА. Это, наверно, иволга. Иволге бояться нечего, иволга женского рода. И точно, со мной она говорит. Фьюлиа, фьюлиа, фьюлиалиа! Я та самая Фила. Что тебе от меня надо? Иволга, где ты?

ЯНО. Тут я. Фьюлиолио. Меня Яно зовут.

ФИЛА. Ну и что, что ты Яно? Это еще не причина, чтобы тут насвистывать.

ЯНО. А ты что делаешь на винограднике, Фил-

ка?

ФИЛА. Как что? Пасынки выщипываю, а если надо, то кое-что и подвязываю. Зачем ты тут у меня по-птичьи свистишь?

ЯНО. Чтобы тебя повеселить, раз ты тут одна эти пасынки выщипываешь.

ФИЛА. Выщипываю, а если надо, то кое-что и подвяжу.

ЯНО. А отец тебе не помогает?

ФИЛА. Нет. Умер он. Вышел из «Пекла»…

ЯНО. Твой отец — черт?

ФИЛА. Не перебивай, слушай! В Раче[46] у дороги стоит такая корчма, «Пекло» называется. Отец подкрепился там винцом и домой отправился. А ночью ударили морозцы, и снежок стал падать, и метелица закрутила. Ну, и нашли отца между Рачей и Юром, лежал он там этим снежком запорошенный.

ЯНО. Не надо было ему пить, лучше бы купил себе рогалик.

ФИЛА. Зачем рогалик? Да ведь он, наверно, рогалик тоже купил.

ЯНО. Надо было два купить. Для «Пекла» больше два рогалика подходят. Так ты, значит,

---

[46] Примечания: 46

Рача — виноградарское село, теперь часть Братиславы.

Филомена.

ФИЛА. Филка. И ступай себе своей дорогой! Маменька мне все время твердила: «Филка, мужчины все плохие! Лучше с ними не связывайся!» Все она мне про это твердила. Поскольку… обо мне все думают, что я… что я не очень умная.

ЯНО. Не бойся. Ты достаточно умная. Я даже вот так, издали, это вижу. И мамы у тебя тоже нет?

ФИЛА. Нет. И старший брат, Густо, тоже умер. Выучился в Вене ремеслу, а потом война пришла. Пан император про него вспомнил. И послали его в Черногорию, а потом в Италию. Густо нам оттуда карточку прислал, а потом уже ничего. Наверно, товарищи ему где-то там могилку выкопали. Знаешь эту песенку про Италию, про это зеленое дерево?

ЯНО. Спой мне ее, Филка. Фьюлио, фьюлио.

ФИЛА. «Ветром наклонено, ветром наклонено, ветром наклонено на нашу сторону…» А дальше я не знаю. И петь не умею.

ЯНО. Нет, ты хорошо поешь. А что твой младший брат?

ФИЛА. А ты откуда знаешь, что у меня и младший есть?

ЯНО. Так, знаю. Если был старший, должен быть и младший.

ФИЛА. Больно уж ты умный. Йожо — младший. Он со мной не живет. Женился. А его жена, Бора, меня не любит.

ЯНО. Значит, ты одна живешь. Слушай, Филка, а ты и вправду мужчин боишься?

ФИЛА. Боюсь. Иной раз лежу вечером в постели и как подумаю, что вот если бы сейчас вошел ко мне какой-нибудь мужчина, так прямо вся от страха и дрожу. Бывало, от этого и кровать трясется. Только никому не говори.

ЯНО. Да кому я скажу? Я ведь тоже один как перст. А что это там у тебя?

ФИЛА. Где?

ЯНО. Да тут. Что это тут за поясом привязано? Что у тебя под животиком висит?

ФИЛА. Ах это… это пучок соломы. Соломенная мочалка. Я ее в ручье намочила и босыми ногами как следует потоптала и размяла. Потрогай, какая она влажная, гибкая и мягкая. Ну, потрогай, не стесняйся, это соломенная мочалка.

ЯНО. Действительно… влажная и мягкая. И теплая внутри, кто бы мог подумать…

ФИЛА. Что это у тебя с глазами? Так в них заискрилось, будто ты угли раздувал.

ЯНО. Это, верно, от этой соломенной мочалки. Знаешь, Филка, я сейчас в лес сбегаю.

ФИЛА. А зачем?

ЯНО. Посмотрю, может, какая-нибудь перепелка в силки попалась или даже зайчик. А когда я в следующий раз тебя тут увижу, снова подойду. Можно?

ФИЛА. Подходи, если хочешь. Может, я тут буду пасынки выщипывать и, если надо, что-нибудь подвязывать.

Картина 2

На винограднике.

ЯНО. Фьюлио! Фьюлио! Фьюлиолио!

ФИЛА. Так иволга не поет. Яно, где ты? Покажись…

ЯНО *(хватает Филу в объятия).* Ей-богу, сегодня мне подфартило! Какую милую перепелочку я поймал.

ФИЛА. Отстань от меня! Чего хватаешь?

ЯНО. Куда ты побежала? Иволга уже отсюда улетела. Вернись, я тебе ничего плохого не сделаю. Просто я шел мимо, и захотелось выпить глоток воды. Не знаешь, где бы мне напиться?

ФИЛА. Там внизу ручей. И родник. Два родника.

ЯНО. Два, говоришь? Пить хочу, как собака.

Ну, пойду

ФИЛА. Погоди… У меня и в бутылке есть. Правда, она уже, наверно, теплая.

ЯНО. Мне и теплая подойдет. Если есть бутылка, предпочитаю из бутылки пить.

ФИЛА. Так напейся. Там она лежит. А я не могу задерживаться, у меня работа.

ЯНО. Пасынки выщипываешь?

ФИЛА. Откуда ты знаешь?

ЯНО. Вижу. А если надо, то кое-что и подвязываешь.

ФИЛА. Больно уж ты умный.

ЯНО. Сердишься на меня?

ФИЛА. За что? Ты и так сейчас пойдешь своей дорогой.

ЯНО. Это тебе, видно, воды жалко стало… И вправду теплая. Я-то думал, у тебя там вино.

ФИЛА. Я только воду пью. Но дома у меня еще осталась пара литров винца. Ну… только в маленьком бочонке. Может, какой-нибудь покупатель приедет. До той поры не хочу откупоривать.

ЯНО. Жаль. Но, с другой стороны, правильно. А нельзя ли это вино в бочонок поменьше размером перелить? Или, скажем, в бутылку. Я бы тебе за него грибов дал.

ФИЛА. А где бы ты грибы набрал?

ЯНО. Как — где? В лесу. Вот они.

ФИЛА. И правда, грибы.

ЯНО. Одни белые.

ФИЛА. Это разве белые?.. Ну да, белые.

ЯНО. Послушай, и что, ты так одна и работаешь?

ФИЛА. Одна. Я ведь только пасынки выщипываю. Да кое-где подвязываю. Вот, погляди, у меня для этого соломенная мочалка. Потрогай, какая она влажная, гибкая и мягкая. Ну, потрогай. Не стесняйся.

ЯНО. Действительно влажная. Фьюлио! Фьюлио! Фьюлиолио!

ФИЛА. Куда тебе до иволги! Это, наверно, в городе иволга так фальшиво поет.

ЯНО. Фьюлиолио! Фьюлиолио!

ФИЛА. Оставь меня в покое! Не хватай! Что ты меня все хватаешь? Все хватаешь да дергаешь. Я этих глупостей не люблю.

ЯНО. Прости, Фила. Это я тебя случайно коснулся, когда мочалку трогал. Ну, прости. Знаешь что, Филка. Я тут немного вздремну.

ФИЛА. Почему именно тут?

ЯНО. Ты себе спокойно работай. А я подремлю и дальше пойду. Филка, а перекусить у тебя не

найдется?

ФИЛА. Чего ты, собственно, хочешь? Сроду я такого привязчивого мужика не встречала. Правду мне матушка говорила: мужчины все плохие. Ступай себе!.. Погоди! Если хочешь, у меня есть тут немного еды. Иди поешь. Я тоже уже голодная. Ну, что снова, осел ты этакий. Теперь ломаться будешь. Иди.

ЯНО. Фьюлио! Фьюлио! Фьюлиолио!

ФИЛА. И что ты меня все время хватаешь! Что ты меня дергаешь!

ЯНО. Прости, Филка. Это я случайно. О чем это мы говорили?

ФИЛА. Молчи и ешь!

ЯНО. Фьюлиолио! Фьюлиолио!

ФИЛА. И что ты меня тут все дергаешь?!

ЯНО. Ну, прости, прости. Говоришь, ты не замужем?

ФИЛА. Не замужем. И что ты все расспрашиваешь?

ЯНО. Я тоже свободу люблю. И у тебя вправду никого нет? А что родители? Замуж тебя не гонят?

ФИЛА. Да я же одна, осел ты дурной. Я ведь тебе говорила. Только брат у меня. Йожо. Но он со мной не живет. Женился он. А его жена Бора

меня не любит.

ЯНО. Понимаю. Его жена Бора тебя не любит. Теперь я все знаю. Филка, ведь и я тоже сирота. Фьюлио! Фьюлио!

ФИЛА. Убери лапы! Что ты меня все дергаешь? Какая ты сирота? Взрослый мужик. Что ты вздыхаешь? Развздыхался тут, сиротой прикинулся. Убери свои лапы!

ЯНО. Филка, почему ты меня оскорбляешь? Да, я сирота. Думаешь, у взрослого мужика нет чувства? Есть. А когда я немного выпью, оно еще больше. Жаль, что у тебя нет тут этого вина. Я думаю, Филка, следовало бы тот твой бочонок откупорить. А он точно не откупорен?

ФИЛА. Точно. Ты что же обо мне думаешь?

ЯНО. Так давай зайдем к тебе. Откупорим его? А, Филка?

ФИЛА. Даже не думай!

ЯНО. Значит, ничего?

ФИЛА. Да, ничего.

ЯНО. Совсем ничего?

ФИЛА. Да, совсем ничего!

ЯНО. Ни полстакана?

ФИЛА. Да что такое полстакана? Ну, не знаю, Яно. Ни полстакана. Бочонок маленький. А что, если покупатель приедет?

ЯНО. Так, значит, совсем ничего? Хорошо. Воды напьюсь. Из того родника. А на вино плевать.

ФИЛА. А вот ей не плевать.

ЯНО. Кому?

ФИЛА. Сноха у меня злая. Бора за мной все время следит. Если бы увидела, что в мою хатку чужой мужчина входит…

ЯНО. И что? Ты с ней на одном дворе живешь?

ФИЛА. Боже сохрани!

ЯНО. Так что ты ее боишься?

ФИЛА. Да кто ж ее не боится? Она и моего брата Йожо пилит.

ЯНО. Почему?

ФИЛА. Из-за этого моего виноградника. Завидуют мне.

ЯНО. Можешь мне больше ничего не говорить. Все понятно. Странный брат. И Бора странная. Ей-богу, теперь мне еще больше хочется то твое вино попробовать! Откупорим его? Фьюлио! Фьюлио!

ФИЛА. Нет, нет, только не сердись.

ЯНО. Хорошо, не сегодня. Но я скоро приду и постучусь к тебе в окошко. Ей-богу, приду.

Картина 3

Комнатка ФИЛКИ.

ФИЛА. Раз уж вы пришли, так съешьте что-нибудь. Я испекла лепешки с тмином.

БОРА. Какие-то они невкусные.

ФИЛА. А, это я, наверно, забыла тмин положить. А может, и яйца тоже.

БОРА. А говоришь, лепешки с тмином! Одна вода с мукой. Еще зубы сломаю.

ЙОЖО. А я люблю лепешки с тмином. Вкусные. Только не очень сладкие.

ФИЛА. Про сахар я тоже забыла. Я и вправду хотела испечь лепешки с тмином… но рецепт, что мне мама оставила, потеряла. Ну и делала все так, по памяти.

БОРА. Мы сюда не за твоими лепешками пришли. Хотим о винограднике поговорить.

ФИЛА. Он — мой. Я его в наследство получила.

БОРА. Слышь, Фила, если уж ты у Йожо виноградник умыкнула, ты бы ему хотя бы комнату уступила.

ЙОЖО. Борка, что ты говоришь? Нам же есть где жить.

БОРА. Но только Йожо ничего от ваших не досталось, все ты одна загребла.

ЙОЖО. А поле, Грефты, это что? Мне мать Грефты оставила.

БОРА. Молчи!

ФИЛА. Йожо, может, ты мне на винограднике поможешь, а урожай тогда разделим.

БОРА. Шиш он тебе поможет!

ЙОЖО. А неплохо было бы. У Филки вино хорошее, я в прошлый раз пробовал…

БОРА. Слышь, Фила, чего это ты его к пьянству приучаешь? Хочешь подпоить его тем вином, которое сама у него и украла? Ваши-то все на тебя записали, потому что ты глупая была. Твоя мать все на глупость отдала, чтобы глупость еще больше процветала, чтобы ты еще глупее была.

ФИЛА. Это как ты о моей матери говоришь?

БОРА. А ты еще и обижаешься? Когда она померла, ты по ней даже и не плакала.

ФИЛА. Как не плакала? Я неделю плакала.

БОРА. Да что такое — неделю? По матери дольше надо!

ФИЛА. А зачем мне было столько хныкать? Еще и мама в могиле подумала бы, что я тут без нее не справляюсь. Да мне уже и плакать не хотелось. Солнышко так ярко светило, а мне что было — слезы лить?

ЙОЖО. Оно и сегодня светило. А у меня во рту пересохло. Фила, не нальешь мне немного вина?

БОРА. Только посмей мне мужа спаивать! Вставай, Йожо, пошли отсюда! Откупорим свой

бочонок и напьемся. У нас и свое вино есть. *(Оба уходят.)*

ФИЛА *(раздевается, собирается ложиться спать).* Если бы тут был Яно, он бы им дал! Только где этот свистун? Появился и исчез. А виноградник уже полагалось бы опрыскать. Это ведь мужская работа. Медного купороса я уже зимой натолкла, и известь приготовила… А этого Яно все не видать. Ну, разве не осел? Фьюлилин! *(Ложится в постель. Засыпает.)*

Картина 4

ФИЛА спит. Ей снится сон.

ЯНО. Фьюлилин! Фьюлилин! Где ты, Филка? Фьюлилин!

ФИЛА. Что этой птичке тут надо? И где она? А, вон там сидит… Что же это за птичка? Да ведь это Яно.

ЯНО. Фьюлилин! Фьюлилин! Что делаешь, Фила?

ФИЛА. Ты же видишь, что я делаю. Сплю. Услышала иволгу и побежала за ней, но вдруг вижу, это — ты.

ЯНО. Фьюлилин! Фьюлилин!

ФИЛА. Что смеешься, фьюлилин?!

ЯНО. Поймай меня, попробуй!

ФИЛА. Я летать не умею. И мама мне говорила, чтобы я за мужчинами не летала.

ЯНО. Фьюлилин, фьюлилин!

ФИЛА. Не скалься! Не такой уж ты красивый, чтобы так часто скалиться.

ЯНО. Фьюлилин, фьюлилин!

ФИЛА. Не озорничай, Яно. Не летай тут. Ведь я тебя даже почти не вижу. Зрение у меня слабое. Иной раз даже в иголку не попадаю.

ЯНО. Фьюлилин, фьюлилин! Раз ты слепая, вот тебе очки. Пожалуйста! Сейчас на тебя их надену…

ФИЛА. Не хочу очки!

ЯНО. Нет, оставь их себе. Ты похожа на сову. На умную сову… даже издали я вижу, что ты умная.

Конец сна.

Картина 5

В комнатке ФИЛЫ.

ФИЛА *(просыпается).* Ну и странный же сон. Такой глупый сон мне еще никогда не снился.

ЯНО. Фьюлио! Фьюлио!

ФИЛА. Ох, как ты меня напугал! Когда ты сюда

пришел? Что тут делаешь?

ЯНО. Да я сижу тут уже битый час и за тобой наблюдаю.

ФИЛА. Это сейчас-то, ночью? Что тут можно на мне такого увидеть?

ЯНО. Разное. Я ведь пришел попробовать твоего вина. Откупорим маленький бочонок?

ФИЛА. Яно, если тебе вина захотелось, так ты опоздал. Я уже вымыла этот бочонок.

ЯНО. Вымыла?

ФИЛА. Да, прополоскала его сначала горячей, а потом и холодной водой.

ЯНО. Неужели это правда, Филка?

ФИЛА. Осёл ты глупый, надо было раньше приходить.

ЯНО. Вот не повезло так не повезло. Ты могла бы мне хоть бутылку оставить.

ФИЛА. Не оставила.

ЯНО. Ну и ладно. Знаешь что, Филка? Если у тебя будет хороший урожай, я приду, помогу тебе с уборкой.

ФИЛА. А если будет плохой, думаешь, я его на винограднике оставлю?

ЯНО. Если хочешь, я и с прессом тебе помогу. Для пресса я прямо создан. На твоем винограднике ничего еще не наливается?

ФИЛА. Кажется, уже да.

ЯНО. Вот видишь. Пойдем вместе на виноградник, соберем урожай, отожмем, чтобы быстрее перебродило. А у тебя тут хорошо, Филка, и скатерка есть, и вазочка.

ФИЛА. Не насмешничай.

ЯНО. Нет, правда, мне тут нравится. И часы эти нравятся. Жаль только, что на них всего одна стрелка. Это маленькая или большая?

ФИЛА. Большая.

ЯНО. Хорошо. Потому что большая быстрее идет. Если хочешь, я заберу эти часы и отдам их в ремонт.

ФИЛА. Оставь часы в покое! Я уже к ним привыкла. Они мне от маменьки остались.

ЯНО. А ходят точно?

ФИЛА. Очень точно.

ЯНО. Сколько сейчас времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут. Надеюсь, ты тут надолго не задержишься. Я чужого мужчину ночью в доме не потерплю.

ЯНО. Да я и так уже собирался. Так я пошел. (*Уходит. Возвращается.)* Мы забыли договориться на завтра…

ФИЛА. О чем договориться?

ЯНО. Ну, о сборе урожая, а потом об этом прес-

се.

ФИЛА. А вдруг меня с тобой увидит Бора, тогда что?

ЯНО. Какое тебе дело до Боры? Возьмемся за это дело, и баста. А путня[47] у тебя уже приготовлена?

ФИЛА. Да. Но я с ней никого на виноградник не пущу.

ЯНО. Так я хотя бы отжимать тебе помогу.

ФИЛА. Я сама отжимаю. Но если бы ты все-таки случайно зашел, можешь виноград в мезгу дробить или колоду переложить.

ЯНО. И подроблю, и колоду переложу.

ФИЛА. Но я все равно буду беспокоиться. А вдруг Йожо сюда заглянет. Увидит нас, как мы тут с тобой виноград отжимаем, и что подумает?

ЯНО. Пусть думает что хочет. Не бойся, и отожмем, и мезгу подроблю, и колоду переложу — но только если ты захочешь.

ФИЛА. Не знаю, Яно, если ты так думаешь…

ЯНО. Значит, договорились. Сколько сейчас времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут.

ЯНО. Уже ухожу. (*Уходит. Возвращается и ло-*

---

[47] Примечания: 47

Путня — деревянное заплечное ведро для сбора винограда.

жится к Филе в постель.)

ФИЛА. Чего тебе?

ЯНО. Филка, я забыл у тебя палочку.

ФИЛА. Нет тут никакой палочки. И зачем такому ослу палочка?

ЯНО. Филка, я не могу без этой палочки вернуться. У меня будут неприятности.

ФИЛА. Яно, ты что делаешь?.. Ты же меня задушишь!

ЯНО. Перестань, Филка, не будь глупой! Я же тебя только обнимаю.

ФИЛА. Ах ты, обманщик! Так ты за этим ко мне залез! А еще говорил, палочка... *(Выскакивает из постели.)*

ЯНО. Признаюсь, я тебя обманул. Но ты же вся дрожишь. Иди сюда. Ложись, так хоть успокоишься.

ФИЛА. Думаешь? *(Снова ложится.)*

ЯНО. Вот видишь, в постели хорошо. И тепло. Знаешь что, Филка?

ФИЛА. Что, Яно?

ЯНО. Говоришь, урожай хороший будет?

ФИЛА. Похоже на то.

ЯНО. Вина будет достаточно?

ФИЛА. Ох! Ох! О-хо-хо!

ЯНО. О-хо-хо! Не бойся!

ФИЛА. Чего?

ЯНО. Вино мы сразу не продадим, а немножко подождем…

ФИЛА. Чего ты собираешься ждать?

ЯНО. Ну-у-у…

ФИЛА. Что?

ЯНО. Ну, пока винцо осветлится, а потом…

ФИЛА. Нет, сразу!

ЯНО. А потом мы поженимся.

ФИЛА. Ты жениться хочешь?

ЯНО. А почему бы и нет?

ФИЛА. Да ну тебя! Что бы мне брат сказал? Нет! Нет!

ЯНО. Да! Филка, ты взрослая женщина, никто не может тебе приказывать. Да!

ФИЛА. Нет!

ЯНО. Да!

ФИЛА. Нет, нет, Яно, не торопись!

ЯНО. Почему?

ФИЛА. Я ведь даже не очень-то тебя и знаю. Не знаю, где ты работаешь.

ЯНО. Ты знаешь, что я — Яно, и достаточно. Ну а где я работаю?

ФИЛА. Где ты работаешь, Яно?

ЯНО. Где мне работать? Работаю.

ФИЛА. Но где, где, где-е-е?

ЯНО. Ну-у-у… У меня в городе есть комнатка. Я — городской работник.

ФИЛА. Нет!

ЯНО. Да!

ФИЛА. Я не такая глупая, чтобы поверить в эту ерунду. Ох!

ЯНО. О-хо-хо! Но я и в других работах разбираюсь.

ФИЛА. Да?

ЯНО. Нет. То есть да. Я иногда и улицы подметаю.

ФИЛА. Ох! О-ох… а я-то думала бог знает что! Ой-ой!

ЯНО. О-хо-хо! Ну, так как?

ФИЛА. Что как?

ЯНО. Ты уже успокоилась?

ФИЛА. Наверно.

ЯНО. Уже и не дрожишь. Так что, Филка, поженимся?

ФИЛА. Ладно. Но только свадьбу справим тихо.

ЯНО. Тихо.

ФИЛА. Тсс! Тише! Слышишь? В саду поет иволга.

ЯНО. Иволга? Ничего не слышу.

ФИЛА. Так слушай… Фьюлио, фьюлио…

ЯНО. Фьюлио, фьюлио, фьюлиолио!

Картина 6

Свадьба. В комнате ФИЛКИ.

За свадебным столом: ФИЛА, ЯНО, БОРА, ЙОЖО.

ФИЛА. Яно, ты как себя чувствуешь?

ЯНО. Хорошо. Именно такую свадьбу я и хотел. Тихую.

ФИЛА. И мне эта тишина по душе.

ЯНО. И венчание мы справили тихо.

ФИЛА. Тихо. И ты утихомирься.

ЯНО. Я уже утихомирился.

БОРА. Фила, ну, ей-богу, ты совсем помешалась! Зачем тебе муж? Да еще такой? Вы оба, видать, одинаково придурковатые.

ЙОЖО. Какой шел, такую и нашел.

ЯНО. Йожо, утихомирься. Не цепляйся к нам!

ФИЛА. Пускай цепляются, оставь их.

ЯНО. Я на них и внимания не буду обращать. Если мы действительно одинаково придурковатые, значит, будем друг друга понимать лучше.

ФИЛА. Вот именно. Яно, ты и вправду хорошо себя чувствуешь?

ЯНО. Вправду, Филка.

ФИЛА. Тут весело и тихо.

ЯНО. Именно. Весело и тихо. Еды тут достаточ-

но, да и выпивки тоже. Может, вот так и должен выглядеть коммунизм. Или даже еще лучше.

ФИЛА. Тихо. Утихомирься.

ЯНО. Уже утихомирился.

Картина 7

В комнате ФИЛКИ.

ЯНО. Ку-ку! Ку-ку!

ФИЛА. Что ты кукуешь?

ЯНО. Ты больше любишь иволгу, а я с кукушкой подружился. Ку-ку!

ФИЛА. Две недели тебя дома не было. Где ты бродил?

ЯНО. Да ведь я тебе и говорю — меня кукушка позвала. Закуковала и говорит мне: «Иди за мной, Яно, ничего не бойся, лес большой, бери что хочешь!» Я и пошел в лес, и погляди, что я тебе принес… Бумажную розу и желуди.

ФИЛА. Желуди? Я что, кабан? Осел ты глупый! Бумажный! В доме ни гроша, а тебя вечно где-то носит!

ЯНО. Разве я виноват, что работы лишился? Кризис ведь, мировой. Даже город не подметают.

ФИЛА. Из-за этого тебе не обязательно по лесу бегать.

ЯНО. А в прошлый раз я принес из леса зайца, а до этого — рябчика.

ФИЛА. Тебе бы все по лесу бегать, браконьерствовать... Поймают тебя когда-нибудь.

ЯНО. Не поймают.

ФИЛА. И из дому тащишь. Фасоль вот продал, а ни гроша за нее не принес.

ЯНО. Плевал я на деньги!

ФИЛА. Конечно, плевал. Если бы тебе работать хотелось, ты бы не плевал.

ЯНО. Что ты говоришь? Разве я мало работаю?

ФИЛА. А ты и вино хлещешь порядочно. Ку-ку!

ЯНО. А кто не хлещет, скажи?

ФИЛА. Прошлогоднее вино ты один выхлестал.

ЯНО. Ну, видишь. Ку-ку.

ФИЛА. Ничего не вижу.

ЯНО. А что ты хочешь увидеть? Я тебе ничего не показываю.

ФИЛА. А хоть бы и показывал, ничего я не вижу. Зрение слабеет. Говорю тебе, перестань вино хлестать.

ЯНО. Да я и не хлещу. Вот только работать и вино не хлестать — это плохая затея.

ФИЛА. Хорошо, оставим вино. Куда ты часы девал?

ЯНО. Часовщику в ремонт отнес.

ФИЛА. Не верю я в твоего часовщика. Принеси их назад.

ЯНО. Ты мне не веришь?

ФИЛА. Не верю.

ЯНО. Ну ладно, не отдал я их в ремонт. Но они в городе, точно. Разве я виноват, что у меня в городе есть комната? Это ведь и твоя комната.

ФИЛА. На что нам две комнаты?

ЯНО. Знаешь, я вот что подумал: с весны до осени мы можем жить тут, в деревне, а в городе зимовать будем.

ФИЛА. Нет.

ЯНО. Хорошо. Плевал я на город, но комнаты все же обе себе оставим. Сколько времени?

ФИЛА. Осел, как я могу знать, когда у меня часов нет?

ЯНО. Ладно, ладно, не буду больше спрашивать. Знаешь что, Филка? Наймусь-ка я егерем. Тогда проще будет с виноградника в лес бегать. Рябчика караулить…

ФИЛА. Ку-ку! Ку-ку!

ЯНО. Что кукуешь?

ФИЛА. Не я кукую. Это тебя твоя кукушка зовет! Беги в лес, осёл ты глупый! Доставай из силков рябчиков, а меня оставь в покое. Егерь!

ЯНО. Ку-ку, ку-ку! И вправду меня кукушка

зовет.

ФИЛА. Куковать, это ты умеешь! Да еще бумажные розы приносить. Отправляйся в свой лес!

ЯНО. И пойду, раз ты посылаешь.

Картина 8

В комнате ФИЛКИ.

ФИЛА *(поет).* «Ветром наклонено, ветром наклонено, ветром наклонено на нашу сторону…» А дальше я не знаю. Всякий раз, когда мне грустно, вспоминаю про нашего Густо. В этой Италии на его могилке наверняка деревце растет. А сегодня я вспомнила и про отца, которого белый снежок замёл, и про маму, которая мне всё твердила: «Филка, мужчины плохие!» Грустно мне. Хотела вышивать, да не попадаю ниткой в игольное ушко. Вот и не вышиваю. Грустно мне.

Входят ЯНО и ЙОЖО. Оба пьяные.

ЯНО. Угадай, Филка, кого я привел.

ФИЛА. И гадать не нужно, я же вижу. Йожо, что тебе тут надо?

ЙОЖО. Ничего не надо. Я привел тебе Яно. Яно…

ЯНО. Да, это я, Яно.

ЙОЖО. Видишь, это Яно.

ФИЛА. Вижу. И как же это вы так снюхались? Вы же в ссоре.

ЯНО. Какие ссоры? Мы ведь родня.

ЙОЖО. Точно. А человек родню не выбирает. Не можем же мы вечно быть в ссоре. Мы родня.

ЯНО. Как это поется?.. Мы, валахи, большая семья… А? Разве не так?

ЙОЖО. Иди в задницу со своими валахами! Вот. Мы друг друга понимаем?

ЯНО. Понимаем. Да, а что нам надо?

ЙОЖО. Что надо?

БОРА *(входит).* Йожо! Чего тебе тут надо?

ЙОЖО. Чего мне тут надо? Ничего. Яно я привел.

БОРА. Говорила я тебе, не связывайся с этими родственничками! Нужны они нам больно.

ЙОЖО. Борка…

БОРА. Молчи!

ЯНО. Человек родню не выбирает.

БОРА. А тебя не спрашивают! Ты лучше наш дом стороной обходи! Егерь!

ЯНО. Осторожнее! Я егерь, а это общественная служба!

БОРА. Да на что такой егерь нужен! Кто у нас крыжовник обобрал? Мы всегда повидло варим,

крыжовенное. А теперь что? И лук у нас куда-то пропал. И бараний горох кто-то попусту пощелкал.

ЙОЖО. Ты права, бараний горох щелкает. Вот так: щелк! щёлк!

БОРА. Молчи! А на фасоли кто-то стручки, еще недозрелые, оборвал. И снопы жита у нас пропали. Где они? На что нам такой егерь?

ЙОЖО. Все, Яно, с егерской службой можешь распрощаться!

БОРА. Это ты правильно сказал, Йожо, трезво начинаешь рассуждать. Мы-то уж постараемся, чтобы его егерской службе пришел конец.

ЙОЖО. Яно, твоей службе конец!

БОРА. Ноги нашей здесь не будет. Пошли! *(Бора и Йожо уходят.)*

ФИЛА. Вот, слышал, конец твоей службе, егерь! Можешь идти теперь на все четыре стороны!

ЯНО. Филка, я природу люблю. И к деревне уже привык, только вот деревенских жителей не переношу. Они тебе и выпить дадут, и закусить, но, как только ветер в другую сторону подует, у них сразу в мозгах каша. Просто убить тебя готовы. Ни за что ни про что. Не сердись, Филка, но я отсюда уматываю. Не нужен даже твой виноградник.

ФИЛА. Да что ты такое говоришь? Сейчас от-

сюда уйти?

ЯНО. А виноградник к черту пошлем. На что он нам нужен?

ФИЛА. Да ведь он мне от родителей достался. И эта комнатка.

ЯНО. Ну и что? Филка, я человек городской, а в городе у нас тоже комнатка есть. Продай виноградник. Все продай.

ФИЛА. Наследство продать? Никогда!

ЯНО. Не будь глупой, Фила! Ты же можешь родне продать. Твой брат Йожо на наследство клюнет. А Бора еще и руки целовать будет. И деньги у нас будут. Куплю себе ружье, и все зайцы у меня по струнке ходить будут.

ФИЛА. Нет! Да и зайчатина скоро приестся.

ЯНО. Филка, так я буду через день рябчиков стрелять. Но в иволгу стрелять не буду. Иволга пусть поет. Фьюлио! Фьюлио! Фьюлиолио!

ФИЛА. Ладно. Продадим виноградник и эту комнатку. Яно, какой же ты осел! Всегда ты меня уговоришь.

Картина 9

В городской комнатке.

ФИЛА. Я к этой городской комнате, верно, так

никогда и не привыкну. Погляжу из окна, и что я вижу? Сырой темный двор и серую стену. Погляжу из другого окна — и ничего. У нас ведь даже второго окна нет. Не привыкну я тут.

ЯНО *(входит).* Филка, закрой глаза и угадай, что я купил. Ну?

ФИЛА. Наверняка глупость какую-нибудь.

ЯНО. Не подглядывай! Угадай!

ФИЛА. Ну, скажем… ружье.

ЯНО. Ну… Нет. Куда там! Да и зачем ружье? Попробуй угадать еще разок…

ФИЛА. Ну, тогда ты купил блюдо для запекания.

ЯНО. Да ты прямо ясновидящая. Блюдо, но какое?

ФИЛА. Какое, какое… Какое бывает блюдо? Глиняное!

ЯНО. Ты подглядывала.

ФИЛА. Не подглядывала. Ты же знаешь, что я плохо вижу, даже когда смотрю. И зачем тебе это блюдо?

ЯНО. В блюде гусь лучше печется.

ФИЛА. Откуда же мы возьмем гуся?

ЯНО. А я подстрелю зайца и обменяю его на гуся.

ФИЛА. А как же ты собираешься подстрелить

зайца?

ЯНО. Из ружья. А ты думала — из рогатки?

ФИЛА. Так ты все-таки и ружье купил.

ЯНО. Не отрицаю. Вот оно. Ну, что скажешь?

ФИЛА. Это ружье?

ЯНО. В нем не хватает еще одной нужной детали.

ФИЛА. Старая рухлядь.

ЯНО. У тебя часы с одной стрелкой, а у меня ружье — рухлядь. Не бойся, я его починю. Да еще мне пару крон на бинокль нужно.

ФИЛА. Деньги за виноградник уже все испарились.

ЯНО. Что за ерунда, не может быть! Куда же они делись?

ФИЛА. Мы купили стол, кастрюлю, две ложки, ты сам много пропил, ну а на последние ты купил блюдо и это ружье.

ЯНО. Это были последние? Гм. Не бойся, Филка, голодными не останемся. Подстрелю зайца, обменяю на гуся… Только одной детали мне еще не хватает. И бинокля. Что без бинокля подстрелишь? Ничего.

ФИЛА. Деньги испарились!

ЯНО. Фила! Ну к чему нам, скажем, стол? А? Продам стол, раздобуду деталь…

ФИЛА. А как же мы без стола?

ЯНО. Как, как… Не знаю. Не знаю, Фила, в курсе ли ты, но между нами и чехами прямо искры летят.

ФИЛА. Как — искры летят?

ЯНО. Очень опасно. Вот как. Достаточно только пальцами щелкнуть, и Чехословакия развалится[48].

ФИЛА. Так и не щелкай! А что тут общего с нашим столом?

ЯНО. Республика развалится, и мы будем сами все решать. Вот решим, что стол нам не нужен, так ни один чех нам слова поперек не скажет. Понимаешь?

ФИЛА. Ладно. Бери стол и ступай! Меня всегда легко обдурить.

Картина 10

В городской комнатке.

ФИЛА. Яно! Яно, зачем ты это делаешь?

ЯНО. В чем дело? Что случилось?

ФИЛА. Сам знаешь, что случилось. Зачем ты мне этот камешек сунул в туфлю? У меня в туфле

---

[48] Примечания: 48
Имеются в виду события накануне Второй мировой войны.

камешек.

ЯНО. Да чтобы я тебе камешек в туфлю сунул? Откуда ты взяла?

ФИЛА. Это ты откуда-то взял. Камешек. И в мою туфлю сунул. Это не в первый раз.

ЯНО. Не выдумывай. Сколько сейчас времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут.

ЯНО. Знаешь, откуда может быть этот камешек? С твоего виноградника.

ФИЛА. Не болтай глупости. Если еще раз сунешь мне камешек в туфлю, уйду от тебя, вот увидишь. А про виноградник мне лучше не напоминай. Ты сам его и просвистел.

ЯНО. Это как? Он же в твоей семье остался. Йожо доволен. Бора утихомирилась. И что они с этого имеют? Только забот полон рот и кучу детей. Сами пасынки выщипывают, а дети верещат.

ФИЛА. Детский крик в радость. Мне бы он тоже в радость был.

ЯНО. Об этом забудь.

ФИЛА. Осел ты глупый! Зачем же мы поженились?

ЯНО. Думаешь, ради детей? Ты, наверно, газет не читаешь.

ФИЛА. Читаю, только не вижу там ничего. Зрение у меня слабеет.

ЯНО. В газетах пишут, война началась. Вторая мировая.

ФИЛА. Эти разбойники снова на чужих детей зубы точат.

ЯНО. А у нас их, слава богу, нет. От нас они шиш получат. Да что там шиш — дерьмо получат. Слушай, Филка, а знаешь, кто тебе сунул этот камешек в туфлю? Скорее всего, кто-нибудь из детей.

ФИЛА. Кто? Ведь у нас нет детей!

ЯНО. Чужой какой-нибудь сорванец. Наверняка теперь даже дети готовятся к войне. Мальчишка пульнул из рогатки, камешек влетел через открытое окно и прямиком в твою туфлю.

ФИЛА. Прямиком! У меня же тут два камешка. В каждой туфле.

ЯНО. Ну и чему удивляться? Он мог пульнуть и двумя. Один упал в одну, второй во вторую. Чего еще ждать от этих детей?

ФИЛА. Ладно, оставим детей. А где твое ружье?

ЯНО. Жандармы забрали. Но бинокль при мне остался.

ФИЛА. Можешь смотреть через него в пустое блюдо.

ЯНО. Но жандармам я уж все высказал! Я им прямо сказал: «В бога, в душу! Ружье у меня от-

бираете? Тогда наклал я на ваш город и на ваши улицы. И на вас…» — но тут я сбавил тон и только процедил сквозь зубы: «И на вас плевал!»

ФИЛА. А они что?

ЯНО. Ничего.

ФИЛА. Правда ничего?

ЯНО. Побили меня.

ФИЛА. Куда ты собираешься?

ЯНО. Ты и вправду ничего не знаешь? Мобилизацию объявили. Я должен явиться в казармы.

ФИЛА. Сейчас? В самый сбор урожая?

ЯНО. А что ты собирать хочешь? У тебя все твой виноградник на уме.

ФИЛА. А ты и вправду должен идти?

ЯНО. Не приставай!

ФИЛА. Летишь туда, потому что тебе там ружье дадут. Будто я тебя не знаю.

ЯНО. Ей-богу, меня с тебя кондрашка хватит! Еще скажи, что это я мобилизацию объявил.

ФИЛА. Ну и ступай, черт старый! И пусть тебя подальше пошлют. Куда-нибудь в Италию, как нашего Густо. Что, ты уже и вправду идешь?

ЯНО. Иду.

ФИЛА. Подожди. Ты хоть простись со мной.

ЯНО. Не бойся, Филка, ничего со мной не случится. Сразу, как приду в казармы, украду одеяло

и пришлю тебе в посылке.

ФИЛА. Ты что, с ума сошел? Ничего не посылай. Тебя в тюрьму запрут, и меня допрашивать будут.

ЯНО. Ну, как хочешь. Тогда не буду красть одеяло. Ладно, Филка, я пошел.

Картина 11

В городской комнатке.

ЯНО. Чтоб им пусто было! Я вернулся.

ФИЛА. Яно! Ты что, сбежал?

ЯНО. Чтоб им пусто было! Французы и англичане нас предали!

ФИЛА. Нас? Когда? Как? Я ведь и по-французски-то не понимаю.

ЯНО. Мы себе маршируем, тренируемся, границы охраняем, тревога за тревогой, и вдруг…

ФИЛА. Что? Боже ты мой!

ЯНО. Ничего. Сразу вдруг — ничего. Поступил приказ все сдать.

ФИЛА. Сдать? Почему? Кому? Мы ведь беднее церковной мыши.

ЯНО. Слушай и думай! Нам пришлось сдать ружья, форму, одеяла… Всё! Даже портянки. И отправили нас по домам.

ФИЛА. Слава богу! А я-то испугалась, что мы имущества лишимся.

ЯНО. Чтоб им пусто было!

ФИЛА. Что еще?

ЯНО. Чтоб им пусто было! Что это за армия? Сначала — ура, ура… а потом — ничего. Гитлера мы испугались. К чему вообще такая армия? Я даже одеяло не успел украсть.

ФИЛА. Яно, плюнь на это одеяло. Главное — ты здоровым вернулся. А что это у тебя из кармана выпало?

ЯНО. Записка, с адресом.

ФИЛА. Ну-ка… душистый адрес!

ЯНО. Это Марика, наверно, специально ее надушила, чтобы тебя позлить.

ФИЛА. Какая Марика?

ЯНО. Марика. Из Нитры. Вот же ее адрес.

ФИЛА. Не вижу. Такие мелкие буковки я уже не разбираю. Какая Марика?

ЯНО. Марика. Я же тебе говорю, из Нитры. Мы с ней в поезде познакомились. Я ей приглянулся, вот она мне адрес и оставила. И что она во мне увидела? Что?.. Ты что-то сказала?

ФИЛА. Нет. Ничего я не говорила. Меня только интересует, что ты будешь делать, если не хочешь улицы в городе подметать.

ЯНО. Небольшой заработок всегда можно найти.

ФИЛА. Где? В поезде?

ЯНО. Например, придут из лесной конторы и скажут: «Яно, у нас мало людей, сами мы не справляемся, а вы все-таки свой человек, лес знаете, могли бы кормушки обходить, где надо — подложить немного веток, сена…»

ФИЛА. А когда они придут?

ЯНО. Кто?

ФИЛА. Ну эти, из лесной конторы.

ЯНО. А черт их знает. Подождем.

ФИЛА. Я знаю, ты по лесу скучаешь. Хотел бы снова туда упорхнуть. А что это? Колокола?

ЯНО. В колокола звонят.

ФИЛА. Я слышу, что звонят. Но почему?

ЯНО. Филка, ты что, вправду не знаешь? Чехословакии уже нет. У нас теперь Словацкое государство. Потому и в колокола звонят.

ФИЛА. Звонят, звонят, Бранко гонят. А тебя зовут Яно, вот и не высовывайся.

ЯНО. А я могу и высунуться, и присвистнуть. У нас независимость. Гитлер теперь с нами. А

вместо Масарика[49] — Тисо. Понимаешь?

ФИЛА. Не понимаю. И ничего мне не говори. Лучше бы уж ты одеяло украл, это бы я поняла.

ЯНО. Еще и украду. И не только одеяло, но и сапоги. Видала ты, как у ребят из «Гарды»[50] сапоги блестят?

ФИЛА. Это у тебя глаза блестят. Где ты пил?

ЯНО. Я за нашу независимость выпил. Филка, сколько времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут.

ЯНО. Так поздно? Ей-богу, Филка, пойду и запишусь в эту «Гарду».

ФИЛА. Зачем? Что ты там будешь делать?

ЯНО. То же, что и другие. Маршировать я умею, сапоги мне выдадут, даже красть не надо…

ФИЛА. Оставь часы в покое! Зачем они тебе?

ЯНО. Ты что, думаешь, в «Гарду» просто так берут, задаром? Тут же все равно маленькой стрелки не хватает.

ФИЛА. Ну и что? Они ходят точно, до минуты. Яно!..

---

[49] Примечания: 49

Томаш Гарриг Масарик (1850–1937) — чехословацкий государственный и политический деятель, с 1918 по 1935 год президент Чехословацкой Республики.

[50] Примечания: 50

Глинковская Гарда — фашистское формирование самообороны.

Картина 12

В городской комнатке.

ФИЛА. Яно! Ну, как там в «Гарде»?

ЯНО. Плевал я на такую «Гарду». А знаешь, Филка, кого я там у них встретил? Твоего брата Йожо.

ФИЛА. Не может такого быть!

ЯНО. Да нет, говорю тебе, твой брат Йожо — гардист.

ФИЛА. Я про это и слышать не хочу, даже и не говори.

ЯНО. Плевал я на такую «Гарду». Ружье мне дать не захотели, а сапоги, мол, у каждого свои. Так я над ними посмеялся и послал кое-куда. Конкретно — в задницу.

ФИЛА. В самом деле послал?

ЯНО. Можешь мне поверить. А еще я сказал им, что у них всё дерьма не стоит, такая это организация. На что нужна такая «Гарда», если даже сапог не дают? Накласть на такую «Гарду»!

ФИЛА. А они что на это?

ЯНО. Им пришлось это признать.

ФИЛА. А часы назад принес?

ЯНО. Сама видишь.

ФИЛА. А где большая стрелка?

ЯНО. Отломилась.

ФИЛА. Как?

ЯНО. Я упал, и стрелка отломилась. Но часы идут.

ФИЛА. Слава богу. А почему ты упал?

ЯНО. Так я же тебе говорю, когда я им сказал все, что об их «Гарде» думаю, они это признали, но потом пнули меня под зад. Потому я и упал, раз уж ты такая любопытная. Но я-то знаю, кто пнул. Я его хорошо запомнил.

ФИЛА. Надо было сдачи дать.

ЯНО. Разумеется, я дал.

ФИЛА. Тоже пнул?

ЯНО. Нет, отошел подальше и крикнул: «Грубияны вы, гардисты, паршивые! Я ведь этот сапог узнал, попомнит он еще у меня, все вы попомните, никакая „Гарда“ вам не поможет… паршивцы!»

ФИЛА. А они что?

ЯНО. Ничего. Наверно, не услышали. Я ведь уже довольно далеко был. Съесть бы чего-нибудь. Ты готовила?

ФИЛА. Готовила. Только уже не помню когда. Может, что еще и осталось. Погляди в кастрюле.

ЯНО. Она пустая.

ФИЛА. Ну, хоть увидишь, что в доме нет ни гроша.

ЯНО. Что, и вправду не найдется ничего съестного?

ФИЛА. Разве только это.

ЯНО. А что это?

ФИЛА. Письмо. Пахнет, как тот адрес из Нитры.

ЯНО. Это Марика пишет?

ФИЛА. Не разберу буквы. Сам прочитай.

ЯНО. Да, это Марика пишет…

ФИЛА. Что пишет?

ЯНО. Разное.

ФИЛА. Как она к тебе обращается?

ЯНО. «Сладкий Яничек». В Нитру меня приглашает.

ФИЛА. Зачем?

ЯНО. Пишет, что уже приготовила для меня мятные пастилки и сладкую малинку.

ФИЛА. Что еще такое?

ЯНО. Не хочется объяснять. Ну, понимаешь, пастилки, малина… ням-ням.

ФИЛА. И ты поедешь к ней?

ЯНО. А почему бы мне не поехать?

ФИЛА. В Нитру? Ведь ты женатый!

ЯНО. Я же не собираюсь ее там съесть. Схожу к

ней в гости, передам и от тебя тоже привет.

ФИЛА. Ладно, передавай ей привет. А раз уж будешь в Нитре, передай привет и святым Кириллу и Мефодию, которые всем словакам принесли в матушку Нитру писание.

ЯНО. Ладно, передам привет и этим двум писателям. А может, и к архиепископу в гости зайду. Никогда я еще с архиепископом не разговаривал.

ФИЛА. Ну, беги, беги! Архиепископ тебя тоже, наверно, ждет не дождется.

Картина 13

В городской комнатке.

ЯНО. Терем-теремок, кто в тереме живет? Э-эй! Есть кто дома?

ФИЛА. Не ори. Тут я, уже задремала.

ЯНО. Ты так рано спать ложишься?

ФИЛА. Ложусь. Пораньше засну, и ужинать не надо.

ЯНО. Филка, знаешь, какой красивый город Нитра?

ФИЛА. Да мне-то какое дело. Что ты там видел?

ЯНО. К архиепископу в гости ходил. Он мне

десять крон дал.

ФИЛА. За что? И не стыдно тебе было?

ЯНО. А ему не стыдно было? Десять крон и капеллан мог бы дать. Я, наверно, плохо плакал.

ФИЛА. Ты плакал? Такой бесчувственный осел!

ЯНО. Да, плакал. Говорю ему: «Пан набожный, пан наш достойный, наидостойнейший…» Еще кое-что хотел добавить, но из глаз слезы полились. Ох, ох…

ФИЛА. А сейчас что хнычешь?

ЯНО. Спросил он меня, откуда я.

ФИЛА. А ты?

ЯНО. Сказал… живу с Филкой, в маленькой городской комнатке… Мы любим друг друга.

ФИЛА. Не плачь! Плач тебе не поможет. Яно, знаю я, почему ты плачешь. Ты был в Нитре и спутался там с этой Марикой. Что это за женщина?

ЯНО. Женщина как женщина. Как любая другая.

ФИЛА. И ты был с ней весь этот месяц?

ЯНО. Ну… я и по городу ходил, по Нитре… Знаешь, какой красивый город? Ходишь, любуешься… я, может быть, туда снова как-нибудь наведаюсь.

ФИЛА. По мне, хоть сейчас иди! Знаешь куда!

ЯНО. Сколько времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут

ЯНО. Точно идут?

ФИЛА. Точно.

ЯНО. Так я пошел.

ФИЛА. Куда?

ЯНО. В Нитру. Ты сама меня туда послала.

ФИЛА. Я тебя послала… Знаешь куда! А это не в Нитру, ты сам знаешь, куда это!

ЯНО. Филка, знаешь, какой Нитра красивый город? Я там и работу нашел. Вот увидишь, сколько денег я тебе пришлю. Потерпи только. Может, я даже привезу домой гуся. А то зачем нам это блюдо? Нужно его обновить. И погляди… Вот! Платье в цветочек. Для тебя! Я нарочно тебе сразу не показал. Видишь, какое качество?

ФИЛА. Не вижу.

ЯНО. А ты пощупай!

ФИЛА. Оно же ношеное. Дешевая тряпка.

ЯНО. Ну, тогда ты совсем слепая. Оно новое. Эту дырочку можно просто заштопать и все платье прогладить.

ФИЛА. Думаешь, я не могу новое от старого отличить?

ЯНО. Так оно почти новое. Марика его долго не носила. Ты примерь.

ФИЛА. Да ни за что на свете! Не надену, хоть ты кожу с меня сдирай.

ЯНО. Да мне, собственно, все равно. Я в Нитру должен поторапливаться, потому что послезавтра уже на работу заступаю.

ФИЛА. Ну и поторапливайся!

ЯНО. И поторапливаюсь!

Картина 14

В городской комнатке.

ФИЛА примеряет платье в цветочек.

ГАРДИСТ *(входит).* Фила, где твой муж?

ФИЛА. Откуда мне знать где? Йожо!

ГАРДИСТ. Какой Йожо? Твой муж — Яно.

ФИЛА. Йожо! Ты очень похож на моего брата, Йожо.

ГАРДИСТ. Ты совсем слепая.

ФИЛА. Ты прав, плохо я вижу. Но ты — выли-тый Йожо, мой брат.

ГАРДИСТ. Все мы в «Гарде» братья и сестры. Потому ты и путаешь. Фила, где твой муж?

ФИЛА. Я же говорю, не знаю.

ГАРДИСТ. Как это — не знаешь? Кому же знать, как не тебе?

ФИЛА. Ничего я о нем не знаю. Оставили бы вы

его в покое. А то — под зад пнули, ружье у него отобрали… Ладно, пусть он браконьерствовал, но ведь и о зверях заботился. Кто на своей спине соль таскал? Кто ходил их кормить, даже когда сугробы лежали? Яно.

ГАРДИСТ. Ну а сейчас он где? Хоть приблизительно?

ФИЛА. Фьюлио, фьюлио, фьюлио!

ГАРДИСТ. Что это ты чирикаешь?

ФИЛА. Так поет иволга.

ГАРДИСТ. Какая еще иволга?

ФИЛА. Иволга. Перелетная птица. Чехи ее зовут «жлува». А немцы вроде «пфингстфогель», троицына птица. В Германию она прилетает как раз на Троицу. В Словакии у нее несколько имен, где-то ее путают с дятлом, в других местах ее зовут «колюга» или «пивунь». Иволга поедает даже самых мохнатых гусениц. Самец красивее самки и поет красивее, но зато и большой ловкач. Сначала он самочку заманивает, льстиво так напевает: фьюлио, фьюлио, фьюлио! А потом просто плюнет на нее и сбежит… Фр-р-р!

ГАРДИСТ. Ну, хватит! Я сюда не на проповедь пришел. Яно где?

ФИЛА. Ищите его. Фьюлио, фьюлио, фьюлио! Иволга — красивая птица. Много гусениц может

склевать. Да и человеку иногда нужно чего-нибудь съесть.

ГАРДИСТ. Фила, ты глупая, а видишь далеко.

ФИЛА. Я дальше своего носа ничего не вижу. Ты и вправду не Йожо?

ГАРДИСТ. Не только слепая, но и глупая. С тобой невозможно разговаривать. В последний раз тебя спрашиваю, где Яно?

ФИЛА. Фьюлио, фьюлио, фьюлио!

ГАРДИСТ. С малых лет глупой была. *(Ударом приклада валит Филу на пол. Уходит.)*

Картина 15

В городской комнатке. ФИЛА лежит на полу.

ЯНО. Филка! Фьюлиа, фьюлиа, где же эта Фила?.. Почему ты лежишь на полу?

ФИЛА. Голова закружилась, вот я и брякнулась. Уже такая неловкая стала, как мотовило. А ты где был так долго?

ЯНО. Что это ты такая сердитая? Я вот рад, что жив остался и войне уже конец. А ты будто злишься, что у меня над головой еще трава не растет.

ФИЛА. А хоть бы уже и росла! Тебя тут все время искали, все время выспрашивали…

ЯНО. Тебя тоже били?

ФИЛА. Не помню.

ЯНО. Вот видишь! А меня били, Филка! Так били, что почти убили. По голове, по ребрам, между ног пинали, по пальцам сапогами топтали, ключицу сломали… И не лечили, Филка, совсем не лечили! А знаешь, кто меня больше всех колотил? Твой брат Йожо.

ФИЛА. Быть того не может! Ты с ума сошел!

ЯНО. Почти что сошел. И зубы мне выбили!

ФИЛА. Да у тебя же есть зубы.

ЯНО. Не поверишь, снова выросли. Я как ящерица, оторвешь ей хвост, а он снова вырастет.

ФИЛА. А за что тебя так били?

ЯНО. За муку.

ФИЛА. Боже мой, да зачем же ты ее крал?

ЯНО. Я ее не крал. Носил.

ФИЛА. Куда же ты ее носил? Сюда ты ничего не принес.

ЯНО. В лес носил.

ФИЛА. Снова ерунду говоришь. В лес ты носил соль и сено. Что ты про муку говоришь?

ЯНО. Потому что я туда муку носил. И мясо, и сахар тоже. Вот только схватили меня, когда я нес мешок муки. Я носил припасы для партизан.

ФИЛА. И за это тебя так мучили?

ЯНО. Во время войны всё по-другому оцени-

вают. Тебе за кусок сахару или простую спичку вдруг кто-нибудь шею свернет. Зубы тебе выбьет, по пальцам попрыгает… А ты вдруг замечаешь, что тебя свой же и бьет. Такие мы, словаки. Но попробуй кому это скажи! В книжках об этом не напишут. По книжкам-то мы все голубки, поэты и певцы. Ни хрена!

ФИЛА. А ты правда уже здоров? Яно, сколько же ты вытерпел. А я еще на тебя напустилась. Ты уж не сердись.

ЯНО. Да я и не сержусь, я тебя прощаю, Филка. А сколько времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут.

ЯНО. Так я уже пойду.

ФИЛА. Куда ты снова собрался? Ты же только что пришел. ЯНО. В Чехию.

ФИЛА. Что же ты хочешь там делать?

ЯНО. Я с товарищами договорился. Говорят, там можно хорошо заработать.

ФИЛА. Да ты же работать не умеешь. Всю жизнь только по лесу бегал и зверье распугивал. Зачем тебе в Чехию ехать?

ЯНО. А я чехов полюбил. Но Чехию совсем не знаю. Ну а теперь мы снова одна страна. Это моя родина. Вот, я тебе кое-что спою. *(Поет.)*

Словак ты или чех —

один удел у всех.
Любят чехи карусель,
а словак идет в артель.

Когда Чехию покинул,
горя много я хлебнул.
Сяду я на карусель,
не пойду больше в артель.

Чехи на трубе играют,
много песен знают,
а словаки подпевают,
братьев чехов призывают.

ФИЛА. Твоя родина? Ты же не чех. А что ты перед войной пел? Кто им пел: «Чехи пёхом до Праги»?

ЯНО. Чтоб я такое пел?

ФИЛА. Пел.

ЯНО. Спроси, кто не пел. Это же песенка такая была. Не я ее придумал.

ФИЛА. Думаешь, я не знаю, почему ты в Чехию хочешь? Наверняка с этой Марикой сговорился.

ЯНО. С Марикой? Шутишь! Где теперь эта Марика!

ФИЛА. Тогда что ты выдумываешь?

ЯНО. Знаешь, Филка, там, в лесах, был среди партизан один чех. Яноушек. И меня этот Яноушек очень полюбил. У него жена и семеро детей.

ФИЛА. Яно, ведь и у нас могли быть дети.

ЯНО. Могли. Только их не было. Ну, и этот Яноушек дал мне однажды часы, чтобы я отнес их в починку. Я отнес их к одному еврею, замечательному часовщику. А потом я пошел с этой мукой, ну, остальное ты уже знаешь. А Яноушек до сих пор не догадывается, почему я не вернул ему те часы.

ФИЛА. И тебя это мучает? Пошли ему часы по почте.

ЯНО. Он мне адреса не оставил.

ФИЛА. А что это за часы? Покажи.

ЯНО. У меня их нет. После войны я уже не смог разыскать этого еврея-часовщика.

ФИЛА. Так ты еще и часовщика ищешь? Боже, ты прямо как епископ какой-то. Все знаешь, только про главное забываешь. Каждая птица своего гнезда держится. А ты всегда улетаешь!

ЯНО. Фьюлио, фьюлио, фьюлио!

ФИЛА. Не смейся. Ласточка от нас улетает, и целую зиму ее не видать, но весной-то она возвращается в родное гнездо и остается там.

ЯНО. Может, это люди только так думают. Мо-

жет, это уже другая ласточка?

ФИЛА. Что ты снова запутываешь?

ЯНО. Я только уточняю. Так я в Чехию еду.

ФИЛА. Яноушека все равно не найдешь.

ЯНО. Как бы не так! Спрошу у людей, где будет в воскресенье праздник. Где праздник, там и карусель, а чеха всегда можно найти у карусели. А Яноушека тем более.

ФИЛА. Ну так и беги.

ЯНО. И пойду, раз ты меня посылаешь. Что-нибудь в Чехии заработаю и вернусь.

Картина 16

В городской комнатке.

ГЕНЕРАЛ. Добрый день, соседка.

ФИЛА. Добрый день. Меня ищете?

ГЕНЕРАЛ. Вас. Пришел вас попросить — не могли бы вы отнести на почту мое письмо.

ФИЛА. Ладно. Только до почты мне уже не дойти, ноги не несут.

ГЕНЕРАЛ. Достаточно будет его в почтовый ящик бросить.

ФИЛА. Брошу. Где-нибудь да найду почтовый ящик. А как он выглядит?

ГЕНЕРАЛ. Он такой оранжевый.

ФИЛА. Оранжевый? Как вот эта моя юбка?

ГЕНЕРАЛ. Она у вас зеленая.

ФИЛА. Не важно. Найду оранжевый ящик и брошу туда ваше письмо.

ГЕНЕРАЛ. А вы не сердитесь, что я вам такой глупостью надоедаю?

ФИЛА. Не сержусь. Но не надо бы вам писать глупые письма. А то кто-нибудь получит такое письмо и обидится.

ГЕНЕРАЛ. Письмо-то неглупое. А глупость то, что вы должны его бросить в ящик.

ФИЛА. Поняла, я его брошу. В оранжевый.

ГЕНЕРАЛ. Знаете что, соседка? Раз вы уже не работаете и дома у вас не слишком много дел, может, пришли бы как-нибудь ко мне, в квартире прибраться.

ФИЛА. Приду.

ГЕНЕРАЛ. Договорились. А Яно не появлялся?

ФИЛА. Вы его знали?

ГЕНЕРАЛ. Только так, в лицо. Как-то раз он тут промелькнул…

ФИЛА. Яно уже давно не появлялся. Только карточку мне из Чехии прислал. Вот! Поглядите… Это Яно…

ГЕНЕРАЛ. Это фонарь. Уличное освещение. Яно — вон там.

ФИЛА. Да, тут он. Да какой толстый!

ГЕНЕРАЛ. Это он увешан зайцами, а в руке у него сигарета дымится.

ФИЛА. Да бросьте! Зайцами увешан? И ружье у него есть?

ГЕНЕРАЛ. Ружья нет. Филка, вы плохо видите?

ФИЛА. Нет. Почему? Хорошо вижу. Вот Яно, зайцы, сигаретка… все вижу. И вас вижу. Вижу, что вы тоже охотник…

ГЕНЕРАЛ. Это генеральский мундир. Я генерал. То есть был генералом, но мундир еще иногда надеваю.

ФИЛА. Вы были генералом? А я-то, глупая, и не знаю, с каким человеком разговариваю.

ГЕНЕРАЛ. Филка, вы уже действительно не видите хорошо.

ФИЛА. Хорошо — нет, но вижу.

ГЕНЕРАЛ. Посмотрите сюда, на мои карманные часы… Сколько времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут.

ГЕНЕРАЛ. Посмотрите получше.

ФИЛА. Сначала вы должны мне показать, которая стрелка маленькая, а которая большая. Я-то привыкла только к большой, а теперь и от нее отвыкла.

ГЕНЕРАЛ. Вот эта маленькая, а эта большая.

Сколько времени?

ФИЛА. Семь часов двенадцать минут.

ГЕНЕРАЛ. Без десяти три.

ФИЛА. Для меня уже минута-другая не важна.

ГЕНЕРАЛ. Филка, а пенсию вы получаете?

ФИЛА. Нет. Я ведь нигде не служила. Работала всю жизнь, но за это пенсию не дают.

ГЕНЕРАЛ. Вы должны получать. Сейчас все получают. Я этим займусь. *(Уходит.)*

ФИЛА *(смотрит на фотографию).* Яно, Яно, глупый ты осел! Снова по лесу зайцев гоняешь, а другие их стреляют. Тебе ружье никогда не дадут. И зачем ты поехал в Чехию? Фьюлилин!

Картина 17

В городской комнатке.

ЯНО. Филка! Вот я и тут.

ФИЛА *(ощупывает его лицо).* Яно! Это правда ты?

ЯНО. Кто же еще?

ФИЛА. Откуда ты взялся?

ЯНО. Я приехал позавчера.

ФИЛА. Позавчера? А где ты до этого был? Почему сразу сюда не пришел?

ЯНО. Думал, что ты меня уже не захочешь ви-

деть. Вот я тут и бродил. И работу как раз нашел. Хотя работать я и не должен, пенсию получаю.

ФИЛА. Я тоже получаю. Генерал мне выхлопотал.

ЯНО. Какой генерал?

ФИЛА. Такой, настоящий. Я прибираюсь у него. А ты что делаешь?

ЯНО. Улицы подметаю, правда, так, слегка. И в лес хотелось бы иногда сбегать, но уже невмоготу. И жить мне негде.

ФИЛА. Как это негде? Я же в твоей комнате живу. Можешь спокойно здесь поселиться.

ЯНО. Филка, ты такая добрая, такая, что…

ФИЛА. Какая же?

ЯНО. Не могу найти в уме подходящее хорошее слово.

ФИЛА. Не мучай понапрасну свой ум. Словами сыт не будешь. А что этот Яноушек, нашел ты его?

ЯНО. Знаешь, сколько в Чехии Яноушеков? Я бы его до сих пор искал.

ФИЛА. Яно, хорошо, что ты вернулся.

Картина 18

В городской комнатке.

ФИЛА. Осел ты глупый! Снова начинаешь?

ЯНО. А что такое?

ФИЛА. Зачем ты мне песок в туфли сыплешь?

ЯНО. Какой песок? Я с песком дела не имею. Подметаю улицы, и при этом летит пыль. А пыль, ну что такое пыль? Это все равно что мука. У тебя, наверно, в голове сова ухает. Угу-угу-угу!

ФИЛА. Что ты ухаешь?

ЯНО. Так просто ухаю. Это мука у тебя в туфлях. Генеральская мука. Это тебе от него жалованье. Еще не известно, чем ты там с ним занимаешься.

ФИЛА. Осел, кто бы на слепую польстился?

ЯНО. На слепых больше всего клюют генералы. Они всегда такими боевыми были.

ФИЛА. Ну, ты скажешь! Угу-угу-угу-у-у!

ЯНО. Что ухаешь? Почему бы генералу на старости лет со старой бабой не поразвлечься? В молодости, когда он был капралом, на женщин времени не было. Он только маршировал и распевал во все горло. А теперь вот попалась ему слепая. Но погоди, я ему еще покажу! Я с ним поговорю по-свойски!

ФИЛА. Так он тебя и испугался.

ЯНО. Слышь, а что этот генерал делает целыми днями?

ФИЛА. Разное. Иногда даже читает.

ЯНО. Читает. Вот оно как. И что читает? Книги?

ФИЛА. Не знаю.

ЯНО. Господи! Да как такое можно не заметить? И он все время читает?

ФИЛА. Почему все время? Иногда радио слушает и выпивает.

ЯНО. А что он пьет?

ФИЛА. Вино.

ЯНО. Вино — это лучше всего. Жалко, что ты виноградник продала. Он и тебе иногда наливает?

ФИЛА. Не приставай!

ЯНО. Фила, а карты у него есть? У генерала должно быть хотя бы четыре карты. По одной на каждую сторону света.

ГЕНЕРАЛ *(врывается в комнату).* Уважаемые! У меня уже от ваших глупостей в ушах звенит! В таком шуме и гаме невозможно стратегически мыслить! Мне нужен покой! А потому с сегодняшнего дня действует данный приказ. *(Читает.)* Всем, кто проживает на этажах, предписывается вести себя по отношению к посторонним лицам сдержанно и корректно. Строго воспрещается приносить во двор всякого рода сплетни и инсинуации общественного значения. В противном случае я буду вынужден принимать строгие

меры. Разговоры и перемещения жильцов дома должны быть достойными, тихими и короткими. В квартиру генерала вход строго воспрещен! Это касается всех. Исключение составляет Фила.

ЯНО. Пан генерал! А что у вас с Филой?

ГЕНЕРАЛ. А ты кто такой?

ЯНО. Я — Филин муж, Яно.

ГЕНЕРАЛ. Янко, я вас приветствую! Наконец-то я вас снова вижу!

ЯНО. А я бы на вашем месте не радовался. Когда-то я хорошим стрелком был. Так что поосторожнее со мной. У меня ведь всегда при себе… это… рогатка. Но я хотел о другом поговорить.

ГЕНЕРАЛ. Разрешаю, говори!

ЯНО. Можно мне осмотреть этот ваш генеральский мундир?

ГЕНЕРАЛ. Осматривай! Только не трогай!

ЯНО. Красота!.. Ей-богу, что за красота! Краше может быть только природа!

ГЕНЕРАЛ. А ты все еще браконьерствуешь?

ЯНО. Куда там! Мне уже невмоготу, а если бы и мог, вся дичь уже давно передохла. Пан генерал, какие тут были раньше угодья! Олени, муфлоны, о сернах и не говорю. Когда я, бывало, зимой приходил их подкармливать, эти козы так на меня наваливались, что отступать приходилось. А

зайцы? Целая дивизия! Теперь совсем не то. Говорят, культивация да индустриализация! А я вам скажу, как сегодня культивируют. Какой-нибудь болван, которому доверили участок, получит приказ культивировать. Сядет он на бульдозер и разворотит все так, что там уже ни былинки не вырастет, а потом ему еще взбредет в голову нарвать липового цвета — может, он и вправду любит липовый чай, и вот он колотит и молотит по этой липе, пока с корнем ее не выворотит. А потом ему уже и не хочется этот липовый цвет обрывать… Пан генерал!.. Заснул. Погляди, Филка, какие у него сапоги. Генеральские сапоги.

ФИЛА. Яно! По твоему носу вижу, что ты задумал.

ЯНО. Ничего ты не видишь. Ладно, смотри, если хочешь. Я их только примерю. И зачем генералу сапоги? *(Снимает с генерала сапоги и натягивает их на себя.)*

Картина 19

В городской комнатке.

ЯНО. Фила! Это ты сунула мне в сапог камешек…

ФИЛА. Какой камешек?

ЯНО. Камешек. В генеральский сапог мне сунула.

ФИЛА. Да я камешек и не подниму. И даже птичье перышко. Такая я уже слабая.

ЯНО. Что же тогда у меня в сапоге мешается?

ФИЛА. Это, наверно, какая-нибудь пулька из ружья. Кто-то хотел в генерала стрельнуть, а стрельнул в сапог. А теперь тебе эта пулька мешается.

ЯНО. Может, ты и права.

В комнатку входят ПРЕДСЕДАТЕЛЬ и ТОВАРИЩ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Туда мы попали? Нам нужен Яно, городской работник.

ЯНО. Это я. Только я давно уже не подметаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, Яно, ты уже достаточно поработал. И возраст у тебя соответствующий, и жил ты честно, по-пролетарски. Мы тут в президиуме проголосовали за то, чтобы удостоить тебя награды.

ЯНО. Да на что мне теперь деньги?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Речь не о деньгах. Ты получишь награду.

ЯНО. Хорошо, как раз к моим сапогам подойдет. Погоди… ты ведь Йожо, Филкин брат, если не ошибаюсь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ошибаешься, но это свойственно человеку. Зовут меня Йожо, но Йожо в Словакии — каждый второй. Так вот тебе эта награда. Почетная грамота.

ЯНО. Красивая. Это мне, наверно, за то, что я заботился о зверях. Носил в лес соль, иногда и сено… А вот тут на картинке… это охотник?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Партизан.

ЯНО. Не важно. Главное, что у него ружье.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А теперь вот эта товарищ вручит вашей жене букет цветов.

ТОВАРИЩ. Пусть эти полевые цветы радуют вас своим ароматом.

ФИЛА. У тебя голос как у Боры, жены моего брата Йожо.

ТОВАРИЩ. Все голоса сегодня — как один голос. И единым громким голосом загудели турбины электростанций!

ГЕНЕРАЛ *(входит. Он босой).* Что тут за шум и гам? Я ведь строго запретил приносить в дом разного рода сплетни и инсинуации общественного значения!

ФИЛА. Яно получил награду, прямо из рук председателя этого… президиума. А мне дала эта товарищ букет…

ГЕНЕРАЛ. Это же совсем другое дело! Позвольте

мне пройти в вашу честь парадным маршем… Трам-та-та! Трам-та-та!

ГЕНЕРАЛ марширует и поет Похоронный марш революционеров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ и ТОВАРИЩ присоединяются к нему.

ФИЛА и ЯНО сидят тихо, как во время свадьбы.

Картина 20

На винограднике.

ФИЛА. Яно, где это мы?

ЯНО. Филка, на твоем винограднике.

ФИЛА. Это ты меня аж досюда на спине донес?

ЯНО. Ты ведь легкая, как перышко. Что это для меня? Я ведь и соль носил в лес, и муку, так неужели тебя бы не донес?

ФИЛА. Жалко, что я ничего не вижу.

ЯНО. Так хотя бы подыши, Филка.

ФИЛА. Да, вот так, поглубже… Ох, как же тут пахнет! И вправду мой виноградник. Попробую, смогу ли я еще выщипнуть пасынок, а если нужно, то и подвязать кое-что… *(Шарит руками вокруг.)* А где же виноград?

ЯНО. Пришел один болван и выкорчевал!

ФИЛА. А вокруг были деревца…

ЯНО. Пришел другой болван на бульдозере и

выворотил их!

ФИЛА. Что уж тут поделаешь. Ладно. Яно, мне бы хотелось, по крайней мере, еще разок иволгу услышать.

ЯНО. Только и всего-то… тогда слушай. Фьюлио, фьюлио, фьюлиолио!

ФИЛА. Неужели это она мне поет? Со мной разговаривает?

ЯНО. Фьюлио, фьюлио, фьюлиолио!

ФИЛА. Иволги не надо бояться, иволга женского рода. И вправду, со мной разговаривает. Фьюлио, фьюлио, фьюлиолио! Я — та самая Фила. Чего тебе от меня надо? Иволга, где ты?

ЯНО. Не поймаешь, не поймаешь…

ФИЛА. Фьюли-фьюли-фьюли-ди, фьюли-ди… Я эту иволгу поймаю!

Конец.

Рудольф Слобода
Мачеха

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЗИТА, богатая женщина, наследница солидного состояния.
РЕУЛ, черт.
ЗУЗКА, пациентка.
МАРТА, пациентка.
АНИЧКА, пациентка.
ЛЮЦИФЕР, владыка ада, дьявол.
ВИНЦО, дамский портной.
ЙОЖО, государственный служащий.
ФРАНТИШЕК, священник.
ПОВАР ИЛЬЯ, повар Зиты.
ДИРЕКТРИСА Учреждения социального обеспечения для лиц с психическими расстройствами.
Настоящий архангел ГАВРИИЛ.
ДВА АНГЕЛА.

Перевод Л. Широковой

Rudolf Sloboda. Macocha
© Наследники Rudolf Sloboda / LITA, 2014

Действие первое

1. Ад

Слышен приглушенный гул, словно поблизости работает доменная печь; крики, распоряжения, но слова неразборчивы и не имеют смысла. ЛЮЦИФЕР сидит на троне, хмуро смотрит перед собой.

ЛЮЦИФЕР. Реул, подойди сюда.

РЕУЛ. Я здесь, мой господин.

ЛЮЦИФЕР. Ближе, чтобы мне не пришлось кричать.

РЕУЛ. Слушаю.

ЛЮЦИФЕР. Где ты был?

РЕУЛ. На земле.

ЛЮЦИФЕР. Что это ты так запыхался? Фу!

РЕУЛ. Я летел над экватором, там ужасно жарко. *(Про себя.)* Зачем, думаю, ты туда лезешь, кто тебе велел…

ЛЮЦИФЕР *(пауза).* Я был вынужден посетить Бога Отца. Он утверждает, что он — любовь. А я, по его словам, — ненависть, бунт, которому неведомы минуты счастья.

РЕУЛ. Вы снова с ним встречались.

ЛЮЦИФЕР. И снова узнал, что я всего-навсего Люцифер. Всего-навсего. Не любит он меня. И твердит одно и то же. Он-де дал мне имя, он меня сотворил, дал мне свободу. Спрашиваю, а кто еще восстал кроме меня. У кого хватило смелости критиковать Бога. И что это за свобода. Что может быть больше, чем бунт, спрашиваю я…

РЕУЛ. И что он ответил? Он вам ответил?

ЛЮЦИФЕР. Кто восстал первым? Кто? Я первый понял, что его свобода — это лишь иллюзия. Я внес в его мир противоречия и вместе с тем порядок. Ведь это вещи взаимосвязанные.

РЕУЛ. Ну да, диалектика.

ЛЮЦИФЕР. Мир не создал Бог.

РЕУЛ. Нет?

ЛЮЦИФЕР. Мир не мог создать дух.

РЕУЛ. Правда?

ЛЮЦИФЕР. Против этого тезиса я восстал. Сама по себе личность Господа меня не интересует. Я восстал против того, какой упор он делает на этом вымысле. Утверждает, будто он сотворил материю, и это притом, что ее веками ругают христиане, мусульмане, разные спиритисты, и все ссылаются на Бога, который якобы — дух.

РЕУЛ. Он хочет быть неисповедимым и при этом настаивает на том, что его должны любить,

то есть люди должны любить нечто, чего они не ведают. Ведь если он неисповедимый, то кто его может познать? Если он выше материи, то кто его может понять.

ЛЮЦИФЕР. И такой тщеславный, что для доказательства своего существования он вынужден совершать чудо, используя что-нибудь материальное. Мы делаем все, чтобы люди были довольны, чтобы им было что есть, чтобы они познали законы материи, а для него главное — принизить материю посредством своих чудес. Не люблю я его.

РЕУЛ. Он неприятный.

ЛЮЦИФЕР. Он боится человека. Заигрывает с ним, обещает, обещает — а что обещает? Вечную жизнь на небе, хотя и сам не знает, есть ли вечная жизнь…

РЕУЛ. Вечность же еще не прошла. Набожные люди, слыша слово «вечность», падают на колени, хотя не могут себе ее представить. Он и Еву вспоминал?

ЛЮЦИФЕР. Все время возвращается к этой истории. Это я-де подговорил Еву и Адама попробовать плод запретного дерева. Спрашиваю: а что бы случилось, если бы они сами до этого додумались? Что бы изменилось? Я сказал ей: «Eritis sicut

Deus, scientes bonum et malum». «Будете как Боги, знающие добро и зло». Здесь есть словечко «как», я же не сказал, что они будут самими богами.

РЕУЛ. У Евы не было чувства юмора.

ЛЮЦИФЕР. Он ведь сам утверждал, что создал их по своему образу и подобию, то есть они такие, как Он. «Как»! Я никого не обманывал.

РЕУЛ. Да, а почему ты шепнул им, что они будут как Бог, почему не как ты?

ЛЮЦИФЕР. По крайней мере, когда он выгнал их из рая, они узнали, что существуем и он и я — Сатана-Люцифер. Я освободил их. До сих пор люди несут в себе код первородного греха: они способны грешить. Что это была бы за свобода, если бы они не смели, не желали.

РЕУЛ. Я думаю, Ева больше всего желала Адама. Ведь потому она и сорвала для него это яблоко.

ЛЮЦИФЕР. Ты меня уже утомил. Хватит болтовни. Возьмемся за дело. Ты знаешь Словакию, страну весьма набожную?

РЕУЛ. Словакия… Словакия… Знаю! Там как раз вывелась новая разновидность богачей, которые еще не знают, что эксплуатация — это наука, и потому сосут кровь из тех, кто уже и так высосан, а таланты, которые на самом деле можно было бы эксплуатировать, мотаются по всей стране и

брюзжат за столиками кафе и пивных.

ЛЮЦИФЕР. Но в конце концов все и так договорятся.

РЕУЛ. Ни наркотики, ни убийства, ни грабежи… Ничего чрезвычайного, всё на среднем уровне.

ЛЮЦИФЕР. Но все же я заметил там одну чрезвычайно набожную, пухленькую, аппетитную женщину. Работы с ней будет много, поскольку она молится каждый день. Она всю жизнь сходила с ума по мужчинам, но так и осталась девственницей. Ей попадались одни монстры, которые не в состоянии были оценить не только ее душу, но даже и тело. Она в целом положительная, а потому подходит для ада.

РЕУЛ. Понимаю, для нее достаточно будет какого-нибудь классического греха — например, кого-нибудь убить или ограбить.

ЛЮЦИФЕР. Эта вряд ли кого-нибудь ограбит, ведь у нее денег куры не клюют. Сейчас это, наверно, самая богатая женщина в Братиславе. Она унаследовала огромное состояние. К ней наверняка присосется множество паразитов.

РЕУЛ *(не понимает).* И что?

ЛЮЦИФЕР. Она набожная, миловидная, пухлая, соблазнительная. Любит молиться Деве Марии.

РЕУЛ. Уже понял. Тебя раздражает то, что она

девственница.

ЛЮЦИФЕР *(смотрит на него строго, после паузы).* Даю тебе еще одну информацию: эта богачка думает, что у нее есть три дочери.

РЕУЛ. Она параноик?

ЛЮЦИФЕР. Не в этом дело. Ее бред вполне безобиден. Эта ее идея коренится в предрассудках сильной веры. Она никому, себе в том числе, не наносит вреда. Даже наоборот.

РЕУЛ. Должен обратить твое внимание на возможные проблемы с правосудием.

ЛЮЦИФЕР. Какие?

РЕУЛ. Раз она больная, можем ли мы забрать ее в ад?

ЛЮЦИФЕР. А кто на Земле здоров? И кто это решает? Сейчас все-таки не времена Просвещения, когда у власти были некие гуманисты, придумавшие, что больных нужно освободить от ответственности, от пут, кандалов и прочего. Именно больным в аду лучше всего.

РЕУЛ. Почему только больным?

ЛЮЦИФЕР. Да, ты прав. Больные, здоровые — все утратят здесь иллюзии, примут боль как вечный свой удел, со временем привыкнут к ней и будут более или менее довольны. Поскольку они знают, что отсюда не выбраться, им намного

лучше, чем той горстке на небе, которая все время дрожит, не зная наверняка, останется ли она там действительно навеки. На небе живут в постоянном напряжении, лицемерии и скуке. Здесь тоже чертовски скучно. С тех пор как наше первое поколение восстало против Яхве[51], нет больше никаких падших ангелов. Одна шваль, идиоты, кретины, мутанты, ущербные человеческие экземпляры попадают сюда ко мне. Одни слабаки, которые и пары лет не в состоянии выдержать наши тяжелые нагрузки, наш суровый режим, а главное — свободу грешника. Я даже подумывал о том, не лучше ли заполнить ад животными и заключить с Богом вечный мир. Но не медли. Можешь приступать.

2. Учреждение социального обеспечения для лиц с психическими расстройствами

Возле ЗИТЫ стоят кучкой ее дочери — АНИЧКА, ЗУЗКА, МАРТА.

ЗИТА. Ну, я пошла.

МАРТА. Мы пойдем с тобой.

ЗИТА. Это невозможно. В мире полно плохих людей, которые только того и ждут, чтобы вас

---

[51] Примечания: 51

Яхве — имя бога в иудаизме и христианстве, употребляется в Ветхом Завете.

обидеть.

АНИЧКА. Мамочка, а тебя они не обидят?

ЗИТА *(помолчав).* Не знаю.

МАРТА. Возьми нас домой, к себе.

ЗИТА. Я вас люблю, девочки, но…

ЗУЗКА. А тут нас не любят.

МАРТА. Тут мы никогда не выйдем замуж. Кто нас заметит? Как бы мы ни наряжались.

АНИЧКА. Тут только раз в году бывает бал, но каждому надо быть в маске. А кто тебя в маске заметит?

МАРТА. А ведь мы такие красивые. Только врачи иногда осматривают нас голыми, но что с того.

ЗУЗКА. Иногда иду к врачу — а там женщина. Осмотрит нас, и мы идем по палатам.

АНИЧКА. Пришел один новый врач, но не женский. Я сразу пошла на осмотр. А он совсем не раздевает.

ЗИТА. Ты была больна?

ЗУЗКА. Я для профилактики тоже была на осмотре, но он до меня даже не дотронулся. И в рот не заглянул, а я хотела деревянную лопаточку. Лопаточку он мне дал, но не использовал ее.

МАРТА. И купаемся мы почти каждый день. А духи у нас отобрали, сказали, что наша соседка

их выпьет.

ЗИТА. Эти французские духи у вас отобрали? Они же стоили кучу денег.

АНИЧКА. Их в сейф спрятали. А сестричка ими пользуется. Так сильно надушилась, что от нее прямо воняло.

МАРТА. Здесь одни больные, калеки, иногда только приходит выступать этот… правда, он, говорят, ужасный пьяница и не собирается жениться.

ЗУЗКА. Этого я бы не хотела в мужья, у него точно СПИД. Ты заметила, какие у него глаза и пятна на руках? Это СПИД.

АНИЧКА. И у вахтера СПИД.

МАРТА. Я бы тут не стала общаться ни с одним мужчиной. Настоящие мужчины сюда не попадают. Всё какие-то отбросы.

АНИЧКА. Такие старички любят только потрогать, пощипать, на грудь твою пялятся, по заднице шлепают.

ЗУЗКА. Это они с голоду. Ужином не наешься, выпьешь пива, и сразу тебя общаться тянет.

МАРТА. А этот Фирасек, кажется, его Фирасек зовут, спросил: «Барышня, почему вы носите бюстгальтер?»

ЗУЗКА. Это был тонкий намек.

ЗИТА. Господи, сколько лет мы с вами знакомы, но мне ни разу в голову не пришло, что вы — зрелые женщины на выданье. С этим нужно что-то делать. Я получила в наследство большое состояние. До самой смерти можно не работать. Бог благословил меня таким богатством, и я направлю его на дела, угодные Богу…

МАРТА. Мамочка, дорогая, хорошо бы мы у тебя жили, ходили бы на концерты в длинных платьях…

АНИЧКА. Или одни на пляж, в купальниках…

ЗИТА. Не знаю, как бы вам у меня понравилось.

ЗУЗКА. Мамочка, дорогая, директриса нас наверняка отпустит. У нее же больше места будет. А мы себя хорошо вести будем. Я была на концерте всего два раза в жизни. Туда ходят красивые мужчины.

АНИЧКА. И я была раз на концерте. Восхитительный дирижер. Ужасно красивый, мы его сзади видели, он только иногда лицом поворачивался. Не представляю, как может народиться такое великолепие. Только палочкой махнул, всё сразу загудело, будто гром прогремел, все сразу заиграли, а у дирижера волосы на лицо упали…

МАРТА. Он ужасно переживал.

АНИЧКА. Такое вот было исполнение.

ЗУЗКА. А мне и в лес хотелось бы сходить.

АНИЧКА. К роднику. Мы бы там наверняка какое-нибудь лесное животное увидели.

ЗУЗКА. В лесу — даже оленя.

МАРТА. Он на полянке пасется, во всем своем великолепии красуется. Рога торчат, как дерево.

АНИЧКА. Иногда он на полянке со всей семьей, с женой и с детьми, с маленькими оленятами, они еще молоко сосут. А вы слышали, как олень ревет? *(Ревет, подражая оленю.)*

МАРТА. Тут у нас в саду тоже белочка есть. Все время одна и та же. А других зверей и не увидишь.

ЗИТА. А кошек этих уже здесь нет?

ЗУЗКА. Нет, ни одной кошки не осталось.

ЗИТА. И ночью их не слышно?

МАРТА. Слышно только собаку из деревни. Лает, но, как выглядит, не знаю.

АНИЧКА. А чья это собака?

ЗИТА. Дети мои, не знаю, как бы вы чувствовали себя на свободе. Но я возьму вас на пробу к себе на пару дней. И если вам понравится, мы подумаем…

МАРТА. Боже мой, это будет грандиозно.

АНИЧКА. Мамочка, милая, забери нас, конечно

же, нам у тебя понравится.

ЗИТА. Пойду к директрисе, поговорю с ней об этом.

ЗУЗКА. Уже завтра мы могли бы отсюда смотаться.

МАРТА. Пойду собирать вещи.

ЗИТА. Дети мои, помолитесь. А я через минуту вернусь. *(Уходит.)*

Дочери опускают глаза и молятся. В игру вступает РЕУЛ, который за всем этим наблюдал. АНИЧКА и МАРТА, заметив его, перестают молиться.

МАРТА. Добрый день, пан доктор!

АНИЧКА. Новый доктор!

ЗУЗКА. Не мешайте!

МАРТА. Так как, пан доктор, потихоньку?

РЕУЛ. Сойдет, а вы как?

ЗУЗКА. Хорошо, мамочка нас к себе забирает.

РЕУЛ. Мило с ее стороны.

АНИЧКА. Мамочка уже пошла к директрисе.

ЗУЗКА. Она всё устроит, потому что она ужасно состоятельная.

РЕУЛ. Я слышал об этой меценатке. Зита. Да? Меценатка.

ЗУЗКА. Она вовсе не меценатка. Она не раздает деньги кому попало.

АНИЧКА. А теперь она нас домой берет. Мы тут больше не хотим жить.

РЕУЛ. Разве вам тут плохо? Никаких забот. А мамочка вас, может быть, работой загрузит.

МАРТА *(решительно).* Ну нет. Мы замуж будем выходить.

АНИЧКА. Мне уже тридцать лет.

РЕУЛ. Вы на тридцать не выглядите.

ЗУЗКА. Она выглядит моложе, потому что ей меньше.

МАРТА. Нет, она старше выглядит. А вам сколько лет, пан доктор?

РЕУЛ. Тридцать три.

МАРТА. Вы холостой? Дети у вас есть?

РЕУЛ. Я старый холостяк, и детей у меня нет.

ЗУЗКА. Вы наверняка из-за этого грустите. Надо бы вам поскорее жениться.

АНИЧКА. А вы не разведенный? Врачи все разведенные.

РЕУЛ. Я — нет. Я совершенно свободен.

МАРТА. Почему вы не женились, вы же довольно красивый?

РЕУЛ. Просто мне белый халат идет.

МАРТА. Нет, вы и вправду очень красивый.

РЕУЛ. Спасибо за комплимент.

МАРТА. И не надо долго выбирать, потому что

нехорошо человеку быть одному.

АНИЧКА. Когда наша мамочка всё устроит, мы будем часто ходить на концерт. Там я и найду себе мужа. Только чтобы он не был маленький. Я бы хотела высокого мужа, повыше вас, пан доктор. *(Меряется с Реулом ростом, встает рядом с ним, рукой пытается определить разницу между своей и его головой.)*

ЗУЗКА. Надо было ей подкупить директрису. Сунула бы ей сотню в карман, и все пошло бы как по маслу. Уже завтра мы могли бы отсюда уйти.

МАРТА. Можете потом нас навестить, пан доктор.

ЗУЗКА. Может быть, она все сделает еще сегодня. Упакуем чемоданы — и айда! Больше меня тут никто не увидит.

АНИЧКА. И пусть горит этот бордель синим пламенем.

РЕУЛ. Вы здесь с самого детства?

ЗУЗКА. Мамочка была больна, потому мы и здесь.

АНИЧКА. С ней плохо поступали разные мужчины. Бросали ее, а она плакала целыми ночами. Плохие мужчины не должны смотреть на женщин. А то обманут и исчезнут.

РЕУЛ. Вы наверняка найдете себе хороших

мужей.

Входит ЗИТА. Девушки забывают о РЕУЛЕ и бросаются к ней.

АНИЧКА. Мамочка, что она сказала? Мы едем?

ЗИТА. Нужно еще кое-что подписать, но я точно уже сегодня заберу вас к себе домой.

ЗУЗКА. Она наверняка разозлилась.

МАРТА. Чтоб она лопнула. Пойду собираться!

ДИРЕКТРИСА *(входит во время последних реплик, но ее никто не замечает, пока она не заговорила).* Знаете, пани Зита. Они могли бы действительно реально вмешаться в это дело. И все запутать. Это все-таки их отцы, поймите. У них есть известные права. Они могут буквально ни на что, повторяю, ни на что, даже на этот отпуск, который я вам подписала, не дать согласия. А они должны его дать, ведь если с чем-то не согласны законные представители кого-то из наших подопечных, то тут мы просто бессильны. Хоть мы и врачи. Сейчас вы их можете забрать на пару дней, сходите с ними в театр, только следите за тем, чтобы они вовремя ложились спать. Слишком их не переутомляйте, день должен проходить спокойно, без стрессов, но в случае чего — сразу лекарства! Если не захотят вечером ложиться в постель, действуйте твердо. Без церемоний, это на

их же пользу — они должны спать хотя бы восемь часов, иначе вы им только навредите. Ясно?

ЗИТА. Я все поняла, не сомневайтесь, мне же всё это знакомо.

ДИРЕКТРИСА. Счастливого пути. *(Уходит.)*

АНИЧКА. Мама, что ты так долго говорила?

ЗИТА. Ну, едем.

ЗУЗКА. Едем!

МАРТА. Мама, ну вот… вот! Едем! *(Срывает с себя больничный жилет.)* Я надену самое новое платье.

Дочери радуются. Появляется РЕУЛ.

АНИЧКА. Пан доктор, мы уезжаем с мамочкой.

ЗУЗКА. Навсегда.

МАРТА. Не забудьте, что мы пригласили вас в гости. Правда, мама?

ЗИТА. Вы здесь новый, пан доктор? *(Подает ему руку.)* У вас найдется минутка времени?

РЕУЛ *(подает ей руку).* Реул Реул.

ЗИТА. Что? Как?

РЕУЛ. Доктор Реул. Это фамилия. И имя тоже — Реул.

МАРТА. Такое имя я еще не встречала. Необычное. Но красивое. Реул. А я — Марта. *(Подает ему руку.)*

ЗУЗКА и АНИЧКА тоже без смущения представляются ему по имени.

ЗИТА. Не хотите поступить ко мне на службу? Я буду вам хорошо платить.

Девушки не могут удержаться от любопытства, подкрадываются к ним все ближе и ближе, ЗУЗКА их удерживает, но и сама хочет оказаться поближе к ЗИТЕ.

РЕУЛ. Вы имеете в виду место семейного врача?

ЗИТА. Да. Я оплачивала бы вам все страховые взносы, зарплата — в три раза выше, чем здесь. Сколько у вас здесь?

РЕУЛ. А кто был бы моими пациентами?

ЗИТА *(показывает пальцем за спину).* Эти три девушки. Но если бы вы вдруг заскучали, то у меня есть еще одна прислуга и повар. Они, правда, ходят к районному врачу…

РЕУЛ. А вы?

ЗИТА. А что я? Я здорова. Я еще никогда не болела, только однажды попала в аварию, потеряла память и…

РЕУЛ. Разумеется, авария — это не болезнь.

ЗИТА. Хотите еще подумать?

РЕУЛ. Зачем? Я согласен. *(Подает Зите руку.)*

Когда приступать к работе?

ЗИТА. Сегодня я забираю дочерей, правда, только с особого разрешения директрисы, но буду добиваться того, чтобы они навсегда покинули это учреждение.

РЕУЛ. Вы великодушны.

ЗИТА. Зачем мне всё это богатство? Наш Господь Иисус Христос учил нас думать о бедных. А это мои дети…

РЕУЛ. Но и всё раздавать совсем не нужно! Святой Георгий подарил нищему только одну половину своего плаща, а другую оставил себе.

ЗИТА. Это был святой Мартин, ну да ладно. Ваш совет уместен. Я ведь не раздала еще и тысячной доли.

РЕУЛ. Могу лишь пожелать, чтобы вы не теряли силы духа. Пойду напишу заявление об уходе.

ЗИТА *(дочерям).* Дети мои, я дождалась самого прекрасного дня в моей жизни. Мы уезжаем!

ЗИТА целует дочерей, все плачут и смеются.

3. Гостиная в доме Зиты

ФРАНТИШЕК и ВИНЦО в растерянности кого-то ожидают.

ВИНЦО *(не выдержав напряжения).* Вы не знае-

те, в чем, собственно, дело?

ФРАНТИШЕК. Не знаю. За мной прислали такси с приглашением немедленно приехать сюда. Не знаю, что пани Зите нужно, в ее записке не было никаких подробностей.

ВИНЦО *(вытаскивает из кармана письмо, показывает его Франтишеку).* Мне передали вот это, и тоже — немедленно… да? Даже не знаю, что ей может быть нужно.

ФРАНТИШЕК. Могу я спросить, вы с пани Зитой знакомы?

ВИНЦО. Давно! Лет пятнадцать, по крайней мере. Странная женщина.

ФРАНТИШЕК. Неудивительно, после той страшной аварии…

ВИНЦО. Она была странной всегда, и до аварии тоже, насколько я знаю.

ФРАНТИШЕК. Вы знали ее до аварии?

ВИНЦО. Да нет, до этого не знал. Только после аварии. Приходит раз ко мне в салон весьма стройная клиентка, разглядывает ткани на прилавке, причесывается, как у себя дома, листает модные журналы, представляете, просит одолжить портновский сантиметр, скручивает его, копается в стопках белья.

ФРАНТИШЕК. Вы — портной.

ВИНЦО. Она выбирала ткани для дочерей. Но жена районного прокурора мне прозрачно намекнула, в чем тут дело.

ФРАНТИШЕК. Да что вы говорите!

ВИНЦО. У Зиты нет дочерей. Нет. А вы что о ней думаете?

ФРАНТИШЕК. В моем приходе нет более образцовой особы. Истовая христианка, стоит всегда впереди, перед самым алтарем и внимательно ловит каждое слово проповедника. У меня часто возникает такое необычное чувство…

ВИНЦО. Вот я и говорю, странная она.

ФРАНТИШЕК. …Будто я обращаюсь на проповеди только к ней.

Входит ЙОЖО. Прилично одетый, в галстуке, в добротном плаще. Он спешит. Достает из портфеля письмо, но тут же его прячет. ВИНЦО и ФРАНТИШЕК замечают письмо. ЙОЖО вздыхает и недовольно машет рукой. За его спиной появляется ПОВАР ИЛЬЯ, хочет что-то сказать, жестикулирует.

ЙОЖО. Чего тебе здесь надо? Где твоя хозяйка?

ПОВАР ИЛЬЯ. Я — повар, я…

ЙОЖО. Тебя мне только сейчас не хватало. Где хозяйка? *(Смотрит на часы.)* Что ей, собственно, надо — я же спешу. Она вообще дома? Просто кошмар! Посылает телеграмму, а самой нет.

ПОВАР ИЛЬЯ *(обиженно).* Хозяйка сейчас придет.

ЙОЖО замечает за спиной у ИЛЬИ ЗИТУ, расплывается в улыбке и уже не обращает на ИЛЬЮ внимания. У ЗИТЫ строгий озабоченный вид, она подает ЙОЖО руку, ИЛЬЯ сочувственно смотрит на хозяйку.

ЙОЖО *(с неотразимой улыбкой пожимает Зите обе руки).* Что-то случилось?

ЗИТА *(улыбается, ее напряжение проходит).* Я хотела бы вас познакомить.

ЙОЖО *(отпускает руки Зиты).* Почему бы и нет.

ЙОЖО подходит к ВИНЦО и ФРАНТИШЕКУ, они знакомятся. ЗИТА стоит под крестом за их спинами, с облегчением вздыхает.

ЗИТА. Господа, я очень рада, что вы посетили меня в этот вечер. Очень рада. Я хотела бы пригласить вас на ужин. Надеюсь, вы не откажетесь. Я знаю, это необычно — приглашать на ужин сразу троих мужчин.

ВИНЦО *(многозначительно смотрит на мужчин).* Сегодня, сейчас, в данный момент?

ЗИТА. У меня свой повар. Мы будем ужинать

здесь. Разумеется, здесь. А вам здесь не нравится? Куда вы хотели бы пойти на ужин? Илья ведь уже готовит. Илья, ты готовишь?

ПОВАР ИЛЬЯ. Конечно.

ЙОЖО. И что это будет? *(широким жестом снова хватает Зиту за руку.)* Впрочем, все равно. Я остаюсь. Ладно.

ПОВАР ИЛЬЯ уходит.

ЗИТА. У меня для вас хорошее предложение. *(Пауза.)* Все вы меня знаете. И знаете, как я жила. Жизнь моя не была легкой, вы знаете, но к вам я всегда могла обратиться, положиться на вас. Однако только сегодня я набралась смелости, чтобы отблагодарить вас за всё. Мне нужны именно такие мужчины, как вы. Мы создадим три фонда. Каждый из вас станет президентом одного из них. На счет каждого фонда я положу крупную сумму денег. Хотя речь идет о фондах, в ваших руках будет оставаться определенная прибыль. Кроме того, я назначу вам регулярное жалованье, о его размерах мы договоримся. Сначала обсудим более подробно отдельные программы. Условие у меня одно: фонды должны иметь благотворительную направленность. По зрелом размышлении я выбрала из числа разных кандидатов именно

вас, вас троих, поскольку, как я уже сказала, на вас можно положиться. Я уверена, что именно вы будете достойно представлять меня в высших сферах.

ЙОЖО. А это не будет для нас *(смотрит на Винцо почти брезгливо)* слишком тяжелым бременем? Ты понимаешь, что я имею в виду.

ЗИТА. А вы как на это смотрите, отче?

ФРАНТИШЕК. Несомненно, это будет тяжким бременем, пани Зита. А главное! Я — и деньги! Разве у меня есть опыт такого рода? Поистине — бремя.

ЗИТА. Никакого бремени. У вас будет финансовый консультант.

ЙОЖО. Эксперт. Но и эксперт *de facto* — это тоже бремя.

Входит РЕУЛ в цивильном костюме, с чемоданчиком. Молча достает и раскладывает на столе бумаги, три кучки банкнот и проводит с ними манипуляции. Зита отходит в сторону.

РЕУЛ. Pergamus ad institutam. Перейдем к делу. Пожалуйста, садитесь. *(Раздает деньги.)* Это ваше жалованье за полгода вперед. Распишитесь здесь.

Мужчины принимают пачки денег и расписываются в получении.

РЕУЛ дует на подписи и прячет бумаги в чемоданчик. Достает другие.

А теперь вот это. Трудовые договоры и документы, подтверждающие ваши полномочия.

Мужчины листают бумаги, что-то читают, больше других сосредоточился на текстах Йожо.

ЙОЖО. Кто разрабатывал эти документы?

Возникает напряженная пауза, ВИНЦО и ФРАНТИШЕК переключают внимание на ЙОЖО, ожидая какого-то комментария.

Зита, вот это называется — безупречный профессионализм. Отличный документ. Здесь абсолютно все учтено и отражено. Ничего не упущено.

ЗИТА. Благодарю вас, господа. *(Подходит ближе и словно невзначай заглядывает в последнюю папку, прочитывает что-то, очевидно, важное для нее, более важное, чем предыдущие документы.)* Вы довольны?

ФРАНТИШЕК. Я доволен. Почему нет? А эксперта вы помогли бы мне найти?

РЕУЛ. У нас их достаточно. Когда вы хотите с ним встретиться? *(Берет электронную записную книжку, чтобы отметить дату.)*

ВИНЦО *(перекладывая пачку денег из одного кармана в другой).* Мне это, наверно, снится. Такая куча денег.

ЙОЖО. И это только начало. Деньги теперь будут сыпаться на вас, как из рога изобилия. Нет, правда, я очень тронут.

ЗИТА. А теперь — гвоздь программы. Мне удалось наконец вернуть домой своих детей. Это было не так-то просто сделать. Сначала препятствием была политическая атмосфера, потом бывший директор учреждения, потом еще что-то, меня почти уморили, и вот я собрала семью вместе, привела детей в этот дом, сюда, ко мне, и здесь они останутся со мной до самой моей смерти. Дети уже большие, самостоятельные, красивые, здоровые. Смотреть на них — одна радость. Вот увидите, как они вас развеселят, рассказывая, как мы ехали домой на такси. Что только этот таксист не вытворял, завез нас по ошибке к самой австрийской границе. Дети впервые в жизни увидели Дунай. Они не могли надивиться на такую массу воды сразу в одном месте. Я научилась у них смотреть на мир глазами детей. А теперь они здесь. Вы не хотите детей?

ФРАНТИШЕК. Каких детей?

ВИНЦО. Имеешь в виду своих детей? Это они

здесь? Пан священник, видимо речь идет о тех детях, о которых я вам упоминал. *(Зите.)* Ты имеешь в виду тех?..

ЗИТА. Завтра мы вместе едем кататься на катамаране. Не хотите с нами? И вообще, если хотите, они будут ваши. Вы можете быть отцами, я не имею ничего против отцов.

ЙОЖО. Это что, обязательно? Я завтра не могу.

ЗИТА. Я буду хорошей матерью. Вы будете хорошими отцами. Чего еще вам желать от Бога? Воспользуйтесь этим моментом как шансом, который может выпасть раз в сто лет.

ЙОЖО. Какие еще отцы?

ЗИТА. Каждый человек имеет отца и мать.

ФРАНТИШЕК *(тихо).* Зита, вы говорите серьезно? Что это вам пришло в голову?

ЗИТА. Разве вы не их отцы? Где же их отцы?

ВИНЦО. У меня нет никаких детей!

ФРАНТИШЕК. Господа, только спокойно. Хорошо, мы — отцы. Я — отец. Хорошо. А что же вы от нас хотите?

ЙОЖО. Вы — отец? Вы… а я нет. Заметьте, пан доктор, я — нет.

РЕУЛ. Я ничего не сказал.

ЗИТА. Вы будете приходить каждую субботу. Мы устроим такой файф-о-клок… летом в саду.

Завтра как раз суббота, первая. И вы придете сюда. Никто не против? Как… все? Вы меня удивляете, мне всегда казалось, что гораздо приятнее быть отцом, чем матерью, а вы… Реул, пойдемте. Мы сейчас вернемся, а вы пока посидите здесь. Сидите, сидите. *(Замечает в дверях Илью.)* Принесите им кофе, Илья.

ЗИТА и РЕУЛ уходят.

ЙОЖО. Пойдемте отсюда. Что нам тут делать?

ВИНЦО. Тьфу! Совсем свихнулась. Я у нее работать не буду.

ФРАНТИШЕК. Не будете? А что вы хотите сделать?

ЙОЖО. Какие дети? Что все это значит? Однажды она приходила ко мне, чтобы я помог ей с формальностями для поездки в Вену, на похороны ее отца. Без меня она бы за границу не попала. А в бумагах она не приводила сведений ни о каких детях. И на похороны поехала одна. У нее нет детей!

ВИНЦО. Это точно, нет. Жена районного прокурора все-таки врать не станет. А она жила с ней на одной улице. Пойдите спросите у нее — видела она когда, чтобы Зита стирала пеленки? Или гуляла с коляской?

ЙОЖО. Ну ладно, это ее дело. Но почему вдруг я стал каким-то отцом? Или вот пан священник — он-то никак не может быть отцом, разве нет?

ФРАНТИШЕК. Ну, в прямом смысле слова не должен быть.

ЙОЖО. Вот, пожалуйста!

ФРАНТИШЕК. Господа мои, я священник. И я не склоню вас к какому-то греху, если скажу, что нам следует принять ее игру и ее бред. Что с вами может случиться?

ВИНЦО. Жена меня убьет, когда узнает, что у меня внебрачный ребенок от Зиты. Она еще захочет, чтобы я платил ей алименты.

ЙОЖО. Моя жена тоже будет не в восторге. Кто ей докажет, что мы просто согласились участвовать в этой «игре»?

ФРАНТИШЕК. Это всё мелочи. Вы наверняка сможете и сами объяснить всё своим женам. Господа, речь идет о высшей миссии, о фондах. Что случится, если мы по субботам будем сидеть тут с этими детьми пару часов?

ВИНЦО. Она, собственно, одного только и хочет: чтобы мы притворялись какими-то отцами. Ну, будем приходить сюда время от времени, поиграем с детьми да пойдем по домам. Наверно, она считает это нашими служебными обязан-

ностями.

ФРАНТИШЕК. Я тоже так смотрю на это дело: она воспринимает это как благотворительную деятельность. Поэтому мы не должны ничего опасаться или перечить ей.

ЙОЖО. Ну хорошо. Будем такими отцами.

ИЛЬЯ приносит кофе, содовую, пирожные, сигареты, шампанское.

ПОВАР ИЛЬЯ. Вы курите, господа? Пожалуйста! *(Предлагает сигареты.)*

Приходят дети. Слышен хохот, смех РЕУЛА; громко хохочет и ЗИТА.

Она входит первая, уже в другой одежде.

ЗИТА. Ну, вот и мы. Заходите, дети мои.

РЕУЛ. Пожалуйста!

Сестры толкаются в дверях, наконец первой заходит ЗУЗКА.

ЗУЗКА. Дома, дома! А вы кто?

ЗИТА. Аничка, Марта, проходите.

АНИЧКА. Здесь бьется сердце нашей дорогой матери.

МАРТА *(кланяется мужчинам).* Здравствуйте, господа. Я — Марта. *(Подает им руку.)*

ЗУЗКА. А я — некая Зузка.

ЗИТА. Это Зузка. А это — ваши отцы, дети мои.

Девушки, немного поколебавшись, бросаются на мужчин и начинают их обнимать и целовать. ФРАНТИШЕК вздрагивает, утирает губы после поцелуя, но на него уже бросается другая дочь.

ЗИТА. Ну хорошо, хорошо. *(Мягко оттесняет дочерей от мужчин.)* Вы познакомились, а теперь вам нужно друг к другу привыкнуть.

АНИЧКА *(обращаясь к Винцо).* Ты мой отец?

ВИНЦО. Нет. Нет, он. *(Показывает на Франтишека.)* Я — нет. Я вообще почти не отец. Прошу прощения, но — нет.

АНИЧКА. Мамочка, кто же мой отец?

ЗИТА *(показывает на Франтишека).* Вот, вот этот. Не бойся его.

АНИЧКА. Папочка мой! *(Нежно склоняет голову и целует ему руку, ее эксцентричность чудесным образом улетучивается.)*

ФРАНТИШЕК. Дитя мое, слушайся свою мать, молись, чтобы вы были счастливы, ведь в мире так много зла. *(Указывает на кресло.)* Садись. *(Садится рядом.)* Пан доктор, пожалуйста, присаживайтесь к нам.

РЕУЛ. Вы молодец, справились. Поздравляю.

МАРТА. Этот священник — только Аничкин отец? А у меня нет отца?

ЙОЖО *(подмигивает Франтишеку).* Я — твой отец, Марта.

МАРТА. Ты на меня совсем не похож. Ну да ладно.

ЙОЖО *(пожимает Марте руку).* Я — Йожо, можешь говорить мне «ты».

ЗИТА *(похлопывает Винцо по плечу).* Зузка, а это — твой отец. Не обижайся на него, он не хочет в этом признаваться, но я точно знаю, что он — твой отец.

ЗУЗКА. Я так и знала, что мне ничего хорошего не достанется. Плевать мне на тебя, если ты не отец. Это его дело, раз он не хочет иметь дочь. *(Плюет.)*

ВИНЦО *(обращаясь к мужчинам).* Не нравится мне это представление, уж слишком далеко мы заходим, добром это не кончится.

ЗУЗКА. Видеть тебя не хочу, не нужен мне такой отец. *(Прижимается к Зите.)* Я его не хочу, мама. Он мерзкий.

РЕУЛ. Вначале все видится по-иному.

ЗИТА. Давайте вместе вознесем благодарность Господу за благополучное завершение нашего дела. *(Подходит к кресту, громко читает молитву «Богородица».)*

РЕУЛ. Зузка, не хмурься. *(Жестом подзывает*

Зузку к кресту)

ФРАНТИШЕК. Без Божьей помощи все кончается плохо.

РЕУЛ. Это вы хорошо сказали.

ЗИТА. Винцо, ужин будет готов через минуту. Зузка, мы постелем вот эту скатерть. *(Несет из шкафа скатерть.)* Помоги мне. А остальные сядут за стол точно по плану. Ты здесь. *(Показывает Зузке место.)* Пан священник, вы тут, возле вас — Аничка.

ЗУЗКА. Я не хочу сидеть рядом со своим отцом. Это обязательно?

ЗИТА. Ну хорошо. Тут будет Винцо.

МАРТА. А мы тут. *(Кивает в сторону Йожо.)* С одной стороны — мамочка, с другой стороны — папочка. *(Указывает на стулья возле себя.)*

АНИЧКА. Я тоже так хочу! С одной стороны — мамочка, с другой стороны — папочка. Мамочка, иди садись ко мне, на свое место.

МАРТА. С моей стороны мамочка!

ЗУЗКА. Мамочка будет сидеть возле меня. Вот ее место. (*Указывает на стул рядом с собой.)* С одной стороны мамочка, с другой стороны (*нехотя*) — папочка.

Девушки начинают перекрикивать друг друга. ЗИТА смотрит на них беспомощно, с отчаянием, не зная, куда ей сесть; она не

так представляла себе гармоничную семью. Ситуацию спасает РЕУЛ.

РЕУЛ. Пани Зита, вам пора на прогулку ЗИТА. Что, извините?

РЕУЛ. Вы слишком о них заботитесь. Оставьте их в покое. Кровь свою кровь найдет. Пусть сами договорятся, кто — чей. Это же отцы. Я пойду с вами.

ЗИТА. Нет, не нужно. *(Обращаясь к остальным.)* Я должна ежедневно гулять по часу одна, я делаю так уже пятнадцать лет.

ФРАНТИШЕК. Пани Зита, сегодня свежо, накиньте шаль…

ЗИТА. Когда я вернусь, мы будем ужинать. *(Уходит, держа шаль в руке.)*

РЕУЛ. Вы играете в карты? *(Выкладывает на стол карты.)*

ФРАНТИШЕК. В джокера? Почему бы и нет. Только нас слишком много.

РЕУЛ. Я научу вас другой игре.

РЕУЛ протягивает руку куда-то в угол и ставит на стол бутылку виски. Усаживает девушек, ЗУЗКА не хочет играть, стоит рядом.

ФРАНТИШЕК. Ты тоже садись. Мы же все одна

семья. ВИНЦО. Ну, не хмурься. Я ведь не черт. Садись.

ЗУЗКА. Это ты хмуришься! А я тебя уже где-то видела. Ты не был с мамой у нас?

ВИНЦО. Нет. Нет... Хотя, если разобраться. *(Лжет, чтобы не провоцировать Зузку.)* Да, один раз. Только ты с тех пор очень изменилась. Помнишь?

ЗУЗКА. У меня отличная память. Ты мне сразу был несимпатичен.

ФРАНТИШЕК. А что это за бутылка?

АНИЧКА. Виски. *(Смотрит на наклейку.)* Это я еще никогда не пила!

ЙОЖО. И не начинай. Дай-ка сюда. Пан доктор, это ваше?

РЕУЛ. Один стаканчик не повредит. *(Открывает виски.)* Какой аромат! *(Подает бутылку Йожо, идет к шкафу и приносит стаканчики на подносе.)* Один стаканчик не повредит.

ФРАНТИШЕК. В качестве аперитива.

РЕУЛ наливает, подает поднос и предлагает всем выпить. Все пробуют виски. РЕУЛ наливает еще раз. Потом подходит к окнам, задергивает шторы. Тем временем компания выпивает и по второму стаканчику. РЕУЛ идет к дверям, вынимает ключ, вставляет его снаружи, осторожно выходит и запирает двери.

Слышен щелчок замка.

АНИЧКА. Потрясающий напиток, действительно нечто потрясающе вкусное. Я выпью еще один…

ФРАНТИШЕК. Редкостная вещь.

ЙОЖО. Ей-бо… пардон, крепкая штука. *(Садится.)* Я прямо стал другим человеком.

ЗУЗКА. Я совсем пьяная. *(Садится на ковер, поднимает ноги и дрыгает ими в воздухе.)*

ЙОЖО. Марта, садись, а то упадешь. Здесь уже ничего не осталось… *(Идет к шкафу и находит такую же бутылку виски.)* Откроем и эту.

ФРАНТИШЕК. Не ду… дурите… не… это… закрой шкаф! *(Зевает, расстегивает воротник, потягивается, снимает ботинки и хочет вздремнуть.)*

АНИЧКА *(садится возле него на корточки).* Что с тобой? Вот, возьми еще стаканчик.

ФРАНТИШЕК гладит АНИЧКУ по волосам, растроганно целует ей руку. Выпивает стаканчик и закрывает глаза. АНИЧКА садится на него верхом, подпрыгивает, не дает ему спать. ФРАНТИШЕК отталкивает ее, но при этом ощупывает ее тело.

ЙОЖО *(со знанием дела обнимает Марту за талию).* Пойдем вон туда, на диван, а то она еще нас ногой пнет.

МАРТА *(Зузке).* Встань с пола и не пинайся! Почему на диван? А, туда… *(Идет вместе с Йожо, Зузка ее не слушается.)*

ВИНЦО *(Зузке).* Вставай! Ты что, не слыхала? *(Хватает ее за ноги.) Я* твой отец, вставай!

РЕУЛ приоткрывает тросточкой штору; мы видим его за окном в саду, какое-то время он смотрит внутрь, потом опускает штору, тросточка падает в комнату, на сцену.

ФРАНТИШЕК. У тебя такие сильные ноги, ты сильная, сильная… *(Оглаживает Аничку по бедрам.)*

ВИНЦО. Не будешь слушаться? *(Хватает Зузку за руки, тащит по ковру.)*

ЗУЗКА. Пусти меня, пусти; ладно, сяду. Черт, ты мне руку сломаешь. Оставь меня в покое, вонючка! *(Вскакивает с пола и дает Винцо затрещину.)*

ВИНЦО *(уклоняется, отступает, но потом подставляет Зузке подножку, валит ее на пол, задирает юбку и хочет подмять под себя). Я* тебя научу! Пинается, как конь. Как кобыла. Погоди, я тебе задам. *(Расстегивает ремень, спускает брюки.)* Дверь закрыли?

ЗУЗКА. Беги закрой! И хорошенько!

Диван, на котором очутились МАРТА с ЙОЖО, на время пропал

из поля зрения, но теперь видно, что оба почти раздеты. ЙОЖО не спешит, позволяет. МАРТЕ себя лохматить, целовать, тискать. Неожиданно возле дивана включается настольная лампа, при ее свете видно, как МАРТА сидит у ЙОЖО на голове, душит его, ЙОЖО кашляет, но смеется, смеется и МАРТА, пытаясь усесться поплотнее, этот трюк ей очень понравился.

ФРАНТИШЕК. Что за шум? Я страшно устал… где это мы? АНИЧКА. У мамочки. Не бойся. Она пошла на прогулку. Скоро придет.

ФРАНТИШЕК. Еще разок тебя поцелую, и всё. Так нельзя.

АНИЧКА кусает ФРАНТИШЕКА за нос, за шею, делает ему засосы. ФРАНТИШЕК вскрикивает от боли, хочет улизнуть. АНИЧКА хватает его за горло, валит назад в кресло, прижимается к нему и начинает подпрыгивать.

ЗУЗКА *(Марте и Йожо).* Что ты там делаешь, Йожо? Что это вы делаете? Почему ты на нем сидишь?

ВИНЦО пытается открыть дверь, не понимает, кто ее запер. ЗУЗКА о нем забыла, идет к ЙОЖО и отталкивает МАРТУ.

МАРТА. Что тебе надо?

ЗУЗКА. Почему ты на нем сидишь? Где ты это

видела… господи… Ты должна лечь. *(Ложится рядом с Йожо.)* Вот, смотри на нас. Только отойди чуть подальше…

ЙОЖО *(садится на диван, почесывает голую грудь).* Дети, давайте поспим. Ложитесь тут, рядом со мной, поудобнее и давайте спать… спать. *(Падает на диван и засыпает.)*

Открываются двери. РЕУЛ слегка подталкивает ЗИТУ в комнату, берет шаль, которую она сняла. ЗИТА делает шаг и останавливается в оцепенении.

РЕУЛ. Хорошо погуляли, пани?

ЗИТА. Включите свет.

РЕУЛ. Пардон. *(Щелкает выключателем.)*

ЗИТА. Что все это значит? *(Кричит.)* Что вы делаете?

АНИЧКА слезает с ФРАНТИШЕКА. ЗИТА подбегает к ней и дает пощечину. Потом хватает ФРАНТИШЕКА за воротник и трясет его.

ЗИТА. Мерзавец! Я засажу тебя в тюрьму!

РЕУЛ подсовывает ЗИТЕ большой нож. Она хватает его обеими руками и хочет вонзить во ФРАНТИШЕКА.

ФРАНТИШЕК. Зита, смилуйся, смилуйся ради Матери Божьей!..

РЕУЛ бьет его.

ЗИТА. Я убью тебя!

АНИЧКА. Мамочка, дорогая, прости нас, мы больше так не будем. *(Падает на колени и хватает мать за руки.)*

МАРТА, ЗУЗКА, ЙОЖО и ВИНЦО одеваются, они сразу протрезвели — видимо, действие виски чудесным образом улетучилось.

ЗИТА *(отбрасывает нож).* Аничка, дорогая моя, как это вы так… себя вели…

ФРАНТИШЕК. Зита, пожалуйста, прости их. Нас не прощай, а их прости, это моя вина. Мы выпили… *(Ищет бутылку, но ее уже нет.)*

ЗИТА. Боже, за что караешь? Где Ты? Разве не видишь, что со мной происходит? Как Ты мог это допустить? С чистым сердцем хотела я навести порядок в этом аду. Хотела спасти этих трех нечестивцев от наказания. Они отвергли своих собственных детей. Бросили их на произвол судьбы, отдали на воспитание атеистическому режиму, не думали об их нуждах, не заботились об их будущем, забыли о том, что души этих детей тоже предстанут однажды перед Божьим судом. Но никто им об этом не поведал в этом вонючем учреждении, никто не проповедовал им слово Божье. Именно им, вашим детям, вы

обязаны были дать правильное воспитание и направление. А вы не дали им ничего, наоборот, вы только использовали их сейчас себе на потеху, уничтожили, унизили, привели на край бездны. Обокрали, отняли последнее. Вы все еще не верите, что это ваши дети? Ничему не верите? Не узнаете их? Я вас проклинаю! *(Бросается на мужчин и гонит их вон.)* Чтоб вам сдохнуть! Сдохните, мерзавцы! Где врач? Реул, где вы? Вам надо получше следить за нашими детьми. Но вас я прощаю, довольно войны. *(Мужчинам.)* Вон, чудовища! *(Захлопывает за ними дверь.)*

Темнота.

Действие второе

1. Ад

ЛЮЦИФЕР сидит за столом, работает. Набивает и раскуривает трубку. Раздается звонок.

ЛЮЦИФЕР. Входи.

РЕУЛ. Я пришел. Ты звал меня?

ЛЮЦИФЕР. Садись. Я за всем этим наблюдал. Что скажешь? Как мы с ними поступим?

РЕУЛ. Их место в аду.

ЛЮЦИФЕР. Вот видишь. Их кто-нибудь подговаривал? Кстати, что за напиток ты им подсунул?

РЕУЛ. Виски. Ничего особенного.

ЛЮЦИФЕР. Вот я и говорю. Сам видишь. Разве мы им что-нибудь внушали? Ничего. Все это есть в них самих. *(С удовлетворением.)* Баловники. Им и в голову не пришло вести себя цивилизованно. А она все молится и молится… думает, этого достаточно. Кстати… зачем ты совал ей в руки этот нож? Она же могла убить его, этого священника. Понимаешь, с полным основанием могла бы его убить. И села бы в тюрьму. А мужчины бы от этого отмазались.

РЕУЛ. Не убила бы. Это был нож с засовывающимся лезвием, как в театре. Она этого священника только напугала.

ЛЮЦИФЕР. Очень мило. Она тебе симпатична? Отвечать не обязательно. Мне — да.

РЕУЛ. Интересно.

ЛЮЦИФЕР. Она должна выкинуть что-нибудь особенное, чтобы Бог ее у нас в конце концов не перехватил. Как по-твоему, что бы это могло быть?

РЕУЛ. Это нужно хорошенько обдумать. Не знаю. За нож ты меня упрекнул…

ЛЮЦИФЕР. За такое убийство она не попала бы в ад, будь уверен. Она, собственно говоря, действовала в порядке самообороны, в сущности как солдат. Это нельзя квалифицировать как убийство.

РЕУЛ. У тебя есть идеи?

ЛЮЦИФЕР. Я изгоню из нее этот бред о материнстве. Потеряв эту иллюзию, она впадет в отчаяние. А тогда ею легко будет манипулировать. Она совершит…

РЕУЛ. Самоубийство.

ЛЮЦИФЕР. Именно так.

РЕУЛ. И ты хочешь такую женщину…

ЛЮЦИФЕР. Что такое самоубийство? Это выс-

шая степень бунта против Бога. Люди постоянно живут иллюзиями. Придумывают себе какую-то жизненную цель, план, а когда все это рушится, винят Бога. Вместо того чтобы понять, что Бог внушит им новый план, укажет новые перспективы, они перестают признавать жизнь как таковую. Запутываются в своем отчаянии, не слушают никаких советов и слов утешения, не хотят начать все сначала. И тогда они уничтожают себя, уничтожая, по сути, лишь собственную иллюзию о жизни. Я совсем не злорадствую. Ведь этим человек действительно оскорбляет Бога, полагая, что жизнь должна соответствовать человеческим критериям. Самоубийство — это единственный отвратительный поступок, который мы с Богом квалифицируем одинаково.

РЕУЛ. Хочу заметить, что ты хлопочешь о человеке, который совершает прегрешение и против тебя тоже.

ЛЮЦИФЕР. Я буду как Бог. Отпущу ей грехи. Я буду даже больше, чем Бог. Ведь он-то самоубийство не прощает. Вот как я ее хочу. *(Утирает глаза.)* Какая-то соринка.

РЕУЛ. Что это с тобой, старик, что случилось?

ЛЮЦИФЕР. Я просто стар. И страшно устал.

РЕУЛ. Ты чего-то боишься?

ЛЮЦИФЕР *(после паузы).* Человека.

РЕУЛ. Человека? Этого слабого создания, которое ничего не понимает? Прошу тебя, опомнись, ведь еще не конец света. Нужно сражаться до последней секунды. Может быть, мы еще не проиграем!

ЛЮЦИФЕР. Проиграем, Реул.

РЕУЛ. Это у тебя пройдет. Так каков же твой план, как довести ее до отчаяния?

ЛЮЦИФЕР. Она набожная и очень любит Деву Марию. Ты явишься ей в виде архангела Гавриила и возвестишь ей, что она родит Иисуса, Мессию, Бога и Искупителя. Одновременно — а все должно быть обставлено мощно и великолепно — ты вытащишь из ее головы этого червячка о дочерях. Только девственница может родить Искупителя. Она тебе поверит и впадет в отчаяние.

РЕУЛ. Она мне поверит?

ЛЮЦИФЕР. Почему бы и нет? Женщины хотят рожать богов. Я сам лично приду за ней.

РЕУЛ. А как же дочери?

ЛЮЦИФЕР. Дочери вернутся в учреждение, спокойно доживут там свой век и отправятся (*брезгливо*) на небо. Отцы меня не интересуют, это банальные прохиндеи.

РЕУЛ. А что, если эта женщина не станет…

ЛЮЦИФЕР. Мы не можем планировать так далеко вперед. Человек способен на все. Если это не получится, будем искать другие пути. Можешь приступать.

РЕУЛ. Благодарю за доверие, владыка, я пошел. Выше голову. *(Плутовски улыбается и облачается в одежды архангела Гавриила.)*

2. Благая весть

Спальня в доме ЗИТЫ. Ночь. ЗИТА в ночной рубашке, молится, читает Библию. Входит РЕУЛ в виде архангела Гавриила, в длинных голубых одеждах. На боку — обнаженный меч, в руке — лилия.

РЕУЛ. Радуйся, благодатная!

ЗИТА *(пугается, роняет Библию).* Кто ты?

РЕУЛ. Я — архангел Гавриил. Бог тебя возлюбил и послал меня сообщить тебе радостную весть.

ЗИТА. Ты пришел с неба?

РЕУЛ. Да. И послал меня Бог. Ты зачнешь и родишь сына. Наречешь ему имя Иисус.

ЗИТА. Я? Именно от меня Бог это хочет? От старой женщины? Теперь, в моем-то возрасте, родить?

РЕУЛ. Для Бога нет ничего невозможного.

ЗИТА. Но Иисус уже родился у Пресвятой Девы

Марии. Зачем ему родиться еще раз?

РЕУЛ. Такова воля Божья.

ЗИТА. Бог может всё, но это еще не значит, что Он всё и сделает. Если Господь наш Иисус однажды уже родился, искупил наши грехи, спас нас на кресте, а теперь пребывает на небе со Своим отцом и придет судить живых и мертвых, то и не нужно Ему еще раз рождаться в человеческом облике.

РЕУЛ. Я всего лишь ангел, посланник Божий. Выполняю приказание Господа. А ты не радуешься? Я вот радовался, когда Бог меня к тебе послал. Мы тебя знаем, видим, какая ты хорошая, никто другой не сможет Бога родить, только ты. А ты не радуешься!

ЗИТА. Это исключено.

РЕУЛ *(взмахивает мечом у Зиты перед носом, не зная, что делать дальше).* Ты богохульствуешь, женщина. Что ты тут торгуешься? Кого хочешь убедить? Мне что, убить тебя? *(Еще раз взмахивает мечом.)*

ЗИТА. Поосторожнее; я тебе еще кое-что хочу сказать. Иона[52], известный как человек из чрева кита, тоже препирался с Богом. Противоречил

---

[52] Примечания: 52

Иона — библейский пророк, о том, что он был в чреве кита три дня и три ночи, рассказано в Библии.

ему, не слушался Божьего веления. Не хотел проповедовать слово Божье в городе Ниневии[53]. Сел на корабль в обратном направлении и, только когда спустя три дня рыба его выплюнула, пошел проповедовать… А наш праотец Иаков! Он же с ангелом вообще подрался!

РЕУЛ. Ты права.

ЗИТА. Спрашиваешь, почему я не радуюсь. Я тебе скажу. У меня здесь *(показывает пальцем в сторону соседней комнаты, где спят дочери)* трое детей. Я забочусь о них, давно им помогаю. Я навещала их в учреждении. Они называют меня «мамочка». Я знаю, что с ними будет много хлопот. И я знаю себя. Такую нагрузку я выдержать не в состоянии — трое детей, трое отцов, и вдруг — роды, воспитание.

РЕУЛ. Ну и что?

ЗИТА. Воспитание, а потом что же — потом его распнут, этого сына моего?

РЕУЛ. Какие там хлопоты? Разве ты обязана заботиться о каких-то мужчинах! Да и об их детях тоже заботиться не обязана. Это их дети, они их породили, сбыли с рук и даже почти растоптали, это их дети, не твои. Ты их не рожала. Ты же

---

[53] Примечания: 53

Ниневея — с VIII–VII веков до н. э. столица Ассирийского государства.

девственница.

ЗИТА. Да, ты прав. Я не обязана заботиться о чужих мужчинах, о чужих…

РЕУЛ. Это же не родные твои дочери.

ЗИТА. Нет, не родные. Но я люблю их, люблю, как своих собственных детей. Они выбрали меня в матери, они этому верят, и я не могу их разочаровать.

РЕУЛ *(в замешательстве, поскольку Люцифер, очевидно, не знал, что Зита имитирует материнство).* Ты уверена в том, что сказала?

ЗИТА. Ты, наверно, не знаешь всего, Гавриил. Когда я была на реабилитации в психиатрической больнице, после той аварии, я познакомилась с тремя чудесными девочками, даже не сестрами, хотя они думают, что они — сестры, а я — их мама. Не знаю, как все это началось, но в один прекрасный день я приняла это как свою судьбу и сказала себе: почему бы мне не солгать и не стать им матерью? Это даже записано во всех моих историях болезни. Врачи определили мое состояние как бред. Ну и пожалуйста. Вот я, берите меня вместе с моим бредом! Но моим детям легче было понять, почему их с детства таскали по медицинским учреждениям, когда они узнали, что их мать — душевнобольная, параноик. Так

что, мать я им или нет? Разве только та мать, что своих детей родила?

РЕУЛ *(про себя).* И он еще хочет быть больше, чем Бог. А не знает, на что способна женщина. Не смог заглянуть в ее сердце.

ЗИТА. Диагноз, который мне поставили, был мне, собственно, на руку. Я могла в любое время появляться в корпусе, где жили мои дети, никто меня ни о чем не спрашивал, меня принимали, так зачем же мне было признаваться кому-то, что Бог вернул мне оптимизм, предавать самое себя, притворяться лучшей, чем я есть, бороться с их наукой, с их инструментами?

РЕУЛ внезапно исчезает, зрители его уже не видят. Он исчерпал все свои аргументы и не хочет окончательно испортить дело, поскольку все еще является подчиненным ЛЮЦИФЕРА.

ЗИТА *(ищет глазами Гавриила).* Где ты?

Вбегает АНИЧКА. За ней МАРТА и ЗУЗКА.

АНИЧКА. Мама, мама, что тебе сделали? Что тебе приснилось?

ЗИТА. Не знаю. Не знаю.

МАРТА. Я тоже так ору, когда мне что-то снится.

ЗУЗКА. Страшные звери тебя напугали?

АНИЧКА. Ты закричала: ай-ай-ай!

ЗУЗКА. Прямо так: ой-ой-ой!

АНИЧКА. Я же говорю: ай-ай-ай!

ЗИТА. Я кричала? Я разбудила вас, бедные мои девочки, детки мои.

ЗУЗКА. Ничего, мы не хотим спать.

АНИЧКА. Расскажи нам сказку.

МАРТА. Мы не будем спать до самого утра.

ЗИТА. Нет, какие сказки. Вам надо лечь в постели. Где доктор?

РЕУЛ *(входит в белом медицинском халате, наброшенном на голое тело).* Хороша семейка! Почему вы не спите?

АНИЧКА. А вы разве не слышали этот ужасный крик в ночной тиши?!

ЗУЗКА. Спите себе спокойно и не знаете, какой страшный сон приснился матери, что она даже нас позвала, вот так… *(Хочет повторить крик, набирает побольше воздуху.)* Ой!..

ЗИТА. Тихо, хватит. Вы всех перебудите. Давайте спать, по постелям.

АНИЧКА. Я взобью тебе перины, мамочка, чтобы ты крепко спала до самого утра.

ЗУЗКА. Нам надо спать здесь, с ней, до самого утра.

МАРТА *(Реулу).* Мы поместимся. *(Залезает в постель к Зите.)*

РЕУЛ. Слушайтесь матери. Идите в свою комнату. Ложитесь. Не бойтесь, вы скоро заснете. Пани Зита, вам что-нибудь нужно? Как вы?

ЗИТА. Хорошо, можете идти.

РЕУЛ. Что вам снилось? *(Спрашивает безразличным тоном, как будто его этот сон не интересует, потом подходит к стулу, снимает с него книгу, садится и берет Зиту за руку.)*

ЗИТА. Повторяю, я вполне здорова.

РЕУЛ *(улыбается).* Я вам хотя бы пульс измерю. Погодите минуту.

ЗИТА медлит, потом убирает руку и натягивает на себя одеяло.

Вы такая стеснительная или меня боитесь?

ЗИТА. Я? Вас действительно интересует мое «я»? К чему вам мое «я»? Я богата, но это не мое «я».

РЕУЛ. У вас нежная кожа. Уже ухожу. Спокойной ночи.

ЗИТА. Прощайте. Боже, благодарю Тебя за прожитый мною день, благодарю за жизнь, за этих детей, хотя они мне и не родные. Я буду заботиться о них, как о своих собственных. Боже предвечный, помоги мне, Ты же знаешь: своих

детей у меня уже не будет. *(После паузы.)* Я — девственница. И за это Тебя, Боже, благодарю. Это была Твоя воля. Боже милосердный, защити и моего врача, Реула, спаси его душу. Аминь.

При ее последних словах входит РЕУЛ.

Пан доктор, вы все время как-то подозрительно часто крутитесь у моей двери. Надеюсь…

РЕУЛ. Я должен вам сообщить, что у детей случился понос.

ЗИТА. От чего? Где они, лежат?

РЕУЛ. Им стыдно, потому что они все перепачкали. Видимо, утром что-то съели. Тайком. Они очень прожорливые. ЗИТА. Назначьте им голодную диету.

РЕУЛ. Не нужно, пани. Им дадут крепкий чай без сахара, и к утру они уже будут здоровы.

РЕУЛ уходит. Появляются дочери, у них перевязанные головы и несчастный вид.

ЗИТА. Что с вами случилось?

Дочери молчат и только придерживают бинты на головах.

Кто это вас перевязал? Зачем это?

АНИЧКА. Это нам повар посоветовал.

МАРТА. Потому что у нас срачка.

ЗУЗКА. Он оказал нам первую помощь. Замечательный человек!

ЗИТА. Вам уже лучше? Вы не голодные?

АНИЧКА. Мы очень голодные, но пан доктор сказал повару, чтобы ничего нам не давал.

МАРТА. Только утром.

ЗУЗКА. Он интересовался нашим стулом, мама.

ЗИТА. Повар?

АНИЧКА. Пан доктор. Он хотел посмотреть на наш стул. Фу!

ЗУЗКА. Я сразу подумала, что этот врач ненормальный. МАРТА. Мне не везет на этих врачей. Один даже меня чуть не задушил, когда осматривал мой язык.

ЗИТА. Стул на анализ вы должны сдать, чтобы пан доктор выяснил, от чего у вас понос. Он скажет вам, как это сделать. Вы должны его слушаться.

АНИЧКА. А у меня сейчас как раз нет никакого… стула, как бы я ни старалась.

ЗУЗКА. Завтра будет.

МАРТА. Мама, расскажешь нам сказку?

Дочери достают игрушки. МАРТА выкатывает из соседней комнаты игрушечную коляску. В ней сидит медведь и большая деревянная лошадка. Под ними виднеются блестящие золотистые

волосы куклы.

ЗУЗКА *(серьезным тоном).* А домик вы не забыли?

МАРТА. Где домик?

АНИЧКА. Мы забыли домик. Что теперь делать?

ЗИТА. Я знаю сказку и без домика.

АНИЧКА. Его у нас кто-нибудь украдет. Комната не закрыта. Я пойду за домиком.

АНИЧКА уходит. МАРТА и ЗУЗКА раскладывают игрушки на столе и под столом, пододвигают стулья, на один стул сажают куклу.

ЗУЗКА. Вот медвежонок Мишка-Топтыжка, как хорошо он выспался, какой довольный, пухленький.

МАРТА *(говорит за Топтыжку).* Сделайте мне, пожалуйста, на коленях вас прошу, чаек с медом.

ЗИТА *(переваливается, как медведь, тычет в медвежонка).* Мишка-Топтыжка, а ты и вправду настоящий медведь?

ТОПТЫЖКА ***(Марта).*** Я — очень стоящий.

ЗУЗКА. Он очень приличный. Медвежонок, медвежонок, Мишка-Топтыжка! Баловник ты этакий!

ЗИТА. А лошадка? Она разве не хорошая?

ЗУЗКА *(шепотом, чтобы не услышал медведь).*

Она еще лучше. Лошадка деревянненькая!

ЗИТА *(поет).* Ты моя лошадушка, вороная, смелая, ты быстрее скачи, меня в лес унеси!

ЗУЗКА и МАРТА гладят лошадку, гладят ее и Топтыжкиной лапкой, потом сажают на нее верхом куклу.

ЗИТА *(садится на корточки рядом с куклой, чтобы стать меньше ростом).* А ты кто такая? Тю-тю-тю! Чья ты? Как тебя зовут? Тю-тю-тю!

КУКЛА (*Зузка*). Я — Зузка Гавранова, из Братиславы, 4. ЗИТА. Зузка, Зузка, какая умная девочка. А в школу она уже ходит?

КУКЛА *(Зузка). Я* уже большая, мне целых пять лет. МАРТА *(спрашивает у куклы, как чужая тетя).* А не скажешь ли нам, куда ты ходишь в садик?

КУКЛА *(Зузка).* На улицу Голубы.

ЗИТА. Какие волосы у тебя, красивые-красивые, подарю-ка я тебе гребень золотой. *(Протягивает руку к зеркалу, причесывает куклу.)*

ЗУЗКА подносит ее к зеркалу, чтобы она на себя полюбовалась. Входит АНИЧКА с большим игрушечным домиком. Кладет его, что-то дожевывает, вытирает рот, проглатывает. Потом поднимает домик и несет его сестрам. Молча ставит его на пол, садится, виновато крутит волосы.

Вот и хорошо, домик прибыл, можем начать сказку.

АНИЧКА *(Марте).* Снимай повязку. Повар так сказал. МАРТА. Почему? Она уже не нужна?

АНИЧКА. Нет. *(Другим голосом.)* Вы тут без меня не грустили?

МАРТА *(Зузке).* Снимай повязку, не нужно уже.

МАРТА и ЗУЗКА снимают повязки.

ЗИТА. Домик у нас уже есть, поставьте его сюда, и я расскажу вам сказку. *(Берет лошадку.)* Я — лошадка деревянная, такая несчастная, мой хозяин Янко, солдатик бравый, раненый лежит. Ранили его. Кого же буду я на спине носить?

МАРТА *(подсовывает лошадке Топтыжку).* Меня можешь носить, лошадушка высококачественная!

ЛОШАДКА *(Зита).* Ах, Топтыжка, ты слишком тяжелый, тебя мне не поднять. Даже не пробуй на меня садиться. Мне бы больше хотелось куклу Зузку на спине носить.

КУКЛА *(Зузка).* А я лошади боюсь, ой, я этой лошадищи ужасно боюсь!

АНИЧКА *(хватает куклу, говорит ей строго).* И не стыдно тебе лошадки бояться? Она в жизни никого не обидела… Что, лошадушка, побили тебя?

Наверно, кнутом тебя побили, ты же вся потная.

ТОПТЫЖКА *(Марта, агрессивно). А я* намного сильнее лошадки, я еще лучше. Я тоже никого не обижаю, весь персонал меня любит, и в коллективе меня уважают.

ЛОШАДКА *(Зита, успокаивающе).* В домике уютно, пойдемте внутрь, а то уже моросит. Кто бы подумал, что будет дождь. Пойдемте скорее.

Девушки поспешно запихивают игрушки через дверцы в домик, толкаются, колотят друг друга. ТОПТЫЖКА сразу же усаживается в окне, и МАРТА за него говорит.

ТОПТЫЖКА *(Марта).* Дождь идет, дождь идет, рубашечка промокла. Шубка моя мокнет, дорогая, каракулевая, в Вене купленная, там ее и шили.

КУКЛА *(Зузка).* Майский дождик — золото в поле. Давайте жить дружно.

ЛОШАДКА *(Зита, зевает).* Давайте поспим. Неплохо в такую погоду поспать.

КУКЛА *(Зузка).* Некогда нам спать. Вот дождик перестанет, снова в поле, за работу. Луга зеленеют, майский дождик для лугов — просто клад. Пастбища совсем зеленые, золотом отливают.

АНИЧКА *(проверяет рукой, кончился ли дождь).* А теперь все вон, на луга, на пастбища, в поле — жатва уже началась!

Девушки уже откровенно дерутся. Входит РЕУЛ.

РЕУЛ (*иронически*). Хорошо же вы играете!

ЗИТА *(уже не сдерживая гнев).* В наказание сейчас же помолитесь три раза Пресвятой Богородице! Все — к кресту, и доктор тоже, на колени! А потом — спать!

Подталкивает девушек к кресту, все встают на колени. За ЗИТОЙ стоит на коленях РЕУЛ. В какой-то миг он наклоняется к ноге ЗИТЫ и обнюхивает ее. ЗИТА шлепает ладонью, словно по комару, РЕУЛ испуганно выпрямляется и образцово складывает ладони, как во время молитвы. Девушки не молятся, а болтают.

АНИЧКА. Еще ведь не ночь.

МАРТА. Еще не закрыли магазины.

ЗУЗКА. И повар пошел за покупками.

РЕУЛ. Повар есть повар.

ЗИТА теряет терпение, заканчивает молитву, еще раз шлепает ладонью по ноге и приказывает.

ЗИТА. А теперь — последнее! В спальню! Иначе...

Девушки не слушаются. Они уходят в угол и начинают выдавливать из себя слезы и рыдания, вытирают носы и сморкаются. Потом идут к кресту, встают по собственной

инициативе на колени, сцепляют руки и причитают. Зита невольно улыбается и прикрывает ладонью губы.

РЕУЛ. Они так совсем замолятся, бедняжки.

ЗИТА. Ничего. Я устала, пойду приму душ. Девочки, спать!

РЕУЛ выпроваживает девушек за дверь, ЗИТА идет в ванную комнату. РЕУЛ возвращается, подходит к двери ванной и открывает ее.

РЕУЛ *(голосом Зузки).* Мама, мама.

ЗИТА *(из ванной).* Чего тебе, Зузка, почему ты не спишь?

РЕУЛ *(голосом Зузки).* Мамочка, ты купаешься?

ЗИТА *(из ванной).* Чего тебе?

РЕУЛ *(голосом Зузки).* Хочу потереть тебе спинку. *(Заходит внутрь, закрывает дверь.)*

ЗИТА *(из ванной).* А что делают Аничка и Марта?

РЕУЛ *(голосом Зузки, из ванной).* Повернись спиной, мамочка!

ЗИТА *(из ванной).* Не щекочи меня!

В комнату входят ПОВАР ИЛЬЯ вместе с ЙОЖО, ВИНЦО и ФРАНТИШЕКОМ.

ПОВАР ИЛЬЯ. Там было все, кроме уксуса. Не

знаю, что и делать. Пани в ванной комнате. *(Уходит.)*

РЕУЛ входит через центральные двери.

ФРАНТИШЕК. Добрый вечер.

РЕУЛ. Что вам здесь надо? Кто вас пустил?

ЙОЖО. Мы пришли поговорить серьезно.

РЕУЛ. Испугались? Прокурора боитесь.

ФРАНТИШЕК. Все это должно остаться между нами, пан доктор, помогите нам.

ЙОЖО. Ничего ведь, собственно, и не случилось, это был просто такой петтинг-неккинг.

ФРАНТИШЕК. Алкоголь может наделать много зла. Это было для нас предупреждением. Человек и не подозревает, что в нем таится.

РЕУЛ. В вас что-то таится? Да в ваших головах одно большое дупло, в которое вам при рождении заревел осел.

ВИНЦО. У нас у всех есть образование.

РЕУЛ. Это вы хорошо сказали: есть. Оно у вас есть, но только на бумаге. Ваше обучение было пустой тратой денег, лучше бы вас научили чему-то более простому, например, подпрыгнуть по команде. Подпрыгни, Йожко! Ну, подпрыгни! *(Жестом приглашает Йожо подпрыгнуть.)* Подождите минуту. *(Стучит в дверь ванной и заходит*

внутрь.)

Мужчины остаются одни.

ЙОЖО. Конец мечтам о фондах!

ФРАНТИШЕК. Я ее совсем не узнал.

ВИНЦО. А я разве узнал? Я думал, это какие-то шлюшки, которые обдурили Зиту.

ЙОЖО. За это нам могут дать года по два.

ВИНЦО. В бога в душу!

ФРАНТИШЕК осеняет себя крестом.

ЙОЖО. Мы должны сплавить их назад в учреждение.

ФРАНТИШЕК. Кого сплавить?

ЙОЖО. Этих баб! Наших детей! Мы должны оторвать их от Зиты. И тогда исчезнет вероятная угроза того, что они когда-нибудь смогут свидетельствовать против нас. Такого рода пациент не может выступать свидетелем. Он меняет свои показания, меняет их в разговоре со следователем, с адвокатом, а потом совсем поменяет во время суда. В учреждении они бы молчали.

ФРАНТИШЕК. А что, если заговорит Зита?

ЙОЖО. Нас трое, она одна. Какой она свидетель?! И вообще, к ней относится все то, что и к нашим детям. Она помешанная. И видела всё

сквозь свои параноидальные очки. Кто ей поверит? Сами знаете, как эти параноики умеют фантазировать. Уж очень вы ее испугались. А она для нас не опасна. И фонды за нами оставит, как только уляжется этот скандал с групповым сексом, может быть, даже скажет, что ей все это приснилось.

ВИНЦО. А где этот доктор?

ФРАНТИШЕК. Как ни парадоксально, но я наконец избавился от тридцатилетнего кошмара. Должно быть, сам Бог так рассудил. Он соединил отца и дочь и дал мне предупреждение. Бог оказал мне милость, ведь теперь я могу покаяться. Да, я отказался от ребенка, но я был тогда молодым, учился, а потом я же страдал, жестоко страдал. Я не боюсь никакого наказания, даже пожизненного заключения. Однако я согласен с Йожо: пока все не встанет на свои рельсы, детям надо уехать от Зиты. Она не может их воспитывать, это ей не под силу. Мы — взрослые мужчины, но ведь по этому дому слоняется полно мужчин… это может повториться. Смею вас заверить, эти наши девочки не оставят в покое никого. Они должны вернуться назад, в свое прибежище.

ЙОЖО. Винцо, тебе лучше не говорить ничего. Главное — говорить аккуратно, спокойно, ди-

пломатично, с достоинством. Скромно. Мы ведь собираемся вести переговоры, а не сражаться.

Из ванной комнаты выходят РЕУЛ и ЗИТА.

ЗИТА. Что вам надо?

ЙОЖО. Зиточка, давай забудем все, что случилось. Начнем сначала.

РЕУЛ. Пани Зите не о чем с вами говорить.

ЗИТА. Господа, нашему сотрудничеству конец. Верните деньги и живите дальше своей жизнью. На меня уже не рассчитывайте.

РЕУЛ. Вас ждет судебный процесс и, вероятно, приговор. А такие люди не могут быть директорами фондов.

ФРАНТИШЕК достает пачку банкнот и возвращает ее ЗИТЕ. Та передает деньги РЕУЛУ.

РЕУЛ. Этого я от священника не ожидал.

ЙОЖО. Зита, чьи это дочери?

ВИНЦО усмехается, одобряя хорошее начало разговора.

РЕУЛ *(многозначительно).* Это ваши дочери.

ЙОЖО. Тогда мы их забираем.

ЗИТА. Тридцать лет вы без них обходились, а сейчас вдруг почему?

ЙОЖО. Правда такова. Дочери не достанутся

тебе даром. Дочери будут твоими, а деньги и фонды — нашими. Так-то вот.

ЗИТА. Долгие годы я вас разыскивала. Объехала всю республику, пока не выяснила, кто есть кто. И только когда мне вернули имущество и у меня появились средства, я решила что-то предпринять. Все вы знали, что у ваших детей нет матерей, они исчезли, а сами вы о детях не заботились. И теперь вы будете ставить мне условия? Я вас нашла, хотя и боялась, что вы их не признаете. Но, вижу, признали. Хотите их забрать к себе? Не хотите. Вы только спать с ними хотите, свиньи.

ВИНЦО. Нет, мы хотим их забрать.

ЗИТА. Дети будут здесь, у меня, и вам придется с этим смириться. Вы можете нанять адвокатов, только мои адвокаты будут еще лучше, вы все проиграете, сядете в тюрьму, я вас уничтожу. Вот ведь жуки, собственных детей не узнали. Теперь это мои дети. А вас я больше не хочу здесь видеть.

Девушки, которые до сих пор подслушивали под дверью, врываются в комнату.

АНИЧКА. Нашим папочкам больше нельзя сюда приходить? *(Бежит к Франтишеку и обнимает его.)*

ВИНЦО (*Зузке*). Здесь тебе будет плохо, она такая строгая.

ЗУЗКА. Это правда. Все время заставляет нас молиться и спать.

МАРТА *(Зите).* Ты мне не нужна, я к папе хочу. Здесь хуже, чем в учреждении.

ЙОЖО *(торжествующе).* Так чьи это дочери, Зита?

АНИЧКА *(толкает Зиту).* С тобой мне, что ли, целоваться? *(Идет к Франтишеку, чтобы его поцеловать, тот отстраняется.*)

ФРАНТИШЕК. Так нельзя, Аничка.

ЗИТА. Не думайте, что вас заберут домой и будут вас баловать. Они засунут вас назад в учреждение.

ВИНЦО. Ну, так я вам прямым текстом скажу. Девочки, эта женщина вас не рожала, она вам не мать. Она преступница, психопатка. Она из вас кровь будет пить. Для того вас и взяла. А мы, отцы, — мы вас любим. Мы вас к себе заберем. Будем о вас заботиться. У нас вам будет хорошо.

РЕУЛ бьет ВИНЦО кулаком в живот, так что тот падает на пол. Девушки поднимают ВИНЦО, плачут. ЗУЗКА его целует.

РЕУЛ. Господа, исчезните немедленно.

ФРАНТИШЕК. Зиточка, вы же нездоровы. У вас

же нет детей. Это не ваши дети.

АНИЧКА. Так, значит, нашим папочкам больше нельзя сюда приходить?

ЗУЗКА, АНИЧКА, МАРТА *(набрасываются на Зиту и колотят ее).* Бей ее!

РЕУЛ *(вытаскивает револьвер, дает тумака Йожо и стреляет над его головой).* Подите все прочь! Пан священник, вон! *(Поднимает его со стула и пинает под зад.)* И ты тоже. *(Обращаясь к Винцо, опрокидывает его стул.)* Вон!

РЕУЛ выгоняет мужчин со сцены, отцы убегают. РЕУЛ держит АНИЧКУ и МАРТУ, ставит подножку ЗУЗКЕ, а когда та падает, закрывает двери. Девушки плачут.

ЗИТА. Это конец. Доктор, я застрелюсь. Это конец.

РЕУЛ *(напоследок грозит кулаком девушкам в углу, потом с улыбкой присаживается на корточки возле Зиты).* Не застрелитесь. Бог… Бог… вам бы этого не простил. Какой конец? Они же больные. *(Шепотом.)* Через минуту они обо всем забудут. Как забыли об этом групповом сексе. Они ваши. Это ваши дети.

ЗИТА. Дайте мне револьвер. Я девственница. У меня нет детей и никогда не было. Я не хочу детей. У меня мертвая душа.

РЕУЛ. Да хотите вы детей. И они вас любят. Только не нужно ими уж слишком командовать. Положитесь на меня. *(Уходит.)*

АНИЧКА *(враждебно).* Он нас убьет, до утра не доживем.

ЗУЗКА. Он нас повесит. За веревкой пошел.

МАРТА. Он нас отравит. За шприцем пошел.

ЗУЗКА. Откормят нас и зарежут. Не поддадимся.

Входит РЕУЛ с ПОВАРОМ ИЛЬЕЙ. ПОВАР ИЛЬЯ везет на сервировочном столике большой торт. Придвигает его к столу, достает тарелки, ложки, наливает газированную воду, вытирает нож для нарезки торта.

РЕУЛ. Отлично, Илья. Подсаживайся к нам и разрежь этот божий дар.

ПОВАР отрезает два куска и кладет их перед ЗИТОЙ и РЕУЛОМ. РЕУЛ начинает есть торт и запивать его водой, подмигивает ЗИТЕ, и та тоже, хоть и без всякого желания, начинает причмокивать, имитируя восторг. Девушки настораживаются. Забыв, что их хотят откормить, встают на цыпочки, чтобы лучше видеть.

ЗИТА. Non plus ultra[54].

АНИЧКА. Мамочка, и нам дай.

ЗУЗКА. Мы non ultra не ели.

РЕУЛ *(делает Зите знак, чтобы она не обращала на них внимания).* Non plus ultra? Вы и латынь знаете?

ЗИТА *(декламирует).* «Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum».

РЕУЛ. Только Люцифер сказал это по-еврейски, латыни в раю еще не было.

ПОВАР ИЛЬЯ. Еврейский язык там тогда был? А что это значит?

РЕУЛ. «Будете как Боги, знающие добро и зло».

ПОВАР ИЛЬЯ. Мудро. А как это по-еврейски?

ЗИТА. Отстань. Спроси лучше у Франтишека, он еврейский язык изучал.

РЕУЛ. Но Люцифер говорил это на таком языке, который сегодня уже никто не знает.

МАРТА. А нам почему не даете? Мы голодные. Почему вы без нас едите?

РЕУЛ. Вы голодные? Откуда нам это знать?

АНИЧКА. Мы очень голодные. Правда, Зузка?

ЗУЗКА. Здесь и на нас хватит. *(Берет нож и отрезает почти треть торта.)*

---

[54] Примечания: 54
Верх совершенства *(лат.).*

ПОВАР ИЛЬЯ. Пардон. Можно им, пан доктор?

РЕУЛ. Они должны вежливо попросить.

МАРТА. Дайте нам кусочек торта, пожалуйста.

ПОВАР ИЛЬЯ отрезает от ЗУЗКИНОГО куска небольшую часть, кладет на тарелку и подает ей.

ЗИТА. Садитесь. Ешьте.

Девушки садятся и начинают есть торт.

РЕУЛ. Так, значит, будете как Боги? Думаете, Дьявол обманывал? Но человек все-таки — как Бог. Не является Богом, а только похож на Него. Вы созданы по образу и подобию Божьему.

ЗИТА. Почему — «вы»? «Мы», разве нет? Вы что — не человек?

РЕУЛ. Врач — меньше, чем человек. Немного меньше. Он в большей степени — черт.

ПОВАР ИЛЬЯ. Врач не может быть чертом.

РЕУЛ. Илья, тебе, конечно, виднее. Ты же сам черт, разве нет?

ЗУЗКА. Правда? Илья?

РЕУЛ снимает с ПОВАРА ИЛЬИ высокий колпак, у него на голове обнаруживаются красивые рога.

ЗИТА *(поперхнувшись).* Господи, Илья! Сними немедленно!

ЗУЗКА. Илья, Илья! Что это у тебя?

Девушки подходят и ощупывают рога ИЛЬИ, однако выясняется, что это маскарадная шапочка. Они отнимают у него рога, примеряют их на себя и скачут, как черти.

ПОВАР ИЛЬЯ. Они же их испортят. А ведь мы отдали за них семьсот крон. *(Показывает на Реула.)* Мы их вот вместе с паном…

РЕУЛ. Да я новые куплю. Пусть поиграют.

ЗИТА. Не сломайте их! Идите есть торт. Тут еще хватит на каждого.

Тем временем, пока девушки скачут, РЕУЛ подсыпает им в бокалы лекарство. Они возвращаются за стол, пьют газировку и начинают зевать, их клонит в сон.

ПОВАР ИЛЬЯ. Еще чего. Женщинам — рога!

АНИЧКА. Мама, мы пошли спать.

РЕУЛ. Ну почему же? У меня еще есть билеты на концерт, симфония… *(Подхватывает Зузку, которая чуть не упала со стула.)* Илья, проводите ее.

РЕУЛ, ЗИТА и ИЛЬЯ приподнимают сестер и ведут их в спальню, уводя со сцены. Через минуту возвращается ПОВАР ИЛЬЯ, собирает остатки торта, увозит их. С сожалением смотрит на обломок рога, который нашел в торте. Уходит. Появляются Зита и Реул.

ЗИТА. Спасибо вам. Вы настоящий мастер. Профессионал.

РЕУЛ. Нам просто повезло, что у Ильи оказался готовый торт.

ЗИТА. Вы шутник. Еще раз благодарю. Но что будет завтра?

РЕУЛ. Выше голову, пани. Дети вас в конце концов полюбят. Не такие уж они и плохие. Наоборот, их отношение к этим отцам… это скорее проявление жизненной силы.

ЗИТА. Хочу вам кое-что сказать. Покажите руку. *(Берет Реула за руку.)* Это кольцо… Так это были вы. Не Зузка. Там, в ванной… Почему, пан доктор? Вы так любопытны?

РЕУЛ *(помолчав).* Да.

ЗИТА. Вы не можете сдерживаться? А что, если бы вас там увидел Илья? Или дети?

РЕУЛ. В конце концов… что бы случилось?

ЗИТА. Одолжите мне ваш перстень.

РЕУЛ. Он не снимается с пальца.

ЗИТА. Вы холосты? Разведены?

РЕУЛ. Не разведен. Холост. Именно так. *(Ему удается снять перстень.)* Вот, посмотрите.

ЗИТА разглядывает перстень. Хочет его надеть, но он со звоном падает на пол. Она наклоняется, ищет его. Потом забирается под стол. РЕУЛ тоже ищет перстень, находит и

надевает на палец. ЗИТА продолжает искать под столом, РЕУЛ забирается к ней.

ЗИТА. Где же он? Здесь должен быть.
РЕУЛ. Тс-с-с!

Стол начинает трястись. В комнату входит ЛЮЦИФЕР. В его руке — дирижерская палочка, он взмахивает ею, прохаживается туда-сюда, поглядывает на стол, сплевывает под крестом. Когда стол перестает скрипеть, ЛЮЦИФЕР стучит по нему.

ЛЮЦИФЕР. Хорошо же, Реул! Предал ты меня. *(Реул в ужасе вылезает из-под стола, прячется за шкаф.)* Вот что, черт. Ты возьмешь эту женщину в жены. Я тебя прощаю. Если бы ты меня слушался, получил бы повышение по службе. И почему ты только не дал ей этот револьвер? Ладно. Молчи. Знаю, ты ее полюбил. *(Люцифер слышит стук в дверь, прячется за шкафом.)* Я с тобой еще поговорю. Ко мне больше не приходи. Останешься на земле, будешь человеком, в поте лица будешь добывать себе хлеб свой. Будешь как Бог. А я тебе больше не господин.

В комнату вбегают ДВОЕ САНИТАРОВ в белых халатах, ДИРЕКТРИСА УЧРЕЖДЕНИЯ социального обеспечения для лиц с психическими расстройствами, ЙОЖО, ВИНЦО, ФРАНТИШЕК.

ДИРЕКТРИСА. Пани Зита, пани Зита! Где вы?

ЙОЖО. Где она? Мы же видели ее в окно с этим врачом. Осторожно, он вооружен.

ВИНЦО. Куда они делись?

ЙОЖО. Пани директриса, она этих женщин, видимо, спрятала. Но ее мы видели…

ФРАНТИШЕК. Зиточка, вам надо поехать в больницу. Вот и пани директриса здесь.

ДИРЕКТРИСА. А под столом ее нет?

САНИТАРЫ заглядывают под стол.

ЗИТА. Я здесь. Что вам надо? Я у себя дома. Никуда не поеду, я совершенно здорова.

САНИТАРЫ приподнимают стол. РЕУЛА там нет, но ЗИТА делает вид, что не удивлена этим.

Я буду жаловаться. Вы мошенники.

ЙОЖО. Хватайте ее!

САНИТАРЫ надевают на ЗИТУ смирительную рубашку.

ЗИТА. Реул, Реул, пан доктор!

Слышится сильный грохот. ЛЮЦИФЕР опрокидывает шкаф, встает за ним. Мужчины падают от изумления. ЛЮЦИФЕР делает движение рукой, санитары оставляют Зиту и хотят сбежать.

ЛЮЦИФЕР *(разражается жутким смехом, все в ужасе отступают).* У меня был план. Этот… человек, врач, не дал мне его осуществить. Ну да ладно. У меня есть и другие дела помимо возни с женщинами. У меня в аду их полно. Мои планы иные, более грандиозные. Я уже вывел формулу для сотворения нового мира. Я создам новый мир, основанный на разуме и логике. В этом мире не будет дураков и идиотов. Я не потерплю в новом мире тунеядцев. Кто не работает — того я уничтожу. И никакого сострадания. Ваш мир прогнил из-за избытка сострадания. Все вы жалеете друг друга, уступаете слабым, а потом еще и терзаетесь муками совести, потому что ваше сострадание недостаточно велико. А оно очень легко может превратиться в ненависть. Такова ваша природа. Вы очень далеки от совершенства. И не идете ни в какое сравнение с моими сотрудниками. Даже вот этого *(указывает на Реула)* разжалобила женщина, так что мне пришлось изгнать его из моего рая. Ад — вовсе не плохое место. Оно здоровое. Вы привыкнете к нему, там порядок, чистота и стабильность. *(Подает на прощание руку Реулу и Зите и уходит.)*

ДИРЕКТРИСА. Кто это был?

ФРАНТИШЕК. Он. Масштабная личность. Неза-

урядная. Пойду за ним. *(Уходит.)*

ЙОЖО. Я тоже. Пойду. *(Уходит.)*

ВИНЦО. Такой человек нам нужен. Хорошо говорил. *(Уходит.)*

ДИРЕКТРИСА *(санитарам).* Пойдемте. Пойдемте за ними, хватит с меня этой вони в учреждениях и больницах. *(Уходят.)*

ЗИТА. Не может быть! Это был сам Дьявол? И рога у него!

РЕУЛ. Конец игре. Я — человек. У меня есть сердце и ты. Я не хочу жить в его раю. Вот мой рай.

ЗИТА. Без креста человек — бездомный странник.

Входит НАСТОЯЩИЙ АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ с двумя АНГЕЛАМИ.

НАСТОЯЩИЙ АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ. Еще минуту терпения, уважаемая публика, я должен вручить эти медали. Они не за смелость или отвагу, не за научные или спортивные достижения, а за чистое сердце. *(Подает знак ангелам, чтобы они вручили медали.)* А теперь прослушайте меморандум о награждении медалями. *(Подходит к самому краю сцены.)*

Мои стихи будут немного дидактичны,

Как и пьеса, которую вы только что видели.

Сатана там звался Люцифером

И был нестрашным, даже мне понравился,

Сатана тоже был когда-то ангелом,

Сам себя назвал Ангелом Света.

У трона Божьего держался будто прокурор,

Был доносчиком и палачом — одновременно.

Любил губить несчастные души грешников,

Под предлогом того, конечно, что главное — справедливость.

Мучил людей различными трюками и уловками,

Словно Иова из Библии, праведного человека,

И злорадствовал над каждым разбитым сердцем.

Насмехался над Богом за Его спиной после каждого своего беззакония,

Искушал даже Иисуса в пустыне,

Предлагал ему все царства мира со славой их,

Если Иисус выскажет в адрес Бога критику.

Забыл Сатана, что Бог — отец Иисуса

И может дать ему все царства безо всякой критики.

Люцифер не поймет никогда, что любовь — это не конкурс.

Из одних лишь соображений престижа послал он в мир Реула,

Чтобы тот раскрутил партию сложной игры.

В итоге он забрал бы измученную женщину в ад

И твердил бы, что все ей прощает

И что он тем самым — больше, чем Бог, который не может

Всё простить и плохих накажет.

Сами вы видели, что его рай притягивает плохих.

Трое отцов отказались от своих детей,

Ввергли их в учреждение где-то на периферии,

А когда по милости Божьей пани Зита

Хотела загладить их невежество и сама стать им матерью,

Отцы ее возненавидели и ищут разные пути,

Чтобы этот росток Божьей милости из ее души выклевать.

Они пошли за ним, ни Бог их не гнал, ни даже Сатана.

Ведь ад себе сотворили и выстроили люди сами,

А Сатане там очень нравится.

Дорогие мои, медали, которые я вручил,

Сделаны не из золота или платины,

Они из глины, из земли, замешенной на Божьей слюне,

Из земли, что течет вместе с вашей кровью, из неё Бог создал вас.

Это святая материя, у вас ее полно, и на ней однажды

С Божьей помощью вы создадите рай и обретете жизнь вечную.

Ведь и у нас на небе скуки нет,

Мы веселы и свежи, и каждый день — иной.

Пошли.

ГАВРИИЛ дает АНГЕЛАМ знак, они выходят, хотя лучше, если бы они вылетели из окна в сад.

ЗИТА и РЕУЛ машут им, глядя в небо.

Конец.

Станислав Штепка
Десять заповедей

Перевод Е. Зайцевой и А. Машковой
Stanislav Štepka. Desať prikázaní
© Stanislav Štepka / LITA, 2014

1

Я есть Господь Бог твой,
да не будет у тебя иных богов, кроме меня,
коим бы ты поклонялся.

АНГЕЛ

АНГЕЛ. Был оживленный день на границе весны и лета, собственно говоря, — не такой уж и оживленный. Штефан надел новые кеды, которые были ему немного малы. А точнее — не немного. Но они нравились ему, поэтому он их и надел. А кроме того, он получил их бесплатно. Дорогой до «Истрополиса»[55] разносятся, сказал себе Штефан. Но кеды этого, вероятно, не слышали. Штефану семьдесят пять, и он ходит на службу в «Истрополис». Двенадцать часов он будет сидеть на проходной: с шести вечера до шести утра. Потом его сменит Кодай. Когда-то он был военным — офицером. У него был четкий шаг, и многие его боялись. Сегодня его никто не боится,

---

[55] Примечания: 55
Здание конгресс-центра и кинотеатра в Братиславе.

и ему жмут кеды, которые подарил внук, потому что и ему они тоже жали. В шесть часов начнется его служба. Он снимет свое пальто, проверит ключи, включит телевизор. Иногда он засыпает прямо во время теленовостей. А иногда он их досматривает. Штефан любит поспать. Уточним — в десять он уже спит. И поднимает его только утренняя служба. Завтра это будет Кодай. Перед костелом, на Шпитальской улице, на узеньких ступеньках сидит знакомый нищий.

НИЩИЙ. Подайте, пожалуйста, пятьдесят крон… на супчик.

ШТЕФАН. У меня только сорок девять!

АНГЕЛ. Штефан не любит нищих и костелы.

ШТЕФАН. Это мошенники, они изображают из себя бедняков, а после вечером идут с этими монетами к автоматам. И священники точно такие же. Днем рассуждают о рае и аде, а ночью появляются в отеле «Перуджия» в гражданской одежде и с девочками. В пятидесятых годах я был среди первых, кто покончил с Богом. Кто-нибудь видел Бога? Не видел. Я верю только тому, что вижу. И этот вопрос для меня раз и навсегда закрыт. Кто-нибудь видел Бога? Не видел. С этой своей простой теорией я продвинулся из Прешова до самого Табора. Интересно, что за все эти годы

никому это не пришло в голову. Нет, нищих при социализме не было. Кто-нибудь видел тогда нищего? Не видел. Мы это смогли, мы, коммунисты. А как над нами насмехались эти герои. Еще два года назад каждый боялся признаться, что был коммунистом. Но не я. Я всегда был непреклонен — честен и прямолинеен. Может, поэтому в коллективе меня недолюбливали. Но таков удел истинного коммуниста — быть предводителем, бороться за правду, идти впереди, расшибая лоб. Мы начали потихоньку бояться за наши достижения. Сто тысяч квартир, новые заводы, школы, больницы. Мы разрушили старое, построили новое. Солнечные квартиры, пионерские лагеря. А сегодня я боюсь заболеть, так как у меня нет денег на лекарства. Крутом отребье, строящее из себя демократов. Подождите, вы еще приползете на коленях и будете плакать. А мы вас хорошенько погоним метлой! И монашек тоже. Ага, вон как высовываются. Когда-то были рады прогуливаться по углам больниц, а теперь нормально, просто так, ходят по улицам.

АНГЕЛ. Это случилось возле Двух львов[56]. К Штефану неожиданно подошла девушка с при-

---

[56] Примечания: 56
Здание полицейского управления в Братиславе.

ятной улыбкой, одетая в легкое летнее платье. Добрый день. Я ваш ангел-хранитель. Я хочу только сказать, что вам необходимо что-то сделать с собой. Выучить десять заповедей Божьих. Начать вот с этой, первой: Я есть Господь Бог твой… Я уже давно хотел вам об этом сказать, но не предоставлялся такой удобный случай, как сегодня.

ШТЕФАН. Ангел? Потешайтесь над другими, а не над пожилым человеком!

АНГЕЛ. Пока есть время, вы должны что-то сделать с собой. А у вас этого времени не так уж и много, поверьте. Полчаса? Я знаю, что говорю. Вы не верили, пока не видели. Сейчас вы видите — и не верите? Штефан, вы верите в Бога?

ШТЕФАН. Ну, еще чего! Моим единственным богом всегда была и остается коммунистическая идея.

АНГЕЛ. Она не подвела вас?

ШТЕФАН. Может, вас, но не нас. Мы всегда сумеем приспособиться, мы гибкие!

АНГЕЛ. Но она подвела!..

ШТЕФАН. Не подвела. Она жива. Все еще жива. Сейчас она немного отдыхает. Говорите, что вы… пернатый. Мне нужно доказательство. Научное доказательство!

АНГЕЛ. Я ждал этого. Пожалуйста. Пусть будет

по-вашему.

ШТЕФАН. Может, этот человек из какой-нибудь секты. Должно быть, из запрещенной. Отравляют жизнь и делают людей неуверенными. Их сейчас повылезало огромное количество. Где они были раньше? При нас такого не было. Мы крепко держали вожжи в руках. Да, не хватает сейчас крепкой руки. Если бы тут была сильная рука, все эти торгаши и прочие побоялись бы выйти на улицу, а то этих новоиспеченных клоунов еще и по телевизору показывают!

АНГЕЛ. Штефан подошел к светофору на улице Двадцать девятого августа. Загорелся зеленый. Только он ступил на переход, как вдруг перед ним затормозил синий легковой автомобиль. Водитель автомобиля с вытаращенными глазами посмотрел на светофор, на котором, будто гром среди ясного неба, загорелся красный свет. В это время и на Шпитальской заскрипели тормоза, и обе машины врезались друг в друга. Водитель синей машины, весь красный и чрезвычайно удивленный, жестикулируя, пытался извиниться перед Штефаном, что, мол, чуть не сбил его, а водители врезавшихся друг в друга машин, не задумываясь, громко стали обмениваться нецензурными словечками. Вахтер Штефан подошел

к площади Америки, однако и там ситуация повторилась: он бодро шагал на зеленый, но и на Мицкевичевой и перед Авионом сталкивались машины, звенели трамваи, слышны были нервные крики, возгласы, свистки и предупреждающие сигналы.

ШТЕФАН. Везде бардак! Никто не соблюдает правила, и вот к чему это приводит. Всё обгоняют эти, в новых машинах. А куда? Только в могилу. Не демократия — сплошная анархия правит в этой маленькой стране, это уж точно. Но сегодня об этом некому сказать вслух. Теперь это не принято. Теперь Европа — главнее, чем эта улица!

АНГЕЛ. А между тем вдоль всей площади Америки, с обеих сторон, водители машин сталкивались друг с другом со скрежетом, грохотом и ругательствами, они соответствующим образом повышали голоса, количество бранных слов и предложений росло, а из-под трамвая № 7 кто-то в последний момент вытащил хромую собаку.

ШТЕФАН. Мы тоже ошибались, это правда, но совсем немного, чуть-чуть. Мы были не очень последовательны. А в некоторых случаях — просто мягкими. Мы должны были быть более твердыми, особенно с такими вот элементами. И с теми, кто вечно подкапывался. На каждом втором пар-

тийном собрании я указывал на эти недостатки. Но мы думали, что все как-нибудь само уладится. А враг между тем не дремал. Мы чуть замешкались — а они уже тут как тут. Люди мира!

АНГЕЛ. Но на Майковой улице горел зеленый. И Штефану вдруг показалось, что этот зеленый свет светофора излучает сияние только для него, как прожектор в театре или в кино. И он, как герой, может продолжить свой монолог на освещенных мостовых улицы.

ШТЕФАН. Все эти годы все было ясно, абсолютно ясно. Действовали правила. Одна партия, твердая рука. И я был кем-то. А кто я сейчас? Никто и ничто. Аноним, без которого мир продолжит существовать. Человек из толпы, который не числится ни в одной статистике.

АНГЕЛ. На перекрестке между Крижной и Караджичевой сновали полицейские. Среди загроможденной машинами дороги они искали место для кареты скорой помощи. Пронзительно гудели пожарные машины.

ШТЕФАН. Еще совсем недавно сколько людей меня боялось! А я лишь посмеивался, а они в этой моей усмешке видели, что это не просто так. Но при этом им нечего было бояться. Что было во мне такого ужасного? Ничего. Мой мундир? Мое

звание? Но они боялись просто из принципа. Я часто об этом размышлял, даже смеялся. Скажите, что во мне такого? Но я знаю почему. Годы нашей последовательной и систематической коллективной работы. Конечно, скоординированной партией из центра.

АНГЕЛ. И только перед Штефаном, как по команде, загорался зеленый свет, как будто управляемый и регулируемый главным диспетчером.

ШТЕФАН. Кто-нибудь должен сказать последнее слово. За нами было первое. Первое и последнее. А кто сегодня способен сказать? Никто.

АНГЕЛ. Полицейские фотографировали, замеряли шаги, мужчины в белых халатах из службы «скорой помощи» грузили раненых. Перепуганные пассажиры толпами покидали переполненные заблокированные трамваи. На вымощенную площадку перед «Истрополисом» приземлился вертолет. С рынка, из банка, из учреждений выбегали сотни служащих узнать, что происходит. Из вертолета вышли два заместителя премьер-министра, а за ними и сам премьер. И, конечно, охрана. Через толпу стали пробиваться телевизионщики и румынские цыганки. Штефан, глубоко погруженный в себя, без проблем перешел через последний переход

на Трнавском мыте и подошел к проходной конгресс-центра и кинотеатра «Истрополис». На углу возле магазина «Нисан» он вдруг услышал какой-то знакомый голос. Здравствуйте. Смотрите-ка — доказательство!

ШТЕФАН *(стушевавшись, замявшись, с чувством ужасной тревоги).* Все это?.. И там?.. И это?..

АНГЕЛ *(спокойно, с улыбкой, кивая).* Это еще не все. Через минуту будет самое главное. Через тридцать секунд оно сразит вас наповал!

ШТЕФАН *(страшно напуганный, быстро опускается на колени и с мольбой смотрит на небо).* Я уже верю в тебя. Ты существуешь. Все эти годы я лишь притворялся. Время было такое! Когда-то я даже прислуживал в церкви. В былые годы я даже говорил «божья коровка». Но… Господи Боже… Прости!

НОЧЬЮ

Сплю, вот кто-то в дверь стучится
(чему я так не рад)
Ночь в одежды свои облачится
мой сон пошел на спад
За дверью ждет меня старик

промокший весь до нитки
Блуждал по свету много дней
вдруг мне он говорит:

«Могу ль от вас я позвонить?
Простите,
батарейка села.
Мы жаждем все приобрести,
Потом нам нет
…и дела».

В дом приглашаю старика
назвав его «мой друг»
Берет он что-то из мешка
и произносит вслух:

«Господь, я нахожусь
в ночном дозоре
здесь, на земле, где чувствую уже я
успех от разговора.
Я вас прошу
принять всерьез,
что все иначе здесь
и все в порядке…»

2

Не произноси имя Божье всуе.

«СЛОВАЦКАЯ РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ»

ВЛАДО. Ей тогда было уже сорок два, а мне тридцать пять, когда мы поженились. Мы познакомились на Балатоне. Она была там вместе со здешними членами кооператива, а я — с нашими. Мы не знали, чем заняться в этой мелкой грязной воде, и просто брызгались.

ГИТА. Ой, не брызгайтесь, а то песок попадет в глаза!

ВЛАДО. Мы стояли в этой грязной воде по колено, и ни она, ни я не хотели верить собственным глазам, что это тот самый Балатон. На Гите был черный закрытый купальник, который вплотную облегал ее сорокадвухлетнее тело. Но и мне нечем было особенно похвастать. Вечером мы встретились с подносами в нашей длиннющей столовой, и я не знал, что ей сказать, поэтому произнес только одно: «Гитка, а ваш купальник уже высох?»

ГИТА. Высох. А ваш?

ВЛАДО. «Высох. Прямо на мне. Вот…» — И я показал сам на себя кивком, потому что, как я уже сказал, в руках у меня был бакелитовый поднос для ужина. Мы сидели вместе за ужином, ели что-то вкусное и жирное. Гита на меня глядела и глядела, а я делал вид, что не замечаю этого. Потом я глядел на нее, а она не очень-то ловко делала вид, будто не замечает это. «У вас красивые руки, Гитка», — сказал я. Эти слова ничего не значили, сегодня я это понимаю. Но в ту минуту мне хотелось их произнести.

ГИТА. Знаете, я сама этими руками дом построила. Одна. Все надо мной смеялись — старая дева, никакой жалости. А я добилась разрешения, экскаватор выкопал фундамент, я купила цемент и бетономешалку. Купила книги и начала строительство согласно инструкции. Все построила и сделала сама. И стены, и полы, и штукатурку. Это заняло два года моей жизни. А что у вас, пан Владо?

ВЛАДО. Я рассказал ей о своей работе на курортах, что там делают массажисты и остальные сотрудники. И о своей гармошке, на которой я люблю играть по вечерам. Также о своей бабушке. А еще об оркестре, который я создаю, и о грыже, которую год назад мне вырезали. В конечном

счете я сказал ей одну фразу, которую еще долго буду вспоминать. «Вы знаете, Гитка, мы могли бы понять друг друга...» Человек должен быть всегда осторожен. В противном случае он будет сожалеть. Мой пример. Да, с большим стыдом я признаюсь, что этот дом вскружил мне голову. Я уже видел себя в этом, ее руками построенном доме, в зале, как мы там сидим, как я по вечерам играю ей на своей гармошке, а она штопает носки и напевает мелодию... Потом вдруг мы уже лежим за шторкой, рядом друг с другом, совсем не чувствуя разницы в возрасте, только наши руки работают, только из наших уст ощущается запах совместного ужина, и она говорит:

ГИТА. Ей-богу, твои плавки уже совсем высохли. Чувствуешь?

ВЛАДО. Как все изменилось. Сначала еще тютюли-мутюли. Пару раз я сыграл в комнате. Не больше. А потом — одни советы и приказания.

ГИТА. Ты разулся? А почему здесь такой грязный след?

ВЛАДО. На некоторые ее вопросы я не могу найти ответа годами. Мы — противоположные миры. Наш дом как картинка — нигде ни соринки, занавески постираны, на мебели ни пылинки, ковры всегда вычищены, посуда аккуратно расставлена,

морозилка полна. Моя жена любит тишину, она не переносит радио и телевизор.

ГИТА. Когда шумно, я не могу сосредоточиться на том, что нужно сделать завтра… Владо, зачем ты достаешь эту гармошку?

ВЛАДО. Пойду поиграю людям. Просто сделаю им приятно. Так, как хотел когда-то тебе.

ГИТА. Тебе больше нечем заняться?

ВЛАДО. Не поверишь, Гитка, нечем.

ГИТА. А как с кроликами?

ВЛАДО. Накормлены… И вдруг я самый счастливый человек на свете. Шагаю со своей гармошкой на плечах к нашему трактиру под ореховыми деревьями, потому что наконец-то я могу осуществить то, о чем мечтал долгие годы. Собственно говоря, с тех пор, как я женился. Просто вот так, однажды летним вечером зайти в трактир и сыграть людям. Ничего больше. Пожалуй, я сто раз мечтал просто взять гармонь и сыграть парням у трактира. Чтобы они не чесали языками и не засыпали с пивом в руках. Чтобы не хулили Бога. Чтобы у них в корне изменился и улучшился лексикон. Чтобы в корчму вошло искусство. Да, я не стесняюсь сказать — искусство. Ведь я уже играл в двух оркестрах и кое-что понимаю в музыке. В корчме все меня знают. Раз заплачу я,

другой — они.

ПАРЕНЬ В ТРАКТИРЕ. А ты, Владо, собственно, откуда родом?

ВЛАДО. С Вага.

ПАРЕНЬ В ТРАКТИРЕ. Ага, так ты информационщик.

ВЛАДО. Я рассказал им о курортах, а они меня слушали. Мы подружились, и я всегда после службы и работы по дому находил для них минутку. Три пива, три боровички. Раз заплатишь, и сторицей все возвратится. А вообще это надежные друзья: Миро и Полдо. Подумаешь, безработные. Зато дело делают. Я бы сказал, что они птицы вольные. Берутся только за ту работу, которая им по душе. И с любым могут нормально договориться. За тяжелую работу они уже не берутся. Иногда они посмеиваются надо мной, что я все еще хожу на службу.

САНДРА. Что будете заказывать?

ВЛАДО. Спрашивает меня молодая хозяйка корчмы Сандра, по которой ясно видно, что этой ночью она долго не спала, и не одна.

САНДРА. Ради бога, что это у вас? Гармошка? А зачем?

ВЛАДО. Для этого, говорю я Сандре, и начинаю играть «Словацкую родную деревню у подножия

гор».

ПАРЕНЬ В ТРАКТИРЕ. Тише, я не могу сосредоточиться. Прекрати этот скрип!

ГОЛОСА. «Не шуми!» — «Иди дома играй». — «Прекрати это чириканье, кто это должен слушать?» — «Перестань, через минуту начнется сериал». — «Иди с этим куда подальше».

ВЛАДО. Я доигрываю, застегиваю вверху над мехами пуговицу, кладу гармонь в футляр и пью пиво, в котором пена уже полностью осела. А около восьми придут Полдо и Миро. И мне как-то тоскливо.

ПОЛДО. По телевизору ни одной хорошей новости.

МИРО. А точнее, одна хуже другой, противно смотреть.

ВЛАДО. Пожалуются мои друзья, и я пожалуюсь вам на окрестные дома. Мне аж плакать хочется. Они заказывают, и я заказываю. Сегодня мы уже пять раз обменялись.

МИРО. Забей на них, они тупые, не знают, что такое искусство.

ПОЛДО. Сыграй нам. Только тихонько.

ВЛАДО. Попросит меня Полдо и даже сам достанет из футляра гармошку. И я играю, но признаюсь, мне стыдно — слезы, как гороши-

ны, падают между мехов. Я хочу сыграть, чтобы доставить им удовольствие. Чтобы заговорило живое искусство. Чтобы они не оскорбляли имя Божье. Чтобы искусством мысленно славили его. Чтобы не увлекались телевизором. Только об этом я думал и думаю.

МИРО. Дебилам ты можешь играть сколько угодно, другими они не станут.

ВЛАДО. На гармошке я играю как можно тише, и мы втроем поем «Словацкую родную деревню» как можно тише. Миро и Полдо поют первыми голосами, я — вторым. Ореховые деревья шумят как надежные вокалисты, которые понимают нас и которые с нами ладят. А потом я сыграю «Когда сердце мое болит». Но только совсем тихонько.

САНДРА. Идите играть и петь в другое место. Ну вот, всех посетителей повыгоняли из корчмы.

ВЛАДО. Если бы эта Сандра не была такой красивой, я бы ей сказал что-нибудь непристойное. А красивым некрасивое нельзя.

ПОЛДО. Гармошку больше не приноси, видишь, люди здесь некультурные.

МИРО. К тому же она тяжелая, скотина.

ВЛАДО. Гита уже спала, когда я пришел. Но в прихожей я случайно на что-то наткнулся. Думаю, на веник. Она включила свет, села на

кровать. Ей-богу, на ней купальник еще с Балатона, что случилось? Гита пошла на кухню в этом купальнике с Балатона, села напротив и стала смотреть на меня. Мне понравилось.

ГИТА. Как там было? Ты сыграл им?

ВЛАДО. Сыграл. И Полдо с Миро пришли.

ГИТА. Им понравилось?

ВЛАДО. Думаю, что да.

ГИТА. Не могу уснуть. Сыграй мне то, что играл там.

ВЛАДО. Я расстегиваю пуговицу над мехами и играю «Словацкую родную деревню». А она улыбается. Я уже давно этого не видел. И впрямь, когда Гита в последний раз улыбалась? Даже на Балатоне я не видел. Потом мы легли, и я как-то смело коснулся рукой ее широких ладоней.

НЕ ГОВОРИ НАПРАСНО ЛЮБВИ СЛОВА

Не говори напрасно
любви слова
на них отвечу я
тебе воздам
Вспомни наш путь
в Хорватию

Ты была за рулем
Подсел к тебе я

Вот машину две
руки ведут
наш форд от этого
сошел с ума
Шепчешь это то
что я люблю
Только с кожей
не раздевай меня

А руки всюду ищут
Она меня и я ее
И мы поем знакомую
И я ее — и я ее
И по радио поют ай лав ю
ай лав ю лав ю

Потом в больнице на Макарской
мы редко говорим о любви
Наши руки
капельницы ищут
А по радио все твердят

ай лав ю

3

Помни дни праздничные, чтобы святить их.

ЭТО ЛЮБОВЬ

Я. Иногда я приезжаю домой уже под утро. Въезжаю на автобусе во двор, нажимаю на ручной тормоз, выключаю двигатель, закрываю ворота и глажу пса. И все это я делаю довольно осторожно и тихо, потому что она еще спит. Я отпираю кухню, вхожу в ванную комнату. Умываю с мылом лицо и руки и смотрюсь в зеркало. Скоро мне будет пятьдесят, но у меня почти нет седых волос. Меня больше беспокоит проступающая лысина. У меня серо-голубые глаза, и это тоже не бог весть что. Лучше, если бы они были серые. А еще лучше — голубые. Вот это было бы нечто. А так у меня — просто никакие. Думаю, что другими они уже и не станут… Она все еще спит. Иногда и до десяти. Сейчас полвосьмого. И мне бы тоже стоило вздремнуть. Ведь всю Пасхальную ночь я ехал от этой паломнической Литмановой дороги. Наслушался я по горло молитв и религиозных

песнопений. Повсюду пахло колбасой, яйцами и боровичкой. Особенно в перерывах между молитвами и песнопениями. А я должен был убирать за паломниками. Поверьте, иногда по два дня я ничего другого не делаю, кроме как пылесощу, вытираю, выношу мусор, чищу ковры, стираю занавески и кремовые чехлы для сидений. Перед самой дорогой я деликатно предупреждаю паломников, чтобы они не клали на сиденья еду и напитки. Но не все это понимают. И моя Кароса[57] страдает. И я вместе с ней. Да еще как! В прошлый раз, когда я был в Закопане, я купил на рынке для жены ночную сорочку. Но ей не понравился фиолетовый цвет, она даже не захотела ее примерить. Все осматривала со всех сторон, мяла пальцами.

СУПРУГА. А что на это скажет соседка?

Я. Но в конце концов она не выдержала и примерила ее. Ночная сорочка была абсолютно прозрачная, и мне это очень понравилось. Да и жене приглянулось. И сейчас она лежит в этой сорочке. Она повернулась лицом к стене, и я вижу ее сзади в той самой фиолетовой прозрачной сорочке. Это не самый худший вид. Возможно,

---

[57] Примечания: 57
От слова karosséria — часть автобуса.

она надела эту сорочку лишь для того, чтобы позвать меня в кровать. Чтобы я сейчас, прямо с дороги, вот так к ней прилег и просто задрал бы ее легкую фиолетовую сорочку. И начал бы, как когда-то давно, целовать ее плечи. И я это сделаю. Но она, как обычно, скажет: «Фу! От тебя воняет автобусом». И я, как обычно, поправлю ее сорочку и выйду во двор. Я не переношу эту фразу! Ты слышишь, Кароса? Ты и вправду воняешь. Но она не должна о тебе так говорить. Так не говорят. Это неприлично. *(Выводит на сцену свою Каросу, в роли которой выступает красивая актриса.)* Передохни немного, эта Литманова находилась довольно далеко от нас, она тебя очень утомила. После такой продолжительной дороги я никогда не могу уснуть, поэтому я открываю автобус, сажусь за руль, и мы отдыхаем вместе. Как после ночи любви. Но когда через минуту я загляну в автобус и увижу, что после себя оставили паломники, на меня накатывает приступ бешенства. Культурные люди, и к тому же еще набожные! И такой бардак!.. Сегодня воскресенье, и я с полвосьмого до девяти не делаю ничего другого, кроме как выношу полиэтиленовые пакеты со всяким мусором и грязью и пластиковые бутылки с недопитой минералкой, чаем и домашней водкой.

Около десяти моя жена выглянет из окна.

СУПРУГА. Ты уже встал? Во сколько ты пришел?

Я. Уже встал. Я пришел в половине восьмого.

СУПРУГА. Я не могла сомкнуть глаз, как будто что-то предчувствовала. Вот твой кофе.

Я. Я посижу еще немного за рулем. И я не стыжусь, что при выключенном двигателе издаю звуки, напоминающие звук заведенной машины: тттттттт. Эту минуту я просто боготворю. Это мои самые прекрасные утренние часы. Такие тихие и чувственные. Когда нас только двое: я и моя верная Кароса. Это любовь… Но я уже слышу, как из кухни доносятся звуки музыки. Моя жена стоит на кухне возле радио в прозрачной фиолетовой сорочке и как-то подозрительно мне улыбается.

СУПРУГА. Что скажешь? Красивая музыка.

Я. Красивая… И вдруг жена делает то, чего еще никогда не делала. Она кланяется мне и разводит руки в стороны.

СУПРУГА. Можно тебя пригласить?

Я. Сейчас десять часов утра, и мы танцуем под красивую музыку. Под сорочкой я чувствую тело моей жены.

СУПРУГА. Мы уже давно вместе не танцевали. Когда в последний раз мы танцевали? Я уже и

не помню.

Я. «Мне опять изрядно запачкали мою Каросу. Ты должна видеть этот бардак…» Она прижимается. Прижимается ко мне. И я снова чувствую никотин. Она много курит. Это соседка ее научила. Та больше ничего не умеет, кроме как курить. Покупают сигареты по очереди — то одна, то другая. А спички наши. Так они коротают время. И при этом она хорошо знает, что я не переношу сигареты и дым. И особенно когда ее язык проникает в мой рот. А она часто стремится это проделать. И сейчас тоже. А меня обычно тошнит от этого… Из комнаты слышно тихое всхлипывание моей жены. И через секунду чирканье спичкой и глубокий вздох. И нервный возглас в мою сторону, во двор: «Сегодня воскресенье, а ты работаешь, это против природы и Бога! Как тебе не стыдно!» Выхожу во двор. Уже полдень. Солнце взошло над деревьями, над штакетником, над деревянным курятником, над навозной кучей и моей Каросой. Тебя, дорогуша, вечером ждет отличный душ. Я отмою тебя как следует, душа моя. Снова будешь как новенькая. Твои передние фары я очищу от мошкары, этих назойливых ночных насекомых. Я до блеска натру твою обувку, а потом загляну вовнутрь, чтобы увидеть,

где тебе колет, где режет… А для этого я вытащу свою платформу на колесиках и лягу под тебя. Я уже здесь, дорогуша, я уже с тобой. Уже полдень, солнце ярко и быстро встало над нашим двором и гумном. А я лежу под Каросой — и не вижу солнца. Я лежу в приятной прохладе. Возле нее, рядом с ней, под ней. Спасибо тебе, дорогая. Как ты прекрасна снизу. Нет, не смейся надо мной! Я и два часа вот так продержусь. Однако голод меня поднимет. И я вылезаю из-под автобуса. Вот уже и вечер, дорогуша. Будем купаться. Ты рада? Я знаю… На столе стоят тарелки, и в них остывший обед. Жена звонит соседке. На ней уже нет прозрачной сорочки. Сейчас она в легком спортивном костюме и желто-красном фартуке в цветочек. И губы ее ярко накрашены, и глаза подведены. А на голове у нее бигуди и косынка.

СУПРУГА. Когда ты вернешься? Но только точно. Ну хорошо! Пока.

Я. Ризотто с мелко нарезанными кусочками мяса. Салат из огурцов. Жена постоянно поворачивается ко мне спиной. Но в общем мне понравилось. «Как тебе?»

СУПРУГА. Вкусно. А тебе?

Я. Восхитительно! Ближе к вечеру я мою Каросу. Шланг шаловливо щекочет ее глаза, руки и

спину. Я хорошо слышу, как она хохочет, словно беспутная девка в пасхальный понедельник. А я все поливаю и поливаю ее. С нее стекают белые и грязно-белые мыльные струи. Но она терпит, как и наш пес Флокино, когда я мою его под горячей струей в нашей ванне. Кароса блещет чистотой. Я открываю дверь и сажусь в салон. Включаю все лампочки и немного погодя выключаю. Потом опять включаю. И через какое-то время снова выключаю. И быстро включаю. Я начинаю сигналить и включаю радио. Сигнал — словно зов — это нежная, бархатистая мелодия. Много лет я не слышал такую бархатистую музыку. Наконец-то мы одни, дорогая, совсем одни. Наконец-то. Вот такую я тебя люблю, дорогуша. Помытую, благоухающую. Мою дорогушу. Так иди же! Иди ко мне, милая хорошая, иди! Тттттттт… ттттт.

ПРАЗДНИКИ

Работать шесть дней
а седьмой отдыхать
детей любить
пиво не пить
стариков почитать
со всеми здороваться

Радостно встречать

Праздники отмечать
каждый год
вполне обычные
праздничные дни
Когда всё так
как и должно быть
когда живешь
как и надо жить

Когда дышишь
поешь смеешься
если конца
света нет
если мальчик
здоровый крепыш
смеется как
глупый малыш

когда живет
наш мир шаткий
и спят в ночной тиши
все мамы

Что ушли
и снова вернулись
Вот такие праздники
я бы хотел

4

Почитай отца твоего и мать твою.

ГАНТАБАЛОВЫ

РАССКАЗЧИКИ. Они огородили свой дом и большой сад высоким забором и отовсюду собрали свору собак, чтобы хозяева хорошо охранялись, вот такой у них дом и сад. Собак разной породы, всего у них было тридцать шесть. Домашних — пять, они были еще при покойной старой пани. Это она все придумала и очень хотела, чтобы ее дело продолжили два сына-холостяка и незамужняя дочь. Милан и Ото так и не женились, и Илонка не вышла замуж, потому что двадцать четыре часа в сутки они трудились на благо семейного бизнеса. Пожилая пани хозяйка затеяла все это в начале шестидесятых годов, а именно: хотя в доме и будут совершаться покупки, но распаковывать ничего не станут. Все началось с телевизора фирмы «Манес», и именно тогда, когда самым лучшим телевизионным развлечением были трансляции чемпионатов по фигурному катанию. Старший сын Ото получил

задание — купить телевизор в Нитре. В то время это было не так-то просто сделать — телевизоры, как и все остальное в первые годы существования социалистической Чехословакии, являлись дефицитом. Но у Ото был знакомый, имевший своего знакомого, и вот тот знакомый знакомого и помог достать Отто телевизор фирмы «Манес». Пани хозяйка решительно подвинула телевизор к столу и обратилась к семье.

ГАНТАБАЛОВА. Минуточку! Вы и в самом деле хотите открыть коробку и смотреть телевизор? Как будто у нас нет других дел? А как же гуси, кролики, куры, индейки, коровы и овцы? А как же поле и огород? Вы будете сидеть перед телевизором, а скот и птица останутся голодными! Ни в коем случае не распаковывать!

ИЛОНКА. Мамочка, но ведь будет чемпионат мира по фигурному катанию.

МИЛАН. Это будет красивое зрелище, мамочка.

ОТО. Мы долго ждали этого, он был такой тяжелый.

РАССКАЗЧИЦА. И это мне говоришь ты, Ото, кому я за сорок семь крон сменила имя после

войны в ГНК[58]? Тебя всю жизнь звали Отто, а я убрала из твоего имени одну букву «т», чтобы ты хотя бы на бумаге казался умнее, если в жизни ты глупый, как верблюд. А сейчас ты хочешь глазеть на голые ляжки и тела?

ИЛОНКА. Даже у пана священника есть «Манес».

МИЛАН. И он у него отлично работает.

РАССКАЗЧИЦА. Удивляюсь я пану священнику, который может просто так смотреть на эти грешные голые тела. Разве что он выключает видимость и оставляет только звук. Не распаковывать, унести!

РАССКАЗЧИКИ. Телевизор отнесли в спальню, в шкаф, и он остался там, хорошо упакованный, в огромной коробке. Илонка пошла к своим птицам, Ото — к счетам, а Милан — к коровам. Потом был куплен холодильник фирмы «Минск». Это было как раз в то время, когда молоко, масло, сыр и яйца хранили в просторной кладовой. В доме — особенно летом — частенько чувствовался тухлый запах.

ИЛОНКА. У всех есть холодильник — только у нас нет, давайте купим его.

---

[58] Примечания: 58

ГНК — Городской национальный комитет — орган управления во времена социалистической Чехословакии.

ГАНТАБАЛОВА. Холодильник — это полезная вещь, особенно сейчас, летом. Говорят, утром положишь туда теплый какао — он простоит до самого вечера… Отто, ты работаешь в Нитре, спроси у знакомого, может, он поможет.

РАССКАЗЧИКИ. У знакомого Отто был знакомый, а у того — свой знакомый, короче, через полгода им все же удалось купить холодильник фирмы «Минск».

ГАНТАБАЛОВА. Вам не жалко его распаковывать? Разве мы не обойдемся без него? Долгие годы у нас не было холодильника, и все было в порядке. Он шумит, жрет энергию, за ним надо ухаживать. Это все равно что новый член семьи. А разве нас и так мало? Не распаковывать, унести!

РАССКАЗЧИКИ. Парни в знак согласия закивали, взяли холодильник марки «Минск» и отнесли его в спальню рядом с ночным столиком. Гантабаловым удавалось почти все, они выращивали, продавали, так что не бедствовали. Перед Рождеством за ужином Илонка робко произнесла.

ИЛОНКА. Мамочка, у всех есть стиральные машины, только мы все время стираем в корыте. Я видела у Ковачковых. Нужно только положить внутрь вещи, включить воду, насыпать порошок. Там внизу есть такой винт, который, когда за-

кроешь машинку, начинает вертеться и стирать белье. Мы сели с тетей Ковачиковой на стулья напротив машинки и два часа смотрели, как она сама стирает.

РАССКАЗЧИЦА. Говоришь, Ковачикова сидела и не стирала?

ИЛОНКА. Да, мы вместе пили кофе.

РАССКАЗЧИЦА. Когда парни привезли из Нитры стиральную машинку, поначалу казалось, что Гантабаловы начнут ею пользоваться. Но это было лишь мимолетное колебание домашней начальницы. Эта Ковачикова на какое-то время заставила ее сомневаться. Но потом она опомнилась.

ГАНТАБАЛОВА. Жалко ее распаковывать. Такая хорошая вещь. Вот распакуем ее, и она начнет изнашиваться. Испокон веков я стирала в корыте, так и дальше буду стирать, по старинке. Хотя признаться, мужики, стирать ваши трусы у меня нет никакого желания. И отнесите машинку в спальню!

РАССКАЗЧИКИ. Но со временем дошла очередь для отсрочки и окончательной нераспаковки следующих вещей: умывальник с двумя тазами, четыре кухонные табуретки, двустворчатый буфет, два дивана с подушками и два кресла, четыре

шкафа, три люстры, четыре карниза, миксер, велосипед, двухколесная тележка, две лопаты, два ковша, сверлильный станок, тачка, вилы. Нераспакованными остались также и коробки с обувью и шляпами, сумки с рубашками, пальто и брюками. Дом Гантабаловых стал трещать по швам, и вдруг пани хозяйка объявила.

ГАНТАБАЛОВА. Мы построим новый, двухэтажный дом. Здесь и впрямь мало места.

РАССКАЗЧИКИ. И они принялись за строительство двухэтажного дома. Конечно, своими силами. Свои собственные планы, свои собственные задумки. Это был не самый красивый дом, но зато он был высокий и построен собственными руками. Собственноручная работа. И тогда умерла хозяйка дома, старая пани. Уже далеко не молодые сироты почувствовали невыносимую тоску. Вместо поминального обеда они решили накрыть стол на кухне в старом доме. Отто вытащил из домашних запасов закупоренную бутылку вина. Но Илонка прикрикнула на него.

ИЛОНКА. Ради бога! Жалко распаковывать, Ото, не открывай бутылку.

РАССКАЗЧИКИ. Они долго сидели в тишине, им было грустно. Мамочки не стало. Почитай отца своего и мать свою — повисло над домом и

над молодыми Гантабаловыми.

ИЛОНКА. А вам не будет жалко покидать этот дом и переезжать в новый?

ОТТО. Новый дом такой красивый.

ИЛОНКА. Но к этому дому и к вещам мы прикипели всем сердцем.

МИЛАН. Да, к новому дому мы еще не привыкли.

ОТТО. Но ведь у нас и не было времени, чтобы привыкнуть.

ИЛОНКА. И впрямь, жаль переезжать в новый дом.

ОТТО. Мамочка была бы рада.

МИЛАН. Мамочка была бы рада.

РАССКАЗЧИКИ. Тридцать шесть псов сторожат дом на Каменной улице… Потому что там есть что сторожить.

МОЯ ТРАВМА

Папа каждый день хохочет
и бормочет что есть мочи
вот вопрос
вот наша травма
как любить
отца-гэбиста

без драмы
Ведь совсем другим он стал
Когда в списки
те попал

Но не знали мы об этом
а теперь ведь каждый знает
и семья и все соседи
и иностранных дел
министр

Наш отец
как же нам с тобою жить
как тебя нам полюбить
скорбный дух в меня проник
Мой отец был клеветник

А лицо твое как прежде
светит изнутри
так уверенно ответь:
Все следы сотри
Преступник неизвестен

А виноват реестр
Ведь если б не было его

все по старинке бы прошло
Но старым правилам конец
вот и хохочет мой отец

5

Не убей.

ЕДИНСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Я. Утром за чашкой кофе я хотел рассказать свой сон. Но уже двадцать лет я делаю это с большим трудом.

ЖЕНА… Накануне мне позвонил Растё, сказал, что придет, но не пришел, на него вообще нельзя положиться. И я говорю, что хочешь? Я знаю, одолжить денег. А он — нет. Но ведь я тебя знаю. И сколько? Пять тысяч. Это наш Растё. И это все его жена, она и тысячу за пять минут истратит. Раз в месяц у нее поход в косметический салон, а Растё все время в одних и тех же кроссовках. Я говорю ему — возьми деньги, только потрать их на себя. Купи себе что-нибудь новое. Чтобы не выглядеть рядом с ней как провинциал из Агрокомплекса. Но он ей снова отдает все до кроны, а весь следующий год опять проходит в своих старых кроссовках.

Я. Столько всего хочется сказать, но мне все время некогда. Не удается поговорить.

ЖЕНА. У нас нет знакомого могильщика. Тоно совсем сдал, говорят, стал такой немощный и старый. Когда его не будет, кто этим станет заниматься? А вообще-то, они были и в Пиештянах, чего бы им не приехать к нам хоронить. Но, говорят, они не приедут. В Пиештянах песок, там легко копать, а у нас глинистая почва. А зимой?! За такие деньги никто не согласится. А ведь это не самая плохая работа. Получить тысячу крон за яму, да еще выпить. Но люди у нас совсем обленились, работать не заставишь. Вот почему они переехали в Бегинцы, может, оттуда приедут. Люди там толковые, наверняка сделают все по высшему разряду. Но наши депутаты опять заседали и решили, что иметь ритуальную службу из такой деревни, как Бегинцы, ниже нашего уровня. Поэтому сейчас все ждут, кто же первым умрет и кто будет копать могилу. Возможно, родственники, сняв с себя черные пальто, закатав рукава на белых рубашках, начнут копать могилу для деда. Это ужасно, и притом столько безработных. А вот могилу копать некому. А еще на кладбище вода. Это довольно неприятно, когда гроб погружают в воду. Как будто человека не хоронят, а просто топят. Ужасное зрелище. В крематории сжигают, а у нас топят. Я бы ни за что

на свете не хотела, чтобы меня вот так хоронили, лучше уж пусть положат на гумне под сливой.

Я. Мне обо всем хотелось поговорить. Даже об искусстве. Например, хотелось бы поговорить о книжке «Парфюм». Довольно приятная книжка об ароматах. Здорово ее написал этот немец. Както раз вечером я хотел толкнуть речь о запахах и благовониях. Но у меня не вышло.

ЖЕНА. Пожалуйста, прошу тебя, просто умоляю: сиди прямо во время еды. Сколько раз я уже тебе говорила? Это выглядит ужасно, когда ты сидишь за столом как старый горбун. Я диву давалась тогда, на дне рождения сестры, когда ты ел шницель словно, повторюсь, деревенский мужлан. Правда, и остальные ели как деревенщина, но ты ведь учитель, ты должен быть примером для подражания. Я ненавижу, когда не умеют вести себя за столом… Когда человек не ест, а жрет, я этого не выношу, хочется оказаться где-нибудь подальше. Если не умеешь вести себя за столом, не общайся с людьми, запрись в своей конуре или сарае — и там ешь до отвала.

Я. Разные мысли лезли мне в голову много лет. Но у меня не было ни малейшего шанса высказать их вслух. При всем моем желании. Она всегда меня перебивала, и остановить ее словесный

поток было невозможно.

ЖЕНА. У тебя два месяца отпуска, но мы никуда не едем. Почему? И почему только я должна торчать здесь, при тебе, кормить тебя? Почему мы сейчас не в Словении? Ведь нам позволяют средства. Однажды ты же раскошелился на Словению. Но там тебе все время хотелось говорить о школе. Тебе действительно больше не о чем поговорить — только о школе. Однажды ты свихнешься со своей школой. Ты все думаешь, что занятия не начнутся. Еще как начнутся, дорогой, начнутся.

Я. В прошлом году в конце января я зашел в турагентство взять проспекты. Подумал: удивлю-ка я ее. Выберу что-нибудь эксклюзивное, немного неожиданное, чтобы аж дух перехватило, — например, посещение индейского заповедника, Бразильской равнины… Нет, это было совсем недешево, скорее наоборот. Едва ли не все наши сбережения. Но я не сказал ей о необычной поездке ни слова, все сохранил в строжайшем секрете. Я нашел ее паспорт — еще действует, подал документы на оформление визы в Вене. Я и бланки за нее сам заполнил.

ЖЕНА. Ты меня вообще не слушаешь. В одно ухо влетело, а в другое вылетело. Не оправдывайся — ты меня не слышишь! Если бы ты меня

хоть немного слушал, ты бы что-нибудь для меня сделал. Ты способен только на одно — во время сна трогать меня и поворачивать, как мешок. И, как назло, именно тогда, когда мне снится что-нибудь прекрасное. Например, как в прошлый раз, я тебе это еще не рассказывала. Мне снился водоем. Боже, какой это был прекрасный сон. Я стою посередине на плоту и читаю лекцию о поведении человека в обществе. И все выбегают из своих палаток и слушают меня, потому что это очень интересная лекция. До тех пор, пока мы не научимся прилично вести себя, сообщала я по микрофону, у нас нет шансов быть приняты-ми в обществе. Мы, в конце концов, должны научиться вежливо здороваться, четко и громко, открывать перед дамами дверь, использовать бумажные салфетки и визитные карточки… И вдруг я вижу, как из палаток и летних домиков выбегают десятки отдыхающих, внимательно меня слушают, самые любознательные из них делают пометки, многие меня фотографируют, и издалека слышны одобрительные возгласы, поскольку много лет люди ждали этих слов. И я повторяю их снова и снова, громко и четко. И главное, дорогие мои, не сутультесь за столом, всегда нужно сидеть с выпрямленной спиной…

Такие прекрасные сны мне снятся много лет подряд. Но в прошлый раз…

Я. Я купил все самое необходимое — два до отказа наполненных чемодана. Поставил их на пол, прикрыл простыней и газетами. Я также учел массу мелочей, чтобы мы ни в чем не нуждались в Бразилии. Она все время рассказывала свои сны, а я делал пометки. Возможно, она подумала, что я записываю ее мысли. Но мысли не приходили, поэтому нечего было записывать. Я делал небольшие пометки в блокноте, что еще необходимо купить в дорогу: четыре видеофильма, крем для загара, соломенные шляпы, спрей для тела…

ЖЕНА. У вас в школе нужно ввести уроки по этикету. Причем учить надо, как дома, так и в школе, интенсивным курсом. Можно и каждый день преподавать. Сначала провести урок в классе, а потом в школьной столовой попрактиковаться за обедом. Особенно нужно обращать внимание на тех, кто горбится за столом, кто неправильно сидит, кто разговаривает с набитым ртом, громко чавкает, охает и вульгарно облизывает пальцы, кто быстро и механически ест, кто облизывает тарелки, бросает косточки, просит добавки и доедает за остальными, кто перекладывает со своей тарелки в чужую и вме-

сто приборов ест пальцами. Всему этому нужно учить в школе, компенсировав недостатки домашнего воспитания. Но тогда вам необходимо изменить учебную программу и усиленно работать. Но вам не захочется что-то менять, ведь вы всегда найдете тысячу отговорок. Сделать немного больше вам и в голову не придет, поскольку весь год вы только и думаете, что об отпуске, и на два месяца напрочь забываете о школе.

Я *(вдруг как закричит, жена с испугу замирает).* После я рассказал ей об отпуске и индейцах. Не знаю, как это произошло, но она начала меня слушать. Она словно онемела на время и так и осталась сидеть с открытым ртом за кухонным столом. Бразилия. Индейское поселение. Мы вдвоем. Держимся за руки, а на головах у нас соломенные шляпы. Ты и индейский вождь. Я снимаю вас на цветную пленку. Потом я и индейский вождь. Ты нас фотографируешь. Да, виза… Подожди, я принесу чемоданы. Около получаса она сидела за столом с широко открытым ртом, так что я спокойно мог бы запломбировать ей четыре зуба. У меня такое чувство, что после сообщенной мной новости она даже слегка ссутулилась. Собственно говоря, она никогда и не сидела с прямой спиной. А я тем временем распаковывал

чемоданы и показывал ей легкие футболки и летнюю обувь… Перелет прошел отлично, дорога была утомительная, но интересная, попутчики веселые. А она все молчала и молчала. И так она хорошо молчала. И я сам начал разговор. О школе, конечно. И даже о том, как предложу изменить школьную программу, об уроках этикета, об избытке времени, которым располагают учителя. Но и о международной ситуации и в целом о сложившейся ситуации в нашем футболе… У нас появилось много знакомых, которые были рады с нами пообщаться и все повторяли: только говорите, пан учитель. Вы так много об этом знаете. И о международной ситуации, и о футболе. Погода стояла изумительная. Мы ни в чем не нуждались, все было прекрасно… Индейцы были неподражаемы. Подвижные, поющие, танцующие в красивых национальных костюмах. Мы видели, как они сидят возле глиняных домиков и легендарных шатров, как танцуют у костров. Десятки фотоаппаратов и видеокамер были на них устремлены. Гид подробно объяснил нам все по-чешски. Почему они исполняют именно этот танец и поют именно эту песню. Куда корнями уходит эта традиция, в чем ее первопричина. Во сколько веков и с какой частотностью. Потом мы

сели, как вождь, к огню. Вождь, судя по всему, медитировал, загремели бубны, раздалось хоровое пение оставшихся индейцев. Вождь, медитируя, опустил голову на колени. Он поднял руку для приказа, индейцы в костюмах мигом подошли к нему.

ЖЕНА. Не сутультесь, пожалуйста. Пусть он не сутулится, это никуда не годится. Переведите ему, пожалуйста!

Я. Моя жена не вытерпела и в порыве гнева, хотя и с добрым умыслом, позвала индейского вождя, хозяина труднопроходимых бразильских лесов. Чешский гид послушно перевел вождю страстную фразу моей жены… Вождь поднял голову, внимательно посмотрел на мою жену, взял в руки остро заточенный индейский топор, сказал что-то вслух и с грозным видом устремился к моей жене… Дорога домой прошла более чем приятно… Многие поздравляли меня с хорошим настроением… Вчера после обеда я закопал урну с пеплом моей жены в нашем саду под сливой… У нас все еще нет могильщика.

НЕ УБЕЙ

Пока ты Господом любим
пока ты нежен и раним

пока резвишься скачешь
прекрасен если плачешь

Ты повторяешь вновь и вновь
ах как же быть — как быть
внутри души своей любовь
не ранить не убить

Ребенок весел и игрив
всю чашу жизни не распив
он ставит под сомненье
все взрослые уменья.
Вопросы нам он задает
глазами хлопает и ждет

Науку жизни постигаешь
в глазах ребенка свет читаешь

Пока ты Господом любим…

6

Не прелюбодействуй.

ПОЭТ ЛОЙЗО

РАССКАЗЧИЦА. Лойзо каменщик. Лойзо каменщик-поэт. Каменщик Лойзо скромный, задумчивый поэт. Хотя корчма «Благодать» и стала его вторым домом, а боровичка с пивом его унылыми друзьями, в корчме, в отличие от остальных, он не вступает в дискуссии о футболе, не шумит, не использует грубых и тем более вульгарных слов. Он просто сидит над своей кружкой пива напротив деревенских балагуров, потягивает боровичку, и один из немногих он может полностью выключить звук в своих ушах.

МАГДА. Привет, Лойзо. Давно тебя здесь не было.

ЛОЙЗО. Есть и другие дела, Магда. Дома.

МАГДА. У тебя молодая жена. Детей нет, так что?

ЛОЙЗО. Да ничего. А детей я хочу. Скажи — когда, если я все время здесь. Но как будто бы чего-то не хватает, чего-то такого, понимаешь…

сам не знаю чего.

МАГДА. Для этого вас должно быть двое. Тогда вам всего будет хватать.

РАССКАЗЧИЦА. В полдесятого в «Благодати» появляется его тридцатисемилетняя жена Бета.

БЕТА. И не стыдно тебе, Лойзо, ты здесь лакаешь, а я чуть со страху не померла, мол, где ты и не случилось ли чего с тобой на стройке. Зову тебя во дворе из окна, думаю, ты уже идешь, зарплату получил, думаю, надо сбегать в магазин, нужно поесть приготовить, я хотела купить возле муниципалитета у вьетнамцев выходную обувь, но тебя все нет и нет, зря смотрю во все стороны, я и собаку отвязала, думаю, пусть завиляет хвостом и залает, когда тебя увидит, но ты все не идешь, а ты, оказывается, здесь, в трактире, лакаешь боровичку и пиво, а я, значит, останусь без вьетнамских туфель, и все из-за того, что после получки ты прямой дорогой идешь сюда, к Магде! А ты, Магда, не должна ему все время наливать, ты же видишь, как он выглядит, от этой выпивки весь красный стал, ссохся, ну просто живая развалина сидит в твоем трактире. Вставай, и пойдем домой, не будь посмешищем для всей деревни!

РАССКАЗЧИЦА. Лойзо продолжает сидеть, достает свою старую табакерку, где под сигаре-

тами лежит потертая, вырезанная из журнала фотография Памелы Андерсон, он берет одну сигарету, ищет спички и закуривает. При этом он не произносит ни одного неуважительного или — не дай бог — грубого слова, а лишь продолжает тихонько сидеть за столом, хотя на него смотрит вся корчма.

ЛОЙЗО. Бета, заплати, я потом отдам — и через минуту я уже дома.

БЕТА. Как скажешь, дорогой, как скажешь!

РАССКАЗЧИЦА. Вместе с телевизионными новостями в корчму возвращается непринужденный разговор. Лойзо пальцем отодвигает от лица Памелы Андерсон несколько сигарет и тихо, совсем тихо, только для себя и для Памелы говорит: «Вот видишь, моя дорогая, все как обычно». Вскоре наступает ночь, думаю, что где-то час после полуночи, и «Благодать» пустеет. Магда выключает телевизор, собирает пепельницы со столов, переворачивает стулья. Собирает мусор под столами.

МАГДА. Нам еще далеко до того, чтобы называться культурной нацией. Лойзо, загляни-ка вон под те столы! Эти пепельницы там совершенно лишние. Лойзо, отойди!

ЛОЙЗО. Послушай, Магда, между нами говоря,

ты хорошо убираешь за нами всю эту грязь.

РАССКАЗЧИЦА. Магда собирает весь сор в совок и высыпает его прямо у порога, куда только что подъехал местный полицейский Пишта. Магда забегает обратно в корчму и зовет Лойзо.

МАГДА. Ну, до свидания, уже Пишта пришел, а я все подмела, думаю, пойду наконец-таки прилягу. А того и через час не выпроводишь!

РАССКАЗЧИЦА. Пишта с большим усилием пытается вылезти из машины, и уже с первого взгляда ясно, что он не должен был садиться за руль. Пошатываясь, он заходит в корчму.

ПИШТА. Привет, Лойзо. Опять пьешь? Магдушка, мне одну боровичку и темное пиво…

ЛОЙЗО. Я вижу, ты уже на рогах!

ПИШТА. Ну и что ж, это ты на стройке — сделаешь свое и идешь домой. А как я, Лойзо? Вот, например, сегодня я разрешил три тяжелых случая. Жаль, не могу тебе рассказать, какие именно, ведь это служебная тайна, но ужасно тяжелые были случаи.

ЛОЙЗО. Извини, что перебиваю тебя, но я хочу спросить у тебя прямо: это правда, с тем лесом?

ПИШТА. С каким еще лесом?

ЛОЙЗО. Якобы Имино помог вам вывезти древесину из леса, после чего ты позвал его на

кухню, угостил выпивкой, а потом ты куда-то пропал. Твоя жена дала Имино за перевоз пятьсот крон, Имино выпил водку и пиво, сел на трактор, отъехал за ворота, а там ты его и поджидал в полицейской форме и дал ему дыхнуть. И когда он подышал, ты взял с него штраф в пятьсот крон. Слаженная вышла работа!

ПИШТА. Это пиво прогоркло, добавь сюда немного сиропа. Иногда во мне просыпается зверь. Это нечестно, я знаю, но я так хочу быть честным перед людьми. Быть честным, даже когда человек как свинья.

РАССКАЗЧИЦА. Лойзо с трудом встает из-за стола, а полицейский ему охотно помогает до тех пор, пока ему это удается. Они выходят из корчмы, и Магда быстро убирает за ними стаканы и закрывает корчму на замок. Им хорошо, хотя завтра они уже и не вспомнят, как и когда вышли из корчмы, как шли вместе к своим домам по Миеровой улице. С ними это происходит довольно часто, но это их мало беспокоит. На Миеровой, 7 живет Лойзо, а на Миеровой, 22, немного подальше, — полицейский Пишта, поэтому первым перед своим домом прощается Лойзо. Он обращается к своему соседу, вынимает руки из ремней безопасности и благодарит его так, как это делает

культурный человек.

ЛОЙЗО. Спасибо тебе, Пишта, что помог добраться. Это было благородно с твоей стороны.

ПИШТА. Да не за что, это сделал бы каждый.

ЛОЙЗО. Каждый не сделал бы. По вам, полицейским, видно, как вы изменились в лучшую сторону. Конкретно — ты. Вот заглянул ты в корчму, увидел меня и запросто мог сказать: так, все понятно, Лойзо, нечего ему помогать, пусть там так пьяный и сидит. Но по тебе, Пишта, хорошо видно, что ты полицейский нового типа. Учеба в Пезинке сделала свое дело.

ПИШТА. Видишь ли, времена меняются, что было хорошо вчера, сегодня уже плохо. Жизнь стала более динамичная.

ЛОЙЗО. Говоришь — динамичная. Раньше бы ты так не сказал. Этот Пезинок сделал с тобой чудеса… Пойдем ко мне, выпьем на посошок.

ПИШТА. Нет, не пойду, уже хватит, Лойзо! Кроме того, я сегодня провернул три важных дела, с меня хватит. Да и тебе уже пора спать, спокойной ночи.

ЛОЙЗО. Смотри, Пишта, я бы потом долго стал упрекать себя за то, что не позвал тебя на рюмашку потому, что ты полицейский нового образца, который в Пезинке расширил свой кругозор.

РАССКАЗЧИЦА. Пишта не заставил себя долго уговаривать. Он мысленно говорит себе: «Еще одна и — спать, пусть Лойзо порадуется». Лойзо усаживает полицейского за кухонный стол, при этом постоянно прикладывая палец к надутым губам.

ЛОЙЗО. Тише, тише!..

РАССКАЗЧИЦА. Он достает из шкафа бутылку сливовицы и две рюмки, наливает и все время прикладывает палец к надутым губам.

ЛОЙЗО. Только, ради бога, тише, тише!

РАССКАЗЧИЦА. Пишта думает про себя: «Отнесу-ка я Лойзо в постель, у него тяжелый день выдался». Пишта встает и вдруг понимает, что это будет сделать не так-то просто. Не только встать, но и найти спальню в доме Лойзо. Какая из этих дверей? Пишта насчитал три. Идет к первой — кладовая. Идет ко второй — ванная. Значит, третья. Он тихо открывает дверь и замирает. В комнате скрипит кровать, и приятно вздыхает знакомый женский голос. Пишта быстро закрывает дверь и окончательно трезвеет.

ПИШТА. Лойзо, ради бога, проснись. Твоя Бета распутничает там с кем-то в постели…

РАССКАЗЧИЦА. Лойзо в полудреме надул губы и опять приложил к ним палец. Он посмотрел

на недопитую бутылку сливовицы и еле заметно усмехнулся. Другой рукой он позвал к себе друга полицейского и доверительно прошептал ему на ухо.

ЛОЙЗО. Псс! Тот, кто сейчас лежит на Бете, — это Рудо, с угольных складов. Но не волнуйся, он не пьет…

КАК ЭТО

Я с чужой женою
коротаю ночь
Господи прошу
советом мне помочь
и во сне грешу я
Боже помоги
если сон греховен
от меня гони

Не пиши мне
Лишь моргни
плутовски
Я читаю
Без любви я умираю
от тоски

Если вдруг ее встречаю
глупо голову склоняю
по ночам она мне снится
боль себе я причиняю
И при ней сказать могу лишь
одно слово — мне поверь
Я смущаюсь и немею
ночью я как дикий зверь

Расскажи мне
добрый Боже
кто в ответе
за те сны
Обо всем
Господь ты знаешь
сны нам часто
посылаешь

7

Не укради.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ЖИЗНИ ВИЛО

РАССКАЗЧИК. Трое нас в деревне родилось в один день. А точнее, одним июльским утром. Вило, Людвик и я. Для начала пару слов о Вило. Вило тогда первым в классе начал курить. Однажды перед уроком Закона Божьего где-то рядом со школьными туалетами его с сигаретой даже поймал священник Балог. Вило быстро выбросил недокуренный бычок. Но пан учитель залез к нему в карман, откуда вытащил коробочку с оставшимися сигаретами.

СВЯЩЕННИК. Вило, и что только из тебя получится?

РАССКАЗЧИК. Священник достал из коробочки одну сигарету и положил ее в катехизис. И каждый раз, когда на уроке наступало время читать мораль, он открывал катехизис, доставал из него ту самую сигарету и завершал речь наглядным примером.

СВЯЩЕННИК. Так и только так, как мы гово-

рили сегодня на уроке Закона Божьего. А вот так, дети, вот так — никогда, ни в коем случае!

РАССКАЗЧИК. И весь наш третий класс начальной школы больше с восхищением, чем с презрением смотрел на одноклассника Вило, который широко улыбался, как Швейк на рисунке Лады[59]… Как я и говорил, Вило был таким, в общем, насквозь бедовым. Однажды, когда после школы за нами уже не приглядывали, он изрядно удивил нас, мальчиков. Ни с того ни с сего залез себе в штаны и достал оттуда свою птичку-невеличку и похвастался.

ВИЛО. Интересно, сможет ли кто из вас так?

РАССКАЗЧИК. Он подошел к большому полукруглому окну и обильной струей помочился из окна на школьный двор. Мальчишки восхищенно захлопали, а Вило гордо спрятал птичку. Когда мы закончили начальную школу, Вило уже давно со взрослыми распивал алкогольные напитки и играл в карты, а в трактире на Гавране — в кегли, при этом он часто и охотно употреблял грубые слова. В то время грубых было намного больше, чем мягких… Время шло, а Вило попривык к ката-

---

[59] Примечания: 59

Йозеф Лада (1887–1957) — чешский писатель, график, живописец, иллюстратор романа Ярослава Гашека (1883–1923) «Похождения бравого солдата Швейка».

лажке, где проводил времени больше, чем дома и на работе. Кроме мелких, а чаще крупных краж ему всегда приписывали еще что-нибудь, так что у него и времени особо не было жениться, а тем более влюбиться. В июле, на мой день рождения, он пришел меня поздравить. Попробую восстановить наш длиннющий разговор, как он был.

ВИЛО. Глянь, чего я тобе принес.

РАССКАЗЧИК. Боже, что это?

ВИЛО. Слыхал я, што ты старые деньги собираешь, вот принес тобе эту драгоценность.

РАССКАЗЧИК. Но ведь на этой твоей банкноте ничего не видно. Ни страны, ни суммы — ничего.

ВИЛО. Насри на это, дай мне сто крон — и она твоя!

РАССКАЗЧИК. Будешь что-нибудь?

ВИЛО. Я затем и здесь.

РАССКАЗЧИК. Водки?

ВИЛО. Все равно, тока шоб пошибчее… Хорошо тута у тобе все устроено. Недавно вот с Людвиком толковали, что надо бы все это у тоби украсть. Например, вот давеча, кады ты в верхах на Клевнере свое день рождение праздновал. Кажу, вы там все, в доме никого, айда, никаких проблемов не будеть… Но потом мы с Людвиком говорим:

чего там в энтом доме може быть? Только одни бумажки. Да вот вижу, точно мы отгадали. А за бумажки нонче в пункте приема и кусок говна не дають.

РАССКАЗЧИК. На здоровье.

ВИЛО. Вот какой Бог несправедливый! Трое нас щенков в один день народилося. Один молодец, а двое простаки! Зачем так? Ох свербит в заднице у мене за энто — ой как! Я и старался, я и казал собе — будь добренький, не ерзай! А потом снова не удержался, снова крал — и влип я в энто по самы уши! И малость бы хватило, кабы Бог дал мне сметки, када уж не дал разума… Давеча я мамку с батькой сильно подивил. Проснулись они в постели, потому что продрогли. Энто я тихонько с-под них перины и подушки вытянул и утром их скорняку на улице продал за четыреста крон. Наши проснулися и дюже задивилися. «Вило, где перины и подушки?» — начали брехать. А я им на энто: «Чай, вам шо-то страшное снилося, вытолкали вы их через окно на улицу, по улице шел скорняк и забрал их». А они на энто тока: «Ах ты скотина!..» Пару раз ужо я о тобе подумывал. Главно в связи с энтим твоим писанием. Кажу, продам-ка тобе свою жизнь. Про нее бы ты и написал. У тобе бы энто вышло. Я бы тобе

прям так диктовал. Например, о том, як я медный провод крал. Скока его могло быть? Километр? Все было хорошо продумано, и ночь была черная, хоть глаз выколи, и трезвые мы были, частично даже замаскировались. Да вишь — заметил нас кто-то, позвонил шарфицким жандармам — и схватили они нас с Лапко прям с проводом. А вот один раз украл я целый кран. Тады я этого крана даже пальцем не коснулся. В Нитре на вокзале стренул я одного, такого пришибленного и промерзшего, и кажу ему: «Я тобе кран продам». А он: «Откуды у тобе?» — «Есть у мене, — отвечаю я, — и энто главное, а не откуды!» Он пита: «Скока?» — «Договоримся, — говорю я пришибленному, — но сначала нужон залог». — «Скока?» — спрашивает пришибленный. Я моментально: «Тыщи хватить, а потом подивиме». — «А де энтот кран?» — спрашивает пришибленный. «Тута, в Паровцах», — кажу. Сбегали мы до Паровец к новостройкам, показал я ему кран. «Твой будеть, — кажу я ему, — но сначала залог нужон». Пришибленный оглянул кран и говорить: «Вот энто да!» И спрашиваеть: «А потом шо?» — «Дурак ты, сдашь его в металлолом — вот увидишь, скока на нем заработаешь!» А пришибленный только: «Вот энто да!» И достаеть тыщу крон и

даеть их мене, и так все и пялится на крана и повторяеть: «Вот энто да, вот энто да!» Може, шо еще казал, но я ужо не слыхал, потому что я в это время ужо лихо разбежался для подстраховки, а он мне вслед брехал, а я бежал оттуды и бежал, як ужаленный, до самых Лужанек, де, може, час после бега очухивался в таком маленьком зале ожидания на станции.

РАССКАЗЧИК. И Вило мне в подробностях рассказывал еще о том, как легко проволокой вскрывать шкоды, как подделывать подписи, кому и за что можно продать барочного ангела с часовни, а еще какое меню в тюрьме в Леопольдово и чему там вообще можно выучиться. Потом вдруг сразу очень погрустнел, как человек, который вдруг где-то внутри начинает жалеть о своих мерзких поступках. Поэтому я побыстрей принес еще пол-литра водки и два пива, чтобы прогнать внезапную тоску. Вило пил, но уже без того смака, как вначале. Будто его начало грызть что-то, о чем он никогда раньше не думал, то есть совесть, что ли. Нагнулся он ко мне и совсем изменившимся голосом прошептал.

ВИЛО. Знашь шо, лучше ты обо мне не пиши. Я вот так об энтом думаю, а у многого еще срок не вышел — не хочу я больше в энто несчастное

Леопольдово.

РАССКАЗЧИК. Других женщин у нас больше не было. Так же, как не было и других общих дней рождения. В позапрошлом году у него почти одновременно умерли родители, и Вило остался один в пустом доме. Прошлой зимой (а она у нас была суровой) его нашли замерзшим на постели, прикрытого только старым грязным полотенцем для посуды.

УКРАДИ

Тебе мешает
потому что если хочешь
если тебя беспокоит
когда я у тебя краду как вор
твои взгляды
которые меня к тебе притягивают
как магниты
Когда мы сразу в одном теле
прекрасно сливаемся

Если ты меня дорогой любишь
давай посвятим себя этой краже
Любовь — это нежная кража
за нее не сажают за решетку

Украл я
немало
полные глаза
и мне нравится красть все вокруг
глазами и устами позволю
Красть красоту в женских глазах
это самый легкий грех
Перед кражей читаю в глазах
прекрасное женское ПУСТИ

Если ты меня дорогая любишь…

8

Не лжесвидетельствуй против ближнего своего.

У ЭМЫ ЕСТЬ МАМА, У МАМЫ ЕСТЬ ЭМА

МАМА сидит на кухне и вышивает картину. Натюрморт с мертвым фазаном и свежими фруктами. Полотно с фазаном и фруктами они купили на выставке «Агрокомплекс» в Нитре. По их доходам оно не было дешевым, но в конце концов решились — полотно должно принадлежать им! МАМА на кухне вышивает натюрморт, она где-то на половине, а дочь ЭМА стоит на своем привычном месте: опираясь локтями на окно в передней комнате, она регулярно наблюдает оттуда движение на Нитранской улице.

ЭМА. Проехал «NRA 67 26».
МАМА. Значит, Нитра.
ЭМА. «BAR 27 46».
МАМА. Это Братислава.
ЭМА. «TOC 12 30».
МАМА. Ну ясно, Топольчаны.
ЭМА. «NRB 17 18».
МАМА. Опять Нитра.

Так они разговаривают три часа, а иногда и дольше. Между тем наступает вечер. МАМА продвинулась в работе, а ЭМА проголодалась. МАМА откладывает работу в сторону и достает из духовки картошку по-французски. Они садятся к столу и с аппетитом едят, как люди, которым сегодня все удалось.

Я видела его машину перед домом. Он здесь.

ЭМА. «ВАО 10 88»?

МАМА. «ВАО 10 88». Поздоровайся, когда туда войдешь.

ЭМА. Ну а как же, мама.

МАМА. В прошлый раз ты вошла и не поздоровалась.

ЭМА. Я не знала, что ты в комнате.

МАМА. Ты могла догадаться.

ЭМА. Могла.

На следующий день мама наливает в ванну воду, тщательно моет ЭМУ, намыливает ей волосы шампунем. К вечеру надушенная ЭМА бойко выходит к автомобилю «ВАО 10 88», припаркованному на Пиештянской улице. Эма находит звонок на воротах и звонит. Раза четыре, наверное. «Давно уже я не звонила», — говорит она про себя и звонит еще четыре раза. Ворота открывает пятидесятилетний братиславчанин.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Вы что-то хотели?

МАМА. Это он. Но по телевизору он балагурил,

щерил зубы, вращал глазами и смешил до трясучки. Почему не смеется, почему не балагурит, почему не вращает глазами? У Эмы еще десятки подобных вопросов, но лучше оставить их для себя.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Пани, вы чего-то хотели?

ЭМА. Я еще не пани.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Входите.

ЭМА. Я помню все номера автомобилей, которые проезжали по Нитранской улице, даже те, которые уже давно проданы. Вся Словакия может меня проверить. И если случалось кому-то когда-то проезжать на автомобиле по нашей Нитранской улице и он знает когда, я ему скажу, какой номер у его автомобиля. А вы, когда вы приехали сюда в первый раз, вы приехали на автомобиле «BAN 44 12».

БРАТИСЛАВЧАНИН. Да, я тогда был тут на автомобиле брата, номер тот самый.

ЭМА. В общем, нельзя ли это использовать? То есть делать из этого деньги на телевидении. То есть что я помню все номера автомобилей, которые проехали мимо нашего дома. Вы ведь работаете на телевидении.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Будете что-нибудь?

ЭМА. Я бы выпила кофе, только, если можно,

крепкий.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Крепкий я пью по утрам.

ЭМА. А я — вечером, чтобы долго не спать. Сейчас сезон, автомобили ездят всю ночь… У меня вся голова забита номерами. У кого-то голова забита футболом или еще чем-то другим, а у меня там только номера автомобилей. Я из-за этого уже и в больнице была в Партизанском. Там я научилась вышивать по чужим образцам. Но это мне было неинтересно. Чужое — это чужое, а мое — это мое. Так я и начала вышивать автомобильные номера.

ЭМА прихлебывает кофе. Кофе немного горячий.

Мама очень ругается тому, что я хлюпаю. А мне так нравится хлюпать. И вообще мне нравится делать то, что не положено.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Что, например?

ЭМА. Например, мне нравится писать анонимные письма.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Так, значит, это вы…

ЭМА. Например, об актерах, которые мне решительно не нравятся.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Не лжесвидетельствуй, знаете такое?..

ЭМА. Об этом я уже исповедалась.

БРАТИСЛАВЧАНИН. И обо мне вы уже написали?

ЭМА. О вас нет, потому что вы мне нравитесь…

БРАТИСЛАВЧАНИН. Спрошу какого-нибудь драматурга на телевидении, нельзя ли использовать эти ваши автомобильные номера в какой-нибудь викторине. Может быть, еще в полиции…

ЭМА. Ради бога, нет! В полиции… нет. Мне это неинтересно, быть доносчиком.

БРАТИСЛАВЧАНИН. Вы бы помогали.

ЭМА. Я была бы доносчиком, нет уж. Я бы хотела использовать это в искусстве, на телевидении, то есть среди вас, актеров. Скажем, актер бы меня целовал и что-нибудь миленькое нашептывал бы мне на ухо, а я бы ему за это могла сказать номера всех автомобилей галантской марки. Или быстро вышить «BAO 77 77». Или. Кто-нибудь бы спорил на десять тысяч крон, знаю ли я марку автомобиля, на котором он 7 марта 1978 года проезжал по Нитранской улице. И они бы там включили такую таинственную музыку из «Миллионера», а я бы прикрыла глаза и почти за десять секунд сказала бы номер его автомобиля…

И ЭМА говорит и говорит, хотя дачнику уже становится прохладно. Она допивает кофе и просит у актера автограф. И

актер на своем портрете, снятом в молодые лучшие годы, пишет: «Эме, которая однажды станет телевизионной звездой». И МАМА спрашивает ЭМУ: «Какой он?»

Фантастический. Я буду на телевидении...

После они быстро садятся к телевизору и в течение часа ждут, когда ЭМУ покажут в телевизоре. Они не спешат, у них целое море спокойного времени.

ЛЖЕСВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ

Ты дорогой
мой близкий
я хочу быть
твоей близкой
Я хочу тебе писать
и ты пиши мне
и так к себе
приблизь меня

У тебя уже
свой собственный стиль
Дорогой
давай писать вместе
Я автор

двух-трех стихов
которые не вышли
книжкой

Научи меня этому
и я попробую
писать как Минач[60]
Как получается
как должна
Возможно и
иначе

Твое имя
мое произведение
давай будем модным
тандемом
Последняя уже
отпылала борьба
Колокола возвещают
день[61]

---

[60] Примечания: 60
Словацкий писатель Владимир Минач (1922–1996).

[61] Примечания: 61
Имеется в виду третья часть трилогии В. Минача «Поколение» — роман «Колокола возвещают день» (1961).

9

Не возжелай жены ближнего своего.

НОЧЬ ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ

ДРАМАТУРГА ждали в аэропорту. Какая-то приятная и длинноволосая его целовала, а кто-то, менее приятный, вручал ему цветы. Его посадили в автомобиль и, помнится, на сотне помчали по большому городу.

СПОНСОР. Меня тут каждый знает. Мы тут все друг с другом знакомы, как вы знаете, живем все вместе, в сущности как одна большая семья. Не жалуемся на жизнь.

Премьера пьесы ДРАМАТУРГА состоялась в семь в единственном местном и, соответственно, самом большом театре. ДРАМАТУРГА усадили в третий ряд. Многие на него оглядывались. А это ему было не очень-то приятно. Он закрывал глаза и опускал голову. Он смотрел на часы: когда же наконец начнется? И во время представления снова: когда же этот сценический ужас закончится. Все представление ему казалось, что актеры играют пьесу кого-то другого и эта пьеса — худшее из написанного тем кем-то. Только кое-где он почувствовал, что

этот кто-то — он сам. Прием оплачивал богатый местный спонсор, чей пятиметровый логотип висел прямо рядом с люстрой. На столе — свинина, салями, лосось, бутерброды, салаты, выпечка, приборы, а также сладости, торт, цветы, на других столах — игристое вино. А в углу — официанты с бокалами и разливное пиво. Спонсор, одетый в идеальное спонсорское, подошел к одинокому драматургу.

Ведь жрут же, а?

ДРАМАТУРГ. Проголодались.

СПОНСОР. Вот не было бы меня, и не жрали бы. Не было бы, а? Ведь это я за все плачу.

ДРАМАТУРГ. Вам понравилось представление? СПОНСОР. О чем это вы? У меня на это нет времени. Между нами, мне на это насрать. Это я им нужен, а не они мне. Это отребье.

ДРАМАТУРГ. Ходят тут люди в театр?

СПОНСОР. Кто ж на такую дурь ходит? Я там раз был, больше меня туда и коврижкой не заманишь. А вы смотрели, как вам показалось?

ДРАМАТУРГ. Ну, в общем, так, как вы говорите.

СПОНСОР. Ну вот видите — я вас не обманываю.

СИЛЬВИЯ. Я — Сильвия, привет… Долго тут задерживаться не будем. Еще немного пошатаемся,

а потом пойдем к Беате, нас уже ждут.

Но в этот момент ДРАМАТУРГА заметило руководство театра — ДИРЕКТОР и ЗАВЛИТ, по-славянски они его еще раз обняли и, перебивая друг друга, заговорили.

ДИРЕКТОР и **ЗАВЛИТ.** Спасибо, высший класс, и приняли отлично, мы уже ждем, когда снова увидим какую-нибудь вашу пьесу, что это будет, когда, спасибо, а сейчас извините, у нас тут люди из министерства и края.

ДРАМАТУРГ помог СИЛЬВИИ с пальто. Снаружи был холодный март, который очень походил на январь.

СИЛЬВИЯ. Можешь спрятать руку в мою шубу, попробуй, как там тепло. *(Сильвия не медлила. Сразу же ее рука оказалась рядом с его рукой.)*

Только — такси пришло через пару минут, они тут же уселись и тут же их руки соединились. И СИЛЬВИЯ объявила водителю.

На Циккерову, семь. Если бы ты только знал, сколько мне дала эта пьеса. Как будто бы я в ней нашла себя. И не только я, мы все. Ты разбудил в нас настоящий театр. И желание верить в театр, в его возвышенность. Без этого как колода на шее. Невозможно отыскать с режиссером ключ к этим

отношениям, понимаешь. С первого взгляда все просто, а на самом деле — чер-тов-ски рафинированно. Но у нас все вышло, я счастлива, как дитя. Извини, я разболталась. Но я должна была тебе это сказать. И это еще не все.

На Циккеровой, семь за дверью они разулись.

Одни шикарные люди, вот увидишь. Собственно, сливки общества. Ну, в общем, очень даже, вот увидишь. По большей части творческий сброд. Свои люди.

«Сильвия пришла!» — закричал кто-то. И начались объятия. СИЛЬВИЯ выудила из шубы шампанское и порхала из объятий в объятия. И тогда ее заметил ДРАМАТУРГ. Она стояла где-то в углу огромной квартиры с бутылкой коньяка в руке, верно, уже немного опьяневшая, с глубоким декольте — и прекрасная. У нее были таинственные глубокие черно-карие глаза, их ДРАМАТУРГ заметил сразу же на втором месте после тугих грудей. Да, это была она, бывшая королева красоты, БЕАТА. Вся республика лежала у ее ног, во всех журналах были ее фотографии.

ДАМА С СЕРЬГАМИ *(немного навеселе).* Так это вы, тот самый известный автор, мы о вас слышали. Полагаю, и по телевизору я вас как-то видела.

Дайте на вас взглянуть. А там вы были намного толще, чем сейчас.

ДРАМАТУРГ. Я не худел, к сожалению, а надо бы.

ДАМА С СЕРЬГАМИ. У нас были билеты на сегодня, но не получилось. Сильвия нам расскажет содержание. Она любит это делать. Вы уже были в ее шубе? Ее шуба — вещь известная…

ДРАМАТУРГ. И Беата здесь…

ДАМА С СЕРЬГАМИ. Вон ее муж, тот, в трусах. Они друг друга не понимают. Беата начала пить, да и в мыслях всегда отсутствует, вся где-то не здесь, понимаете? Этот брак уже давно развалился.

МУЖ БЕАТЫ, довольно пьяный и слегка лысеющий, нетвердо стоящий в трусах посреди комнаты, начал стучать ложкой о бокал.

МУЖ БЕАТЫ. Покажем нашему пану драматургу, как может веселиться эхт[62]-общество. Что мы не какие-то местные дебоширы, а что мы есть кто-то. Например, такая наша игра, как «важно — не важно», но только в нашей редакции. Как видите, уважаемые, я уже приготовился к худше-

---

[62] Примечания: 62
От нем. echt — настоящий, подлинный.

му, то же самое ждет и вас. Сделаем все для того, чтобы веселье не буксовало. Это касается и моей пани жены!

БЕАТА. Прекрасно. Уже нужно раздеваться?

МУЖ БЕАТЫ. Это было бы в тему, пани Беата, у тебя в этом самый богатый опыт.

Засмеялся МУЖ БЕАТЫ и бросил в королеву красоты ложку, которая упала где-то под окном. Эхт общество засмеялось, как над не-удавшейся шуткой. А БЕАТА все так же спокойно зажгла сигарету. МУЖ БЕАТЫ взял в руки пустую бутылку, раскрутил ее на ковре.

На кого покажет горлышко, как всегда, начнет стриптиз!

Горлышко бутылки указало на обветшалую даму с тяжелыми серьгами, которая радостно взвизгнула и уже начала раздевание с сережек. Но пьяница в трусах этого не видел.

Слабо крутанул. Давайте еще раз.

ДАМА В СЕРЬГАХ. Это же нечестно!

МУЖ БЕАТЫ. Мы тут хотим развлекаться, Идка, а не страх наводить.

ДАМА В СЕРЬГАХ. Не знаю, что ты хотел этим сказать, Берцо. Будь добр, объясни.

МУЖ БЕАТЫ. Насри на это, Идка! Посмотри в

зеркало и сразу узнаешь, что с тобой и сколько тебе стукнуло.

ДАМА В СЕРЬГАХ. Поэтому меня не удивляет твоя жена. Жить всю жизнь с таким грубияном — не сахар!

МУЖ БЕАТЫ. Осторожно, Ида, в Беату полетела ложка, а в тебя может полететь вот эта бутылка.

СИЛЬВИЯ. Разве горлышко не показало на меня? Голову даю на отсечение, что горлышко показывало на меня. Соответствующую музыку, пожалуйста.

Все неистово зааплодировали, а драматург повернулся к окну, где стояла с бутылкой в руке королева красоты БЕАТА. СИЛЬВИЯ раздевалась медленно и с охотой. Все хотели расстегнуть ей лифчик. Но она подбежала к драматургу и подставила спину. Эхт-общество вежливо захлопало. Перед ДРАМАТУРГОМ сразу же после небольшого напряжения появились груди. Общество начало хлопать и кричать «браво», как на премьере.

ДРАМАТУРГ *(обращается к Беате).* Вы рады, что горлышко не показало на вас?

БЕАТА. Если бы оно ненароком показало на меня, бутылку бы крутили до тех пор, пока горлышко не указало на Сильвию. Вы ее знаете?

ДРАМАТУРГ. Я видел ее сегодня на сцене.

БЕАТА. Вне сцены она еще лучше. Меня от них тошнит. Пойдемте отсюда.

ДРАМАТУРГ. Он не бросит в меня бутылкой?

БЕАТА. Все равно не попадет. Он уже не попадает даже домой.

ДРАМАТУРГ. Господи боже, если вспомнить… Вы мне когда-то ужасно нравились. Собственно, это продолжается до сих пор.

БЕАТА. Говори мне об этом, долго говори.

ДРАМАТУРГ. Была ты у меня… вырезанная, как ты шла по молу в купальнике. Ты висела в каждой комнате общежития, в темном купальнике, с лентой Мисс. Я помню твою диадему в волосах. До сих пор, ей-богу, я слышу твой глубокий сексиголос, который исходит из твоих сексигуб. Вот из этих губ, здесь.

БЕАТА. Не стесняйся, прикоснись к прошлому, попробуй. А потом мы пойдем.

ДРАМАТУРГ. Куда же?

БЕАТА. В прошлое…

ДРАМАТУРГ. И мы ушли.

СТРАСТНО ЖЕЛАЮ

Страстно желаю кончиков
твоих пальцев

(мои у тебя
украдены)
Я продираюсь по твоему телу как
по джунглям густым
Ты не любишь меня
Это жестоко

Страстно желаю твоих прикосновений
твоих волос
которые ночью
нежно искрятся
Нырнуть лицом и пойти по этой
прекрасной дороге
где исходит
аромат тонкий

Страстно желаю
твоего жара
страстно желаю
твоего молчания
когда нас утомит
напиши
когда все

слова
слова лишние

Мне противно это страстное
тоскливое желание
мне приятно нетерпеливое
прекрасное скитание
Это оно и есть древнее известное
человеческое люблю
что начинается там где кончается
каждая разлука

10

Не желай дома ближнего твоего.

ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

РАССКАЗЧИК ЛОЙЗО В РОЛИ СЛУЧАЙНОГО ПРОХОЖЕГО. Вот мы в прошлый раз подзаработали денег в городе, я сказал тогда себе: купи хоть что-нибудь Бете, ну, например, прочные вьетнамские туфельки. Что-нибудь этакое, чтоб не выбрасывать деньги на ветер, как Рудко из угольного склада. Вот купил я красивые туфельки за двести крон, а каблук шатался… У вьетнамцев обувь на две трети дешевле выходит, но, говорю же, человек никогда не должен думать только о деньгах. И вдруг я слышу шум и дверь открыта. Спрашиваю, что случилось или должно случиться? Вхожу внутрь, а там…

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Друзья, это окончательный результат: наша партия, Партия человеческого взаимопонимания, стала победителем на парламентских выборах этого года!

Всеобщая радость, все обнимаются друг с другом, открывается шампанское. Только случайный прохожий со стороны безучастно

поглядывает на ликующую толпу.

СЕКРЕТАРЬ. За это следует выпить.

СПИКЕР. Изумительно! По-тря-са-ю-ще! Потрясающе!

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(до смерти взволнованный).* Я дожил до этого момента! Я уж было подумал, что не доживу как почетный председатель. Но я дожил. (*Вдруг он схватился за сердце и пошатнулся.)* Я дожил?

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Мой муж не спал весь последний месяц. Ведь так, Йожко, ты не спал со мной целый месяц?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Никак не получалось, время было очень напряженное, предвыборная кампания, митинги, пресс-конференции, участие в круглых столах в прямом эфире. Хорошо, что я не спал. Все окупилось, наши совместные усилия не пошли насмарку.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Я говорю ему, ты должен хоть немножко вздремнуть, слишком много на себя взял, надорвешься. Но он подошел к кровати, посмотрел на меня — и тут же пошел улучшать предвыборную программу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я сидел до трех часов ночи, все улучшал. Иногда засиживался до самого утра. Отшлифовывал детали, продумывал тезисы и

подпункты. Все для улучшения жизни человека. И, конечно, народа. Чтобы человек человеку был человеком. Чтобы в конце концов человеческое пересилило материальное. Ведь все это делается только ради человека, для наших детей, для наших внуков, для будущего.

Все аплодируют.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Я говорю ему, поспи, хоть немножечко. Но где там! Он все отшлифовывает да отшлифовывает, по ночам, и даже в баре консультируется с экспертами, устраняет мелкие недочеты, ищет нетрадиционные решения.

СПИКЕР. Пан председатель, прошу вас, расскажите о двух секретных проектах! Это сенсация! Здесь есть и СМИ. В сущности говоря, это на первый взгляд ничего не значащий подпункт в нашей программе: помощь одиноким. Но его наполнение — это удивительно оригинальное решение!! Очень прошу.

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(радостно, но вместе с тем болезненно выкрикивает, но его никто не замечает. Потом подозрительно хватается за сердце и медленно опускается).* Я дожил до этого момента! Я все-таки дожил! Но нужно открыть окно, а не то я задохнусь. Где здесь туалет?

ЖЕНА ПОЧЕТНОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Откройте, пожалуйста, все окна, моему мужу плохо. Боюсь, он уже не дышит!.. У кого ключ от уборной?

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ опускается на пол, но его никто не замечает. ЖЕНА оказывает ему первую помощь. Не помогает. Все заняты только собой. Приятный разговор возле председателя все еще продолжается.

ЖУРНАЛИСТКА. Вы не могли бы сказать нашим читателям пару слов о тех оригинальных идеях в вашей предвыборной программе?

СПИКЕР. Могу и я, пресс-секретарь ПЧВ[63]. В помощи одиноким заключено нечто далеко не повседневное, а, наоборот, даже революционное…

ЖУРНАЛИСТКА. Если это так, как вы говорите, нам мог бы об этом рассказать и сам пан председатель, это будет информация из первых рук.

СПИКЕР. Вы не представились. Из какой, простите, вы редакции?

ЖУРНАЛИСТКА. Из центральной.

СПИКЕР *(подозрительно смотрит на журналистку, фотографирует ее и записывает в дневник).* Я проверю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Так вот. Речь идет о предо-

---

[63] Примечания: 63
Партия человеческого взаимопонимания.

ставлении помощи матерям-одиночкам, и действительно из первых рук. Сегодня мы уже не можем представить себе роды без отцов, это стало неотъемлемой частью супружеской жизни. А как же матери-одиночки? Кто будет держать их за руку в самый прекрасный момент появления на этот свет нового человека? И именно поэтому мы решили: создадим Партию человеческого взаимопонимания со своими активистами в округах, которые будут приходить в родильные дома в качестве партнеров, будут стоять возле матери-одиночки, держать ее за руку, встречать вместе с роженицей появление нового человека на свет. *(Аплодисменты.)*

СПИКЕР. Конечно, этот проект будет детально рассмотрен нашими партийными активистами и согласован с Министерством здравоохранения, с местными органами самоуправления и с конкретными людьми и организациями.

ЖУРНАЛИСТКА. А если будущая мамочка-одиночка не захочет получить помощь от ваших активистов из Партии человеческого взаимопонимания?

СПИКЕР. Для этого и существует наша партия и ее плодотворная методика. Мы прилагаем все необходимые усилия для того, чтобы матери-оди-

ночки с радостью встречали в роддомах наших активистов, тщательно отобранных, протестированных и прошедших обследование. Ведь многие из них, возможно, смогут и постоянно, а значит, и успешно решать вопрос их женского одиночества, о чем многие из начинающих уже сейчас мечтают.

СПОНСОР. Наша компания «Энерджи» дарит каждой одинокой мамочке комплект пеленок, а также москитную сетку от комаров для детской коляски и наш журнал «Энерджи».

СПИКЕР. Превосходно! У кого-нибудь еще есть вопросы?

ЖЕНА ПОЧЕТНОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ *(зовет на помощь случайного прохожего Лойзо, и они вместе убирают почетного председателя со сцены. По дороге она скажет только).* Я чувствую, Густо, что ты не доживешь до этой новой жизни…

ЖУРНАЛИСТКА. Есть еще какие-нибудь сюрпризы?

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. И я могу сказать — за своего мужа…

СПИКЕР. Пожалуйста, пани доцент.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Для вас будет сюрпризом, что, подобно активистам ПЧВ в роддомах, мы, женщины, в черновом варианте также

подготовили интересный проект, уже готовый к реализации. Мы давно заметили, что наши футбольные и хоккейные команды во время международных матчей не знают слов национального гимна, и — между нами говоря — это большой позор. Поэтому мы хотим договориться с футболистами и хоккеистами о дополнительных занятиях, во время которых мы будем не только учить их словам гимна — например, словам из второй строфы нашего национального гимна, но и хотим также выказать им доверие болельщиков, это поистине женское объяснение, поощрение и импульс, который им поможет мобилизовать все психические и эмоциональные силы для игры перед решающим чемпионатом или же после победного матча.

СПОНСОР. Наша компания «Энерджи» дарит каждому игроку сверхсиловую кокосовую палочку «Смайлик» и светящиеся, люминесцирующие шнурки для спортивных штанов, бутс и спортивной обуви, аттестованные Районным дорожным ведомством в Большом Кртише.

СПИКЕР. Спасибо нашим СМИ за проявленный интерес и желание информировать об активистах нашей партии, а теперь позвольте мне всех вас пригласить на бокал вина от лица нашей

Партии человеческого взаимопонимания.

Одна из ЖЕН разливает вино, а члены партии выходят на авансцену.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ *(ухаживает за своим мужем).* Эта журналистка — порядочная свинья.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не она одна. Сегодня это само собой разумеется, пресс-атташе куда более интеллигентен.

СПИКЕР *(вступает в дискуссию).* Кто я и кем я не должна быть?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но ведь вы, Ивета, это лучше знаете.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Из какой она редакции?

СПИКЕР. Сказала — из центральной. Только бы не оказалось, что из периферийной…

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это не важно. К нам такие мелкие сошки не заглядывают!

СПОНСОР. Полагаем, что теперь, после выборов, вы нашу компанию «Энерджи» не забудете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как мы можем, пан инженер. Дайте нам только слегка передохнуть.

СПОНСОР. Когда вы хорошо отдышитесь, и наша компания сможет вздохнуть…

СЕКРЕТАРЬ. Что там с приватизационным про-

ектом? Лойзо уже объявился? А что голландцы? Я бы так сказал: во-первых, сначала — мы, а уже потом — голландцы. Между нами говоря, эти голландцы начинают меня раздражать.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Не забудь посмотреть эти участки. Я согласен с секретарем: сначала — мы, а потом уже другие.

СПОНСОР. Эти выборы влетели нашей компании в копеечку, нам напомнили об этом и в центральном отделе в Лондоне. Надо как можно скорее что-то с этим делать.

Случайный ПРОХОЖИЙ возвращается и просто смотрит на всех. Минуту спустя все потихоньку затихают и смотрят на случайного ПРОХОЖЕГО.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы, простите, кто?

ПРОХОЖИЙ. Я просто так… мимо проходил. Можно сказать: случайный прохожий.

СПИКЕР. А куда вы идете?

ПРОХОЖИЙ. Никуда. Просто так. Вверх. Вниз. И обратно.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. А что вы здесь делаете?

ПРОХОЖИЙ. Просто так, смотрю по сторонам. Просто так, удивляюсь.

СПИКЕР. Вы находитесь на территории пар-

тии.

ПРОХОЖИЙ. Я уже понял.

СПОНСОР. Какую компанию вы здесь представляете?

ПРОХОЖИЙ. Нашу… то есть эту.

СЕКРЕТАРЬ. Вы зарегистрировались?

ПРОХОЖИЙ. Еще… нет. Только в поликлинике… у меня есть карта.

СПИКЕР. Ну так что вы здесь делаете?

ПРОХОЖИЙ. Просто так. Смотрю. И думаю, до чего я дожил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Такое ощущение, что вы нас разыгрываете.

СПИКЕР. Что у вас там в пакете? А в этом кармане?

ПРОХОЖИЙ. В пакете у меня туфли для жены. А в кармане — футляр.

ЖЕНА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Боже, у него оружие!

Все ложатся на землю, приходит ЖЕНА ПОЧЕТНОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ. Тоже ложится, как и остальные.

ЖЕНА ПОЧЕТНОГО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ *(горько плачет).* Он не дожил. А так хотел дожить.

ПРОХОЖИЙ *(достает из кармана кожаный футляр для очков). В* этом футляре лежат очки. Вот. Чтобы лучше видеть, как у нас растут цены.

Неудобно, но необходимо. Ну, так я пойду отсюда подальше. Выборы закончены. А вы должны радоваться, а не ползать! *(Уходит, напевая.)* Наша Словакия тем временем спала беспробудным сном…

ПРИЗНАЮСЬ

Признаюсь скучаю
по грешному телу
твоей красоте
роковой
Что Бог даровал
и женскому делу
ты вся отдаешься прекрасна
душой

Признаюсь скучаю
и сердце сжимает
завистников много
и пусть
ты мимо проходишь
и все замирают
в душе моей
грусть

Признаюсь
мне стыдно
О Боже прости
нас слабых убогих
грехи отпусти

Признаюсь скучаю
по плоду запретов
и снова об этом
прошу
Губами коснуться
твоей загорелой кожи
которой я так
дорожу

Резвиться с тобою
совсем как дитя
по радуге вместе
идти
Годами веками
искать тебя
да искать тебя
но не найти

БЕЛЫЕ ВОРОТНИЧКИ

Белый ворот
и рубашка
только руки
не чисты
Дождались мы
час наш пробил
радуйтесь
сожгли мосты

На лице улыбка блещет
ты с иголочки одет
а с экрана шутки хлещут
центром стал ты всех
планет

Всем нам хочется немножко
жизнь
веселую вести: брать
давать
плясать
и бегать в карты поиграть
Не стесняйся друг сердечный

просто подходи

Биржа теннис
капитал
мы Европой
стали
и теперь все
хорошо
пробудитесь
Словаки

На лице улыбка блещет
ты с иголочки одет
а с экрана шутки хлещут
центром стал ты всех
планет

(В жизни так бывает
не поможет врач
ты поплачь
кто-то из нас жертва
кто-то же — палач)

ДОСТОВЕРНЫЕ СЛУХИ

Правдивые слухи

к которым не глухи
правдивые сплетни
ты им не внемли

А вправду певица Мадонна
в Трнаве выходит замуж
за Джеймса Бонда
И если бы так все и было
на свадьбе бы пела Йоко Оно

А вправду что за полцены
купили творчество Делона
когда же общество привыкло
им кукиш показала Микла

Правдивые слухи
к которым не глухи
правдивые сплетни
ты им не внемли

Воде свое русло а миру мир
обеспечит партия «Смер»[64]
ну а если станет тяжко

---

[64] Примечания: 64

Смер — Партия социально-демократической направленности в современной Словакии.

всем поможет милый Княжко[65]

Зазвонит у вас будильник
нужно выключить мобильник
Пощите дурака
малыша и простака

Правдивые слухи
к которым не глухи
правдивые сплетни
ты им не внемли

Ходят слухи каждый день
людям сплетничать не лень
почему сейчас ты с нами
если должен быть ты в Трнаве
на свадьбе с Бондом

Посетив Трнаву
в Пезинок поеду
отосплюсь я дома
поиграю в карты
да пришел тот самый Пол Маккартни

---

[65] Примечания: 65
Милан Княжко — современный словацкий политик, артист.

Темной ночкой к нам придет
кто-то с Голливуда
может вправду даже я веселиться буду
Люди развлекаются
поют поют — не маются

НА ДЕСЯТИ КАНАЛАХ

На экране телевизора
появилось сообщение
(на первом канале)
строгий голос объявляет
да ведь это богообщение!
Я есть Бог твой
и других богов
пусть твой разум не узнает

Я канал переключу что там нарисуют?
Я читаю и дивлюсь Бога не зови впустую
На третьем канале торговая лавка
сейчас везде скидки
а в церкви у нас сплошная неявка
ущерб и убытки

Четвертый канал
от битв не устал
сын отца гоняет
мать свою ругает

На пятом канале
Жертва скажет палачу
Не убей Прошу кричу
Зеваки смеются
И страсти начнутся

А на шестом — ты не смотри —
все коварство изнутри:
воруют убивают
на дно нас зазывают.

На остальных каналах
Ты Бога не найдешь
А если Бога нет
Безумствует наш свет

Конец.

Вильям Климачек
Гипермаркет

День, когда вы не занимались шопингом,
потерян для вас навсегда

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭВА 20 лет.
ПЕТЕР 60 лет.
ЙЕН 30 лет.
КАРИН 27 лет.
АННА 55 лет.

Перевод Л. Широковой
Viliam Klimáček. Hypermarket
© Viliam Klimáček / LITA, 2014

1. Зал гипермаркета

ЙЕН, в безукоризненном костюме, принимает ПЕТЕРА на службу.

ЙЕН. Никогда не смотрите женщинам на грудь. На работе я этого не терплю.

ПЕТЕР. Само собой.

ЙЕН. Обращайте внимание на глаза.

ПЕТЕР. Обращать внимание на глаза.

ЙЕН. Понятно?

ПЕТЕР. Глаза — порядочные свиньи.

ЙЕН. Что, извините?

ПЕТЕР. Они обманывают.

ЙЕН. Но покупатели зацепят глазами ваш взгляд, а сами тем временем воруют. Воруют здесь дай боже.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей. Гонг).* Уважаемые покупатели, обращаем ваше внимание на специальные скидки в секции мужского белья. Пара черных носков — по цене акции.

Гонг.

ЙЕН. Такое количество товаров в одном месте доводит людей до безумия. Особенно это касается женщин. Угадайте, что является самым мощным

афродизиаком для воровок? ПЕТЕР. Мужские слипы?

ЙЕН. Стиральные порошки. Их возбуждающие ароматы. Туда, наверно, подмешивают какие-нибудь феромоны. Женщины от этих порошков теряют голову и начинают красть. И крадут — что?

ПЕТЕР. Слипы?

ЙЕН. Косметику!

ПЕТЕР. Десятикилограммовый пакет «Персила» не украдешь.

ЙЕН. Вы бы глазам своим не поверили!

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей. Гонг).* В секции текстиля как раз в эту минуту начинается показ новой коллекции дамского белья. Розовые зимние оттенки сменяются цветом весенних фиалок.

Гонг .

ЙЕН. Это место всех возбуждает. Оно вызывает ощущение неограниченных возможностей. Вы идете сюда, чтобы купить жвачку, а уходите с микроволновкой. Люди возвращаются с шопинга и дома снимают напряжение сексом. Тридцать три процента зачатий случается после посещения гипермаркета!

ПЕТЕР. А я обычно разгружаю пакеты и валюсь на диван.

ЙЕН. А потом?

ПЕТЕР. Включаю телик.

ЙЕН. Потому-то вы и занимаетесь охранными услугами.

ПЕТЕР. И горжусь этим, господин менеджер.

ЙЕН. Бывший полицейский?

ПЕТЕР. Секретные службы, господин менеджер.

ЙЕН. Не называйте меня все время «господин менеджер».

ПЕТЕР. Я охранял основы бывшего режима.

ЙЕН. А теперь будете охранять основы вот этого, теперешнего.

ПЕТЕР. Это что, свободный рынок?

ЙЕН. Это покупательницы! За ними глаз да глаз! Они способны на все. Будут примерять в кабинке блузки и при этом запрячут товар куда-нибудь к себе внутрь, да поглубже. Одна дама как-то раз вынесла двадцать два тюбика помады «Диор». Не нужно объяснять, в каком месте.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей. Гонг).* В секции книг и видеофильмов предлагаем вашему вниманию новый роман «Четвертование женщины» известной писательницы, автора

бестселлера «Все мужчины — свиньи».

Гонг .

ПЕТЕР. Двадцать два?! Но я ведь не могу заглядывать к ним…

ЙЕН. Как раз можете. Позовете продавщицу. Но никогда не забывайте о корректности.

ПЕТЕР. По отношению к воровкам?!

ЙЕН. Воровка — это будущий покупатель. Мы делаем ей замечание, но при этом не вызываем к себе неприязни. Иначе в следующий раз она будет тратить деньги в другом месте.

ПЕТЕР. Мужчины воруют меньше?

ЙЕН. Они воруют чаще всего в день зарплаты.

ПЕТЕР. В день зарплаты?

ЙЕН. Дома их ждут жены, надеясь получить какой-нибудь подарок, а этим хочется сэкономить. Такая вот неловкая ситуация.

ПЕТЕР. Вы будете мною довольны.

ЙЕН. Надеюсь. Если вы за три дня не поймаете первого вора, мне придется вас уволить.

2. Секция аудиодисков

ЭВА со скучающим видом продает диски, КАРИН в наушниках танцует под музыку, которую мы не слышим.

ЭВА. Зуб даю, она его опять не купит.

КАРИН *(снимает наушники).* Что, извините?

ЭВА. Желаете купить этот диск?

КАРИН. Он замечательный. *(Надевает наушники и снова начинает танцевать.)*

Входит ЙЕН и исподтишка наблюдает за женщинами.

ЭВА. Долбаная работа.

КАРИН *(снимает наушники).* Вы что-то сказали? *(Надевает наушники и танцует.)*

ЭВА. Она ходит сюда целый месяц и слушает все время один и тот же диск. Не ворует. Не мешается. Ни к кому не пристает. Ненавижу ее.

КАРИН *(снимает наушники).* Вот сейчас вы что-то сказали!

ЭВА. Я говорю — слушайте, без проблем.

КАРИН надевает наушники и танцует. ЭВА зевает от скуки.

ЙЕН *(смотрит на бейджик Эвы).* Эва? Признайтесь… Эва. Вы не любите музыку.

ЭВА. Любила. Пока не начала ее продавать.

ЙЕН. Давно вы у нас?

ЭВА. Месяц.

ЙЕН *(наблюдает за танцующей Карин, та не обращает на него внимания).* Эта женщина ходит сюда уже год. Каждое утро, между восьмью и одиннадцатью. Оставляет ребенка с няней и идет на фитнес. Потом принимает душ и приходит сюда слушать музыку.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей. Гонг).* Уважаемые покупатели, воспользуйтесь золотой картой клиента и покупайте ежедневно один вид товара с фантастической скидкой. Золотые карты вы можете приобрести во всех кассах нашего магазина.

Гонг .

ЙЕН. Знаете, что она слушает?

ЭВА. Какие-то скрипки.

ЙЕН. Некоторые называют это — Вивальди. Знаете, что лучше всего делать под Вивальди? Под него замечательно идет обвалка мяса. Каждый третий элитный шеф-повар слушает во время работы Вивальди.

ЭВА *(смотрит на танцующую Карин).* Она не похожа на шеф-повара.

ЙЕН. Она актриса, но нигде не играет. У нее трехгодовалый сын. Вот так иногда бывает. Мне следует выставить вас вон. За неуважительное отношение к клиентке.

ЭВА снимает форменный халат и подает его ЙЕНУ.

В морозильном боксе освободилось место. Мясо охладит вашу голову.

ЭВА. Почему вы воспринимаете это как что-то личное?

ЙЕН. Ничего тут личного нет.

ЭВА. Все-таки есть.

ЙЕН. Нет.

ЭВА. Вас задело то, что я о ней сказала?

ЙЕН. Ничего меня не задело.

ЭВА. Да будто я не вижу!

ЙЕН. Ну так, черт вас побери, да, меня это задело!

ЭВА. Ладно, пойду в мясной.

ЙЕН *(смотрит на Карин).* Это моя жена.

3. Секция парфюмерии

ПЕТЕР в старом свитере ходит с рацией по проходам между витринами.

ПЕТЕР. Слежу за Брижит Бардо, слежу за Брижит Бардо. Она держит лак для волос. Сунула его в карман. Ах, чтоб тебя! Кладет его назад. Зла на тебя не хватает! Идет к кассам. Отбой!

ЙЕН *(входит).* У вас остался один день.

ПЕТЕР. Я ее почти поймал!

ЙЕН. Жду до двадцати четырех ноль-ноль.

ПЕТЕР. Будьте спокойны, господин менеджер.

ЙЕН. Или приведете ко мне вашего вора, или будете уволены.

ПЕТЕР. Мне работа нужна.

ЙЕН. Ежедневно у нас крадут товаров на тридцать тысяч. Мы не настолько богаты, чтобы спонсировать это государство.

ПЕТЕР. Я ее сцапаю, господин менеджер.

ЙЕН. Кого?

ПЕТЕР. Брижит Бардо.

ЙЕН. Брижит Бардо?

ПЕТЕР. Лет сорока, блондинка. Ворует в парфюмерии.

ЙЕН. Вы ее взяли?

ПЕТЕР. Она вернула товар.

ЙЕН *(посмеиваясь).* Брижит Бардо.

ПЕТЕР. Я называю их по именам артисток.

ЙЕН. А почему не Шерон Стоун?

ПЕТЕР. Такие фильмы не в моем вкусе, господин менеджер.

ЙЕН. Не называйте меня «господин менеджер».

Послышался сигнал рации.

ПЕТЕР. Прием. Мастрояни в продовольственном. *(Выключает рацию.)* Пропадают тортеллини, господин менеджер.

ЙЕН. Прекратите меня так называть. И наденьте костюм. А то выглядите словно бомж.

ПЕТЕР. Стараюсь быть незаметным.

ЙЕН. Где вы живете? Сюда приходят сплошь красивые люди. Замечаете, как меняется мир? В нем все больше красивых людей. Они уже не ходят по воскресеньям в церковь. Они ходят за покупками. И мы обязаны сделать все для того, чтобы они пришли сюда снова. Потому что у нас они счастливы. И не портите им эту радость. Да, но Мастрояни мне приведите.

4. Морозильник

ЭВА курит травку в холодильном помещении рядом с говядиной.

ЭВА. Единственное, чему меня мать научила, были натуральные отбивные. Мясо по-быстрому. Посоли, отбей, кинь в кипящее масло. А вот вижу тут этих коров на крюках, так, наверно, никогда больше мяса в рот не возьму. Долбаная система! Завалит тебя всеми вещами, которые тебе нравятся, а потом научит их ненавидеть. Роботов хотят из нас сделать. Хороший робот каждый день пашет, делает покупки и хочет развлекаться. А если робот испортился, его отправляют в морозилку.

ПЕТЕР *(входит и гасит ее сигарету).* Дура, что ли? Сигнализация же сработает!

ЭВА. В холодильнике?

ПЕТЕР. В холодильнике!

ЭВА. В холодильнике ничего не может гореть.

ПЕТЕР. Это почему?

ЭВА. Огонь замерз бы.

ПЕТЕР. Я этого не знал.

ЭВА. Что у тебя по физике было?

ПЕТЕР. А ты не очень-то зарывайся!

ЙЕН *(входит).* Почему в боксе дым? *(Эве.)* А ведь

я дал тебе шанс.

ЭВА. Подохнуть за прилавком, как моя мать?

ЙЕН. Убирайся.

ЭВА. Когда с ней в магазине случился удар, она вся была в ворсинках от мерзких ковров, которые продавала всю свою жизнь.

ЙЕН. Охрана, выставить ее вон.

ПЕТЕР. За одну сигарету?!

ЙЕН *(наклоняется к бейджику Петера).* Петер? Поздравляю с первым вором.

ЭВА. Я ничего не украла!

ЙЕН. Ты — хуже, чем воровка. Ты — конченая наркоманка. Повторите, Петер.

ПЕТЕР. Конченая… наркоманка.

ЭВА *(смотрит на бейджик Йена).* Йен… Что это у вас за имя такое?

ЙЕН. Поколение техно знает, что такое «Джетро Талл»?

ЭВА. Английский биг-бит, что ли?

ЙЕН. Мой отец его обожал. Вокалиста звали Андерсон. Йен Андерсон.

ЭВА. Папашка был хипарь, а? Почему вам за нее стыдно? Вы, вообще-то, ее любите? Эту, в наушниках?

ЙЕН. Я постараюсь, чтобы тебя не взяли ни в один магазин на земном шаре.

ЭВА. Вы не меня вышвыриваете. Вы от нее хотите избавиться.

ПЕТЕР подталкивает ЭВУ к выходу. Когда они уходят, ЙЕН докуривает чинарик.

ЙЕН. Хорошая травка.

5. Дубляж

КАРИН дублирует повторяющийся фрагмент телесериала, на голове у нее наушники. Она смотрит видеозапись. Изображение: богатая дама сидит в шикарном кресле. За ней — также на видео — в сапогах и сомбреро стоит актер, представляющий ПЕДРО. Дама на видео разговаривает по телефону. Фрагмент повторяется снова и снова.

КАРИН. Нет, отец, я не скажу тебе номер своего телефона. То, что произошло между нами, простить нельзя. В то утро… *(Сбивается, ждет начала фрагмента.)* Нет, отец, я не скажу тебе номер своего телефона. То, что произошло между нами, простить нельзя. В то утро в Буэнос-Айресе… да, мне было тогда шесть… *(Раньше времени обращается к актеру на видео.)* Не стой здесь, как идиот, Педро! *(Ждет начала фрагмента.)*

ГОЛОС РЕЖИССЕРА *(из репродуктора).* Успокойся, Карин, начнем сначала.

КАРИН. Нет, отец, я не скажу тебе номер своего телефона. То, что произошло между нами… А, черт!

ГОЛОС РЕЖИССЕРА *(Из репродуктора.)* Давай

с Буэнос-Айреса.

КАРИН. Тогда утром в Буэнос-Айресе… да, мне было тогда шесть… не стой здесь, как идиот, Педро!

АКТЕР на видео уходит.

Ты вошел в мою спальню, отец…

КАРИН молчит, видео крутится дальше.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА *(из репродуктора).* Ты в порядке? Поехали от Педро.

КАРИН. Не стой здесь, как идиот, Педро! Ты вошел в мою спальню, отец… поцеловал меня… из салона звучал Вивальди… твоя большая девочка закрыла глаза… и больше уже никогда не была маленькой… *(Снимает наушники.)* Ну и дерьмо же это.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА *(из репродуктора).* Карин, я это не записываю.

КАРИН. Прости.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА *(из репродуктора).* Пауза! Да, и вот еще что: сюда ломится твоя мамаша.

КАРИН. Снова она?!

ГОЛОС РЕЖИССЕРА *(из репродуктора).* Пожалуйста, разберись с ней побыстрее!

КАРИН выходит из студии. Перед ней стоит АННА.

КАРИН. Что тебе снова нужно?!

АННА *(восторженно).* Я раздобыла корь!

КАРИН. Какую еще корь?

АННА. Для Петрика! У внучки моей приятельницы как раз корь!

КАРИН. И что?!

АННА. Если бы ты привела Петрика к ним в гости, он переболел бы уже сейчас!

КАРИН. Ты не в себе!

АННА. Все так делают! И у вас одной заботой было бы меньше!

КАРИН. Я не собираюсь инфицировать собственного ребенка.

АННА. А сама ты ее как подцепила? Я сводила тебя к Аленке Шварцовой, вы поиграли вместе, и вот пожалуйста!

КАРИН. Спасибо тебе большое.

АННА. Вчера я видела объявление… «Ищу ребенка с ветряной оспой». Зачем они ищут ветрянку, как ты думаешь?!

КАРИН хочет уйти.

Я хочу тебе помочь, а ты на меня плюешь!

КАРИН. Потому что ведешь себя как психопатка.

АННА. Что это за тон?! Я ведь твоя мать!

КАРИН. Извини.

АННА. Разве я тебе не нужна?

КАРИН. Ну, ма-ам…

АННА. Что, моя киска?..

КАРИН. Не приходи к нам хотя бы месяц. Прошу тебя.

АННА. Ты запрещаешь мне видеться с внуком?!

КАРИН. Нет, но пойми…

АННА. Ты хочешь отнять у меня внука!

КАРИН. Ничего я не хочу у тебя отнять.

АННА. Я и так редко его вижу…

КАРИН. Если бы не Петрик, нам с тобой вообще не о чем было бы поговорить.

АННА. Но на Рождество нам было хорошо вместе, разве нет?

КАРИН. Ужасно.

АННА. Разве это я обстригла елку ножницами для разделки птицы?!

КАРИН. Йен это сделал из-за тебя! Кошмарное было Рождество!

АННА. Почему вы так ругаетесь? В жизни не видела, чтобы дочь ругалась с мужем на глазах у собственной матери! У собственной матери! Да к тому же — под елкой! Ты не представляешь, что я при этом пережила! Не понимаю, почему вы

так поступаете. Молодые, здоровые, ребенок, дом — все у вас есть. Чего тебе еще надо? Большего и желать невозможно! Пойми ты это ради бога и не испытывай судьбу!

КАРИН. Разве я начинаю первая?! Я всегда молчу. А вот Йен бывает иной раз такой противный, посмотрела бы ты на него!

АННА. Когда у меня были нелады с твоим отцом, мы разбирались сами! Даже ты об этом не знала.

КАРИН. Да, и включали при этом проигрыватель, чтобы я вас не слышала. Вивальди!

АННА. И зачем надо было печатать про это в газетах?! «Артистка подралась с мужем»?!

КАРИН. Мы подавали жалобу на редакцию.

АННА *(пытается обнять дочь, Карин выворачивается).* Говорят, ты ходишь в гипермаркет слушать музыку…

КАРИН кивает.

А знаешь, голос из громкоговорителей — это я.

КАРИН кивает.

Одна продавщица мне сказала, та, с которой мы ходили в кружок декламации. Я иногда смотрю на тебя потихоньку. У нас там такое фальшивое

зеркало, мы оттуда за ворами следим. Что ты сейчас дублируешь?

КАРИН. «Побережье страсти».

АННА. Тебя вставили в титры?

КАРИН. Там читают мое имя, мама. Дублирование не пишут.

АННА. Нет, им следовало вставить вас в титры. Вы так прекрасно это делаете.

КАРИН. Наши имена читают!

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. Внимание, начинаем!

КАРИН убегает в студию, АННА кричит ей вслед.

АННА. Ты ведь не будешь разводиться, правда?!

Включается табло с красными буквами НЕ ВХОДИТЬ.

6. Видеосъемка

ПЕТЕР дома пьет водку.

ПЕТЕР. Мне часто снится сон, будто в гипермаркете нет ни души, а я иду мимо бесконечного ряда полок и веду за руку Марту, мою жену. Марта от изумления открывает рот, но ничего не говорит. Она пятнадцать лет как умерла. Посмотри, сколько тут сортов чипсов, могла ли ты себе представить? Когда-то у нас были только одни, соленые. А теперь? С перцем, чесноком, луком, чилли, с ветчиной, копченостями, соевые, кошерные и — вот, посмотри — картофельные монстрики. Дети их обожают. Играют с чипсами в кукольный театр. А Марта восхищенно вздыхает и хочет меня поцеловать, но, когда я наклоняюсь к ней, там уже никого нет…

АННА *(входит).* Услуги видеосъемки «Петер»?

ПЕТЕР *(прячет бутылку).* Да, вроде того.

АННА. Я нашла вашу рекламу. Про видеосъемку. В гипермаркете у трассы.

ПЕТЕР. Я там работаю.

АННА. И я тоже!

ПЕТЕР. Серьезно?

АННА. С новенькими я еще мало знакома. Приболела немного. Только недавно вышла. А вы делаете копии на видеокассету?

ПЕТЕР *(кивает).* Извините за этот беспорядок, мой офис здесь, дома. По крайней мере, до работы близко. И за аренду плачу себе сам. Очень удобно.

АННА. Я вас не побеспокоила?

ПЕТЕР. Сегодня у меня ночная смена.

АННА. А я с утренней иду.

ПЕТЕР. Когда-то у меня была самая первая в городе камера! Я уже открывал малое предприятие, пока другие только просыпались. Тогда мало кто снимал на видео. Свадьбы, крестины, корпоративы… пару лет с этого можно было прожить.

АННА подает ему коробку с кинопленкой 8 мм.

Восемь миллиметров? Сегодня уже каждому подавай видео. *(Вставляет пленку в проектор. На экране черно-белые кадры, снятые на любительскую кинокамеру: молодая Анна на прогулке с маленькой девочкой. Рядом тень от оператора.)*

ПЕТЕР. Это вы?

АННА. Тяжело на это смотреть.

ПЕТЕР. Ваша дочь?

АННА *(кивает).* А эта тень — мой муж. Он уже

умер. Ужасно со мной обращался.

ПЕТЕР. Я не спрашиваю вас о таких подробностях.

АННА. Он часто мне изменял. Минимум раз в неделю.

ПЕТЕР. Присядьте. *(Убирает с кресла кучу белья.)*

АННА. Я вас правда не побеспокоила?

ПЕТЕР. Глажка подождет.

АННА *(смотрит кадры, на которых маленькая Карин бегает по лугу).* Когда я носила ее в животе, он изменял мне почти каждый день. Будто с цепи сорвался или не знаю что.

ПЕТЕР. Достаточно одной копии?

АННА. Я боялась каждой ночи. Он возвращался домой почти в полночь. Я притворялась, будто сплю, но от него невозможно было отвязаться. Провонявший чужими духами, он ложился ко мне как ни в чем не бывало.

ПЕТЕР. Вам не обязательно…

АННА. Я хочу это кому-нибудь рассказать. Даже, бывало, душ не примет — и прямо в постель. И хотел этого еще и со мной, понимаете?! Но ничего не получал. И все-таки мы остались вместе. Я сохранила семью. А вообще-то, мы жили неплохо. Он о нас заботился, что правда, то правда, мы

ездили и в Татры, и в Болгарию. Одно только я в нем не переносила — то, что он даже душ не принимал. Мы каждый раз из-за этого ссорились. А он включал проигрыватель, чтобы дочь нас не слышала. Вивальди… С тех пор ненавижу эту пластинку. Тогда я начала писать стихи. В отместку ему. Короткие, резаные слова, как тесто для лапши. Я подсовывала ему их в командировки. В чемодан, между рубашками. Вот эту я упаковала ему в Карл-Маркс-Штадт. *(Декламирует.)*

Однажды утром все мужские члены
вылезли из штанов как птицы из гнезда
удивленно огляделись
и улетели от своих хозяев
далеко далеко на север
в край вечной стужи
а мужчины просыпались
с гладким местом между ног
сперва немного покричали точнее
кричали сильно орали бесновались умоляли
потом кричали тише и на третий день
утихомирились и присмирели

как никогда раньше думаю
что мой муж начал меня наконец понимать
впервые в жизни мы всю ночь
лежали просто так и до утра
разговаривали
и планировали отпуск
куда-то далеко далеко
может даже
на ледовый север

Черно-белый фильм кончается.

ПЕТЕР. Копия готова, пани.

АННА. Зовите меня Анна, пожалуйста.

ПЕТЕР. Анна, я не разбираюсь в стихах, но мне понравилось. Хотя, конечно, не знаю, должен ли я обидеться. За всех мужчин.

АННА. Я его терпеть не могла, а сейчас мне его не хватает. ПЕТЕР. А мне все время снится моя жена. Я ни разу не говорил ей, как она мне нужна. Пока она была жива. И теперь об этом жалею. Но уже поздно, правда? *(Отдает Анне видеокассету.)*

АННА. Сколько с меня?

ПЕТЕР. Нисколько. Это за тех птиц.

АННА достает деньги, Петер ее удерживает.

Погодите! Я вам кое-что покажу. *(Ставит свою кассету.)*

На экране возникают кадры, на которых видны проститутки, стоящие вдоль трассы. Крупным планом — одна из них, это ЭВА.

АННА. Это вы снимали?

ПЕТЕР. Из окна на складе. Это трасса за гипермаркетом. *(Останавливает на кадре с Эвой.)* Месяц назад работала у нас, а теперь работает на сто метров дальше. Знаете, из-за чего человек может упасть на сто метров ниже? Из-за одной сигареты.

АННА *(смотрит на кадр с Эвой).* До свиданья.

ПЕТЕР. До свиданья.

АННА уходит. ПЕТЕР достает спрятанный магнитофон, на который тайно записывал разговор. Перематывает пленку немного назад и слушает.

ГОЛОС АННЫ. ...все мужские члены вылезли из штанов как птицы...

ПЕТЕР прокручивает запись вперед и слушает голос АННЫ.

А вы делаете копии на видеокассету?

ГОЛОС ПЕТЕРА. Очень удобно…

ПЕТЕР перематывает пленку в начало. Говорит в микрофон.

ПЕТЕР. Анна. Пятьдесят пять лет. Вдова, один ребенок. Запись сделана в четверг, семнадцатого, в девятнадцать тридцать. *(Вынимает кассету из магнитофона и кладет в картонную коробку. В ней лежат сотни других кассет.)*

7. Квартира Йена и Карин

Работает телевизор с убавленным звуком. Идет сериал «Берег страсти».

КАРИН. Я должна получить эту роль.

ЙЕН. Ты же замечательная, значит, получишь ее.

КАРИН. Таких, как я, тысячи!

ЙЕН. Ты самая лучшая, Карин.

КАРИН. Но ведь это будет в Германии!

ЙЕН. Им нужны восточные физиономии, понимаешь?

КАРИН. У меня не восточная физиономия! У меня, к твоему сведению, почти скандинавская внешность, разве нет?

ЙЕН. Хорошо, мой шведский ангел, но у тебя же акцент.

КАРИН. Я уже два года хожу на курсы, но первая же продавщица в Дрездене спросит у меня: «Woher kommen sie?!»

ЙЕН. Воспринимай этот акцент как свой плюс.

КАРИН. Я гожусь только на то, чтобы играть проститутку из Восточной Европы!

ЙЕН. Роль хорошая. Двадцать три съемочных

дня.

КАРИН. «Nina von Autobahn»! В кожаных шортиках у трассы.

ЙЕН. Это что, порно?

КАРИН. Ты с ума сошел? Я ни в каком порно играть не буду! Это социальный сюжет, почти документальный зонд в жизнь таких женщин.

ЙЕН. Ну-ну, чудно.

КАРИН. Нет, ты меня серьезно разозлил. Надеюсь, ты не думаешь, что я дошла уже до того, чтобы хвататься даже за порно?!

ЙЕН. Ну ладно тебе, милый мой зонд.

КАРИН. Не будь таким противным. Нужно мне за это браться, играть проститутку?

ЙЕН. Ты же актриса, разве не так? То проститутка, то королева.

КАРИН. Когда это я была королевой?!

ЙЕН. Ну… в «Зачарованном поваренке».

КАРИН. Принцесса, упавшая в тесто! Сразу в третьем кадре! Все время мне достаются одни паршивые роли.

ЙЕН *(целует ее).* Попробуем еще раз. Ты придешь туда и победишь в кастинге.

КАРИН. Я уже в последнем туре.

ЙЕН. Вот видишь! Сколько вас там?

КАРИН. Четыре.

ЙЕН. Сколько из них переспало с продюсером?

КАРИН. Четыре.

ЙЕН. И ты говоришь это мне, мать твою, вот так просто?!

КАРИН. Ты же говорил, что все о'кей.

ЙЕН. Знаю, мать твою!

КАРИН. Рабочий момент!

ЙЕН. Ладно, рабочий момент!

КАРИН. Понимаешь, что значит — сниматься в Германии?!

ЙЕН. Свой стул, свои шортики.

КАРИН. Не будь смешным.

ЙЕН. Нет, все о'кей!

КАРИН. И для продюсера это был рабочий момент.

ЙЕН. Это тот плешивый кобель, который пятнадцать лет назад ездил на старом «Вартбурге», да и то в лучшем случае на Балатон?!

КАРИН. Ну, видишь. И где теперь он, а где мы.

ЙЕН. Ладно, о'кей. Рабочий момент. *(Успокаивается. Обнимает Карин.)* Тебя поимели, а роли не дадут. Понимаешь, что может быть и такой вариант?

КАРИН. Если ты мне не поможешь.

ЙЕН. Мне с ним тоже переспать?!

КАРИН. Во мне мало органики. Раздобудь для

меня какую-нибудь проститутку.

ЙЕН. У тебя что, крыша поехала?

КАРИН. Ты меня не любишь.

ЙЕН. А если тебе дадут роль Офелии, ты сначала пойдешь топиться?!

КАРИН. Ты гнусный.

ЙЕН начинает расстегивать на ней блузку, КАРИН сопротивляется, ЙЕН уступает.

ЙЕН. Ну хорошо. Я тебе ее раздобуду. Ты станешь Nina von Autobahn. *(Уходит.)*

8. Вылетная магистраль

Время от времени слышен шум проезжающих машин. ЙЕН подходит к ЭВЕ, одетой вызывающе.

ЭВА. Хочешь развлечься?

ЙЕН. Я ищу девушку вроде тебя.

ЭВА. Супер.

ЙЕН. Для интервью.

ЭВА заливается смехом.

Мне надо только поговорить.

ЭВА. Отличная отмазка.

ЙЕН. Только ты, я и моя жена.

ЭВА. Втроем не работаю.

ЙЕН. Нет, подожди… Понимаю, это звучит странно, но мне нужно просто так, нормально поговорить… о твоей работе.

ЭВА. Она все еще слушает Вивальди?

ЙЕН. Что?

ЭВА. Она ходила вон в тот гипермаркет. И все время тащилась от одного и того же диска.

ЙЕН. А ты откуда знаешь?

ЭВА. Ты из-за нее меня и вышвырнул.

ЙЕН не может этого вспомнить.

Конченая наркоманка.

ЙЕН. Да там тысячи баб. Разве всех запомнишь?!

ЭВА уходит.

Погоди!

ЭВА возвращается. Гладит ЙЕНА по щеке.

Только поговорить, понятно?!

ЭВА. Чеши домой. Барби тебя уже ждет. И малыш Кен соскучился по папочке, точно?

ЙЕН. Начхать мне на твои слова.

ЭВА. А Линду она дублирует подходяще.

ЙЕН. Что?

ЭВА. Говорю, у твоей жены подходящий голос.

ЙЕН. Ты это смотришь?

ЭВА. Все девчонки отсюда до самых Кошиц смотрят «Берег любви». Когда он идет, на трассе ни души.

ЙЕН. Так ты реально там работала?

ЭВА. В гипермаркете? Диски, мясо, до свидания.

ЙЕН. Та самая, из морозилки!

ЭВА. Бинго! Угадал!

ЙЕН. Так, значит, это я тебя вышвырнул, ну да.

И что теперь?

ЭВА. Ничего. Ты уже спрашивал.

ЙЕН. Куда ты пошла потом?

ЭВА. В «Who is who».

ЙЕН. Это что, эротический салон?

ЭВА. Это энциклопедия. Я ловила туда бизнесменов. Они получали в книге свое фото и биографию. Ни один экземпляр не шел в магазины. Каждый покупал себя сам для собственной книжной полки. В том-то все и дело. В коже она стоила девять тысяч, в бархате шесть, в твердой обложке — три. Туда попадал каждый, кто заплатил. Надзорные органы. Футбольные клубы. Что пожелаешь.

ЙЕН. Все же лучше, чем в морозилке, правда?

ЭВА. Я отпахала восемьдесят девять разговоров с претендентами.

ЙЕН. Это столько у нас выдающихся личностей?

ЭВА. Каждый второй думал только о том, как бы стащить с меня трусики. А каждый четвертый мне об этом и сказал.

ЙЕН. А стащило сколько?

ЭВА. Пятеро.

ЙЕН *(считает в уме).* То есть каждый двенадцатый. И до каких пор ты этим собираешься

заниматься?

ЭВА. Мне бабки нужны.

ЙЕН. А когда их накопишь?

ЭВА. Еще чуть-чуть. Я пробую все, что можно.

ЙЕН. А что, если это останется навсегда?

ЭВА. Что может быть сегодня навсегда?

ЙЕН *(сует руки Эве под мышки и нюхает их).* Меня возбуждают женщины, которые потеют. Карин никогда не потеет. От нее всегда пахнет, как из магазина «Маргарет Астор», когда там утром поднимают рольставни. У нее никогда не было нормального оргазма.

ЭВА. Это уж твоя вина, разве нет?

ЙЕН. Она могла бы и притвориться. Пошли в мою машину.

ЭВА *(снимает чулки).* Не люблю, когда мужчина сливает мне на юбку. Обещай, что не будешь таким свиньей!

ЙЕН. Не буду.

ЭВА. Целым предложением.

ЙЕН. Не буду свиньей.

ЭВА. Скажи полностью.

ЙЕН. Я не буду свиньей и не солью тебе на юбку.

ЭВА. Обращайся ко мне на «вы».

ЙЕН. Не солью вам на юбку.

ЭВА. Мадемуазель!

ЙЕН. Мадемуазель. *(Нюхает свои руки.)* Ты жутко меня возбуждаешь.

ЭВА. Обращайся ко мне на «вы»!

ЙЕН. Меня возбуждаете.

ЭВА. Мадемуазель!

ЙЕН. Мадемуазель. *(Целует ее.)*

ЭВА. Тебе всегда было плевать на других, правда?

ЙЕН. На тебя… на вас мне не плевать.

ЭВА. Кого мне жалко, так это твоего ребенка.

ЙЕН. В игрушки со мной играешь?

ЭВА. Эгоист вроде тебя этого не поймет.

ЙЕН *(грубо ее хватает).* Ты такая милашка, когда сопротивляешься.

ЭВА. Обращайся ко мне на «вы»!

ЙЕН. Вы… такая милашка.

ЭВА. Как ты это хочешь?

ЙЕН отпускает ее. ЭВА пинает его между ног, ЙЕН падает.

А теперь вали на хрен, вонючка!

ЙЕН поднимается с земли, ЭВА с чулками в руках уходит. ЙЕН идет за ней.

ЙЕН. Погоди! А как же интервью?

9. Кафе

В кафе сидит КАРИН. Она нервничает, пьет уже вторую рюмку коньяка. Входит ЙЕН.

ЙЕН *(Эве).* Ну ты выдумаешь…

Заходит ЭВА.

Что будешь пить?

ЭВА. Ничего.

КАРИН. Я — Карин. Привет.

ЭВА *(подают друг другу руку).* Эва. Привет. Я тебя уже видела.

КАРИН. В театре?

ЭВА. На кассете с аэробикой.

ЙЕН. Карин должна играть в том фильме, ты знаешь.

ЭВА. Шлюху с Востока.

КАРИН. Ты когда-нибудь влюблялась?

ЭВА. Это как, на работе?!

КАРИН. Я имею в виду — нормально.

ЭВА *(кивает).* Ну.

КАРИН. Чем-нибудь колешься?

ЭВА *(закатывает рукав. Видны следы от иглы).* Я работаю, чтобы можно было колоться. И ко-

люсь, чтобы можно было там работать.

ЙЕН *(обращаясь к Карин).* Эва стоит возле нашего гипермаркета.

ЭВА. Там, где выезд. Все едут медленно и пялятся. Как-то раз один поляк в столб врезался. Хуже всего тинейджеры. Только стемнеет, они заявляются, иногда впятером. Ездят вокруг на мотоциклах и кидаются в нас банками из-под пива. Одну подружку изнасиловали.

КАРИН. Это как — не заплатили?

ЭВА. А ты не знаешь, что такое — изнасиловать?! *(Замечает пластиковый клаксон для детского велосипеда, который купила Карин.)* Классная вещь! Для сына?

ЙЕН *(обращаясь к Карин).* Петрик же еще не катается на велосипеде.

ЭВА. Начал неделю назад.

КАРИН. Ты используешь презерватив?

ЭВА. Банановый.

КАРИН. Как это — банановый?

ЭВА. Там можно выбрать с разными запахами. *(Достает из кармана куртки целую коллекцию презервативов.)* Кому-то нравится малиновый, кому-то киви. Манго — самый мерзкий, прямо рвотный. Я бы его ни за что в рот не взяла, точно говорю.

КАРИН. Ты всегда предохраняешься?

ЭВА. Смотря с кем.

ЙЕН. У тебя кто-то есть?

ЭВА. Говорим только о работе, хорошо?!

КАРИН *(растерянно держит в руке презерватив).* У тебя есть какой-нибудь… приемчик?

ЭВА *(демонстрирует надевание презерватива).* Послюнявишь… Попробуй сама.

КАРИН слюнявит презерватив.

Теперь вот так пожамкай.

КАРИН не знает, что делать дальше. ЙЕН подставляет два пальца, и КАРИН натягивает на них презерватив.

ЙЕН. Хорошее начало.

ЭВА. Так и Хью Грант говорил.

ЙЕН. Кто?

КАРИН. Тот английский актер, которого в Америке арестовали со шлюхой? *(Эве.)* Извини.

ЭВА. Его девушка, эта актриса… *(Карин.)* …извини …отменила свадьбу.

ЙЕН. Какая-то уж слишком чувствительная, правда?

КАРИН. Еще бы, у моего парня пососут, я мне потом за него идти?! *(Открывает блокнот и достает ручку. Эве.)* А ты делаешь какие-нибудь

позы? Ну там, бедра, попка — когда стоишь на обочине?

ЭВА. На чем?

ЙЕН. На обочине, на том магическом месте, где асфальт незаметно превращается в траву.

КАРИН *(раздраженно Йену).* Принеси мне колу, будь добр!

ЙЕН уходит.

ЭВА. Что я делаю? Ну я… Просто жду. Каждому понятно, что я не продаю тут каштаны. Записывай: у половины из нас есть дома ребенок запятая за которым присматривают подруги точка тебя уже имели в фуре посреди подарков запятая которые любимый папочка везет своим детям и нечаянно при этом сливает на картонную коробку с синей машинкой для сына и подтирает это твоей курткой и дает тебе затрещину запятая потому что ты запятнала грязью воспоминание о его чудной семье запятая которая за тысячу километров отсюда думает о том запятая как тяжело трудится папа ночами за рулем? *(Закуривает сигарету.)*

КАРИН не пишет.

Ты привыкаешь спать днем. Можешь зарабо-

тать сто тысяч, но постоянно на мели. И наконец торчишь в мерзком кафе и отвечаешь на вопросы каких-то артисток, которые собираются продать твою жизнь в кино… записала?!

КАРИН не записала ни слова.

ЙЕН *(входит с бутылкой колы).* А вы знали, что в презик влезает полтора литра кока-колы?

КАРИН. Дебил.

ЭВА *(задерживает Карин, которая хочет встать).* Погоди, у меня еще есть прикольные истории.

КАРИН (*Эве).* Я не такая кошелка, как ты думаешь! *(Целует Эву взасос в губы.)*

ЭВА. Отлично!

ЙЕН. Я вам не мешаю?!

КАРИН *(Йену).* Мешаешь. *(Эве.)* У тебя была какая-то история.

ЭВА. Как-то раз возле меня притормозил один голландец. Ничего такого не хотел, только засовывал в меня всякие вещи. Наконец достал водолазные часы. Запихал мне их туда, а назад достать не может, жутко разозлился, будто это я виновата! Пришлось нам ехать в больницу, но и там их не смогли достать.

КАРИН. И что они сделали?

ЭВА *(показывает на живот).* Они все еще где-то там блуждают. (*Жестом подзывает их к себе поближе.)*

КАРИН и ЙЕН прислушиваются к ЭВИНОМУ животу.

КАРИН. Тикают. Правда тикают.
ЙЕН. Прямо как бомба!
КАРИН. Все еще тикают.
ЙЕН. Ты вроде бомбы с часовым механизмом!

У ЭВЫ пищит мобильник. Она читает эсэмэску.

ЭВА. Сорри. *(Йену.)* Отвезешь меня назад?

ЙЕН уходит с ЭВОЙ, КАРИН заказывает еще один коньяк.

10. Зал гипермаркета

В гипермаркет входит ПЕТЕР в новом костюме. Мимо него движутся тележки для покупок, словно хромированная река.

АННА *(одобрительно смотрит на новый костюм Петера).* Вы прямо на себя не похожи!

ПЕТЕР. На военной службе мы носили камуфляжную форму. Чтобы в лесу не было заметно. *(Демонстрирует свой костюм.)* А это современный камуфляж. Хотите, чтобы к вам никто не цеплялся? Одевайтесь прилично.

АННА. Представляете, сегодня ко мне придет редакторша с радио!

ПЕТЕР. У вас знаменитая дочь.

АННА. Нет, она ради меня самой придет!

ПЕТЕР. Так про вас по радио передадут?

Сияющая АННА кивает.

Тогда я, наверно, вас поздравлю.

АННА. Я участвовала когда-то в конкурсах декламации… «Поэзия Гвездослава в Кубине», «Памяти Пушкина»… На радио делают об этом передачу. Вчера я заглянула в томик стихов Есенина, и знаете, даже спустя годы еще кое-что

вспомнила.

ПЕТЕР. Как-нибудь вы их мне почитаете.

АННА *(кричит вслед уходящему Петеру).* Это в субботу будут передавать! В полночь.

Гонг. АННА весело сообщает по репродукторам.

Обращаем внимание покупателей на выгодную акцию. При покупке любого стирального порошка весом свыше 6 килограммов вы можете участвовать в розыгрыше путевок на замечательные зарубежные туры. С каждой упаковкой вы получаете билет моментальной лотереи и узнаете результат прямо у кассы! Чистота и свежесть — ваши окна в мир!

ПЕТЕР уходит на склад. Налаживает камеру и снимает на видео встречу ЙЕНА и ЭВЫ.

Параллельное действие: ЙЕН и ЭВА стоят у дороги перед гипермаркетом. Слышен гул машин.

ЙЕН. Мы не можем встречаться где-нибудь в другом месте?

ЭВА. А мне здесь нравится.

ЙЕН. Я работаю в двух шагах отсюда!

ЭВА. А я работаю тут.

ЙЕН. Я заказал номер в отеле.

ЭВА. Там есть телевизор? На случай, если мне

будет скучно.

ЙЕН. Почему ты все время стараешься меня подколоть?

ЭВА. А ты что, так и родился в галстуке?

ЙЕН начинает злиться, ЭВА его целует.

Ладно, я буду хорошей девочкой.

Уходят. ПЕТЕР вынимает кассету из камеры, кладет ее в конверт и уходит.

11. Карин дома

КАРИН у себя дома; стоя перед зеркалом в эротическом белье, отрабатывает позы, как у проститутки. Репетирует роль для фильма. Из кассетного магнитофона звучит немецкая речь, и КАРИН вместе с позами отрабатывает и произношение.

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Wir möchten gern bestellen.

КАРИН. Wir möchten gern bestellen.

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Bitte, was bekommen Sie?

КАРИН. Bitte, was bekommen Sie?

Одновременно сбоку, в параллельном пространстве, гостиничный номер. Входят ЙЕН с ЭВОЙ. Мы видим намек на то, что они раздеваются, летят части одежды, звучит смех. КАРИН в своей квартире параллельно репетирует по-немецки.

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Ich nehme eine Gemüsesuppe und einen Schweinebraten.

КАРИН. Ich nehme eine Gemüsesuppe und einen… что? *(Прокручивает ленту назад.)*

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. …eine Gemüsesuppe und einen Schweinebraten.

КАРИН. Schweinebraten.

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Und was möchten Sie trinken?

КАРИН. Und was möchten Sie trinken?

ЙЕН *(в гостиничном номере, уже полураздетый, собирается звонить по телефону. Эва напевает какой-то шлягер).* Черт, Эва! Помолчи минутку! *(Звонит по мобильнику, Карин берет трубку.)* Привет, любимая, это Йен. Я задержусь на работе, приехали французы, сейчас будет совещание, а потом небольшой фуршет.

КАРИН. Малыш только о тебе и спрашивает.

ЙЕН. Поцелуй его за меня. Как я вас люблю! И надень то белье, которое я привез тебе из Парижа, ну, ты знаешь какое. КАРИН. Я как раз в нем репетирую.

ЙЕН. Хотел бы я это видеть.

КАРИН. Когда ты придешь?

ЙЕН. Через часик.

```
ЭВА стучит себе пальцем по лбу.
```

Часика через два. На первое будет раздевание зубами…

```
ЭВА снимает с него рубашку зубами.
```

На второе… ну, увидишь. Пока, пока, я уже

должен идти.

Прячутся вдвоем с ЭВОЙ, снова слышен лишь смех. Вверх летит мужской ботинок. КАРИН включает магнитофон, наливает себе коньяк и продолжает репетировать.

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Ein Glas Weisswein, bitte.

КАРИН. Ein Glas Weisswein, bitte.

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Und sie? Was bekommen Sie?

КАРИН. Und sie?

Снова звонит мобильник, КАРИН останавливает магнитофон и разговаривает по телефону.

АННА. Кариночка, это мама! Включай телевизор, там показывают твою сказку!

КАРИН. Какую сказку?

АННА. «Зачарованного поваренка»!

КАРИН. И ради этого ты мне звонишь?!

АННА. Я так тобой горжусь!

КАРИН. Мне некогда, мама.

АННА. Но минутка-то для меня у тебя найдется!

КАРИН. Господи!

АННА. Сегодня десять лет, как умер отец… *(Плачет.)*

КАРИН. Я помню.

АННА. Он гордился бы тобой.

КАРИН. Ну, перестань.

АННА. Завтра надо бы нам сходить на кладбище. Я купила очень красивые герберы.

КАРИН. Что это ты вдруг о нем заговорила?.. Первый раз он умер, когда мне было шесть. Через неделю после похорон ты сожгла все его фотографии, даже ту, что была у меня под матрасом. Тогда он умер во второй раз. Я ужасно плакала.

АННА. А я такого совсем не помню.

КАРИН. Ты жгла их в той чаше из йенского стекла.

АННА. В чаше? Но она бы треснула!

КАРИН. Она и треснула.

АННА. Не выдумывай. Она до сих пор стоит у меня в буфете.

КАРИН. Не хочу с тобой спорить.

АННА. Но в конце концов мы с этим справились… не так ли? Я поменяла работу, да и на декламацию перестала ходить. Все ради тебя.

КАРИН. Это было совсем не обязательно.

АННА. А почему, думаешь, тебя приглашают на все эти дубляжи? Потому, что тебе от матери досталась прекрасная дикция!

КАРИН. Единственное, чему ты меня научи-

ла, — так это менять трусы по три раза в день.

АННА. Потому что никогда не знаешь наперед, кто увидит тебя в белье.

КАРИН. С детства я запомнила только твою руку. Как она вытаскивает меня из такси на следующий конкурс. Ты заставляла меня лизать лед.

АННА. Лёд?

КАРИН. Его у тебя был целый морозильник.

АННА. И я будто бы заставляла тебя?!..

КАРИН. Утром и вечером по одному кубику.

АННА. Что ты выдумываешь! Лед?!

КАРИН. Так ты закаляла мне горло. Я не пропустила ни дня съемок.

АННА. Ну вот видишь.

КАРИН. До восемнадцати лет ты меня укладывала спать рядом с собой. Ты все хотела знать. Отгоняла от меня всех парней.

АННА. Да… ужасная мать… которая испортила тебе жизнь! *(Плачет.)*

КАРИН. Ну что ты, мама…

АННА. Когда я впервые увидела тебя по телевизору, я заплакала. Моя дочь — артистка! Вся съемочная группа тебя обожала!

КАРИН. Знаешь, звезда-ребенок — как щенок. Сначала его все обожают. Он может делать все, как и щенок. Только вот вырастать не имеет пра-

ва. А не то в один прекрасный день его завезут в лес, как щенка, и уедут.

АННА. Я уже месяц не видела малыша. У вас все в порядке?

КАРИН. Пожалуйста, не приходи больше к нам. Никогда.

АННА. Как это понимать? Как это… никогда?!

КАРИН. Так — никогда!

АННА. У тебя опять дома проблемы? Говорила я тебе, не выходи за менеджера, они не понимают искусства, найди себе лучше какого-нибудь режиссера, хотя бы работой будешь всегда обеспечена! Почему ты мне не звонишь? Почему совсем ничего о себе не рассказываешь?

КАРИН. Оставь меня в покое.

АННА. Знаешь, я ведь больна. Послушай. Я была на томографии. Мне дают всего два месяца.

КАРИН. Видимо, я недостаточно хорошая дочь! Я не умею прощать, потому что у меня только одна, вот эта самая, поганая жизнь, с которой я сама не могу справиться!

АННА. Я умираю, Карин!

КАРИН. Позвоню тебе позже. *(Отключает мобильник и пускает магнитофон. Сидит и слушает немецкие фразы.)*

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Ein Rindersteak,

bitte. Aber keine Pommes frites, ich möchte lieber Bratkartoffeln. Geht das? Ja, natürlich! Und was möchte Sie trinken? Einen Apfelsaft, bitte.

К дверям квартиры КАРИН подходит ПЕТЕР, кладет на пол сверток, звонит и быстро уходит. Карин открывает дверь и разворачивает сверток. В нем видеокассета. КАРИН вставляет ее в видеоплеер. На экране: видеосъемка ПЕТЕРА, где ЙЕН садится в машину с ЭВОЙ, внизу обозначена дата. Затемнение, новый кадр с новой датой — ЙЕН и ЭВА садятся в машину. Затемнение, новая дата — ЙЕН и ЭВА садятся в машину… КАРИН сидит, смотрит, а немецкая речь продолжает звучать.

ГОЛОС ИЗ КАССЕТНИКА. Wir möchten bitte bezahlen. Das macht 13 Euro. 14, bitte. Vielen Dank!

12. Квартира Анны

АННА в своей комнате.

АННА. Сегодня я делаю все в последний раз. Была в последний раз в зоопарке. Какой это был шок. До чего он грязный и убогий. Когда-то я любила ходить туда с дочерью, там еще был дикобраз. Мы ходили туда раз десять, не меньше, но его видели всего лишь раз. Очень пугливое животное. Все время прятался. Я думала, хоть напоследок мне повезет, но нет. Дикобраза я уже никогда не увижу. Да и таких приятных медсестер тоже. Просто так улыбаются человеку. Молодые девочки, а улыбаются старой женщине! Искренне! А тот молодой хирург взял меня за руку. Меня словно током ударило! Пол был похож на шахматную доску, а доктора — на шахматные фигурки. Только все белые. У меня даже возникло ощущение, будто я в каком-то фильме, а не в больнице. И сейчас придет клоун в красном колпаке и скажет: «Анна, это была всего лишь неудачная шутка. У вас нет никакого рака». *(Достает пакетик со шприцем и рассматривает его.)* Действует два часа. Вечером сделать еще один укол. В бедро.

Это просто. Как будто начиняете индейку ромом. Вколете — и хоп ее в духовку! Умереть дома приятнее, чем в больнице. Можно хотя бы музыку слушать. Можно включить свой проигрыватель, где крутится настоящая виниловая пластинка, которая спотыкается и хрипит. Это вам не те жалкие диски, что похожи на подставки для цветочных горшков. На черной пластинке музыка еще имеет какой-то вес. Еще имеет цену многое из старых времен, над чем сегодня смеются. И мне все равно, что надо мной смеются. Что меня не принимает всерьез даже собственная дочь. Сегодня я все делаю в последний раз. И сейчас в последний раз выругаюсь. *(Открывает окно.)* Я плюю на вас! Вот так на вас плюю! *(Закрывает окно.)* Пришла ко мне эта баба с радио, мол, пани Анна, а вам не мешает то, что вы своим прекрасным голосом, которым вдыхали жизнь в бессмертные стихи Есенина, сегодня даете законные права такому прагматическому месту, как этот алтарь низменных потребительских желаний — современный гипермаркет?! *(Возмущенно.)* Алтарь потребительских желаний! Надо было ей сказать — плевала я на вас! А знаете вы, что в этой стране регулярно читает книги всего лишь пять тысяч человек? А в поэзии, милая

пани, сегодня уже вообще никто не нуждается. И я уже ни в ком не нуждаюсь. И ничего ни от кого мне не надо. Вот я только что пришла из магазина. Была в нашем гипермаркете и хотела купить молоко длительного хранения. Я взяла пакет в руки, и тут меня осенило. Что я делаю? На что мне молоко длительного хранения? Нет, вы только подумайте! Длительного — хранения! *(Смеется и надевает наушники, слушает музыку и снова тихо про себя смеется.)*

13. Квартира Петера

ПЕТЕР сидит в гостиной. Входит ЙЕН в пижаме ПЕТЕРА.

ПЕТЕР. Ну, как спалось?
ЙЕН. Что вы здесь делаете?
ПЕТЕР. Я у себя дома.
ЙЕН. Погодите…
ПЕТЕР. Вы у меня в квартире.
ЙЕН. О’кей. Так вы тут живете?
ПЕТЕР. Уже сто лет.
ЙЕН. О’кей. Как же я сюда… попал?

ПЕТЕР включает видеоплеер. На экране: кадры, на которых пьяный ЙЕН в складском помещении гипермаркета что-то со злостью кричит.

У вас от головы ничего нет?..
ПЕТЕР. В ванной.
ЙЕН. О’кей. *(Уходит и вскоре возвращается.)* Где?
ПЕТЕР. За зеркалом.
ЙЕН. О’кей. *(Уходит и через минуту возвращается. Оба смотрят видео.)* Вы не можете это выключить?
ПЕТЕР. О’кей. *(Выключает видеоплеер.)*

ЙЕН. Был… какой-нибудь ущерб?

ПЕТЕР. Вы разбили две коробки со спиртным. *(Достает бутылку водки.)* Почти две. Кое-что я спас. *(Разливает по стопкам и предлагает Йену.)*

ЙЕН. Кто это снимал?

ПЕТЕР показывает ему свою камеру.

ПЕТЕР. У вас сегодня голова плохо работает. Примите еще аспирина.

ЙЕН. Меня кто-нибудь видел?

ПЕТЕР. Когда вы оторвали дисплей на пятой кассе, я решил, что вас лучше отвести сюда. Вы, однако, опасный человек.

ЙЕН. Хотите меня шантажировать?

ПЕТЕР. Боже упаси! Я всего-навсего коллекционер. *(Показывает ему коробки, полные видеокассет. Читает даты на кассетах.)* Что мы закажем? Октябрь 2000 года? Или Новый год 1992? Все пили за новое государство. Одни от радости, другие с горя. Только мне известно, кто был «за», а кто «против». Или желаете что-нибудь личное? *(Перематывает кассету в магнитофоне и включает его.)*

ГОЛОС ЭВЫ *(в записи).* Йен… Что это у вас за имя такое?

ГОЛОС ЙЕНА. Поколение техно знает, что такое

«Джетро Талл»?

ГОЛОС ЭВЫ. Английский биг-бит, что ли?

ГОЛОС ЙЕНА. Мой отец его обожал. Вокалиста звали Андерсон. Йен Андерсон.

ПЕТЕР выключает магнитофон.

ЙЕН. Другие гэбэшники получше устроились. Обзавелись фирмами, занимаются предпринимательством.

ПЕТЕР. Я тоже занимаюсь предпринимательством.

ЙЕН. Шпионите за людьми?

ПЕТЕР. Я сохраняю их память. Но это просто хобби. А вообще-то я работаю в гипермаркете. *(Берет магнитофон и прячет его в карман.)* Удобная вещичка, что скажете? За семь метров все записывает.

ЙЕН. Так, значит… вы меня сюда привезли?

ПЕТЕР. На такси.

ЙЕН. Это я помню.

ПЕТЕР. Да, здорово вы ему интерьер уделали, когда залезали. Таксисты вас даже побить хотели. Но я дал шоферу пять тысяч, и вы остались целы. Из вашего бумажника, разумеется.

ЙЕН. Почему вы мне помогли?

ПЕТЕР. Вы мне интересны.

ЙЕН. Не могли найти никого получше? Спецслужбы в вас не нуждаются?

ПЕТЕР. Я и раньше делал это не только ради начальства. Главным для меня всегда был порядок. Чтобы страну не превратили в бордель, понимаете?

ЙЕН. О'кей, о'кей.

ПЕТЕР. Мне эта политика даром не нужна, пусть только повсюду будет порядок. Если система может его поддерживать, она имеет право на существование. Старый режим рухнул, а новый держится. Значит, он жизнеспособный! Поэтому я ему и помогаю.

ЙЕН. Тем, что за мной шпионите?

ПЕТЕР. Я снимал людей и поважнее вас. Был рядом, когда они ели, когда шли в уборную, был одним из них. Если бы они только заподозрили, что я о них что-то знаю, меня бы тут же убрали. Это была работа для самых сильных. Потому что у важных персон куча недостатков. Важных недостатков! И некоторые можно использовать.

ЙЕН *(рассматривает старую камеру Петера).* Товарищи вам ее подарили, когда разгоняли таких, как вы, хвостов?!

ПЕТЕР забирает у него камеру.

Меня от вас тошнит.

ПЕТЕР полицейским приемом бросает его в кресло.

ПЕТЕР. Сидеть! Одна парочка заказала мне съемку аж в собственной спальне. Спрашиваю их, почему сами не хотят заснять свои игры, я им и штатив одолжу, а они — уже, мол, пробовали, но каждый раз вылетали из кадра! *(Вставляет в видеоплеер кассету. На экране видно Йена и Эву на трассе.)* Смотрите. Хорошо получилось. Я назвал это «Правдивая история». Супруг с любовницей. А жена за ним издали следит. Банально, но что тут поделаешь? *(Камера поворачивается, в машине поодаль сидит Карин и наблюдает за любовниками.)* А говорят, что в этой стране не снимают кино! Еще как снимают!

ЙЕН хочет на него наброситься, но ПЕТЕР толкает его назад в кресло.

ЙЕН. Ну и дерьмо же ты!
ПЕТЕР. Сидеть, или руку сломаю!

Крупным планом лицо КАРИН: сначала она смотрит спокойно и вдруг замечает любовников.

Посмотри на выражение лица! Ничего не подозревает — и вот увидела вас. Вернем пленку

назад — и снова она ничего не знает. Еще разок сначала. Сидит, ничего не знает — и хоп! Заметила вас! Ты видел, что случилось с ее лицом? *(Он перематывает один и тот же кадр вперед и назад.)* Не знает ничего — знает все. Знает все — и вот уже не знает ничего. Хватило секунды — и уже такая пропасть.

ЙЕН. Вы просто жалкий неудачник!

ПЕТЕР. Мне-то как раз давали самые тяжелые дела. Однажды меня даже подсадили на Гавела[66].

ЙЕН. И вы этим еще и хвастаетесь?!

ПЕТЕР. Я ему сразу же в девяностом году написал… Уважаемый господин президент, примите мои извинения за то, что я за вами шестнадцать лет назад по приказу вышестоящего начальства следил. Моя фамилия вам ничего не говорит, но я — тот, кто у вас на станции в Высоких Татрах попросил закурить. Вы спешили и потому подарили мне целый коробок спичек… *(Достает спичечный коробок.)* Я храню его до сих пор.

ЙЕН. Как трогательно.

ПЕТЕР. А что есть у тебя? Ни хрена у тебя нет.

---

[66] Примечания: 66

Вацлав Гавел (1936–2011) — чешский писатель, видный диссидент в 1970–1980-х годах, последний президент Чехословакии (1989–1992) и первый президент Чешской Республики (1993–2003).

ЙЕН хочет встать, но ПЕТЕР его резко осаживает.

ПЕТЕР. Сидеть!

ЙЕН. Что вы себе позволяете?

ПЕТЕР. Ты хоть помнишь, почему так напился?

ЙЕН. Это не ваше дело.

ПЕТЕР замахивается на него, ЙЕН уворачивается.

Допустим, я решал личные проблемы.

ПЕТЕР снова включает видеозапись с трассы — ЙЕН и ЭВА, вдали КАРИН.

ПЕТЕР. С которой?

Крупным планом — лицо ЭВЫ.

ЙЕН. Не все ли равно?

ПЕТЕР при помощи пульта останавливает кадр с лицом ЭВЫ. Оба смотрят на нее.

ПЕТЕР. Посмотри, что ты с ней сделал... *(Бросается на Йена, они падают и дерутся на полу.)*

ЙЕН. Отпустите меня немедленно!

ПЕТЕР. Бивал я и бóльших шишек, чем ты. Они ползали на брюхе и выплевывали зубы. А тебя я нисколько не боюсь, потому что ты — пустое

место! Ноль! Это ты в фирме играл в господа бога, а сейчас ты — никто! А ведь я было всерьез тебя зауважал. Думал, любишь порядок, а ты только вышвыривал баб в зависимости от того, дали они тебе или нет. Не я, а ты — угроза этой системы! Из-за таких, как ты, люди скоро начнут ее ненавидеть! *(Отпускает Йена.)* А теперь иди смени штанишки.

ЙЕН. Я не ваш арестант, понятно?!

ПЕТЕР *(смотрит на остановленный видеопортрет Эвы).* Где мне ее искать?

ЙЕН. Пошел ты в задницу!

ПЕТЕР бьет его.

Не знаю! Я ищу ее уже неделю.

ПЕТЕР. Ты ее обидел?! *(Снова бьет Йена.)*

ЙЕН. С ума вы сошли?! Прекратите!

ПЕТЕР. Обидел ее?!

ЙЕН. Она вышла купить сигареты и не вернулась! Ничего я ей не сделал!

ПЕТЕР приносит две стопки и наливает им обоим водки.

ПЕТЕР. На, выпей.

ЙЕН нехотя пьет. ПЕТЕР снова наливает, оба пьют.

Неделю уже ее нет?

ЙЕН кивает.

ПЕТЕР. Раз как-то ее не было полгода. Потом украла что-то в Испании, и ее мигом отправили назад.

ЙЕН пьет.

Это моя дочь. *(Петер снова наливает.)*

Выпивают еще по стопке.

Знаешь, что она раз учудила? Был у нас такой старый русский велосипед. Так она приделала к нему резиновый клаксон и сняла цепь. Потом покатилась с самого высокого пригорка и гудела, как иерихонская труба. Перелом руки, выбитые зубы, разрыв селезенки. А ей тогда было всего десять.

Пьют водку. На экране остановленный видеопортрет ЭВЫ на трассе.

В школе тоже постоянно училок дразнила. Носила майки с самыми глубокими вырезами. Из квартиры, бывало, выйдет вроде бы как нормально одетая, а в подъезде раз — и мини-юбку напялит. Да если бы еще мини-юбку! Так, поясок какой-то! Мне сразу звонят от директора, дескать,

знаете ли вы, товарищ, в чем ходит ваша дочь?! А когда ребята начали по подъездам ацетон нюхать, тут она была первая! Нюхачила так, чтобы все ее видели. Знаешь, что у меня было из-за этого на работе? На что мне приходилось ради нее идти? Ведь я делал все это не ради карьеры! Я делал это ради вот этой пацанки!

Его начинает развозить. Наливает ЙЕНУ.

Ты что, боишься, что я тебя подпою? И тебя найдут потом мертвого в машине? Автомобильными авариями занимались другие. А я был просто мелкой сошкой. Такие не убивают. Выпей с мелкой сошкой.

Выпивают еще по стопке.

Не бойся меня.

ЙЕН. Мне уже пора идти. *(Переодевается из пижамы в свой костюм.)*

ПЕТЕР. Боишься меня?

ЙЕН мотает головой.

Нет, боишься.

ЙЕН. Не боюсь.

ПЕТЕР. Знаешь, почему она ловила мужиков прямо перед гипермаркетом? Хотела унизить

собственного отца. Поиздевалась по полной программе! Со склада я видел каждую машину, которая возле нее останавливалась. *(Обнимает Йена, наливает ему.)*

Оба выпивают.

Сердишься на меня за то, что я тебя бил? Скажи прямо, сердишься? Только честно!

ЙЕН осторожно мотает головой.

Сколько ты с ней выдержал?

ЙЕН. Два месяца.

ПЕТЕР протягивает ему руку.

ПЕТЕР. Ты что, не можешь дать руку?! Пожать и посмотреть в глаза? Не знаешь, как это делается?!

ЙЕН *(пожимает Петеру руку).* Так нормально?

ПЕТЕР. А теперь слушай. *(Копается в кассетах. Достает одну, вставляет в кассетный магнитофон, запускает.)*

Слышна детская песня.

Это она в первый раз пошла в школу. Ей было шесть лет, и она хотела стать артисткой. Спрашивала, должны ли артистки тоже ходить в школу!

ЙЕН. Она хотела стать артисткой?

ПЕТЕР. Такая забавная была! Должны ли, мол, артистки в школу ходить!

ЙЕН. Говорите, артисткой? Тогда я, наверно, знаю, где ее искать. Спасибо за пижаму. *(Крепко жмет Петеру руку.)*

ПЕТЕР. Ну видишь, может оно и получится!

ЙЕН уходит. ПЕТЕР пьет и разговаривает сам с собой.

Прекрасная тогда была осень. Мне и вправду казалось, что все снова наладится. Надеялся, что эта малышка помирит нас с женой… Но ничто не может разделить мужа и жену больше, чем собственный ребенок.

Из кассетника продолжает звучать детская песня.

14. Гостиничный лифт

ЭВА входит в лифт.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС *(из репродуктора. Гонг).* Кастинг на фильм «Nina von Autobahn» начинается через пять минут в банкетном зале. Кастинг на фильм «Nina von Autobahn» начинается через пять минут в банкетном зале.

Гонг. Подходит ЙЕН. ЭВА жмет на кнопку. Лифт трогается.

ЙЕН. Классная шутка! Хочешь быть артисткой? О’кей. Удачи.

ЭВА. Ты же любишь артисток, разве нет?

ЙЕН. С одной я даже жил.

ЭВА. Она здесь?

ЙЕН. Почему ты ушла? Мне казалось, мы могли бы жить рядом друг с другом.

ЭВА. Рядом — да. Вместе — нет.

ЙЕН. Сбегаешь, как девчонка. Ты что, пришла меня добить?!

ЭВА. Агента, который не может продать собственную жену?

ЙЕН. Мы уже не живем вместе. *(Нажимает на «стоп».)*

Лифт останавливается.

Вернись.

ЭВА. Извини, у меня кастинг.

ЙЕН. Карин со мной разводится. Не хочет, чтобы я виделся с сыном! Теперь у меня нет ни тебя, ни ее!

ЭВА. Я хочу получить шанс, как все остальные.

ЙЕН. Ты серьезно собираешься сниматься в кино?!

ЭВА. Да, хочу сниматься.

ЙЕН. О'кей, о'кей.

ЭВА. И что такого?!

ЙЕН. Ты же не актриса, Эва.

ЭВА. Это фильм обо мне!

ЙЕН. Ты не переспала с продюсером.

ЭВА. С Германом? Ну да, не переспала. Наверно, он побоялся что-нибудь подцепить. Но дал мне пять минут. Всего пять минут, сволочь, но это меня не сбило с толку Я начала говорить о своей работе, о морозильнике, о трассе, все ему рассказала, а он только пил кофе и слушал меня, а когда звонили телефоны, он их просто отключал. Под конец он пригласил меня в ночной клуб на кебаб, и мы проболтали аж до двух часов ночи. Потом он дал мне денег на гостиницу и такси.

ЙЕН. Какой добряк этот Герман.

ЭВА. А ты ревнуешь?

ЙЕН. О'кей. Значит, идешь на кастинг.

ЭВА. Сегодня утром он мне позвонил и сказал, что мне не нужно.

ЙЕН. Он тебя надул. Так я и знал.

ЭВА. Не надул!

ЙЕН. Тогда зачем ты сюда пришла?

ЭВА. Он хочет еще поговорить.

ЙЕН. Какой разговорчивый малый!

ЭВА. Я, между прочим, рядом с ним ни минуты не скучала. ЙЕН. Так он еще и весельчак?

ЭВА. Вот именно!

ЙЕН. Это не он когда-то делал «Ein Kessel Buntess»?!

ЭВА. Кстати, он еще сказал, что ночью — ну, за тем кебабом, — что он меня выбрал.

ЙЕН. Как это… выбрал?

ЭВА. Дал мне эту роль.

ЙЕН. Ты будешь Nina von Autobahn? *(Смеется.)* Ты же не любишь кебаб.

ЭВА. А я это сыграла.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС *(из репродуктора. Гонг).* Кастинг на фильм «Nina von Autobahn» начинается через пять минут в банкетном зале. Кастинг на фильм «Nina von Autobahn» начинается через пять минут в банкетном зале.

ЙЕН. Эти бедняжки идут туда понапрасну.

ЭВА. Никогда не называй женщин «бедняжками».

ЙЕН. О’кей.

ЭВА. Так в сценарии написано. Ну, этого фильма.

ЙЕН. О’кей.

ЭВА. Может быть, у меня даже будет свой трейлер.

ЙЕН жмет на кнопку лифта. Лифт трогается.

Не хочешь быть моим агентом?

ЙЕН. Я терпеть не могу кебаб.

ЭВА *(обнимает его).* Мне тебя не хватало.

ЙЕН. И мне тебя.

Звонок. Лифт останавливается.

ЭВА. Ты идешь со мной?

ЙЕН. Но это будет не порно, ведь нет?

ЭВА. Ты что?! Это же социальный сюжет. Почти документальный зонд в жизнь женщин.

ЙЕН. Где-то я уже это слышал.

Выходят из лифта. ЭВА куда-то бежит и кричит.

ЭВА. Hermann!!! Ich bin!

ЙЕН послушно следует за ней.

ЙЕН. Кебаб!

15. Квартира Анны

АННА в наушниках, как в студии дубляжа, смотрит на стену, где на большом экране воспроизводится видеофильм. На экране: КАРИН и ЙЕН ожесточенно ссорятся, швыряют друг в друга разные предметы, время от времени переходят к драке. Звуки ссоры не слышны. АННА «дублирует» обоих с интонациями любви и взаимопонимания, контрастирующими с безобразными кадрами на видео.

АННА *(за Карин.)* Это был тяжелый период, Йен, но давай забудем обо всем. *(За Йена.)* Я рад, что ты меня простила, Карин. *(За Карин.)* Это даже хорошо, что я не получила эту роль. Это паршивый фильм. *(За Йена.)* Ты права. «Нина» — паршивый фильм. *(За Карин.)* Мне совершенно ни к чему там играть. *(За Йена.)* Я уделял тебе мало внимания, дорогая, но теперь все изменится. Я буду намного больше заботиться о семье. *(За Карин.)* Знаешь, я пригласила маму. *(За Йена.)* Великолепная идея, мое сокровище! *(За Карин.)* Она будет жить у нас. *(За Йена.)* Какая ты внимательная! И почему мы не пригласили ее к нам раньше? *(За Карин.)* Она будет помогать мне с малышом. *(За Йена.)*

А ты сможешь больше сниматься, звезда моя! Говорят, тебе звонил сам Форман? *(За Карин.) Я* хотела сделать тебе сюрприз. *(За Йена.)* Как это замечательно! Когда придет твоя мама, откроем по этому поводу бутылочку хорошего вина… но вот, кажется, она уже идет! *(За Карин.)* Мамочка!

На видео крупным планом злое лицо КАРИН. Она с ненавистью говорит что-то в камеру. АННА продолжает «дублировать» ласковым тоном.

(За Карин.) Я так рада, что ты пришла! Я хочу скрасить твои последние дни, мамочка! Мы так много должны сказать друг другу! Особенно теперь, когда я узнала, чем ты ради меня жертвовала. Дай мне руку.

АННА протягивает руку. Лицо КАРИН на видео искажено ненавистью и плачем.

Я люблю тебя, мамочка.

АННА тянет к КАРИН руку.

Я очень тебя люблю.

АННА делает себе инъекцию и уходит. Видео останавливается, входит КАРИН.

16. Карин переезжает

КАРИН в своей старой квартире, пакует вещи, кладет в чемодан игрушки сына.

КАРИН. Мой сын никогда не будет артистом. Он будет заниматься спортом. Просто так, для своего удовольствия. Я не буду его никуда проталкивать. Никаких соревнований! А если какой-нибудь тренер вздумает включить его в команду юниоров, я своими руками спущу этого типа с лестницы!

Звонит ее мобильник, КАРИН ждет, когда он умолкнет. Слушает запись на автоответчике. Сигнал.

ГОЛОС ЙЕНА *(из мобильнка).* Это Йен. Карин, пожалуйста… Не надо связываться со мной через адвокатов. Давай просто поговорим. В любое удобное для тебя время.

КАРИН *(выключает мобильник. Продолжает паковать игрушки в чемодан).* Куплю ему компьютер, пусть играет в эти игры. Там же не только стрелялки. Я видела один такой китайский лабиринт. В нем ходит девочка и собирает бриллианты. Совсем не вредно. Мой сын будет программистом. С компьютером он сможет зани-

маться наукой, бизнесом или дизайном. И при этом заниматься спортом.

Звонит мобильник, КАРИН ждет, когда он умолкнет. Слушает автоответчик. Сигнал.

ГОЛОС ЙЕНА *(из мобильника)* Проклятье! Что мне теперь, ритуально отрезать себе член?! Чего тебе, в конце концов, надо?! Ну, извини! Извини!

КАРИН *(выключает мобильник).* Никаких выступлений на выпускном вечере. Чтобы это ему, не дай бог, не понравилось. Дети любят выступать, а потом это может остаться у них на всю жизнь. Я видела, сколько талантливых детей угасло, и даже непонятно почему. Тяжело в тридцать лет понять, что выиграл кто-то другой.

Звонит мобильник. КАРИН ждет, когда он умолкнет и слушает автоответчик. Сигнал.

ГОЛОС ЙЕНА *(из мобильника).* Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини.

КАРИН *(выключает мобильник).* Я хочу уехать отсюда. Как можно дальше. Разведусь, продам дом, уеду. Три замечательных дела. Лучшее, что я когда-либо делала.

Звонит мобильник. КАРИН ждет, когда он умолкнет и слушает автоответчик. Сигнал.

ГОЛОС ЙЕНА *(из мобильника).* Я купил малышу тридцать машинок. Все такие синие, на какой я езжу. Ему они больше всего нравятся. Буду посылать их постепенно. Если не дашь ему одну, придет следующая. Какую-нибудь он однажды получит.

КАРИН *(выключает мобильник).* Все мне говорят, чтобы я осталась. Что незачем мне уезжать. Неужели я хочу, в моем возрасте, начать все сначала? Но ведь это нормально, начинать сначала. Ненормально всю жизнь сидеть как пень на одном месте, с одними и теми же людьми. Вот что ненормально! И кто тут из нас нормальный, не знаю...

Звонит мобильник. КАРИН ждет, когда он умолкнет и слушает автоответчик. Сигнал.

ГОЛОС ЙЕНА *(из мобильника).* Карин? Я записал на мобильник голос Петрика. Нажимаю ЗВУК, нажимаю НАСТРОЙКА ЗВУКА, нажимаю МОИ ЗВУКИ, нажимаю ПЕТРИК. И тебе никогда не отнять его у меня!

Из мобильника звучит детский смех. КАРИН слушает, потом

выключает мобильник.

КАРИН. Если придется, я и на почте буду работать. Я смогу. Уверена, что у меня получится. Или в какой-нибудь фирме за компьютером. У меня с этим нет проблем. С почтой я справлюсь, мне даже как-то про это снилось. Я в сны верю, никаких шуток. У меня многое уже исполнилось из того, что приснилось. Но на всякий случай я уже полгода занимаюсь на компьютере, чтобы какая-нибудь двадцатилетняя соплячка не хихикала надо мной, потому что я не умею кликать мышью.

Звонит мобильник. КАРИН ждет, когда он умолкнет и слушает автоответчик. Сигнал.

ГОЛОС ЙЕНА *(из мобильника).* Карин, ты помнишь наше последнее Рождество? До того как заявилась твоя мамаша. Разве нам было плохо вместе? Я хочу все исправить. Подумай об этом.

КАРИН выключает мобильник. Роется в упакованной картонной коробке с видеокассетами, находит нужную и запускает ее. На экране видна рождественская идиллия — ЙЕН и КАРИН под елкой разворачивают подарки, рядом крутится их маленький сын. КАРИН садится и растроганно смотрит на эту сцену. Потом — затемнение, на кассете новая запись: Эва на берегу моря

демонстрирует ЙЕНУ приватный стриптиз. Слышен голос ЙЕНА.

ГОЛОС ЙЕНА. Хорошо... давай... да... ты бесподобна...

КАРИН выключает кассету, берет мобильник и яростно набирает номер. Говорит в трубку.

Такси до аэропорта! Немедленно! *(Уходит с чемоданами.)*

Спустя мгновение — сигнал.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОЛОС. Э-э-э... Это факультетская клиника. Мы нашли в мобильном ваш номер. Ваш муж попал в аварию. Можете с нами говорить?

17. Интервью Петера

ПЕТЕР отвечает на вопросы журналистов.

ПЕТЕР. Что я могу сказать о том, что моя дочь играет в фильме «Нина с трассы»? Она всегда была такой неуправляемой. Много крови нам с женой попортила. Что я думаю о кино вообще? Его слишком переоценивают. Сегодня каждый идиот выпускает собственный альбом, ведет ток-шоу и хочет сниматься в кино. Да я и не имею ничего против. Такое уж время. Кого не показывают по телевизору, того будто бы и нет. Не знаю, какая Эва на самом деле. Лет до семи я знал о ней все. А сейчас — ничего. Конечно, она совсем не типичная… эта, с трассы. Она подрабатывала там всего полгода. И заметьте, я тоже не скрываю, что служил в госбезопасности. Слежкой занимался. Такое уж было время. Раз как-то следил я за паном Гавелом, у них там намечалась секретная встреча в Татрах, вроде как на свежем воздухе, ага. Весь поезд был из наших! У нас были и проводники, и свои официанты в вагоне-ресторане. Мы все о них знали — кто что пьет, кто когда заказал яичницу. Потом он еще на станции дал мне

прикурить, а спички назад не взял. Что-то будто мне подсказало: Петер, сбереги их! *(Достает спичечный коробок.)* Сейчас я рад тому, что у нас демократия. Что она дает шанс и гражданам второго сорта. Что я, бывший гэбист, даю интервью в престижный журнал. И что моя дочь, бывшая проститутка, сегодня артистка. Что возле того пламени, который разожгли тогда диссиденты, можем теперь согреваться и мы, побежденные и униженные. Что с нами опять считаются. Что нам снова подают руку. Что потихоньку приходит наше время.

18. Зал гипермаркета

Входят люди с тележками. Из громкоговорителей льется приятная «коммерческая» музыка. Появляются элегантно одетые ЙЕН и ЭВА.

ЙЕН. Что это за чувство — вернуться сюда звездой?

ЭВА. Когда я вижу здесь этих баб в красных жилетках… меня просто тошнит.

ЙЕН. Это журналисты придумали. *(Подает ей красную жилетку.)*

ЭВА. Да ни за что!

ЙЕН. Можешь просто накинуть ее поверх костюма.

ЭВА. И на кого я буду похожа?! Для этого нужны джинсы и футболка.

ЙЕН *(достает из сумки футболку и джинсы).* Подходи потом к секции аудиодисков.

ЭВА. Ну ты и нахал!

ЭВА уходит.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителя. Гонг).* Уважаемые покупатели, сегодня мы подготовили для вас презентацию фильма «Нина с трассы».

Автографы на видеокассетах будет раздавать исполнительница главной роли в этой выдающейся ленте, бывшая сотрудница нашего гипермаркета. Вместе с автографом вы получите ароматный подарок от спонсора, эксклюзивный лосьон для полости рта! Ждем вас через двадцать минут!

Появляется ПЕТЕР, одетый в черную форму службы безопасности. На ремне у него револьвер, наручники, баллон со слезоточивым газом.

ЙЕН. Вы прямо как ковбой!

ПЕТЕР. Когда люди видят форму, они меньше крадут.

ЙЕН. Меньше?

ПЕТЕР. Почти совсем не крадут.

ЙЕН. Люди всегда крали. Так и должно быть. Это инстинкт.

ПЕТЕР. Вы еще будете мне говорить об инстинктах.

ЙЕН. Инстинкт самосохранения.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей. Гонг).* Важное объявление для покупателей! Прошу внимания.

ЙЕН. Это что, снова Анна?

ПЕТЕР. Она ушла из больницы, под подписку.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей).* Я доде-

лываю свои последние дела. И к вам я обращаюсь в последний раз. Отсюда мне видно, как блестит хром на ваших тележках… это напоминает мне блеск снега в горах.

ПЕТЕР *(по рации).* Вызовите врача.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей).* Блестит, как снег в стихах Есенина, которые я не читала уже лет двадцать…

ЙЕН. Остановите ее, вам ясно?!

ПЕТЕР убегает, ЙЕН звонит по телефону.

Это Йен. Карин, пожалуйста… Не надо связываться со мной через адвокатов. Давай просто поговорим. В любое удобное для тебя время. *(Выключает мобильник.)*

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей).* У меня ужасно мало времени… поэтому я почитаю вам Есенина… потому что поэзия останавливает время…

ПЕТЕР *(появляется).* Она заперлась.

ЙЕН. Вы же шеф охраны! Так сделайте что-нибудь!

ПЕТЕР. Мои парни говорят с ней через двери.

ЙЕН. Говорят?

ПЕТЕР. Она не хочет открывать.

ЙЕН. Нам тут не нужна «Минута поэзии»!

ПЕТЕР. Она ничего не хочет слышать.

ЙЕН. Так вышибите дверь!

ПЕТЕР. Уже пробовали. Она стальная. Там внутри сейф.

ЙЕН. Тогда включите музыку! Во всех отделах!

ПЕТЕР. Какую музыку?

ЙЕН. Проигрыватели, телевизоры. Пылесосы. Заглушите ее.

ПЕТЕР *(по рации).* Телевизоры на полную катушку! И пылесосы! Повсюду!

Из громкоговорителей голос АННЫ. Звучат стихи Есенина в русском оригинале. Из соседних проходов вскоре слышится рев телевизоров и гул миксеров.

ЙЕН. Через минуту у нас начнется презентация, так разберитесь с этим поживее! В таком шуме невозможно работать! Свихнулась, как и ее доченька.

ПЕТЕР. Я должен был сообразить. Она говорила, что пришла сегодня в последний раз.

ЙЕН. Уж за это-то я ручаюсь!

ПЕТЕР. Когда-то мы следили за людьми, которые писали стихи. Так, для профилактики. Теперешние это недооценивают.

Подходит ПОКУПАТЕЛЬ с тележкой.

ПОКУПАТЕЛЬ. Ради бога, зачем так шуметь?

ПЕТЕР. Потерпите, пожалуйста. С этим уже разбираются.

ПОКУПАТЕЛЬ. А директор здесь?

ПЕТЕР. В данный момент нет.

ЙЕН. Я — менеджер. Чем могу помочь?

ПОКУПАТЕЛЬ. На Рождество вы по сто раз подряд крутите «Тихую ночь», так что она вконец мне опротивела. А теперь хотите, чтобы мне опротивел Есенин?

ЙЕН *(доверительно покупателю).* Знаете, мне не следовало бы вам говорить, но… здесь снимают «Скрытую камеру», вы понимаете?

ПОКУПАТЕЛЬ расплывается в улыбке, хлопает ЙЕНА по плечу и, озираясь в поисках камеры, уходит.

(Звонит Карин.) Карин! Карин, возьми трубку! Проклятье! Что мне теперь, ритуально отрезать себе член?! Чего тебе, в конце концов, надо?! Ну, извини! Извини! *(Выключает мобильник. Обращаясь к Петеру.)* Скоро кто-нибудь позвонит во французский центральный офис, пожалуется, какой у нас здесь бардак! Я не собираюсь терять из-за вас место! *(Нервно прохаживается и снова звонит Карин.)* Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Извини. Изви-

ни. Извини. *(Выключает мобильник. Обращаясь к Петеру.)* Что смотрите?

ПЕТЕР. Вы как, в порядке?

ЙЕН. Разбирайтесь лучше со своим бардаком!

Голос АННЫ. Стихи Есенина.

ПЕТЕР *(убегая). Я* не собираюсь терять место из-за этой коровы!

Голос АННЫ. Стихи Есенина.

ЙЕН *(звонит Карин). Я* купил малышу тридцать машинок. Все такие синие, на какой я езжу. Ему они больше всего нравятся. Буду посылать их постепенно. Если не дашь ему одну, придет следующая. Какую-нибудь он однажды получит.

ЭВА *(подходит в джинсах и красной жилетке, как продавщица).* Снова ей звонишь?

ЙЕН. Не твое дело!

ЭВА. Что это с тобой?!

ЙЕН. Извини. Это место меня ужасно раздражает.

ЭВА. Это была твоя дурацкая идея. Я не собиралась сюда идти!

ЙЕН. Приехали все телеканалы!

ЭВА. А я чихать на них хотела!

ЙЕН. Дадим пару интервью, подпишешь

несколько кассет, и свалим отсюда.

Стихает шум телевизоров, миксеров, весь звуковой фон.

Голос АННЫ. Стихи Есенина.

ЭВА. Это что, какой-то рекламный трюк?

ЙЕН. Это моя теща. Вся ее жизнь — рекламный трюк.

ЭВА *(стаскивает красную жилетку).* Эта твоя семейка повсюду!

ЙЕН. Это уже не моя семейка!

ЭВА. Подписывай свои кассеты сам!

ЙЕН. Эва! Тебе нужно там быть!

ЭВА. Вот что мне точно нужно, так это курнуть! *(Курит.)*

Голос АННЫ. Стихи Есенина.

Смех и аплодисменты покупателей.

ЙЕН. Им нравится. Может быть, обойдется не такой уж катастрофой.

Мимо проходит группа покупателей, руководимая мужчиной, над которым подшутил ЙЕН; они ищут скрытую камеру.

ЭВА. Ну и свиньи же вы! Даже на людском горе наживаетесь.

ЙЕН. А я-то здесь при чем?!

ЭВА. Оставь меня в покое! Может быть, я скоро

и вернусь, но только сейчас оставь меня в покое! Никого не хочу видеть! *(Уходит.)*

ЙЕН *(звонит).* Карин? Я записал на мобильник голос Петрика. Нажимаю ЗВУК, нажимаю НАСТРОЙКА ЗВУКА, нажимаю МОИ ЗВУКИ, нажимаю ПЕТРИК. И тебе никогда не отнять его у меня!

Из телефона звучит детский смех. Выключает мобильник.

ГОЛОС АННЫ *(из громкоговорителей).* Я, Анна… люблю вас… люблю вас…

Аплодисменты покупателей. Входит ПЕТЕР.

ИЕН. Это уже становится интересно, что скажете?

ПЕТЕР *(говорит по рации).* Вырубите ей электричество…

ЙЕН. Может, дадим ей еще минутку?

ПЕТЕР. У вас что, тоже крыша поехала? *(По рации.)* Как это — невозможно? Вырубите. Что — нельзя?! Предохранители от офисных помещений! Не главный рубильник! Только офисные помещения! Живо!

ЙЕН. Это же будет хаос!

ПЕТЕР. Вырубят только офисные помещения. *(По рации.)* Да, вы правильно меня поняли!

ЙЕН. Хотите вырубить электричество?

ПЕТЕР. Только наверху.

ЙЕН. Действуйте. *(Звонит Карин.)* Карин, ты помнишь наше последнее Рождество? До того как заявилась твоя мамаша. Разве нам было плохо вместе? Я хочу все исправить. Подумай об этом.

Внезапная темнота. Крики людей.

ЙЕН. Что они делают? Включите свет!

ПЕТЕР. Не главный рубильник, идиот! Включите его! Включите!

ЙЕН. Почему не горит аварийное освещение?!

Хрип рации.

ПЕТЕР. Через третью кассу убегают, не расплатившись! Остановить немедленно! Я вам головы поотрываю! Включите электричество! Да! Включить главный рубильник!

Начинается паника. Некоторые люди грабят прилавки, бросают товары на тележки. Продавщицы пытаются их остановить, но падают под напором толпы. Хаос.

Охрана, к выходам! Они хотят улизнуть через пожарные двери! *(Слушает рацию.)* В электротоварах грабят?! Закройте выходы!

ЙЕН. Поставьте всех к дверям и включите элек-

тричество! ПЕТЕР. Пойдемте в электротовары. *(Убегает вместе с Йеном.)*

ПЕТЕР. Пойдемте в электротовары. *(Убегает вместе с Йеном.)*

Паника нарастает. Внезапно в магазине вспыхивает свет, и мародеры останавливаются. Они выкладывают товар назад и разбегаются.

ГОЛОС АННЫ *(ее снова слышно из громкоговорителей).* Остановитесь... пожалуйста. Перестаньте! Прошу вас!

Сбоку вылетают тележки и сталкиваются. Три раза подряд звучит гонг. Голос АННЫ гремит с неожиданной силой.

Я плюю на всех вас!!!

Шум паники постепенно стихает. Люди возвращают товар из тележек на полки. Входит ЭВА, придерживая руками десятикилограммовый пакет замороженного картофеля фри. Он кое-как запрятан у нее под футболкой. Хаос завершается.

Извините меня за эти слова, дорогие мои... поднимите опрокинутые тележки... найдите своих детей... я вас вижу... с вашей стороны это выглядит как зеркало, а с моей — это окно...

Люди успокаиваются.

Благодарю вас…

Входит ПЕТЕР, говорит по рации.

ПЕТЕР. Мы справились с этим, парни! Еще чуть-чуть, и они вырежут замок.

Из громкоговорителей слышен звук выбитых дверей. Вскрик АННЫ, щелчок микрофона и тишина.

Отличная работа! Сажайте ее прямо в «скорую»! *(Замечает Эву.)* Эва…

ЭВА. Чего тебе?!

ПЕТЕР. Может, забудем обо всем?

ЭВА. А ты уже забыл, как меня отсюда вышвырнул?

ПЕТЕР. А ты забыла, кто мне это приказал?!

ЭВА. Ты со мной даже заговорить боялся — как бы кто не понял, что мы с тобой родственники. Фирма не берет на работу членов одной семьи. Они крадут больше других. Договориться могут. Но это не о нас. Это у нас никогда не получалось. *(Хочет уйти.)*

ПЕТЕР. Что это там у тебя?

ЭВА *(показывает ему пакет).* Краду, разве не видишь?

ПЕТЕР. Как это — крадешь?

ЭВА. Артистки часто крадут, ты не читал? В

Голливуде драгоценности, у нас — картошку фри. Этот фильм — порядочное дерьмо. Эта самая «Нина с трассы». Скандал ему будет только на пользу.

ПЕТЕР. Вернись домой. Я сделал ремонт в твоей комнате.

ЭВА *(смеется).* Надеюсь, ты оставил там плакат Мадонны?

ГОЛОС ЙЕНА *(из громкоговорителей. Гонг).* Уважаемые покупатели, приносим свои извинения за некорректное поведение нашего диктора. В качестве бонуса предлагаем вам десятипроцентную скидку на любой товар по вашему выбору Это относится только к тем покупателям, которые в данный момент находятся в нашем гипермаркете.

Гонг. Аплодисменты и одобрительные возгласы толпы.

ЭВА. Надеюсь, мы больше не увидимся.

ПЕТЕР *(вырывает у нее пакет с картошкой).* Послушай меня!

ЭВА. Дай сюда!

ПЕТЕР. Ты можешь меня хоть раз послушать?!

ЭВА *(вытаскивает отвертку).* Вот, погляди. Беру все, что вижу. И на что ты тут нужен?! *(Достает фонарик. Он не светит. Бросает его в*

Петера.) Барахло. *(Вытаскивает из карманов мыло, теплые носки, зубные щетки. Бросает все это в Петера.)* Много я наворовала, а? И заметь! Мыло с коэнзимом, антистрессовые носки, анатомическая щетка!

ПЕТЕР. Ты же не хочешь сесть из-за ерунды?

ЭВА. А что, ты меня сдашь? Как маму? За то, что она писала брату в Мюнхен?!

ПЕТЕР. Я ее не сдавал!

ЭВА. Не верю.

ПЕТЕР. Клянусь. Я был на службе, когда мне позвонили и сказали, что она переписывается с эмигрантом, с врагом государства, проклятье, это не я, меня ведь тогда на месяц отстранили, чудом удержался!

ЭВА. Это из-за тебя она в магазине отравилась!

ПЕТЕР. У нее был удар!

ЭВА. Она отравилась газом! Ее нашли возле включенного бойлера! Думаешь, я совсем тупая? Чужим людям пришлось ее хоронить, потому что ты был на операции!

ПЕТЕР. А знаешь, к кому на хвост меня посадили?! *(Гремит спичками.)*

ЭВА. Еще и газетчикам врешь. Ты же эти спички купил в соседнем киоске!

ПЕТЕР дает ей пощечину.

Больше тебе и сказать нечего?!

ПЕТЕР дает ей вторую пощечину.

Мне было стыдно перед ребятами за то, что ты бьешь маму! Все об этом знали!

ПЕТЕР. Я не хотел тебя ударить… пойми… мы оба взвинчены… я… ну, с чем-то я не смог справиться!

ГОЛОС ЙЕНА *(гонг. Из громкоговорителя).* Уважаемые покупатели, через несколько минут в отделе книжной и видеопродукции начнется презентация фильма «Нина с трассы», который как раз сегодня поступает в нашу сеть видеопроката. Будем рады вашему участию!

ПЕТЕР и ЭВА пытаются вырвать друг у друга пакет с замороженным картофелем.

ПЕТЕР. Мы снова сможем стать семьей!

ЭВА. Ничего мне от тебя не надо, кроме этой картошки!

ПЕТЕР. Эвочка…

ЭВА вырывает из рук ПЕТЕРА пакет. ПЕТЕР поднимает отвертку.

Послушай меня хотя бы раз! Пора принимать вещи всерьез, как они есть! Зачем тебе все время лезть на рожон?! Ты никогда ни в чем не знала

меры, но сейчас ты серьезно меня достала!

ЭВА держит на животе пакет, словно щит.

А это ты оставишь здесь, слышала?! Сейчас же положи! На колени тебе меня не поставить! Ни когда ты у меня на глазах залезала в машины к мужикам, ни сейчас! Я тебя бил не часто! Я тебя слишком мало бил! Послушайся меня и положи это немедленно!

ЭВА отказывается. Она крепко держит свой пакет.

Ты такая же упрямая, как твоя мать!

ПЕТЕР колет в пакет отверткой. Пластиковая пленка рвется, на пол сыплется замороженный картофель фри. Пакет падает. У ЭВЫ по футболке растекается красное пятно. Кровь перемешивается с картофельной соломкой. ЭВА медленно сползает на пол.

ПЕТЕР *(падает на колени и обнимает ее).* Эвочка… деточка моя…

Подбегает ЙЕН. ПЕТЕР в истерике.

Она меня шантажировала! Украла отвертку и хотела меня убить! Она совсем взбесилась, у нее была героиновая ломка! Это была самозащита в

рамках закона, любой суд подтвердит! Каждому ясно, что она наркоманка!

ЙЕН *(берет Эвуза руку).* Все будет хорошо, вот увидишь…

ЭВА жестом просит его приблизиться. ЙЕН наклоняется к ней. Она показывает на свой живот. Кровавое пятно растеклось, как чудовищный континент. ЭВА что-то шепчет.

ЙЕН. Что?

ЭВА. Они… уже не тикают… *(Закрывает глаза.)*

ЙЕН. Не двигайся, милая…

ПЕТЕР *(говорит по рации).* Вызывайте «скорую». И запустите какую-нибудь музыку! Неужели тут должно быть так тихо?!

ЙЕН. Я сам ее отвезу! (*Берет Эву на руки.)* Потерпи, милая, все будет о’кей.

ПЕТЕР помогает перенести ее в машину. Звук отъезжающего автомобиля. Сигнал телефонного автоответчика.

19. Аэропорт

Входит КАРИН с чемоданчиком на колесах.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОЛОС. Э-э-э… Это факультетская клиника. Мы нашли в мобильном ваш номер. Ваш муж попал в аварию. Можете с нами говорить?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС *(гонг. Из громкоговорителя).* Пассажиры рейса 635 до Мюнхена могут пройти на посадку к выходу С. Пассажиры рейса 635 до Мюнхена могут пройти на посадку к выходу С.

У КАРИН звонит телефон.

НЕЗНАКОМЫЙ ГОЛОС *(из телефона).* Говорят из факультетской клиники. Охранника и девушку мы прооперировали, их состояние стабильное. Водитель при аварии погиб. Пожалуйста, приезжайте в клинику незамедлительно. Вы слушаете? Алло? Алло!

КАРИН выключает мобильник. Она сидит на чемодане. Подходят толпы покупателей с тележками и окружают ее со всех сторон.

МУЖСКОЙ ГОЛОС *(из громкоговорителя).* Уважаемые покупатели! Мы желаем вам приятных

покупок в нашем гипермаркете и приглашаем вас на дегустацию французского бульона в отдел гастрономии. Хорошего дня!

Из громкоговорителей звучит приятная музыка. Тележки окружают КАРИН. Она сидит на своем чемодане, словно на острове.

Конец.

Додо Гомбар
Третья эра

Посвящается нашей компании
и всему блуждающему поколению

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭГОН — неполных 30 лет.

ТАМАРА — его гражданская жена, радиоведущая, 27 лет.

ДУШАН — его приятель, психолог, 30 лет.

ТЕРЕЗА — жена Душана, бывшая возлюбленная Эгона, модель, 25 лет.

ОТЕЦ Эгона — 64 года.

МАТЬ Эгона — 58 лет.

ДОЛИНА — популярный артист на пенсии, 62 года.

АРНОШТ — забытый композитор, 60 лет.

МАГДА — сестра в доме престарелых, 22 года.

Перевод Л. Широковой
Dodo Gombár. Tretí vek
© Dodo Gombér, 2014

1

Коридор в доме престарелых.

МАГДА. Он уже ждет вас.

ЭГОН. Он один?

МАГДА. Один. У него был Арношт. Ушел минуту назад. Целое утро колотил по пианино.

ЭГОН. Не колотил по пианино, Магда. Арношт сочинял музыку. *(Хочет войти.)*

МАГДА. Потом они пообедали и пошли на прогулку в парк. Как обычно.

ЭГОН. Когда сегодня собрание?

МАГДА. В пять.

ЭГОН хочет войти.

МАГДА. Пан Эгон.

ЭГОН. Да?

МАГДА. Вы хороший человек. Потому что интересуетесь такими людьми, как он. *(Показывает на дверь, за ручку которой уже долго держится Эгон.)* Бог вас за это наградит… Как сказала бы моя мать…

ЭГОН. Бог? Вы так думаете?

МАГДА. Не думаю. Знаю.

ЭГОН улыбается и входит в дверь, МАГДА смотрит ему вслед.

Темнота.

2

В комнате ДОЛИНЫ, старого, некогда знаменитого артиста. На кровати сидит ЯН ДОЛИНА и курит трубку. Заметив ЭГОНА, жестом приглашает его сесть. Не смотрит на него.

ДОЛИНА. Магда все еще в коридоре?

ЭГОН. Да.

ДОЛИНА. Обрати внимание, у всех этих молодых сестер в богадельнях, молодых монашек… молодых воспитательниц в интернатах для больных детей… у всех этих девочек над головой — такой круг белого света… обрати внимание. И у Магды он есть.

ЭГОН. Почему только у молодых? А у старых его нет?

ДОЛИНА. Если они состарятся и не сменят тем временем работу, иначе говоря — убеждения, то этот свет разливается у них вокруг всего тела.

ЭГОН *(некоторое время размышляет).* Интересная тема.

ДОЛИНА. Это не тема, это нечто вроде… вроде… плавания на остров… Боже, что я болтаю… Тема — это, например, то, что Магда рассказала мне сегодня — как она переспала с этим молодым

психологом. С этим твоим приятелем. То есть как он ее поимел.

ЭГОН. Что??

ДОЛИНА. Ну… Она сказала, что он долго ее подманивал и совращал… ну и она в конце концов поддалась. Он ей будто бы угрожал увольнением, и она побоялась, что не найдет новое место и снова останется на бобах у них в деревне… Мерзавец… Вот это тема.

ЭГОН включает диктофон.

Выключи. Это к делу не относится.

ЭГОН. Извините.

ДОЛИНА. Я это тебе просто так говорю. По-дружески, и не про какой-то там бульварный скандальчик. Это вовсе не относится к нашему интервью. Ну, ты меня и достал.

ЭГОН *(выключает диктофон).* Извините… А что она вам еще рассказала?

ДОЛИНА. Больше я тебе ничего об этом не скажу… Можешь снова включать свой диктофон и приступать к тому, ради чего пришел.

ЭГОН. Я правда очень сожалею.

ДОЛИНА. А мне все равно, что ты сожалеешь. Ты меня разочаровал. Ведешь себя как гиена… Как прочие вроде тебя. А ведь иной раз кажется,

сдается, будто ты другой. Ни хрена!

ЭГОН хочет что-то сказать, ДОЛИНА его перебивает.

Сейчас тебе нет никакой надобности отвечать и аргументировать, пожалуйста… А главное — не надо оправдываться… Включай диктофон и задавай свой вопрос.

ЭГОН включает диктофон, кладет его на стол. Некоторое время молчит. Он знает, что должен продолжить свое интервью с ДОЛИНОЙ, но такого начала от сегодняшней встречи не ожидал. Чувствует себя виноватым, хотя не понимает, в чем провинился. Делает глубокий вдох.

ЭГОН. Как вы восприняли переворот в восемьдесят девятом году?[67]

ДОЛИНА отворачивается. Делает вид, будто ожидал этого вопроса, такой вид он делает после каждого вопроса ЭГОНА. Но он наверняка не ожидал, что его зададут так скоро. С минуту молчит и только попыхивает трубкой.

ДОЛИНА. Я ждал, что ты спросишь меня о чем-

---

[67] Примечания: 67

В ноябре 1989 года в Чехословакии произошла так называемая бархатная («нежная») революция, в результате которой закончился более чем сорокалетний период правления коммунистической партии, и в обществе начались кардинальные демократические и рыночные преобразования.

то таком. Для себя я пробовал сформулировать ответ уже давно… Собственно, я довольно часто пытаюсь его формулировать. Как и все мое поколение. Тьфу-ты, что за поколение! Переворот — очень подходящее слово. Я рад, что ты не использовал какое-нибудь более патетическое. Перевернулось все. Не только политические убеждения и личины. Перевернулось абсолютно все. И вот… Я ощутил настоящую эйфорию, вдохнув свежего воздуха, который прилетел к нам от австрийских границ. Это я помню очень отчетливо. Будто вдруг нашел в куче навоза бутылку сливовицы. Я не успевал смотреть по сторонам, ловя новые идеи и впечатления. Словно по всему телу прошел электрический ток. В ноябре восемьдесят девятого мне было 49 лет. Считай, полжизни прожито. Можешь себе представить, что означал для моего поколения такой шок, как падение железного занавеса… нужно было начинать жизнь сначала…

ЭГОН. Наверняка все это значило нечто совсем иное, чем для моего поколения, только-только вышедшего из подросткового возраста…

ДОЛИНА холодно реагирует на попытку ЭГОНА пошутить. Он немного нервно продолжает отвечать на вопрос.

ДОЛИНА. Коммунистический режим надел на нас тяжкие оковы, и вот неожиданно мы их сбросили. Подчеркиваю: неожиданно. Слишком неожиданно. Мы стали свободными. Твои желания и мечты осуществляются, а ты понимаешь, что не в состоянии воспринять их как реальность. *(Задумывается, как будто уже не хочет продолжать.)* Восемьдесят девятый год многое дал моему поколению, очень многое… но и многое у него отнял…

ЭГОН. Отнял?!

ДОЛИНА. Я увидел, что плодовитые прославленные литераторы, мои ровесники, вдруг растерялись, не зная, о чем писать, что режиссерам стали уже не нужны иносказания и намеки, которые раньше они контрабандой протаскивали в свои спектакли. Что гении неожиданно стали… посредственностями… А диссиденты, эти гордые борцы с режимом, мои ровесники, начали вдруг как-то слишком наскакивать на наших же друзей-эмигрантов — те, мол, уехали, сбежали, и всякие такие глупости… а они-то здесь, дома, исподволь и готовили эту революцию… но… в действительности многие из них не сбежали только потому, что не хватило духу… но ты об этом не спрашивал… Меня и многих других

выставили на сцену и сказали: ну вот, теперь можете говорить, что хотите, уже не нужно ничего скрывать… можете высказать свою позицию… и знаешь, что люди услышали со сцены? Звенящую тишину… *(Надолго задумывается.)*

ЭГОН. Но ведь вы ждали этого перелома почти 50 лет.

ДОЛИНА. Ждал. Но не предполагал, что правда, сказанная вслух, уже людям неинтересна. Ушли вдруг в прошлое сюжеты или, как ты говоришь, темы, которые нас прежде волновали. Это как с женщиной: поначалу она тебя волнует, а когда ты ее наконец разденешь, у тебя не хочет вставать. Наше поколение вдруг поняло, что ему не о чем говорить. Что оно разучилось говорить с незаклеенным ртом. Я потерял множество друзей, которые стали поклоняться новому идолу, материальному… Мы вдруг поняли, что не можем рассказать о человеке… о нормальном, свободном человеке, о его реальном внутреннем мире. О свободном человеке, понимаешь… Этот переворот, можно сказать, убил все мои мечты. Я-то думал, что он их, наоборот, разбудит. Дело, наверно, в том, что я привык об этом только мечтать. А тут вдруг пришлось во всем этом жить. Для таких перемен я был уже слишком стар.

ЭГОН. Значит, вы думаете…

ДОЛИНА. Ничего я не думаю. Я знаю только, что коммунизм был таким же свинством, как и фашизм. А ты ждал другого ответа?

ЭГОН. Я всегда жду другого ответа, потому и прихожу сюда… А у вас нет такого ощущения, что прежде народ любил вас намного больше, чем потом? Как будто начал терять к вам интерес…

ДОЛИНА. Да ведь я об этом и говорю.

Долгое молчание.

ЭГОН. Вы когда-нибудь состояли в коммунистической партии?

ДОЛИНА. А ты не знаешь? Это легко можно выяснить.

ЭГОН. Знаю.

ДОЛИНА. Так зачем же об этом спрашивать?

ЭГОН вынимает бутылку виски и ставит ее на стол.

3

ТЕРЕЗА разговаривает по телефону с ТАМАРОЙ.

ТЕРЕЗА. Хорошо бы нам уже встретиться.

ТАМАРА. Так давай встретимся.

ТЕРЕЗА. Но как-то все не получается.

ТАМАРА. Хочешь сказать — из-за меня…

ТЕРЕЗА. Тогда надо чаще перезваниваться.

ТАМАРА. Для того чтобы больше общаться друг с другом… Это теперь такой тренд. А я добавлю: и совсем перестать встречаться.

ТЕРЕЗА. Я сегодня снова тебя слушала… ты просто бесподобна… Не представляю, как тебе удается все это запоминать.

ТАМАРА. Что?

ТЕРЕЗА. Ну, все эти тексты и тому подобное.

ТАМАРА. У меня все это написано. Я же тебе говорила.

ТЕРЕЗА. А, ну да. Но все равно похоже на то, что ты знаешь это наизусть.

ТАМАРА. Иногда приходится заучивать и наизусть.

ТЕРЕЗА. А говоришь, что у тебя все это написано.

ТАМАРА. Иногда написано, а иногда и наизусть.

ТЕРЕЗА. Я слышала, как тебе звонил вчера этот извращенец… Тот, который тебя все время клеит.

ТАМАРА. Это наш шеф. Шеф «Радио B13».

ТЕРЕЗА. И он тебя вот так, при всех, клеит?

ТАМАРА. Никого он не клеит. Это так специально подстроено. Такая мистификация. Выдумка.

ТЕРЕЗА. Да ты что?! А я-то, дура, так прямо и поверила.

ТАМАРА. В том-то все и дело… такой профессиональный прием… Чтобы все поверили… в то, что кто-то другой придумал… Пинает?

ТЕРЕЗА. Что?

ТАМАРА. В живот тебя пинает? Ребенок.

ТЕРЕЗА. Не то слово, у меня такое чувство, будто он, как боксер, кулаками мутузит.

ТАМАРА. Может, у вас родится маленький Рокки. Такой маленький Сталлоне.

ТЕРЕЗА. Или маленькая Годзиллка.

ТАМАРА. Фу… ну и юмор… болтаем всякие глупости… А по правде говоря, мне все время кажется, что этого ребенка ты ждешь от Эгона.

ТЕРЕЗА. С ума сошла?!

ТАМАРА. Ну, я говорю не буквально. Просто вы

у меня в мозгах до сих пор зафиксировались как гармоничная пара. Вы подходили друг к другу больше, чем мы с ним.

ТЕРЕЗА. Да ладно, не выдумывай… вы же просто созданы друг для друга.

ТАМАРА. Наверно, это не совсем так…

ТЕРЕЗА. Что, какие-то проблемы?

ТАМАРА. Надо бы нам с тобой уже встретиться.

ТЕРЕЗА. У тебя нет времени… у меня-то время есть… целыми днями сижу здесь на заднице, с животом как бочка…

ТАМАРА. Так, значит, договорились, я тебе позвоню… Пока.

ТЕРЕЗА. А может, это будет маленький Шварценеггер.

ТАМАРА. Тогда уж лучше Годзиллка. У Арни кривые ноги… И вообще, не люблю австрияков. Чао.

ТЕРЕЗА *(со смехом).* Пока.

Темнота.

4

ДОЛИНА и АРНОШТ сидят в парке дома престарелых на деревянной лавочке.

ДОЛИНА. Снова сегодня был у меня этот редактор. (*Вытаскивает бутылку виски.)*

АРНОШТ. Он хороший редактор… по тому, какие бутилки тебе носит… Видал я, как он уходил, через окно.

ДОЛИНА. Он уходил через двери.

АРНОШТ. Я видал через окно, как он уходил через двери.

ДОЛИНА. Так формулируй понятнее. Пипец. По-словацки.

АРНОШТ. Пипец.

Смеются.

ДОЛИНА. А он начинает мне нравиться. Только все время какой-то зажатый.

АРНОШТ. У него к тебе респект. Молодой… сильно молодой…

ДОЛИНА. Он считает, что я говорю мудро. Я чувствую, он мною восхищается… уже давно мною никто не восхищался… потому-то мне это

и приятно…

АРНОШТ. Та ты и говоришь мудро. И к восхищению всю жизнь был привычный.

ДОЛИНА. К восхищению привыкнуть легко.

АРНОШТ. А отвыкать тяжело.

ДОЛИНА. Говорю только то, что сам хочу. Я ведь не книга какая-то. Да мне уже и говорить не хочется.

АРНОШТ. Так ты мыслишь. А важно, что он себе мыслит. И для чего он вообще это интервью у тебя берет?

ДОЛИНА. Говорит, что материал собирает. Для фильма.

АРНОШТ. Про тебе?

ДОЛИНА. Я что, Аль Пачино? О двух поколениях, как он говорит. Разные сценарии, говорит, пытается набросать. Да я в этом не разбираюсь, ты же знаешь, я все это делаю только ради дочери…

АРНОШТ. Та это бы ты мог на этом и денег заробить?

ДОЛИНА. Знаешь, когда я на этом больше всего зароблю?

АРНОШТ. Когда?

ДОЛИНА. Когда подохну.

Молчание.

АРНОШТ. А что б ты себе купил, если б и вправду денег заробил?

ДОЛИНА. Я купил бы себе надгробный камень из золота и приказал бы высечь на нем какое-нибудь стихотворение Буковского[68]. *(Изрядно прикладывается к бутылке.)* Виски — бухло что надо.

АРНОШТ. Само лучшее. Которо?

ДОЛИНА. Что — которо?

АРНОШТ. Которо стихотворение Буковского?

ДОЛИНА. Еще не знаю… О жизни, которая — порядочная шлюха.

АРНОШТ. Это не годится. Писать на могиле стихи Буковского. Именно что Буковского…

ДОЛИНА. Да ведь это моя могила? Моя. Так что нечего тебе совать туда свой длинный нос.

Молчание. Пьют виски.

АРНОШТ. Ничего нету лучше, чем бухать в дому престарелых на лавочке. Никогда так добре не пилось. Сенегал.

ДОЛИНА. 9 093 000.

АРНОШТ. Куба.

ДОЛИНА. 10 951 000.

---

[68] Примечания: 68

Чарльз Буковски (1920–1994) — американский писатель, поэт, представитель так называемого «грязного реализма».

АРНОШТ. Как-нибудь я это все проверю.

ДОЛИНА. Проверяй на здоровье. Это чистая правда.

АРНОШТ. Никогда еще я не встречал такого, который бы знал наизусть число жителей в каждом государстве.

ДОЛИНА. Ну, всего я, конечно, не знаю, а не встречал ты никого такого потому, что придурков вроде меня больше нет.

АРНОШТ. Ты кретен. Сказал бы про это своему редактору, пускай бы о тебе написал.

ДОЛИНА. Это тайна… Ведь дело в том, что я могу теперь положиться только на цифры. И коплю их, потому что цифры будут Богом Третьей эры.

АРНОШТ. Чего?

ДОЛИНА. Третьей эры. До рождества Христова была первая эра, после него — вторая, а когда и она закончится, наступит третья эра.

АРНОШТ. А когда окончит эта, вторая эра?

ДОЛИНА. По радио говорили, что скоро.

АРНОШТ. Ты кретен.

ДОЛИНА. Я бы и рад был быть «кретеном», но сегодня это уже как-то не с руки. Это уже просто не модно. А вот из тебя мог бы быть совершенно выдающийся «кретен». *(Выпивает.)* Как идет работа над грандиозным музыкальным произве-

дением забытого виртуоза?

АРНОШТ. Стою на тэм же месте. Нет мотивации.

ДОЛИНА. А ты ее себе представь.

АРНОШТ. Любов нельзя представить.

ДОЛИНА. Что? Любовь — это все-таки не единственная мотивация.

АРНОШТ. Для мене — да.

ДОЛИНА. Ты старый, сентиментальный и склонный к патетике тип… Ну так влюбись в меня.

АРНОШТ. Ты уже не такой аттрактивный. На мой вкус, у тебе слишком висит кожа… А кроме того, очень уж смердит из рота, а это мне всегда страшно мешало при поцелуях. Это у тебе из-за той трубки.

ДОЛИНА. Так нам и не обязательно целоваться. Достаточно секса.

АРНОШТ. Не представляю себе секса без поцелуев.

Смеются и пьют.

ДОЛИНА. А я не представляю себе поцелуев без секса.

Темнота.

5

В кабинете ДУШАНА, психолога в этом же доме престарелых.

ДУШАН. Был здесь сегодня Эгон?

МАГДА. Был.

ДУШАН. Поскорее бы он закончил. Мне уже это перестает нравиться, я поступаю по-свински.

МАГДА. Почему по-свински?

ДУШАН. Сам не знаю, просто чувствую. Все это как-то неофициально.

МАГДА. Осталось три раза. Договаривались о пяти.

ДУШАН. Боюсь, что об этом разнюхают…

МАГДА. Не разнюхают. Не надо было вам давать ему разрешение, пан доктор.

ДУШАН. Да, не надо было. Но он меня уговорил. Он же мой приятель.

МАГДА. Не каждый дом престарелых может похвастаться такими знаменитыми пациентами… как пан Долина, правда?

ДУШАН. Магда, не болтай. Не болтай.

Молчание.

МАГДА. Пан доктор… Это страшный грех…

ДУШАН. Это? Грех?

МАГДА. Не это, я имею в виду — то… Даже не знаю, как мне теперь с вами держаться.

ДУШАН. Не понимаю, о чем ты говоришь, Магда. МАГДА. Ну, пан доктор. Простите, что говорю это вам… Но я должна об этом с вами поговорить. Нам не надо было этого делать… это страшный грех…

ДУШАН. Ничего серьезного не случилось. Самое обычное дело. Ничего страшного. Понимаешь, ничего. Я был пьян, ничего не соображал. Понимаешь? И если об этом кто-нибудь узнает, я все буду отрицать. Тебе никто не поверит. Я скажу, что ты все это выдумала, потому что сама хотела затащить меня в постель, а я тебя отверг. И теперь ты хочешь мне за это отомстить… Женщины часто так поступают.

МАГДА. Нет, вы бы так не сказали.

ДУШАН. Сказал бы.

МАГДА. Вы бы так никогда не сказали. Ведь это неправда.

ДУШАН. Я бы так сказал, и это была бы уже правда. Ты же знаешь, что я женат. Знаешь ты это?

МАГДА плачет.

А знаешь, что мы ждем ребенка? Знаешь ты это?

МАГДА кивает.

И ты хочешь разбить мне семью? Не можешь же ты быть такой бессердечной, чтобы разбивать мне семью. Вот это был бы страшный грех!

МАГДА садится, неподвижно смотрит в пространство заплаканными глазами, не веря, что ей все это не снится.

Найди себе наконец мужика. Тебе нужен мужчина, который будет делать тебе это регулярно, который будет ждать тебя после работы с зонтиком, ты пойдешь с ним на прогулку к реке, и вы будете держаться за руки… Лучше всего найти кого-нибудь из вашей же деревни. Понимаешь?!

МАГДА плачет еще громче.

И не реви мне тут. Не реви!

Темнота.

6

Квартира ЭГОНА и ТАМАРЫ. ЭГОН и ТАМАРА лежат в постели, накрытые одеялом. Слышны только звуки, сопровождающие старательное выполнение супружеских обязанностей. Вздохи и стоны выражают такое усердие, что звучат комично.

ЭГОН. Нет, я не могу. Просто не получается.

ТАМАРА. Ну и не важно.

ЭГОН. Важно. Не получается, и это важно.

ТАМАРА. Не важно.

ЭГОН. Я не могу на этом сосредоточиться. Понимаешь?

ТАМАРА. Я тебя не возбуждаю?

ЭГОН. Я сказал, что не могу сосредоточиться, а не то, что ты меня не возбуждаешь. Вот и все.

ТАМАРА. Ты слишком перегружен.

ЭГОН. Я всегда был перегружен и при этом мог заниматься любовью. А сейчас мне хочется куда-нибудь сбежать. Просто сесть на ближайший самолет и улететь куда-нибудь к чертям. Куда-нибудь за океан.

ТАМАРА. Я бы полетела с тобой.

ЭГОН. А я хотел бы улететь один.

ТАМАРА. А потом ты звонил бы мне, пинал бы

телефонную будку и кричал в трубку, что мне не надо было тебя отпускать, что ты отыщешь ближайший мост и бросишься в бурный поток. *(Пытается рассмеяться, чтобы разрядить напряженную атмосферу. Но ей это не очень удается.)*

ЭГОН. Это уж наверняка. Мне нужна смена обстановки. Нужно совершить какой-нибудь поступок. У меня в заднице закрутился пропеллер.

ТАМАРА. Давно что-то ты не говорил о пропеллере в твоей заднице.

ЭГОН. Это потому, что его там давно не было.

ТАМАРА. А сейчас он снова там?

ЭГОН. Сейчас он снова там. Вот, посмотри. *(Поворачивается к Тамаре задом.)*

ТАМАРА со знанием дела осматривает его. И только тогда они искренне смеются.

ТАМАРА. Мы могли бы сходить как-нибудь в лес. Держаться за руки и просто молчать. Мы давно уже там не были. А когда-то ходили.

ЭГОН. Для воспоминаний мы еще слишком мало времени вместе… Я должен писать, а не разгуливать по лесу. У меня голова буквально распухла от мыслей, и если я не высыплю все это наружу, то она просто треснет.

ТАМАРА. На радио все про тебя спрашивают.

ЭГОН. Скажи им, что я уже превратился в один насквозь прокуренный мозг. Или еще лучше — скажи, что на меня совершено покушение на самоубийство. *(Встает с постели и включает компьютер.)*

ТАМАРА поворачивается к нему спиной. Темнота.

7

ДУШАН, ДОЛИНА и АРНОШТ сидят на стульях, поставленных в кружок, лицом друг к другу. Рядом сидят и другие молчаливые фигуры, лишь чуть позднее можно понять, что это куклы в человеческий рост. Идет занятие с психологом, которое является в этом доме престарелых регулярным ритуалом.

ДУШАН. Вы должны четко сформулировать свою проблему, если хотите от нее избавиться. Вы должны раскрыться. Только повернувшись к своим переживаниям лицом, вы можете с ними справиться. Только назвав свою проблему. Многие из вас признались, что страх одиночества заставил вас прибегнуть к алкоголю… сделайте следующий шаг… попытайтесь сформулировать, что вы потом по вине алкоголя потеряли…

АРНОШТ. Я как-то раз, нажравшись, утерял кошелек.

ДУШАН. Я говорю серьезно.

АРНОШТ. Та и я говорю серьезно. У мене там было семсот крон на нотную бумагу. Только вдумайтесь, нотной бумаги на семсот крон…

ДОЛИНА смеется.

ДУШАН. Если вы не можете преодолеть барьер и быть искренними, попробуйте говорить о себе в третьем лице. Помните, как хорошо у вас получалось на прошлом занятии. Тем самым вы дистанцируетесь от собственной личности, от ego и будете считать, что говорите о ком-то другом, о ком-то, кого вы хорошо знаете, но при этом — не о себе самом. Вам будет легче говорить. Попробуйте сделать это. Вы должны выговориться, так вы справитесь со своими переживаниями и психическими барьерами.

Молчание.

Попробуйте сделать это.

ДОЛИНА. Ну, пипец, пан доктор, *он* не желает слушать ваши бредни. Понятно? Он нуждается в покое. Не больше и не меньше. *Его* уже тошнит от этой психологической терапии, которая все равно гроша ломаного не стоит. Я сюда больше не приду. Сегодня я здесь в последний раз.

АРНОШТ. Про это ты и в тот раз толковал.

ДОЛИНА *(обращаясь к Душану).* Вы что, всерьез думаете, что так вам удастся отсрочить старость? Отсрочить смерть? Ходите тут вокруг *него* на цыпочках, потому что все видели его по телевизору или потому что ваша мама обожала его

воскресные «Минуты поэзии»… А теперь вы считаете, что можете расположить его к себе этими стерильными советами?

АРНОШТ. Та ведь я и был-то на телевидении всего раз. Еще при коммуняках. В «Пионерской ласточке» детским хором дирижировал.

ДОЛИНА. Я о себе говорю.

ДУШАН. Продолжайте, пан Долина. Смело продолжайте в том же наступательном тоне.

ДОЛИНА. Пан доктор, *его* не интересуют и эти ваши режиссерские замечания. Ему тут уже все осточертело, он сидит тут только ради дочери, не ради себя и вовсе не из-за того, что ему некуда больше идти. Он согласился на эту тюрягу только ради дочери. И не нуждается ни в каких дискуссионных кружках, тем более таких нудных…

ДУШАН. Никто вас не заставляет участвовать в наших встречах, пан Долина. Вы все здесь добровольно.

ДОЛИНА. Ну да, конечно… Чтобы я сдох как можно скорее. Поглядеть на этих вот бедолаг, так кажется, что они уже давным-давно умерли. *(Озирается вокруг, глядя на куклы.)* Видите? Сидит там, на подоконнике, и точит косу…

АРНОШТ. Смерть?

ДОЛИНА. Смерть. Шикарная дама лет тридца-

ти с прекрасным телом, с вот такими грудями, попкой… ножками.

АРНОШТ. Смерть — мужчина.

ДОЛИНА. Так все пидоры говорят.

АРНОШТ. Это ты перегнул.

ДУШАН. Это вы немного, пан Долина, перегнули.

ДОЛИНА. Ничего я не перегнул. Все об этом знают. Я привожу только факты. Ничего больше. Это чистая, голая правда.

Молчание.

ДУШАН. Продолжим?

ДОЛИНА. Перебравшись сюда, он хотел тем самым излечить дочь от ненависти к нему. Но этого вам никогда не понять. Вы слишком молоды, неопытны и… холодны.

ДУШАН. Это вы-то говорите, что я холоден?

ДОЛИНА. Он пообещал ей, что переедет сюда, и вот он здесь. Хотя предпочел бы жить в простой палатке. Он никогда не перестанет пьянствовать, но, может быть, теперь она не будет его ненавидеть. Только потому он здесь. Других причин нет. Он уже кое-что повидал на этом свете, чтобы кое-что понять.

ДУШАН. А у вас нет ощущения, пан Долина,

что эта терапия оказывает на вас положительное воздействие? Вы кажетесь более спокойным и уравновешенным. Нет у вас такого ощущения?

ДОЛИНА. Не употребляйте такие высокие слова, как терапия… пан психолог… Арноштик, ты уж извини… *(Молчит.)*

АРНОШТ. Грубый ты человек… Я… то есть он, Арношт, как раз имеет такое ощущение, как вы говорите, господин доктор. Он чувствует себе лучше и уравновешеннее. Он начал снова сочинять, снова я себе… то есть он себе снова почувствовал среди людей… он рад быть тут… даже не знает, где бы был, если бы тут не был… не знает, есть ли место лучше для таких, как он…

ДУШАН. Раскройте нижний уровень подсознания и говорите свободно…

Загорается свет, на сцене появляются сразу все действующие лица пьесы. ТАМАРА сидит на кровати и курит, Эгон сворачивает самокрутку, Мать рисует на стекле, Отец пьет кока-колу, Магда смотрит в окно.

ТАМАРА. Она с Эгоном уже десятый месяц. Хотя никогда не верила в любовь по Интернету. Она любит его, но уже не ощущает к нему страсти. Знает, что их любовь перешла, как говорит Эгон, на другой левел, но она уже, наверно, этой любви

не чувствует. Потому что он ей ее не дает. Ей не нравится то, что он делает, это напоминает ей гробокопательство. Но у нее не хватает духу зайти к отцу и сказать ему об этом. Она знает, что отец согласился на дом престарелых только ради нее… чтобы простила… Но она не может забыть, как он мучил маму, которую так любила…

ЭГОН. Когда он курит травку, ему как-то легче… спокойнее… Конечно же, он нашел себе простую лазейку для бегства в никуда… И ничего больше. Он не знает, что с ним, подобие климакса или что-то другое, но больше всего ему хотелось бы зарыться поглубже в землю, денька так на два. Единственное, что его в данный момент занимает, — это старый Долина. Он чувствует, что из этого мог бы наконец получиться сюжет для хорошего сценария, и совсем не считает, что это гиенизм. Тамара слишком сентиментальна. А для него это просто поиск источника для вдохновения. Не больше и не меньше.

МАГДА. Ей очень стыдно за то, что она сделала. Не представляет, как ей теперь держаться. Но может, Господь Бог ее простит. Она не жалеет, что уехала из дому, иначе наверняка кончила бы как ее мать, бабка и прабабка. Ей уже не нравятся Иванчицы. Она их просто терпеть не может. А в

городе ей хорошо, пусть даже порой и одиноко. В ночное дежурство она обожает сидеть в чатах. Можно писать что захочешь. Анонимность ее прямо будоражит. Этим занимаются здесь все сестры, так что ничего плохого она не делает. Она в полном трансе оттого, что встретилась здесь с самим Долиной. Мать его обожает. Ей бы и в голову не пришло, что ее дочь Магда будет однажды подтирать за ним рвоту и укладывать его, пьяного, в постель…

МАТЬ. Стекло ее успокаивает. Оно всегда поддается теплу ее ладоней. Оно прозрачное и чистое, ей нравится придумывать разные фигуры и тонкой кисточкой наносить их красками на маленькие бутылочки. А самые красивые фигуры она увидела на флагах… в них такая красота, только мало кто ее замечает… Ее завораживает момент, когда мокрая краска блестит на бесцветном стекле и начинает медленно высыхать. С отцом они не особенно общаются, у того свой мир, ей неизвестный. Они стали чужими. Такова уж жизнь.

ОТЕЦ. Пойду лягу. Надо выспаться, завтра идти на выборы.

Темнота.

8

ЭГОН и ДУШАН сидят в пивной. Пьют пиво.

ДУШАН. Пора бы тебе это закончить, Эгон.

ЭГОН. Мы же договаривались — пять раз по двадцать минут.

ДУШАН. Да, знаю… но…

ЭГОН. Осталось всего два раза.

ДУШАН. Я чувствую себя каким-то Иудой. Ему ведь запрещены любые посещения. Из-за нарушений дисциплины и психической лабильности.

ЭГОН. Ты делаешь лишь то, что должен делать настоящий друг.

ДУШАН. Долина делает это ради Тамары, я делаю это ради тебя, а ты делаешь это ради кого?

ЭГОН. Ради себя.

ДУШАН. Все равно будет только еще один ненужный взлет. С еще одной твоей веточки. Ничего путного из этого не выйдет.

ЭГОН. Нет, выйдет. Я чувствую.

ДУШАН. Ты всегда чувствуешь одинаково.

ЭГОН. А на этот раз все по-другому.

ДУШАН. Да ты всегда говоришь, что по-другому. И точно так же всегда говоришь, что уж на

этот раз ты встретил ту самую, единственную и что любишь ее, как никого прежде…

ЭГОН. Слова убежденного представителя твердой линии.

ДУШАН. У меня сейчас нет настроения слушать твой бред, я говорю серьезно.

ЭГОН. И мы, представители цикличности, всегда говорим серьезно.

ДУШАН. Я не убежден, что именно так следует писать сценарий фильма.

ЭГОН. Потому что не разбираешься в этом.

ДУШАН. Если вдруг узнают, что я пускаю к нему постороннего человека с диктофоном…

ЭГОН. Брось этот официальный тон. Расслабься. Никакой я не посторонний человек. Я живу с его дочерью, а его психолог — мой лучший друг. Словом, семейное предприятие.

ДУШАН. Действительно, чего я волнуюсь… семейное предприятие. Да и что еще может работать в этом государстве!

ЭГОН. Ты же сам ходил на выборы. Наверно, за лучшее будущее проголосовал.

ДУШАН. Эгон, все же кончай с этим. Правда, наплюй. У тебя уже достаточно материала, делай с ним что хочешь, но меня ты реально подставляешь.

ЭГОН. А по-моему, тебя больше подставляют твои пьянки, после которых на пухленьких сестричек тянет…

ДУШАН. Что?

ЭГОН. …Потому что как молодожен, да еще и ожидающий пополнения семейства, ты стал вдруг как-то по-другому смотреть на вещи.

ДУШАН. Кто это тебе сказал?

ЭГОН. Фрейд.

ДУШАН. Ты что, мне угрожаешь?

ЭГОН. Слишком сильно сказано по отношению к другу, с которым ты гонял в футбол.

ДУШАН. Ну, снова завел свои гнусные, насквозь прокуренные речи. У тебя глаза уже продымились. И мозги тоже. Ты это понимаешь?

ЭГОН. Да, мамочка.

ДУШАН. Я говорю абсолютно серьезно. Ты уже переходишь все грани, понимаешь? У тебя уже от этой травки явная зависимость. И вообще, ты живешь не в реальном мире, а где-то параллельно. Делаешь все, что захочется, но смотри, тебе это однажды как следует аукнется.

ЭГОН. Это ты о божьих мельницах?

ДУШАН. Мудак ты. И плевал я на тебя.

ЭГОН. Не выкуришь косячок с мудаком?

ДУШАН. Я обещал Терезе, что через минуту

вернусь. Что мы только по кружке пива выпьем.

ЭГОН. Ты ей и в прошлый раз так говорил. Она не воспринимает это буквально, не бойся. Она же не дура.

ДУШАН. Вчера как раз я сказал ей, что она дура.

ЭГОН. Но красивая.

ДУШАН. И ты хорош.

ЭГОН. Так что, курнем?

ДУШАН. Не надо бы мне с тобой водиться.

ЭГОН. Так найди себе новых друзей. Только сейчас свободных уже нет. Все настоящие друзья давно заняты…

Смеются.

ДУШАН. Да, кореш, мы действительно — поколение.

ЭГОН достает пакетик с наркотиком. Темнота.

9

ТАМАРА говорит по телефону с ТЕРЕЗОЙ. ТЕРЕЗА расстроена.

ТЕРЕЗА. Вчера он сказал мне, что я дура.

ТАМАРА. Почему это?

ТЕРЕЗА. Потому, что я не пошла на выборы.

ТАМАРА. Вы что, из-за политики ругаетесь?

ТЕРЕЗА. Не ругаемся мы из-за политики. Он просто сказал мне, что я дура… потому что я не пошла на выборы. А ты ходила на выборы?

ТАМАРА. Ходила. Но это вовсе не означает, что я не дура.

ТЕРЕЗА. А за кого ты голосовала?

ТАМАРА. За левых.

ТЕРЕЗА. Это что, Мечьяр?[69]

ТАМАРА. Нет.

ТЕРЕЗА. Я в этом ничего не смыслю.

ТАМАРА. Да там нет никакой разницы.

ТЕРЕЗА. Я ведь все равно скоро в декрет уйду… А Эгон тоже ходил на выборы?

ТАМАРА. Ходил.

ТЕРЕЗА. И за кого он голосовал?

---

[69] Примечания: 69

Владимир Мечьяр (р. в 1942 г.) — словацкий политик и государственный деятель, в 1990–1998 годах — премьер-министр Словакии.

ТАМАРА. За правых.

ТЕРЕЗА. Нет. Я в этом совершенно ничего не смыслю. Понимаешь?

ТАМАРА. Что?

ТЕРЕЗА. Ну, что я в этом ничего не смыслю.

ТАМАРА. Понимаю. Никто в этом ничего не смыслит.

ТЕРЕЗА. Душан кажется мне каким-то странным.

ТАМАРА. Это нормально. Предродовой синдром.

ТЕРЕЗА. Да, наверно. А как у вас с Эгоном?

ТАМАРА. Что?

ТЕРЕЗА. В порядке?

ТАМАРА. В порядке.

ТЕРЕЗА. Правда?

ТАМАРА. А что, Душан что-то говорил?

ТЕРЕЗА. Что он мог сказать?

ТАМАРА. Да ничего.

ТЕРЕЗА. Может, встретимся? Мы уже давно не виделись.

ТАМАРА. Я просто не хотела тебе надоедать. Перед родами лучше тебе обойтись без стрессов.

ТЕРЕЗА. И я не хотела тебе надоедать. Все время себе говорила, что у тебя и своих проблем сейчас хватает…

ТАМАРА. Каких проблем?

ТЕРЕЗА. Ну… отец… Эгон…

ТАМАРА. Так что же тебе все-таки Душан говорил?

ТЕРЕЗА. Давай лучше встретимся.

Темнота.

10

В комнате ДОЛИНЫ, в доме престарелых. ЭГОН сидит за столом. Рядом стоит ДОЛИНА. На столе включенный диктофон.

ДОЛИНА. Нет здесь никакой сенсации. Просто в одно солнечное утро я проснулся и понял, что больше не хочу этим заниматься. Еще вечером, накануне, я был убежден, что профессия артиста — это мое единственное, абсолютное предназначение. Я чувствовал, как взволнованно дышит зрительный зал, когда я играю, не важно что. На улице я встречал своих горячих поклонников. Иной раз мне, например, говорили, что некий фильм гроша ломаного не стоит, но я, как всегда, их не разочаровал. Не разочаровал. Понимаешь… Правда, когда я сейчас об этом думаю… должен сознаться, такие странные нигилистические мысли преследовали меня уже за несколько лет до этого. Уже несколько лет я сознавал, что работа меня не удовлетворяет, не трогает. Что я уже не переживаю на сцене собственное рождение, как бывало прежде. И все равно каждый вечер я твердил себе про это самое предназначение. Кроме того, я стал испытывать какой-то необъяснимый страх.

ЭГОН. Страх чего?

ДОЛИНА. Страх чего? Не знаю. Просто абстрактное чувство страха. Беспокойство. Это каждому знакомо. У меня постоянно было ощущение, что на меня кто-то смотрит, что за мной кто-то следит. А я не могу спрятаться. Может, именно поэтому я стал пить.

ЭГОН. А обратиться к кому-нибудь не пробовали?

ДОЛИНА. Имеешь в виду — к какому-нибудь психологу? Пробовал. В первый и последний раз. Это, знаешь ли, как нарваться во время исповеди на плохого священника. Ты был когда-нибудь на исповеди?

ЭГОН. Нет, не был.

ДОЛИНА. Тебе когда-нибудь будет этого недоставать, да и всему твоему поколению. Мы перестаем исповедываться, очищаться, и поэтому копятся наши грехи… *(Машет рукой.)* А-а-а, да что там… это все сложно… Но когда на исповеди тебе попадется плохой священник, в тебе что-то блокируется. Точно так же было и с моим психологом. Я вдруг стал сознавать преходящесть, конечность всего, это ведь младшая сестра смерти… ее я тоже боялся. Жутко было привыкать к конечности. Да я так и не привык к

ней. Я боялся, что не выдержу, взорвусь… что не выдержат нервы. Что я выйду на сцену и скажу, что смертельно устал, что все это уже не приносит мне радости, как когда-то. Что я на самом деле просто втихомолку всех обманываю. Но при этом, что парадоксально, я продолжал получать от публики столько позитивной энергии… это был страшный парадокс… господи, столько энергии… и это каждый раз давало мне новые силы, ставило меня на ноги, пусть на минуту… пусть понапрасну… Я уже давно обманывал, а публика об этом даже не догадывалась… А потом наступило то утро… Не смотри на меня так… Это не было каким-то поражением под Ватерлоо… как раз наоборот, это было одно из самых спокойных и ясных мгновений моей жизни. Я вдруг ясно увидел всю мерзость, в которой жил и к которой, честно говоря, уже приспособился. И сам стал таким же мерзким. Мерзость. Это среда, которая оправдывает зло, измены, фальшь, зависть. Все можно объяснить тем, что артисты — существа тонко чувствующие и потому имеют право… Ни хрена! Все они лицемеры. Банда лицемеров, которые научились проживать свои театральные роли в реальной жизни…

ЭГОН. Можете рассказать об этом более кон-

кретно?

ДОЛИНА. Как — более конкретно? Хочешь, чтобы я назвал имена? Имена не важны, важны только цифры. Я выражаюсь так, как хочу. Если тебе кажется это недостаточно конкретным, можешь уходить.

ЭГОН. Извините.

ДОЛИНА. Я не смог подняться надо всем этим иначе, как продравшись через горлышко водочной бутылки. А оттуда я вдруг увидел все по-другому. Тоже парадокс. Мне пришлось уйти. Не было другого выхода, кроме как решительно сжечь все мосты и разорвать все связи. Было очень больно, как получить ножом под ребра, но на свете есть вещи и похуже. Лучше уж вот так, сразу, чем медленно и постепенно… Это, знаешь ли, как с умиранием. Мне пришлось даже бросить преподавание, потому что я понял, что не могу учить. Я не хотел примириться с тем, что учу кого-то, кто будет лучше меня. Я передавал этим ребятам не себя, а идеальное представление о себе.

ЭГОН. Но ведь вами все восхищались. Уважали вас. Студенты за вас горой стояли… Молодые артисты до сих пор вас любят…

ДОЛИНА. Ну и передавайте им привет… Бедня-

ги. Они живут в совершенно дегенерированном мире. И знаешь, почему он дегенерированный?

ЭГОН. Не знаю.

ДОЛИНА. Потому, что здесь каждый каждого имеет. Это можешь спокойно написать там у себя слово в слово. *(Выключает диктофон.)* Чтобы между нами было ясно, без всяких иллюзий… я болтаю тут с тобой только ради моей дочери. Хочу, чтобы она простила меня за то, что я ее во все это втянул. За то, что испортил ей жизнь. Передай ей, что я ее люблю и был бы рад, если бы она пришла меня навестить.

ЭГОН. Я передам ей.

ДОЛИНА. Как она поживает?

ЭГОН. Дела у нее в порядке.

ДОЛИНА. Я спрашиваю не как у нее дела, а как она поживает.

ЭГОН. Думаю, хорошо.

ДОЛИНА. Говоришь не слишком неубедительно.

ЭГОН ставит на стол бутылку виски. Собирается уходить.

ЭГОН. Спасибо вам.

ДОЛИНА. Даешь мне бутылку, да еще и благодаришь? ЭГОН. За то, что нашли для меня время.

ДОЛИНА. У меня его прорва… Не знаю, куда и

девать. Обращайся с Тамарочкой хорошо. Рядом с ней должен быть хороший мужчина, получше, чем был я...

ЭГОН стоит, не зная, что сказать.

ЭГОН. Я передам ей от вас привет.
ДОЛИНА. Салют!

ЭГОН уходит. ДОЛИНА остается один, набивает трубку и смотрит в окно. Темнота.

11

В квартире ДУШАНА и ТЕРЕЗЫ. ТЕРЕЗА стоит перед зеркалом и смотрит на свой все более увеличивающийся живот.

ТЕРЕЗА. Ты меня любишь?

ДУШАН. Что?

ТЕРЕЗА. Я спрашиваю, ты меня любишь?

ДУШАН. Конечно, я тебя люблю.

ТЕРЕЗА. Ты уже давно не говорил мне этого сам. Что происходит?

ДУШАН. Я просто устал. Что такого может происходить?? Я слишком много на себя взвалил. Не справляюсь. Мне даже кажется, что я взялся не за тот конец.

ТЕРЕЗА. «Что я взялся не за тот конец…»

ДУШАН. Тебе нужно это повторять?

ТЕРЕЗА. Не нужно… Как дела у Долины?

ДУШАН. Думаю, он очень страдает. Не нужен ему никакой дом престарелых, никакой присмотр…

ТЕРЕЗА. А что ему нужно?

ДУШАН. Что ему нужно? Любовь, если тебе это что-нибудь говорит.

ТЕРЕЗА. Одна девочка, которая совсем недавно

пришла в наше агентство, говорила, что он клеил ее пару лет назад на какой-то тусовке.

ДУШАН. Ну и что?

ТЕРЕЗА. Говорит, он был большим бабником. Как все артисты.

ДУШАН. Мне все равно, Тереза. Меня не интересуют тупые россказни каких-то тупых моделей.

ТЕРЕЗА. Так я, по-твоему, тупая?! Только потому, что я — модель?

ДУШАН. Я этого не говорил… Просто ты вращаешься в своем тупом обществе…

ТЕРЕЗА. А тупость очень заразна… ты это уже говорил. Причем совсем недавно.

Молчание.

ДУШАН. Ты думаешь иногда об Эгоне?

ТЕРЕЗА. Что?

ДУШАН. Я спрашиваю, думаешь ли ты иногда об Эгоне? Именно это я и хочу знать. Думаешь ли ты иногда о своем бывшем партнере? Вы ведь были вместе больше трех лет. Это долгий срок.

ТЕРЕЗА. Ты никогда не спрашивал меня про Эгона.

ДУШАН. Я спрашиваю тебя сейчас.

ТЕРЕЗА. Я не могу об этом говорить. И не хочу.

ДУШАН. Ты думаешь о нем постоянно?

ТЕРЕЗА. Что это пришло тебе в голову? Что с тобой?

ДУШАН. Вы ведь расстались по телефону, даже как следует об этом не поговорили.

ТЕРЕЗА. Я любила тебя. И рассталась с ним из-за тебя.

ДУШАН. Почему?

ТЕРЕЗА. Потому, что влюбилась в тебя. Вот почему. Боже мой, ведь это давно в прошлом!

ДУШАН. И ты думаешь, все так просто? Говоришь кому-то на протяжении трех лет, что он — мужчина всей твоей жизни, что ты хочешь иметь с ним семью, прожить с ним всю жизнь, а потом вот так, просто, влюбляешься в кого-то другого?! И выходишь за него замуж, ждешь от него ребенка… Это что, по-твоему, вполне нормально??

ТЕРЕЗА. О чем ты говоришь?! Моя история с Эгоном уже в прошлом. У каждого есть свое прошлое. И у тебя тоже.

ДУШАН. Но ваша история не была закончена.

ТЕРЕЗА. Я не буду с тобой это обсуждать, Душан.

ДУШАН. Эгон несчастлив с Тамарой. Ни с одной женщиной в жизни он не был счастлив. Только с тобой.

ТЕРЕЗА. Да что происходит?..

ДУШАН. Он сам мне это сказал. Единственное счастье, которое он испытал… была ты. Он все еще любит тебя. И вы идеально подходили друг другу. Вы оба были просто как одно целое… Он — ночь, ты — день… Он — свет, ты — тьма.

ТЕРЕЗА. Зачем ты меня мучаешь?

ДУШАН. Я только говорю правду. Ты же — убежденный последователь философии «правдизма», считаешь, что правда всего одна, а остальное — ложь. Вот я и хочу брызнуть тебе в лицо этой единственной правдой. Хотя предпочел бы брызнуть тебе туда чем-то совсем иным…

ТЕРЕЗА. Что?..

ДУШАН. Ты постоянно говоришь мне, что хочешь полной искренности в наших отношениях.

ТЕРЕЗА. Я этого не понимаю. И мне нельзя волноваться.

ДУШАН. Чего ты не понимаешь? Правды?

ТЕРЕЗА. Тебя.

Молча смотрят друг на друга. Темнота.

12

У родителей ЭГОНА. ЭГОН и МАТЬ сидят за столом на кухне.

МАТЬ. Я приготовила кислый фасолевый суп. Будешь?

ЭГОН. Кислый фасолевый суп буду.

МАТЬ наливает ЭГОНУ кислый фасолевый суп.

МАТЬ. Ты давно у нас не был.

ЭГОН. Некогда было. У меня работы много.

МАТЬ. Тебе надо бы работать в одном месте, если не хочешь заболеть. А так ты надорвешься.

ЭГОН. Мне это вполне подходит.

МАТЬ. В том-то и дело… Тебе это подходит. А вот я всегда находила время для родителей.

ЭГОН. Если ты хочешь поговорить на эту тему, я могу сразу же уйти.

МАТЬ. Ты эгоист.

ЭГОН. Всего хорошего. Привет отцу. *(Встает.)*

МАТЬ. Ты куда уходишь? А это я кому наливала? *(Стоит с тарелкой супа в руках, ставит ее на стол.)*

ЭГОН. Никуда я не ухожу. *(Начинает есть суп.)* Не слишком ли в нем много фасоли?

МАТЬ. Так ведь он фасолевый.

ЭГОН. Но мне кажется, в нем фасоли больше, чем обычно. Буду потом пукать.

МАТЬ. Пукать полезно.

ЭГОН хлебает суп.

ЭГОН. Где отец?

МАТЬ. Да где же ему быть?

ЭГОН. Он все еще туда ходит?

МАТЬ. Ходит. Сегодня утром я сказала ему, что это уже ненормально и что пора ему обратиться к врачу.

ЭГОН. И что он тебе ответил?

МАТЬ. Что рисовать на бутылочках флаги государств тоже не кажется ему признаком здоровья и что он обратится к врачу сразу же после меня.

ЭГОН. Он произнес такую длинную фразу?

МАТЬ. Я тоже удивилась. К тому же у него ухудшается слух. Он глухой как пень. И его отец, твой дедушка, тоже был глухим как пень. И ты когда-нибудь тоже будешь глухим как пень.

ЭГОН. Но отец был все же немного прав, мама. Относительно этих флагов. Это тоже не совсем нормально. Твое хобби.

МАТЬ. Люди их покупают, нам это неплохо помогает финансово, ведь на две пенсии не про-

живешь. Понимаешь? Это простой денежный расчет.

ЭГОН. Что ты сейчас рисуешь?

МАТЬ. Руанду. Красная, желтая и зеленая полоса, на желтой — большое черное «R».

ЭГОН. А что ты будешь делать, когда нарисуешь все флаги?

МАТЬ. Начну сначала.

С улицы приходит ОТЕЦ. Складывает зонтик. Последующие реплики в диалоге из-за глухоты он будет произносить громче, чем его собеседники.

Когда ты, наконец, запомнишь, что мокрый зонт в кухню не носят?

ОТЕЦ. Только после смерти.

ЭГОН. Привет, отец.

ОТЕЦ. Салют. Я думал, ты уже умер.

МАТЬ. Что за юмор у тебя…

ЭГОН. А мне это кажется остроумным.

ОТЕЦ. Что??

ЭГОН *(громче).* Говорю, что ты меня этим позабавил.

ОТЕЦ. Потому я это и сказал.

ЭГОН. Ты был на вокзале?

ОТЕЦ. На вокзале.

ЭГОН. Даже когда идет дождь?

ОТЕЦ. И когда дождь, и когда снег, и когда мороз.

МАТЬ. И когда светит солнце, и когда дует ветер, и хоть трава не расти.

ОТЕЦ. Не используй метафоры.

ЭГОН. С каких пор тебе мешают метафоры?

ОТЕЦ. Что ты говоришь?

ЭГОН. Говорю, с каких пор тебе мешают метафоры?

ОТЕЦ. Всю жизнь мешают. Выражаться нужно четко.

МАТЬ. Эгон тоже сказал, что это твое занятие — признак нездоровья.

ЭГОН. Мама, я этого не говорил.

МАТЬ. По-моему, человек, который ходит на перрон центрального вокзала и полдня сидит там и смотрит на приходящие и уходящие поезда, не может быть нормальным. И его не оправдывает даже то, что он сорок лет был железнодорожником.

ОТЕЦ. Я смотрю не на поезда, я смотрю на приезжающих и уезжающих людей. Раз уж сам я за всю жизнь задницы из этой дыры не вытащил, так хоть на людей с дорожными сумками посмотреть хочу. Но тебе этого никогда не понять.

МАТЬ. Это за сегодняшний день вторая длин-

ная фраза. Наверно, не к добру.

ЭГОН. А ты не хочешь перебраться в аэропорт, отец?

МАТЬ. Юмор у вас какой-то одинаковый, мальчики. Можете пожать друг другу руку.

ЭГОН подает отцу руку.

ОТЕЦ. Ты что, уже уходишь?

ЭГОН. Действительно, глухой как пень.

МАТЬ. Вот и я говорю, глухой как пень… *(Кричит отцу.)* Думаешь, я рисую флаги просто так? Я этим немножко компенсирую себе то, что тоже за всю жизнь не вытащила задницы из этой дыры.

ЭГОН. Так поезжайте куда-нибудь… сейчас это уже можно…

МАТЬ. А на что, сынок? У нас и накоплено-то едва-едва на похороны…

ОТЕЦ. Я предлагал, чтобы мы эмигрировали. В Канаду.

МАТЬ. Так нас там и ждали… Да и Мишко был тогда маленький… Нельзя было…

ЭГОН. Не называй меня Мишко, мама.

ОТЕЦ. Все было можно.

ЭГОН. Вы обсуждали это уже сто раз, и все напрасно.

МАТЬ. Я ничего не обсуждаю… и не хочу уже

жить с человеком, который в старости проводит время на вокзале или в букмекерской конторе. Вместо того чтобы проводить его со своей женой.

ОТЕЦ. А что я, должен смотреть, как ты рисуешь Марокко на бутылочке?

МАТЬ. Вот видишь, Марокко я еще не рисовала. *(Ищет в атласе флаг Марокко.)*

ОТЕЦ. В один прекрасный день я сяду в такой вот поезд. С полным чемоданом денег, который я понесу прямиком из букмекерской конторы.

МАТЬ. А я тогда нарисую себе на лицо флаг Уганды, пойду в этом макияже в торговый центр «Теско» и буду там кричать во все горло: «Уганда, вперед!»

ЭГОН. А как спортлото? Не удалось выиграть?

ОТЕЦ. Все одно и то же. Иногда выходит четвертый, иногда пятый результат.

МАТЬ. Общий выигрыш за тридцать два года — около десяти тысяч крон. А вложено раз в сто больше.

ОТЕЦ. Не драматизируй.

МАТЬ. В игре тебе не везет, в любви тоже… на тебя эта поговорка что-то не распространяется.

ОТЕЦ. Терпеть не могу поговорки. В этом супе слишком много фасоли.

МАТЬ. Это потому, что он фасолевый.

ОТЕЦ. Но тут ее слишком много. Всю ночь буду пукать. МАТЬ. Я уже привыкла.

ЭГОН. Я принес спрей для освежения воздуха. С запахом лимона.

Тишина. Семья молча ест.

МАТЬ *(смотрит в атлас).* Это Марокко совсем простое… Все красное… Посмотри.

ЭГОН. Мама… я ведь ем…

МАТЬ. Жениться не собираешься?

ОТЕЦ. Ты что, жениться собираешься?

ЭГОН. Не собираюсь.

МАТЬ. Почему ты не приведешь эту девушку сюда, хотя бы показать. Ведь вы вместе уже почти год!

ЭГОН. Чтобы ты меня потом не упрекала, что уже к ней привыкла.

МАТЬ. Когда — потом?

ЭГОН. Когда я с ней расстанусь.

ОТЕЦ. Ты хочешь с ней расстаться?

ЭГОН. Не хочу.

МАТЬ. А с Даринкой ты встречаешься?

ЭГОН. Нет.

МАТЬ. Я ее видела недавно по телевизору.

ЭГОН. Ну и что?

МАТЬ. Ничего. Я только говорю, что видела ее

по телевизору. Она пела там песенку.

ЭГОН. Певицы обычно поют песенки, мама.

МАТЬ. И с Петрушкой не встречаешься?

ЭГОН. Нет.

МАТЬ. Мне она нравилась больше всех.

ОТЕЦ. Что нравилось?

МАТЬ. Говорю, из всех бывших нашего Мишки мне больше нравилась Петра.

ОТЕЦ. У нее были видны десны, когда она смеялась. Прямо как у кобылы. А мне больше всех нравилась Бетка.

МАТЬ. И как у вас, получается?

ЭГОН. Что — получается?

МАТЬ. Ну… это…

ЭГОН. Секс?

МАТЬ. Не секс. А так вообще. Отношения.

ЭГОН. В рамках нормы.

МАТЬ. Тебе ведь скоро тридцать. Ты это понимаешь?

ЭГОН. Что ты имеешь в виду?

МАТЬ. Что тебе пора завести семью. Остепениться. А нам с отцом уже хотелось бы понянчиться с внуками. Правда, отец?

ОТЕЦ. Что — правда?

МАТЬ. Что мы понянчились бы с внуками.

ОТЕЦ. Твоя-то — беременная, что ли?

ЭГОН. Не беременная.

МАТЬ. А старый Долина все еще в психушке?

ЭГОН. Я тебе миллион раз говорил, мама, что он не в психушке, а в доме престарелых.

МАТЬ. Я все время это путаю.

ОТЕЦ. А ты не только это путаешь.

МАТЬ. То, что тебе надо, ты слышишь… Кто же в этом разберется? Он ведь был и в психушке, и в противоалкогольной лечебнице…

ЭГОН. А сейчас он в доме престарелых. Вот видишь.

МАТЬ. Да уж, натерпелся он… А Тамара как к этому относится?

ЭГОН. Что — как относится?

МАТЬ. Ну, к тому, что у нее отец в богадельне.

ЭГОН. Не знаю, мама. У меня никогда не было отца в богадельне.

ОТЕЦ. Все эти артисты только и знают, что пьянствовать. Ничего не делают, только пьянствуют. А кто помоложе, так еще и наркотики принимают.

МАТЬ. Ты не принимаешь наркотики?

ЭГОН. Мама, я тебя умоляю… Я беру у Долины интервью. Собираю материал для сценария.

ОТЕЦ. У этого коммуниста ты материал собираешь?

ЭГОН. А что тут общего? Он был в партии, иначе не смог бы играть.

ОТЕЦ. Так лучше бы и не играл. Коммуняки продажные. Надеюсь, ты за них не голосовал?

ЭГОН. А если бы и голосовал, так что? Уже нельзя было бы и фасолевого супа тут поесть?

ОТЕЦ. Нельзя. Свиньи, испортили мне всю жизнь. Долине и ему подобным зад лизали, а мне всю жизнь испортили… После них у меня остались вот эти мозоли и голая задница. А теперь они встают из мертвых.

Реплика ОТЦА звучит неожиданно серьезно. Никто не реагирует.

МАТЬ. Так передавай от меня привет пану Долине, скажи, что я никогда не забуду, как он играл в том сериале… того учителя, который влюбился в ту свою ученицу… ну, как это называлось… которую потом из школы выгнали…

ОТЕЦ. Ее не выгнали, она сама ушла. И правильно сделала…

МАТЬ. Выгнали ее… она еще сидела там на лестнице и ужасно плакала, а потом пришел Долина и стал ее утешать… господи, да как же это называлось?

ОТЕЦ. Она ушла добровольно, говорю тебе… потому что не хотела его мучить… этого комму-

ниста…

МАТЬ. Не ушла бы она добровольно, она же его любила… ну, прямо вертится на языке…

ОТЕЦ. Вот именно потому и ушла добровольно, что его любила… хоть и не понимаю, за что…

ЭГОН. Ладно, пока. Мамочка, мерси за фасолевый суп.

МАТЬ. Да как же оно называлось?

ЭГОН. «Все мы ходим в школу».

МАТЬ. Да нет, это было совсем про другое… чуть-чуть только напоминало… снова я не засну, пока не вспомню… И отец будет пукать… ну и ночка будет…

ЭГОН. Не одно, так другое… Мне тоже не спится. *(Уходит.)*

ОТЕЦ. Он вроде как похудел?

МАТЬ на его родительский вопрос не отвечает, прикусывает нижнюю губу и хлопает себя ладонью по голове, пытаясь вспомнить название сериала. Темнота.

13

В доме престарелых. Комната ДОЛИНЫ. МАГДА убирает комнату, ДОЛИНА стоит у окна и с нескрываемым интересом за ней наблюдает. Курит трубку.

МАГДА. Что вы так на меня смотрите, пан Долина?

ДОЛИНА. Мне всегда нравилось смотреть на красивые вещи.

МАГДА. Но я — не красивая вещь.

ДОЛИНА. Вы не красивая вещь. Вы красивая женщина, Магда

МАГДА. Если не учитывать лишние килограммы, правда?

ДОЛИНА. Лишние килограммы не играют роли… и они вам идут… Вы меня возбуждаете.

МАГДА. Что, простите?..

ДОЛИНА. Говорю, что вы меня возбуждаете, Магда.

МАГДА. Как это я вас возбуждаю?

ДОЛИНА. Как женщина может возбуждать мужчину.

МАГДА. Вы меня смущаете, пан Долина. Не знаю, что вам на это и сказать.

ДОЛИНА. И притягиваете… я размышляю, как бы сорвать с вас одежду и изнасиловать вас. Ну, конечно, если у меня еще встанет.

МАГДА неуверенно смеется. Она растеряна и совершенно сбита с толку.

Я серьезно. Разденься!

МАГДА. Но пан Долина…

ДОЛИНА. Тогда сделай это хотя бы рукой. Послюнявь ее и давай…

МАГДА. Ну, это уже, знаете ли…

ДОЛИНА. Что, я лишаю тебя иллюзий о себе?

МАГДА. Я вас так люблю, и моя мать вас любила, все вас любят, но…

ДОЛИНА. Но…

МАГДА. Так со мной, пожалуйста, не разговаривайте.

ДОЛИНА подбегает к ней, грубо хватает за горло и в упор смотрит ей в лицо.

ДОЛИНА. А ведь в конце концов все обстоит совершенно по-иному, Магда. Запомните это. Ненавижу все жизненные правила, но это меня никогда не подводило. Все обстоит совсем по-иному, не так, как вам представляется или как должно быть… Это одна из бескомпромиссных

вечных истин. *(Отпускает ее, аплодирует, обычным тоном.)* Конец этюда.

МАГДА. Какого этюда?

ДОЛИНА. Я проверял, смогу ли я еще что-нибудь сыграть.

МАГДА. Вы все это просто играли?

ДОЛИНА. Не играл… Пробовал сыграть…

МАГДА *(с облегчением смеется).* А я-то подумала… я испугалась… что вы это… всерьез…

ДОЛИНА. Вы нетребовательный зритель. Прототип зрителя нашей эпохи.

МАГДА. Вы нехорошо себя чувствуете?

ДОЛИНА. Я отлично себя чувствую… Но сыграл я, вероятно, не самым лучшим образом…

Молчание, издалека доносятся звуки рояля.

МАГДА *(чтобы замять неловкость).* Сегодня пан Арношт играет прекрасно.

ДОЛИНА. Наверно, снова нашел музу. Вы, случайно, вместе душ не принимали?

МАГДА. Пан Долина… не надо больше играть…

ДОЛИНА. Ладно, не буду. Покажи свои сиськи.

МАГДА. Пан Долина!!

Молчание.

МАГДА. Я-то вряд ли могла бы стать музой пана

Арношта… Я вас давно хотела спросить… что, он на самом деле… ну, вы знаете… это, конечно, его дело, и я никак не хочу вмешиваться… но… он — этот?..

ДОЛИНА. Гомосексуалист? Да, на самом деле гомосексуалист. А вам это кажется странным? Гомик, пидор, голубой…

МАГДА. Нет, мне это не кажется странным… просто…

ДОЛИНА. Просто?

МАГДА. Просто я не привыкла к такой открытости в этих интимных вещах… Не говорите ему, пожалуйста, что я у вас об этом спрашивала.

ДОЛИНА. Почему? Вы же ни о чем плохом не спрашивали.

МАГДА. Ну, пожалуйста, не говорите ему.

Входит АРНОШТ.

ДОЛИНА. Сестра Магда удивляется, что ты голубой.

МАГДА. Пан Долина!

АРНОШТ. Я — голубой еврей. Худшая из возможных комбинаций.

ДОЛИНА. Лучшая! Все двери этого мира сами распахнутся перед тобой.

МАГДА. До свидания, и простите, что я…

ДОЛИНА. Сердитесь на меня? За то, что я поставил вас в неловкое положение? Проговорился, о чем не следует? Не надо было мне этого говорить. Не надо было мне доверять… А я еще и о вас с доктором рассказал…

МАГДА. Что?

ДОЛИНА. Если хотите сохранить тайну, никогда ничего никому не говорите. Никому. Можете быть уверены, все, что вы скажете одному человеку, когда-нибудь узнают и другие… Тайна всегда касается лишь одного-единственного человека! Потому-то она и тайна. Тайну просто нельзя никому доверять…

МАГДА в смущении выходит из комнаты.

АРНОШТ. Очен уж ты с ней суров.

ДОЛИНА. Мне она очень нравится, потому я с ней и очен суров. Пусть привыкает к жизни.

МАГДА неожиданно возвращается.

МАГДА. Не думайте, пан Долина, что вы такой необыкновенный и имеете право обижать других. Вы бестактный, невоспитанный и бесчувственный человек. Вы считаете, что вам все можно, что вы этот… избранный. А на самом деле вы обыкновенный алкоголик и грубиян. Вы

все время только себя показываете. Даже перед самим собой играете. Вы меня страшно разочаровали. Страшно. Я вам верила!

ДОЛИНА. А теперь уже не веришь?

МАГДА. Не верю.

АРНОШТ. Не суди по одному листу об все дерево.

МАГДА уходит.

ДОЛИНА. Это ты хорошо сказал. Непонятно только, что ты имел в виду.

АРНОШТ. Португалия.

ДОЛИНА. 9 927 560.

Темнота.

14

Сон. ЭГОН стоит в телефонной будке и взволнованно говорит. Он кричит и пинает ногой холодный металл, издающий гулкие звуки.

ЭГОН. Ты не должна была отпускать меня одного, понимаешь?! У меня нет никакого пропеллера, это все какие-то мои болезненные галлюцинации… Сейчас отыщу ближайший мост и брошусь с него в бушующую реку… давно уже надо было это сделать… когда меня выловят, у меня в кармане будет для тебя подарок… это не съедобное… пусть меня потом сожгут… и… развей меня по ветру…

ТАМАРА *(только ее голос).* Эгон… Эгон, милый, успокойся…

Темнота.

15

ЭГОН и ТАМАРА лежат дома в постели, ЭГОН кричит во сне, ТАМАРА его успокаивает.

ЭГОН *(во сне).* Ты не должна была меня отпускать… тебе надо было привязать мне на ногу железную гирю… прибить меня к полу… и быть рядом… ты должна быть рядом со мной…

ТАМАРА *(нежно гладит его по голове).* Эгон… что с тобой?

ЭГОН *(пробуждается, какое-то время молчит, переходя из подсознания в сознание, вытирает пот).* Черт, надо что-то с собой делать… У меня постоянно плавятся мозги. Non stop. В непрерывном режиме… Круглые сутки.

ТАМАРА. Тебе надо больше бывать со мной.

ЭГОН. Я что, кричал?

ТАМАРА. Но мне это было приятно.

ЭГОН. Надеюсь, я не перебудил весь дом… *(Закуривает сигарету и выходит на балкон.)* Этот город я начинаю любить только ночью. Когда его не видно.

ТАМАРА. Ты меня любишь?

ЭГОН. Даже не знаю, что бы я без тебя делал.

ТАМАРА. Был бы с кем-нибудь другим.

ЭГОН. Был бы один. Без тебя я привык бы к одиночеству… может, до конца жизни.

ТАМАРА. Тебя бы наверняка кто-нибудь нашел. *(Усмехается.)* Ты слишком дефицитный товар…

ЭГОН. Ты для меня все, Тамара. Я хотел бы, чтобы ты превратилась в голубиное перышко, а я мог бы держать тебя на ладонях.

ТАМАРА. А если бы подул ветер?

ЭГОН. Я сделал бы из ладоней кирпичный дом… Нет… я превратился бы в парусник, а ты — в парус…

ТАМАРА выходит вслед за ним на балкон, обнимает его.

ТАМАРА. Я рада, что ты у меня есть.

ЭГОН. Даже если я — гиена?

ТАМАРА. Просто мне действительно не нравится история с отцом. Такое чувство, будто… будто мы грабим его могилу…

ЭГОН. Ты бы зашла к нему. Он постоянно о тебе спрашивает. Он любит тебя.

ТАМАРА. Не могу. Я пока не в силах это сделать. Достаточно того, что я иногда ему звоню. Как он к тебе относится?

ЭГОН. Как к человеку, которого прислала его любимая дочь, и он думает, что если наговорит

ему пару фраз на микрофон… она его простит.

ТАМАРА. Мне нечего ему прощать… все это так сложно. У меня возникает чувство, будто я хочу его нарочно еще немного помучить. Он этого заслуживает.

ЭГОН. Не знаю, что тебе на это сказать. Я пытаюсь понять.

Молчание.

Мне сегодня звонил Михна.

ТАМАРА. Какой Михна?

ЭГОН. Мы знаем только одного Михну. Долгие годы влюбленного в тебя директора «Радио B13». Мужика с огромными руками и громким смехом…

ТАМАРА. И что ему было нужно?

ЭГОН. Чтобы я вернулся на радио. Говорил, что я опять мог бы делать какую-нибудь программу. Что пора нам забыть о прошлых грехах и ошибках и начать все сначала. Что тогдашнее увольнение было непродуманным шагом, что он поддался эмоциям… а теперь пропустил все через сознание, и так далее. Наверно, слышал эту фразу в каком-то фильме.

ТАМАРА. Ну и?..

ЭГОН. Что — и?

ТАМАРА. Что ты ему сказал?

ЭГОН. Что я еще подумаю… Он наверняка снова сделал это только ради тебя. Чтобы тебя задобрить. Меня-то он считает скурившимся идиотом и алкоголиком и вовсе не воспринимает как равноправного партнера. И никогда не будет воспринимать… и слава богу… Все они стараются только ради тебя, ты же просто роковая женщина. Понимаешь?

ТАМАРА. Тебе надо было бы согласиться. Ради себя.

ЭГОН. Я подумаю. Что там нового?

ТАМАРА. Все одно и то же. Мы постоянно в один голос ругаем Михну, но при этом послушно создаем для него самое рейтинговое радио в республике.

ЭГОН. Ты замечательная, мне очень нравится тебя слушать, работаешь отлично.

ТАМАРА. Мы давно так с тобой не разговаривали… правда?

ЭГОН. Сегодня полнолуние, в этом-то все и дело.

ТАМАРА. Мог бы уже подняться ветер.

ЭГОН. Зачем?

ТАМАРА. Чтобы я могла проверить, совершится ли это чудо с парусником и парусом… *(Нежно*

приникает к нему.)

ЭГОН. Чудеса совершаются постоянно. Жаль только, что полнолуние случается не каждый день.

ТАМАРА. К тому же сегодня среда. Знаешь, что надо делать в среду? (*Улыбается.*)

ЭГОН. Мне нужно еще немного поработать. Завтра сдавать кое-какие материалы.

ТАМАРА. Мы давно не занимались любовью.

ЭГОН. Извини.

ТАМАРА. Ничего, все в порядке.

ЭГОН. Думаю, что нет.

ТАМАРА. Одни мои знакомые ходили в консультацию, у них тоже были какие-то проблемы.

ЭГОН. Так и не говори, что все в порядке, раз у нас такие большие проблемы, что нужно рассказывать о них какому-то извращенцу в консультации.

ТАМАРА. Спокойной ночи. *(Ложится в постель.)*

ЭГОН не отвечает, закуривает еще одну сигарету.

ЭГОН. Мы могли бы заглянуть к нашим… Они хотели бы тебя уже видеть. Не только слышать.

ЭГОН гасит сигарету и ныряет к ТАМАРЕ под одеяло.

ТАМАРА. Ты говорил, что идешь работать.

ЭГОН. А ты говорила что-то о любви… Что в среду надо…

ТАМАРА не реагирует.

Почему ты все время это программируешь? Попробуй просто положиться на нечто иное, а не на какой-то дурацкий договор… Когда ты пытаешься выдавливать прыщи у меня на спине, ты же не нуждаешься в планировании… ты делаешь это спонтанно…

Молчание.

ЭГОН. Ты со мной не разговариваешь?

ТАМАРА. Я сплю.

ЭГОН встает с постели и включает компьютер. Темнота.

16

В доме престарелых. ДУШАН сидит в помещении, где проходят занятия.

ДУШАН. Он запрограммировал свое будущее в соответствии с действующими координатами текущей эпохи. Ему казалось, что так проще и удобнее, чем метаться в неопределенности, которую его поколение считало мощным оружием борьбы с магистральным направлением развития. Свое богемное окружение он променял на надежный фундамент стабильной работы, против чего бунтовал в студенческие годы. Он привык к крепостным стенам своей жизни и не стремится выбраться за их пределы, а редкие попытки пробить их головой считает скорее нелепыми выходками подсознания. Или, как он сам это называет, периодическими телефонными звонками из прошлого. Он так долго воевал со всякими малодушными типами, что сам стал одним из них. В практику и в семью он влетел так стремительно, что не успел в полной мере убедиться, на верный ли путь он встал. Работа, которую он выполняет, не приносит ему спо-

койствия и удовлетворения. Он не определил своего отношения к ней, как и к людям, которых он должен лечить, поскольку не определил своего отношения к самому себе. Он живет в эпоху отсутствия отношений и является ее покорным рабом. Он ощущает себя птицей, которая после первой же удачной попытки полета уже не возвращается в родное гнездо, забыв, на каком оно дереве. Он ощущает себя птицей, которая забыла, что она птица.

На заднем плане сцены появляется ТЕРЕЗА, она на последнем месяце беременности.

ТЕРЕЗА. Вы не обязаны отвечать на все вопросы, это ваш личный выбор. Постарайтесь отвечать спонтанно, не задумываясь. Особое внимание уделяйте тому, чтобы ваши ответы были прямыми и искренними. Очистите токи глубинных вод подсознания и дайте им свободно нести вас. Вы увидите, что вам станет легче. Наша беседа строго конфиденциальна. На это вы можете положиться. На это вы должны положиться. Представьте себе, что вы смотрите на себя в зеркало…

ДУШАН. У него мертвые глаза, из них ушли мечты и надежды.

ТЕРЕЗА. Он счастлив?

ДУШАН. Нет.

ТЕРЕЗА. Он несчастен?

ДУШАН. Нет.

ТЕРЕЗА. На какое животное он похож?

ДУШАН. На птицу с подрезанными крыльями, на волка в зоопарке…

ТЕРЕЗА. А каким животным он хотел бы быть?

ДУШАН *(немного подумав).* Рыбой… Он не хотел бы быть никаким животным.

ТЕРЕЗА. Он может расположить настоящее, будущее и прошлое по степени их важности?

ДУШАН. Не может.

ТЕРЕЗА. Как он относится к своей работе?

ДУШАН. Никак. Нет, это слишком сильно сказано. Пассивно. Да, пассивно.

ТЕРЕЗА. Как он относится к своей жене?

ДУШАН. Он не чувствует себя рядом с ней полностью реализованным, его привлекла ее красота.

ТЕРЕЗА. Только ее красота?

ДУШАН. Да, только ее красота.

ТЕРЕЗА. Он ее любит?

ДУШАН. Он не знает.

ТЕРЕЗА. Он мечтает о другой женщине?

ДУШАН. Он должен отвечать?

ТЕРЕЗА. Он ничего не должен. Он готов к отцовству? ДУШАН. Он готов к новой жизни. Может ребенок быть мостом к ней?

Молчание.

Может только что родившийся ребенок сделать чудо?

Молчание. Темнота.

17

В комнате дома престарелых сидит ДОЛИНА. Он один, слушает радио. По радио говорит его дочь ТАМАРА. В репродукторе ее голос еще красивее и мягче, чем в жизни.

ТАМАРА *(голос из радиоприемника).* «Здравствуйте, „Радио B13“, я хочу попросить вас исполнить песню для моей матери, которая празднует сегодня свой замечательный юбилей, — пишет нам Павел. — Хочу, чтобы она знала, как мы все ее любим, хотя не всегда себя так ведем… И хотя она думает, что наше поколение — потерянное и живет без этих ценностей, которые они для нас завоевали… Выбор песни я оставляю за вами, пусть это будет что-нибудь медленное и красивое». *(Немного помолчав.)* Уважаемые слушатели, это было последнее пожелание, прозвучавшее в сегодняшнем «Ночном часе»… Разумеется, мы выполняем просьбу Павла и надеемся, что Ник Кейв и его чудесная композиция «Death Is Not The End» будут для его мамы и для всех вас приятным музыкальным подарком, завершающим сегодняшний концерт по заявкам… От лица «Радио B13» с вами прощается Тамара Долинова…

(Неожиданно добавляет.) Песня звучит для всех матерей и отцов, которых мы очень любим, хотя не всегда себя так ведем. Приятного вечера… И спокойной ночи… и думайте о внуках своих матерей и отцов…

ДОЛИНА. Сколько тонкой иронии… замечательно, доченька. Хотя тебя поймут не многие из всех этих ходячих мертвецов, со мной во главе.

Освещаются небольшие площадки, АРНОШТ сидит за роялем, начинает играть «Death Is Not The End», кроме ДОЛИНЫ возле радиоприемника сидит и Эгон, он курит самокрутку, при последней фразе ТАМАРЫ, которая выглядит как неожиданный довесок, они с ДОЛИНОЙ поворачиваются лицом к лицу, не видя друг друга, в противоположном углу сцены мать ЭГОНА рисует на бутылочке какой-то флаг, отец заполняет билет спортлото, у них тоже звучит радиостанция «В 13», ДУШАН и ТЕРЕЗА замерли в тех же позах, что и в предыдущей картине. Все тихо поют песню под аккомпанемент рояля. Темнота.

18

Кухня у родителей ЭГОНА. За столом сидят ЭГОН, МАТЬ и ТАМАРА. Они пьют кофе.

МАТЬ. Мне очень нравится вас слушать. Под ваш голос легче работается.

ЭГОН. Мама рисует на стеклянных бутылочках флаги государств, помнишь, я тебе говорил.

МАТЬ. Люди это покупают. Люди сегодня покупают все.

ЭГОН. Ты портишь себе глаза.

МАТЬ. Больше их уже не испортишь.

ТАМАРА. А что вы будете рисовать, когда нарисуете все государства?

ЭГОН. Она начнет все сначала.

МАТЬ. Сегодня я рисовала Мальдивы.

ТАМАРА *(улыбается).* Красная рамка, зеленый прямоугольник и в нем белый месяц.

МАТЬ *(улыбается ей в ответ, удивленно).* Вы это знаете?

ТАМАРА. Только догадываюсь.

МАТЬ. Именно так я вас себе и представляла. Вы такая же приятная, как и ваш голос.

ЭГОН. Мама.

МАТЬ. Я что, не могу сказать, что думаю?

ТАМАРА. Спасибо.

МАТЬ. Мне очень нравился ваш отец. Такой красавчик, да к тому же хороший артист… Эти воскресные «Минуты поэзии» никто не смог бы вести так, как он… мне он до сих пор нравится. Жалко, что он уже не играет. Как у него дела?

ТАМАРА. Не знаю. Мы не встречаемся.

МАТЬ. Вы с ним поссорились?

ЭГОН. Мама.

МАТЬ. Простите, иногда у меня с языка слетает такая бестактность… *(Дает себе символическую пощечину.)*

ТАМАРА. Ничего страшного. Мы с ним не поссорились. А не встречаемся потому, что он замучил мою мать, сделал ее абсолютно несчастной и довел в конце концов до могилы. Он изменял ей на каждом шагу, отвратительно с ней обращался, превратил ее в прислугу. Про меня он никогда и не вспоминал, пока я не дала ему однажды в морду, о чем он, наверно, и не помнит, потому что напился тогда до чертиков, как делал это почти каждый день. Для публики у него было одно лицо, для нас — другое. И, к сожалению, то, что намного хуже. Уже семь лет, как я с ним не встречалась, в последние два года я согласилась общаться

по телефону, чтобы, в случае чего, не иметь на совести его самоубийство. А он такой психопат, что вполне на это способен. Достаточно?

Эгон с МАТЕРЬЮ сидят в оцепенении.

МАТЬ. Не хотите печенья? У нас есть ванильные колечки, их Мишко больше всего любит.

Молчание. Входит ОТЕЦ.

ЭГОН. Привет, папа. Ты, как всегда, вовремя.
ОТЕЦ. Шутка?
ЭГОН. На этот раз серьезно.
ОТЕЦ. Салют!
ЭГОН. Это Тамара.
ТАМАРА. Добрый день. Тамара.
ОТЕЦ. А вы такая же красивая, как ваш голос.
МАТЬ. Мы любим ее слушать, ведь правда?
ОТЕЦ, *(неожиданно произносит слоган радиостанции).* «„Радио B13“, и пусть все плохое уйдет прочь, а хорошее останется с нами».

ТАМАРА искренне смеется.

МАТЬ. Ну и как там было?
ОТЕЦ. Как всегда. Ты никогда меня не спрашиваешь, как там было, и нечего ломать перед гостьей комедию.

ТАМАРА. Вы все еще ходите на вокзал? Эгон мне говорил…

ОТЕЦ. Хожу и буду ходить.

ТАМАРА. Это оригинальное хобби, я ни о чем подобном не слышала.

ОТЕЦ. Это не хобби. Я делаю ставки и хожу на вокзал. Это ритуал. Никакое не хобби.

ЭГОН. Отец верит в то, что выиграет однажды главный приз в спортлото, а потом сядет в один из этих поездов.

ОТЕЦ. Я сяду в «Евросити» до Берлина.

ЭГОН. Хочешь пойти там на какой-нибудь уличный праздник?

ОТЕЦ. Пойду посмотрю на руины Берлинской стены. Я подойду к ней и помочусь. Помочусь на руины социализма.

МАТЬ. Да ладно тебе, отец. Ведь все это уже давно в прошлом.

ОТЕЦ. А у меня оно застряло в мочевом пузыре.

ТАМАРА смеется.

ТАМАРА. Раз уж вы упомянули это… помочиться… можно мне заглянуть кое-куда?

МАТЬ. Прошу вас, туалет в коридоре, направо.

ТАМАРА уходит.

ЭГОН. Мама, почему ты разговариваешь так официально.

ОТЕЦ. *(Эгону).* Эта мне нравится больше всех. У нее добрые глаза. В них видна любовь.

МАТЬ. Ты же говорил, что не любишь метафоры.

ОТЕЦ. Это не метафора, а факт.

ЭГОН. И тебе не мешает, что у нее тоже немножко видны десны, когда она смеется?

ОТЕЦ. У всех немножко видны. У той, раньше, они были видны, как у кобылы, а у этой — ничего, нормально.

МАТЬ. Отец.

ОТЕЦ. Не одергивай меня все время. Мне даже все равно, что папаша был коммунистом.

ЭГОН. Мы уже обсуждали это в прошлый раз. Надеюсь, сейчас не будем поднимать эту тему.

Звонит телефон, МАТЬ берет трубку.

МАТЬ. Алло… *(Игриво.)* Здравствуйте, а мы вас только что вспоминали. Мы часто вас вспоминаем. Да, он здесь. Дать его? Представляете, и ваша дочь как раз сейчас у нас. Правда. Она зашла впервые… за целый год. Да уж, такова современная молодежь… Она сейчас в уборной. Что там делает? Ну, в уборной… *(Смеется.)* Не

хотите ее подождать? Тогда дам вам Эгона. Что, простите? Хорошо. Все по-прежнему. Сегодня я рисовала Мальдивы. Это надо проверить. Какое? Любое? Ну не знаю… Венгрия. Невероятно! И вы действительно знаете про каждое?

ТАМАРА возвращается из туалета, останавливается и смотрит на эту картину. ЭГОН и ОТЕЦ с открытыми ртами взирают на говорящую по телефону МАТЬ.

Ну вот, Тамарочка уже здесь… Алло-о-о… Пан Долина, вы меня слышите? *(Кладет трубку.)*

ЭГОН. Ты разговаривала с Долиной?

МАТЬ. Я забыла тебе сказать, он звонил сюда уже два раза. Разыскивал тебя. Я ему сказала, чтобы позвонил сегодня, что ты, может быть, придешь. Он говорил как-то странно. ЭГОН. Ты беседуешь по телефону с Долиной? Мама… МАТЬ. У него красивый голос. Но какой-то немножко печальный.

ЭГОН. Вы что, обсуждаете государства, которые ты рисуешь на стекле?

МАТЬ *(в растерянности, боясь выдать секрет Долины и его цифр).* Представь себе, его это интересует.

Отец подходит к ТАМАРЕ.

ОТЕЦ. Я тоже хотел бы иметь такую дочь.

ТАМАРА. Мы, наверно, уже пойдем.

ОТЕЦ. Я рад, что вы к нам зашли. Теперь нам еще приятнее будет слушать вас.

ТАМАРА немного грустно смеется. Темнота.

19

ДОЛИНА и АРНОШТ сидят на скамейке. Молчат.

ДОЛИНА. Наверно, я повешусь.

АРНОШТ. Из-за что?

ДОЛИНА. А я знаю, из-за что? Просто так.

АРНОШТ. Я бы не вешался.

ДОЛИНА. Почему?

АРНОШТ. Это негигиенично. Лучше прыгни с окна.

ДОЛИНА. Да уж, это действительно гигиенично… Да к тому же нет никакой гарантии, при таком низком здании… Стиль модерн не принимал во внимание интересы самоубийц.

АРНОШТ. Потому что тогда никто себе не убивал. Тогда к тому не было причин.

ДОЛИНА. Хорошо ты сегодня играл.

АРНОШТ. Ты слыхал?

ДОЛИНА. Слыхал. Красивую музыку ты сочинил.

АРНОШТ. То был Чайковский.

ДОЛИНА. Значит, Чайковский сочинил красивую музыку.

АРНОШТ. Но и я тоже хотел бы как-то так это

сочинит.

ДОЛИНА. Ну и говори, что это ты сочинил. Чайковского все равно никто не знает, каждый тебе поверит.

АРНОШТ. Это неэтично.

ДОЛИНА. Одно тебе негигиенично… другое неэтично… Тебе не угодишь. А на этику наплюй. Этика ушла вместе с прошлым веком. В историю.

АРНОШТ. Ты вещаешь как книга. Не дивлюсь, что к тебе сюда ездит этот редактор.

ДОЛИНА. Он не редактор. Придет еще один раз, и все. Я и сам хочу поскорее это закончить, чтобы спокойно подготовиться к этому повешению. Он должен приехать только на будущей неделе, а мне уже не хочется ждать.

АРНОШТ. Он придет токо один раз?!

ДОЛИНА. А что это ты так испугался?

АРНОШТ. Да ништо. Люблу на него смотреть. Потом играется лучше.

ДОЛИНА. Он приятель моей дочери, этого оставь в покое. И не вздумай его соблазнять.

Смеются.

АРНОШТ. Очен мило ты смеешься. Напоминаешь мне какой-то зверек.

ДОЛИНА. Господи, у тебя что сегодня, гон на-

чался?

Входит МАГДА.

МАГДА. Пан Долина, к вам посетитель.
ДОЛИНА. Я не жду никаких посетителей.
МАГДА. Какая-то женщина.
ДОЛИНА. Дочь?..
МАГДА. Не думаю.

ДОЛИНА встает и идет к дверям. Останавливается.

ДОЛИНА. Вы на меня сердитесь, Магда?
МАГДА. Нет.
ДОЛИНА. Вы со мною так холодны.

МАГДА молчит.

Ну, прошу меня извинить. Я иногда веду себя как грубиян, простите. *(Уходит.)*

АРНОШТ. Он вас очен любит.

МАГДА. Меня это сильно задело, даже не знаю, как мне теперь с ним себя вести. И в ваших глазах он так некрасиво меня выставил…

АРНОШТ. Не делайте с того никаких проблем. Я привык к много худшим вещам. Он не хотел сделать ничего плохого. Он слишком сенситивный.

МАГДА. Ведь и я его очень люблю. И чувствую, что он мучается.

АРНОШТ. Он из таких, кто должен мучиться, чтобы пережить. Понимаете?

МАГДА. Сегодня вы прекрасно играли. Это вы сами сочинили?

АРНОШТ *(колеблется).* Ага. С такем трудом, но сам. Снова на меня дохнула какая-то муза.

Темнота.

20

ДУШАН и ЭГОН сидят в пивной, пьют пиво. Они уже немного навеселе и настроены на философский лад.

ДУШАН. С этой Магдой я связался только для того, чтобы смочь доказать самому себе, что я еще кое-что могу. Можешь ты это понять?

ЭГОН. Если кто-то хочет смочь доказать себе, что кое-что может, это я еще понять могу. Но ее-то это задело.

ДУШАН. Кто бы говорил. В свое время ты сам утверждал, что всегда кому-то приходится играть роль жертвы.

ЭГОН. Мне уже не хочется жить как на поле сражения. Ах, пипец… Знаешь, о чем я мечтаю? Об упорядоченной жизни. О семье, о детях…

ДУШАН. Да? Так поменяйся со мной.

ЭГОН. Как дела у Терезы?

ДУШАН. С минуты на минуту родит.

ЭГОН. Как странно.

ДУШАН. Что?

ЭГОН. Что моя бывшая подружка… любовь всей моей жизни скоро родит ребенка от моего лучшего друга.

ДУШАН. И что в этом странного? Такова жизнь.

ЭГОН. Понятно. Я уже, наверно, пьян.

ДУШАН. Я не хотел изменять Терезе. Понимаешь?

ЭГОН. Понимаю.

ДУШАН. Я сказал ей, что ты мне тогда говорил.

ЭГОН. Что?

ДУШАН. Что ты все время о ней думаешь и что она была женщиной твоей жизни.

ЭГОН. Ты придурок. Я же тебе говорил, чтобы ты ей это не говорил.

ДУШАН. Так и не надо было мне это говорить. Если хочешь сохранить тайну, держи ее при себе. Это слова Долины…

ЭГОН. И что она на это сказала?

ДУШАН. Что не понимает меня. Не могу сказать, что она счастлива со мной. А с тобой была бы.

ЭГОН. Не была бы. Со мной никогда не будет счастлива ни одна женщина.

ДУШАН. Ты что, голубой?

ЭГОН. Может, и так.

ДУШАН. А я с этой Магдой связался для того, чтобы выяснить, могу ли я еще испытывать страсть. С Терезой я страсти не испытываю.

ЭГОН. Что, у тебя не хочет вставать?

ДУШАН. Не хочет.

ЭГОН. И у меня не хочет.

ДУШАН. Не рановато ли еще?

ЭГОН. Может, курнем?

ДУШАН. Я уже пьян… А ты все еще чатишься?

ЭГОН. Так, изредка.

ДУШАН. Я читал, что где-то в Южной Англии в одной психушке есть такое отделение, куда ходят шизофреники, которые от сидения в чатах заработали себе раздвоение личности. От этого ведь запросто можно сойти с ума. Понимаешь, в Интернете ты можешь быть абсолютно кем угодно. *(Фальшиво напевает.)* «Зеркало снов… с ней можешь быть…»

ЭГОН. Пипец, вот это тема!

ДУШАН. Ты, главное, закрой тему с Долиной. Еще одно посещение, и хватит.

ЭГОН. Из этого теперь выйдет сценарий. Я чувствую.

ДУШАН. Эту фразу за все время, что я тебя знаю, ты говорил уже раз тысячу.

ЭГОН. Завтра я пойду к нему, давно не мог собраться. Снова завалила работа.

ДУШАН. В рекламе?

ЭГОН. В рекламе, кое-какие переводы и другая

ерунда.

ДУШАН. Смотри не затягивай, Долина хочет уходить.

ЭГОН. Правда?

ДУШАН. Правда. Похоже на то…

ЭГОН. Это разве возможно? Я думал, что от вас не уходят… что к вам люди приходят доживать…

ДУШАН. Не всегда… Бывает, что складываются непредвиденные обстоятельства…

Молчание.

ДУШАН. Раз уж я такая свинья, выдать тебе секрет?

ЭГОН. Ты переспал с Арноштом?

ДУШАН. Случилось так, что к Долине стала приходить одна женщина. Наверно, он в нее влюбился. Стал просто другим человеком. И хочет уйти из-за нее.

ЭГОН. Да ты что?!

ДУШАН. Я серьезно.

ЭГОН. Пипец, вот это действительно сюжет!

ДУШАН. Немного с горчинкой…

ЭГОН. С горчинкой? Просто фантастический…

ДУШАН. Это твоя мать.

Темнота.

21

В квартире родителей ЭГОНА. На улице идет дождь. ОТЕЦ одевается и берет зонт, собирается уходить. Вбегает ЭГОН, весь промокший. Смотрит на ОТЦА.

ЭГОН. Ты ничего мне не скажешь?

ОТЕЦ. Салют!

ЭГОН. Что?!

ОТЕЦ. Ты что, тоже оглох? В твоем-то возрасте? Привет, говорю.

ЭГОН. Где мама?

ОТЕЦ. Ушла.

ЭГОН. Как ушла?

ОТЕЦ. Обыкновенно, собрала чемодан и ушла.

ЭГОН. Куда она ушла?

ОТЕЦ. Куда — не знаю, зато знаю с кем. С Долиной, представь себе. Она все никак не могла вспомнить название того сериала, ну и решила пойти и спросить его…

ЭГОН. Отец!! Но что же она все-таки сказала?

ОТЕЦ. Кому?

ЭГОН. Тебе!

ОТЕЦ. Мне? Что уже не хочет больше умирать, что имеет право на жизнь, что в Америке обыч-

ное дело начинать все заново в шестьдесят лет…

Сцена в ретроспективе.

МАТЬ упаковывает чемодан. Она в смятении. ОТЕЦ молчаливо за ней наблюдает.

МАТЬ. Я не хочу больше умирать, я имею право на жизнь. В Америке обычное дело начинать все заново в шестьдесят лет. Молчишь?

ОТЕЦ. А что я могу сказать?

МАТЬ. Ну не знаю, например, попытайся меня отговорить, попроси, чтобы я осталась…

ОТЕЦ. Не уходи. Останься… Это не работает… Я вижу, что ты решилась. Я же знаю, как ты себя ведешь, когда на что-то решишься.

МАТЬ. И ты так просто позволишь мне уйти после тридцати трех лет супружества?

ОТЕЦ. А что мне делать? Я просто огорошен.

МАТЬ. И понятно почему. Ты должен понять. Это как гром среди ясного неба. Да, знаю, я использовала метафору. Он тронул меня, очаровал. Мы дополняем друг друга.

ОТЕЦ. Он знает наизусть численность населения в государствах, которые ты рисуешь на стекле.

МАТЬ. Не будь циником. Мы дополняем друг друга абсолютно во всем. Этот человек открыл

мне двери в совсем иной мир, пойми это.

ОТЕЦ. Что — это?

МАТЬ. Это ты должен понять.

ОТЕЦ. Это я никогда не пойму.

МАТЬ. Пожалуйста, позволь мне уйти. Не делай все еще сложнее, чем есть на самом деле. Мы же с тобой последние десять лет почти и не разговаривали, да мы даже не жили. Он меня освободил, иначе я бы тут сгнила!

ОТЕЦ. А что мы делали последние десять лет?

МАТЬ. Ты играл в спортлото и ходил смотреть на поезда…

ОТЕЦ. На людей…

МАТЬ. …на людей, а я рисовала на стекле флаги государств.

ОТЕЦ. Я думал, что нас все это устраивает. Что это просто определенный уровень, такой левел.

МАТЬ. Что за левел, я тебя умоляю! Еще удивляется, в кого наш Михал пошел. А у меня еще есть желания, мечты, у меня еще свои потребности… я женщина…

ОТЕЦ. Что — ты?

МАТЬ. Я женщина. Женщина.

ОТЕЦ. А почему ты мне ничего такого не говорила?

МАТЬ. Я думала, ты это замечал.

ОТЕЦ. Что ты женщина, я замечал, но об этих желаниях, об этом почему ты мне не сказала?

МАТЬ. Потому, что с тобой уже совершенно невозможно разговаривать. Ты потерял не только обаяние, шарм, чувство юмора…

ОТЕЦ. Слух…

МАТЬ. Слух… ты потерял и речь.

ОТЕЦ. Зато стал лучше видеть.

Возвращение к предыдущей сцене разговора ЭГОНА с ОТЦОМ.

ЭГОН. И ты позволил ей так просто уйти?

ОТЕЦ. А что я мог, по-твоему, сделать?

ЭГОН. Ты позволил уйти к какому-то спившемуся актеришке женщине, с которой прожил тридцать три года?

ОТЕЦ. Да еще и к коммунисту.

ЭГОН. Отец! Опомнись!

ОТЕЦ. Вот это сюжет, а?

ЭГОН. Это не сюжет, черт побери, это твоя жизнь!!

ОТЕЦ. Черт побери! Что это тебе вдруг не понравилось? Тебе, человеку, который запросто крадет сюжеты из каких-то там чужих жизней.

ЭГОН. Отец!!

ОТЕЦ. Не кричи на меня. Наверно, ее не устраивало то, что я потерял либидо.

ЭГОН. Я тоже потерял либидо, а ведь мне на тридцать лет меньше, чем тебе.

ОТЕЦ. Ты потерял кроме либидо еще и искру… раз уж зашел разговор.

ЭГОН. При чем здесь моя искра, речь о том, что от тебя ушла жена, а ты ничего не делаешь!

ОТЕЦ. Речь и о твоей искре тоже.

ЭГОН. Хорошо. Речь о моей искре, которую я потерял. Но мамы-то тут нет.

ОТЕЦ. Мама имеет на это право. Пусть попробует.

ЭГОН. Что? Пусть попробует?

ОТЕЦ. Сядь.

ЭГОН. Зачем мне садиться?

ОТЕЦ. Я кое-что тебе расскажу, и лучше, чтобы ты при этом сидел.

ЭГОН растерянно садится.

Я однажды тоже попробовал. В самую неожиданную минуту. Твоя мама была как раз тобой беременна, когда я собрал чемодан и точно так же от нее ушел. Я ушел от беременной жены к другой женщине, потому что был уверен, что так и надо. Это называется помутнением сознания. Такое оправдание для подлецов. А на самом деле… как бы выразиться поприличнее… Короткое

замыкание. Конечно, это еще прилично сказано… Одним словом, я ушел и стал жить с другой женщиной. Мы собирались уехать вместе в Канаду. Хотели начать там все сначала. Но в конце концов она уехала одна. Без меня. С другим, который был повыше ростом и побогаче… Поэтому не эмигрировали и мы с мамой… хотя тоже хотели… мама не могла себе представить, что однажды где-нибудь встретит ее… там за границей… в этой Канаде. Потому что туда должны были уехать и мы. И хотя я к маме вернулся, все равно навсегда остался подлецом. Мама мне никогда это не припоминала, она же такая великодушная. Для нее было очень важно, чтобы ты не узнал этого о своем отце… Она в два раза великодушнее, чем мы с тобой, вместе взятые.

Мертвая тишина. Словно на миг остановилось время.

Так вот, мама имеет на это право… Мне надо идти, а то закроют.

ОТЕЦ расправляет зонт, собирается уходить. ЭГОН сидит неподвижно. Он в шоке.

ЭГОН. Отец.
ОТЕЦ. Что?
ЭГОН. А потом ты маме изменял?

ОТЕЦ. Я должен отвечать?

ЭГОН. Должен.

Молчание.

ОТЕЦ. Нет. Больше никогда… Не ожидал?

ЭГОН. Не ожидал. *(У него в глазах слезы, за которые ему не стыдно.)* Отец…

ОТЕЦ. Что?

ЭГОН. Я тебя ужасно люблю.

ОТЕЦ. На улице только дождь или еще и ветер?

ЭГОН. Еще и ветер.

ОТЕЦ. Ну и мерзость. Снова всю дорогу будет выворачивать зонт. Тебе не кажется, что как-то слишком часто идет дождь? Может, скоро будет потоп. Было бы самое время. А нам пора бы строить ковчег.

ЭГОН. У Терезы и Душана родился сын.

ОТЕЦ. Это хорошо, мужики нужны. Нужно новое поколение. Совершенно новое. *(Уходит.)*

ЭГОН остается на сцене один. Он вот-вот заплачет. Давно уже он не плакал. Но если бы сейчас у него спросили, он ответил бы, наверно, что счастлив. Темнота.

22

Немая сцена. АРНОШТ играет на рояле, МАГДА сидит за компьютером, переписывается в чатах, это новое занятие стало для нее неодолимой страстью, благодаря анонимным разговорам по Интернету она становится наконец такой, какой хочет быть, ДОЛИНА пакует чемодан, его движения продуманны и размеренны, мать ЭГОНА ожидает с чемоданом перед железными воротами, на нее льет дождь, ОТЕЦ сидит на лавке на перроне, пытаясь удержать над головой зонт, ДУШАН сидит у постели, на которой лежит ТЕРЕЗА с маленьким ребенком, и держит ее за руку, ЭГОН целуется с ТАМАРОЙ, неспеша снимает с нее одежду и несет к кровати. Все поют на медленный тягучий мотив песню с такими словами:

Давайте улетим за облака,
Как улетают каждый раз
Минута, месяц, год от нас.
Нажмем педаль на газ,
Взлетим же ввысь сейчас.
Замедлим несколько шаги,
И души наши так наги,
О чем давно мечтали мы,

Теперь осуществится.
Постой, не торопись,
Постой, остановись,
На миг остановись.
С туманом порезвись.
Помчимся лихо по волнам,
Ты не грусти напрасно.
Ведь просто так понять,
Что жизнь прекрасна,
Жизнь прекрасна.

Темнота.

23

ТАМАРА и ЭГОН лежат на постели. ЭГОН курит.

ЭГОН. Ты что-нибудь получила от этого?

ТАМАРА. И ты еще спрашиваешь?

ЭГОН. Потому что не знаю.

ТАМАРА. Да, я получила от этого чудесное ощущение. У меня всегда от этого чудесное ощущение.

Молчание.

Я встретила сегодня Терезу с младенцем.

ЭГОН. Да что ты. И на кого он похож?

ТАМАРА. На тебя.

ЭГОН. Это что, юмор времен наших отцов?

ТАМАРА. Нос у него — Душана, а губы Терезины.

ЭГОН. Думаешь, у всех нас есть столько всего от других? Например, от родителей?

ТАМАРА. У кого-то больше, у кого-то меньше…

ЭГОН. Я бы хотел, чтобы у моих детей было все свое… ТАМАРА. Не иметь ничего от тебя — это бы им, наверно, не грозило. А я не могла бы в этом поучаствовать?

ЭГОН. В чем?

ТАМАРА. Ну, в твоих детях…

ЭГОН. В качестве няньки?

Смеются.

ТАМАРА. Слушай…

ЭГОН. Слушаю.

ТАМАРА. Во мне что-то бешено растикались биологические часы.

ЭГОН. А я-то думаю, что тут так тикает? Вроде — тик… ТАМАРА. Вроде — так… Мы могли бы вместе сходить полюбоваться на счастливую семейку…

ЭГОН. Ну да, могли бы. Ты бы ничего не имела против? ТАМАРА. Нет.

ЭГОН. Мне с тобой хорошо, понимаешь? У тебя и вправду в глазах любовь. Море любви… Закурим?

Закуривают.

ТАМАРА. Думаю, тебе надо бы согласиться. Я про радио. ЭГОН. Да, наверно. Я зайду к Михне.

ТАМАРА. Мама не звонила?

ЭГОН. Нет. А твой отец?

ТАМАРА. И он тоже.

ЭГОН. Разве все это не странно?

ТАМАРА. Не знаю. Такова судьба.

ЭГОН. Странная судьба. Уйти от человека, который был рядом столько лет…

Входит МАТЬ, сцена с ней может быть и воображаемой, и реальной.

МАТЬ. Кто бы говорил! Ты сам не умеешь ничего другого, кроме как уходить.

ЭГОН. Извини, это совсем другое. Я ни от кого не уходил через тридцать лет.

МАТЬ. Это все равно, через сколько лет. В этом случае — абсолютно все равно. В этом случае время — всего-навсего эпизодический персонаж… Думаешь, у меня нет права на счастье?

ЭГОН. С отцом ты не была счастлива?

МАТЬ. Я была, возможно, довольна, но не счастлива. Я уже не чувствовала любви!

ЭГОН. А сейчас ты ее чувствуешь?

МАТЬ. Сейчас я полна любви, Мишко.

ЭГОН. Не называй меня «Мишко», мама.

МАТЬ. Я — твоя мать и буду называть тебя как хочу… Мне хотелось бы, чтобы ты меня понял. Отец меня поймет… *(Плачет.)*

ЭГОН. Он уже тебя понял. Не плачь. *(Сам готов заплакать.)* Думаю, что и я тебя понимаю. У каждого есть право на счастье.

МАТЬ. Силу любви человек может понять по

тому, чем он может ради нее пожертвовать.

ЭГОН *(смеется).* Кто это сказал? Гёте?

МАТЬ *(смеется сквозь слезы).* Зубоскалить — единственное, на что ты способен.

ЭГОН. Мама…

МАТЬ. И не возражай. Вспомни, сколько тебе лет. Название «молодое поколение» к тебе уже не относится. Так что нечего за него прятаться.

ЭГОН. Господи, да какое же я тогда поколение?!

МАТЬ *(растерянно).* Ну… среднее. На грани молодого и среднего. Собственно… я не знаю…

ЭГОН *(смеется).* Мамочка, милая, ну ты и комик…

МАТЬ *(неожиданно истерически кричит, резко поменяв тон).* Эгон!! Опомнись!! Какую жизнь ты ведешь?!

ЭГОН *(озадаченно).* Мы ведь сейчас занимаемся твоими проблемами, а не моими?

МАТЬ *(медленно).* Ты постоянно прячешься за какими-то сомнительными взглядами, а ведь тебе в твоем возрасте уже пора стать членом общества, начать работать на свое будущее. Ты всем пренебрегаешь, ты высокомерный, самоуверенный… думаешь только о себе… Думаешь только о себе. Только о себе!! Ты постоянно прячешься

за какую-то свободу… А ты вообще знаешь, что такое свобода?

ЭГОН *(еще более озадаченно).* Мама. Ты меня очень озадачила.

МАТЬ. Свобода — это ответственность, сынок. Это одна из самых серьезных сторон ответственности в жизни. На тебя свобода свалилась прямо с неба! А мне пришлось вытесать ее из камня… Понимаешь? Мне пришлось стоять за нее босыми ногами на раскаленных углях… Мне пришлось долгие годы копать колодец, чтобы напиться чистой воды и умыть лицо… И когда я потом посмотрела в зеркало, то испугалась своего отражения. За время этой копки я потеряла, просрала, извини, но именно — просрала… всю свою жизнь. Я увидела перед собой в зеркале старуху. Мы ради вас эту Свободу выстояли в очередях, милые дети… и ни хрена за это не получили. *(Плачет от отчаяния, ее рыдания глухие, болезненные.)*

ЭГОН. Мама, пожалуйста, не кричи… не плачь… Скажи мне еще раз — «сыночек»…

МАТЬ *(успокаивается, обнимает сына).* Сыночек… Ты не чувствуешь ответственности, ни за кого и ни за что, Михал. Ты не живешь, а просто существуешь. И кончишь однажды точно так же, как твой отец. На перроне. Или в психиатрии.

Или в могиле.

ЭГОН. Если уж выбирать, то я, пожалуй, предпочту перрон, правда, и могила тоже не худший вариант… Что ты сейчас рисуешь? Какой флажок?

МАТЬ. С флагами я покончила… Хочу начать рисовать рыб.

ЭГОН. Знаешь, сколько на свете разных рыб?

МАТЬ. Как раз на мою жизнь хватит… *(Уходит.)*

Тишина.

Возвращение в реальность, в предыдущую сцену разговора ЭГОНА и ТАМАРЫ. У обоих вытаращенные от удивления глаза, словно они увидели инопланетян. Говорят с учащенным дыханием.

ЭГОН. Хотела бы ты меня в мужья?

Молчание.

ТАМАРА. Последние два дня были для меня чудесными, Эгон.

ЭГОН. Ты считаешь дни?

ТАМАРА. Я чувствовала, что между нами уже…

ЭГОН. Мы будем вместе?

ТАМАРА. Мы могли бы.

ЭГОН. Еще пару дней назад я был уверен, что

мы разойдемся.

ТАМАРА. Знаю.

ЭГОН. Я привык избегать проблем. Сжигать мосты и уезжать на другой континент.

ТАМАРА. Потому что ты думал прежде всего о себе.

ЭГОН. Каждый думает прежде всего о себе.

Долго занимаются любовью. ЭГОН встает с постели.

Пойду еще немного попишу. Хочу все это переписать. Мой диктофон просто битком набит.

ТАМАРА. Отец тебе много всего наговорил, да?

ЭГОН. Довольно много. Но дело того стоит. Я дам тебе прочитать.

ТАМАРА. Не уверена, что мне это будет интересно. ЭГОН. Будет интересно.

ТАМАРА. Главное — не принимай все это слишком всерьез.

ЭГОН. Говоришь как Цезарь…

ТАМАРА. Почему как Цезарь?

ЭГОН. Да так.

ТАМАРА. Главное, тебе надо все эти слова как следует просеять. Отец всегда любил порассуждать. Он любит слушать самого себя.

ЭГОН. Я тоже люблю слушать самого себя, значит, мы квиты.

ТАМАРА. Хорошо, если так. *(Поворачивается на другой бок.)*

ЭГОН включает компьютер. Молча смотрит на мерцающий экран. Бросает взгляд на спящую ТАМАРУ. Кликает на какую-то иконку, подключает компьютер к Интернету. Сворачивает самокрутку. Медленно темнеет.

24

На лавочке в парке возле дома престарелых сидят МАГДА и ЭГОН.

МАГДА. Я думала, вы уже не придете. Раз уж нет повода.

ЭГОН. Это я случайно. Шел мимо.

МАГДА. Я все еще не могу в это поверить. Случилось столько всего неожиданного.

ЭГОН. Вы еще верите в Бога?

МАГДА. Чем дальше, тем сильнее.

ЭГОН. Бог — интересный. Я вам точно говорю…

МАГДА. Это как же??

ЭГОН. А что там поделывают божьи мельницы?

МАГДА. Мелют.

Смеются.

Вы что-то хотели сказать?

ЭГОН. Да нет, ничего…

МАГДА. Это вам здесь оставил Арношт. *(Подает ему кассету.)* Сказал, что это для вас. Так что вы не случайно шли мимо. Божьи мельницы…

ЭГОН. Для меня?

МАГДА. Это его последнее сочинение. Ему было очень важно, чтобы я отдала это вам.

ЭГОН. Как он себя чувствует?

МАГДА. Не знаю. Он все еще под интенсивным строгим наблюдением, в самом страшном и тяжелом психиатрическом отделении.

ЭГОН. А когда-нибудь раньше такое случалось?

МАГДА. Что?

ЭГОН. Ну, чтобы в доме престарелых кто-нибудь пытался совершить самоубийство?

МАГДА. За время, что я тут, такого не было. Правда, за пару дней до того, как я поступила, повесился какой-то художник. У него это вышло.

ЭГОН. Да, сфера искусств несет в себе определенный риск… А может быть, у того художника как раз и не вышло, раз у него все получилось. И Арношт, может быть, хотел, чтобы у него не получилось. Может, он просто хотел этим что-то сказать, понимаете… Может, он не хотел умереть насовсем.

МАГДА. Не понимаю.

ЭГОН. Да, все равно. Я пойду, Магда.

МАГДА. А вы не знаете, когда вернется пан доктор? Вы с ним не в контакте?

ЭГОН. В контакте. Он хочет остаться в декретном отпуске, его жена начала снова выступать на подиумах и зарабатывать деньги. Ну а муж сидит с ребенком. Новые времена. Третья эра, как говорит Долина.

МАГДА. Так передавайте ему привет.

ЭГОН. Долине?

МАГДА. Пану доктору. *(Задумчиво глядя на Эгона.)* Душану…

ЭГОН. Передам. У тебя кто-нибудь есть, Магда?

МАГДА. Почему вы спрашиваете?

ЭГОН. Прости, глупый вопрос.

МАГДА. Вы чатитесь?

ЭГОН. Что??

МАГДА. Я имею в виду, переписываетесь в чатах по Интернету?

ЭГОН. Очень редко. И то давно.

МАГДА. А у меня, должна вам признаться… У меня уже от этого… зависимость. Я недавно познакомилась с одним удивительным человеком. Это как игла в стоге сена. Мы договорились встретиться, но в конце концов я туда не пошла.

ЭГОН. Почему?

МАГДА. Потому что я описала себя совсем не так, как на самом деле. Примерно месяц мы разговаривали каждый день. То есть каждую ночь.

Меня это волновало. Физически… Представляете, он из этого же города, нам все время было о чем поговорить… Мне даже казалось, что я его знаю, что уже давно хожу где-то рядом с ним. Думаю, я влюбилась, но он давно не появлялся в чате. Не знаю, что с ним.

ЭГОН *(колеблется).* Может, он тоже не пришел на то свидание, потому что тоже боялся открыть правду.

МАГДА. Вы думаете? Чего же ему бояться?

ЭГОН. Того же, чего и тебе.

МАГДА. У меня было чувство, что это… это судьба.

ЭГОН. Анонимная правда вполне может только притворяться судьбой.

МАГДА. Красиво сказано. Только я этого не понимаю.

ЭГОН. Не важно. Так, по крайней мере, не забудешь. Недалеко от Лондона есть психиатрическое отделение для тех, кто свихнулся как раз на этой правде из Интернета. Так что смотри не переборщи с этим чатом… Что, если все это в конце концов совсем другое?

МАГДА. Это говорил и Долина…

ЭГОН. Вот видишь, все это уже тут не только было, но обо всем уже было и сказано. В том-то

весь пролет… Будь здорова, Магда, мне пора идти. Пойду на радио, вечером у меня эфир.

МАГДА. Буду вас слушать, как всегда. Я рада, что вы вернулись. Вы очень нравитесь мне, пан Эгон. Вы хороший человек. В вас тоже легко можно влюбиться…

Эгон уходит. Магда остается на лавке одна, последнюю фразу произносит скорее про себя, по ее лицу катятся слезы. Это слезы облегчения. Темнота.

25

ДУШАН сидит с ТАМАРОЙ за столиком уличного кафе, они пьют кофе.

ТАМАРА. Все так, как и должно быть. Никаких случайностей.

ДУШАН. Ляг на воду и плыви по течению… все было правильно… плыви по течению…

Молчание.

…и вода принесет тебя к убеждению, что даже неправильный человек может быть тем самым, твоим. Проще говоря, даже неправильный выбор может быть верным.

ТАМАРА. Перестань.

ДУШАН. Я не могу не говорить об этом, когда мы с тобой наедине.

ТАМАРА. Поскорее бы пришла Тереза.

ДУШАН. Я представляю себе, как мы все вчетвером пойдем как-нибудь на ужин, а потом я уйду с тобой, а Эгон с Терезой.

ТАМАРА. Ты слишком часто ходишь в кино. Это наверняка из какого-нибудь фильма…

ДУШАН. В последний раз я ходил с тобой.

ТАМАРА. Давай не будем больше никого и ничего искушать, у тебя отличная семья… ты сам говорил, что ребенок — это путь… и у нас с Эгоном вроде все утряслось…

Подходит ТЕРЕЗА, она катит коляску.

ДУШАН. Всего за один год моя жизнь полностью изменилась. Понимаешь? Полностью. Надеюсь, что этот путь достаточно широк… если меня случайно занесет в сторону…

ТАМАРА. Случайно? Ты сам говоришь, что случайностей не бывает…

ТЕРЕЗА. Всем привет. Что это у вас такой заговорщический вид?

ДУШАН. Мы тут как раз готовим Третью мировую войну. Каждый против каждого.

ТАМАРА. Привет.

ТЕРЕЗА. А я только что встретила Эгона, он шел на радио. Мы с ним немного поболтали. Я рада, что нам все еще есть что сказать друг другу.

ДУШАН. И мы тут парой слов перекинулись. Но столько, сколько вам двоим, нам и сказать-то, наверно, нечего.

Обе подруги смотрят на него. ДУШАН смеется. На эту улыбку он, видимо, и ловит женщин. Темнота.

26

ЭГОН сидит в студии, он ведет свою новую программу «Исповеди», слышны последние звуки песни Тома Уэйтса или чего-то хорошего в этом роде. ЭГОН говорит в микрофон.

ЭГОН. Ну вот, друзья, это был Том Уэйтс, и с вами снова Эгон. Продолжим нашу ночную программу «Исповеди». Сегодня нашим гостем благодаря аудиозаписи будет популярный артист так называемого золотого поколения Ян Долина. Мы прослушаем его последнюю, пятую исповедь, которую я назвал «Третья эра». *(Включает запись.)*

В эфир льется низкий, отмеченный жизненными невзгодами голос ДОЛИНЫ.

ДОЛИНА *(его голос).* Развитие? Не знаю я, куда идет развитие. И не знаю, какое сейчас время. Ты задаешь мне сложные вопросы. Время… Ну, скажем, время эгоистов. Хотелось бы сказать, что это меня беспокоит, но не хочу обманывать. У меня такое чувство, будто этот мир куда-то несется… на бешеной скорости и без тормозов. Я не ощущаю себя его частью, слишком старым и глупым себе

кажусь. Да, глупым.

Вид в студии. ЭГОН во время монолога ДОЛИНЫ сворачивает самокрутку и разговаривает с кем-то по телефону.

В моем сознании зафиксирован мир, где был еще свой Бог, свои законы, своя суть и правда. Были, конечно, и ошибки, да и сам я совершил множество промахов, но всегда существовала сила, которая могла указать верный путь и мне, и многим другим. Я всегда знал за собой способность прислушаться к голосу, доносившемуся откуда-то сверху, была ли то совесть или смирение, не знаю… Господи, какой же я старый высокопарный болван… вырежь это… Сегодня этого голоса не слышно, он пропал, Бог закрыл от нас свое лицо, как говорит мистер Фридман. Но, думаю, это скорее мы закрыли его лицо. На всякий случай. Из боязни. Потому что мы — всего лишь люди. Я вижу поколение с пустыми глазами, без веры, без стремлений. Я, конечно, ворчливый старикашка, знаю. Но мне не остается ничего другого, как быть ворчливым старикашкой и философствовать… Я чувствую, скоро настанет Третья эра. Закончится эра после рождества Христова, и придет новая… Третья эра.

ЭГОН слушает с открытым ртом, как и все остальные. Во время

этого монолога в стране произойдет несколько автоаварий и самоубийств или хотя бы их попыток…

Мы не знаем, какая она будет, что принесет с собой, но предчувствуем, что случится нечто грандиозное. Может быть, ударят страшные морозы и все замерзнет, может быть, нас затопит водой или природа отомстит нам как-то по-другому, а может, мы перебьем друг друга сами… И потом начнет нарождаться новая жизнь, вырастет новая трава. Так и должно быть. Придет совсем другое, новое поколение, которое начнет все с самого начала, вернется к самой сути, поймет иные ценности… как само себя. Начнет созидаться новая эпоха, которая вернет к жизни высшие ценности. Но если Третья эра не наступит, то человечество будет ввергнуто в ужасающую пропасть нетерпимости, насилия, алчности и чудовищного порабощения. Человечество уже на пути к столкновению с планетой под названием Эгоизм. Единственное, что поддерживает меня сегодня… это надежда… Погоди. Это все глупости. Вырежь это, эту последнюю фразу… Знаешь что, вырежь-ка ты все это, я не хочу выглядеть под конец как сентиментальный и пафосный апокалиптический пророк…

ЭГОН. Надеюсь, маэстро простит меня за то, что

я оставил его слова в изначальном звучании, я уверен, самое привлекательное, что отличает наши ночные исповеди, — это их аутентичность… А здесь, думаю, была настоящая бомба. Редко нам удается услышать нечто настолько пограничное. Нечто между жизнью и смертью, прямо на этой тоненькой струне… Ну, если это и есть Третья эра, я обеими руками за… Дорогие друзья, вся наша слушательская аудитория, если у вас хватило выдержки досидеть допоздна с радиостанцией «B13», желаю вам спокойной ночи и рад буду встретиться с вами снова через две недели, когда вы услышите исповедь забытого ныне композитора Арношта Шварца. А пока в качестве пригласительного билета предлагаем вам прослушать его музыкальный подарок, последнее сочинение маэстро для фортепьяно. Итак, мировая премьера на радио B13. А я, ваш ведущий у микрофона и микшера Эгон, прощаюсь с вами. Good night and have a nice dreams. *(Включает музыкальный номер.)*

В эфире звучит Чайковский. ЭГОН сначала огорошен, потом улыбается и начинает громко хохотать, его искренний смех перекрывают мощные звуки фортепьяно.

27

На железнодорожном вокзале. ОТЕЦ сидит на лавке перрона, в руках держит сумку. К нему подсаживается МАТЬ.

МАТЬ. У вас тут свободно?

ОТЕЦ. Можете говорить мне «ты».

МАТЬ. Я — Гана.

ОТЕЦ. Михал.

МАТЬ. Куда едешь?

ОТЕЦ. В Берлин.

МАТЬ. Там бы мне хотелось побывать.

ОТЕЦ. У меня как раз есть лишний билет.

МАТЬ. А что мы там будем делать?

ОТЕЦ. Описаем руины социализма, погуляем и поедем домой…

МАТЬ. Не слишком ли поздно?

ОТЕЦ. Лучше поздно, чем никогда.

МАТЬ. Это правда. Это ты хорошо сказал. Как когда-то. *(Становится сентиментальной.)*

ОТЕЦ. Не будь сентиментальной.

МАТЬ. Да. Извини. А что, если нас за писанье в общественном месте оштрафуют?

ОТЕЦ. Мы можем себе это позволить. *(Показывает на сумку.)* Главный приз.

МАТЬ. Я знала, что ты когда-нибудь выиграешь. А почему с тобой не едет Она?

ОТЕЦ. Кто — Она?

МАТЬ. Та, к которой ты ходишь все время и называешь ее «брокерская компания» или «центральный вокзал». Загадочная незнакомка, которую я никогда не видела…

ОТЕЦ *(выглядит озадаченным).* Погоди, погоди… ты имеешь в виду — любовница?

МАТЬ. Если любовница — от слова «любить», то не любовница, потому что ты уже любить не можешь… по крайней мере, меня… поэтому я и зову ее так загадочно: та, к которой ты ходишь, когда покидаешь меня…

ОТЕЦ *(смеется добрым искренним смехом старого человека, который мы слышим от него впервые).* Ну это ты пальцем в небо попала, милая…

МАТЬ. Милая… ты давно меня так не называл.

ОТЕЦ. Ты серьезно? Как это тебе в голову пришло?

МАТЬ. Я же тебя знаю…

ОТЕЦ. Любовница. Моя тайная любовница… Что я, Бетховен?

МАТЬ. Ты лучше, чем Бетховен…

ОТЕЦ. Погоди, погоди… И ты серьезно все эти

годы думала, что у меня есть любовница?

МАТЬ. Я надеялась, что нет.

Молчание.

ОТЕЦ. Да, вот это действительно неожиданность.

МАТЬ. А ты меня ни о чем не спросишь? Мы две недели не виделись… почти три. Ничего тебя не интересует?

ОТЕЦ. Интересует… У тебя краски с собой?

МАТЬ. Краски? Разумеется. В поезде я буду рисовать акулу мако, синюю акулу и лимонную акулу.

ОТЕЦ. Так доставай их, и возьмемся за дело. Не будем терять время.

МАТЬ. За что возьмемся?

ОТЕЦ. Ты говорила, что, если я выиграю в спортлото, ты нарисуешь у себя на лице флаг Уганды, пойдешь в «Теско» и будешь кричать «Уганда, вперед!»… «Теско» я тебе прощаю… иначе опоздаем на поезд…

МАТЬ. Но я не смогу без большого зеркала.

ОТЕЦ. Я смогу. Давай краски.

МАТЬ подает ему краски.

Только я боюсь спутать Уганду с Уругваем. Нуж-

ны твои инструкции.

МАТЬ описывает флан Уганды, ОТЕЦ рисует его на ее лице. Они разговаривают и смеются.

МАТЬ. Но это требует сноровки… раздели пространство на шесть полос, то есть лент… начинай сверху… черная, желтая, красная, черная, желтая, красная…

ОТЕЦ. А посередине белый круг, а в нем галльский петух…

МАТЬ. Ты знаешь флаг Уганды?

ОТЕЦ. Я тебя умоляю, флаг Уганды знает каждый ребенок… Можешь ты мне наконец объяснить, почему у тебя именно такое хобби, почему ты рисуешь флажки на стекле?

МАТЬ. У человека должна быть хотя бы пара своих секретов…

Слышен отдаленный шум поезда.

Сначала надо уйти, чтобы потом вернуться. Понимаешь?

ОТЕЦ. Колумб?

МАТЬ. Ах уж этот ваш юмор. Жизнь!

ОТЕЦ. Ну вот, уже приближается.

Медленно темнеет. В темноте МАТЬ кричит: «Уганда, вперед!»

Ее крик похож на крик оргазма. Оба смеются, как смеются старые, добрые, большие люди… Немного нежности в финале не помешает…

Конец.

Карол Горак
Бабло, гулянка и вечный свет

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГРОБОВЩИК — НИКОЛАУС, НИКИ.
ГРАБИТЕЛЬ — ФОФО.
ИГРОК — ГОГО.
НИЩИЙ — ЛОЛО.
КИНОШНИК — ДОДО.

(Монодрама комическая, даже трагикомическая)

Эта монодрама имеет несколько альтернативных версий, данный вариант является частью более развернутого текста. Один актер исполняет роли пяти действующих лиц, у которых есть и собственные имена, и прозвища, преимущественно сленговые. Сценический реквизит может состоять из картонных коробок с рекламными наклейками. Расположение коробок по ходу действия меняется, они могут представлять и корпус автомобиля, и предметы интерьера, и игровые автоматы и проч. Одновременно они могут служить ширмами, из-за которых выходит артист, меняя свой образ.

ГРОБОВЩИК (1). Отец, ну ты где? Мы же год назад договаривались, что ты будешь меня ждать?! Ровно день в день?! Я ищу тебя, блин, по всему городу, а тебя нет нигде! Не так я себе представлял свое возвращение из Америки! Свою задачу я выполнил, вернулся с приличной пачкой денег, долги заплатим, остальные бабки вложим в твое, а главное — в мое предприятие… А на оставшиеся — гулянка! Это же нужно отметить! Соберу старую компанию: я, Игрок, Додо, Фофо, четыре тёлки, чтобы было как в математике. 4+4! *(Звонит.)* «Фофо! Я купил ящик шампанского и обзваниваю корешей, с тобой во главе, Фофо!»

ГРАБИТЕЛЬ (ФОФО) *(одной рукой подбрасывает теннисный мяч, в другой держит мобильник).* Гробовщик, прости, — Ники. Ты уже вернулся из Америки домой? Ну как, поймал удачу? Удача — это все. Это бабки. Договорились! Гулянка? Хорошо, почему бы и нет! Но сначала работа, человек должен выполнять свои обязанности, крутиться. Да и, в конце концов, не может же он прийти на гулянку с пустыми руками… Может, не во всем я номер один, но уж выпотрошить машину мне раз плюнуть. Да-да, никакие противоугонные средства мне не преграда. Что это такое? Теннисный мячик. А это? Скальпель. Нет,

я не врач. И не ветеринар. И не Джек Потрошитель. Я использую его для других целей… «Для чего? Для того и для сего», как сказала бы старуха Фуркова. Подхожу я к автомобилю, прикидываю размеры замка у багажника. Потом беру скальпель и отрезаю от мячика кусочек так, чтобы замок поместился в оставшуюся часть мячика. Мячик поплотнее прижимаю к замку, придавливаю к металлу. Потом изо всех сил бью по мячику кулаком. Из него вылетает воздух под высоким давлением и взламывает любой замок! А потом — кайф! Балдеж! Перед тобой открываются все клады мира! Ноутбуки! Автомагнитолы! Чемоданы! Кошельки! Костюмы! Куча вещей! А кто все это придумал? Я. Никаких отверток, рычагов, долота… Один теннисный мячик. Простая физика! А ведь я в школе не был зубрилой-отличником. Проще говоря, ноль баллов. Пересдача за пересдачей, но все-таки начальную школу закончил. В табеле одни пары, с длинными шеями. Ну и что? Не для оценок, а для жизни учимся! Вот выйдешь за порог школы, тогда будет видно… Тебе нужно открыть все замки в мире! И что это за порядки? На дворе же XXI век! Каждый политик только и треплется о свободе, а от человека все запирают. А я хочу иметь право свободно открывать

все замки! Сейфы! Эти пальчики просто созданы для великих дел. *(В телефон.)* «Ну конечно, Гробовщик, извини — Ники, я приду к тебе на гулянку, выпивки будет достаточно? Принесу тебе в подарок пару вещичек…» *(Достает из темноты переносной радиоприемник, ноутбук и другие вещи.)*

ГРОБОВЩИК (2). Отец, где ты? Я вернулся из США, хочу отчитаться, а тебя нигде нет! Твоя фирма «Динь-дилинь» закрыта, я уже там был, на дверях — железный засов с замком, что за дела? Может, люди перестали дохнуть? Отец, у меня куча бабла. Я работал на плотине с отбойным молотком. Та-та-та, как пулемет. Так и вбивалось в голову. Поэтому мне сейчас требуется ведро шампанского, хорошая телка и доза герыча. Чтобы все в голове устаканилось… Я оставил тебе записку на дверях. Жду тебя здесь, в своей затхлой, целый год не проветривавшейся квартире, с уже купленным коробоном шампанского, будет шоу с классическим составом — четверо мужчин, четыре дамы. Присоединяйся к молодежи! Фофо обещал прийти! И Игроку дам знать. *(В телефон.)* «Салют, Игрок, азартный ты наш, по кличке Гого!»

ИГРОК (ГОГО). «Хорошо-хорошо, Гробовщик,

конечно, приду». Снова ничего?

Дерьмо! Дерьмо собачье! Дерьмо дерьмовое собачье! А ведь сегодняшний гороскоп обещал удачу! Стоит играть или не стоит?.. На Щедрый день[70] должно повезти! Мы уже два дня грузим автоматы во все городе. У меня есть карта города, и на ней красным обозначены игорные залы — от вокзала до пляжа, а с обратной стороны — от трамвайного депо до болгарских огородников. По телефону мои люди один за другим сообщают, как у нас обстоят дела с выигрышем. Накануне Щедрого дня автоматы перестали сыпать выигрыши. Бобо — а он не последний эксперт по выигрышам — сказал: «Бог автоматов будет сыпать бабки на младенца Иисусика!» Меня как громом поразило. А ведь правда! Если уж не Иисусик, так хотя бы Бог автоматов или компьютер в автомате должен учитывать, что иногда и в аду случается праздник! И что даже мне, у которого вечно одна полоса невезения, когда-нибудь улыбнется счастье! Ты еще жив? Без бабла — уже нет. У меня пока что 80 тысяч, занял у черного Таксиста, правда, он велел вернуть через два дня уже 85 тысяч. Ол райт! На Щедрый день, только что утром

---

[70] Примечания: 70

Щедрый день, Щедрый вечер — канун Рождества.

открылись игорные залы, мои люди сразу начали кормить автоматы. Звоню: «Ну, уже?» — «Нет, ничего». Всё так, по мелочи. 500, максимально 800 крон. Короче, по нулям, если вспомнить, что занял 85 тысяч. «Нужно еще подкормить», — говорю я своим людям. Дело в том, что Бобо знает — а Бобо знает все: ты кормишь автомат час, два, кормишь досыта и не следишь за ним. Скажем, играешь ты час и — ничего, отойди, выпей кофе, покури, дай поиграть другим и не следи. Скажем, в первый день начинаешь играть с утра, потом в десять перерыв, сидишь, треплешься с корешами, другие играют на том, твоем автомате, и вот уже десять вечера, всё, закрывают. И сразу же на второй день с утра ты снова играешь, кормишь автомат часок-другой, и, если снова ничего, отойди, выпей пива, не следи за тем, как другие ловят удачу, снова ничего, никакого выигрыша, но уже скоро вечер, и теперь надо играть тебе. Начинаешь играть, нажимаешь на рычаги, кнопки — а я знаю, что автомат уже два дня не высыпал выигрыш, что он набит деньгами — если я играю на таком, где за стеклом видно, как медленно пересыпаются деньги, тут я уже сам себя не помню, играю и — вот наконец! Раздается звонок, и начинают сыпаться деньги! Скажем, тысяч пять!

А теперь представь, что в этом же месте еще на шести автоматах для тебя работают еще трое корешей и они тоже вытряхнут по пять тысяч, итого с моими — 20 тысяч! А в городе таких автоматов штук тысяча. И если это сработает, тогда до Щедрого вечера мы получим тысяч 200, а то и 250, так и Бобо сказал. А Бобо знает все. Да и гороскоп был подходящий… И вот уже Щедрый день, часа три вечера, кореши звонят: мизерные выигрыши идут — 1000, 500, 700. Это максимум. Звоню я Бобо: «В чем дело?! Или этот Бог автоматов сбрендил? Не знает, что Рождество на носу? Подарки и все такое?! Нигде ничего, никакого выигрыша!» А Бобо на это: «Спокуха! Все будет. Потерпи. Терпение плоды приносит…» Ну, играем мы дальше. А тем временем Щедрый день переходит в Щедрый вечер. Уже четыре часа вечера, смеркается, хозяева игорных залов хотят закрываться, а я в панике пытаюсь оттянуть закрытие, связываюсь по мобильнику по очереди со всеми игровыми залами. Из занятых в долг 80 тысяч мы потратили уже 50, а доход всего тысяч восемь, но должно же все-таки повезти. Пять вечера, большинство заведений закрыли, корешей, которые играли на мои бабки, выставили вон, ведь хозяева тоже хотят отметить Рождество. Пипец, ну и невезуха!

Звоню этому придурку Бобо: «Ты, идиот, говно на палочке мы выиграли!»

Звонок мобильника.

Мамочка? Приду ли я на рождественский ужин? Да. (*Выключает телефон.)* Что делать? Бреду по городу, как побитая собака, захожу домой и думаю только о первом дне после праздников, когда мы сможем опять завалиться с утра в игровые залы и начать все снова, чтобы достать из этих автоматов бабки, которые нам же и принадлежат, ведь мы их туда накидали! Захожу в гостиную, все уже приготовлено, тарелки, свечки на столе, елка зажжена — я ведь после развода с родителями живу, квартиру жене пришлось оставить, — мою руки, из телевизора и из радио звучат сладкие ангельские голоса, а мне слышится вой чертей, которые корчат рожи из этих автоматов и издеваются надо мной. Начинается ужин: мать читает молитву, отец чешет в затылке, а я сижу и не знаю, зачем все это. Потом мать рисует мне, отцу и себе медом крестик на лбу, мы едим облатки, праздничный суп из квашеной капусты, печеные пончики, рыбу — просто бальзам на душу. Я просто-таки должен эти деньги из автоматов сразу же после праздников ВЫ-ТРЯХ-НУТЬ! Уве-

рен, что моя мечта исполнится. Это будет самый замечательный подарок от Боженьки, Боженька, не ломайся, ты мне не свитер от матери и не электробритву от отца, ты мне деньги дай! И тут — звонок. Отец берет трубку, с кем-то говорит, потом выкатывает глаза, смотрит на меня и говорит: «Вы моему сыну одолжили 80 тысяч? И он должен был сегодня их вернуть с процентами? Но я об этом ничего не знаю. И если не вернет до завтрашнего вечера, пусть готовится к худшему? — Не надо было ему одалживать — Что, это от Таксиста?» И повесил трубку. Теперь уже отец плачет на самом деле, скривил рот, мать падает без чувств на диван, а отец говорит: «Я еще — ик! — в себя не пришел — ох, ах! — после того, как заплатил за тебя долг 60 тысяч за автоматы — апчхи! — а теперь это… — он прочищает нос. — Где я возьму до послезавтра 80 тысяч?!» Я пытаюсь ему объяснить, но он не слушает, только бесится. «Пойдешь лечиться! Сразу же после праздников позвоню, чтобы тебя забрали!» — «После праздников я должен выиграть эти деньги! Подожди немного. Вот после Нового года…» — «Нет, сразу же после праздников пойдешь лечиться! Я надену на тебя смирительную рубашку! Тебя запрут в комнате с игровыми автоматами, ты будешь

на них смотреть, но даже пальцем коснуться не сможешь!» — «Нет!» — «Нет, да!» — «Это же преступление!» — «Преступление? Это ты — преступник! Ты дефективный!» — «Я?» — «Ты. Из-за игровых автоматов!» И это говорит мне он, директор интерната для детей с дефектами зрения, причем сам он не знает ничего, кроме своего интерната, поэтому дома его буквально годами не видно. Он дефективный из-за интерната для детей с дефектами зрения, и мать тоже дефективная — из-за телевизионных конкурсов, «Золотого яйца», «Миллионера» и т. д. Но чтобы я был дефективным? Нет! Боги компьютеров в автоматах тоже дефективные, потому что настраивают машины так, чтобы на них не смогли выиграть люди, имеющие на это полное право, а эти боги хотят угодить высшим богам, которые стоят над компьютерами и игровыми автоматами… Поэтому на свете уже нет ни одного нормального человека, каждый по-своему ненормальный. Разве это нормально? Разве нормально, что каждый — хоть немного ненормальный? «Ладно, отец, можешь отправить меня в больницу. Только до Нового года подожди! Я же должен свои деньги из этих проклятых автоматов ВЫ-ТРЯХ-НУТЬ! Пусть это кажется тебе ненормальным, но признай

— вернуть свои деньги, да еще с выигрышем — вполне нормально. Ты же это как нормальный человек должен нормально понять, хоть тебе это и кажется ненормальным!» Но он вышвырнул меня из дома.

Звонок мобильного телефона.

Слушай, Нищий, Гробовщик вернулся из Америки с чемоданами денег! Устраивает в честь этого гулянку! А ты не знал? Позвони ему, может, у него нет твоего номера!

НИЩИЙ (ЛОЛО) *(говорит по мобильному).* Значит, я должен последним узнавать о том, что Гробовщик вернулся?! Наконец хотя бы одному посчастливилось! Да что ты говоришь? Кучу денег заработал? А взаймы даст? Все же кореш. Ведь, в конце концов, я тоже ради него работал. Думаешь, мне можно к нему зайти? Пока!

Смена образа. НИЩИЙ прихрамывает, протягивает руку.

Добрый день, пани. Прошу вас, будьте такая добренькая, подайте мне на хлебушек. У меня нет ни гроша, в животе пусто, во рту ни крошки с позавчерашнего дня, просто жить невозможно. Нет, на хлебушек или на рогалик, не на пиво! Вы меня с кем-то путаете. Я не прикидываюсь! Я

не пропойца и не наркоман, поглядите на мою одежду, какой я помятый, будто меня корова жевала. Да что вы! Я — и таблетки! Я — и таблетки, и водка! Это же для меня смерть! У меня сердце слабое, так еще моя матушка говорила.

Спасибо вам и за эти 1, 2, 3 кроны, лучше такую малость, чем ничего. Это как раз на три рогалика, но только вечером, когда в магазине скидка на лежалый товар будет.

Смена образа.

Это от меня-то несет? Во-ня-ет?! Разве это верное определение? Знаю, от меня не пахнет парфюмом, но и не разит бойней или мышами. «Я благоухаю», возможно, не совсем адекватное выражение, однако крепкий, мужской запах, запах мужика, может быть чем-то… что женщин возбуждает… Это вам не какой-то глупый парфюмчик, эксклюзивные духи для пижонов, дамочек и гомиков, это запах мужественного тела, из пор которого выступает пот и придает ему кисловатый или сладко-кисло-соленый — не смрад, а запах, аромат мужчины, настоящего мужика!

Смена образа, бинты, вывернутая нога. Просит милостыню.

Хорошего, прекрасного, наилучшего дня вам, уважаемый! Очень вас прошу, дайте бедному бездомному пару крон на лекарства. Сам я желудочник. Страдаю от язвы. Без таблеток мне конец. Без таблеток я не могу даже вареное есть. При нормальных обстоятельствах мне бы лежать в больнице, но, приди я туда в таком виде, меня бы не приняли. Знавали таких, как они говорят. А с чего мне за страховку платить? Ведь я живу только тем, что добрые люди, вроде вас, подадут, уважаемый вы мой. У меня ведь и крыши над головой нет. Дом наш вода затопила, он и рухнул. А взамен ничего не дали. Дескать, зона отселения… И жили мы там нелегально. Можно, по-вашему, жить нелегально? На таблетки прошу, клянусь! Если не приму пару этих пилюль, снова приступ будет, и тогда уж совсем окочурюсь. Спаси вас господь, как говаривала моя покойная, добрая как хлеб мать, и бабушка и бабушкина мать, то есть моей бабки бабка и той бабки бабка, ну, вы понимаете.

Смена образа.

Блохи? Лучший способ избавиться от блох зимой — это вываляться в снегу, полежать на спине, зарыться в снег — голышом! Само собой! Блохи,

да и вши тоже, испугавшись такой резкой смены температур, дезориентированные, выскочат и в одно мгновение, в самый момент прыжка замерзнут, бедные, в воздухе как сосульки и попадают в снег.

Смена образа. Костыль.

Обхожу дом за домом, не выбросили ли чего люди из окон, не сдул ли ветер с балкона. Потом посматриваю на балконы, те, которые на первом этаже: вы не поверите, что только люди не выставляют на балкон! На Рождество я увидел раз кастрюлю с кислыми щами. Колбаса, грибы плавают, то есть мерзнут на поверхности: праздник пришел. Ну я, конечно, сразу же зачерпнул эту колбаску, жалко только хрена с горчицей не было, хлеба-то будет в праздники полно в контейнерах, словом, принялся я за еду. Колбасе в тот же миг пришел конец, щи замерзшие только что на зубах хрустят, да мне без разницы, все равно внутри растает, зачерпываю, короче, рукой прямо из кастрюли и вдруг — бах! Балкон нараспашку — и баба в ночной рубашке: «Грабители-и-и!» А я ей — что, какие грабители, что за грабители такие! Пошел я подобру-поздорову назад мимо этих домов, ни одного грабителя не видел. А уже

весной, когда я после воскресной обедни у церкви просил: «Подайте, мол, дамочка, на хлебушек, на пилюли, сам я больной, неимущий, ни гроша за душой». Тут одна баба и говорит: «Не дам! Вы у меня тарелку украли и кислые щи загубили, на балконе, да еще в святое Рождество!!» Да как это — я?! Чтоб тебя разорвало! Меня ведь тут тогда и не было! Я два года в больнице лежал, в Гагах, легкие мне меняли, и Боженька, видать, пожелал, чтобы я выжил…

Снова мимикрирует.

Летом-то хорошо. Насобираю коробки от бананов, положу их под балкон первого этажа, залезу туда — а там повсюду бурьян — ну, просто классная квартирка. Чаще всего ночую под балконом у одной вдовы, рядом с кладбищем. Боится она или еще черт знает почему, но у нее с вечера до самого утра играет телевизор, под него она, наверно, засыпает. А я слушаю звук телевизора и представляю себе, что там, на экране: у меня все еще есть дом — я вижу это как будто по телевизору — он еще не рухнул, жена варит на дворе в котле гуляш, его вкусный запах распространяется далеко вокруг. А потом я засыпаю. Красота! Каждый вечер я спешу к балкону вдовы, забираюсь в бурьян

и жду, когда она включит телевизор. И снова наш двор, дом на пригорке, жена в котле… нет, гуляш был в прошлый раз, а сегодня она вываривает в нем белье, на дворе играет транзистор, я сплю как сурок, но что будет зимой? Когда закончится срок аренды квартирки под балконом с телевизором? И снова придется спать в канализации, на трубах? Так, значит, гробовщик сделал это! Вау-у-у! Он вернулся из Америки с чемоданом денег! Я так и знал, Америка — это рай! Наконец кому-то из нас повезло! Такая удача! *(Вытаскивает пистолет.)* Эй ты, молодой человек! Гони бабки, я социально нуждающийся. Раскрывай кошелек. Тысяча моя, двадцатку оставь себе. Свободен… А пистолетик этот игрушечный, зажигалка. Но у меня есть и второй, с настоящими патронами. На всякий случай…

Смена образа.

Ну да, я был артистом. Точнее, я и есть артист. Работал статистом в театре. Был там один режиссер, который велел нам наблюдать за бездомными и прочей швалью. И вот я стал ходить по пивным, буфетам, разным забегаловкам. В нашем городе забегаловок хоть пруд пруди. Множатся просто в геометрической прогрессии.

Жаль, что я не занялся этим бизнесом. Капитала нет. Миллиона-другого. А Гробовщик приволок из Америки кучу денег, он одолжит. Кореш все-таки! Я ведь тоже ради него работал. То есть побирался. Один-то раз я уже погорел. Купил на пару с приятелем участок под автозаправку, рядом с дорогой. В долги влез по самые уши. А через полгода оказалось, что трассу будут прокладывать на десять километров дальше! Мне дали неправильную информацию. Пришел судебный пристав, забрал квартиру, жене с ребенком пришлось вернуться к матери, потом развод и все остальное. Но мне все-таки должно повезти! Вот покончу с нищенством, приведу себя в порядок, выиграю в кастинге на ведущего популярного телевизионного шоу. Я должен стать звездой. Я же был артистом и рабочим сцены. А если ты ноль, тебя любая собака обмочит. Куплю себе костюм, приоденусь, как эти бездари, которые мелькают там сейчас, и стану телезвездой. Только уж когда на экране окажусь я, все будет совсем по-другому. Потому что я вложу в это дело все. А это я умею… *(Кричит в мобильник).* «Додо, я знаю. Гробовщик устраивает гулянку! А меня не позвал, засранец. Можно мне пойти с тобой?»

КИНОШНИК (ДОДО) *(с мобильником возле*

уха). «Лоло, со мной уже не получится, я беру на гулянку Пипину!» Наконец-то я заарканил Пипину. Агитировал ее каждый день, битых две недели! Чтобы было понятно: конечно, Пипина — телка что надо, дочка хороших родителей: мать училка, отец рентгенолог. Только Пипина другая, у нее папаша с мамашей и не пикнут, она с ними может целый день словом не перекинуться. Всякую эту элиту, семейки эти приличные, девиц воспитанных игнорирует, предпочитает травку с нами курить. Правда, за сиськи подержаться не дает. Пока. Но она уже в компании, у нас. А там главный — я. Встречаю я Матё, нет, сначала посылаю весточку Пипине: суббота, едем на природу, спим под открытым небом, о'кей? Думаю, будет ломаться. Но она отвечает: о'кей! Вот везуха! Хорошо… И тут как раз идет навстречу Матё, старый кореш, я — к нему, так, мол, и так, одолжи на время квартиру, старик. А Матё на это отвечает, мол, вряд ли получится, его жена здоровый зуб на меня нарастила, а с тех пор, как они поженились, она меня прямо не выносит. Матё был уже сто лет в нашей команде, а потом эта его Жанета залетела, и ему пришлось жениться. Я ему и говорю: жене обо всем этом знать не обязательно. В субботу поедете к ее родителям, ключи

бросишь в почтовый ящик, мы с Пипиной 24 часа потрудимся вдвоем, с морем травы и пива, аж до посинения, а в воскресенье к вечеру из квартиры выкатываем, и все о'кей! И вот наконец Матё соглашается. Ну, полный кайф: уж если везет, то везет. Закупил я прорву травки, пивка — и вперед! В субботу Пипина с рюкзаком — на вокзале, и я там же. Говорю ей: корректировка плана, Пипина, двигаем в квартиру Матё! А она: «А что, не под открытым небом, нет?» Нет! У Матё! Хватаю рюкзак и тащу ее в квартиру. Все как по маслу: открываю хату, вижу — чистая работа, красота, тесть с тещей нехило раскошелились: квартира обалденная, чистота, холодильник светится, внутри полно жратвы, выпивки, пива, мебель полированная блестит. Разобрали мы на кухне рюкзаки и спальники, вытащили травку и сразу закурили, по пиву приняли, просто кайф! Я напустил полную ванну воды и начал в ней плавать, вокруг пена, волны — прямо океан! Пипина уже совсем расколбасилась, на физии блаженство, почище церковной статуи, и я как был мокрый начал ее распаковывать и обрабатывать, она бешено вздыхала, как в кино, когда я стаскивал с нее трусики, а потом начала стонать, даже визжать, когда я ее продырявил, а потом снова

— все в норме, трава и пиво, трава и пиво, и пиво — Пипина в ванне, а я перед теликом, а потом она меня обработала, и так мы с ней курили всю ночь и хлестали пиво всю ночь, танцевали всю ночь, смотрели порно всю ночь, обкуривались травой всю ночь, трахались, и снова трава… Ночью меня будто встряхнуло, вывалил я зенки, гляжу — телевизор мигает, Пипина на полу спит! Словно я уже на том свете. Кто я? Где я? Знаю только, что это — я, но в то же время вижу, что и я мелькаю, как экран на телевизоре, а душа будто где-то наверху, где-то надо мной… я на всякий случай закрыл глаза — я ли это? Или не я? Потом снова закрыл глаза, и захотелось остаться живым, хотя сердце стучало, как лошадиное копыто. На другой день я оклемался. Пипина меня остервенело, с ненавистью хлестала по щекам, на ее часах сработал будильник: ну ладно, прибрались мы в квартире, подмели траву, ликвидировали бутылки из-под пива, банки, собрались и свалили. А на следующий день приходит Матё: «Ты что мне тут?..» И влепил мне разок, так что я на пол рухнул. Я встал. Убью! А он достает видеокассету, вставляет в проигрыватель. И что же я вижу?! Я у Матё дома вылезаю из ванны, вчера ночью, распаковываю Пипину, обрабатываю ее, мы дрыхнем, потом

Матё прибавляет скорость — ночь, трава, трава, пиво, пиво… вижу, как я встаю, пошатываясь, брожу, ищу и ищу сортир — и, наконец, иду к здоровенному цветочному горшку и все это пиво, пиво и траву отливаю туда, в цветы, в этот большой горшок, потом дополза́ю до Пипины, заваливаюсь на нее, хочу обработать, но она в отключке, лежит как колода, и я через минуту такой же… Матё плюнул на меня, сгреб кассету и исчез. «Лоло, слышишь меня? У тебя дома камеры нет? Остерегись, сейчас повсюду камеры. В сортире, в церкви, о магазинах и не говорю, даже в кладовке. Тебя могут заснять в любой момент, в самой неожиданной ситуации. И не обязательно полиция, это могут быть частники или охранная служба, как у Матё. Тесть купил им специально оборудованные двери со скрытыми камерами по всей квартире. И каждый раз, когда он уходит, камеры включаются. Вот так меня и сняли, сволочи. Человек теперь уже нигде и ни в чем не может быть уверен. Когда-то на нас сверху смотрел Бог, а теперь — камеры, НЕ ЗНАЮ ЧЬИ».

Начало вечеринки.

ГРОБОВЩИК. Мои милые родные братья и сестры! Я только что вернулся из Америки и решил,

что свое возвращение я отмечу со своим дорогим отцом, который запаздывает, и с вами — на общей гулянке, которую оплачиваю я. Да, Америка — страна мечты и бабла! Когда ты работаешь, и работаешь с отбойным молотком, и привыкаешь к этой работе и вибрируешь, вибрируешь, вибрируешь — тебе необходимо занюхать немного кокса. Или лизнуть. Или заглотать экстази, или, к примеру, вколоть герача, если вдруг под рукой окажется чистый шприц и ты захочешь использовать старые добрые методы. Короче, когда ты принял внутрь порцию хорошего средства, все перед тобой открывается! Ты смотришь на небоскребы и видишь, как эти грандиозные домищи где-то в вышине пробивают тучи, и из них — гляди-ка — сыплются кучи бабла, и всё доллары, бумажка за бумажкой, целое море бабла! Да, бабки — это бабки, как поется в том шлягере. Деньги — не главное, но без них тебя любая собака обмочит! А я не позволю, чтобы сейчас, когда начинается большая гулянка, кто-то грустил! Ваше здоровье! Нищий, Лоло, а ты как здесь оказался?! Тебе всегда был грош цена, дерьмом ты был и в дерьмо вернулся. А сейчас ты пришел, чтобы обделать мне гулянку?

НИЩИЙ. Гробовщик, прости меня великодуш-

но за то, что я сюда незваным пришел. Но друг — всегда друг! И почему ты зовешь меня Нищим? Ведь я Лоло, как вы звали меня в школе. Я пришел, потому что не мог спокойно видеть, как вы тут без меня будете зажигать. И потом ты же знаешь, без меня в этом городе ничего не крутится! Вот увидишь, ты не пожалеешь! Ведь я — это веселье. Я — это выдумки! Я — это удача! Об этой гулянке ты до самой смерти не забудешь! Опля! *(Бьет чечетку.)*

ФОФО. Гробовщик, прости — Ники, ты классный мужик, не забыл о своих корешах, такую нереальную гулянку устроил! Полно выпивки, кокса, травы, куда ни глянь! Просто рай на земле! Шампанское, виски — это уже лишнее, хватило бы рома с можжевеловкой, но чего-то тут не хватает! Горячей еды… Может, драники поджарить? Картошка, правда, уже не самая молодая, но ведь и все мы стареем. Эй, бабы, кто мне поможет? Ноль очков! Цыганка лежит у Нищего между ног, остальные три телки тоже балдеют. Тогда точно по кулинарной книге: картошку чистим, трем на терке — пипец, прямо по пальцам! Ники, ты раздобыл классную травку! Куришь — одно удовольствие! Только в глазах двоится. Тру и вижу двадцать пальцев! Правда, если один вдруг весь

сотрется, у меня останется еще девятнадцать. Где тут у тебя мука? *(Сыплет муку.)* Черт, это что — мука или цемент? Или гипс? Нет, все-таки мука. *(Достает сковородку, бьет ею по теннисному мячику.)* Добавим немного спорта в это умирание. А где перец? Майоран? Ники, у тебя в буфете бардак. Это не понравилось бы твоему покойному отцу. А ты что, разве не знаешь, что твой отец в прошлом году умер? Тебе в наследство досталось похоронное предприятие. А попробуем-ка развести тесто для драников шампанским. Эй, цыпочки! Хватит секса, бросьте траву, помогите лучше парню приготовить горячую еду. Черт! Пригорело. Горит! *(Льет содовой из бутылки на горящую сковородку.)*

ДОДО (КИНОШНИК). Ники, не обижайся, что я притащил к тебе на гулянку Пипину! Она окончательно ушла от родителей: мать — училка, отец — рентгенолог, кто же выдержит с такими экзотами! Полной жизнью она может жить только со мной! И с моей компанией! Ники, я ведь тебя еще не поздравил! Ты покорил Америку! Я горжусь тобой! Вижу, сколько богатства ты привез… А помнишь, как мы сидели за одной школьной партой в четвертом, пятом и шестом классе? Ники, я, Лоло, Гого и Фофо. Потом наши дорожки

разошлись, я ушел после шестого, а ты после седьмого класса. Ну и что? Аттестата у нас, правда, нет, но мы же все тут — здоровые, счастливые, и под рукой трава, трава, трава, пиво, пиво, пиво. И даже шампанское — пипец! Извини! Пипина, не дерись с Цыганкой. Оставь ее! И не рисуй помадой на стене красных слонов, эта идиотка со спреем все равно их закрасит. Пусти ее!

НИЩИЙ. Слышь, Гробовщик, почему ты меня все-таки не любишь? Это от меня-то воняет?! Это у меня-то блохи?! Вранье! Я вот, например, радуюсь, когда друг возвращается из Америки! И сделаю все, чтобы гулянка была что надо и чтобы было о чем вспоминать. Что-то тут холодно! Я раздобыл пару паркетин, сухой бензин — разожжем в этой комнатке небольшой костерок и будем вспоминать. Помнишь, как однажды во время школьного похода — ты хотел сидеть у костра рядом с Цыганкой и я хотел сидеть рядом с Цыганкой. Мы подрались, я расквасил тебе нос и победил. А теперь ты вернулся из Америки — и победил ты. Однако и я не проиграл. Вот он я. Восстаю из пепла. (*Потасовка.*) Не отнимай у меня паркетины, кретин! Все время звонишь своему папаше, а вот я его знал. «Не отец и не мать, должен кто-то помогать…»

ИГРОК (ГОГО) *(в слипах).* Гулянка просто блеск! Только представь, бабы накололи мне на зад татуировку: на правую сторону мужика с лопатой, на левую кучу угля. Погляди, Гробовщик! Когда я вот так иду и вихляю задом, этот мужичок с лопатой кидает уголь прямо мне в жопу!

Приступ смеха.

ГРОБОВЩИК *(с электродрелью).* Нищий! Почему ты, паскуда, зовешь меня Гробовщиком! Я ведь Николаус, то есть Ники! Ты обкурился хуже китайца, но все-таки не позволяй своей бабе сверлить дыры в холодильнике, чтобы, дескать, мясо лучше проветривалось! *(Отбрасывает дрель в сторону. Смена настроения.)* Дорогие гости! Я рад, что вы собрались здесь у меня на этой, как говорят у нас в Америке, party. Правда, я узнал печальную новость о том, что меня навсегда покинул мой любимый папочка и что я стал круглым сиротой. Что ж, такое случается… (*Взрывается.)* Черт, я не понимаю, отец, почему ты не позвонил мне, не сказал, что умираешь?! Разве так поступают с любимым сыном?! Никогда бы о тебе этого не подумал! Такой старый, а словно малый ребенок! *(Меняет агрессивный тон на добродушный.)* Ну что поделаешь со стариками? Наверно, это был

какой-то заскок, как говорят у нас на Бродвее. Ладно, дело прошлое… Правда, я так ждал момента, когда смогу передать своему родителю все эти похоронные принадлежности, которые привез из Америки. Они могут послужить началом нового этапа в работе гробовщиков. Особенно вот эта вещичка… Американский модернизированный ВЕЧНЫЙ СВЕТ! Основан на принципе PERPETUUM MOBILE. Заряжается от прикосновения руки, от солнечного света, от женского ворчанья, от ругательства — словом, чудо! Магия! Смотришь на него и понимаешь: с тобой говорит вечность.

НИЩИЙ (ЛОЛО). Какой свет, что еще за свет?! Гробовщик, не заливай! Это не моя баба, а твоя Цыганка провертела в холодильнике дырку! Ну ты меня и достал! Может, я воняю и весь в блохах, может, я неудавшийся актер, рабочий сцены и нищий, но только на меня никто не будет пасть разевать! Видал это? *(Достает пистолет, стреляет. В шоке.)* Черт! *(Вынимает из кармана другой пистолет.)* Это же был тот, второй, с настоящими патронами. На всякий случай, сегодня даже нищего обворуют. Sorry, Николаус… *(Засовывает пистолеты в карман.)*

Темнота.

Конец.

Перевод Л. Широковой
Karol Horák. Prachy, žúr a svetlo večné
(Monodráma
komická, ba až, tragikomická)
© Karol Horák / LITA, 2014

Яна Юранёва
В мире реалити-снов

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАТЬ.
СТАРШАЯ (дочь Матери).
МЛАДШАЯ (дочь Матери).
БОЖКА (сестра Матери).
МУЖ 1, МУЖ 2, СВЯЩЕННИК (играет один и тот же актер).

Перевод А. Машковой
Jana Juráňová. Realita snov
© Jana Juráňová, 2014

Явление 1

Работает телевизор.

Модератор, Супруга.

Сцена: стены смонтированы из дверей. Это могут быть двери в соседнюю комнату, двери шкафа, ящик, холодильник, дверца маленького шкафчика, различной величины ящички разных шкафчиков, коробочек — от совсем маленьких до больших. Жилая комната: стол, стулья, кресло, возможен диван или канапе.

(МАТЬ, БОЖКА)

Входит МАТЬ, проверяет комнату, поправляет скатерть, чашку, одеяльце, стул. С минуту задумчиво сидит. Звонит телефон. МАТЬ стремительно снимает трубку.

МАТЬ. Да, Божка, это я. Да, я одна. Что поделаешь? Вот так всегда со стариками. Вообще-то, хорошо, чего мне жаловаться. Только вот суставы болят, а так... Дочери? Конечно, приходят. Всего накупят, принесут, приготовят, в прошлый раз выгладили такую гору белья, мне самой не верилось, что смогу осилить... и поговорим, и

посмеемся, и поплачем. У них хорошие мужья, хорошие девочки. А ты как? Я рада. Да, здоровье. Из-за этого уже многое не под силу. Но все равно мы должны держаться, ведь мы еще нужны. Кто им даст совет?.. Хотя проку от меня уже мало. А как твои девочки? Я рада. Передавай им привет. Накупили тебе всего? Правда? Вот видишь. И внуки навещают? Вот видишь. Семья должна держаться вместе, что еще нам остается на этом свете. И я передам своим, да, да. Пока, милочка. Созвонимся.

БОЖКА *(во время телефонного разговора с Матерью тихонько входит через дверь и садится в углу комнаты).* Да, созвонимся.

Обе женщины вешают телефонные трубки.

Явление 2

(МАТЬ, СТАРШАЯ, МЛАДШАЯ)

МАТЬ *(встает и начинает ходить из угла в угол по комнате, ругается сама с собой).* Моей сестре всегда везло. И дочерей она лучше воспитала. Мне остается ей только позавидовать. И зачем только мы растим детей, если на старости лет остаемся одни? Что еще я должна была сделать? Молиться, что ли, на них? Да я и молилась на них. Запрещать им? Стеречь их? Откуда мне знать? Ее девочки — это совсем другое дело. Все купят, обо всем позаботятся… Поговорят с ней, прислушиваются к ее советам. У них хорошие мужья. У них настоящие семьи. А я? Бедняга…

В боковую дверь входит СТАРШАЯ, в руках у нее хозяйственная сумка. Она проходит через комнату, выходит из двери на другом конце комнаты, потом возвращается. МАТЬ сидит в кресле. СТАРШАЯ закутывает ее в одеяло и подает ей чашку чая. Затем сзади массирует спину. Раздается звонок в дверь. СТАРШАЯ открывает дверь, входит МЛАДШАЯ с хозяйственной сумкой в руках, затем она выходит через дверь на другом конце комнаты и снова возвращается. СТАРШАЯ приносит кофе,

печенье, все раскладывает на столе. Все трое садятся вокруг стола.

МАТЬ. Вот вы и пришли. Наконец-то.

МЛАДШАЯ. Не всегда получается.

СТАРШАЯ. Как ты себя чувствуешь? Что-нибудь болит?

МАТЬ. Чего я буду жаловаться? Лучше вы расскажите.

СТАРШАЯ. Что мы, мы — нормально.

МЛАДШАЯ. А не проветрить ли нам?

МАТЬ. Не открывай окна, у меня болят суставы.

СТАРШАЯ. А ты не пыталась побольше двигаться? Ты не ходила в парк?

МЛАДШАЯ. Однажды я видела, как пожилая пани шла с такой элегантной палкой… почти как модный аксессуар. Купить тебе такую?

МАТЬ. Я не знаю, о какой идет речь.

МЛАДШАЯ. Черная, такая блестящая. Ты бы выглядела с ней как настоящая дама.

МАТЬ. А сейчас я выгляжу как кто?

МЛАДШАЯ. Мы могли бы вместе сходить в магазин и выбрать, что тебе понравится.

МАТЬ. Еще споткнусь на нее. А что нового дома? Как ваши мужчины?

Дочери смотрят друг на друга, не зная, кому начать.

Я догадывалась. Всегда случается все самое плохое, о чем только мы вообще не думаем. Если одна из вас разведется… Да… дожила…

СТАРШАЯ. Я не собираюсь разводиться. С чего ты взяла? Может, нам действительно открыть дверь на балкон. Как ты?

МЛАДШАЯ. Я тоже не собираюсь. Пока. Потом — видно будет. И чего это тебе пришло в голову? Ни в коем случае. А что, если бы и да. Сегодня это в порядке вещей. Ну, так открой дверь. Хоть чуть-чуть. Тут нечем дышать.

МАТЬ. В нашей семье пока никто ни с кем не разводился. Не открывай, а то меня продует.

МЛАДШАЯ. И все же немножко надо проветрить.

МАТЬ. Всегда случается все самое плохое, чего только можно ждать. Ну, я и дожила…

МЛАДШАЯ. А почему ты всегда ожидаешь самого плохого?

МАТЬ. Если одна из вас разведется…

СТАРШАЯ. Мама, послушай меня внимательно и посмотри на меня. Мы не собираемся разводиться. Ни я, ни моя сестра. Ты говоришь, что в нашей семье пока что никто не разводился. Мы тоже не собираемся. Так что не волнуйся, хоро-

шо? Все тихо, нигде ничего не происходит.

МАТЬ. Я о вас ничего не знаю, вы мне ничего не рассказываете, вот я всего и напридумываю себе.

СТАРШАЯ. Вчера вечером мы с мужем ездили за покупками. Вместе, вдвоем. Спустя долгое время. В супермаркет. Мне наконец удалось его уговорить, потому что он не переносит магазины. Но мне надо было много чего купить, поэтому я его и уговорила… мы кое-что присмотрели и для квартиры, потому что надо что-то поменять. Он подождал меня после работы, потом отвез… Спустя долгое время. Коллеги так посмотрели… Здорово. А то я каждый день сама таскаю сумки.

МАТЬ. Вы могли бы купить и мне.

СТАРШАЯ. Да ведь мы же купили. Я все положила на кухне, потом достану.

МАТЬ. А яйца купили?

СТАРШАЯ. И яйца.

МАТЬ. Какие? Надеюсь, не самые мелкие? Там одна скорлупа…

СТАРШАЯ. А какие бы ты хотела? Самые крупные?

МАТЬ. Нет, они очень дорогие.

МЛАДШАЯ. Мама, ведь ты знаешь, что тебе вообще не следует есть яйца, у тебя повышенный холестерин.

МАТЬ. Да я их и не ем. Только иногда кладу в тесто, а так… а вообще-то, яйца всегда должны быть в доме. На всякий случай. А ты положила их в холодильник?

СТАРШАЯ. Пока нет, потом разложу. Или сама положишь, чтобы все было так, как ты любишь.

МАТЬ. Ты никогда ничего не доводишь до конца. С самого детства.

СТАРШАЯ. Если я сама их разложу, ты потом скажешь, что не можешь найти.

МЛАДШАЯ. Не ссорьтесь. Яйца могут и подождать. Мама, я купила тебе твое любимое кофе. Сварить? Давайте выпьем кофе, а?

МАТЬ. Без кофеина?

МЛАДШАЯ. Но ведь ты именно этот хотела.

МАТЬ. Так он же безвкусный.

МЛАДШАЯ. Я добавлю в него немного нормального — для аромата, ладно?

МАТЬ. Опять у меня подскочит давление.

МЛАДШАЯ. Ну, я уж не знаю… А что бы ты хотела выпить?

МАТЬ. Мне ничего не хочется.

СТАРШАЯ. Может, хорошего чая? Что скажешь? С кексами. Я купила такие маленькие, хрустящие, которые тебе понравились в прошлый раз.

МАТЬ. Чай? Но ведь у меня нет гриппа. Лучше

скажите, что у вас нового.

СТАРШАЯ. Сплошная карусель… Одно и то же. И не знаю даже, что бы такое…

МАТЬ. А вы не хотите переоборудовать квартиру, раз уж что-то купили?

СТАРШАЯ. Да так, по мелочам. Кое-что вышло из строя — ручки, водопроводные краники… Я месяцами его заставляла… наконец-то все купили. А теперь его надо заставлять, чтобы он все это приделал. Скорее всего придется приглашать мастера…

МАТЬ. Ты сама его выбирала, поздно жаловаться.

СТАРШАЯ. А я и не жалуюсь, я только так говорю. Что, мне уже и сказать нельзя? Ты ведь спросила, что нового, ну так…

МЛАДШАЯ. Пойду сделаю бутерброды.

МАТЬ. Одна только еда, кофе, еда… Вы и поговорить-то нормально не можете.

МЛАДШАЯ. Как в старые времена. Стоило только появиться в гостях, еще ничего не успевали сказать друг другу, а уже сразу — еда, кофе, вино, сладкое, угощайтесь, попробуйте, не обижайте меня…

Тишина.

СТАРШАЯ. Ну, так я пойду…

МЛАДШАЯ. Помните, как мы ходили в гости? Нам хотелось поговорить, а вы с тетей Божкой только и делали, что предлагали: возьми это, возьми то, попробуй это, доешь то, положи себе это… Мы, наверное, в тебя, мама.

МАТЬ. В меня? Ну, не знаю…

МЛАДШАЯ. Только мы не такие совершенные.

СТАРШАЯ. Не такие хорошие.

МЛАДШАЯ. Не такие совершенные.

СТАРШАЯ. Не такие заботливые.

МЛАДШАЯ. Не такие красивые.

СТАРШАЯ. Не такие послушные.

МЛАДШАЯ. Не такие порядочные.

СТАРШАЯ. Не такие трудолюбивые.

МЛАДШАЯ. Не такие приятные.

СТАРШАЯ. Сколько всего этих букв «п»? Три?

Обе сестры подхватывают МАТЬ и начинают с ней танцевать, шалить. МАТЬ сопротивляется, но не сильно. Они запыхались, устали и садятся вокруг стола.

МАТЬ. Вы всегда любили подурачиться. Такими вы и остались.

МЛАДШАЯ. А в кого мы такие?

МАТЬ. Я все время одна.

МЛАДШАЯ. И вот мы опять дома. Опять все

вместе.

СТАРШАЯ. Это не правда. Сейчас ты не одна.

МАТЬ. Я очень часто бываю одна.

МЛАДШАЯ. И я часто остаюсь одна…

МАТЬ *(с интересом).* Это как же? Что, разве твой не бывает вечерами дома?

МЛАДШАЯ. Когда как. Но даже когда он дома, то…

МАТЬ. То что?

МЛАДШАЯ. Ничего.

МАТЬ. Прекрасно. Ну и не жалуйся. Ты ведь никогда не поддавалась уговорам.

МЛАДШАЯ. Но ведь я и не жалуюсь. Кажется, уже не на что. Нормально, да?

СТАРШАЯ. Мы и так это знаем… правда, мама? Ну, так как, что-нибудь быстренько сообразим? Например, омлет с луком…

МАТЬ. Омлет?

МЛАДШАЯ. Она хочет доставить тебе удовольствие.

МАТЬ. Омлетом?

МЛАДШАЯ. А что бы тебя порадовало?

МАТЬ. Одна моя знакомая, когда ей было плохо, чтобы никому не надоедать, совсем перестала есть. И ушла тихо, достойно. Иногда я ей так завидую. О чем это ты спрашивала?

СТАРШАЯ. Я уже не выдерживаю.
МАТЬ. Что не выдерживаешь?

Звонит телефон. МАТЬ поспешно снимает трубку. Делает знак дочерям, чтобы ее оставили. Обе встают, МАТЬ прощается с ними кивком. Дочери уходят. МАТЬ остается в комнате одна.

Явление 3

(МАТЬ, БОЖКА)

МАТЬ. Да, Божка, это я. Да, одна. Что поделаешь? Вот так всегда со стариками и бывает, чего мне жаловаться. Вот суставы болят, а так… конечно, приходят. Всего накупят, сделают, что нужно… и поговорим. А ты как? Я рада. Да, здоровье. С этим уже ничего не поделаешь. А твои девочки? Я рада. Передай им от меня привет.

Явление 4

(МАТЬ, СТАРШАЯ)

Входит СТАРШАЯ дочь. БОЖКА стоит в углу комнаты и наблюдает за диалогом МАТЕРИ и СТАРШЕЙ. По ходу дальнейшего действия она будет время от времени то появляться, то исчезать.

СТАРШАЯ. Кто звонил, мама?

МАТЬ. Ты не пошла домой? Ну, кто же мне может звонить, тетя Божка, конечно.

СТАРШАЯ. Как она поживает?

МАТЬ. Она передает тебе привет.

СТАРШАЯ. Спасибо.

МАТЬ. К ней сейчас как раз пришли девочки.

СТАРШАЯ. Что у них нового?

МАТЬ. Ходят друг к другу в гости… у них всегда весело. Помогают друг другу… Божка навещала свою младшую, у них новый дом. А я уже давно у вас не была, уж и не помню, как все там у вас выглядит. Наверняка купили что-нибудь новенькое.

СТАРШАЯ. Но ведь тебе трудно ходить… лучше мы придем к тебе. Хотя, если хочешь, мы можем что-нибудь придумать.

МАТЬ. Я не хочу навязываться, не хочу быть вам в тягость.

СТАРШАЯ. А когда это ты была нам в тягость? Ведь ты отлично знаешь, что не можешь быть нам в тягость.

МАТЬ. Не заставляй себя, если тебе не хочется, чтобы я пришла.

СТАРШАЯ. Я не хочу, чтобы ты простудилась.

МАТЬ. Но ведь у вас есть машина.

СТАРШАЯ. Что-нибудь придумаем… Закрой себе колени. Мне уже пора уходить. В следующий раз, когда я приду, уберусь. Я тебе позвоню. Телевизор включить?

МАТЬ. Я сама. Все равно там ничего нет…

СТАРШАЯ. Эти колени… Включить телевизор? Все, я уже ушла. Я позвоню.

МАТЬ не отвечает. СТАРШАЯ уходит.

Явление 5

(МАТЬ)

МАТЬ. Все я им должна подсказывать. Нормально даже ничего купить не могут. Бессовестные. Стыдно кому-нибудь сказать. Что люди подумают? Не понимаю, чем это они целые дни заняты. Все гоняются за модой? А ведь ходят как общипанные курицы. Только и делают, что носятся, носятся. Никакого толку от этого. И на все обижаются. Только и могут что обижаться. Как будто я не имею права высказать им все, что думаю. А кто еще им скажет, если не мать? Они совсем не выглядят счастливыми. Ни капельки. Ни одна из них. Как будто я им не желаю счастья. Я всегда мечтала о большой семье. Я думала, две дочери, выйдут замуж, еще два зятя, внучата, будем ходить друг к другу в гости… Сколько я молилась об этом. Господь меня не услышал… а может, он и услышал, но вот только дочери — нет.

Во время монолога МАТЬ ходит по комнате, достает разные ящики и ящички, которые находятся в стенах. Из одного ящика она вытаскивает мужские носки, смотрит на них, обнаруживает

дырку и бросает обратно. Из другого вынимает галстук. Потом мужской носовой платок. Кладет на вешалку шляпу, которую вытащила из шкафа, затем надевает ее. Производит впечатление мужской фигуры.

С тобой все было точно так же. Встречи, приятели, карты, кафе, что я с этого имела? А теперь? Все кого-то жду, но никто не приходит. А если и придут, то сразу же бегут к двери. Точно так же, как и ты. Я понимаю, что они не могут здесь долго со мной быть, у каждой своя жизнь… И я даже не уверена, что мне тебя не хватает. Мне теперь не для кого готовить обед, а в остальном… Ни в карты ты со мной не играл, ни в кафе не ходил, ни к друзьям… ни в гости… я с тобой не ходила, а когда мы куда-нибудь отправлялись вместе, это были сплошные нервы, мы не знали, что нам делать, как вести себя…

Явление 6

(МАТЬ, СВЯЩЕННИК)

Наконец МАТЬ открывает одну из дверей. Там — исповедальная комната. МАТЬ опускается на колени, что-то шепчет. Минуту спустя говорит громче, почти во весь голос.

МАТЬ. Я совсем ничего о них не знаю. Как живут, что делают…

СВЯЩЕННИК. Не переживайте. Ведь они уже взрослые. МАТЬ. Но ведь я совсем ничего о них не знаю! СВЯЩЕННИК. Дети покидают родителей, так устроена жизнь.

МАТЬ. Я не знаю, счастливы ли они.

СВЯЩЕННИК. А не грешат ли они?

МАТЬ. Нет, они удачно вышли замуж, не разведены… Это хорошие девочки…

СВЯЩЕННИК. А не пренебрегают ли они ежедневными молитвами?

МАТЬ. Ну да нет, вообще-то, я не знаю, они это… ведь я с ними не молюсь.

СВЯЩЕННИК. Понятно. Мы не можем исповедоваться за чужие грехи. Вы воспитали их в вере? Научили их молиться?

МАТЬ. Ну да. Я старалась. Понимаете, у нынешней молодежи своя голова…

СВЯЩЕННИК. Молитесь о них. Нынешний мир нуждается в мужественных женщинах. В таких, которые все вынесут. Вы ведь видите, что происходит вокруг… Без вас, без ваших достоинств, смирения мир бы рухнул.

МАТЬ. Но ведь я молюсь. Я все время молюсь. *(Пауза.)* Думаете, что и правда, мир бы рухнул? Мне бы этого не хотелось.

Беседующие переходят на шепот.

Когда я вас слушаю, мне становится так легко. Как будто камень с души упал. Ведь кому же мне еще верить, как не вам…

СВЯЩЕННИК. Отмаливайте свои грехи… *(Шепотом.)* И я отпущу их тебе.

МАТЬ закрывает шкаф.

Явление 7

(МАТЬ, МЛАДШАЯ)

Входит МЛАДШАЯ.

МЛАДШАЯ. Тебе правда ничего не нужно?

МАТЬ. Ты здесь? Когда ты пришла? Включи телевизор. И прикрой мне колени. Не этим, в клетку. Оно теплее. Вот так, хорошо. Позвони мне. Я скажу тебе, что купить. Послушай, ты думаешь, что без нас мир бы рухнул?

МЛАДШАЯ. Мир? Какой мир? Рухнул? Куда? Как ты это себе представляешь?

МАТЬ. Да так, ничего, вдруг пришло в голову… Включи телевизор.

МЛАДШАЯ включает телевизор. МАТЬ смотрит на экран. Когда МЛАДШАЯ уходит, МАТЬ встает, подходит к одной из дверей, открывает ее. На переднем плане появляется другая комната. МАТЬ снова садится и нажимает на пульт. Затем наблюдает происходящее как бы в параллельном пространстве, будто в фильме.

Явление 8

(СТАРШАЯ, МУЖ 1, МАТЬ и МЛАДШАЯ В КАЧЕСТВЕ ЗРИТЕЛЕЙ)

Действие происходит в другом пространстве. МУЖ 1, повернувшись спиной к зрителям, сидит за столом и плачет. К нему медленно приближается СТАРШАЯ. Она уже одета иначе, у нее другая прическа и макияж, она выглядит так, как могла выглядеть только в молодости. МУЖ 1 ее не видит. Старшая останавливается на расстоянии от МУЖА 1 и с удивлением смотрит на него. Затем осторожно приближается на шаг, два, пытается рассмотреть его вблизи, но не хочет его беспокоить. Осматривает его, глядит на него сзади, спереди, он не обращает внимания на ее присутствие. СТАРШАЯ издалека делает вид, будто обнимает его. Она в ужасе оттого, что он плачет, жалеет его, удивляется. Порой ей это смешно, но потом она останавливается, как бы запрещая это себе.

МАТЬ *(щелкает выключателем, фигуры исчезают).* Все это я уже видела, пропущу некоторые сцены. Вот эта до бесконечности будет рассказывать о том, как они познакомились. И все время станет подчеркивать, что у нее такой чувстви-

тельный муж.

Входит МЛАДШАЯ.

МЛАДШАЯ. Что ты делаешь?

МАТЬ. Смотрю.

МЛАДШАЯ. Покажи. Этого я еще не видела… Вот так они и познакомились? Посмотрим с начала?

МАТЬ. Все одно и то же.

МЛАДШАЯ. Мне она так подробно не рассказывала. А тебе?

МАТЬ вновь включает пульт, фигуры оживают. МАТЬ и МЛАДШАЯ вместе смотрят.

СТАРШАЯ. Что случилось? Его бросили? Жена? Любовница? Бедняжка! Я знаю, как это больно. Это очень болит. И как только она могла бросить такого чувствительного мужчину? Видно, это жестокая женщина. Наверняка она ему совсем не подходила. Женщины умеют быть жестокими. И мужчины тоже, но этот — другой. Сегодня уже почти нет мужчин, которые могут так плакать. Наверняка он очень чувствительный. Надо бы с ним поговорить, попытаться утешить его… Только разве я могу сравниться с той, что его бросила? Она была очень красива? Надо бы его пожалеть…

только чтобы это не выглядело так, будто я ему навязываюсь.

МЛАДШАЯ. И правда, надо бы немножко ускорить события.

МАТЬ щелкает пультом.

СТАРШАЯ *(в ускоренном темпе).* Та, его настоящая любовь, которая его покинула, она, должно быть, была женщина с большой буквы. Наверняка ни одна с ней не может сравниться. Наверняка она обвела его вокруг пальца. Поэтому-то она и бросила его. А он теперь плачет. Но у меня нет шансов…

Голова мужчины лежит на руках. Он сидит неподвижно, раздается слабый звук. Действие начинает понемногу ускоряться.

А что, если его жена умерла! Нет, тогда бы он вот так не сидел тут, он бы занимался похоронами. Или его покинул мужчина? Он любит мужчину? Я не могу даже подумать об этом. А может, у него умерла мать. Мужчины обычно сильно привязаны к матери. Кто знает, может быть, я хоть чуточку напоминала бы ему ее. Перестал плакать. А что теперь? Что мне делать? Надо ковать железо, пока горячо. Когда мужчина плачет, это

означает, что он сломлен. Потом, возможно, он будет стыдиться этого. *(Наклоняется над МУЖЕМ 1 и нежно толкает его в бок.)*

МУЖ 1 снова начинает плакать.

Ну, слава богу, еще не все потеряно. Дай боже, чтобы он не плакал из-за женщины. А если бы… Возможно, у него что-то не получилось. Но тогда он был бы скорее рассержен. А может быть, его выгнали с работы. А может, он опоздал на поезд. Или голоден. В таком случае пришел мой час. Я бы могла его успокоить. Заполучить. Поймать. А нужно ли мне еще кого-то ловить? Пока я четко не отвечу на этот вопрос, мне не стоит и начинать.

СТАРШАЯ. Мне это уже не интересно.

МЛАДШАЯ. И при этом она делает вид, что у нее дома бог знает кто.

МАТЬ. Не знаю, пожалеть ее или посмеяться.

МЛАДШАЯ. Не жалей ее. Она получила то, что хотела. И не издевайся, а то тебя хватит удар. Посиди еще, а потом согрей себе супу. Я позвоню тебе.

МАТЬ не реагирует, МЛАДШАЯ на прощание кивает ей, МАТЬ по-прежнему не обращает на нее внимания, напряженно следит за тем, что происходит в параллельном пространстве.

СТАРШАЯ. Может быть, он проиграл в карты. Или ему не досталось пива. Если бы только я могла исполнить все, из-за чего он плачет?! Только бы снова не перестал. (*Внезапно ее осеняет.)* Он плачет о себе? Исковерканная жизнь и все такое… Ему могли бы помочь новые отношения. Я — к его услугам. Готова ли я? Куда я дела эту книгу? «40 советов, как утешить мужчину». Я бы могла ее освоить. Попробую убедить его, если он плачет о себе, то ему не стоит этого делать, потому что он — потрясающий, ведь уже одно то, что он может плакать, это потрясающе… *(Вытаскивает из кармана фартука кубик для лото и бросает в него.)* Если выпадет шестерка, это значит, что он плачет о себе. Мне удастся убедить его, что еще не все потеряно. Что он — потрясающий. Один. Наверное, у меня дрожат руки. Еще раз. Один. Закрою глаза, потому что мое желание наверняка повлияет на результат. Тройка. Это уже ближе… и снова — один. Наверное, он все же плачет не о себе. А может, его не выбрали председателем комитета управления областью или председателем какого-нибудь… Он растратился, и об этом узнали… Нет, с таким я не хочу иметь ничего общего. *(Приближается к нему и склоняется над ним.)* Ну? Чего ревешь? Почему? Кто на все это должен

смотреть? *(Спохватывается, говорит уже более мирно.)* Нет, мне не следует действовать с таким напором. А что если это нежная душа. Он плачет, а я на него кричу. Такой чувствительный человек… И что я за человек? Надо начинать нежно, нежненько…

Мужчина опять безутешно плачет. Его голова лежит на ладонях, плечи сгорблены.

СТАРШАЯ. Я его обманула. И не политика, и не спекуляция. (*Подходит к нему, обнимает его за плени.)*

МУЖ 1 позволяет гладить себя, не обращает внимания на то, кто его гладит, но реагирует на прикосновения. СТАРШАЯ подает ему носовой платок, он сморкается, потом она подает ему тазик, МУЖ 1 моет руки и лицо. Она подает ему крем для лица, МУЖ 1 мажется, она подает ему бритвенный прибор, МУЖ 1 начинает бриться, она с любовью наблюдает за ним, а потом причесывает его. Подает ему новую рубашку или футболку, брызгает туалетной водой. МУЖ 1 перестает плакать, он благодарен за внимание, которое оказывает ему СТАРШАЯ. Она укладывает его в постель. Она готовится лечь спать с МУЖЕМ 1. Перед кроватью разворачивает плакат с надписью «HAPPYEND». Потом берет у МАТЕРИ пульт, щелкает им и выключает экран. МАТЬ встает и ищет пульт. Входит МЛАДШАЯ,

находит пульт на полу, включает его, и на экране появляется надпись «HAPPYEND № 2». Действие в параллельном помещении продолжается. СТАРШАЯ склоняется над тарелкой, МУЖ 1 сидит за столом, ест, смотрит телевизионные новости. Не обращает внимания на СТАРШУЮ. СТАРШАЯ моет посуду, потом вытирает пыль.

Ты не мог бы вынести мусор?

МУЖ 1. Вчера я его уже выносил.

СТАРШАЯ. Ты вчера ел, и сегодня ты ел тоже.

МУЖ 1. Эти твои разговоры… Ты что, не можешь захватить его, когда пойдешь в магазин?

СТАРШАЯ. Не могу. Я не пойду в магазин.

МУЖ 1. Хотел бы я знать почему.

СТАРШАЯ. Из принципа.

МУЖ 1. Плевал я на твои принципы.

СТАРШАЯ. Ну и плюй, а я брошу этот мусор тебе в кровать.

МУЖ 1. А я переселюсь в другую комнату, и на мусоре будешь спать ты.

МАТЬ и МЛАДШАЯ напряженно следят, что будет дальше.

СТАРШАЯ. Я должна была это предвидеть… Под знаком Скорпиона… И этот кубик, да и те карты…

Параллельное действие во время диалога СТАРШЕЙ и МУЖА 1,

МАТЬ и СТАРШАЯ не обращают внимания друг на друга.

МАТЬ. Ничего не поделаешь. Потому что ты меня не послушалась. Но я здесь уже не задержусь, мне уже недолго осталось на все это смотреть.

МУЖ 1 *(Матери).* Вы уже давно обещаете, и все никак.

МАТЬ и **СТАРШАЯ** *(вместе).* Ты что это такое сказал?

МЛАДШАЯ. Что ты сказал?

МАТЬ. Это на него похоже. Грубиян. Я не хочу это слушать.

МАТЬ задумчиво держит в руках пульт, играет с ним: выключить — не выключить. СТАРШАЯ со страхом смотрит на нее.

СТАРШАЯ. Что ты такое сказал?!

СТАРШАЯ быстро поднимает над головой плакат с надписью «HAPPYEND № 3» и свистит в судейский свисток. МАТЬ, которая выглядела подавленной, становится внимательнее, кладет пульт и снова смотрит. СТАРШАЯ вытирает пыль, МУЖ 1 упражняется с гирями.

МУЖ 1. Так ты говоришь, я плакал? Раз-два, раз-два, ой, уже вспоминаю! Как это было давно! Ты еще помнишь об этом?! Это было ужасно. Никогда до этого со мной такого не случалось. И

никогда потом. Три, четыре, пять, шесть. А как ты сердилась, когда я не хотел тебе сказать почему… Ты уже не умеешь так замечательно сердиться, как тогда. Я не мог тебе сказать почему. Ух, двадцать, двадцать один, не мог, тридцать два…

СТАРШАЯ не слушает его, продолжает делать свое дело.

Я плакал, потому что… я узнал нечто ужасное. Пятьдесят, пятьдесят один. Я узнал, ух, шестьдесят, сколько? Сколько раз я уже сделал? Ты не считаешь? Ты вообще обращаешь на меня внимание? А… все равно. Когда-то я играл в футбол. У нас был сказочный тренер. Дядя Ферро. Парень — супер. Он умер. Я узнал об этом после похорон. Сто двадцать… Сто тридцать. Случайно я узнал, что он следил за нами, за шалопаями, которые играли за клуб. Как тайный агент, понимаешь? При коммунизме. Возможно, он и выдавал нас, откуда я знаю… Когда мы играли за границей. Доносил. Не знаю, о чем он там писал. Мне бы даже во сне никогда не приснилось, что на меня может кто-то доносить. Я думал, что если кто-то это и делал, так это врач. Но чтобы дядя Ферро? Он был мне как отец.

СТАРШАЯ поднимает голову.

От этого меня тогда так разобрало… Сегодня мне уже все равно. Ведь он никого не обидел. Возможно, он просто хотел нас защитить, чтобы на нас не доносил кто-то другой, кто бы действительно был опасен, поэтому-то он и взял это на себя… *(Как бы застыдившись.)* Он был для меня примером.

СТАРШАЯ. Ну и не думай больше об этом.

МУЖ 1. Он хотел, чтобы мы могли ездить. Вероятно, он защищал нас. Ведь мы были почти дети, щенята… Никто из нас не был гомосексуалистом, ни у кого не было внебрачных связей, это скорее он… хотя сегодня это уже не имеет никакого значения. Как только тогда я узнал об этом… Я расплакался, как маленький ребенок. *(Включает телевизор, там показывают футбол.)*

СТАРШАЯ вытирает пыль.

СТАРШАЯ *(сама с собой).* На все плохое найдется что-нибудь и хорошее. Отнесу цветы на могилу этому дяде Ферро. Все плохое…

МАТЬ щелкает пультом и выключает телевизор. Фигуры замирают в напряженной позе.

Явление 9

(МАТЬ, БОЖКА)

В комнату тихонько крадется БОЖКА.

МАТЬ. Я никому об этом не скажу. А Божке — тем более. Мне не надо было включать. Вот теперь не засну. Когда я хотела вымолить для нее хорошего мужа, я все ругалась, что, мол, это так неловко. А что неловко — вымолить для дочери хорошего мужа? Вот Божке это удалось. Она и на службе молилась о том, чтобы ее дочери удачно вышли замуж. Вот они хорошо и вышли. А потом — разводиться, разве это все так просто? Я могла бы все это сделать втайне, а потом уже и похвалиться. Она и так бы мне не поверила, что это моя заслуга. Я, мол, с этим не имею ничего общего. За кого бы она потом вышла? *(Подходит к вешалке, одетой в мужчину.)* Радуйся, что ты не дожил до этого. А еще завидовал мне, что, мол, женщины живут дольше. Ну, благодарствую. Что бы ты тут без меня делал? Даже суп бы не смог сварить. И кто знает, стали бы дочери прыгать вокруг тебя больше, чем вокруг меня. Кто знает, стали бы они

тебе рассказывать, как живут… пустой разговор.

Звонит телефон.

Божка? Вот видишь, а я как раз собиралась тебе позвонить. Телепатия, да. Как вы там поживаете? Вот видишь! Вымолила ты все-таки, вот и получила. Не спрашивай. Страшно много работают. У нас было много работы, а уж у них… *(Пауза.)* Слушай, Божка, ты думаешь, что мир бы без нас рухнул? Нет, ведь правда? Не рухнул. Представь, пан священник сказал мне… долго рассказывать. Я уже не помню, что он сказал… По-моему, так, что если мы все не выдержим, нет, так он не говорил, это я придумываю. Последнее время у меня такая дурная голова.

Явление 10

(МАТЬ, СТАРШАЯ, МЛАДШАЯ, ВНАЧАЛЕ И БОЖКА)

В комнату входит СТАРШАЯ.

МАТЬ. Звонит тетя Божка. *(В телефон.)* Да, здесь. Спасибо, она передает тебе привет. Да, да. *(Делает гримасу Старшей, плаксиво.)* Господь Бог не оставил меня на старости лет одну. Но я скажу этой своей, пусть зайдет, у меня кончились лекарства от давления… ты достала ту мазь, о которой в прошлый раз говорила? Береги себя, пока.

БОЖКА. И ты береги, моя милая. *(Садится в угол. Сидит.)*

СТАРШАЯ подходит к МАТЕРИ и начинает массировать ей спину. Потом растирает ей ноги, надевает чулки. Затем стрижет ногти на руках.

МАТЬ. Осторожно. В прошлый раз ты меня укололa.

СТАРШАЯ. Когда это?

МАТЬ. В прошлый раз.

СТАРШАЯ. Да?

МАТЬ. А теперь достань чистую скатерть. Наверное, ее надо погладить.

СТАРШАЯ. Я не буду гладить. Я купила новую, немнущуюся.

МАТЬ. С тех пор как я перестала печь, у нас совсем ничего нет, нечего даже перекусить.

СТАРШАЯ. Я купила…

МАТЬ. Этому твоему «купила» — грош цена.

Входит МЛАДШАЯ.

МЛАДШАЯ. Мама, я тут. У тебя все в порядке?

МАТЬ. Я? В порядке? Лучше ты скажи. Что у тебя нового? О девочках Божки я знаю больше, чем о вас двоих.

МЛАДШАЯ. А что у них нового? Я давно их не видела.

МАТЬ. Ну так позвони им.

БОЖКА встает со стула и уходит.

МЛАДШАЯ. Мамочка, ты сегодня мерила давление?

МАТЬ. Забыла.

МЛАДШАЯ. А вчера?

МАТЬ. Вчера мерила, но я не помню, сколько оно было. Во всяком случае, я не испугалась.

СТАРШАЯ. Ну и хорошо.

МАТЬ. Я уже и не помню, когда у меня было нормальное давление.

МЛАДШАЯ. Если хочешь кофе, то сначала тебе надо померить давление, а то как бы не стало плохо.

МАТЬ. Мне и так все время плохо.

СТАРШАЯ. Ну так не пей кофе. Я сделаю тебе чай, хочешь? МАТЬ. У меня нет гриппа. Вы еще и кофе мне запретите. Включи телевизор.

МЛАДШАЯ включает телевизор. Слышен только звук.

МЛАДШАЯ. Мама, ты будешь смотреть? Ну, так я пойду, пока…

Явление 11

(МАТЬ И СТАРШАЯ ВЫСТУПАЮТ В РОЛИ ЗРИТЕЛЕЙ, МЛАДШАЯ И МУЖ 2. — В РОЛИ АКТЕРОВ)

Действие происходит в комнате. Входит МЛАДШАЯ с покупками. Достает из сумки продукты и всякие мелочи. Разглядывает купленное. Кроме всего прочего, достает туалетную бумагу, потом мыло, нюхает его, вынимает дезодорант и брызгает себе под мышки. В комнате постепенно темнеет. Достает хлеб, кладет его на стол.

Оглядывается вокруг.

МЛАДШАЯ. Не буду зажигать свет. Как спокойно. Остается только лечь в кровать — и все. Утро вечера мудренее. Боже, как я устала. *(Ставит сумки возле ножки стола, не разобрав их до конца. Вздыхает и покорно подходит к выключателю. Как бы в раздумье.)* Включить телевизор… Включить? А что там? Новости. Одни ужасы. Посмотреть автоответчик? А кто мне может оставить сообщение… На мобильный мне никто не звонил? Почему это мне никто не звонил? (*Включает автоответчик.)*

МУЖСКОЙ ГОЛОС НА АВТООТВЕТЧИКЕ. Любовь моя, я ухожу. Больше мы уже не увидимся. Ты меня еще увидишь, а я тебя — нет. Я люблю тебя, но все это ни к чему. И ты, ты любишь меня, хотя и сама не знаешь об этом. Ты не хочешь этого знать. Прощай…

Звонит телефон.

МЛАДШАЯ. Опять он нализался. Все никак не перестанет пьянствовать. Дебил. «Мы уже не увидимся… Я ухожу…» Ну и пошел ко всем чертям, кому ты нужен? Ты уже и так слишком долго пил мою кровь. У меня опять поднялось давление. И настроение пропало. Хуже, чем телевизионные новости.

На автоответчике звучит следующее сообщение, тот же самый голос.

МУЖСКОЙ ГОЛОС НА АВТООТВЕТЧИКЕ. Когда ты услышишь это сообщение, меня уже не будет. Прощай.

МЛАДШАЯ. Что еще?

МУЖСКОЙ ГОЛОС НА АВТООТВЕТЧИКЕ. Взгляни вверх.

МЛАДШАЯ включает свет. Видит в комнате повешенного. МЛАДШАЯ

вскрикивает. Кажется, что она вот-вот упадет в обморок, но она берет себя в руки. Визжит. С минуту визжит. В комнату входит СТАРШАЯ. Продолжает визжать, потом падает в обморок. МУЖ 2 освобождается от веревки. Подходит к ней и крестит ее. Осторожно треплет ее по щекам. ЖЕНА приходит в себя, таращит глаза и снова падает в обморок. Затем открывает глаза, вскакивает на ноги и дает мужу пощечину. Снова падает на пол.

СТАРШАЯ. Мама, случилось что-нибудь? Кто-то кричал. Ты в порядке?

МАТЬ. Тише, не мешай.

СТАРШАЯ. Дай посмотреть. Ведь я этого еще не видела. *(Садится рядом с Матерью.)*

МУЖ 2. Я только хотел узнать, любишь ли ты меня. Теперь я вижу, что я тебе не безразличен. Только это я и хотел узнать. Я доволен. *(Пауза.)* Выпьем немножко?

МЛАДШАЯ снова вскакивает и опять шлепает МУЖА. Сначала бьет руками, потом хватает хозяйственную сумку, которая стоит у ножки стола. Вероятно, в сумке лежит бутылка, сок в коробке или что-то еще твердое. Она бьет сумкой куда попало.

МЛАДШАЯ. Ненавижу тебя, повесься уж наконец, чтобы все это закончилось.

МУЖ 2 держит руки над головой. Убегает, прячется, ему удается выбежать в дверь. Двери хлопают. МЛАДШАЯ устало садится на стул. Медленно разувается, снимает чулки, под свитером расстегивает бюстгальтер и вытаскивает его через рукава — чтобы расслабиться. Она еще запыхавшаяся, но уже более спокойная. Над столом в задней части комнаты еще висит веревка. МЛАДШАЯ ногой придвигает к себе хозяйственную сумку, достает из нее бутылку. Стучит ею об стол, ясно, что это пластмассовая бутылка с водкой или виски. МЛАДШАЯ делает глоток из бутылки. Потом начинает разбирать покупки. Достает из сумки масло, муку, зубную пасту.

Разговаривает с ними.

(Обращаясь к зубной пасте.) Зачем он это делает? Как ты думаешь, зачем? Не знаешь. *(Читает состав зубной пасты.)* Наверное, у меня будут белые зубы. Гм. Зубы. Надо было мне его отлупить. А то он опять возьмется за свое. Он всегда так поступает. Ему нравится, как я страдаю. Дурак ненормальный. Я страдаю, а он веселится. А потом говорит, что любит меня, я совсем расклеилась... Надо было мне его выгнать. Когда он сделал это в последний раз? Давно. Я уже думала, что он успокоился. Он никогда не успокоится. А что, если однажды он достанет пистолет? Или

бросит в ванную включенный фен? Что тогда? Кто докажет, что это не моих рук дело? Мне нужны эти неприятности? Как будто у меня нет проблем и без него. Разве мне было хуже, когда я не подозревала о его существовании? На улице холодно. Наверное, не замерзнет. Думаю, у него есть деньги, чтобы зайти в бар… Куда он пойдет? Но я должна была его выгнать. Пусть в следующий раз не делает этого. *(Проходит в глубь комнаты, подходит к веревке, смотрит на нее, руки в боки, изучает веревку.)* Одни конструируют самолетики, другие покупают порножурналы, а он время от времени вешается. И почему только каждый раз я путаюсь так, будто это в первый раз? Мне всегда кажется, что это уже конец. Все. Поэтому-то я и падаю в обморок. Или не поэтому? Однажды это случится на самом деле. Скорей бы уж это случилось. А что, если бы повесилась я? Как сделать, чтобы выглядело, будто человек повесился, а на самом деле… Может, и правда он поступает так для того, чтобы выяснить, люблю я его или нет?

Из глубины комнаты выходит МУЖ 2, МЛАДШАЯ смотрит на него. Он останавливается около нее. Они смотрят друг на друга. Затем они подходят друг к другу, обнимаются, танцуют танго или вальс. МЛАДШАЯ освобождается из его объятий,

поворачивается и подходит к столу. Распаковывает все покупки, складывает их в буфет и в холодильник. Резко поворачивается.

Смотри, больше не вешайся!

Комната сразу пустеет.

И зачем только ты это делаешь? Мы могли бы жить спокойно, как все люди. Тихие вечера, спокойные уик-энды. И праздники. Мы могли бы на Рождество приготовить карпа, на Пасху — баранинку, на май — штрудель с черешней, летом — абрикосовый рулет, в канун Нового года — щи с квашеной капустой, на Новый год — студень или запечь свининку... И вместе поехать в горы, к морю... Ты бы подождал меня на машине возле офиса, отвез бы за покупками, а я бы купила тебе новые носки и рубашку, мы пошли бы в кино... И почему только мы не можем жить как все нормальные люди?

МУЖ 2 неожиданно входит в комнату через окно. МЛАДШАЯ не обращает на него внимания.

Я должна это попробовать еще раз. Сложу-ка я все обратно в сумку.

Быстро начинает доставать все из холодильника и укладывать

в сумку.

Приду домой, все будет в порядке. А почему бы и не быть? Ведь это не может случаться каждый день, а уж тем более два раза на дню… Я дам ему шанс. Каждый нуждается в том, чтобы ему дали шанс. Что я могу ему дать, как не еще один шанс? Меня не убудет. Оставлю двери открытыми, может, он вернется. Может, все кончится хорошо.

Выходит через дверь, сумку с покупками забывает на столе. МУЖ 2 подходит ближе к столу, снова складывает продукты в холодильник.

МУЖ 2. Приготовлю-ка я ужин, свечи, атмосфера — все закончится хорошо.

В дверь входит МЛАДШАЯ. Зажигает свет. Включает телевизор. Показывают сериал. Замирает перед телевизором. Смотрит.

ГОЛОСА ИЗ ТЕЛЕВИЗОРА. Ох, Франческо, и почему ты меня не любишь? Почему?

Диалоги могут продолжаться на испанском языке. МЛАДШАЯ не отрываясь смотрит сериал. Экран находится близко от нее, слышны звуки, разговор, рыдания. Младшая осторожно садится на край кресла, плачет, вытирает слезы. Звуки меняются — в телевизоре реклама зубной пасты, которая прерывает ее размышления. Она собирается сложить покупки. Стол пустой.

Открывает холодильник, видит, что продукты уже убраны.

МЛАДШАЯ. Сама не знаю, что делаю. Разве я их уже положила?

Слышно легкое поскрипывание.

Что это?

Скрип повторяется.

Сквозняк? Кто-то открыл окно?

Открываются некоторые из дверей — небольшие, чтобы не нарушить вид шкафчика. Из дверей вываливается МУЖ 2, связанный шпагатом.

Я не упаду в обморок. Я не буду кричать. Просто я по-хорошему поговорю с ним. Послушай, золотко, для чего ты все это делаешь? Чего ты хочешь этим добиться? Ведь я и так тебя люблю. Зачем ты меня мучаешь?

МУЖ 2 по-прежнему лежит на боку, как кукла, его рот может быть завязан платком.

(Кричит на него.) Мне опять тебя освобождать? Как завязался, так и развязывайся, или я дам тебе под зад, засранец! Я побью тебя, слышишь? Смотри — умри, а то я и в самом деле тебя убью, я

уже не в состоянии все это выдержать! *(Бьет его кулаками.)* А ведь я могу на это и наплевать.

По телевизору заканчивается реклама, и фильм продолжается. МУЖ 2 по-прежнему лежит на боку.

Все закончится хорошо. Правда. Посмотри, как они любят друг друга. И никто никому не делает ничего дурного. Никто не вешается. Никто не вываливается из шкафа. Они ругаются — это правда, кричат, но потом мирятся, а как они любят друг друга, боже, как они любят. Со мной этого не может быть. *(Вздыхает, отходит от телевизора. Надевает халат, садится к зеркалу, наносит себе на лицо маску из крема. Подходит к МУЖУ 2, развязывает его и гладит.)*

МУЖ 2 отталкивает ее и уходит.

МЛАДШАЯ *(кокетливо ему вслед).* А когда ты изобразишь утопленника?

За стеной раздается выстрел.

Уже иду. Потерпи, я только разглажу себе морщины. Как я уже постарела. Или нет? А может, здесь просто плохое освещение.

Из-за зеркала выходит СТАРШАЯ. И у нее на лице маска из

крема. Смотрят друг на друга.

МЛАДШАЯ. Это я или не я? Я красивая или нет?

СТАРШАЯ уходит, входит МАТЬ. И у нее на лице маска из крема.

Это я? Ага! Здесь есть кто-то? Или я одна?

За сценой снова раздается выстрел. СТАРШАЯ возвращается, стоит вместе с МАТЕРЬЮ за зеркалом, у обеих на лице маски из крема.

Послушай, не зли меня. Иди сюда. Потри мне спину, я то мне ее всю сковало, меня вообще всю сковало. Шею сковало… Где ты? Ну хорошо, как хочешь, я не буду тебя больше просить. Но я хочу, чтобы ты знал, что я люблю тебя, хотя и не даю. Я всегда тебя любила. Не веришь? Давай иди сюда. И не говори мне, что ты уже умер, увалень! Ты куда себе выстрелил? Ты не можешь ходить? Не зли меня! А может, он и правда мертвый. И почему он мне не верил? Ведь он мог бы еще пожить, если бы поверил, что я люблю его больше всего на свете. Но ведь, может быть, ты еще когда-нибудь мне поверишь! Я ни в чем не виновата. Я не могу видеть, что там у тебя в голове. И ты в моей — тоже. А может, все еще закончится хорошо,

может быть. Кто знает? *(Берет веревку и вешает ее на крючок или на лампу.)* Чтобы все было у него готово на завтра. Наш брак все еще такой свежий. Наши отношения нам совсем не приелись, вот так это и должно быть.

МАТЬ садится в кресло-качалку. СТАРШАЯ стоит за ней, МЛАДШАЯ присаживается на пол. У всех троих на лицах маски из крема. Они смотрят телевизор. Сзади слышится испанский язык из сериала.

МАТЬ. Какая красивая жизнь! Как в сказке. Кто знает, чем все это закончится? Отличный сериал. Такой редко бывает. Может, они наконец поженятся. Уже заканчивается?

СТАРШАЯ. Это реклама, мама. Через минуту будет продолжение. Вздремни пока.

МАТЬ уютно устраивается в кресле. Ее голова падает набок. В комнату возвращается МЛАДШАЯ, начинает убираться. Входит МУЖ 2, в руке у него пистолет, на шее веревка и еще какие-то предметы для самоубийства.

МУЖ 2. Ты меня звала?

МЛАДШАЯ. Я? Нет. А-а-а, да. Но уже давно. Где ты был?

МУЖ 2. Испытывал новые средства. Ведь не

так-то просто использовать эти…

МЛАДШАЯ. Таблетки?

МУЖ 2. Я бы не смог это проконтролировать.

МЛАДШАЯ. Ну, так прыгай с третьего этажа или…

МУЖ 2. Харакири?

МЛАДШАЯ. Фу, на это ты не способен. Завтра будет видно. Пойду к маме.

МУЖ 2. Опять?

МЛАДШАЯ. Пойдешь со мной?

МУЖ 2. Мне некогда. Я должен еще… *(Берет с собой прибор для бритья и уходит.)*

МАТЬ. Я уснула. Уже закончилось?

СТАРШАЯ. Не знаю.

МАТЬ. Чем закончился этот сериал? Они поженились?

СТАРШАЯ. Вроде — да. Выключи.

МАТЬ. А где пульт? У тебя?

СТАРШАЯ *(подает ей пульт).* Вот он. Выключи или переключи куда-нибудь…

МАТЬ. Тебе не нравится? *(Щелкает пультом.)*

Пространство погружается в темноту.

А та, которой было плохо, она умерла?

СТАРШАЯ. Нет, она потеряла сознание, потому что беременна.

МАТЬ. Эта артистка, которая ее играет, что, она беременна? Поэтому она и умерла? Жалко, мне она очень понравилась.

СТАРШАЯ. Нет, она не умерла. Она беременна. Не знаю, может, и артистка тоже беременна, но в этом сериале… ну, эта героиня ждет ребенка. И поэтому она упала в обморок.

МАТЬ. Она такая веселая, она мне нравится.

МЛАДШАЯ *(входит в комнату).* Итак, я здесь. Выпьем все вместе кофе? Или чай? Я купила новый. Такой ароматный. А поесть? Бутерброды? Пудинг? Мороженое? Яйца? Круассаны? Орешки?

Садятся и смотрят телевизор.

Явление 12

(МАТЬ, ДОЧЕРИ, ТЕЛЕПЕРЕДАЧА «ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ С...»)

ВЕДУЩИЙ *(очень серьезно и с достоинством).* Итак, что бы вы стали делать, если бы вашего мужа избрали президентом?

СУПРУГА *(немного фривольно, кокетливо, при каждом удобном случае хихикает).* Скорей всего то, что и до сих пор: заботилась бы о нем, о домашнем хозяйстве и о гостях. Вот только я не знаю, будет ли мне позволено готовить ему еду, увидим. Вам ведь известно, что с этим делом очень строго, потому что его могут отравить.

ВЕДУЩИЙ. А почему вы думаете, что выберут именно вашего супруга?

СУПРУГА. Мне кажется, что он обладает качествами, которые должны быть у президента.

ВЕДУЩИЙ. А каковы сильные стороны его характера?

СУПРУГА. Я полагаю, что он никогда не ошибается в главном.

ВЕДУЩИЙ. По-вашему, от каких недостатков ему следует избавиться?

СУПРУГА. От основных я его уже избавила. *(Смеется.)* Он никогда не убирал за собой. Но теперь уже убирает. *(Смеется.)*

ВЕДУЩИЙ. Какие у него хобби, увлечения?

СУПРУГА. Он очень любит читать и заниматься спортом.

ВЕДУЩИЙ. Он когда-нибудь разочаровал вас?

СУПРУГА. Вам следует об этом спросить у него самого, но я уверена, что — нет. *(Смеется.)*

ВЕДУЩИЙ. Чем он вас удивил в последнее время?

СУПРУГА. Довольно часто он стал дарить мне розы. Он знает, что я их люблю, поэтому старается, чтобы они всегда были в нашем доме. Но больше всего меня удивило то, что, хотя мы и договаривались не ехать в отпуск, недавно он сказал мне, что мы поедем на неделю на море. Меня это так поразило, ведь он знает, как я люблю море.

ВЕДУЩИЙ. Он храпит?

СУПРУГА. Нет.

ВЕДУЩИЙ. Вы смогли бы простить измену?

СУПРУГА. До сих пор он не давал повода, и я надеюсь, что не даст. Не знаю, как я бы отреагировала, но пока я не хочу об этом думать.

ВЕДУЩИЙ. Какое у него самое любимое блюдо?

СУПРУГА. Утка с овощами, которую я сделала ему по случаю нашей помолвки.

ВЕДУЩИЙ, МУЖСКОЙ ГОЛОС. А какой у него самый любимый напиток?

СУПРУГА. В последнее время он полюбил чай, говорит, что за всю жизнь не выпил столько чаю, как теперь. *(Смеется.)* Во-первых, он простудился, а во-вторых, я пью много чаю, так что он заодно со мной. Конечно, он любит белое вино, когда мы ездили в отпуск...

МАТЬ. Наверняка она себе его вымолила.

МАТЬ машет рукой. Встает с кресла и открывает некоторые двери.

Щелкает пультом и выключает телевизор.

Явление 13

(МАТЬ, БОЖКА)

Звонит телефон. МАТЬ снимает трубку и взмахом руки прогоняет дочерей. В комнату входит БОЖКА, садится в дальний угол.

МАТЬ. Привет, милочка. Ну что? Я? Хорошо. И сегодня опять моя Младшая спросила, что, мол, тебе нужно, мама, мы отвезем тебя в магазин, в костел… в общем, куда захочешь. Но у меня сегодня как раз не было настроения. И Старшая обо мне заботится, еду готовит. Младшая сегодня пекла. А когда их что-то беспокоит, я и не допытываюсь, просто молюсь о них. Когда у меня на душе тоскливо, помолюсь. Ведь ты сама знаешь. В прошлый раз капеллан прочитал такую прекрасную проповедь, я даже поплакала. Но ведь Господь Бог нас не забудет. И представь, я видела там старую Тралалачку. Изображает из себя святошу. Ты помнишь, что она выделывала, когда была молодая? А теперь? Глаза отворачивает: на небеса собралась. Выглядит она неважно. И знаешь, кто теперь помогает в костеле? Та, из нашего дома,

которая живет внизу. Она всегда мне приветливо улыбалась, когда в воскресенье я шла в костел, мол, куда это вы направляетесь, пани соседка? А я каждый раз ей говорила, мол, в костел, куда же еще. А она делала мину, что, мол, вот еще одна дурочка нашлась, которая верит всяким глупостям. А теперь она помогает в костеле. Не знаю, может, ей платят. Фу, даже в костеле нет покоя. Ну, молится человек всю жизнь, а что толку? Если эта изображает из себя святошу. Дерьмо этакое. Что, я должна идти к капеллану и сказать ему, что и как? Он ответит, что, мол, овечка вернулась в стадо. Какое ему до нее дело? А ей ничего, представь. Будто рыбка. А у меня, хотя я целыми днями и молюсь, у меня все болит. Такова жизнь. И как это только Господь все устроил, не знаю. Я его не понимаю. И за что он меня так наказывает? Нет, я знаю, что не наказывает. Кого он любит, тому и дарит страдания. Так что меня он, должно быть, очень сильно любит. Да я и не жалуюсь. Не буду богохульствовать. Хорошо, милочка, и тебя тоже приветствую. Позвоню, хорошо. Передам, и ты передавай.

БОЖКА. И ты передавай.

Явление 14

(МАТЬ, ТЕЛЕВИЗОР ИЛИ РАДИО)

МАТЬ щелкает пультом.

МУЖСКОЙ ГОЛОС / МУЖЧИНА. Другой опасностью является падение нравов, особенно у девушек и женщин, но и у мужчин тоже. Истинная любовь к человеку — это такая любовь, которая согласуется с Богом и его заповедями. В противном случае человек превращается в вещь, которую раньше или позже выбросят. Нам бы следовало помнить о том, что мы должны служить положительным примером своей ответственной и нравственно чистой жизнью. У нас есть информация из некоторых европейских стран, что там требуют разрешить аборты для женщин и девушек из Словакии. Когда результатом морального падения становится еще не родившийся ребенок, то большего греха и преступления не существует! Сколько мужчин и женщин перестали должным образом относиться к своему супругу и к своей супруге, живут, обуреваемые эгоизмом, стали причиной несчастья своих близких и даже самих

себя. Когда отцы уезжают за границу, они должны брать с собой и своих жен, чтобы избежать взаимного отчуждения и чтобы детки вырастали в полной семье. Отцы должны заботиться о своих семьях. Матери больше всего должны любить своих детей. Еще до их появления на свет и после тоже. Мы обращаемся к вам, дорогие супруги и родители, как ваши пастыри. Вас, матерей, мы благодарим за жертвенность и боль, которую вы приняли, чтобы новая жизнь пришла в этот мир. Вместе с нами вас благодарите вы, супруги и отцы, если ваша заботливая любовь и близость с первых минут жизни создает атмосферу любви, в которой новая жизнь может расти и развиваться.

МАТЬ кивает, когда речь заканчивается, она разочарованно переключает программу. С интересом смотрит, наклоняясь вперед.

МАТЬ. В самом деле. И этот сериал. Сколько человек там уже развелись. У этого опять новая. Это которая же? Ведь в прошлый раз у него была другая. И у этой опять новый мужчина. И насколько он моложе! Где это видано? Ведь даже свадьбы не было. Все изменяют друг другу. Отцу бискупу это бы не понравилось. Но, наверное, он это даже и

не смотрит. А может, и смотрит, чтобы знать, как выглядит нынешний мир. Я это знаю и без сериалов. Эта моя Старшая… не хочется даже говорить. А Младшая? Что я могу на это сказать? Они еще не развелись. Не знаю, не знаю. Вот девочки Божки — это совсем другое дело. И потом, дети — это дар Божий. Хотя и не все. *(Выключает телевизор, встает, подходит к вешалке, на которой висит пальто. Раскрывает зонтик и накрывает им себя и вешалку с пальто и шляпой.)*

Вешалка может быть на колесиках, чтобы МАТЬ могла пройтись с ней по комнате. Из одних дверей выглядывает СТАРШАЯ, из других – МЛАДШАЯ, из третьих – БОЖКА. Они украдкой следят за МАТЕРЬЮ. МАТЬ достает из ящичков прибор для бритья, несколько шляп, мужские ботинки, карманный ножик…

И какое мне дело до того, что они вытворяют? Зачем мне это знать? Разве человеку плохо, если он ничего не знает об этом? И зачем я только дожила до этого? Дожила. Ну, теперь тебе хорошо? Я должна все перенести. Это справедливо? И кому я могу рассказать о том, что я узнала? Тебя это не интересует. Я ничего о них не знаю. А то, что знаю, об этом не хочу знать. Ты посмотришь со мной этот сериал? Похоже, та, молодая, не умерла. Только она беременна. Или что-то в этом роде.

Кто его знает, чем все это закончится. Выйдет ли она замуж или уже вышла? А может, она разведется. Все время там что-то происходит. И это так здорово. Прямо-таки ложится на душу… А эти мои дурынды… Когда Божка мне позвонит, я скажу ей… что молодая не умерла, что она беременна. Божка будет рада. А может, она уже знает.

Явление 15

(МАТЬ, СТАРШАЯ, МЛАДШАЯ, БОЖКА)

В боковые двери входит СТАРШАЯ, в руках у нее хозяйственная сумка. Проходит через комнату, выходит в дверь на другом конце, потом возвращается. МАТЬ сидит в кресле. СТАРШАЯ укрывает ее одеялом и подает чашку с чаем. Потом сзади массирует ей спину. В дверь звонят. СТАРШАЯ открывает дверь, входит МЛАДШАЯ, и у нее в руках тоже хозяйственная сумка. И она тоже выходит из дверей в другом конце комнаты, а потом возвращается. СТАРШАЯ вносит кофе, печенье, все раскладывает на столе. Все трое садятся вокруг стола.

МАТЬ. Так вы пришли. Наконец-то.

МЛАДШАЯ. Не всегда получается.

СТАРШАЯ. Как ты? Что-нибудь болит?

МАТЬ. Что я буду жаловаться.

МЛАДШАЯ. Может, стоит проветрить?

МАТЬ. Не открывай, у меня болят суставы. Лучше расскажите, как у вас дела.

СТАРШАЯ. Что мы? Мы, как всегда, нормально. А ты не пробовала больше двигаться? Ты не была в парке? Ведь у тебя есть палка…

МАТЬ. Зачем она мне?

МЛАДШАЯ. Недавно я видела одну пожилую пани с такой элегантной палкой…

МАТЬ. Не знаю, с какой.

МЛАДШАЯ. Такая черная, блестящая, она выглядела как настоящая дама.

МАТЬ. А я как выгляжу?

МЛАДШАЯ. Мы могли бы вместе пойти в магазин и выбрать тебе такую же, что скажешь?

МАТЬ. Еще споткнусь о нее. А что нового у вас дома? Как ваши мужчины? Как они? Слушаются? *(Встает с кресла и направляется к двери. Открывает ее.)*

Одновременно открывается и противоположная дверь. Оттуда выглядывает усмехающаяся БОЖКА с похожей на смерть маской грустного клоуна на лице. СТАРШАЯ вскакивает и закрывает дверь. На другом конце комнаты сами по себе открываются другие двери, в комнате сквозняк, открываются все новые и новые двери, обе дочери их придерживают, закрывают, но это им не удается. Из каждой двери выглядывает женщина с маской грустного клоуна на лице. МАТЬ бегает по комнате, открывает двери, дочери их закрывают, хотя их двое и они помоложе, но это им не удается, потому что, когда МАТЬ открывает одну дверь, сразу же сами по себе открываются все новые и новые. Когда какие-то из дверей закрываются перед ее носом, она

нагибается и с минуту смотрит в замочную скважину.

МАТЬ сокрушенно качает головой.

МЛАДШАЯ. Мама, садись к столу. Я сейчас все закрою. Чтобы ты не простудилась. А то опять у тебя будут болеть уши, поясница, зубы…

СТАРШАЯ. Она, кажется, не слышит.

МЛАДШАЯ. Что она не хочет, то она и не слышит. Попробуй сказать это громче.

СТАРШАЯ. Что, опять мне ей кричать? Попробуй ты сама, скажи громче.

МЛАДШАЯ. Не знаю. Меня она и так совсем не слышит.

СТАРШАЯ. Налей ей черешневого ликера. Это всегда помогает.

МЛАДШАЯ. Мама, иди, давай выпьем все вместе. За твое здоровье. Выпьем, ведь мы уже так давно не сидели вместе.

СТАРШАЯ. Мама, не держи так судорожно дверь. Что ты хочешь там увидеть? Там ничего нет. Ну, вот так, иди сюда, сядь с нами…

МАТЬ. Они все время открываются.

СТАРШАЯ. Ведь ты их открываешь.

МЛАДШАЯ. Запри их, наплюй на это.

СТАРШАЯ. Ты вся в этом: «Наплюй на это». Мама, сядь. Ручки отходят, я приглашу мастера.

МАТЬ садится и спокойно смотрит, как ее дочери бегают по комнате и пытаются затворить двери. Наконец она находит подходящий момент, подбегает к двери и открывает ее. БОЖКА, которая стояла за дверью с лицом грустного клоуна, отскакивает и исчезает.

Явление 16

(МАТЬ, МЛАДШАЯ, СТАРШАЯ)

МЛАДШАЯ *(наливает в маленькие рюмки).* Да, давайте выпьем. Мама, за твое здоровье.

МАТЬ. Об этом и говорить нечего.

СТАРШАЯ. Почему плохо? Ведь ты же держишься. Если ты регулярно принимаешь лекарства…

МАТЬ. Мне уже надоело ходить по врачам. В прошлый раз мне даже сказали, что я старушенция, они думали, что я не слышу.

МЛАДШАЯ. Однако это становится уже просто неприлично. Почему ты мне не сказала? В следующий раз я пойду с тобой.

МАТЬ. Мне это не нравится.

СТАРШАЯ. А кому бы это понравилось. Если бы ты сказала, что случилось… Теперь ты никогда не будешь ходить туда одна. Мы тебя отвезем…

МАТЬ. В прошлый раз у тебя не было времени.

МЛАДШАЯ. Ну так тебе надо было позвонить мне.

МАТЬ. Я не хочу вас утруждать.

СТАРШАЯ. Почему ты нас так обижаешь?

МАТЬ. Ни на кого нельзя положиться. Разве что

на Господа.

МЛАДШАЯ. Господь тебя к врачу не повезет.

МАТЬ. Ну, ты бы удивилась.

МЛАДШАЯ. Хотелось бы мне посмотреть, как это будет.

МАТЬ. После того как я помолюсь, всегда все образуется.

МЛАДШАЯ. Правда?

МАТЬ. Надо только верить.

МЛАДШАЯ. У меня это не срабатывает.

МАТЬ. Потому что ты не веришь.

МЛАДШАЯ. Мне уже надоело. Я ухожу. Позвоню.

МАТЬ. И за что только я так наказана?

МЛАДШАЯ. Ты сама себя наказываешь.

СТАРШАЯ. И что только я кому сделала, что меня так наказывают.

МАТЬ. Я как будто слышу Мать.

СТАРШАЯ. Позволь?!

МАТЬ. Если будете ругаться…

МЛАДШАЯ. А мы можем или нет? Наконец-то ты бы о нас кое-что узнала. *(Пауза.)*

СТАРШАЯ. Ты преувеличиваешь.

МЛАДШАЯ. И что это только за семья. Все ненормальные. Факт, ненормальные. Я ухожу.

МАТЬ. Ну и иди. От тебя и так никакой пользы.

МЛАДШАЯ. Что ты такое говоришь?

МАТЬ. Ты хотела уйти, ну так и уходи.

МЛАДШАЯ. Ты меня прогоняешь?

МАТЬ. Я не стану просить, чтобы ты еще побыла здесь, чтобы поговорила, помогла мне. Ты не обязана. Если не хочешь, не делай.

МЛАДШАЯ. Скажи еще, чтобы я больше не приходила.

МАТЬ. Делай как знаешь.

МЛАДШАЯ. Ты всегда была неблагодарная. Тебе бы только все ругать. *(Обращаясь к Старшей.)* А ты что молчишь? Хочешь сказать, что ты думаешь по-другому? Ты хочешь изобразить, что ты лучше ее? Значит, я теперь выгляжу как мерзавка, которая поругалась с мамой? А ты будешь этакая добренькая сиделка? Я отлично знаю, что ты думаешь точно так же, как и я.

МАТЬ. Чего ты ее все критикуешь?

МЛАДШАЯ. Вы что, объединились против меня?

СТАРШАЯ. Ты мелешь какую-то чепуху. Что тебе на это скажет мама?

МАТЬ. Заступайся за нее, заступайся! Мне ты говорила все совсем по-другому!

СТАРШАЯ. Прекрати!

МАТЬ. Не ссорьтесь из-за меня, я уже этого не

стою… Я здесь уже долго не задержусь.

МЛАДШАЯ *(смеется).* Ты все обещаешь. Это так сказал тот, твой, да? Ха-ха, это вы, мама, все только обещаете — и больше ничего. Как бы это сказать: лучший способ защиты — нападение. Нападение. Результата — никакого.

МАТЬ. Еще не хватает тебе удивляться.

МЛАДШАЯ. Я уже ничему не удивляюсь.

МАТЬ. И я.

СТАРШАЯ. Ну так и не удивляйтесь. Не удивляйтесь.

МАТЬ. Ты что собираешься сделать?

СТАРШАЯ. Проветрить. А потом — кофе или чай? Что будете?

МЛАДШАЯ. Я — коньяк.

МАТЬ. А я… колбасу с горчицей и пиво.

СТАРШАЯ. Не знаю, удастся ли мне все это достать, попробую. *(Выходит через одну из дверей.)* Иди помоги мне.

МЛАДШАЯ придерживает дверь, берет хозяйственную сумку, выкладывает продукты на стол, кладет на тарелки, что-то наливает в бокалы.

МЛАДШАЯ. Посмотри, что нам удалось собрать…

Все трое садятся возле стола, едят, пьют, смеются.

МАТЬ. Не хотите покрасить мне волосы?

СТАРШАЯ. В голубой цвет?

МАТЬ. Не знаю, а ты что скажешь?

МЛАДШАЯ. В голубой красят только старые бабки.

МАТЬ. Ну да, это вполне прилично.

МЛАДШАЯ. Попробуй в оранжевый. Ты сразу помолодеешь.

СТАРШАЯ. Отцу нравились блондинки…

МАТЬ. А что ваши мужчины? Им что нравится?

СТАРШАЯ. Если бы у меня в твоем возрасте были такие волосы, как у тебя…

МЛАДШАЯ. Мы до таких лет не доживем, такая сумасшедшая жизнь…

МАТЬ. Мы уже давно вот так не сидели…

МЛАДШАЯ. Мне пора уходить.

МАТЬ. Ты правда уходишь? Куда спешишь?

МЛАДШАЯ. Этот мой… опять что-нибудь… Меня уже здесь нет. Не обращайте на меня внимание. Позвоню, приду. *(Целует Мать и уходит.)*

СТАРШАЯ. Она — чокнутая.

МАТЬ. Она неплохая. Только вот взбалмошная.

СТАРШАЯ. Еще положи себе. Не будем оставлять.

Доедают, сидят.

Я тоже уже пойду. Тебе не будет грустно?

МАТЬ. Ты спрашиваешь так, как спрашивают, дышу ли я еще. Подай мне вон тот бокал. Не этот. Тот. Хорошо. Когда я надела очки, то увидела, как здесь пыльно.

СТАРШАЯ. Ну так ты сними их.

МАТЬ. Когда ты вытирала пыль? Если я не сделаю….

СТАРШАЯ открывает дверь. Хлопает ею.

Не устраивай сквозняк! Представь себе, у младшей дочери Божки столько работы, а теперь еще и трое детей, она все должна успеть. Представь. Работает по двенадцать часов.

СТАРШАЯ. А я иногда работаю по двенадцать часов да еще тебе помогаю.

МАТЬ. Чего ты жалуешься? Разве со мной много хлопот? Ты вон даже пыль еще не вытерла.

СТАРШАЯ. Вытерла, это уже новая.

МАТЬ. Потому что ты не пылесосила.

СТАРШАЯ. Ну так я пойду. Я позвоню тебе. Правда, тебе ничего не надо купить? Или куда-нибудь отвезти?

МАТЬ. Разве что на кладбище. Ведь я никому здесь не нужна. Обойдетесь и без меня.

СТАРШАЯ. Я больше не могу.

МАТЬ. Чего не можешь?

СТАРШАЯ. Мой меня так достает!

МЛАДШАЯ *(выглядывает из-за дверей, делает вид, что ничего не слышала).* А в чем дело?

СТАРШАЯ. Все время только один футбол да футбол. Все гадает, кто выиграет, смотрит телевизор, пьет пиво, гадает, кто выиграет, смотрит телевизор. И это все.

МЛАДШАЯ. Не думай, что у меня лучше. Не хочется и говорить…

МАТЬ. Ну и не говори. Ты заслуживаешь лучшего. Мало того, что я сама вдоволь намучилась.

Все смотрят в направлении вешалки. Замолкают.

Я все время о вас молюсь и за него тоже. *(Пауза.)* Думаете, что мир и вправду бы рухнул? Я бы этого не хотела…

МЛАДШАЯ. Мы могли бы попробовать.

СТАРШАЯ. А как?

Все три женщины — МАТЬ, СТАРШАЯ и МЛАДШАЯ — тихо сидят в комнате. Осторожно к ним подходит Божка и садится рядом с ними. Они обнимают друг друга за талию, медленно и ритмично покачиваются. Играют в детскую считалку, у которой нет конца.

ВСЕ *(вместе).* Рухнул — не рухнул — рухнул

— не рухнул…

Конец.

Ивета Горватова
Семейный блюз

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МАТЬ.
ОТЕЦ.
ДОЧЬ.
СЫН.

Перевод А. Машковой
Iveta Horváthová. Rodinné blues
© Iveta Horváthová, 2014

I. Блюз матери

Картина 1

МАТЬ лежит в постели. Горит настольная лампа. Возле нее — ее взрослые дети. Они голые. Она закрывает их. Все, кроме МАТЕРИ, спят.

МАТЬ. Утром обычно все легко и прекрасно. Все четыре глаза обращены на меня. Когда папы не было дома, мы спали все вместе в кровати. Он порой забывал, где его дом. Утром я чувствовала свою значимость. Да. Это ощущение! Вид этих маленьких телец. Когда и ты, и ты, когда все мы втроем жили в те времена и на этой кровати. То были годы лишь ваших курносых носиков и разбитых коленок, подуем, подуем. То были осени лишь хорошо укутанных пеленок и книжек со сказками. То были зимы с мыльными пузырями и писанием в ванне, а что было весной? *(Дочери.)* Ой! Знаю, тогда начался сезон детских отпечатков на стекле. Дверное стекло разбилось о твою голову. Четыре раны и столько крови! Мы должны были отмыть ковры. Боже, столько страху мы натерпелись. А что, если ты будешь некрасивой?

А что, если ты не выйдешь замуж? *(Сыну.)* А этот локоть. Ты разбил его на физкультуре. С тех пор все и пошло. Локоток, раздробленный на кусочки. Ты уже никогда не сможешь достать ухо на другой стороне головы. Я купила себе плавки, чтобы мы могли ходить на плавание. Плавание — хорошая штука. Когда дети были маленькими, мне хотелось, чтобы они наконец выросли. Сейчас они выросли, и мне не хочется ничего другого кроме того, чтобы они опять стали маленькими. В моей постели, в центре вселенной, где не было страха, мы просыпались каждое утро. *(Ложится, укрывается. Тихо бормочет.)* Двадцать пять лет Ветчина Темные Рожки Молоко Мюсли Двадцать пять лет Йогурты Сосиски Чаёк Завтраки Булки Шницели Год День Не знаю Уже не помню… *(Детям.)* Закончим. *(Ложится и гасит свет.)*

Дети встают, с удивлением смотрят на нее и уходят.

Картина 2

Входит МУЖ. Зажигает свет. Снимает пиджак, надевает пижаму. Смотрит на ЖЕНУ Бросает пиджак на пол.

ОТЕЦ. Я знаю, скоро утро. Взгляни на это иначе, дорогая. Твой хороший муж закончил карточную

игру, ему везло, он мог бы поиграть еще, но… Твой хороший муж вернулся домой. А ты даже не улыбнешься? Не передумаешь? Не станешь к нему добрее?

ЖЕНА не двигается. МУЖ ложится на нее.

Ничего? Немного радости? Мы не любили друг друга уже две недели. Тебе со мной плохо? А с кем тебе хорошо?

ЖЕНА не двигается. МУЖ поворачивается на бок.

Боже мой, тогда скажи мне откровенно, что, у тебя кто-то есть?! Я пойму. Я все пойму. Ведь идеальных людей не бывает. И я тоже не идеален.

ЖЕНА не двигается.

Не буду гасить, подожду. Ведь ты не можешь оставить меня ни с чем. Ты мне нужна. Или ты меня уже не хочешь? Ты передумала? Теперь? Столько лет спустя? А как же дети? Они уже большие, но все равно, как ты им все объяснишь? Ясно, ясно. Я все пойму, только скажи мне, почему ты меня не хочешь? Если у тебя есть любовник, я убью тебя.

ЖЕНА не двигается. МУЖ снова ложится на нее, предпринимает

еще одну попытку, хочет, чтобы она пошевелилась. Потерпев поражение, он возвращается на свое место. ЖЕНА лежит неподвижно.

Ты еще не выиграла, старушка. А что, если утром? А что, если утром мне снова захочется?

Темно.

Картина 3

ЖЕНА лежит в кровати. Она не спит. Медленно двигается. Слушает музыку. Улыбается. В ушах у нее наушники. Возле нее что-то шевелится. Входит ДОЧЬ. ЖЕНА закрывает глаза и лежит неподвижно. ДОЧЬ корчит гримасы. Минуту спустя прекращает.

ДОЧЬ. Ты заболела? Как ты можешь заболеть, если вчера у тебя ничего не было? Отец что-то ищет. По-моему, носки. Нет, прибор для измерения давления. Куда ты его дела? Хорошо, я его найду, ведь он не мог убежать.

Минуту спустя.

У тебя что-то болит, мам? Ты ничего не говорила. Бегала как козочка. Ты сердишься на меня? За что? Боже мой, от меня так воняло сигаретами! Ведь кругом все курят!

Минуту спустя.

Я не переношу, когда у тебя такой вид. Что я такого сделала? Почему ты молчишь? Почему лежишь? Зачем ты это делаешь? Отец?.. Вечером я ничего не слышала. Он не рычал на тебя.

Минуту спустя.

Хорошо, я не буду делать дреды! Ты это хотела услышать? Хорошо, я пойду к математичке, чтобы она дала мне еще шанс. Не провалюсь, ведь мы знаем, что я не дурочка. Хорошо?

Минуту спустя.

Супер, я не надену сегодня свитер с вырезом до пупка. Супер, я попробую убраться, пропылесошу и под постелью. Супер, мой Лео не является дилером, клянусь! Я бы не сделала тебе этого. Я еще с ним не спала, а мы знакомы уже три недели! Как тебе это?..

Минуту спустя.

В задницу, в задницу! Я позову брата, у меня уже сдают нервы. (*Уходит, зовет отца.)* Она заболела. Точно заболела. Не расстраивайся, наверное, ничего серьезного. Пройдет. *(Про себя,*

прикасается к ее лбу.) Ты не выглядишь больной, это скорее психосоматика. Все от этой психосоматики. Чего ты опять закрываешь, мам?! Не мучай меня! Боже ты мой! И что я только кому сделала, что должна все это улаживать. *(Возвращается, нервозная. Кладет рядом с Матерью два мобильника.)* Телеком и Оранж. В случае чего… *(Берет у матери наушники. Слушает, что та слушала. Смеется.)* Я позвоню тебе на работу. Скажу, что тебе плохо, о'кей? Откуда у тебя эта музыка? Я включу тебе радио. Полежи, я больше тебе ничего не скажу. Пока. *(Берет наушники. Включает радио, ловит новости. Минуту спустя новости исчезают, слышится та же самая музыка, что была в наушниках. Удивленно останавливается.)* Мы все сошли с ума. *(Уходит.)*

МАТЬ смотрит ей вслед. В кровати что-то шевелится. Темно.

Картина 4

МАТЬ лежит в постели. Слегка двигается, в ушах у нее наушники. Звонит телефон. МАТЬ смотрит на него, телефон перестает звонить, из наушников слышится музыка. Возле МАТЕРИ что-то шевелится. Видна маленькая белая нога. Входит СЫН. МАТЬ быстро закрывает ногу. Лежит неподвижно.

СЫН. Привет, мам. Ага! Твой сын здесь. Что? Что-то случилось? Сестра в отчаянии. Я из-за тебя прилетел сюда, бросил подработку. Я все еще в поисках работы. Ты со мной не хочешь разговаривать?

Минуту спустя.

Мам, но ведь это, я бы сказал, какое-то безответственное поведение. Мам, я не буду больше повторять, что твой муж — дерьмо. Мам, у меня нет времени на нежности и капризы.

Минуту спустя.

Если бы ты спала двадцать четыре часа в сутки, тогда я понимаю — ты устала. Это бывает. Только вот ты с самого утра вполне нормально выглядишь. С самого утра ты такая свежая и вдруг — не хочешь вставать с постели! Пойми, нас это расстраивает. Тебе бы было все равно, если бы мы вот так же, странно, вели себя?

Минуту спустя.

Может, тебе стоит отправиться на курорт, отдохнуть? Восстановиться. Может, вам с отцом купить путевку в горы, ведь движение на воздухе… Да, это сказка. А море? Ты не хотела бы

увидеть море? НУ, КАК?

Минуту спустя.

Предложи отцу что-нибудь сама, ведь не все же ему решать, хоть он и платит. Мама, ты можешь сказать мне, куда бы тебе хотелось поехать, что ты вообще хочешь. Это останется между нами. Конечно, у меня нет денег, но эту поездку я тебе все же оплачу! Куда ты хочешь, скажи!

Минуту спустя.

Мам, у меня идея! Давай попробуем! Медленно стащим перину вниз, опустим ножки на пол и попытаемся встать. Ты уже ходила на WC? Сейчас, мамочка, как раз самое время туда сходить! *(Хватает перину.)*

МАТЬ неожиданно быстро хватает его за руку. Они тянут друг друга. Состязание набирает силу. СЫН хочет поднять МАТЬ с постели, она сопротивляется. Музыка в наушниках усиливается, одновременно дрожит мобильник, слышна та же мелодия, что и в наушниках. СЫН поднимает МАТЬ вместе с периной. Что-то или кто-то быстро прячется за постелью. СЫН кружится в объятиях с МАТЕРЬЮ, это похоже на странный танец. Входят ДОЧЬ и ОТЕЦ. Они смотрят на них. СЫН поскальзывается, медленно падает, МАТЬ валится на кровать.

Оба тяжело дышат.

ОТЕЦ. Дурдом, дети мои, дурдом.
ДОЧЬ. Отец!
СЫН. Пауза. Нам всем она нужна.

Они уходят. МАТЬ надевает наушники. Звучит музыка. МАТЬ смеется. Быстро и осторожно входит ДОЧЬ, неся в руке горшок. Музыка замолкает. ДОЧЬ делает заговорщическую гримасу и ставит горшок под кровать.

ДОЧЬ. Если тебе вдруг понадобится...
ОТЕЦ *(за кулисами, кричит).* Ты не видел сестру? Малышкаааа!
СЫН *(за кулисами, сердито).* В задницу, где ей быть, отец?! Здесь она.

ДОЧЬ быстро выбегает. Что-то/кто-то проскальзывает в постель к МАТЕРИ. МАТЬ прикрывает его и прижимается к перине. Темно.

Картина 5

МАТЬ лежит в постели. Она медленно двигается, в ушах у нее наушники. Тихая музыка. Долго звонит мобильник. Входит СЫН. Он не смотрит на МАТЬ. Берет мобильник. Тотчас же звонит другой мобильник. Входит ДОЧЬ. Берет его. Из мобильников слышится мелодия. МАТЬ не смотрит на детей.

СЫН. Мамин мобильник, слушаю.

ДОЧЬ. Вам маму? Это ее дочь.

Входит ОТЕЦ. В руках у него мобильник.

ОТЕЦ. Кто-то звонил с маминого мобильника.

СЫН, ДОЧЬ. Кто?

МАТЬ. Никто.

СЫН. И этот звонил.

Мобильник снова звонит.

ДОЧЬ. То же самое. *(Слушает.)* Да?

Мобильник снова звонит.

СЫН *(подносит его к уху).* Алло, кто это?

МАТЬ. Никто.

СЫН. Она пошевелила губами. Ты видела?

ДОЧЬ. Я не поняла ее. Вы поняли?

МАТЬ. Никогда.

ОТЕЦ. Позвони снова на этот номер. И не придумывайте. Это нам не поможет.

МАТЬ. Ничего. И никто.

СЫН *(в мобильник).* Алло, позвоните позже.

ДОЧЬ *(в мобильник).* Сейчас это невозможно, поверьте. Я вешаю трубку.

ОТЕЦ. Никто не объявляется.

МАТЬ. Ни слова. Никогда.

ДОЧЬ. Вы слышали? Опять! Это был мобильник или это она?

СЫН. Она разговаривает с нами? Да, мама, дай знак, если это ты.

ДОЧЬ. Она пошевелилась. Я знаю. Она не говорит, а свистит. Послушай.

СЫН. Точно. Свистит.

В мобильниках раздается свист. Они смотрят друг на друга. На МАТЬ.

ОТЕЦ. Прерывается. Какая-то загадка, чурбаны. Мобильники не звонят сами по себе.

ДОЧЬ. Может, она хочет нам что-то сказать.

СЫН. По мобильнику?

ОТЕЦ. Курва, зачем нам разговаривать друг с другом прямо, когда существуют мобильники?

МАТЬ. Благодарю. Зачем.

ДОЧЬ. Ты видишь, опять это странное эхо. Давайте попытаемся!

СЫН (*нелюбезно*). Ага, прием.

ОТЕЦ. Я не могу делать вид, будто я ее не вижу, коль скоро, черт возьми, я ее вижу. И она молчит.

МАТЬ. Я не спрашиваю. Когда спрашивают, то повышают голос.

ДОЧЬ. Вы должны были это слышать и видеть!

Сплошное хрипение. Прислушайтесь, мужики! Алло, мама, мы слушаем.

СЫН. Мы можем и так.

ОТЕЦ. Я не могу! Убейте, я не могу! Не буду же я разговаривать с собственной женой, которая валяется передо мной в кровати, с помощью этого дебила!

Бросает мобильник в угол и уходит. ДЕТИ слушают мобильники. Звучит музыка. ДЕТИ изображают недовольную гримасу, но продолжают слушать.

ДОЧЬ. Да, мама?

СЫН. О'кей. Ничего не получится.

МАТЬ. Что это? Не видно, не слышно, а она здесь? Все время с нами.

ДОЧЬ. Да, мама? Ты слышал что-нибудь? Боже!

СЫН *(сестре).* Я стараюсь, но не получается.

МАТЬ. Тихо. Вы слышите? Я могу ему сказать все, что хочу. Он не сомневается во мне. Не слышит меня. Я говорю ему то, что никогда раньше не сказала бы. Даже если бы напилась. Я дышу ровно и чувствую, что с каждым вдохом как бы заглатываю тишину. Мои слова скользят тихо, будто слюна, мы проведем приятные мгновения.

ДОЧЬ. Я не понимаю ее.

СЫН. Она тяжело дышит. Постарела.

ДОЧЬ. Возможно, она не может с этим смириться.

МАТЬ *(хочет прикоснуться к детям, садится).*

Я еще раз причешу тебя моя крохотуличка

Я еще раз искупаю тебя мой птенчик

Я еще раз прикоснусь к тебе моя хорошая

Мы будем вместе полеживать пока нас не ранят слова.

ДОЧЬ. Если это сделала я, то прошу прощения. Давай еще поговорим, мама, не переживай, все в порядке. Ты можешь мне верить, ведь ты знаешь эту шутку: единственно прочное, что стоит иметь между ног, — это мотоцикл. *(Смеется.)*

СЫН *(смех).* Разве так разговаривают с мамочкой?

МАТЬ достает расческу. Притягивает детей к себе. Они садятся на кровать.

МАТЬ. Вы такие глупышки. *(Причесывает детей. Делает им проборы на голове.)*

ДОЧЬ. Я стараюсь понять эти твои завтраки. Лучше бы я проспала все утро. Мы часами готовим еду, а съедаем все за пару минут. А потом эта посуда. Я помогаю тебе, так положено. Я ненавижу завтраки.

СЫН. Нам уже давно по утрам не хочется есть,

мой желудок съежился, сестра соблюдает диету, чтобы не быть как танк. Говорят, утром надо есть, но кто это сказал, какой мудрец? Гораздо важнее быть спокойным.

ДОЧЬ. И не делай мне омлет с помидорами! От апельсинового сока у меня аллергия, ты забыла?! Базилик я не переношу, а ты везде его кладешь.

СЫН. Покой — этого в нашей семье нет, ты не сумела это организовать. С тех пор, мама, как я живу один, я никогда не завтракаю и никогда не буду завтракать! Ощущение — супер!

ДОЧЬ. Каждое печенье содержит смертельную дозу витамина Е! А ты суешь нам его с самого детства!

СЫН. И не покупай мне зеленый чай! Даже по воскресеньям! Я никогда не делаю его себе! Я всегда его кому-нибудь дарю. Все годы мы только и делали, что считались с тобой. Теперь ты не заставишь меня прийти ни на завтрак, ни на полдник. Для чего все это, чтобы тебе сделать приятно?

ДОЧЬ. Мама, попытайся понять, что нам уже ничего от тебя не нужно. Даже завтраков!

Входит ОТЕЦ. МАТЬ взлохмачивает ДЕТЕЙ, ложится в постель. Музыка замолкает.

ОТЕЦ *(матери, строго).* Ты соображаешь, что ты делаешь! Ты уничтожаешь всех нас! *(Детям.)* Это выше моих сил. Что в нее вселилось?

ДОЧЬ *(восторженно).* А что, если и в самом деле вселилось? Глупость?

СЫН. Сплошная.

ОТЕЦ *(кричит).* Если ты сейчас же не встанешь, ты пожалеешь! *(Подходит к постели.)*

У ДЕТЕЙ падают из рук мобильники. ОТЕЦ пугается, хватается за сердце. ДОЧЬ вскрикивает, и все быстро уходят. Темно.

Картина 6

МАТЬ спит. Все трое — СЫН, ДОЧЬ и ОТЕЦ — тихонько входят в комнату. ДОЧЬ несет свечки. Она раскладывает их на столике и зажигает. СЫН медленно берет со столика семейные фотографии. МАТЬ просыпается. Следит за ними. ОТЕЦ рвет фотографии и бросает их в горшок. Они зажигают их. Все берутся за руки. МАТЬ начинает смеяться.

ОТЕЦ. Я говорил, что это чушь! Она делает из нас идиотов!

МАТЬ смеется все громче и громче, до приступа. У нее непрерывно текут слезы. Перина возле нее шевелится.

(Орет на мать.) Если ты сейчас же не встанешь,

пожалеешь!

Рассерженные, они уходят, хлопают дверями. Стекло разбивается. Сквозняк открывает двери, куски фотографий и пепел летают по воздуху. МАТЬ смеется. Темно.

Картина 7

В дверях комнаты, где царит большой беспорядок, появляется букет. Входят ОТЕЦ, ДОЧЬ, СЫН. Отец держит в руках бутылку вина, дочь — бокалы. Они ступают осторожно, никак не комментируя беспорядок. Садятся возле МАТЕРИ.

ОТЕЦ. Я понимаю, что у нас не все ладится. Я такой идиот, что, как говорит малышка, могу сам себе нагадить, но теперь я уже не буду гадить, хотя ты нас всех обосрала, но мы с детьми договорились, что каждый живет сам по себе и может делать все, что ему заблагорассудится. Понимаешь, мы бы хотели понять, против чего ты сейчас протестуешь и о чем, собственно говоря, речь? Я думаю, что в нашей жизни были гораздо более горькие минуты, которые мы преодолели. Сейчас мы живем в относительной гармонии, не так ли? *(Кивает на детей.)*

СЫН. Да, например, когда отец проиграл несколько тысяч.

ОТЕЦ. Например. Но давайте не забывать, что это были мои деньги.

СЫН. Такого не случалось уже добрых пару лет.

ДОЧЬ. Или, мама, когда он разорвал тебе чулки, ты почему-то хотела тогда уйти.

ОТЕЦ. Я это сделал? Ага! Она хотела нас бросить, это можно понять.

СЫН. Не нас. Тебя.

ОТЕЦ. Я больше никогда этого не делал.

СЫН. Ну да. Не было нужды. Она стала внимательнее.

ДОЧЬ. Да. Или когда у нас не было ни кроны, а отец взял твои деньги на покупки и ушел. Мы нашли его на станции в буфете. Без денег. Как нам теперь хорошо!

ОТЕЦ. Тогда ты еще боялась, чтобы со мной чего-нибудь не случилось. Теперь я могу не появляться дома по три дня, а ты даже и не позвонишь. Такая ты стала ко мне безразличная. Ты меня уже не любишь.

ДОЧЬ. Отец…

СЫН. Да, а теперь, целых два года, пять…

ОТЕЦ. Семь, уже семь.

СЫН. Да. Мама, семь лет ты уже сама ходишь за покупками в супермаркеты, и никаких проблем

с деньгами.

ОТЕЦ. Каждую неделю ты тратишь минимум 100 евро. И всегда купишь какую-нибудь чепуху. Выброшенные деньги, а мы не сердимся, мы понимаем.

ДОЧЬ. Мы правда понимаем.

СЫН. Факт, мама.

ОТЕЦ. Ну, мама? Какого еще признания ты от нас хочешь? Нам и правда жаль, если тебя что-то мучает. Не закруглиться ли нам? Ты не встанешь? Малышка, скажи маме что-нибудь смешное!

Тишина. МАТЬ не двигается. ДОЧЬ начинает смеяться.

ДОЧЬ. Мам! *(Сыну, маме.)* Сочельник! Папик утром пошел купить елку и вернулся в половине пятого, сильно подвыпивший и без елки, вы помните? Мама аж вся побелела, папик, мол, забыл о том, что пошел за елкой, ведь о чем еще можно забыть на Рождество? Мы плакали, что у нас не будет елки… А папик поднял руку и сказал…

СЫН и ДОЧЬ страшно смеются. Они не в состоянии даже говорить.

СЫН. Прежде чем упасть, ты сказал…

Смеются. ДОЧЬ, заикаясь, рассказывает.

ДОЧЬ. Мама нарядила пальму, нам нельзя было под ней фотографироваться… так как, что потом на это скажут дедушка и бабушка… жаль, мы могли бы распустить слух, будто мы были в Африке… Прежде чем упасть, ты сказал…

Хохочут.

ОТЕЦ. Что такое я сказал?

МАТЬ. Елка будет ровная и срубленная.

ДЕТИ перестают смеяться.

ОТЕЦ *(маме).* Ты хотела, чтобы они делали из меня посмешище?

ДОЧЬ. Пссс. Она реагирует.

СЫН. Отлично. Если мы признаем весь негатив, который существует между нами, и спокойно, без эмоций, взглянем на это как бы издалека, то мы поймем, что мы не делаем друг другу плохо назло, что мы никакие не подлые или не противные…

ДОЧЬ. …и что это всего лишь мелкие недоразумения…

СЫН. Ты желаешь нам добра, мама, а нам это действует на нервы, мы тоже хотим тебе добра, а тебя это не устраивает…

ОТЕЦ. Мы сами не можем понять, почему все так происходит.

ДОЧЬ. А в результате — все мы несчастны.

ОТЕЦ. Да, я согласен.

ДОЧЬ. И я, мама.

СЫН. Мамулька, ничего страшного. Всего лишь небольшие недоразумения. Только вот мы никак не можем их урегулировать. Ничего такого нет, что бы нельзя было простить или понять.

ДОЧЬ. Разве ты нам не говорила, что сначала надо постараться понять, а уже потом — осуждать.

СЫН. Да. Мы тебя не осуждаем, но ты не позволяешь нам тебя понять. Иди, мы откроем шампанское, выпьем за все хорошее, что нас ждет. За тебя, мама! И — кризис позади. МАТЬ *(смеется про себя).* Я знала, что все наладится.

ОТЕЦ аплодирует. ДОЧЬ расставляет бокалы. СЫН открывает шампанское. МАТЬ не двигается.

ОТЕЦ. Я все забыл, все плохое мы уже сказали друг другу. Так вставай же, давайте выпьем за лучшие времена!

ДОЧЬ и СЫН. За тебя, мама!

ОТЕЦ разливает шампанское на подносе, подает матери бокал. МАТЬ поднимается, поднос с бокалами медленно наклоняется. ДОЧЬ подхватывает его, бокалы не падают.

МАТЬ. Странные мы люди, мы хотим начать все с начала тогда, когда мы уже фактически приблизились к концу. Для чего? Почему мы так боимся конца? Конец наступит раньше, чем мы это поймем. Конец всегда с нами. Он сопровождает нас с самого начала. Я тоже его немного боялась, я не могла себе представить, что однажды то, что я люблю, закончится. Что все завершится. Конец нельзя уничтожить, вы, мои маленькие борцы. Компьютеры обманывают вас, детки.

ОТЕЦ. Я уже больше ничего не могу вспомнить, все плохое мы уже сказали друг другу. Так давайте же выпьем за лучшие времена!

ДОЧЬ и СЫН. За тебя, мама!

ОТЕЦ разливает шампанское на подносе, подает МАТЕРИ бокал.
МАТЬ поднимается, поднос с бокалами медленно наклоняется.
ДОЧЬ подхватывает его, бокалы не падают.

МАТЬ. Как прекрасно все изобразил наш сын, как он замечательно все сгладил, все те безобразия, которые происходили с нами, позорили нас и которых мы не ожидали — ни ты, ни я. Мы знали, что нельзя ругаться, драться, обижать друг друга, что это — конец. Утром мы просыпались и обманывались. Нет, это еще не конец. Почему? Постоянство? Дети? Любовь? Это все можно вы-

держать. И почему только все это сглаживание у нас так получается? (*Смеется, делает быстрое движение, закрывается периной.)*

Бокалы с подносом падают, разбиваются.

ОТЕЦ. Я не понял ни полслова. Все ясно. Закончим, детки. *(Дочери.)* Убери это.

ДОЧЬ. Почему я? А почему не он? *(На брата.)* Пусть он это сделает!

ОТЕЦ. Не отговаривайся. Если мать не может, значит, делаешь ты.

ДОЧЬ. А у вас что, руки отсохли? Почему я должна убирать этот бардак? А вы что будете делать? Валяться?

ОТЕЦ. Чтобы до тебя дошло, ведь я могу тебя и выдрать. ДОЧЬ. Ну так попробуй, папик! Мы уже забыли, как это делается.

СЫН. Советую тебе — не провоцируй.

ДОЧЬ. А что, если бы ты, братишка, потрудился? Например, убрал осколки?

СЫН. Я этого не делал.

ДОЧЬ. И я тоже. Мне надо делать уроки.

СЫН. Отец, посмотри, ничего не меняется. Может, тебе заплатить какой-нибудь пани, которая будет убирать?

ОТЕЦ. Мои личные вещи, носки, трусы, ру-

башки, я должен доверить какой-то чужой бабе? Никогда. Ни за какие деньги.

СЫН. За пару центов это обеспечит тебе любое агентство. Мать тогда сможет отдохнуть.

ОТЕЦ. Отдохнуть или вот так лежать?!

ДОЧЬ. Я ненавижу вас. Не могу дождаться, когда отсюда смоюсь.

ОТЕЦ *(матери).* Наконец-то до меня дошло. Ты этого хотела! Развал! Развод! Покинуть нас без предупреждения! Сейчас, когда мы уже привыкли друг к другу?! Ты всегда была чокнутая.

СЫН. Я полагаю, что сеанс окончен.

ОТЕЦ. Если бы не вы, я бы убил вашу мать.

ДОЧЬ *(несчастно).* Боже ты мой, как я его ненавижу! Мама, очнись! Ты лучше всего отлежишься в гробу, а не дома!

Темно.

Картина 8

МАТЬ лежит в кровати. Светает. Пиджак валяется на полу. ОТЕЦ переваливается на другую сторону. Наваливается на МАТЬ. Он одет в такую же пижаму.

ОТЕЦ. Какое отвратное утро.

МАТЬ. Да. Мне снились кошмары.

ОТЕЦ. Ты ведь знаешь почему. Вчера ты нас расстроила.

МАТЬ. Я решила, что уже никогда не встану с постели…

ОТЕЦ. Опять? Ведь ты мне что-то ночью по-обещала…

МАТЬ. Не встану, я не хочу смотреть на то, что стало с моими маленькими золотыми детками.

ОТЕЦ. Вот видишь, сейчас уже и мой маленький устал.

МАТЬ. Ничего. Это пройдет.

ОТЕЦ. Ты должна хорошенько постараться, девочка.

МАТЬ. Я знаю. Пойдем приготовим завтрак, папа.

С минуту они потягиваются. МАТЬ встает и уходит.

ОТЕЦ. Наплюй на детей, они этого не стоят. Если ты не вернешься, тогда уж лучше вообще не приходи!

МАТЬ. Хорошо.

II. Блюз отца

Картина 1

Гостиничные апартаменты. ОТЕЦ включает свет. Раздвигает занавески. Смотрит, виден ли за окном бассейн. Выкладывает на стол из сумки мобильник и компьютер. Ложится в кровать. Пугается, открывает покрывало, там лежит кошка. Сердито ее прогоняет, кошка запутывается в занавесках. ОТЕЦ открывает дверь на террасу, выпускает ее.

ОТЕЦ. Я заплатил за счастливый уик-энд в пансионате высшего разряда, а они подсовывают мне зверя? Если бы я так не устал, я бы эту кошку придушил! Подожду хозяина этого дерьмового заведения и брошу ему ее шею! Если бы у меня не было впереди уик-энда с семьей и если бы я не ждал его с таким нетерпением… Курва! Сам организую увикенд, сам за него плачу да еще прихожу первый! У них есть время! Собственно, я даже не знаю, придет ли кто-нибудь из них, соизволит ли откликнуться на мое предложение. Мне уже незачем жить. Мне не для чего работать. Мне уже и пить-то не хочется. Мне хотелось бы быть другим, мне хотелось бы, чтобы она снова мне

улыбнулась. Как прежде. Мне хотелось бы, чтобы она смотрела на меня, как прежде. А… — дерьмо. Иногда у меня такое чувство, что все будет хорошо, а потом выясняется, что я что-то проглядел. Мне кажется, что дети не просто меня терпят, а любят и что она меня понимает. А… — дерьмо. Не понимает. Не знает. Она все только сглаживает, чтобы был покой, она не понимает, что со мной!

Раздается мяуканье. МУЖ поднимается, бросается на кровать.

Мне плохо. Я сдохну. В дурацкой чужой постели. И кто при этом будет присутствовать? Кошка! Я хотел прийти первым, удивить их, но, видно, это была плохая идея. Плохой идеей было, по всей видимости, и кричать на нее, ругаться… Я… я и не хочу кричать. Если бы у нее было хоть немножко разума, она бы поняла, что я именно так и думаю, что лишь все только болтаю. Мир испорчен. Куда ни глянь — везде трухлявые мозги, посредственность, кругом чокнутые. Надо зарабатывать, не важно — нравится тебе в этой фирме или нет, главное — там платят. Ага, а чего мне это стоит? Если бы она меня понимала, если бы была на моей стороне, хотя бы немножко улыбнулась… А она — дерьмо. Думает только о себе. Ругается по пустякам. Она упрямая, твердоголовая. Боже!..

Она меня уже не хочет. А дети? Она манипулирует ими. Они на ее стороне. Против меня. *(Встает, быстро посылает эсэмэску.)* Ты где, малышка? Я — в пансионате. Пусть мама обязательно позвонит! Тут хорошо. ЖДУ. Папка, папка. *(Вторая эсэмэска.)* Мама, не поступай так со мной. Я жду вас. Твой о.

Темно.

Картина 2

МУЖ включает компьютер. Раздается сигнал в системе скайп.

СЫН *(голос).* Да.

ОТЕЦ. Привет, я уже здесь, но нигде никого.

СЫН *(голос).* Где? Это ты, папа?

ОТЕЦ. Не делай из меня дебила, ты ведь знаешь, кто это. Курва, да, я здесь, в пансионате, за который заплатил за всю нашу семью, а ты, черт подери, где-то сидишь за компьютером, вместо того чтобы приехать сюда! И баб тоже нет! Где вы все? Вы все сговорились против меня.

СЫН *(голос).* Я на подработке, папа. Бабы не объявлялись. Мы не договорились… Еще.

ОТЕЦ. Как не договорились?! Что за чушь, ведь я это сделал ради вас! Ну так свяжись с ними! Мне

они не отвечают. Парень, что-нибудь случилось?

СЫН *(голос, тихо).* Ты нас удивил. Немного. Они должны это переварить, эту поезду.

ОТЕЦ. Когда мы нигде не бываем, возникают проблемы, когда мы что-то предпринимаем — тоже проблемы. Скажи мне, когда у нас нет проблем, черт возьми?! Это стало мне пятьсот евро!

СЫН *(голос).* Гм. Хватит. У тебя какой-то странный голос, ты в порядке?

ОТЕЦ. Дерьмо. Пойду подыхать. Я здесь один, и мне уже все надоело.

СЫН *(голос).* Свяжусь с бабами. Дам тебе знать, папа. И… ничего.

ОТЕЦ. Что «и»? Я не переношу этого. Что «и»?

СЫН *(голос).* Не пей. Успокойся. Все состоится. Это очень даже приятно. Этот твой сюрприз. Мама его наверняка оценит. До нее дойдет аж на следующий день.

ОТЕЦ *(улыбается).* Конечно. Позвони мне. И не оставляй меня здесь одного.

СЫН *(голос).* Ясное дело.

ОТЕЦ. Благодарю, парень.

Раздается сигнал завершения разговора. ОТЕЦ нервно встает и открывает занавески. В занавесках кошка. Она злобно вскакивает на него. ОТЕЦ вскрикивает. В отчаянии сопротивляется. Кошка нападает. Отец пугается.

Что я тебе сделал? За что ты меня так наказываешь? Мне плохо. Ты хочешь, чтобы она меня поцарапала? Чтобы вцепилась в горло? И всего исцарапала? Ничего лучшего ты придумать не могла? Я за все заплатил, потому что очень хотел побыть с вами. Я хотел бы извиниться, я не могу прямо сказать об этом, простите, у меня есть хрен собачий. Ну так отзовитесь уж, ответьте, пожалуйста! Сколько мне еще ждать? Сколько терпеть? Сначала я думал только о нас, моя хорошая, что мы будем здесь, с тобой, вдвоем, как когда-то, ты и я. Черт побери, я и в самом деле не знаю, почему я начал тебя обижать, почему стал такой нервный. Черт побери. Я не представляю, откуда это во мне берется, эта злоба, этот гнев… Черт побери, так не годится, но ведь это всего лишь слова, пустые слова и ничего более. Это происходит так, как будто мне нужно разрядиться, а потом — я уже спокоен. Речь не идет о вас. Вообще-то говоря, я кричу не на тебя и на детей, а на ту посредственность, которая меня окружает. Меня это очень расстраивает. За двадцать пять лет ты должна была это уже понять. *(Со злобой берет мобильник. Проверяет его. Снова набирает номер.)*

Слышен автоответчик.

(Говорит в автоответчик.) Девчата, я здесь! А где вы, мышки? Здесь великолепно! Дорогуша, скоро приедет твой сын, и мы ждем вас, бабуленции, нам будет грустно, если вы не отзоветесь! Прошу вас, откликнитесь, красавицы мои, неповторимые! Вы мне нужны.

Картина 3

Кошка идет по комнате. ОТЕЦ смеется. Грозит ей.

ОТЕЦ. Не делай этого. Ты же знаешь, как тяжело даются деньги, ведь их всегда не хватает. Одна пустяковая покупка, не очень-то и солидная, и та стоит кучу денег. Ты когда-нибудь нуждалась, ощущала отсутствие денег? За все платил я и ни разу не пикнул. Возможно, я не был таким отважным и смелым, этаким героем, как ты себе представляла. Я не стоял на трибуне. Я не был соблазнительным и не совершал налеты на банки. Я боюсь. Когда я играл, то всегда проигрывал. Когда пил — всегда напивался. И от меня дурно пахнет. Я понимаю, что существуют более успешные и более богатые мужчины, с которыми тебе бы жилось лучше. Возможно, они купили бы тебе дом у моря, чтобы ты могла ходить купаться с сыном. Возможно, они оплатили бы тебе масса-

жистку, чтобы ты выглядела моложе, чем теперь. Но я делал все, что мог. Я все время ждал, когда мы заживем как счастливая семья. Я надрывался, как раб. Я притворялся, лишь бы раздобыть денег. Я ждал, что ты скажешь мне: «Дорогой мой, единственный, ты заслуживаешь секс с самого утра». А ты?! Ты перестала со мной спать. Во все, что было между нами, ты втягивала детей. Как будто эти щенки знали, что это значит на самом деле! Быть любимым. Я сержусь. Я не забуду того, как было с детьми. Заниматься любовью и не иметь детей такой женщине, как ты, — это невозможно!

Кошка устраивается возле него. ОТЕЦ проверяет оба мобильника, пытается дозвониться. Никто не отвечает. Достает третий мобильник. Набирает номер.

(Набирает первый раз.) Ничего. Осторожничает, бестия этакая. *(Говорит в другой мобильник.)* Первая попытка, неудачная, в половине шестого. Все время не отвечает, уже как час не работает. (*Вторая попытка набора, одновременно диктует.)* Вторая попытка, звоню маленькой. Она не знает этот номер, поэтому должна снять трубку.

ДОЧЬ *(голос).* Да?

ОТЕЦ *(с победным видом набирает номер на другом мобильнике и одновременно говорит).*

У тебя, должно быть, по меньшей мере десять неотвеченных вызовов, душа моя. Почему ты не отвечаешь мне? Ты ведь знаешь, как я сержусь, когда ты не берешь трубку. Мама с тобой? Где ты прячешься? Или вы обе прячетесь? И от кого, кто не должен знать, где мои девочки? Что вы скрываете от меня, хотя я — вы ведь знаете, — я жду вас в пансионате за пятьсот евро? Позови к телефону твою мать! Вы полагаете, что можете меня затрахать?

Слышен звук отключаемого мобильника. ОТЕЦ кладет его, как бы изучает. Диктует на второй мобильник.

Тридцать пять минут шестого, положение мобильника малышки… улица называется, да, черт подери, наверняка там подрабатывает какой-то шалопай. При полном параде.

(Ложится на постель. Смотрит на кошку. Сразу у него хорошее настроение, он весело зовет ее. Что-то ищет в карманах.) На, моя… кис-кис-кис, на, моя….

Кошка не спеша подходит. ОТЕЦ хватает ее за горло и относит на террасу. Кошка злобно сопротивляется и царапается. ОТЕЦ выбрасывает ее. У него течет кровь. Кошка оцарапала его. ОТЕЦ достает носовой платок. Сразу же берет прибор для

измерения давления и меряет себе давление. Кладет в рот лекарство. Улыбается. Темно.

Картина 4

ОТЕЦ набирает скайп.

ОТЕЦ. Ну, возьми, возьми, ты, дерьмо. Возьми! Вы все время вместе. Все время. *(Снова меряет себе давление.)* Я сдохну здесь. Факт — сдохну. Один. Как перст. *(На скайп.)* Я вижу, что ты там! Так хотя бы отключи, ты, бедолага!

Кошка царапается в стекло на террасе. ОТЕЦ смотрит на нее. Хохочет.

Нет, я тебя не впущу. Ты за все в ответе. Ты этого хотела. Это ты начала войну. Ты научила детей обманывать. Притворяться. Мне, мол, ничего нельзя сказать. Ха-ха. Когда тебя обманывают, ты плачешь. Хнычешь, чтобы они были маленькие. А для чего? Когда они были маленькие, они были золотые. *(Снова набирает скайп. Безуспешно звонит. Расстегивает себе рубашку, дышит.)* Конечно же. Но за этим милым личиком надо представить себе взрослое лицо. Не следует обманываться всякими поцелуйчиками, щечками и попками. Фу. Какашки из маленькой попки такие

же, как и из большой. Ты не хотела меня понять. Если бы ты поняла, если бы ты знала, что ты должна делать, сегодня бы дети нас не огорчали. Ты бы научила их уважительному, внимательному отношению к родителям, беседы и разговоры — все это ни к чему. Дети, как и каждый человек, нуждаются только в том, чтобы выстоять в жизни. Им нужна дисциплина. Они рождаются как маленькие зверюшки. Не думаешь же ты, что они знают, что такое хорошо. Ты не смогла сделать их послушными. Правду не нальешь им в молоко, они не высосут ее. Самое плохое, что ты сделала для них, — это были те самые разговоры! Полеты чувств без правил. А теперь — пожинай плоды. Мы нужны им только ради денег. Как я могу любить их?! Они уже такие испорченные. Такие взрослые. Такие *лживые*. Они любят только себя. И ты позволила им себя обмануть. Я не упрекаю тебя, ведь матери часто ошибаются, обезьянья любовь, моя милая, она убивает.

Звонит скайп. ОТЕЦ вздрагивает. Записывает на мобильник.

Восемнадцать ноль-ноль. Откликнулись. Посмотрим, что придумали в главном штабе. *(Слушает, но не откликается.)*

СЫН *(голос).* Папа, не разыгрывай. Ты же зна-

ешь, что бабы здесь, и мы знаем, что ты знаешь это. Ведь мы знаем друг друга. Ты звонил с третьего мобильника. Ты все выяснил.

ОТЕЦ. Вы не должны так со мной поступать. Вы бессердечные. Вы убиваете меня. Почему? Или я к вам слишком добр? Мне так жаль, что мы не можем вместе даже поговорить. Ведь я ваш отец, а вы так себя ведете, будто я для вас хрен в штанах.

СЫН *(голос).* У девочек была другая программа. А мне хотелось посидеть дома.

ОТЕЦ. Другая программа? Мать там? Пусть отзовется. Пусть она скажет мне, что важнее и прекраснее, чем этот мой сюрприз?

Слышны голоса, выключаются. Снова включаются. Включается видео.

ДОЧЬ. Это чтобы ты видел нас, папик. Здесь мама и я. Твой сюрприз — это мега. Факт.

ОТЕЦ. Я тебя не спрашивал. Где мама? Почему она не хочет быть со мной? Я вдруг не стал ей подходить? Она хочет развестись? Пусть разводится, покончим с этим делом — и все тут, эта неопределенность ужасна. Спросите у нее.

СЫН. Спроси сам.

МАТЬ появляется на экране. Кивает.

МАТЬ. Опять ты преувеличиваешь?

ОТЕЦ *(грустно).* И что теперь с вашими планами? Я должен здесь закруглиться? Вы не приедете? Я был не в курсе. ДОЧЬ *(голос).* Ты знал.

ОТЕЦ хрипит, ловит воздух.

СЫН *(голос).* Что с тобой? Ты мерил давление?

МАТЬ *(голос).* Ты опять злился.

ОТЕЦ. У меня 210/120. Я не могу поднять руку. Мне плохо. МАТЬ *(голос).* Надо вызвать «скорую помощь».

СЫН *(голос).* Позвонить?

ДОЧЬ *(голос).* Прошу вас, вы что, не понимаете? Он давит на нас.

ОТЕЦ *(еще больше сипит).* Идите в кино, или куда вы там хотели, а после приходите. Я буду ждать. Проследи за ними, мальчик.

МАТЬ *(голос).* Ложись! Мы сейчас придем.

ОТЕЦ выключает диктофон на мобильнике. Ложится и говорит на скайп.

ОТЕЦ. Хорошо. Я жду. *(Встает. Выключает компьютер, задергивает занавески. И снова меряет давление. Про себя.)* И все-таки вы придете! Я рад. У меня никого нет, кроме вас. Я вас люблю.

Темно.

III. Блюз дочери

Картина 1

ДОЧЬ идет. Несет сумку. Смотрит на мобильник.

ДОЧЬ. Любовь — это свинство, не правда ли, honey[71]? Где ты? Ты не откликнулся, а я ношу твои шкатулки. Любовь командует мною. Любовь одевает меня в белое. Фу. Любовь оглупляет меня. Она — непрошеный гость, я не знаю его, он стучится ко мне. Мой ребенок. Он все высасывает из меня, и я должна быть счастлива как мать? Мораль — это абсолютная западня. Мое имя и фамилия — это совершенная ловушка. Не так ли Эмилия? Не так ли Гоффманова? Или Клавдия? Миклошова? Или Эва? Я? Не я. Я хочу, чтобы меня звали иначе. Принадлежать к другой семье в другой стране в другом мире. Не рожать. Не иметь семьи. Не влюбляться. Мой пол — это абсолютная ловушка. Honey, ты меня предал. Где та? Ты не откликаешься, а я ношу твои шкатулки. *(Останавливается возле дерева. Отдыхает. Достает*

---

[71] Примечания: 71
Из песни шведского ансамбля АББА «Honey honey» — «Милый».

пачку сигарет. Посылает эсэмэски.) Я ждала тебя. Где ты? Отзовись, honey. Ты предаешь меня?

Звонит телефон.

Мать. Снова мать. Три раза мать. *(Выключает мобильник.)* Я отзовусь, как только перестанет шуметь дерево. *(Смотрит на дерево, смеется.)* Никогда? Прежде чем ты догадаешься, где я, я буду уже далеко, чтобы ты меня не нашла. Милые папка и мама, как раз начался мой первый полдень независимости! *(Начинает прыгать и кружиться под деревом. Звонит мобильник. Смотрит и энергично выключает его.)* Ура! Свобода! Плевала я и на тебя, honey! В этот день я сделаю то, что давно уже хотела. Тебя здесь нет, honey, и хотя тебя здесь нет, я — не твоя девушка, я не должна быть девушкой. Плевала я на то, чья я девушка. Я не буду ни мужчиной, ни девушкой. Буду только сама собой. Нечто вроде энергии, взгляда, улыбки, скалы, улитки, песочной дюны, волны, моря, чайки, да, я могла бы быть. Нет, даже птицы имеют пол. Значит, и я буду иметь. Дождевой червь! Я хорошо помню? Гермафродит. Меня могут разрезать на куски, делить на части, на зернышки, на невидимые кусочки, и я снова рожусь. Меня будет больше. И без детей. Только

я, разделенная, приумноженная, у которой один и тот же взгляд. Боже, если бы я только могла избавиться от всей этой ненависти!

Звонит мобильник.

Братик, ты — кретин. Я тебя не интересую. Вот только мать нервничает. *(Выключает телефон.)*

Достает пачку сигарет, долго их изучает, что-то в них ей не нравится, но она закуривает. Темно.

Картина 2

У ДОЧЕРИ в ушах наушники, она слушает музыку. Смотрит на дерево и в такт музыке двигается. Курит, поначалу нерешительно. Музыка снова начинает играть. ДОЧЬ улыбается.

О плохом я не буду не стану говорить

О том мрачном я не буду не скажу ни слова

О той ненависти я не буду ее нет там она в ящике

Она спрятана в руке? Я съела ее на завтрак? Выключила с мобильником?

Да у меня с детства хороший желудок меня никогда не рвет

Сейчас я хорошо себя чувствую прогулка — мега

я ждала ждала когда уйду

Я как раз нашла день своего исчезновения я ждала ждала когда смогу уйти

Мой голубой цвет говорит всюду сердит твоя независимость я ждала когда ты придешь

Я напрасно ждала? Сейчас исчезнешь? Следующая твоя путаница? Ты воспринимаешь ее серьезно?

Да с детства я обладаю сверхсилой в руках подвину больше чем брат

День независимости! Выключенная я не вибрирую не истекаю не дразнюсь словами

Уже никогда эмоциональное описание Прекрасное Рождество или Мой любимый герой!

Уже никогда гражданский паспорт зачетка свидетельство о рождении карточка страхования мастеркарт виза

Ни здоровая ни больная милая дерзкая красивая уродливая стройная толстая умная глупая

На этом языке у меня нет имени я не существую в этой галактике суперпредставление

Да, с детства меня мучают огненные мысли, которые пострашнее, чем мамины депрессии.

Звонит мобильник. ДОЧЬ смотрит. Прячет шкатулку.

Я странно себя чувствую. *(Тихо говорит в мобильник.)* Мамочка лавочка. Мамочка ручичка. Мамочка ласточка. Мамочка кошечка. Мамочка уточка. Мамочка гусочка. Мама корова. *(Выключает сигнал.)*

Мобильник вибрирует. ДОЧЬ смеется. Внезапно музыка прекращается. Снова мобильник вибрирует. На дереве, на одной из веток ей видится МАТЬ. Она сидит там, у нее молодое лицо. Она выглядит почти как дочь.

МАТЬ. Седемеке мрекаку. Ситюту? Ганаш панаш краимо фири.

ДОЧЬ *(удивленно)*. Седеме мрекаку.

МАТЬ. Кора нере. Краклаква ква.

ДОЧЬ. Ква. Эта игра меня давно не интересует.

МАТЬ. Ква. Эта игра меня давно не интересует.

ДОЧЬ. И эта тоже.

МАТЬ. И эта тоже.

ДОЧЬ. Откуда ты свалилась? *(Показывает на лоб.)*

МАТЬ. Откуда ты свалилась? *(Показывает на лоб.)*

ДОЧЬ. Я рассержусь!

МАТЬ. Хорошо. Не будем больше играть, моя хорошая.

ДОЧЬ. Я под кайфом? Что мне…

МАТЬ. Иди наверх, моя хорошая.

ДОЧЬ. Гоооо… я уже. Разве ты не видишь меня там? Я и там, и там, и тут. Боже. *(Смеется.)* Я размножилась, как дождевой червь. Это ужасное зрелище. Нет… мы, то есть я, мы все девочки, значит, я все девочки… да, у нас блестящий вид. В задницу! И не говори мне «моя хорошая», а то я отгрызу тебе язык! Всю тебя сожру, такая ты противная, распухшая, как губка!

МАТЬ. Бедняжка.

ДОЧЬ. Вот это мне нравится! Зови меня Бед Няжка или Няжка Бед, уже знаю, Бяж ка Де!

МАТЬ. Ты не довольна своим именем?

ДОЧЬ. А кто доволен своим именем? Своей семьей? Этим миром?

МАТЬ. Что ты имеешь против своей семьи, Де?

ДОЧЬ *(кричит).* Не морочь мне голову своими вопросами! Ты сошла с ума?! Какая еще Де? Какая семья? Ты не можешь выдать ничего интеллигентного?! Быстро! Что-нибудь разумное! Что-нибудь, из-за чего я тебя запомню! Что действительно имеет смысл?! Морда поганая!

МАТЬ. Приветствую тебя в твоей галактике. Выбери себе имя.

ДОЧЬ. Вот видишь. Предложения?

МАТЬ *(смеется).* Тебя будут звать… Река? Ка-

ире? Райке? Ваод? Кол О дец! Кап Ля! Унд Ина! Крис Талл!

ДОЧЬ *(хохочет).* Это хорошоооооооо. Ура! Меня зовут Криштуска!

Звонит мобильник. ДОЧЬ берет его. Слушает. Смотрит вверх. МАТЕРИ там нет.

(Сбитая с толку, овладевает собой.) Криштуска, валяй? Honey? Ясно, здесь у меня шкатулка, ясно, что я из нее ничего не брала. Где ты, дурак, лучше объявись, я не знаю, где проветриваюсь. За городом. Что у меня было? Не было? Нет… я не странная. Ты обещал мне, что по траве не пойдешь. Пойдешь? Ой, что ты мне дуришь голову? Чхать я хотела. Пока. Сейчас я описаюсь. *(Бежит за дерево, возвращается.)*

Темно.

Картина 3

ДОЧЬ сидит опершись о дерево. Мобильник время от времени вибрирует. То и дело звонит. ДОЧЬ играет, выключает его.

ДОЧЬ. Я хорошая дочка своих родителей. Я люблю свою семью. Я люблю всех наших. Я знаю, что родители меня любят. Все, что они делают

для меня, они делают это только из любви ко мне. Я для них значу больше, чем кто-либо другой. Возможно, брат, его мама тоже любит, но по-другому, и мама и отец очень сильно любят меня. Я — их девочка. Сколько я себя помню, я чувствую эту любовь. Мне так хорошо, что от этого даже становится плохо. Я никогда не думала, что любовь доставляет боль, скорее наоборот: я всегда думала, что это прекрасное ощущение, такое теплое. Только вот когда я вспоминаю о своих родителях, о любви, то вместо теплоты я чувствую странное волнение, я вся дрожу, кончики пальцев немеют, и я даже не могу звонить. Мое первое воспоминание о них подобно какому-то блику, чистому, нерасплывчатому, хотя мне и было всего три года. Я стою перед их сумками и вижу мобильники. Они околдовывают меня. Я тихонько залезаю в сумки и прячу мобильники. Папа сердится, его девочка спрятала так, что он не мог найти. Иметь детей — это ужасно! Мама мне говорила, но-но-но, мобильник — это мамин и папин ассистент, без него твои родители как без рук! Я не хотела, чтобы мои родители были без рук, мне было больно это даже представить себе, я сильно плакала и просила, чтобы они не остались без рук. Мама стала убирать сумки на

вешалку, куда я уже не дотягивалась. И больше я не боялась, что они останутся без рук. Мы написали с мамой письмо Деду Морозу. Он не забыл про меня, и, когда мне исполнилось четыре года, он принес мне мобильник. Мой первый. На кнопке один была изображена коровка. Она говорила, что завтра принесет мне молочко. На кнопке два — пчелка. Та говорила, что ее нет дома и что она собирает медок. На тройке ворчала собака. Пойдем погуляем. Кошечка была седьмой, она мяукала: ловлю мышек, оставьте мне сообщение! И я оставила ей сообщение: когда поймаешь много мышек, приходи ко мне в гости. В окошке над кнопками появлялось изображение зверушек, которым я звонила, и я так радовалась и только с ними и разговаривала! *(На мобильник.)* Ага, опять брат! Дома — переполох! Я не ложилась спать, пока не узнала, что коровка принесет мне молочко или что завтра мы пойдем с собачкой на прогулку. Мама сначала немного сердилась, но ведь не могла же она отнять у меня подарок от Деда Мороза? Так не делают. Помню, как я была удивлена, когда однажды узнала, что нормальные зверушки в жизни не разговаривают. Почему? Мне было грустно. Как жалко! *(На мобильник.)* Опять мама. Когда я пошла в школу,

мне подарили настоящий мобильник! Родители должны были быть уверены, что с их девочкой все в порядке. Мама звонила мне во время большой перемены, спрашивала, съела ли я завтрак, и я спокойно могла выбросить его в корзину. Когда мне завтрак не нравился, я проделывала это. А завтрак мне редко когда нравился. Или она выясняла, не ударил ли меня кто-нибудь, не таскал ли за волосы. Я должна была сказать правду, а когда я ей об этом сказала, она расплакалась и позвонила учительнице. Та позвала одноклассников, на следующий день меня толкали и таскали за волосы еще сильнее, я даже не знаю, кто это делал. Так что я маме уже ничего не стала говорить, чтобы она не мучилась. Когда мне было лет восемь-девять, именно тогда начали проходить большие акции в магазинах, где продавали телефоны, так я им об этом сообщала, и папа всегда обещал взять меня с собой. Я долго ждала этого, я была нетерпеливой, я хныкала, когда он не приходил. Однажды у меня была температура. Потом я слышала, как мама с упреком шептала ночью, что она, мол, тебя ждала, зачем, мол, ты обещал ей, что возьмешь ее в магазин? Я ужасно не любила ждать его. Я сидела на окне до тех пор, пока не стемнело. Мама потащила меня в постель. Слу-

чалось, что я видела его силуэт, но он тотчас же исчезал. В уличном освещении колыхались тени. В магазине моя ненависть быстро сменилась любовью. Я долго-долго выбирала, мне хотелось продлить время хотя бы настолько, сколько он заставлял меня ждать его. Я выбирала самую красивую модель, наушники… нет! Те появились позже. А тогда я выбрала себе с огоньками. «Они будут мигать, когда меня не будет с тобой и ты будешь одна», — шутил он. Я ужасно всегда боялась. Я боялась всего. А больше всего, когда оставалась одна. Я часто была одна. Я старалась не бояться, чтобы наши не переживали, что я мучаюсь. Но у меня не всегда получалось. Поэтому мне то отец, то мама звонили и спрашивали, обедала ли я, наелась ли я в столовой, как я перешла улицу перед школой, не застряла ли я в лифте, пробежала ли я мимо дверей подвала… Когда они мне звонили, огоньки улыбались, и это было здорово. Я держала трубку у уха и слушала мамин голос: «А теперь, моя хорошая, открой дверь в лифте, медленно, так, посмотри вокруг и — лети к двери. На три — старт! Из дома мне позвонишь». Потом я звонила отцу, но отец никогда не брал трубку. Он, мол, находился там, куда не доходил сигнал. Да, папа, сигнал — это очень важно. Боже, и как!

Здесь, я думаю, очень слабый сигнал. Жаль. Ты как раз позвонил дочери в 25-й раз, а она не сняла трубку. Ну, давай. Когда мне было между шестью и девятью, я была в восторге от того, что у меня есть мобильник, когда я приходила домой с продленки, я звонила маме по десять раз в час. Пока она не объяснила мне, что она не может со своим сердечком разговаривать по два раза в час, что достаточно и одного раза, максимум двух раз в день. На работе, мол, со своим сердечком нельзя разговаривать. Надо быть хорошей и заниматься. Я звонила и брату, и бабушке с дедушкой, но они упрекали меня, что я долго разговариваю. Надо, мол, только сообщить что-то, а не болтать всякую чепуху, как ты. Что-то в этом роде мне говорила бабушка. Постепенно я перестала звонить нашим, они сердились на меня. А я не хотела, чтобы они из-за меня сердились. Мне нравилось набирать незнакомые числа. Однажды я позвонила одной тете на Балатоне. Та сказала, что и у нее есть внучка, которая живет очень далеко, и что поэтому ей очень грустно и что в Балатоне много воды. Мне тогда и в голову не пришло, как это она меня понимает, ведь Балатон находится в Венгрии. Мне казалось, что по своему мобильнику я могу договориться со всем миром. Пока не при-

шел счет. Мама плакала, я плакала, папа ударил маму, мама меня, и все равно мы должны были заплатить. Наши одолжили денег: ведь у них всего одна девочка. Я бы своего ребенка убила. *(На мобильник.)* Мать, мать, и снова отец. Потом я несколько месяцев жила без мобильника, это было плохое время. Я ничего не помню. Пару раз я заблудилась. Я очень боялась, и наши боялись. Мне тогда было одиннадцать, я могла найти дорогу домой! Но я куда-то не туда свернула, когда шла из школы, и оказалась в совсем другом микрорайоне, не там, где мы живем. Я не могла найти дорогу обратно. Мобильника у меня не было, и мне оставалось только ждать, когда меня найдут. Я плакала и ждала, когда меня найдут. Тогда я опять почувствовала, как они меня любят. Они непрерывно искали меня до тех пор, пока не нашли. Сначала мама искала одна, потом подняла папика. И они вместе меня нашли. Это было замечательное чувство, когда мама с папой меня обняли. Я чувствовала запах маминого халата, она накинула на себя лишь пальто, а от папика пахло пивом и боровичкой? Или ромом? В общем, я была счастлива. Я даже не плакала, плакала только мама. Она просила отца, чтобы он купил мне мобильник. Отец заупрямился. Я понимаю

его, ведь он выплачивал долг. Я бы своего ребенка убила. Когда я терялась много раз, мама посылала за мной брата, а тот от этого тащился. Он даже не поцеловал меня. Только двинул в живот: ты, ненормальная! У меня перехватывало дыхание, пока мы не дошли до дома. Я всегда терялась все дальше и дальше, и, может, я бы потерялась и совсем, если бы… Если бы не наступило Рождество и бабушка с дедушкой вместе с Дедом Морозом мне снова не подарили мобильник. С тех пор я уже никогда не терялась. В одном мобильнике у меня есть система навигации, как у отца. Последние пять лет у меня были разные мобильники, мне нравятся и клавишные, и со светящимися кнопками, и с маленькой палочкой для нажатия. У меня дома 54 мобильника, которыми можно пользоваться в любое время. Но родители дают мне деньги только на два мобильника. Когда у меня было их пятнадцать, я заявила родителям, что не буду обедать, что мне нужно больше денег, чем у тех засранок, что в столовой готовят еду! На обеды я все же должна была ходить, и я должна была делать еще и другие нужные дела, которые требовали от меня родители. Главным образом мама. Чтобы я не гуляла с шалопаями. Не носила дреды. И прежде всего — училась! Иначе она

не давала мне денег. Если ее осчастливит такая глупость, как мои отметки, — пожалуйста. Она любит меня, а я люблю, когда она радуется, хотя мне эти ее отметки совсем не нужны. У меня были разные скидки. Я люблю время новых акций всех трех операторов, когда можно выбрать телефон в зависимости от цвета и маленький подарок — карандаш или значок. Мы обмениваемся ими с подружками. Здорово выменивать всякие штуки, которые тебе нравятся. Мне очень нравится звонить. У меня свой собственный стиль. Это совсем не то, что просто взять мобильник, приложить его к уху и говорить! Это каждый умеет. Я могу звонить и без рук. Это мало кто делает. *(Играет с мобильником и показывает, как она это делает.)* Я тихонько придерживаю мобильник к уху — все равно к какому, — наклоняю голову почти к плечу, приблизительно на тридцать градусов, и придерживаю мобильник плечом. А еще до этого я его поднимаю, чувствую напряжение в лопатке. Вот это мега. Руки у меня свободные, я могу мыть посуду, бежать, купаться, и он не упадет! Главное — первое слово. Никаких ало, пожалуйста, кто это? Я говорю: будьте добры, давайте! *(Смеется.)* Все в шоке… Я с любым отлично договорюсь по телефону. Я умею прекрасно поговорить со всей

семьей, и с папой, и с мамой, и с братом. И, черт подери, когда я прихожу домой, стою перед ними глаза в глаза, я не знаю, что сказать. Мы молчим. Меня очень устраивают эсэмэски. Лаконично, кратко. В них можно выразить все чувства, которые я испытываю. Пошлю улыбку — это уже понятно. При этом никто не знает, обманываю я или нет. Важно и то, что мы общаемся с разными людьми. С мобильником я стала обращать внимание на мир. Я фотографирую им всякие штуки, соседка выбрасывает окурки из окна, брат писает за домом, мать… а что мать? *(На мобильник.)* Десятая попытка. Я знаю, что они боятся за меня. Они привязаны ко мне. Я не знаю, что буду делать, когда уйду от них. Кому они будут звонить? За кем будут следить? Воспитывать? Кому будут советовать? В мобильник я могу сказать все, и мне ничего не будет. Он безопаснее, чем секс с предохранением. Фотоаппарат, видео, Интернет, сорок восемь часов без заправки — вот такой интеллигентный у меня мобильник. Не подводит. Лучше, чем человек. Я записываю свои мысли, комментарии, записываю других людей, одноклассников и учителей, родителей, соседей, ужасно развлекаюсь, когда снова слышу их голоса или ссоры наших — давай точно договоримся,

скажи, что нужно и что не нужно покупать, чтобы ты не нервничал, не делай из меня дебила, опять меня оскорбляешь, я — нервничаю? Я не понимаю, почему ты все время делаешь из меня хрена собачьего, я из тебя не делаю хрена собачьего, я только прошу тебя, чтобы ты высказался, я не буду высказываться, когда ты захочешь… трала-ла-ла, засранец. Поддразнивание словами. Я складываю их в свою шкатулку Пандоры. Она без колебаний проглотит состязания речей и вздохов, а злобу и ненависть свяжет в один узел. Яд, который скрывается за словами, перестает булькать в отлично сохраненных голосах, а как только я захочу, он всегда готов перейти в наступление. Ты моя черная любовь, тля, ищейка, клоп, самое время! Я ненавижу тебя так же, как и саму себя! Мы уже не существуем! *(Берет оба мобильника, встает в театральной позе, размахивается и бросает их через голову. Сломя голову, убегает.)*

Темно.

Картина 4

Смеркается. ДОЧЬ ползает на четвереньках вокруг дерева.

ДОЧЬ. Ну, где ты? Где? Что я тебе сделала? Зазвони, миленький. Ты ведь скучаешь по девочке. Ало… милый, ало, мама… *(Старательно и в отчаянии осматривает окрестности.)*

Темно.

IV. Блюз сына

Картина 1

СЫН сидит в машине. Рядом с ним — ОТЕЦ.

СЫН. Мне страшно.

ОТЕЦ. Это нормально. И мужчины тоже боятся. Сначала включи стартер, а затем нажми на газ.

СЫН выполняет.

Включай скорость. Поверни ключ, ради бога.

Машина начинает гудеть.

Как ты держишь руки на руле? Ты должен положить их так, как будто стрелка показывает без пятнадцати два. И внимание — спина. Выпрямись, как следует. Поехали, парень.

Следующая попытка, машина подпрыгивает.

Внимание. Ведь ты не женщина, чтобы скакать при включении скорости!

СЫН. Я ужасно боюсь.

ОТЕЦ. Бога ради, чего?!

СЫН. Я бестолковый. В автошколе я еле сдал

экзамены.

ОТЕЦ. Дерьмо. Перестань жалеть себя. Будешь ездить как бог.

В машину садится ДОЧЬ.

ДОЧЬ. И я хочу научиться, папик.

ОТЕЦ. Зачем? Тебя будут возить.

ДОЧЬ. Я попробую.

СЫН. Не мешай, малышка.

ОТЕЦ. Ты попробуешь мужчину с машиной, а не вождение.

ДОЧЬ. У мамы есть права.

ОТЕЦ. На бумаге. Машину я бы ей не доверил. Беги за ней.

ДОЧЬ. Вы противные! *(Уходит.)*

ОТЕЦ *(сыну).* Еще. Ты же не баба, чтобы так вести себя за рулем.

СЫН заводит машину, подскакивает и медленно начинает двигаться. ОТЕЦ смеется. Треплет СЫНА. Темно.

Картина 2

ОТЕЦ вытирает окна в машине. Быстро вскакивает внутрь.

ОТЕЦ. Айда! На Париж.

СЫН. Мне не нравится, папа, факт. Иди ты.

ОТЕЦ сопит. Садится на его место. Машина трогается.

ОТЕЦ. И что ты только за мужик, если не любишь машин? Еще войдешь во вкус, вот увидишь. Это приходит с возрастом. Созреешь. Автомобиль — это совершенная машина. Машина — это как женщина, с ней надо обращаться нежно и осторожно ею управлять. Машина ничего не знает. Никогда не жми на нее, она начнет гудеть. И дома тоже бывает противно, когда мама гудит. Слушай, как она дышит, какие сигналы идут из-под капота, вместе вы одолеете. Для этого нужно время, как в супружестве, но потом все получится. Потом уже только соблюдай правила, скорость, и дорога будет отличной. Ездить — это подарок. Скорость — это переживание. Движение только вперед — это возбуждает. Итак, у нас ускорение! С машиной, у которой хорошее ускорение, все можешь предвидеть. Женщины ездят медленно, потому что не могут предвидеть, они задерживают движение. Они думают, что чем медленнее едут, тем безопаснее. Глупость. Дороги для того и существуют, чтобы по ним ездить. Как? Как положено. Ни медленно, ни быстро, а так, как это необходимо. Как в любви, когда много всего — это вредно. Великолепно! Это отличная машина, смотри, как она тормозит. (*Резко тормозит.)*

СЫН не удерживается и ударяется о переднее стекло. Из носа у него течет кровь.

Курва, а ремни безопасности? Вот и получил, потому что не уважаешь правила. Без ремней — и за руль! Этого не сделает даже мама! А теперь приведи все в порядок. Надеюсь, что кровь не испортила обивку. *(Сердясь, выходит из машины.)*

СЫН вытирает нос, включает радио. Звучит блюз «Самтайм». Темно. СЫН один сидит в машине. Машина стоит неровно. СЫН звонит с мобильного. Он нервничает. Чуть не плачет. Он обходит машину. Приезжает ДОЧЬ на изящном мотоцикле.

ДОЧЬ. Что случилось?

СЫН. Вот. Я больше в нее не сяду.

ДОЧЬ. Ты весь дрожишь. Боже ты мой, ведь ничего же не случилось.

СЫН. Отец убьет меня.

ДОЧЬ отставляет мотоцикл в сторону.

ДОЧЬ. С ума сойти, ты что, не умеешь припарковываться? Тебе надо посмотреть на обочину, ты, склеротик. *(Включает скорость и выправляет машину. Убирает мотоцикл в чехол.)*

ДОЧЬ. Спокойно, поедем домой.

СЫН. Я не знаю, что скажу ему. Я должен нако-

нец сказать правду.

ДОЧЬ. Свою правду ты засунь себе… Ведь ничего не случилось. Не так ли?

СЫН садится к сестре и кладет ей на плечо голову. Темно. Приходит СЫН. Снова садится в машину.

СЫН. Я не понимаю мужчин, которые любят водить машины. Мне это противно. Сидеть, крутить руль и чувствовать себя как король? Лучше я буду ходить пешком. Окрестностей в окно не видно. Серый асфальт, выхлопные газы. Смотри только вперед. Должен предвидеть, что сделает какой-то придурок. Теперь их ездит все больше и больше. А еще к тому же блюстители порядка! Придурков они не остановят, а меня обязательно поймают. И всегда что-нибудь найдут. А летом — потные тела, поджаривание в металлической коробке, не понимаю, зачем мы это делаем. Воздух застаивается на обочинах, все в нас сублимирует, зачем мы это делаем? Одежда прилипает к сиденьям, кондиционер переполнен вирусами, зачем мы это делаем. А зимой — замерзшие окна, лязганье зубов, пока машина согреется. А когда дождь, перед окнами — туман. Потоки воды обрушиваются на машины… Я не понимаю, зачем мы это делаем?.. Если бы это не было так удобно, я бы плевал

на эту езду. Я езжу хорошо. Сноровка. Я развожу тех, кто навеселе после семейных праздников. Это необходимо, ведь нельзя же их оставлять на улице. Я вожу мамины покупки. Это необходимо. Покупки складываю в багажник. Мы много едим. Сестра отвоевала себе мотоцикл. Ей уже больше ничего не нужно. Она не зависит от машины. Когда я долго вожу машину, я ужасно устаю. У меня болят глаза. Если я не покончу с вождением, я совсем ослепну. Мне это противно.

Темно.

Картина 3

В машину весело садятся ОТЕЦ и МАМА. ОТЕЦ звенит ключами.

МАМА. На, посмотри, что у нас есть для тебя! Что это? Ну, что это?

СЫН. Гм. Ключи.

МАМА. Боже, но ведь какие ключи! Папа купил тебе машину! Теперь у тебя своя машина!

СЫН *(берет ключи).* Не надо было.

ОТЕЦ *(смеется).* Знаю! Я хотел!

МАМА. Хочешь на нее посмотреть? Она красивая! И дорогая! Папа раскошелился. Поедем покатаемся? Куда-нибудь за город? На природу?

Да, и нас с собой прихватишь… Мы уже давно никуда не ездили.

СЫН. Ужасно, папа. *(Минуту спустя.)* Подари эти ключи малышке. Она правда хорошая. Хотя она и младше меня, но ездит отлично. Она научилась ездить задом.

МАМА. Мы отдадим малышке машину, правда, папа?

ОТЕЦ. Посмотрим. С нее хватит и мотоцикла.

МАТЬ. Машина безопаснее.

ОТЕЦ. Мамочка всегда настоит на своем.

МАМА. Что-что?

СЫН *(минуту спустя).* На мотоцикле она хотя бы не может звонить. Ты ведь знаешь ее, мама. Она отовсюду звонит…

МАМА *(отцу, в отчаянии).* Что ты сказал?

ОТЕЦ. Если бы это зависело от меня, у нее не было бы даже мотоцикла.

МАМА *(с ненавистью).* Если бы все было по-твоему, так этого бы вообще не было!

ОТЕЦ. Боже ты мой, мы опять начинаем полоскать старое белье! И почему только ты из всего делаешь проблемы? На пустом месте, хорошее настроение и — на тебе. Можешь испортить прекрасный день. Но сегодня мы не позволим тебе это сделать. Ну так что, сынок, повезешь нас на

новом катафалке? Устроим себе праздник?

СЫН молчит.

МАТЬ *(тихо).* Скажи отцу «Спасибо».

ОТЕЦ и МАТЬ треплют его по плечу. СЫН молчит. Темно. СЫН подходит к старой машине. Она заведена. Играет радио. Блюз «Самтайм».
Он обходит ее вокруг. Выхлопная труба направлена внутрь машины. СЫН вскрикивает. Открывает заднюю дверь и вытаскивает мать из машины. Кладет ее на землю. Выключает мотор.

СЫН. Мама, и когда ты только сюда забралась? Черт подери! Дыши. Чертова машина. Чертова жизнь. *(Достает мобильник, набирает номер.)* Малышка, где ты, малышка? Помоги. Ало, мама отравилась, ну да, я сейчас обделаюсь. Ты мне нужна, малышка. Мама, боже, моя мама. Не делай этого. *(Присаживается к ней, хлопает ее по лицу. Вызывает «скорую помощь». В мобильник, шепчет, чуть не плачет.)* Срочно. Она надышалась выхлопных газов. Моя мама. Я знаю, нет, я не глупый, я вижу, что случилось, пани! Да, это моя машина! Я ее сын. Гараж в Первом квартале, дорога 156… *(Сидит возле матери и ждет.)*

Темно.

СЫН подходит к новой машине. Открывает ее с помощью сигнализации. ДОЧЬ прыгает на заднее сиденье. СЫН видит, что сзади кто-то прячется.

ДОЧЬ. Что ты тут делаешь, ты, бедолага? Разве тебе не нужно быть на работе?

СЫН. А ты что тут делаешь? Разве ты не должна быть в школе?

ДОЧЬ. Я в школе.

СЫН. Ага, так пусть этот твой одноклассник проваливает как можно скорее. Я надеюсь, что вы машину… это самое… Я должен привезти маму с работы.

ДОЧЬ. Я поведу.

Шалопай с капюшоном на голове целует ДОЧЬ, уходит. ДОЧЬ выходит из машины, в руке у нее пакетик попкорна.

Жалко, что в этом маленьком городке нельзя смотреть в машинах фильмы. Вот это было бы зрелище. Я бы хотела это попробовать. Сидеть в машине и смотреть отличное кино, и чтобы рядом был человек, который тебя действительно любит, просто сидеть и смотреть красивую максимегакартину, где играют цвета, где у артисток белые зубы, отличный грим, мужчины сильные,

никакого скотства, сначала кругом дерьмо, но постепенно все налаживается… *(Подает ему пакетик.)* Хочешь?

СЫН. Вот как тресну тебе по башке, ты, кукуруза. Пойди пробегись, раз у тебя играют гормоны.

ДОЧЬ *(полный рот).* Мне не хочется. А для чего у нас машина? Чтобы мы пользовались ею на полную катушку, ты, жучок?

СЫН сердито ударяет ее, вырывает пакетик, бросает его и садится в машину на место рядом с водителем. ДОЧЬ ухмыляется. Садится к нему. Темно.

Картина 4

СЫН сидит в новой машине. На месте водителя. Его голова наклонилась. ОТЕЦ садится рядом с ним.

СЫН. Было бы лучше, если бы здесь села мама.

ОТЕЦ встает, уходит. Садится МАМА. Она при параде, красиво одета.

СЫН. Вот такой я запомнил тебя. Ты была красивой. В этом костюме ты мне всегда нравилась. Я считал на нем пуговички. Почему ты уже не носишь этот костюм, я не знаю. Почему ты уже не делаешь эту прическу, я не знаю. Почему мы так

уже не смеемся, я не знаю. Правда, я ничего не знаю, ничего не понимаю. Правда, я весь перемолотый, как говорит сестра. Я не могу смириться с тем, что вижу и чувствую. Пока не наступила катастрофа, нужно радоваться каждому дню.

МАТЬ. Я раздалась на два размера. Так случилось. С возрастом женщины набирают вес и не помещаются в свои одежды. А почему вы не смеетесь? Не будь таким надутым, миленький. Я стану смеяться, как только мне сделают искусственную челюсть. Мы еще насмеемся, мой мальчик, живот заболит. Ведь все так просто. Так банально. Не переживай. Недостатки и недоразумения накапливаются со временем и с возрастом. Неизлечимые раны, нанесенные чувствами и желаниями. Мы так же молоды, как и вы, вот только тело нас подводит.

СЫН. Нет, у вас не очень-то это получается. Я вспоминаю тот день, когда понял это. Мы уже перестали быть друзьями. Вы уже против нас. Вы хотите от меня то, чего я понять не могу. Мне не хватает вашей дружбы, мама.

МАТЬ. Я надеюсь, что ты не будешь плакать? Все изменилось, пока ты завтракал. Пока не произойдет катастрофа, нужно радоваться каждому дню. Ты не запомнил это точно. Иногда в этом

даже Господь не помощник, но это стоит того.

СЫН. А что стоит того? Выражайся яснее, не смейся.

МАТЬ *(смеется).* Ну, например, удержать то, что можно! Такова моя стратегия. *(Уходит.)*

Входит ОТЕЦ. ОТЕЦ садится в машину.

СЫН. Пока еще нет! Когда я позову тебя! Пожалуйста, оставь меня.

Подходит СЕСТРА, открывает ОТЦУ дверь. Тот выходит, затем уходит, она садится на сиденье.

ДОЧЬ. Ты трус и глупец, ты это хотел услышать? Трус, потому что никогда ничего отцу не скажешь. У тебя было для этого двадцать пять лет.

СЫН. Да, я не могу понять эти страшно противоречивые чувства. Как можно любить такого ужасного человека? Почему это хорошо, если меня сильно любит такой, как он?

ДОЧЬ. А что сделал ты? Ты переехал. Ты глупый, потому что думаешь, что так нужно. Сказать что-то принципиальное. Быть искренним. Открыть свое беспокойство, свои комплексы и блокировки. Как будто что-то изменится, если ты его будешь ругать? Это хрен в штанах, что тут скажешь, что почувствуешь. Я только цитирую.

Дай мне ключи, поедем куда-нибудь. Куда ты хочешь?

СЫН. Я просил тебя о чем-нибудь? Я звал тебя сюда? Я не хочу ругаться. Я хочу разобраться в себе. Я хочу перебороть это ужасное волнение и страх. Успокоиться.

ДОЧЬ. Напрасная попытка, братишка. Как хочешь.

Снова приходит ОТЕЦ. ДОЧЬ перебирается на заднее сиденье. СЫН молчит.

ОТЕЦ. Ты не можешь простить меня из-за твоей матери. *(Забавляясь.)* За всем стоит женщина.

СЫН. Оставь мать в покое. Теперь буду говорить я. Я не переношу твои правила. Я не переношу твои методы. Твой крик, с которым ты все делаешь, чтобы добиться покоя. Твои требования, которые мы должны уважать, а иначе ты нас накажешь. Твой палец, которым ты указываешь, что хорошо, а что плохо, что некрасиво, а что красиво. А что, если это все не так? Мы не осмеливаемся даже предположить это. Когда у тебя хорошее настроение, то такое же должно быть у всех у нас, хотя нам этого не хочется. Когда у тебя плохое настроение, мы все должны с этим считаться, хотя нам очень хорошо. А когда нам

хорошо, ты постараешься сделать так, чтобы мы быстро об этом забыли. А когда мы говорим тебе, что мы думаем, ты воспринимаешь это как дерзость и неблагодарность. А когда мы тебе ничего не говорим, ты сердишься, что, мол, мы обманываем и утаиваем от тебя что-то. А когда мы делаем что-нибудь по-своему, ты оскорбляешь нас, что, мол, мы дилетанты и что мы ничего не умеем. Если ты даешь нам деньги, то при этом говоришь, что мы тебя не уважаем, что ты кормишь неблагодарных детей. Если мы не хотим от тебя денег, ты одариваешь нас подарками от сотворения мира. Если мы хотим быть с тобой, ты не приходишь. Когда мы хотим уйти, ты приходишь.

ОТЕЦ. Я знаю. Ты не любишь меня. Я знаю. Ты не переносишь машины.

СЫН *(вскрикивает).* Не об этом речь!

Появляется МАТЬ. Она садится сзади. ДОЧЬ и МАТЬ прикладывают пальцы к губам.

ОТЕЦ *(грустно).* А о чем речь… всегда речь идет только о том, кто тебя любит. Ты сделал из меня страшилище. А я не могу даже защищаться. Извини, я больше не могу здесь оставаться. Я должен уйти.

СЫН. Сядь! Я долго размышлял об всем этом,

о плохом и хорошем. Я пришел к выводу, что как сын я тебя разочаровал. Я с трудом научился ездить. Я не курю. Я не пью. Не кричу. Я не хожу по бабам, ты даже думал, что я голубой.

ОТЕЦ. Ты хотя бы немножко меня любишь?

СЫН. Я рад, что наконец осмелился. Вот так, папа. Я удивляюсь, сколько всего ты выдерживаешь. И одновременно ненавижу. И тому, как ты умеешь принять решение. Как ездишь. Какой ты твердый. Какой ты сильный. Как на все тебя хватает. Сколько в тебе уверенности. Ты — босс. Ты — шеф. Шериф. Я — не такой. Спасибо, не надо. Мне было бы лучше, если бы ты был больше отцом, чем боссом. Я… не поверишь, сегодня я хотел тебя порадовать. Я понимаю, что это выглядит иначе. Но я думаю, что я исправлю это. *(Достает коробку. Вытаскивает из нее маячок с надписью ТАКСИ.)*

ДОЧЬ и МАТЬ удивляются. СЫН выходит из машины, ставит этот маячок наверх, на машину. Он загорается.

СЫН. Я основал предприятие. Завтра начинаю. Я — таксист.

ДОЧЬ. Ради бога….

МАТЬ. Ради бога!

ДОЧЬ прыскает со смеху. МАТЬ закрывает себе рот рукой и

смеется. ОТЕЦ молчит.

СЫН. Если хотите, я отвезу вас!
МАТЬ. Включи нам музыку!

СЫН включает блюз «Самтайм».

Это хорошая музыка! Поехали!

Женщины смеются. ОТЕЦ молчит. Темно.

Картина 5

СЫН сидит в такси.

СЫН. Я буду полезен. Я буду там, где я нужен. Везде. Где есть люди, есть разнообразная жизнь. Люди любят разговаривать. Они нуждаются в том, чтобы их выслушали. Это не будет однообразие и глухота. Завтра я сделаю визитки. Семейное такси.

Темно.

V. Семейный блюз

ОТЕЦ, МАТЬ, ДОЧЬ и СЫН. Действие происходит в комнате пансионата, может происходить и в квартире, за круглым столом. На столе полно еды и напитков. Все сидят на полу. ОТЕЦ крутит бутылку.

ОТЕЦ. На кого сейчас покажет бутылка, тот должен сказать правду…

Бутылка показывает на МАТЬ.

Кого ты любишь больше всех?

МАТЬ. Детей!

ДЕТИ. И…

МАТЬ. Ясное дело. *(На отца.)* Тебя! *(Берет бутылку, крутит ее.)* На кого сейчас покажет бутылка, тот должен сказать правду…

Бутылка показывает на ДОЧЬ.

Кого ты любишь больше всего?

ДОЧЬ. Тебя! Нет, всех. А еще Honey.

МАТЬ. Honey?

СЫН. Honey — это Лео.

ДОЧЬ берет бутылку, крутит ее.

ДОЧЬ. На кого сейчас покажет бутылка, тот должен сказать правду…

Бутылка показывает на СЫНА.

Что тебе в нас не нравится?

СЫН *(смеется).* Завтраки! Нет. Все нравится. *(Берет бутылку, крутит ее.)* На кого сейчас покажет бутылка, тот должен сказать правду…

Бутылка показывает на ОТЦА.

Ради бога, что мне надо спросить…

ДОЧЬ и МАТЬ *(пересиливает себя).* С кем тебе лучше всего на свете? С кем ты бы полетел в далекую галактику? Кого бы ты взял на необитаемый остров?

ОТЕЦ *(смеется).* Вас. Только вас.

Темно.

Конец.

Душан Вицен
Хищники и слизняки

Картина 1

(ВИТО)

Действие происходит в передней части сцены на белом квадрате.

Музыка, движение, шепот.

Мелькают кадры с камеры видеонаблюдения, установленной в вестибюле или в кабинете какого-то офиса.

В кадре появляется ВИТО, смотрит вверх.

Затем реальный ВИТО появляется в луче прожектора и тоже смотрит вверх, как бы в камеру.

Звучит музыка, высокий лилипутский голос — все это на фоне не-прерывающегося шепота.

ВИТО изображает человека, пришедшего на собеседование к работодателю, он подает документы, резюме и т. д.

Когда во второй раз к лилипутскому голосу присоединяется музыка, неожиданно завершающаяся резким аккордом, возникает звук скрипа, вспыхивают неоновые огни и входят ВИЗИОНЕРЫ.

Картина 2

(ВИТО, ДАНА, ВИЗИОНЕРЫ — все остальные)

ДАНА и ВИТО сидят на кресле и на табуретке, остальные — за широкой ширмой.

Яркий свет, все на своих местах.

Р. У вас есть визитная карточка?

В. А зачем?

Р. Чтобы мы могли с вами связаться.

В. Связаться?

Р. Ну да.

В. Это что, необходимо?

Р. Ну да, я бы у вас ее взяла.

В. Я еще подумаю, стоите ли вы того, чтобы давать вам свои контакты.

Р. Такого мне еще никто не говорил… Так есть у вас визитка или нет?

В. Нет у меня визитки.

Р. Пфф, ну и до свидания.

В. *(Дане).* А у вас есть визитка?

Д. Нет.

Р. Так значит, у вас двоих нет визиток?

Д. Нет.

Р. И как же вы сюда попали?

В. А что, здесь у всех есть визитки?

Х. Разумеется.

В. Тогда я себе тоже закажу.

Л. Слишком поздно, вас вообще не должны были сюда пускать.

В. А нельзя это сделать как-нибудь так, задним числом?

Л. Задним числом вы можете только валить отсюда в задницу.

Д. Куда это мы попали? Что же, нормальный человек к вам сюда и прийти не может?

Х. Сюда нельзя прийти, сюда можно только пробиться. Или, в порядке исключения, победить в каком-нибудь конкурсе на телевидении, но, насколько я знаю, мы ничего такого в последнее время не проводили.

В. А вы тогда чем тут занимаетесь?

Р. Мы — визионеры.

В. Я имею в виду — конкретно вы.

Р. Я занимаюсь здесь коучингом.

Д. Это что же тут, какое-то тайное общество?

Х. Не тайное, а избранное.

Д. А какие у вас критерии отбора?

Л. Ну, у вас должны быть визии.

Р. Визии и визитки.

Д. А куда же мы, живущие сегодняшним днем,

относимся?

Х. А вы уже никуда.

В. Как это — никуда?

Х. Ну, после того, как вы тут все увидели и услышали, вы уже не сможете жить там, снаружи.

В. В каком это смысле?

Л. В том, что нам придется вас убить.

Д. Но вы же не можете этого сделать, ведь у каждого человека есть своя горящая свеча…

Л. Ну вот… а ваша как раз догорает.

Р. Я же вам говорила, что мы — визионеры.

Х. А это значит, что мы исследуем и определяем будущее.

Л. А ваше будущее нам уже известно.

Картина 3. Конец Визионеров

Сцена пуста, на ней никого нет. По всей сцене тянутся кровавые следы — полосы или штрихи, как на старых кинофильмах. Кровавые следы на сцене. В разных частях сцены, как в разных служебных помещениях, появляются сотрудники фирмы, занятые работой. На них надеты наушники с микрофонами, они говорят и слушают распоряжения. Они печатают на компьютерах, говорят по телефону, дают пояснения у стендов с диаграммами, приносят и отдают друг другу бумаги, делают копии, оформляют, наливают кофе. В

духе Кафки все бесцельно снуют туда-сюда; можно добавить и площадку с беговой дорожкой. Халмо нюхает кокаин в уборной.

Картина 4. Кокаин в уборной

(РОМАНА, ЛЮЦИЯ и ХАЛМО)

ЛУЦИЯ и РОМАНА прогуливаются по сцене после хорошего обеда и находят в офисной уборной лежащего на полу ХАЛМО.

Л. Господи, посмотри, там кто-то лежит.

Р. Какой кошмар, эти пьяные бомжи теперь уже повсюду валяются!

Л. Я тут видела в новостях, что один какой-то лежал вот так где-то на улице, и все шли мимо, думали, типа, он напился, а у него инфаркт был.

Р. И он умер?

Л. Ну. Никто ему не помог.

Р. Бедненький.

Л. Надо бы нам на него посмотреть.

Р. Гляди, какие на нем кроссовки. Мне он что-то бóмжем не кажется. И брюки на нем приличные.

Л. И что нам с ним делать? Давай перевернем…

Р. Ну, не знаю, как бы проблем не было.

Л. А вдруг это один из тех англичан, которые сейчас сюда все время ездят… они мастера вот

так нажираться.

Р. Так скажи что-нибудь по-английски.

Л. Хеллоу! Хеллоу, мистер.

Р. Хау ар ю.

Л. Вотс ё нейм.

Р. Гутен морген.

Л. Хелп?

Р. Ой, смотри, а он вполне ничего. Может, артист какой-нибудь… у них бывают такие депры, что они иной раз вот так вот расслабляются… но, с другой стороны, что такому артисту у нас делать?

Л. А ведь он, кажется, твой тип, нет? И рост такой; ну, для меня-то не очень, погляди, если я вот так к нему… видишь, он меньше, попробуй ты.

Р. Ну а мне прямо в самый раз, нет?

Л. Ой, как вы вместе смотритесь!

Р. Посмотри, если я вот так к нему… ну как?

Л. Просто бесподобно. Так забери его к себе домой.

Р. Ну, не знаю… как бы неприятностей не было, неизвестно, к кому он сюда приходил… а вдруг его хватится кто-нибудь…

Л. А я тебе говорю — бери. Когда еще такой случай подвернется.

Р. Это правда… и я в него, кажется, уже так

немножко, платонически влюбилась, но настоящая ли это любовь, пока не знаю…

Л. Так бери его и увидишь.

Р. Ну, даже не знаю, может, и правда взять?

Л. Знаешь что, я тут внизу, на складе, подходящую тележку видела.

Р. Ой, ну какой же он чудный. Погляди на него. И разве это не удивительно, что вот идешь себе по фирме просто так и вдруг находишь здесь, в туалете, лежащую просто так любовь твоей жизни?

Л. Так давай, побежали за тележкой.

Р. Только как бы его у меня тем временем не увели.

Л. А ты подпиши его своим именем.

Р. Нет, подожди, у меня здесь есть бумага, дай ручку, я напишу: «Зарезервировано».

Л. И — «Скоро вернусь».

Р. Боже, мне уже прямо не терпится, и к моей новой мягкой мебели он вполне подойдет, нет, я уже реально вижу его у себя дома. Пошли быстрей за тележкой. Ой, как же я рада…

Картина 5. Вот так я хотел бы умереть

(ВИТО)

Действие происходит слева в кабинете, сзади в баре и в офисной уборной. Слева в кабинете появляется ВИТО, начинает готовиться к записи своего послания на диктофон. Достает диктофон из портфеля, оглядывается по сторонам, проверяя, не подслушивает ли его кто. Сзади освещается бар, РОМАНА садится и ждет, освещение гаснет. ВИТО перемещается из кабинета в уборную, садится одетый на унитаз и говорит в диктофон. В это время мимо него проходит ЛЮБО, который идет с работы с портфелем в руке.

В. У меня уже все продумано. Все. Все у меня уже продумано, как бы я хотел умереть. Примерно так: ко мне приходит незнакомый тощий оборванный человек, усыпляет меня каким-то неизвестным снадобьем, но так, чтобы я мог все сознавать, разрезает меня скальпелем вот отсюда до самого низа, а я все это сознаю, но при этом не чувствую боли, хотя отчетливо воспринимаю все происходящее, а потом он раскрывает мои ребра, вынимает из меня все внутренности и…

Л. Бросает их собаке…

В. Нет…

Л. И не возражайте, вот так все их вытаскивает

и бросает собаке…

В. Нет! Некоторые он мог бы отдать тем, ну, кто в них нуждается, а некоторые — продать… еще и он бы на мне нажился. Вот в точности так… так я хотел бы умереть…

Картина 6. Отношения в клочья

(ЛЮБО, РОМАНА)

За сеткой появляется человек на беговой дорожке, ВИТО с кучей бумаг под мышкой куда-то спешит. Камеры видеонаблюдения: люди идут по коридорам, бесцельно входят и выходят из каких-то дверей. Освещается бар. ЛЮБО и РОМАНА сидят на высоких стульях.

Л. И это тебе кажется нормальным?

Р. Что?

Л. Что вот так встречаешься с кем-то целых два месяца, а потом, короче, вдруг просыпаешься и с ужасом понимаешь, что человек, который лежит возле тебя в постели, еще ни разу с тобой не поссорился? И ты с ним тоже… А ведь в этом есть что-то нездоровое… в этих отношениях есть что-то нездоровое…

Р. Но я ведь только стараюсь, чтобы мы были счастливы…

Л. Вот, в этом-то все и дело… ты стараешься…

Р. А ты не стараешься?

Л. Нет, я не стараюсь…

Р. Тебе это совершенно безразлично?

Л. Мне это небезразлично, но я же не стараюсь, я понимаю это так, что эти наши отношения таковы, что я уже просто не могу… стараться — это уже притворство… я вот стараюсь быть нормальным, естественным и вдруг понимаю, что в этом есть нечто нездоровое… ведь с тобой невозможно поссориться!

Р. Ну да, правда…

Л. Ты просто субмиссивный тип… ты такая уступчивая, что плакать хочется!

Р. Я это понимаю, но…

Л. Вот видишь, ты уже уступаешь! Вместо того чтобы сказать, что это неправда, что я к тебе несправедлив, что я сейчас на пустом месте хочу раздуть какой-то конфликт, ты говоришь… да, это правда… и я вижу в этом зачаток будущих проблем! Все это просто так добром не кончится! Уступчивый человек может создать проблему там, где меньше всего ждешь! Утром я проснулся и понял, что то, что мы сейчас пережили, те два месяца, которые с виду были такими прекрасными, такими совершенными, что все это

ненормально!

Р. Но ведь я не притворяюсь, я такая, в какую ты влюбился…

Л. Да, я в тебя влюбился, потому что говорил себе: вот красивая, интеллигентная, роскошная женщина, все это так, но знаю по опыту, что человек, который уступает, уступает лишь до тех пор, пока ему есть куда отступать, а когда вдруг ему уже некуда отступать, тут-то он и начинает вести себя как крыса! В один прекрасный день ты прыгнешь мне на физиономию и выцарапаешь глаза!

Р. Но ты эти два месяца выглядел таким счастливым, говорил, как нам хорошо вместе, а теперь вдруг кричишь на меня, обвиняешь в чем-то, значит, это как раз ты притворялся…

Л. Нет, я просто ловил кайф от того, что у меня такая красивая интеллигентная баба, такая шикарная, ни в чем мне не отказывает, что мы друг друга понимаем, я был счастлив… но сегодня утром я проснулся с этим… а до каких пор все так будет?

Р. Ну тогда я просто не знаю, я ведь тоже могла бы проснуться утром и сказать, что тебе, наверно, когда-нибудь что-нибудь не будет во мне нравиться, что… но это хорошо, что ты видишь все вот так, я даже рада, что такая ситуация сложи-

лась уже сейчас…

Л. Ну, в том-то и дело…

Р. Потому что теперь мы не будем терять время вместе, проще говоря!

Л. Ну, вот же…

Р. Ну, тогда пока!

Л. Может, переспим еще напоследок?

Р. Ну, наверно, не стоит.

Л. Почему не стоит?

Р. Потому что я теперь уже не могу.

Л. Вот видишь. А вчера ты еще могла. Говорила мне, как это было прекрасно, как это было бесподобно, что ничего такого ты ни с кем не испытывала, а сегодня уже не можешь?

Р. Нет, я просто не могу вот так, по заказу, как только ты скажешь, а я сразу тут же и…

Л. Я не сказал, что сразу тут же.

Р. Но ты так сказал!

Л. Нет, я так не говорил!

Р. Нет, говорил!

Л. Нет, я сказал, не переспать ли нам еще разок!

Р. Но когда?

Л. Оставляю за тобой право выбора… Я пошел домой собирать вещи, а потом увидим!

Р. Ну хорошо… иди собирай вещи, а потом

увидим!

Картина 7. Гив ми файф

(ВСЕ)

Действие происходит справа у экрана. Входит иллюзионист ХАЛМО. Он достает из сумки рекламную продукцию, раскладывает ее на столе. Вытаскивает черный накладной клоунский нос, проделывает с ним пару простейших трюков и надевает себе на нос. Слышен приглушенный лилипутский голос из предыдущей сцены с ВИТО.
ХАЛМО держится очень серьезно и солидно, показывает телескопической указкой на экран и раскрывает рот, как будто говоря лилипутским голосом. На экране появляется видеоизображение. Это могут быть цифры из последующей картины, «Зассанка». ХАЛМО заканчивает выступление. На сетке сзади видео: мужчина, идущий вверх по лестнице. Действие продолжается на белом квадрате у рампы. Все артисты собираются вместе на белом квадрате и хлопают друг друга по рукам, делая жест «Give mi five!».

Л. Итак, чем же занимается ваша фирма?

Р. Ну, мы разрабатываем новую методику того, как убеждать людей покупать вещи, которые у них уже есть.

Л. О’кей, значит, в первую очередь в коллективе нужно укрепить позитивную энергетику. Давайте поднимем руки вот так и сделаем все вместе: «Гив ми файф»!

ВСЕ. Гив ми файф!

Л. Замечательно! Энергетика! Позитивная энергетика — вот что главное!

Х. Позитивная, да?

В. Коллега, разве директор не говорил вам в прошлый раз, чтобы вы сначала сто раз подумали, а потом уж говорили?

Х. Вы имеете в виду генерала?

В. Иду я в прошлый раз по коридору, а навстречу мне генерал. А я ему, мол, «Гив ми файф!».

Х. Ну и как он? Дал?

В. Нет, дальше пошел.

Все смеются.

Р. Гив ми файф!

ВСЕ. Гив ми файф!

Л. Вы — отличный коллектив!

ЛЮБО. А еще как-то раз шел генерал по коридору и… пернул.

ВСЕ *(смеются).* Гив ми файф!

ЛЮБО. Такой залп был, что я думал, окна вылетят!

ВСЕ. Гив ми файф!

ЛЮБО. И тут из дверей вышел Милан и сделал м-м-м-м-м-! И все это вдохнул!

В. Гив ми файф!

Х. А я стоял раз у ксерокса, и вдруг мимо меня идет жена генерала.

Р. И что?

Х. И ничего!

ВСЕ. Гив ми файф!

В. А за ней шла Жанета и насрала в умывальник.

Х. Серьезно?

ЛЮБО. Ну, ведь говно в уборной — это было бы слишком примитивно!

ВСЕ *(смеются).* Гив ми файф!

Л. Отлично, мать ее! Вы — отличный коллектив, а отличный коллектив делают две вещи! Запомните — две буквы Х! Хорошее настроение и Хорошие отношения.

Р. Но, как говорится, и немного вражды на работе не повредит.

Л. Само собой, я же не говорю, что вы для каждого должны быть лучшим другом!

В. Нет, нет, нет! Только для генерала… пук… пук…

Любо вздыхает.

ВСЕ. Гив ми файф! *(Уходят.)*

ЛЮБО. Встречаю я недавно генерала, и он мне говорит… а ты у нас теперь даже и не пернешь?

ВСЕ *(смеются).* Гив ми файф! Гив ми файф!

Картина 8. Монолог Даны

Действие происходит слева в кабинете. Сцена не освещена. Появляется ДАНА как охранник с фонариком в руке, она светит во все углы и осматривает помещение. Слева в кабинете на экране появляется видеозапись, на которой ЛУЦИЯ ожесточенно колотит по клавиатуре (звук в записи, синхронизирован с видеорядом), она время от времени что-то проверяет на мониторе и продолжает работать, не замечая ДАНУ ДАНА садится на стул напротив ЛУЦИИ, выключает фонарик и произносит монолог, как будто бы обращаясь к ЛУЦИИ.

ДАНА. …Это, милочка, были другие времена… я создавала эту фирму и старалась ею руководить, как семейным предприятием… и этого, своего, сюда устроила… он был шефом группы советников… сам себе эту должность придумал… советники… дерьмо, а не советники! Банда идиотов! Они устраивали в фирме совещания… говорили всякие дурацкие слова… ассертивность, тимбилдинг, интеркоммуникация, сплошное дерьмо,

понимаешь? Дерьмо и еще раз дерьмо! Но тогда я закрывала на все это глаза… радовалась, что он хоть что-то делает… И только когда он сбежал с этой профессиональной анорексичкой, которая проводила у нас какую-то кампанию, или что это там было, только тогда до меня дошло… Я вдруг поняла, что все вокруг думают про себя… на что она годится? Как она может удержать в руках фирму, если даже мужика в доме не смогла удержать? Выпьешь чего-нибудь? Не хочу пить одна, это выглядело бы не очень… Знаешь, что я чувствовала, когда вдруг заходила в помещение, а они там о чем-то говорили? Раньше меня это никогда не интересовало… раньше я своим неожиданным появлением каждый раз заставляла их умолкнуть… а теперь я подолгу стояла перед дверью и собиралась с духом, прежде чем войти… потом бралась за ручку и старалась, чтобы моя походка была такой же решительной, как раньше, но чувствовала, что для этого мне нужно все больше усилий… я чувствовала все эти взгляды, и мне казалось, что каждым своим шагом только подтверждаю то, о чем они говорили минуту назад… что они загрузили всё себе в компьютер и сразу же увидели… боже мой, нужно что-то делать! Эта женщина проявляет все признаки

неспособности управлять фирмой! Вот здесь у нас таблицы, на них видно, что эта женщина довела дело до критических показателей! Я заметила во всех враждебность… не знаю, может быть, эта враждебность была и раньше, просто не было повода, чтобы ее увидеть… вполне вероятно… этот идиот, который обслуживает лифт, вахтер на входе и даже мой шофер!., теперь их услужливость выглядела иначе, не потому, что я даю им работу… они словно насмехались надо мной этой подчеркнутой услужливостью, как будто своими фальшивыми улыбками давали мне понять, что мне конец… что… черт, поганая жизнь… правда, не выпьешь? Со мной? Ни капли? Нет? Я знаю, что нет…

Картина 9. Угадай

(ЛУЦИЯ, ДАНА; продолжение предыдущей картины)

Действие происходит на офисной кухне и слева в кабинете. Видео с работающей ЛУЦИЕЙ гаснет. Освещается офисная кухня, где появляется настоящая ЛУЦИЯ, которая варит себе кофе. Берет чашку и идет к Дане, садится на стул напротив.

Л. Знаете, куда мы поедем?

Д. Нет.

Л. Погодите, как это называется…

Д. Да ты потом мне скажешь, милочка…

Л. Нет, погодите… море, белый песок… господи, ну как же это… погодите, сейчас вспомню…

Д. Ну ладно, потом скажешь…

Л. Карибика!

Д. Карибика?

Л. Но только тунисская! Тунисская Карибика!

Д. Сейчас, зимой, Карибика?

Л. Не зимой, летом поедем, сейчас я только забронировала…

Д. А!

Л. И угадайте, сколько я за это отдала?

Д. Ну, не знаю…

Л. Нет, ну сколько, угадайте…

Д. Да я не знаю, сколько стоит такое…

Л. Ну, все-таки угадайте…

Д. Ну, не знаю, триста?

Л. Триста? Да вы вообще когда-нибудь в отпуске были?

Д. Была, давно когда-то…

Л. Триста… Это же Африка, самолетом, ол инклюзив…

Д. Тогда пятьсот?

Л. Пятьсот? Господи, да вы что, с Луны свали-

лись?

Д. Ну, тогда, наверно, семьсот?

Л. Совсем мимо… летом это стоит тысячу пятьсот…

Д. Тысячу пятьсот?

Л. Ну Но я зарезервировала сейчас…

Д. Значит, тысячу?

Л. Вы соображаете — тысячу? Я же это зарезервировала!

Д. Так сколько же?

Л. Да две тысячи, это же ясно?!

Д. Господи, две тысячи за отпуск?

Л. Ну зато я уже сейчас знаю наверняка, что поеду, потому что летом я бы не знала наверняка, уже, может, все будет продано.

Д. А…

Л. А знаете, что я достала?

Д. Мне уже надо идти работать…

Л. Карту на фитнес.

Д. А тебе-то зачем фитнес?

Л. Чтобы я все время так выглядела. Это ж классная вещь, карта, а вы не хотите?

Д. Я? Эту карту?

Л. Ну…

Д. Даром?

Л. Ну, это не совсем даром… с пятидесятипро-

центной скидкой.

Д. А это сколько?

Л. Угадайте!

Д. Ну не знаю, двадцать?

Л. Да вы что, вообще? Вы хоть были когда-нибудь на фитнесе?

Д. Так сколько?

Л. Ну, угадайте.

Д. Что, тридцать?

Л. Да ведь сюда же входит личный тренер, сауна, бассейн, фитнес с мячом, все-все! Для рук, для живота, для попки…

Д. Так ты скажи, сколько!

Л. Господи, да что вы, угадать не можете?

Д. Ну, что поделаешь, я же не знаю, я в жизни там не была!

Л. Так попытайтесь! Не можете, что ли, один разок попробовать?!

Д. Не знаю! Ну, не знаю я! Может, сорок?!

Л. Да ведь это ж абонемент! На целый месяц!

Д. Ну, не знаю, скажи сама!

Л. Но мне хочется, чтобы вы угадали!

Д. Тогда сорок!

Л. Да ведь вы уже это говорили! Совсем в маразм впали?!

Д. Так сколько?!

Л. Это же я вас спрашиваю! Не можете еще разок по-угадывать?!

Д. Да ведь я уже пробовала! 20, 30, 40!

Л. Один! Еще один!

У ЛУЦИИ звонит телефон.

В чем дело?! Ах, это ты! У меня куча работы, но на минутку могу… ну… что? Эту квартиру? Ну да, мы ее купили… ну, угадай… ты рехнулась, она же в центре, два уровня… квадратных метров? Сколько? Ну, угадай…

Картина 10. Он хочет побыть один

(ЛЮБО, ВИТО)

Действие происходит в офисной уборной. Появляется ХАЛМО, насыпает на унитаз белый порошок. Сзади возникает свет фонарика, он освещает помещение. Входит ДАНА, которая, как охранник, осматривает все и уходит. ХАЛМО занюхивает кокаин, опирается на унитаз, опускает голову, закрывает глаза. Сзади на сетке видео — Социальные сети. Постепенно гаснет. Разговор происходит в кабинете директора. Любо сидит в кресле, наливает и выпивает. Вито появляется, может быть, еще в предыдущей сцене, тогда он держит руки над клавиатурой и тупо смотрит перед собой; теперь он как будто

бы только что собрал вещи, уходит с работы и останавливается возле ЛЮБО.

В. Что с тобой?

Л. А что?

В. С тобой что-то не так.

Л. Со мной ничего. Почему ты спрашиваешь?

В. Это всегда так бывает, что что-то не так. А у тебя нет?

Л. Нет.

В. Тогда хорошо.

Л. Хорошо.

В. Тогда я пошел.

Л. Иди.

В. Ты хочешь, чтобы я ушел?

Л. Я не знаю.

В. Тогда с тобой что-то не так.

Л. Что?

В. Я хочу, чтобы ты мне это сказал.

Л. Со мной ничего такого, что я должен тебе сказать!

В. Так я пошел.

Л. Хорошо.

В. Как хочешь.

Л. Как ты хочешь.

В. Я не хочу. Я здесь только ради тебя.

Л. Ради меня тебе здесь не обязательно быть.

В. Я могу уйти.

Л. Да, можешь.

В. Я повернусь… уйду… и назад уже не приду… слышишь?

Л. Я это слышал.

В. Но не понял?

Л. Да я и не пытаюсь это понять, мне хорошо.

ВИТО уходит, появляется ДАНА с фонариком, как охранник, светит ЛЮБО в глаза.

Д. Вы пьете один?

Л. Ну.

Д. И хорошо идет?

Л. Хм.

Д. Вам скучно?

Л. И что, всем вам обязательно нужно общаться, любой ценой? Не можете найти себе никого другого?

Д. Кого?

Л. Не знаю, кого-нибудь, кто страдает оттого, что он один. А мне хорошо, когда я один.

Д. Ну и хорошо.

Картина 11. Генетический материал

На сетке сзади появляется человек — ХАЛМО, который с кучей

бумаг под мышкой решительно шагает навстречу успеху. Одновременно на сетку проецируется картинка, на которой человек идет вверх по лестнице. Музыка и видео постепенно исчезают. Действие происходит на офисной кухне, РОМАНА и ЛУЦИЯ стоят с чашками кофе в руках, появляются коллеги.

Л. Прости, что побеспокоила, но если я прямо сейчас кому-нибудь это не расскажу, то просто взорвусь…

Р. Нет проблем, ты и выглядишь как-то раздрызганно… что происходит?

Л. А, ничего.

Р. Я же вижу, ты над чем-то паришься…

Л. Да? По мне видно?

Р. Ты ж сама меня сюда позвала, ясно, что паришься…

Л. Знаешь… я уже просто не в силах.

Р. Ну-ну, ладно…

Л. Нет, правда, я уже так не могу…

Р. Не заводись, у тебя просто предменструальный синдром. Можешь спокойно мне все это вывалить, я привыкла уже…

Л. Точно? Я тебя не гружу?

Р. Нет, давай…

Л. Ну хорошо… Но точно — не гружу?

Р. Говорю тебе, я уже привыкла… ну давай, не

тяни…

Л. Я похоронила здесь свои лучшие годы!

Р. Прости, я задумалась, о чем ты говорила?

Л. О том, что я похоронила здесь свои лучшие годы.

Р. Ах, ты про это…

Л. И я уже в том возрасте, понимаешь?

Р. Хм.

Л. Слушай, если тебе не хочется, скажи, я позову кого-нибудь другого…

Р. Нет-нет, все в порядке…

Л. Я уже это чувствую, понимаешь?

Р. Так, наверно, ты еще не хочешь, раз ничего не происходит.

Л. Но я как раз хочу!

Р. Тогда, наверно, ты еще в этом не убеждена внутренне. Ты же до сих пор пахала ради того, чтобы оказаться там, где ты сейчас…

Л. Ты что, журналы не читаешь? Сейчас все заводят детей, реально, бабы вроде нас берутся за это… точно говорю! Откладывают все эти свои дела на пару месяцев, или сколько там надо… и вперед!

Р. Ну, знаешь ли… Ты как-то жутко об этом говоришь. Вообще ты слышишь себя, как ты жестко об этом говоришь? Как о каком-то плане или…

Л. Да ведь это и есть план!

Р. Не знаю, я-то, правда, эту тему давно для себя закрыла, но, по-моему, должно быть какое-то чувство в первую очередь…

Л. Да знаю, что чувство, но я в первую очередь хочу, чтобы этот ребенок хорошо выглядел. Поэтому мне нужно, главное, найти какой-нибудь подходящий генетический материал, понимаешь? В этом-то все и дело. Я тут нашла одного такого высокого, брюнета…

Р. Ну, ты совсем с ума сошла… именно так, точно… я просто не могу этого понять…

Л. Чего?

Р. Того, что часто женщины не хотят признаться самим себе, к чему их действительно тянет, и следуют каким-то шаблонам или советам каких-то журналов…

Л. Нет, послушай, этот правда классный, видела бы ты его…

Р. И в чем же тогда проблема?

Л. Ну, я хотела бы, чтобы и он теперь об этом заботился.

Р. А он не хочет?

Л. Он меня сейчас в упор не замечает.

Р. Погоди, ты что, уже беременна?

Л. Да ведь я же тебе об этом битый час говорю.

Я хочу этого ребенка! У меня с этим большие планы… знаешь, сколько всего можно сейчас сделать? Если бы это была девочка, например, так сейчас есть такие магазины, что ты будешь одета точно так же, как твой ребенок, это же просто шикарно!

Р. Ну, как я понимаю, тебе, наверно, придется решать, кто тебе нужен больше — он или этот ребенок.

Л. Ты так думаешь?

Р. Ну, по крайней мере, на начальном этапе наверняка. Ты же его напугала. Еще даже не на первом месяце, а уже грузишь его этой информацией и какими-то требованиями, чтобы он заботился о каком-то ребенке, которого хочешь только ты сама, так нельзя, это же все-таки процесс…

Л. Считаешь, мне все это нужно еще раз обдумать?

Р. Ни в коем случае, ничего не обдумывай, пойми, тебе ведь уже 35…

ЛЮБО. Сколько ей?

Р. Смотри, ты просто вызвала у него такое чувство, будто его использовали. Здесь тебе, на мой взгляд, надо было действовать осторожнее. Он же не пошел с тобой, чтобы создать какую-то там

семью…

ЛЮБО. Это уж точно. Он шел на это с добрым намерением просто перепихнуться…

Р. Смотри, у каждого мужчины есть некие инстинкты, это его ребенок, поэтому у тебя в руках сильное оружие. Только не дави на него… пусть он исчезнет… а потом вернется. Мужчине необходимо пройти через этот обряд инициации, потеряться в этом лесу, а потом сражаться и выйти из всего этого вроде бы победителем. Главное — позволь ему войти в этот лес…

Л. А я что пока буду делать?

Р. А ты жди. Материнство — это ожидание.

КОЛЛЕГА. Меня бы интересовало только одно — по какому критерию вы выбирали этот генетический материал?

Л. Послушайте, вам что, делать нечего?

КОЛЛЕГА. Вовсе нет, работы у меня выше крыши, я просто шел заварить себе чай, как обычно, и вдруг мне показалось, будто вы говорите обо мне.

КОЛЛЕГА. Мне тоже кажется, что это касается меня…

КОЛЛЕГА. Как же так, почему вы не сообщили нам, что ищете генетический материал?

КОЛЛЕГА. Ведь мы теперь можем почувство-

вать себя реально ущемленными…

КОЛЛЕГА. Мы могли бы подать на вас жалобу…

ЛЮБО. Я видел что-то такое на стенде, но, правда, подумал, что это снова какой-то «стендовый тендер»[72].

Смеются.

Р. Я не понимаю, почему к этим нашим интимным беседам обязательно должны подключаться коллеги. Здесь у нас женский клуб, мы обсуждаем чисто женские проблемы, и вообще…

ЛЮБО. Нет, меня интересует, откуда вы берете уверенность, что берете ту самую, правильную, генетическую информацию. Что, если вы берете у того, высокого, не то, что он высокий, а то, что он — мудак? И наоборот. Другой, например, интеллигентный, но маленький… и у вас родится маленький мудак… вот что меня интересует…

Картина 12. Цифры

Во всех офисных помещениях появляются люди за клавиатурами, в наушниках с микрофонами на голове. Все это они используют для общения. Звучит текст в записи: Вы видели цифры? Вы

---

[72] Примечания: 72
Намек на одноименный коррупционный скандал.

смотрели утром цифры? РОМАНА: Да ведь цифры плохие уже три месяца. А мне казалось, что цифры в порядке.

В. По-моему, мы все еще в зеленых цифрах!

Х. Ну это, может быть, вы в зеленых цифрах, и то разве что на вашем тонометре. Все ясно.

ЛЮБО. Это уже нельзя больше скрывать. Фирма разваливается.

Х. Мы объявим дефолт? Кросс дефолт! Главное — не сеять понапрасну панику.

Х. Может, нам помог бы хороший ресет. Я предлагаю: давайте найдем стратегического инвестора.

Х. А я предлагаю: пойдемте прямо сейчас коллективно на электрошок.

Совершенно верно, давайте найдем кого-нибудь, кто вложит сюда бабки.

Так что же?

Что вы предлагаете? Может, пускай все рушится?

А что, если мы совершим коллективное самоубийство?

ЛЮБО. Ну да, это же у нас в коллективном договоре.

Погодите. В первую очередь нам надо сплотиться.

Я тоже так думаю.

Наше мышление слишком дивергентно. Мы не в состоянии сойтись в одной точке!

Давайте возьмем какую-нибудь точку и постоим в ней хотя бы полминуты…

Так я все же предлагаю электрошок…

А что, если предложить новые корпоративные цвета?

Это же тогда придется перекрашивать самолет…

И заводить новый дресс-код…

Но это могло бы на время помочь.

Р. Я предлагаю: пойдемте все в…

В сауну?

Р. Нет, в «Marks&Spencer», в отдел кэжуал и что-нибудь себе купим.

Вот это верно.

Ну и чудно.

Ну, пошли.

Картина 13. Зассанка

(ЛЮБО, РОМАНА, ХАЛМО)

Интерлюдия — проекция на сетях. ЛУЦИЯ в костюме для фитнеса бежит по беговой дорожке. Действие следующей сцены происходит в кабинете директора, там стоит РОМАНА, ЛЮБО и ХАЛМО в кабинете слева выходят из-за ширмы. На протяжении

всего действия на сцене видеоизображение: цифры, напоминающие счета.

Р. Уважаемые коллеги, я просила вас сделать фитбэк к этому новому проекту, но то, что вы мне представили, слишком слабо.

Х. Как — слабо?

Л. Но ведь то, что представил я, должно было быть…

Р. Слабо. А маркетеры это видели?

Л. Видели.

Х. И ничего не сказали.

Р. Так дело не пойдет, это надо поменять. В следующий раз будем действовать по-другому.

Х. Я действовал совершенно стандартно.

Р. В следующий раз, если не понимаете задания, а, судя по тому, что вы мне тут представили, задание вы абсолютно не поняли, значит, в следующий раз мы сразу же проведем совещание, обсудим, проанализируем все направление в целом, чтобы знать эту территорию, рамки, в которых мы должны действовать, и только потом стартовать.

Л. Да мы все это переделаем, шеф, нет проблем.

Х. Скажите, до какого числа, и мы все переделаем.

Л. Нет проблем, шеф.

Р. Это как так — нет проблем! Как так нет проблем, черт побери, если вы не в состоянии декодировать какое-то плевое задание?!

Л. Что, я не умею?

Р. Вот именно, пан инженер!

Л. Это я-то не умею декодировать?

Р. Да, не умеете.

Л. И это вы мне, у которого 45 лет стажа, говорите, что я не умею декодировать? Вы — мне?! Да я вообще могу уйти! Я не позволю, чтобы меня тут опускала какая-то зассанка, которая всего-то тут без году неделя, да и то с дорогой, и только потому, что пробилась на руководящую должность через одно место!

Р. Это что это вы себе позволяете!

Л. Да я таким 45 лет назад давал пинка левой задней. Декодировать не умею? Декодировать?! Откуда вы это вообще взяли — декодировать?! Кто вас этому научил — декодировать?! Да я и не должен декодировать!

Р. Извините, но…

Л. Я должен рассчитать, сколько там — доход, сколько — расход, я должен подсчитать все эти статьи, чтобы все сходилось, зачем мне еще декодировать?!

Р. Я не буду тут с вами…

Л. И я с вами не буду.

Р. У вас уже маразм!

Л. Это у меня маразм?!

Х. Есть немного…

Р. И вы срываете на мне свои старческие комплексы!

Л. Я многое могу стерпеть, но — декодировать?!

Х. Ну, это такие трендовые термины, старшее поколение этого уже не понимает.

Р. Я не собираюсь тут с вами препираться. Короче — форвардните мне это…

Л. Что сделать?

Р. Форвардните мне это до шести часов!

Л. Форвардните, вы сказали? Что это еще такое — форвардните?!

Х. Форварднуть — это…

Л. Да знаю я, что такое — форварднуть, но меня это оскорбляет! Как человека оскорбляет!

Х. Я вам могу это форварднуть.

Р. Хорошо, вы мне форвардните.

Л. Я вам тоже могу разок форварднуть.

Р. А вы, пан инженер, идите в свой кабинет и начинайте собирать свои вещи.

Л. С этим проблем не будет, вещей у меня немного, возьму вот только резинку да карандаш…

Р. Через час вы будете уволены!

Л. Знаете что? Я бы уже тут и часа с вами не выдержал, ухожу немедленно!

Р. И вам это было нужно?

Л. Мне это было нужно!

Р. За полгода до пенсии?

Л. Да трахал я таких!

Х. Ну, такого я еще не видел.

Р. Очевидно, закоротило.

Х. Точно, закоротило.

Картина 14. Сексуальные выражения

(ЛЮБО, ЛУЦИЯ)

Цифры на сцене начинают двигаться, бегать, меняться с белых на черные. Видеоряд: На сетке сзади человек, идущий вверх по лестнице. В реальности: человек за сетками решительно шагает с кучей бумаг под мышкой. Музыка и видео постепенно гаснут. Действие происходит слева в кабинете, ЛЮБО укладывает вещи в портфель, ЛУЦИЯ сидит напротив, стучит по клавиатуре, прихлебывает кофе и наблюдает за ним.

ЛУЦИЯ. И вам это помогает?

ЛЮБО. Что?

ЛУЦИЯ. Когда вы так выругаетесь.

ЛЮБО. Да боже мой!

ЛУЦИЯ. Когда вы используете такие сексуальные выражения?

ЛЮБО. Да боже мой! Еще как помогает…

ЛУЦИЯ. А что вы этим доказываете?

ЛЮБО. Ничего.

ЛУЦИЯ. Ничего?

ЛЮБО. Ничего я этим не доказываю.

ЛУЦИЯ. Так, значит, что-то выпускаете?

ЛЮБО. Ну, выпускаю…

ЛУЦИЯ. А что?

ЛЮБО. Фрустрацию.

ЛУЦИЯ. Фрустрацию?

ЛЮБО. Ну да, фрустрацию.

ЛУЦИЯ. От чего?

ЛЮБО. Так, от всего.

ЛУЦИЯ. А семья у вас есть?

ЛЮБО. Разумеется, даже две.

ЛУЦИЯ. И как?

ЛЮБО. Обе действующие…

ЛУЦИЯ. И что теперь?

ЛЮБО. Ничего. Меня, наверно, просто трахнуло…

Картина 15. Радикальный поступок

Х. Посудите сами, я ведь всего-навсего человек.

Д. Серьезно?

Х. Серьезно, я тоже могу раскрыться…

Д. Так раскройтесь…

Х. Да я только… должен признаться, мне тяжело говорить об этом вот так, при всех, ведь все мы тут знаем друг друга…

Д. Это да, но все же не настолько хорошо…

Р. Нам уйти?

Х. Нет-нет, просто послушайте меня, послушайте меня минуточку…

Д. То есть речь идет о чем-то, что вас мучает…

Х. Да, можно сказать и так…

Р. И это становится все интенсивнее…

Х. Да, я думаю, да… все интенсивнее…

Д. И вы боитесь, что случится нечто, что нельзя будет повернуть вспять…

Х. В принципе да, хотя, признаться… я вот так об этом никогда не размышлял…

Д. И теперь вы не знаете, как быть…

Х. Не знаю…

Р. И боитесь, что единственное, что может помочь, — это какой-нибудь радикальный поступок…

Х. Я, главное, боюсь, что…

Д. Но все же не настолько радикальный, как мы тут подумали…

Х. Нет-нет, что вы…

Д. Потому что такой поступок — это все же не решение, он, может быть, что-то отдалит, но потом это вас все равно настигнет так или иначе…

Х. Так или иначе?

Р. Я думаю, главное — что вы очень рискуете, поскольку этот радикальный поступок мог бы помочь вам решить проблему, которую вы, собственно, и не хотите решать, а хотите только указать на нее…

Х. Ну да, вроде того…

Р. Послушайте, ведь все это довольно неприятно…

Х. Что?

Р. То, что вы тут демонстрируете…

Х. Я?

Р. Да, вы! У нас ведь, кажется, распределены все ролевые маски. Вот эта коллега в «Пауке» на какие-то три-четыре уровня ниже, чем вы, и на основании этого вы целыми днями ведете себя так, будто вам с ней вообще не о чем говорить, держите дистанцию, а теперь, когда мы все немного выпили, пытаетесь поменяться ролями, будто вы уже пассивный, слабый, только что ноги о вас вытереть. Мне это весьма неприятно, должна сказать…

Х. Неприятно что…

Р. …смотреть на мужчину, который так себя жалеет…

Х. Вот именно… вы позволите налить вам еще?

Д. Мне уже только чуть-чуть.

Р. И мне чуть-чуть… а вообще, эта вечеринка вполне удалась, правда?

Картина 16. Извинения зассанке

Действие: ЛЮБО за центральной ширмой, за кабинетом директора; голос РОМАНЫ звучит вживую из репродукторов.

ЛЮБО. Пани директор, я хотел бы извиниться, я как-то так… нельзя ли вернуть все назад? У меня ведь проблемы, дома, и еще там тоже, проблемы, и я как-то так не сдержался, вы же знаете, мне всего полгода до пенсии, так нельзя ли как-то так, чтобы мы вернули все назад и попробовали бы эти полгода еще протянуть.

РОМАНА. Пан инженер, вы меня очень сильно оскорбили.

ЛЮБО. Я очень извиняюсь…

РОМАНА. Это было очень непрофессионально…

ЛЮБО. Очень, очень непрофессионально, да…

РОМАНА. Это было…

ЛЮБО. Да, я согласен…

РОМАНА. Ваше поведение было совершенно недопустимо, принимая во внимание наши должности и положение…

ЛЮБО. Я полностью это признаю…

РОМАНА. Так что…

ЛЮБО. Я вам и грядки на даче могу вскопать, если надо…

РОМАНА. Я полагаю, что это серьезно подорвало наши отношения и что эти полгода будут для нас обоих весьма тяжелыми, имейте это в виду…

ЛЮБО. Я все это акцептирую… акцептирую все консеквенции, которые из этого следуют… спасибо, спасибо… еще я хотел сказать, если вам нужно хорошее мясо, у меня есть знакомый… ах, вы вегетарианка… тогда овощи свеженькие, если надо… спасибо, спасибо вам…

Картина 17. Arbiet Macht Frei[73]

Ну, так который?

Я бы взял этот.

А не слишком поэтично?

Но с философской точки зрения это неплохой

---

[73] Примечания: 73

Труд освобождает *(нем.).* Фраза, ставшая лозунгом немецких националистов; приобрела печальную известность как надпись на воротах концлагеря Освенцим.

ход… Что-то вроде… Петр — ты камень, и на тебе создам я фирму свою…

Вполне прилично…

И графически это можно красиво оформить…

Я тоже так думаю…

На первый взгляд выглядит просто, но за этим таятся скрытые перспективы…

И там наш человек, на которого мы делаем ставку, потеряется…

И будет звать на помощь…

А этого-то нам и надо…

Сломленного, просящего человека…

Отличная работа…

Может, выпьем?

Да, скажу я вам, вечно быть на шаг впереди — тяжелая ноша…

Что тут скажешь, превосходная мотивационная кампания…

Нечто, что этого нашего человека встряхнет еще на входе… А всех этих отстойных пошлет в задницу…

Представьте себе, идет он утром никакой, со всеми своими невыплаченными кредитами, семейными проблемами и похмельем после вчерашнего, идет по коридору и вдруг — трах!

Слоган!

Сцапает его и уже не выпустит!
Слоган-хищник!
Хедхантер!
Слоган всех слоганов!
Слоган Слоганович Слоганенко!
Так, значит, этот?
Этот!
Однозначно этот!
Этот — сама надежность!
Ну, будем здоровы…
А этого нигде раньше не было?
Чего?
Этого?
Ни у кого еще этого не было?
Ну…
Не думаю…
Нет, точно…
Сомневаюсь…
И я не думаю…
Определенно-
Определенно нет…

Картина 18. Чехов

(ВИТО, ЛЮБО)

За последней репликой гаснет свет. На сцене появляются старые известные надписи, уже графически оформленные, — «Arbeit Macht frei». Рядом с ними — увеличенные штрихкоды, напоминающие решетки. Видеоряд: на сетку проецируется фигурка, все еще шагающая вверх по лестнице. Мелодия вместе с надписями постепенно меняется, переход к видеоряду первых сцен с кровавыми полосами на сцене; они уже не красные, а черные, напоминают кору берез. Появляются ЛЮБО и ВИТО с портфелями.

ВИТО. Так говорите, вырубать? Однако из истории мы знаем, что бывает, когда вырубают какой-нибудь сад!

ЛЮБО. А кто говорил, что мы собираемся вырубать весь сад! Я говорил, что мы собираемся вырубать сад? Я говорю,

что именно для того, чтобы спасти сад, мы должны вырубить пару этих деревьев, вот и все!

ВИТО. А я вам говорю, что природа сама себе поможет… ЛЮБО. Да вы меня послушайте! Не надо сразу оппонировать. Вы оппонируете только для того, чтобы оппонировать! Вот что я хотел вам сказать! Вы не думаете, вы только оппонируете

из принципа, вы ведь даже не знаете, о чем мы тут толкуем, путаете пятое через десятое, вот все так и выглядит. А я вам говорю, этот червь загубит нам весь сад. *(Уходят.)*

Образ березовой коры начинает дрожать, потом трястись в ритме музыки, словно кто-то рубит вишневый сад. Видео через минуту гаснет. Темнота. Вскоре умолкает и музыка.

Конец.

Перевод Л. Широковой
Dušan Vicen. Napichovači a lízači
© Dušan Vicen, 2014

Михаил Дитте
Собачья жизнь

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЖЕНА.
МУЖ.
ДЕВОЧКА.
МАЛЬЧИК.
МЯСНИЧИХА.
АДАМ.

Картина 1. ДОМ

За окном слышны звуки, доносящиеся с хозяйского двора. Улицы. Деревни. Теплый летний вечер. Повсюду стоят банки для маринования и то, что предназначено для закладывания в них. Раздаются звуки электропилы, затем косилки, циркулярки. Кто-то громко кричит, потом лает собака. МАЛЬЧИК перемалывает сочные фрукты. ДЕВОЧКА моет банки с водой. ЖЕНА укладывает фрукты и овощи в банки, закрывает их крышками. Она кладет их на полки, которые находятся во всем помещении. Приходит ОТЕЦ с десятью килограммами муки и макарон.

ДЕВОЧКА. Папа.

МАЛЬЧИК. Папа, папа, папа.

ЖЕНА. Ты очень долго.

МУЖ. Долго.

МАЛЬЧИК. Где ты это достал?

МУЖ. Дали. Идите помогите мне. Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

ЖЕНА. Компот. Все.

ВСЕ ВМЕСТЕ. Ангелочек наш защитник, постереги нашу… кладовку. Днем и ночью, помоги нам. Аминь.

МУЖ. А сейчас — почистить зубы, пописать и — спать!

МАЛЬЧИК. Мне не хочется.

ЖЕНА. А кому завтра идти в садик?

ДЕВОЧКА. Я не пойду. Мне там не нравится.

МУЖ. Никаких разговоров. Я сказал.

ЖЕНА. Отец сказал. Быстро в кровать.

Семь часов вечера. Улица затихает, в доме прекращается движение. Слышны звуки телевизионных новостей. В это время дети моют в тазу руки, ноги, чистят зубы, надевают пижамы и уходят спать. МУЖ и ЖЕНА убираются. ЖЕНА собирает развешанное белье и гладит его. МУЖ выходит из дома, вскоре возвращается и приносит яйца.

МУЖ. Ты кроликов кормила?

ЖЕНА. Кормила.

МУЖ. А кур?

ЖЕНА. Они снесли сегодня семь яиц. Сделаю макароны на яйцах. И суп из муки.

МУЖ. Поставлю будильник на пять.

ЖЕНА. Так рано…

МУЖ. Ты ведь знаешь, как много работы, то да сё… *(Сзади прижимается к Жене.)*

ЖЕНА. Тише, а то их разбудишь. Тише, слышишь? Тихо.

Картина 2. ДЕТСКАЯ ИГРА

Маленький чайничек, маленькие чашечки, маленькие тарелочки, маленькие ложечки, маленькие детки, в маленькой посуде песок.

ДЕВОЧКА. Ты долго.

МАЛЬЧИК. Долго. Уже спят?

ДЕВОЧКА. Как убитые… Как на работе?

МАЛЬЧИК. Работал.

ДЕВОЧКА. Я сделала тебе чай. Ты помыл руки? Сейчас будем есть.

МАЛЬЧИК. Да, чистые. Ага. Хорошо.

ДЕВОЧКА. Каша. На, ешь.

МАЛЬЧИК. Опять каша.

ДЕВОЧКА. Не ворчи, ешь. Если не будешь есть,

не вырастешь.

МАЛЬЧИК. Лучше я останусь маленьким.

ДЕВОЧКА. Не знаю, зачем только я готовлю? Пойдем спать. Ложись.

МАЛЬЧИК. Ты спишь?

ДЕВОЧКА. Нет.

МАЛЬЧИК. И я не сплю.

ДЕВОЧКА. Тише, а то разбудишь детей. Потише, слышишь? Тише.

МАЛЬЧИК. Мне уже не хочется больше лежать. Курица кудахчет, наверняка снесла яичко. Пойдем! Возьмем его и выпьем.

ДЕВОЧКА. Мама рассердится, если узнает.

МАЛЬЧИК. Не узнает.

ДЕВОЧКА. А как же Ангелочек, наш защитник?..

МАЛЬЧИК. Потом, вечером. Пошли!

Картина 3. ПЕРЕМЕНЫ

На улице суматоха. Голоса. Пение. Дурацкий смех. Крики и разная музыка. ЖЕНА ощипывает перья зарезанной курицы. В тазик капают последние капли крови. Завтра, вероятно, будет куриный суп.

ЖЕНА. Что за прекрасная птица во дворе приходском резвится, жаль только ножки намочит

водицей. Ах, если бы птица была моею, купила бы я нам одежд поновее — ей и себе: а все потому, чтобы нас люди не осуждали за нашу любовь. Тапки. Ты долго.

МУЖ. Долго. Ты кроликов кормила?

ЖЕНА. Кормила. Куры сегодня снесли только два яйца. Они уже плохо несутся.

МУЖ. Зарежу их — и все тут.

ЖЕНА. Пока оставь. Может, еще исправятся.

МУЖ. Еда есть?

ЖЕНА. Ага. Картофельный отвар. Я положу тебе. Теперь уже спокойно по улице и не пройдешь. Как мухи.

МУЖ. Если их там в трех комнатах почти два десятка.

ЖЕНА. Да хоть сорок. Когда-то это была такая тихая улица. А теперь — на тебе. На, ешь. Ты долго.

МУЖ. Долго. Понимаешь, то да се.

ЖЕНА. Ты, наверное, голодный. А как на работе?

МУЖ. Закончили.

ЖЕНА. Ну и хорошо.

МУЖ. Плохо.

ЖЕНА. Почему плохо?

МУЖ. Меня не взяли. Мол, больше работы нет.

ЖЕНА. Три месяца тебя водили за нос.

МУЖ. Если что-то подвернется, то мне, мол, дадут знать.

ЖЕНА. Не дадут. Ты ведь знаешь.

МУЖ. Посмотрим.

ЖЕНА. Что будем делать?

МУЖ. Ничего. Попробую в другом месте. В чем дело?

ЖЕНА. Завтра будут галушки, послезавтра — галушки с яйцом, в среду — макароны с яйцом, в четверг — лепешка, в пятницу — галушки и яблочный пирог, в субботу — яблочный пирог с повидлом, кетчуп с галушками, галушки с галушками, лепешка с макаронами, сухие макароны, макароны с галушками, галушки с макаронами, кетчуп с кетчупом… выдержим. Я беременна.

МУЖ. Как-нибудь.

ДЕВОЧКА. Я хочу есть.

МАЛЬЧИК. И я.

ДЕВОЧКА. В кладовке еще что-то осталось.

МАЛЬЧИК. Компот.

Картина 4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Стол. На столе пустые тарелки. Чистые. Ложки. Вилки. Ножи. Кастрюля. Пустая. Половник. Чистый. МУЖ вытирает себе рот рукавом, будто после еды. ЖЕНА собирает все со стола и

начинает мыть посуду. МУЖ берет полотенце и вытирает вымытые ложки, вилки, ножи, тарелки, половник и наконец кастрюлю.

МУЖ. Завтра я зарежу старую курицу.

ЖЕНА. Оставь. Выдержим.

МУЖ. Я все думал, то да сё.

ЖЕНА. Не говори об этом.

МУЖ. Так было бы лучше.

ЖЕНА. Я бы умерла.

МУЖ. Брось. Мы должны думать о детях.

ЖЕНА. Я каждый вечер им пою. У них все есть.

МУЖ. А вдруг будет болезненный.

ЖЕНА. Ну так я не буду спать.

МУЖ. А вдруг будет калека?

ЖЕНА. Я буду его носить.

МУЖ. А вдруг у тебя не будет молока, то да сё…

ЖЕНА. Прекрати.

МУЖ. Я не хочу, чтобы у нас их всех забрали.

ЖЕНА. И я этого не хочу.

МУЖ. Но они это сделают. Они придут.

ЖЕНА. Это был бы конец.

МУЖ. Спроси у доктора что и как. Она знает.

ЖЕНА. Адам. Я подумала, что мы именно так его назовем. Подумаю. Не сегодня.

МУЖ. Не сегодня.

ЖЕНА. Не сегодня. Позже.

Картина 5. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ и ИПБ[74]

МЯСНИЧИХА. Фамилия?
ЖЕНА. Не помню.
МЯСНИЧИХА. Имя?
ЖЕНА. Не скажу.
МЯСНИЧИХА. Где живете?
ЖЕНА. Здесь.
МЯСНИЧИХА. Семейное положение?
ЖЕНА. Замужем.
МЯСНИЧИХА. Образование?
ЖЕНА. Среднее.
МЯСНИЧИХА. Кем работаете?
ЖЕНА. Разнорабочая. Вру.
МЯСНИЧИХА. Место работы?
ЖЕНА. Нет.
МЯСНИЧИХА. Сколько беременностей?
ЖЕНА. Две.
МЯСНИЧИХА. Сколько родившихся детей?
ЖЕНА. Два.
МЯСНИЧИХА. Количество абортов?
ЖЕНА. Нет.
МЯСНИЧИХА. Количество выкидышей?
ЖЕНА. Нет.

---

[74] Примечания: 74
ИПБ — искусственное прерывание беременности.

МЯСНИЧИХА. Внутриматочная контрацепция?

ЖЕНА. Нет.

МЯСНИЧИХА. Вид аборта?

ЖЕНА. Не знаю. Какой вид?

МЯСНИЧИХА. ИПБ по состоянию здоровья?

ЖЕНА. Нет.

МЯСНИЧИХА. Дата аборта? День, месяц, год?

ЖЕНА. Наверное, сегодня.

МЯСНИЧИХА. Срок беременности? В неделях.

ЖЕНА. 16.

МЯСНИЧИХА. Последняя менструация?

ЖЕНА. Июнь 2010.

МЯСНИЧИХА. Подпись заявителя. Подпись. Шучу! Выпить есть чего?

ЖЕНА. Зачем?

МЯСНИЧИХА. Ну, задаром это не пройдет. Принесла?

ЖЕНА. Господи, и что ты только за человек?

МЯСНИЧИХА. Только не тяни, ты, Чумичка. Выскребу — и готово.

ЖЕНА. Это мой ребенок.

МЯСНИЧИХА. Впрыснем в живот — и все тут.

ЖЕНА. Я знаю, Господь поможет мне, он будет со мной.

МЯСНИЧИХА. Не будь образцовой. Ложись

здесь, Чумичка, и не дрожи. Я чисто работаю.

Картина 6. РЕШЕНИЕ

ЖЕНА кормит ребенка. МУЖ нетерпеливо ожидает с двумя переполненными пластмассовыми пакетами из магазина. Из одной бутылки торчит какая-то детская резиновая игрушка, из другой — одеяло с рисунком. Февраль. Холодно.

ЖЕНА. Он весь в тебя. Еще ни разу не заплакал. И ест с удовольствием. Будет силачом.

МУЖ. Красивый.

ЖЕНА. Самый красивый. Возьмешь его?

МУЖ. Нет.

ЖЕНА. Не хочешь? Подержи его.

МУЖ. Пойдем?

ЖЕНА. Давай отложим на потом.

МУЖ. Исключено. Мы договорились.

ЖЕНА. Сделаем это завтра.

МУЖ. Прошла уже неделя. Мы не можем больше откладывать.

ЖЕНА. Я не смогу.

МУЖ. Будет только хуже.

ЖЕНА. Лучше бы я никогда его не видела.

МУЖ. Мы же договорились.

ЖЕНА. Ты жестокий.

МУЖ. Ему будет лучше без нас. А детям без него.

Так будет лучше. Ты это знаешь.

ЖЕНА. Я не такая сильная.

МУЖ. Тогда я его отнесу, когда будешь спать.

ЖЕНА. Ты способен это сделать?

МУЖ. Ага. Я сделаю это сегодня. Мне надо было это сделать еще вчера. Было бы не так больно.

ЖЕНА. Я не усну.

МУЖ. Не уснешь сегодня — уснешь завтра или во вторник. И я его отнесу.

ЖЕНА. Я хочу с ним проститься.

Картина 7. ПРОЩАНИЕ

ЖЕНА несет на руках завернутого в одеяльце ребенка. Подходит к «окну жизни». Она ведет себя недоверчиво. Оглядывается по сторонам. Кладет ребенка в «окно жизни». Нажимает на ручку. Зажигаются огни. Раздаются звуки сирены, подобные тому, как это бывает после окончания рабочей смены или во время объявления тревоги. Сверток исчезает в помещении. «Окно жизни» закрывается. Тишина. Идет снег.

ЖЕНА. Ты никогда уже не скажешь мне «мама».

Картина 8. ТРАУР

ЖЕНА достает из плиты огромную металлическую кастрюлю с

горячей водой. Наливает воду в металлическую ванну, в которой сидят МАЛЬЧИК и ДЕВОЧКА. МУЖ сидит за столом. На нем черный пиджак и белая рубашка. Он смотрит перед собой. ЖЕНА выливает в таз остатки горячей воды из кастрюли. МУЖ кладет в таз ноги. Сидит неподвижно. Над ванной пар. МУЖ плачет. ЖЕНА моет детям головы хозяйственным мылом. Споласкивает их чистой водой. МУЖ вынимает ноги из таза. Рукавом вытирает нос и глаза, полотенцем — ноги. Споласкивает их чистой водой. Затем вытирает детям волосы и выгоняет их из ванной. ЖЕНА бросает в ванну белую одежду. Стирает. Вешает белье на веревку. Вода с него капает на стол, на постель, в ванну, на пол. Наконец в оставшуюся в ванне воду садится сама. У соседей снова веселье, смех, ругань, крики и угрозы.

Картина 9. ВИЗИТ

ЖЕНА лежит в ванне. МЯСНИЧИХА ест яблоко и при этом чешет себе задницу.

ЖЕНА. Как ты сюда попала?

МЯСНИЧИХА. Через сад.

ЖЕНА. Чего хочешь?

МЯСНИЧИХА. Муки. Мне нечем кормить детей.

ЖЕНА. У меня нет муки.

МЯСНИЧИХА. У вас тут хорошо.

ЖЕНА. Посмотрела, теперь ступай.

МЯСНИЧИХА. Я помогу тебе, Чумичка. Соседи должны помогать друг другу.

ЖЕНА. Мне ничего не надо.

МЯСНИЧИХА. Хочешь заработать? Поедем в Вену.

ЖЕНА. Никуда я не поеду. Поезжай куда хочешь. Мне все равно.

МЯСНИЧИХА. У тебя п… опрелая или ты сосешь другие головки, П…? Отсосешь — двадцатку получишь. Где ты тут достанешь двадцатку? А там получишь ее ни за что. Пойдешь? Не упусти шанс.

ЖЕНА. Уходи.

МЯСНИЧИХА. У тебя полные сиски. Доишь?

ЖЕНА. Тебя это не касается.

МЯСНИЧИХА. Можешь дать мне молоко. Или дай хлеба. Не дашь?

ЖЕНА. Нет.

МЯСНИЧИХА. Наплевала я на твою муку. Хочу хлеба. Или кекс. На дорожку. Не дашь? Пошла ты к едрене фене!

Картина 10. УГРОЗА

ЖЕНА. Что такое?

МУЖ. Надо закрыть окна, запереться. Слышишь? Дети пусть играют только дома, никуда их не пускай, не оставляй их одних, понимаешь?

ЖЕНА. А что случилось?

МУЖ. Почтальоншу убили.

ЖЕНА. Боже.

МУЖ. Нашли только голову. Там, в канаве. Возле нашего сада.

ЖЕНА. Куда ты идешь?

МУЖ. Спилить деревья.

ЖЕНА. Но ведь мы их еще не обирали.

МУЖ. Уже и не оберем. Не понимаешь?

ЖЕНА. А что с остальными фруктами, овощами, что с ними?

МУЖ. Пусть зарастают бурьяном, деревья выпилю, то да сё… Послал нам черт этих соседей. Хорошенько запри. Никуда не ходи.

ЖЕНА. И к ручью?

МУЖ. Само собой. Будь здесь.

Картина 11. ГОЛОД

ЖЕНА. Ничего?

МУЖ. Нет.

ЖЕНА. Никакой работы?

МУЖ. Все говорят, что нет, что не то время. Нигде не берут.

ЖЕНА. Ты голоден?

МУЖ. Нет.

ЖЕНА. Ты голодный.

МУЖ. Нам надо думать о детях.

ЖЕНА. Они уже поели.

МУЖ. Пойду лягу.

ЖЕНА. Иди поешь. Я оставила тебе.

МУЖ наклоняется к ее груди и сосет.

Картина 12. КАК ОБМАНУТЬ ГОЛОД

АДАМ. Вы, наверное, знаете, иногда человек бывает таким лакомкой, что все время только бы ел да ел. У меня для вас есть несколько рецептов, как обмануть голод и при этом не быть голодным. Первый — это включение ваших органов обоняния в процесс насыщения. Достаточно открыть пакетик с ванилиновым сахаром и дать возможность кухне насытиться этим ароматом. Наверняка вы будете есть меньше, потому что голод пропадает не только тогда, когда полный желудок, но и когда его обманывают наши «сы-

тые» клетки органов обоняния. Желудок можно отлично обмануть, например, пектином. Это натуральное вещество, которое растворяется в воде, а это значит, что он увеличивает свой объем в желудке. Пектин содержится прежде всего в яблоках и моркови. Важно при этом употреблять достаточное количество низкокалорийных напитков. Чай известен как один из самых лучших средств, которое снижает аппетит. Чашка теплого чая за пятнадцать минут до еды заполнит желудок и приглушит ощущение голода. Подобным же образом действует и вода с лимонным соком. Нам известно, что острые и пикантные блюда не предназначены для всех, но факт, что тот, кто любит, например, перец чили, быстрее насыщается, так как при употреблении этого блюда притупляются рецепторы вкуса. В этом случае ощущение голода придет лишь через несколько часов. Акупрессура также способствует подавлению чувства голода. Достаточно в течение двадцати или тридцати секунд нажимать средним пальцем на ямочку между носом и верхней губой, как возникает моментальный эффект. Подобным же образом действует и акупрессура уха. Опытный специалист способен точно идентифицировать части вашего уха, в которые втыкаются иголки, блокирующие

ощущение голода. Вы, вероятно, будете смеяться, но даже обычная жевательная резинка без сахара может подавить ваш аппетит. Жевательные движения одновременно улучшают настроение, спасают от стресса, снимают напряжение. Потрясающим средством борьбы с голодом является томатный сок, который практически лишен каких-либо жиров и имеет всего 17 калорий на 100 граммов. А знаком ли вам кресс-салат? Его листочки содержат много элементов хрома, о котором известно, что он регулирует ощущение сытости. Его вы можете положить в салат или на тонкий кусочек хлеба. Зеленые овощи, такие как салат, брокколи или капуста, известны тем, что содержат мало калорий, имеют большой объем и богаты сетчаткой, которая создает ощущение полного желудка. При переваривании сырых овощей организм затрачивает много времени и энергии, что также избавит вас от нескольких лишних калорий. Если вам уж так необходим сахар, вы не должны заменять его искусственным сорбитом, ибо исследования доказали, что химический сорбит стимулирует развитие аппетита. Медленное потребление пищи — это не выдумка наших родителей, придуманная для того, чтобы подольше удержать нас за столом.

Если вы даете желудку достаточно времени для пережевывания, непрерывно не кидаете в него пищу, он удивит вас своей покладистостью. Ему надо приблизительно двадцать минут для того, чтобы он сообщил вашему мозгу о том, что вы насытились. Иначе говоря, чем медленнее вы жуете, тем лучше.

Картина 14. ДЕТСКАЯ ИГРА II

ДЕВОЧКА. Тебя долго не было.

МАЛЬЧИК. Пошла к чертовой матери! Чумичка!

ДЕВОЧКА. У тебя говно в голове, ты, недоносок!

МАЛЬЧИК. Закрой рот и дай поесть. Чумичка!

ДЕВОЧКА. Насрала я на тебя.

МАЛЬЧИК. Я сейчас обделаю тебя — и все тут.

ДЕВОЧКА. Ну и что? Обделай меня! Обделай!

МАЛЬЧИК. Курва! Шлюха! Мудак!

ДЕВОЧКА. Подожди, мама! Нет. Можешь продолжать. Можешь…

МАЛЬЧИК. Курва! Шлюха! Мудак!

ДЕВОЧКА. Пойдем посмотрим в соседский двор? Пойдем?

МАЛЬЧИК. Пойдем и поймаем там мышей. У тебя есть чем? Если вдруг.

ДЕВОЧКА. Камень и ножик.

МАЛЬЧИК. Хорошо, но будем помалкивать. Чумичка!

Картина 15. РОСТОВЩИЧЕСТВО

МЯСНИЧИХА одета в форму почтальона. Но только ее верхняя часть фигуры. Она выглядит как ветеран почты.

МЯСНИЧИХА. Ну так что, Чумичка? Купишь?

ЖЕНА. Он плесневый.

МЯСНИЧИХА. Но это же хлеб, так что? Другого нет.

ЖЕНА. Сколько за него хочешь?

МЯСНИЧИХА. Три.

ЖЕНА. Ты с ума сошла?

МЯСНИЧИХА. Не хочешь? Ну и пошла, купит другой.

ЖЕНА. И что только ты за человек?!

МЯСНИЧИХА. Поскребешь его, и он будет как новый. Чего ты обделалась?! Или ты какая-то особенная, Чумичка. ЖЕНА. У меня всего две.

МЯСНИЧИХА. Захочешь жрать — найдешь деньги. Заработай, а потом покупай.

ЖЕНА. Дай за две. Кусок.

МЯСНИЧИХА. Весь или ничего.

ЖЕНА. У меня нет столько.

МЯСНИЧИХА. Что ж, я подожду. Неделю. Если не принесешь денег — я его продам.

ЖЕНА. Во что он превратится через неделю?

МЯСНИЧИХА. Во что? В хлеб. Ну, так как? Пойдешь зарабатывать? Будешь давать всем подряд, заработаешь. Тебя не убудет. Ну, так что, Чумичка, смажешь себе п…? Что?

ЖЕНА. Мне нужен хлеб.

МЯСНИЧИХА. Да ладно. Но ты должна отработать. Как получится. Ясно? Не думай. Тебе еще будут сниться х… Если обманешь, засуну твою голову в канаву. Ясно?..

МАЛЬЧИК. Я голоден.

ДЕВОЧКА. Мама, хлебушка.

Картина 16. НАДЕЖДА

ЖЕНА. Секса хочешь?

МУЖ. Прекрати!

ЖЕНА. Секса хочешь?

МУЖ. Прекрати!

ЖЕНА. Только секс. Ничего больше. Только секс.

МУЖ. Я не хочу, чтобы ты этим занималась.

ЖЕНА. Все мозги себе пропьешь. Хватит тебе.

МУЖ. Ничего подобного. Я скоро с ума сойду от всего. Что я скажу утром детям, где ты?

ЖЕНА. Соврешь. Мы должны выбраться отсюда. Понимаешь? Здесь плохая жизнь. И для нас, и для детей. Заживем по-другому. Лучше. Все изменим. Продадим дом и сад. Или пойдем в магазин и купим себе все, что захотим. Купим то, что нам нужно. Вот увидишь. Все будет иначе. Вот увидишь. Будет лучше. Скажи, что бы ты хотел?

МУЖ. Не знаю.

ЖЕНА. Я бы купила детям пирожные, мороженое и конфеты.

МУЖ. Велосипед и катафоты, то да сё.

ЖЕНА. Зимние сапоги.

МУЖ. Ананас.

ЖЕНА. Вот видишь. Пустяки.

МУЖ. Пустяки.

ЖЕНА. Я приду в себя. Вот увидишь. Ничего страшного.

Картина 17. ОТРЕЧЕНИЕ

МУЖ вешает белье на веревку. ДЕВОЧКА и МАЛЬЧИК мелом на асфальте решают математическую задачку. Приходит МЯСНИЧИХА в форме почтальона. Она приносит конверт и пластиковую коробку с клубничным тортом, большая часть которого уже съедена. Ее пальцы и рот испачканы взбитыми сливками.

МЯСНИЧИХА. Это вам Чумичка посылает.

ДЕВОЧКА. Это от мамы? Сладкое?

МЯСНИЧИХА. На, возьми. Смотри не подавись. А этой сколько лет?

МУЖ. Одиннадцать.

ДЕВОЧКА. Одиннадцать с половиной.

МЯСНИЧИХА. Хорошо. Не подавись, приду через месяц.

МУЖ открывает конверт. Достает деньги. Прячет их в карман. Читает письмо. ДЕТИ с широко открытыми глазами смотрят на мужа. Едят клубничный торт.

МАЛЬЧИК. Что она пишет?

МУЖ. Что у нее все хорошо, то да се, что, мол, много работы, что посылает всем привет.

МАЛЬЧИК. Можно я прочитаю?

МУЖ. Исключено.

МАЛЬЧИК. Почему?

МУЖ. Вот так. Я сказал. *(Прячет письмо в карман и начинает гладить белье.)*

ДЕТИ едят торт и рисуют математическую задачку на асфальте.

Картина 18. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В комнате голая ЖЕНЩИНА. В руке у нее праздничный торт с семью свечками.

ЖЕНА. У меня все хорошо. Работы много. Даже невозможно сосчитать. Двадцать или тридцать в день, не помню точно. Они были повсюду. Тут. Тут. И тут. И тут. Ты даже не представляешь, где только они ни были. Думаю о детях. Все время. Даже в эти минуты. Меня уже не тошнит. Я привыкла. Однажды мне один поляк сказал, что я как машина. Я так себя и чувствую. Как машина. Когда мы накопим деньги и я вернусь домой, я хотела бы родиться заново. У нас все будет по-другому. Вот увидишь. Ты знаешь, что сегодня Адаму исполняется семь лет? Я бы хотела его увидеть. Посмотреть. Как он живет, какой вырос. Мне очень не хватает вас. *(Гасит на торте свечки.)*

Картина 19. ОДИНОЧЕСТВО

МУЖ сидит на стуле и курит. Он регулярно затягивается.

ДЕВОЧКА сидит на корточках и в упор смотрит на него.

МУЖ. Чего смотришь?
ДЕВОЧКА. Ничего.
МУЖ. Не смотри так.
ДЕВОЧКА. Как?
МУЖ. Говорю тебе! *(Бьет ее по лицу.)*

ДЕВОЧКА подходит к нему и целует руку. Отходит и снова

смотрит. МУЖ продолжает курить. Ритмично затягивается.

Что хочешь?

ДЕВОЧКА. Ничего.

МУЖ. Ну так что тогда смотришь?

ДЕВОЧКА. Просто так.

МУЖ. Не смотри так!

ДЕВОЧКА. Почему?

МУЖ. Потому.

ДЕВОЧКА. Потому — что?

МУЖ бьет ее по лицу. ДЕВОЧКА подходит к нему и целует руку. Отходит и снова смотрит. МУЖ гасит сигарету на левой руке. Зажигает следующую. Он ритмично затягивается.

МУЖ. Что?

ДЕВОЧКА. Она долго. Сколько уже прошло? Она вернется?

МУЖ. Отстань.

ДЕВОЧКА. Ну так сколько?

МУЖ. Почти два года. Не знаю.

ДЕВОЧКА. Когда она вернется?

МУЖ. Не знаю.

ДЕВОЧКА. Завтра?

МУЖ. Не знаю.

ДЕВОЧКА. И ничего не прислала? Ничего сладкого? МУЖ. Нет. Прости, я не хотел тебя ударить.

Сама виновата, то да се. Я не хотел.

ДЕВОЧКА. Мне не больно. Ты писал ей?

МУЖ. Отстань.

ДЕВОЧКА бежит в угол, до колена снимает мальчишечьи штаны и писает. Затем перебегает в другой угол и снова писает. Она играет в игру, которая заключается в том, чтобы описать весь дом, пока есть что писать.

Картина 20. УЛЬТИМАТУМ

ДЕВОЧКА ест из пластмассовой собачьей миски какую-то смесь. МУЖ чешет себе яйца и мнет сигарету.

МЯСНИЧИХА. Где твоя Чумичка?

МУЖ. Где ей быть? Там.

МЯСНИЧИХА. Дерьмо! Нет ее там.

ДЕВОЧКА. Как это нет? Она работает уборщицей.

МЯСНИЧИХА. Она надула меня. Она работает на себя.

МУЖ. Она не сделает этого.

МЯСНИЧИХА. За ней уже шестьдесят.

МУЖ. Шестьдесят. Это много. У меня нет столько.

ДЕВОЧКА. Может, она убирается в другом доме. Там ведь много домов.

МЯСНИЧИХА. Пусть пришлет тебе.

МУЖ. А я знаю, где она? Я ничего о ней не знаю.

МЯСНИЧИХА. Меня это не касается. Завтра — шестьдесят. Послезавтра — шестьдесят пять. Еще каждая Чумичка будет меня надувать.

МУЖ. У меня не будет столько и послезавтра. Дети, дом, то да се. Исключено.

МЯСНИЧИХА. А этой сколько?

МУЖ. Тринадцать.

ДЕВОЧКА. Тринадцать с половиной.

МЯСНИЧИХА. Отлично. Подожду еще неделю. Если у тебя не будет, отдам ее на два дня к Коклесам. Тогда будем в расчете. *(Уходит.)*

ДЕВОЧКА. А что я там буду делать?

МУЖ. Что бы ты там делала? То да се.

ДЕВОЧКА. Убираться? Как мама?

МУЖ. Да.

ДЕВОЧКА. Два дня?

МУЖ. Ну и что?! Хоть не будешь тухнуть дома.

ДЕВОЧКА. Ну и хорошо. Пойду.

Картина 21. ДЕТСКАЯ ИГРА III

У ДЕВОЧКИ на руках желтые резиновые перчатки, в старом дырявом ведре — груда пластиковых упаковок из-под шампуня, гелей для душа, мыла, грязные тряпки, которые раньше были

одеждой.

ДЕВОЧКА. Я уберу здесь. Я как мама.

МАЛЬЧИК. Закрой рот.

ДЕВОЧКА делает вид, что моет пол.

ДЕВОЧКА. Противная недоношенная свинья. Повсюду дерьмо, кто все это будет убирать. Насрала я на это. Свинья невоспитанная.

МАЛЬЧИК. Я уже сказал тебе: закрой рот. Или трахну тебя, вот увидишь!

ДЕВОЧКА. Ну, так трахни. Трахни.

МАЛЬЧИК трахает девочку на полу. Все это время он приговаривает: «Сука недобитая». ДЕВОЧКА бессмысленно вздыхает и одновременно делает вид, что моет пол. МАЛЬЧИК застегивает штаны.

Эта уборка меня доконает. Клянусь.

МАЛЬЧИК. Принеси пиво, не то я сдохну.

ДЕВОЧКА. У меня болит.

МАЛЬЧИК. Не скули!

ДЕВОЧКА. Когда мама вернется, я ей все расскажу.

МАЛЬЧИК. Ничего ты ей не расскажешь. Она уже не вернется. Она останется там.

ДЕВОЧКА. Она привезет сладкое.

МАЛЬЧИК. Теперь уже я позабочусь о тебе.

ДЕВОЧКА. Она привезет сладкое.

МАЛЬЧИК. Фигу!

ДЕВОЧКА. Мама приедет и сварит теплый суп.

МАЛЬЧИК. Фигу!

ДЕВОЧКА. Она — обычная шлюха. Я о тебе позабочусь.

Картина 22. АДАМ

АДАМ в ослепительно-белом костюме.

АДАМ. Ты спишь?

МУЖ. Нет.

АДАМ. Уже послеобеденное время, а ты спишь.

МУЖ. Ты кто такой? Ты заблудился? Ступай домой!

АДАМ. Где твоя жена?

МУЖ. На работе.

АДАМ. А когда она вернется?

МУЖ. Вечером.

АДАМ. Хорошо. Я подожду ее здесь.

МУЖ. Но она может и не прийти.

АДАМ. Это как?

МУЖ. Плохие дороги, сверхурочная, то да се.

АДАМ. Понятно. А где дети?

МУЖ. В школе.

АДАМ. В воскресенье?

МУЖ. Откуда я знаю, где они болтаются? Где-то на улице.

АДАМ. Знаешь, какое сегодня число?

МУЖ. Кто ты, черт подери?

АДАМ. Двадцать шестое. У тебя перекусить нечего? Я проголодался.

МУЖ. В воскресенье я не готовлю.

АДАМ. Жалко. Ведь сегодня у меня день рождения.

МУЖ. Ну так желаю счастья. Можешь идти.

АДАМ. Ты воняешь. Что, обделался?

МУЖ. Ты, молокосос. Сейчас наподдаю тебе.

АДАМ. Ты бы это сделал?

МУЖ. Чего хочешь?

АДАМ. Я ищу людей, но пока что ни одного человека не нашел.

МУЖ. Воскресенье. Что удивляешься!

АДАМ. Я хочу помочь. Сейчас я ухожу, но я еще вернусь. Я помогу вам.

МУЖ. Ладно, ступай, а то наподдаю, будешь знать!

Картина 23. ВЗРОСЛЕНИЕ ДЕВОЧКИ

ДЕВОЧКА лежит на земле, съежившись в комочек. Она трет себе пах. МАЛЬЧИК приносит старый мешок с мусором и роется в нем. Позже откуда-то вываливается полуголый МУЖ с сигаретой

во рту.

МАЛЬЧИК. Чипсы! Кола! Консервированная кукуруза! Будешь жвачку? Или таблетки? Клубничная. Ты любишь такую. Идем к школе. Идем!

ДЕВОЧКА. Не пойду. Отстань!

МАЛЬЧИК. Чудачка. Что с тобой? Она уже не вернется. Понимаешь? Она останется там. Забудь про нее.

МУЖ. Где деньги?

МАЛЬЧИК. Какие деньги? Мама прислала?

МУЖ. Сегодня за ними придет соседка. Отстанет наконец.

ДЕВОЧКА. Пусть не приходит сюда! Иди отнеси ей.

МУЖ. Зачем, если она придет?

ДЕВОЧКА. Отец, прошу тебя. Пусть она больше сюда не приходит. Я не хочу. Если бы было можно, я бы лучше сдохла, но он мне не позволил. Он чуть не придушил меня своим жирным задом.

МАЛЬЧИК. Что с тобой, черт возьми?

МУЖ. Что! Побывала чуток у Коклеса… Ну и как?! Поиграла… То да се. Ничего. Заживет. Заживет, говорю.

Картина 24. ВОЗВРАЩЕНИЕ МАТЕРИ

ЖЕНА. Я дома! Ну, что там стоишь, подходи. Что там так стоит? Чокнутая, что ли? С матерью даже не поздороваешься? Чокнутая?

МАЛЬЧИК. Оставь ее.

ЖЕНА. Я возвращаюсь домой, и что?! Могла бы остаться там.

МУЖ. Долго тебя не было.

ЖЕНА. Долго. Кроликов покормил?

МУЖ. Ты не писала.

ЖЕНА. Не было времени.

МУЖ. Но ведь ты ничего не прислала.

ЖЕНА. Не получилось.

МАЛЬЧИК. Мы думали, что ты отдала концы.

ЖЕНА. Не отдала. Удивлен, придурок. Да? Ты ее трахнул?

МУЖ. Что?

ЖЕНА. Я спрашиваю, ты трахал ее, раз она такая ненормальная? Он трахал тебя?

МУЖ. Нет.

ЖЕНА. Ага. А может, надо было.

МАЛЬЧИК. Закрой рот, ты, Чумичка!

ЖЕНА. Ты стал языкастый. Знаешь, каких языкастых я укротила в городе? А иначе я бы там концы отдала и собака бы меня не нашла. Я при-

везла вам сладости. Ешьте.

МУЖ. А деньги?

ЖЕНА. Самая красивая кукла из Вены.

ДЕВОЧКА. Я думала, что ты приедешь и сваришь суп.

ЖЕНА. Суп? Я привожу ей самую дорогую куклу, а она хочет суп. Хочешь суп? Не проблема. Откроем пакет, и будет тебе такой суп — пальчики оближешь.

МАЛЬЧИК. А деньги?

ЖЕНА. Деньги, деньги, вы все только денег хотите!

МАЛЬЧИК. А другие шлюхи привезли.

ЖЕНА. Нет денег. Знаете, какая жизнь в городе? Черта с два вы знаете! Гниете здесь и плюете на все.

ДЕВОЧКА. А у нас был ангел.

МАЛЬЧИК. Не был.

ДЕВОЧКА. Был. Он разговаривал с отцом.

ЖЕНА. Ты набрался?

ДЕВОЧКА. Он сказал, что поможет. Что все будет хорошо.

МАЛЬЧИК. Дерьмо! Кое-кто пошел в задницу. Черта с два. Если он еще придет, я убью его.

ЖЕНА. Запомни: ангелы не существуют!

МАЛЬЧИК. Я убью его.

ЖЕНА. Ангелы не существуют, запомни!

МАЛЬЧИК. Я убью его!

ДЕВОЧКА. Ну хорошо.

Картина 25. ЗАБОЙ СВИНЬИ

МЯСНИЧИХА. Вернулась, Чумичка?

ЖЕНА. Чего надо?

МЯСНИЧИХА. Тебе там все мозги выбили? Хочу свои деньги.

ЖЕНА. У меня ничего нет. Денег нет!

МЯСНИЧИХА. У тебя помутнение в голове? Свое я всегда получу, Чумичка!

ЖЕНА. От меня ничего не получишь.

МЯСНИЧИХА. Что ж, нет так нет. Потом пожалеешь, что вернулась сюда.

ЖЕНА. Плевала я на тебя.

МЯСНИЧИХА. Можешь плевать, если я скормлю собакам твою башку.

ЖЕНА. Хорошо, курва. Я тебе кое-что дам.

МЯСНИЧИХА. Вот это другой разговор. Это мне нравится, Чумичка. Я знала, что мы договоримся. Что ты нечокнутая.

ЖЕНА. Подохни! *(Стреляет.)*

МЯСНИЧИХА падает на землю. Появляются ДЕВОЧКА, МАЛЬЧИК и МУЖ. Тишина.

Давай вскипятим воду, а ты иди за ножом. Заколем свинью.

Около тела МЯСНИЧИХИ движение. Только МУЖ ходит неприкаянно и медленно. В руке он держит вилку и ножик.

Картина 26. МЯСО

Включается телевизор. В нем — АДАМ. Его выступление — это набор лозунгов компании или рекламы.

АДАМ. Это губительный путь для всех нас / Мы все ответственны за моральное падение нравов / Мы можем это изменить? / Давайте дадим работу каждому, кто ее потерял или долго не имел / Мы должны сделать так, чтобы эти люди стали людьми / Мы должны ликвидировать нечеловеческие условия жизни / Превратим эти свалки в зеленые оазисы / Давайте сделаем это для наших детей и для следующих поколений, которые будут жить после нас / Их перевоспитание — единственный путь к успеху / Люди, не имеющие постоянной работы, долгое время не находящие применения своим силам, бездельники, лица без постоянного места жительства, бездомные и члены их семей с приобретенными негативными привычками / Все обитатели трущоб / Вы будете иметь

определенную символику / Без исключения / Вы будете носить ее на своей одежде / Отмечаться в соответствующем учреждении / Без сопротивления исполнять требования представителей силовых структур / Максимум один багаж / 25 килограммов на одного человека / Еды на три дня / Сокрытие истинного положения дел, утаивание или сопротивление влечет за собой уничтожение человека / Труд освобождает.

Картина 27. ВОЗВРАЩЕНИЕ АДАМА

Семья с собранными вещами и с символикой на одежде.

ЖЕНА. Куда мы пойдем?

АДАМ. В хорошее место.

МАЛЬЧИК. Мне и тут хорошо. Я никуда не пойду.

АДАМ. Вам не захочется возвращаться. Вот увидите.

МАЛЬЧИК. Если ты нас обведешь вокруг пальца, я убью тебя!

МУЖ. Кто ты?

ДЕВОЧКА. Ты — ангел?

АДАМ. Я сказал, что вернусь и помогу.

МУЖ. Ну так давай двадцать и ступай.

ЖЕНА. Ты пойдешь с нами?

АДАМ. Нет. У нас уже нет ничего общего. Пора идти.

ЖЕНА. Мы знаем тебя?

АДАМ. Нет.

ЖЕНА. Точно?

АДАМ. Точно — нет.

ЖЕНА, МУЖ, ДЕВОЧКА и МАЛЬЧИК исчезают во тьме.

Прощай.

Мама.

Картина 28. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ

АДАМ надевает респиратор, защитные очки, перчатки и садовым распрыскивателем дезинфицирует помещение. На заднем плане звучит военная походная музыка. Все помещение рушится, на его месте вырастает новый город.

Конец.

Перевод А. Машковой
Michal Ditte. Psota
© Michal Ditte / LITA, 2014

Лукаш Брутовски
О вони терпимости и о лоне

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ВЕРОНИКА.
ТЕРЕЗА.
КРИСТИНА.
ЕВА.

(КОЛЛАЖ)

На балу. Вальс. ТЕРЕЗА танцует с КРИСТИНОЙ, ЕВА с ВЕРОНИКОЙ. Музыка затихает. Темнота. Появляется ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА. Франтишек Франтишек
Франтишек *(Ищет Франтишека среди публики. Его там нет.)*

Франтишек
вы видели Франтишека
если это не неуместный вопрос
вы его не почувствовали

мы вместе
мы пара
вот уже два года

два месяца
две недели
как-то так *(Шепчет.)*
долго это уже не продлится

В другом месте появляется девушка за столиком. На столике листы бумаги и чернильница с красными чернилами. На девушке исторический (?) костюм, на голове шляпа, в руке перо. Она сосредоточенно пишет письмо. Это ВЕРОНИКА. Она исчезает в темноте.

ТЕРЕЗА. я понимаю
Франтишека легко не заметить
он заурядный
но если уж вы его заметите
вы всегда его скорее почувствуете
унюхаете
я с ним познакомилась в задымлённом кафе
я ничего не чувствовала

Появляется ВЕРОНИКА. Ломает голову над письмом. Чиркает по бумаге. Исчезает в темноте.

тем сильнее он меня удивил на нашем
первом
совместном
обеде

на нашем первом совместном обеде в некурящем ресторане я это

почувствовала

тогда уже мы были вместе два года

В другом месте появляется КРИСТИНА.

КРИСТИНА. два месяца
ТЕРЕЗА. две недели
КРИСТИНА. как-то так *(Исчезает.)*

ТЕРЕЗА. Франтишек страшно вонял

что я могла сделать
могла убежать
но это был совместный обед

суп
утка
десерт
вино

он вонял все сильнее

Опять появляется КРИСТИНА.

КРИСТИНА. Франтишек предприниматель
неустанно на ногах
непрестанно в дороге

непрерывно на телефоне
непредвиденно нужный
неотложно требуемый
непреклонно занятый
небезопасно незаменимый
ТЕРЕЗА. неправдоподобно смердел
КРИСТИНА. рабочая проблема
это физическая проблема
психосоматика
Франтишек идеальный пример
Франтишеков желудок
Франтишеков пищеварительный тракт
это витрина
его рабочих успехов
ТЕРЕЗА. предпринимательский желудок
вы не можете себе этого представить
КРИСТИНА (*торжественно*). предпринимательский метеоризм
ТЕРЕЗА. перманентно пердит

ТЕРЕЗА и КРИСТИНА исчезают в темноте. Появляется ВЕРОНИКА за столом. Ломает голову над письмом. Окунает перо в тушь, пишет. Задумывается. Смотрит перед собой. Произносит с французским акцентом.

ВЕРОНИКА. милое браво

Пауза.

милое браво *(Задумывается. Комкает письмо, отбрасывает его прочь. Вздыхает.)*

На переднем плане появляется КРИСТИНА.

КРИСТИНА. если это непреодолимый барьер
она должна была ему это сказать сразу
за супом
но нет
она ждала
до сегодняшнего дня *(Злобно.)*
уже за супом было поздно

Возле нее появляется ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА. он был часто в разъездах
тогда мне это не мешало
КРИСТИНА. безответственно
лицемерно
бессердечно
злоупотреблять расположением мужчины который дурно пахнет
ТЕРЕЗА. не так это просто
представь себе мою ситуацию
КРИСТИНА. она водит его за нос
ТЕРЕЗА. он водил за нос меня
КРИСТИНА. но ты выдержала

ТЕРЕЗА. я выдержала
до сегодняшнего дня
КРИСТИНА. это должно быть именно сегодня
это должно быть именно
на балу *(Включается свет.)*

Вальс. КРИСТИНА и ТЕРЕЗА танцуют вместе. В глубине сцены мы первый раз видим ЕВУ, которая тащит за собой огромный вибратор. Потеет. За столиком ВЕРОНИКА. Музыка звучит и во время следующего действия. Веронике приходится ее перекрикивать.

ВЕРОНИКА. милое браво
у меня интимный вопрос
я обращаюсь к тебе с доверием
связываю с тобой все надежды

Музыка играет все громче. КРИСТИНА и ТЕРЕЗА не перестают танцевать, ВЕРОНИКА кричит.

милое браво
у меня интимный вопрос
я обращаюсь к тебе с доверием
связываю с тобой все надежды *(Ревет.)*
милое браво

Музыка останавливается. Аплодисменты, прерываемые выкриками «браво». ВЕРОНИКА пугается, разливает красные чернила.

КРИСТИНА и ТЕРЕЗА перестают танцевать. Каждая снимает по одной туфле, выливает из них много крови. Ева в это время подтягивает огромный вибратор к краю сцены. Она опирается на него, обессиленная, уставшая. Все исчезает. Мы видим лишь ее. Она тяжело дышит.

ЕВА. вы его видите это Рихард
сидит за столом и улыбается
он дает мне понять
что я могу танцевать с кем хочу
что я могу чувствовать себя свободно
что я не должна чувствовать себя виноватой
за то что взяла его на бал

Ей не хватает дыхания, ей приходится перевести дух. Через минуту.

Рихард
идиот
фальшивый либерал
купил мне вибратор *(Начинает смеяться.)*
Рихард мне купил вибратор
Рихард мне купил либеральный вибратор
чтобы мне показать
что осознаёт мои потребности
мои потребности как женщины сказал

Когда он мне его подавал

он как бы говорил
вот это твои потребности
я толерантен к твоим потребностям
пожалуйста
вибратор
современные отношения
открытое сознание
запас батареек
пожалуйста

В другом месте появляются ТЕРЕЗА и КРИСТИНА в танцевальной позе. Тихо.

КРИСТИНА. ага
Франтишек
грустный взгляд
никто рядом с ним не хочет сидеть
никто с ним не хочет говорить
все его сторонятся
ТЕРЕЗА. бедняга
напихивается ромовыми пирожными
и ничего не понимает
КРИСТИНА. может так оно и лучше
ТЕРЕЗА. на меня начинают пялиться
знают что я пришла с Франтишеком
знают что я пришла с воняющим предпринимателем

их взгляды
говорят
это твоя проблема *(Громко.)*
это твоя проблема, что он воняет
ЕВА. видите его
либерала
он доволен

я доволен
я хочу, чтобы ты была довольна
и ты будешь довольна
должна быть довольна
какие твои потребности

сидит там и улыбается мне
навязывает мне свою толерантность
щерит на меня толерантные белые зубы

не надо было брать его на бал
теперь демонстрирует свою независимость
мою независимость
выставляет наши независимые отношения

что бы про это сказала мама
если бы видела меня с этим парнем

разговаривает с какой-то женщиной
что он ей говорит
рассказывает ей о свободе

о старомодном и современном понимании отношений

и кивает при этом головой в мою сторону я наглядный пример Рихардовой современности *(Машет Рихарду.)*

идиот

В другом месте появляется ВЕРОНИКА. Она стоит на коленях возле столика в луже красных чернил и молится.

ВЕРОНИКА. милое браво
у меня интимный вопрос

я обращаюсь к тебе с доверием
связываю с тобой все надежды

это было тому два года
два месяца
две недели
как-то так

я собиралась на бал
была в своей комнате
мерила платье

я была в одной нижней рубашке
когда он вошел

Опять видим ТЕРЕЗУ и КРИСТИНУ, все еще в танцевальной позе.

ТЕРЕЗА. посмотри на него
не можешь мне с этим помочь

просто мягко ему намекнуть намекнуть
ему что с ним
проблема

я бы с этим полностью
покончила

КРИСТИНА. об этом даже не думай

ТЕРЕЗА и КРИСТИНА исчезают в темноте. Появляется ЕВА.

ЕВА. он думал что он меня возбудит
что купил мне вибратор

он хочет чтобы я почувствовала что я свободна
что он толерантен к моим желаниям
но меня именно это и не колышет
что он толерантен

вибратор
мама должна была в гробу перевернуться
принципиальная и сдержанная женщина
была доброй прихожанкой
не брила ноги
воспитывала меня как должно
если бы она это видела

вибратор — это вершина айсберга
я не буду его использовать
уже только из принципа

эта тетка смеется
что он ей говорит
рассказывает ей о вибраторе
и при этом кивает головой в мою сторону

прости меня
мамочка *(Машет Рихарду.)*
идиот

В другом месте появляется ВЕРОНИКА. Она все время молится.

ВЕРОНИКА. Он решительно сжал ручку
открыл двери
остался стоять на пороге с расставленными ногами
удивленный что я в своей комнате
почесал предплечье
откашлялся
он видел что я в нижней рубашке
но не уходил
не уходил

остался там стоять

Видим опять ТЕРЕЗУ и КРИСТИНУ.

КРИСТИНА. даже и не думай
посылать ко мне Франтишека
ТЕРЕЗА. прошу тебя
КРИСТИНА. нет
я не буду его обижать

будь раз в жизни самостоятельна

Кристина отпускает ТЕРЕЗУ Обе исчезают в темноте, появляется ЕВА.

ЕВА. эта тетка смеется
хихикает
хохотушка
гогочет
ржет как кобыла
у них одинаково белые зубы
почему она смеется
что он ей говорит
что он ей говорит

В другом месте появляется ВЕРОНИКА. Она все еще молится.

ВЕРОНИКА. он остался там стоять
глядел на меня
я в нижней рубашке
он в грязных сапогах

милое браво

у меня не было сил крикнуть
я попятилась к столу
и сбросила *(Кричит.)*
пудреницу

КРИСТИНА и ТЕРЕЗА. ТЕРЕЗА испуганно глядит в сторону ФРАНТИШЕКА.

ТЕРЕЗА. встает
он встал
ты думаешь что он нас заметил

КРИСТИНА машет ФРАНТИШЕКУ.

ТЕРЕЗА. что ты делаешь
КРИСТИНА. он нас заметил
ТЕРЕЗА. что ты такое делаешь

КРИСТИНА продолжает махать.

ТЕРЕЗА. он идет сюда
он измазан малиновым кремом

КРИСТИНА *(весело),* ты ему это скажешь
ты ему это скажешь
ты ему это скажешь
ТЕРЕЗА. он измазан малиновым кремом

Обе исчезают в темноте. Появляется ЕВА.

ЕВА. наклоняется к ней
теперь он понюхал ее волосы
совершенно свободно понюхал ее волосы

В другом месте появляется ВЕРОНИКА.

ВЕРОНИКА. он подошел ко мне
поднял пудреницу
подал мне ее

улыбнулся

ТЕРЕЗА. он идет сюда
все пятятся
перестают танцевать
следят за ним
я не смогу
боже *(Кристине.)*
ты свинья

КРИСТИНА улыбается, не перестает махать ФРАНТИШЕКУ ТЕРЕЗА и КРИСТИНА больше не исчезают. Появляется ЕВА.

ЕВА. она перестала смеяться
теперь она уже только улыбается
соблазнительно
соблазнительно
он что-то вытягивает из портфеля
потихоньку

вибратор

ЕВА больше не исчезает. Появляется ВЕРОНИКА.

ВЕРОНИКА. я оцепенела
сжала пудреницу в руке
он попятился

извините мадам
я хотел только спросить

ТЕРЕЗА нервно кивает ФРАНТИШЕКУ.

ТЕРЕЗА. он идет сюда
он позовет меня танцевать
я уйду

КРИСТИНА *(хватает ее за запястье),* никуда ты не пойдешь дорогая
ЕВА. он дает ей вибратор
он только что подарил ей вибратор

и еще при этом мне машет
ублюдок

я убью его *(Берет огромный вибратор, со всей силы поднимает его над головой, идет через всю сцену.)*

ВЕРОНИКА. я хотел только спросить

что бы вы пожелали
на ужин

КРИСТИНА *(хватает Терезу за горло),* ты ему сейчас же это скажешь

ты воняешь
говори
ну давай

ТЕРЕЗА освобождается от КРИСТИНИНОЙ хватки, медленно пятится.

ТЕРЕЗА. ты воняешь *(Кричит.)*
ты воняешь Франтишек *(Сталкивается спиной с Евой.)*

Вибратор падает, ТЕРЕЗА спотыкается об него и остается лежать за вибратором, ЕВА тоже падает на пол.

ТЕРЕЗА. вибратор
ЕВА *(из последних сил),* я убью его

уже нет сил
мамочка
у меня уже нет сил *(Остается лежать на полу.)*

ВЕРОНИКА. он еще раз улыбнулся

я вижу что пришел не вовремя
я в другой раз приду
сказал он

и закрыл за собой дверь
милое браво

КРИСТИНА *(смотрит на Терезу),* не нужно было кричать
все тебя слышали

смотри
Франтишек остался стоять
он плачет
он услышал тебя

люди его обступили
ЕВА. он уходит с ней
он оставил меня лежать на полу
полумертвую

Опять начинает играть вальс. КРИСТИНА хватает ТЕРЕЗУ, тянет ее танцевать.

КРИСТИНА. белый танец

ФРАНТИШЕК все стоит посреди зала.

ВЕРОНИКА. когда я опомнилась
я хотела его отругать

я хотела подождать
когда он придет в следующий раз

Музыка играет все громче. Приходится ее перекрикивать.

ЕВА. наконец-то я свободна
мамочка слышишь
свободна
ВЕРОНИКА. но он уже не приходил
милое браво

Музыка играет все громче. Все кричат.

ВЕРОНИКА. а вот мне отозвалось желание
желание мужского тела
грешное желание

КРИСТИНА. Франтишек берет пальто

подожди
подожди меня

КРИСТИНА отпускает ТЕРЕЗУ. Она бросает ее на пол.

ВЕРОНИКА. мое лоно горит
мое лоно горит

Музыка вдруг перестает играть. Слышны аплодисменты, прерываемые криками «браво!». Тишина. Темнота. Через минуту. В узкой полосе света появляется КРИСТИНА. Ищет

среди публики ФРАНТИШЕКА.

ТЕРЕЗА. Франтишек

не убегай
не уходи прочь

я люблю тебя
я люблю твой
запах *(Грустно.)*
мужской
полный
упоительный
возбуждающий
запах
рабочий ответственный запах

Франтишек

я твоя жена

я принесла тебе ромовый пирог *(В руке держит ромовый пирог.)*

Конец.

Перевод Е. Минчёнок

Lukáš Brutovský. O smrade tolerancii a o lone (koláž)
© Lukáš Brutovský, 2014

Михаэла Закутянска
Сортирологии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГОША.
МАША.
БАШКА.
ДАША.

*** * ***

На сцене сидят четыре женщины. Они находятся в соседних кабинках туалета или сидят просто так. Каждая сжимает в руках свой рулон туалетной бумаги.

ГОША. Я стюардесса. Свою работу я люблю. Я работаю на большую компанию. У нас красивая униформа и социальные гарантии. Если я умру в авиакатастрофе, моя семья получит очень много денег. Это такая сумма, что я ее даже боюсь произнести. Очень много денег. Если бы я работала секретаршей и умерла в офисной катастрофе, никто бы мне ничего не заплатил. К тому же у меня работа возбуждающая. Я летаю несколько

раз в день. А потом нас селят в отеле, и мне остается пара часов на то, чтобы я осмотрела город. Лондон, Париж, Рейкьявик. Иногда бывает хуже — Слиач или Братислава.

МАША. Какашка! Такая маленькая какашка. Поднимаю крышку унитаза, а она там. Я быстро спустила, лишь бы мне ее не видеть. Разве так можно?

БАШКА. Мне двенадцать лет, и я жду свою первую менструацию. Я знаю, что в тот день, когда это произойдет, я стану женщиной. Я немного этого боюсь, но было бы намного хуже, если бы я в классе была последняя, с кем это случилось. У двух одноклассниц это уже есть, и они выглядят очень важно. Я думаю, что это девушку изрядно меняет. Мне бы не нужно было заниматься на физре.

ДАША. Я стою на сцене. Мы играем Ромео и Джульетту. Большая сцена. — Ромео, Ромео, почему ты всего лишь Ромео? Я не в состоянии договорить, с меня градом течет пот. Мои слова выходят из чрева. Я очень хочу в туалет. Я уже два дня не ходила. Иногда у меня такая проблема — я и по два дня не могу сходить.

ГОША. Мы летим, летим, а я сервирую напитки. Это был рейс до Парижа. Такие изысканные

французские предприниматели заказали вино. Я с ними была очень милой, а что, если один из них, этот с усиками, станет когда-нибудь моим мужем? Мужчинам нравятся стюардессы. Они иногда назначают мне свидания. А я им рассказываю о всяких этих турбулентностях и вынужденных посадках. Больше всего я люблю говорить о черном дне нашей авиакомпании, когда у нас сломалась микроволновка и всю дорогу до Касабланки нам пришлось пережить без теплых багетов. На рейсе до Парижа я подавала изысканным французам красное вино, как вдруг — пук. Французы посмотрели друг на друга. Это была я.

МАША. Я смыла какашку, которая была в унитазе. Я подняла крышку, чтобы посмотреть, там ли она еще, и чтобы я могла сделать свое дело свободно в полный чистой водопроводной воды унитаз. Какашка все еще была там. Это была так называемая аэрокакашка. Свою попытку я повторила еще раз, но мне пришлось подождать, пока бак наполнится водой. В это время я думала о том, как этот человек питается. Я повторяла закон Архимеда. На тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, величина которой равняется весу жидкости с тем же объемом, что и

объем погруженной части тела.

БАШКА. Я иногда тренируюсь в использовании прокладок. Я их ношу, чтобы знать, как это будет. Когда первый раз я использовала прокладку, я налепила ее обратной стороной. Мне это показалось странным, но откуда я могла знать, что прокладки приклеиваются на трусики? В тот день мне было очень трудно ходить. Через два часа я сдалась. Одноклассницы, которые видели, как я выбрасываю прокладку в корзину, которая, естественно, всегда на самом видном месте, подумали, что у меня уже началось. Когда мы играли в фанты, они спросили меня об этом перед всеми парнями. И мне пришлось сказать им правду, потому что иначе я должна была бы разрешить самому некрасивому однокласснику меня поцеловать. Все меня после этого звали Олвейз.

ДАША. Я еще никогда так убедительно не произносила слова «Отринь отца, отвергни имя»! У дамы в первом ряду выступили слезы. До конца представления оставался час. Между выходами я не могла сходить в туалет. Режиссер оставил нас на целых два часа на сцене. Кишки сильно распирало. Я чувствовала, что мой толстый кишечник стал ужасно толстым.

ГОША. Такое со мной случилось первый раз.

Никогда прежде у меня не было таких проблем перед клиентами нашей авиакомпании. Я вся покраснела и сказала им, чтобы они как следует пристегнулись, что в кабине изменилось давление. В подобных случаях в самолетах вот так пукает.

МАША. В отчаянии я сидела на крышке унитаза. Я три раза спускала воду, но это не помогало. Этот человек, должно быть, ел воздушную кукурузу или что-то в этом роде. Но я не могла выйти из туалета. Было время обеда в ресторане, везде полно народу. Там были почти все мои коллеги. Люди бы подумали, что это моя какашка. Я сказала себе, что мне придется вытащить ее и выбросить в корзину, потому что иначе это, похоже, никогда не кончится.

БАШКА. Больше всего я боюсь, что не смогу понять, когда это начнется. Или что я пойму это слишком поздно. Не знаю, но ведь нельзя предугадать, что через два дня это случится. Я бы организовала такую услугу в Интернете, что за два дня до того, как у вас это первый раз случится, вам пришлют емейл. Или это могло бы быть в фейсбуке. Но только так, чтобы это никто не видел. И на фейсбуке лучше не надо, хотя вот был бы прикол, если бы эти самые большие дуры из

нашего класса вывесили это на стену.

ДАША. Один раз мы играли четырехчасовое представление. Великий русский роман. Я играла Наталью Ивановну. Опять весь вечер на сцене. Только я вышла, как мне захотелось писать, но я выдержала четыре часа. Четыре часа. Я не могла даже подумать о жидкости, а сценарист придумал сцену на воде. Мы все время переливали воду из одного ведра в другое. Мокрыми ногами я стояла в тазу. За нами стекал водопад, а я должна была все это время пить театральную водку. Но я выдержала. Я если смогу взять себя в руки, то выдержу. А на следующий день вышли одни положительные рецензии. Главная героиня играла блестяще. Выглядело так, будто она сдерживала мочу, и поэтому ей удалось передать огромное напряжение в отношениях с отцом. За эту роль я получила высшую театральную награду. Она у меня в туалете. У меня для нее сделан туалет на заказ.

ГОША. Французы пристегнулись. По лицу у меня стекали капельки пота, и мой мейкап был изрядно подпорчен. Я прошла в кухоньку и бросила пиццу в микроволновку. На минутку я присела. Меня очень мучило то, что произошло там, снаружи. Это было непрофессионально. Я

чувствовала, что не оправдала доверия. В такой прекрасной профессии, как моя, подобные вещи случаться не должны. Возможно, мне придется писать отчет. Мои кишки вели себя непредсказуемо. Но ведь я ничего не ела. Я слышала, что на определенной высоте над уровнем моря с людьми могут случаться такие проблемы, но практическое проявление этого научного предположения подействовало на меня шокирующе. Я чувствовала, что вот сейчас это опять случится.

МАША. Я сказала себе: мне придется засучить рукава и выбросить ее в корзину, потому что иначе это никогда не закончится.

БАШКА. Я очень жду, когда это случится и я стану женщиной. После этого я буду уже такая взрослая. Я даже купила себе календарь менструаций. Для верности три штуки, на случай если я какой-нибудь из них потеряю. Главное — я боюсь, что не буду знать, как часто нужно менять прокладки. Одна прокладка носится один час или два часа?

ДАША. До конца представления оставалось пятьдесят восемь минут. У меня было такое ощущение, что я уже действительно не выдержу. Если бы я ушла со сцены, режиссер бы совершил самоубийство. Он был слишком чувствителен к

своему произведению. Я говорю себе — вспомни, чему тебя учили в школе. Малый круг внимания. Я настроилась на Ромео. Только Ромео выгнали из Вероны, и он очутился на совершенно противоположном конце сцены. Я не могла его даже разглядеть. Я немного от этого растерялась. Я говорю себе: я? Режиссер? Я? Режиссер? Я? Режиссер?

ГОША. Я быстро вышла в туалет. И там я как следует напукалась. Превентивно, чтобы этого не случилось при остальных клиентах. Когда я выходила из туалета, там стоял один из французов с широкой улыбкой на лице, он хотел войти внутрь. Этого я ему, разумеется, позволить не могла, потому что там после меня остался неприятный запах. Я сказала ему, чтобы он прошел на место и сел, потому что сейчас нельзя пользоваться туалетом — мы летим над Брюсселем.

МАША. Я засучила рукава. В сумке у меня был полиэтиленовый пакетик от второго завтрака, который я взяла с собой на работу. Я натянула его на правую руку Другой я заткнула нос и проделала это. Еще раз спустила воду. У меня зазвонил мобильник. Парень, с которым я была на обеде и которому я нравлюсь, меня ждал. Он прислал мне эсэмэску, что больше не может ждать и что

женщина, которая пудрит нос двадцать минут, похоже, наркоманка.

БАШКА. Мне тринадцать лет и девять месяцев. Я ненавижу менструацию. Она у меня каждый месяц. И еще будет ближайшие сорок лет. Моя первая менструация пришла в автобусе, когда я ехала в лагерь в Хорватию. Естественно, все прокладки у меня были в багажнике автобуса, а шоферу я об этом сказать не могла, потому что он мужчина. К счастью, у одноклассницы была прокладка, потому что она уже тоже была женщиной. Но шофер нам запретил использовать туалет в автобусе, потому что ему потом нужно было бы убирать. Одноклассница два раза ходила спрашивать, но он сказал, что мы остановимся в Венгрии на заправку. Мы остановились. Через пять часов.

ДАША. Еще сорок три минуты. Я подумала об актерской технике Михаила Чехова и сосредоточилась на сжимающихся мышцах зада. Я никогда раньше не ждала так яда отца Лоренцо и того, что я наконец лягу.

ГОША. Не знаю, как мне это удалось, но француз кивнул и сказал, что понимает, что не следует сливать на голову Европарламенту. Он спросил меня, последний ли это мой полет на сегодня и

останусь ли я в Париже на ночь. Дескать, он пригласил бы меня на ужин, он, мол, владеет таким маленьким незаметным ресторанчиком на вершине Эйфелевой башни. На вершине Эйфелевой башни? Вот удача, сказала я, именно туда я и хотела сходить сегодня вечером, и опять пукнула. Не знаю, что это был за день, но наша авиакомпания сменила поставщика бутилированной воды.

МАША. Так что я осталась без свидания, но передо мной наконец был туалет, утробы которого мне не нужно было бояться. Я сделала свои дела. Я слила воду, но мои экскременты не уплыли вниз по трубе. У них явно проблемы с канализацией, подумала я, другого пакетика у меня уже не было. Ведь это твоя какашка, это лучше, чем устроить скандал в ресторане. Я сделала то, что должна была.

БАШКА. Я опоясалась свитером, штаны у меня были все грязные. Ужасно стремно. К счастью, мальчики этого не заметили. Хуже было в Хорватии. Я не могла купаться, а я хотела понравиться Феру из параллельного класса, но он обо мне подумал, что я странная, что не купаюсь. А потом эта дура Зуза, которая у меня его увела, сказала ему, что я не купаюсь, потому что у меня монстры, и парни начали надо мной смеяться и прилеплять

мне прокладки на дверь.

ДАША. За десять минут до конца я взорвалась. В прямом смысле слова. У меня лопнула кишка. Мое белое платье было залито кровью и разноцветными каплями. Зрители думали, что это театральный трюк и что он — часть Джульеттиной смерти. Я корчилась от боли. Я кричала. Потом я упала на пол. Многие зрители встали и начали кричать: «Браво!» На поклоны я с пола не поднялась. Между тем кто-то вызвал «скорую». Режиссер получил награду за лучшую режиссуру.

МАША. Есть мне в тот день очень не хотелось. Руку я мыла как минимум триста раз. Все равно я это чувствовала. В тот ресторан я уже не хожу. Это был какой-то в прямом смысле какашкин день.

БАШКА. Мне тринадцать лет, я — женщина, передо мной вся жизнь, с мальчиками я больше стараюсь не разговаривать, потому что уже могу забеременеть. Прощай, детство! Прощай!

ДАША. Кишку мне зашили. С тех пор я играю только в одноактных пьесах.

ГОША. Француз был хоть и блондин, но не дурак. Он понял, что это была я. Свидание в маленьком незаметном ресторанчике на вершине Эйфелевой башни он отменил. Он сказал, что вспомнил, что у его мамы день рождения и что он

обещал ей провести сегодняшний вечер вместе. Карьеру стюардессы мне пришлось закончить. Француз на меня написал жалобу. После этого случая я в Интернете нашла группу женщин с подобной проблемой. Они называют себя ЖКОППМ, женщины, которые однажды пукнули при мужчине. У нас бывают общие занятия, на которых мы об этом говорим. Занятия всегда начинаются словами: «Здесь можно плакать и пукать. Женщины! Здесь можно плакать и пукать!»

После того как все сливают воду, остальные женщины присоединяются с криками «Здесь можно плакать и пукать!».

Конец.

Перевод Е. Минчёнок
Michaela Zakut'anská. Wécélógy
© Michaela Zakut'anská / LITA, 2014